

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (57)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК
2017

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
проф. *Д. Бошкович* (Крагуевац), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2017
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2017
 - © Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (57)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2017

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),
Prof. *Dragan Bošković* (Kragujevac), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Alexander Stroeov* (Paris),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

Древняя Греция и Рим

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 5–26
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 5–26
© Автор(ы) 2017

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ II. У ИСТОКОВ ФЕНОМЕНА

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва,
isurikov@mail.ru

Аннотация. В статье указывается, что практика присвоения личностям прозвищ имеет в античной Греции весьма древнюю традицию и восходит, судя по всему, уже к II тыс. до н.э., когда складывалась эллинская мифология. У целого ряда древнегреческих мифологических героев мы обнаруживаем прозвища (среди таковых – Геракл-Алкид, Приам-Подарк, Астианакт-Скамандрий, Александр-Парис, Кассандра-Александра). Помимо прозвищ постоянных наблюдаются и ситуативные (Одиссей-Никто в пещере циклопа). Прозвищем героя могло служить и его «отчество», патронимик.

Далее рассматриваются прозвища деятелей культуры в Греции. Отмечается, что уже имя Гомер воспринималось многими античными авторами как прозвище. Некоторые современные исследователи (например, Г. Надь) считают, что имя Гесиод – прозвище. Имена Стесихор, Платон – безусловные прозвища. Кстати, среди философов практика снабжения коллег прозвищами была особенно распространена.

Ключевые слова: Греция, архаическая и классическая эпохи, прозвища, имена, ономастика, мифология, герои, деятели культуры, философы

Данная статья является прямым продолжением предыдущей¹, подготовленной в рамках того же коллективного проекта. Если в этой последней, как видно уже из ее подзаголовка, были приведены предварительные соображения макси-

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ/РГНФ (грант 16-01-00297).

¹ Суриков 2017.

мально общего характера, то теперь мы, основываясь на этих соображениях как на методологической базе, можем уже перейти к рассмотрению конкретных сюжетов, связанных с отразившимися в источниках прозвищами знаменитых греков доэллинистического времени. Хотелось бы проанализировать данный круг вопросов максимально скрупулезно, начиная с зарождения феномена, о котором идет речь; поэтому непосредственно к политикам и государственным деятелям мы обратимся отнюдь не сразу.

Легче приходится тем исследователям, которые занимаются соответствующей проблематикой на материале греческого мира периода эллинизма. Им нет необходимости доискиваться до самых «истоков», поскольку оные лежат вне хронологических рамок их интересов. Ясно же, что эллинистическая цивилизация в целом выросла из классической греческой² и унаследовала очень многие доставшиеся от нее категории (хотя, естественно, изменила, исказила эти категории, как только возможно). Из чего выросла, в свою очередь, греческая полисная цивилизация, но об этом здесь разговор неуместен³; в реалии II тыс. до н.э. мы здесь углубляться никак не намерены. Хотя, с другой стороны, надлежит помнить, что мифология эллинов в основных чертах сложилась уже в микенское время⁴, а мы начнем именно с мифологических сюжетов.

Прозвища героев в древнегреческой мифологии. Тот факт, что индивид мог иметь наряду с официальным именем, также и неофициальное идентифицирующее имя (а это, собственно, и может служить определением прозвища), роднит древнегреческую цивилизацию с многими другими (но, кстати, не с римской, в рамках которой прозвище (когномен) быстро становилось элементом официальной номенклатуры). Осознание возможности дать той или иной личности иное, новое имя, наряду с тем, которым наградили его родители (и порой даже со временем вытесняющее это последнее), наблюдается у греков уже на мифологическом уровне. А ведь следует специально подчеркнуть, сами они отнюдь не отделяли свою мифологию от своей истории. Как справедливо заметил П. Видаль-Накэ, у эллинов легендарная традиция «воспринималась и трактовалась как историческая»⁵. В отечественном же антиковедении особенно подчеркивал единство эллинской мифолого-исторической традиции А.А. Молчанов, причем преимущественно именно на материале генеалогических источников⁶, которые, естественно, имплицитно включают в себя данные ономастики.

Итак, переходим к конкретике. Уже в дошкольном возрасте каждый из нас узнает, что величайшим и самым почитаемым из героев древнегреческой мифоло-

² Мы настаиваем на этом в: Суриков 2015а, 19–67, 319–356.

³ Укажем разве что работы, которые на сегодняшний день представляются по этой теме наиболее важными: Thomas, Conant 1999; Dickinson 2007; Hall 2014. Крайне слабы, заведомо вторичны выкладки в таких отечественных работах по данной проблематике, как: Фролов 1988; Яйленко 1990; Блаватская 2003. Более современные позиции встречаем в посмертно изданной книге: Андреев 2002 (впрочем, к работам Ю.В. Андреева есть иные претензии – он чрезмерно уж увлекался вновь ставшим модным на Западе гиперкритицизмом, понимая или не понимая, что тем самым втягивается в воронку деструктивной постмодернистской парадигмы).

⁴ Этот тезис всесторонне обосновал М. Нильссон (Nilsson 1932; 1950; см. также его итоговый труд: Nilsson 1955), и это было сделано им настолько убедительно, что с тех пор никто даже не пытался оспорить его основные тезисы.

⁵ Видаль-Накэ 2001, 228. Ср.: Starr 1962, 68.

⁶ Молчанов 2000, 80–115, 184–209. См. к вопросу также: Гиндин, Цымбурский 1996.

гии был Геракл⁷ (и, кстати, только он из героев был причтен к сонму богов⁸). Но людям более начитанным известно, что Геракл, собственно, не имя, а прозвище, от рождения же Геракл был назван Алкидом. Приведем наиболее известный исторниковый пассаж по данному сюжету:

«После сражения с минийцами случилось так, что Геракл был ввергнут ревнивой Герой в безумие и кинул в огонь собственных детей, которых ему родила Мегара <...> Осудив себя за это на изгнание, он был очищен от скверны Феспием. После этого он прибыл в Дельфы и стал спрашивать у бога, где ему поселиться. Пифия впервые тогда назвала (προσηγόρευσε) Геракла его именем (прежде он назывался (προσηγορεύετο) Алкидом) и повелела ему поселиться в Тиринфе...» (Apollod. Bibl. II. 4. 12).

Здесь имеются определенные «нестыковки» с данными более ранних источников. Так, фабула трагедии Еврипида «Геракл»⁹ основана как раз на том, что пришедший в безумие герой умерщвляет своих детей от Мегары, а заодно и саму Мегару. При этом на всем протяжении драмы он именуется именно Гераклом, а не Алкидом.

Как бы то ни было, отметим, что «Геракл» считалось именно прозвищем. Причем это не какая-то поздняя традиция; нам она представляется восходящей, как минимум, к классической эпохе. Не будет, пожалуй, лишним процитировать еще одно свидетельство (Schol. Pind. Isthm. IV. 104, к словам: «Это для него у Электриных ворот¹⁰ / Мы его одноземцы, / Правим мир, / Свежие вьем венки для алтарей / И в огонь громоздим / Жертвы павшим восьмерым, закованным в медь, / Сынам от Мегары, дочери Креонта»): О детях Геракла от Мегары, по словам Лисимаха¹¹, некоторые рассказывают, что они были коварно умерщвлены не Гераклом, а некими чужеземцами; другие же говорят, что их убил царь Лик¹², а Сократ¹³ утверждает, что они были коварно умерщвлены Авгием¹⁴. Расходятся и относительно их числа. Дионисий¹⁵ в первой книге «Киклов» называет Феримаха и Деикоонта; Еврипид¹⁶ прибавляет к ним еще Аристодема; Диний¹⁷-аргивянин¹⁸ перечисляет Феримаха, Креонтиада, Деикоонта и Деиона. Ферекид¹⁹ же во второй книге – Антимаха, Климена, Глена, Феримаха и Креонтиада; он говорит, что они

⁷ О нем и его культе см. хотя бы: Boardman 1975; Haubold 2005; Papadopoulou 2005; Padgett 2014; Salowey 2015. О позднейшей рецепции этого образа см.: Connolly 2003; Riley 2004; Roymans 2009; Goff 2016.

⁸ Stafford 2010.

⁹ О которой см.: Gregory 1977; Papadopoulou 2005; Wyles 2013.

¹⁰ Находились в Фивах. Как известно, Геракл, согласно преданию, родился именно в этом городе, хотя и принадлежал к микенско-аргосской царской династии.

¹¹ Лисимах – историк эпохи раннего эллинизма.

¹² Фиванский аристократ, захвативший власть в городе в отсутствие Геракла и за это убитый последним.

¹³ Видимо, Сократ Аргосский или Сократ Родосский (оба этих малоизвестных историка писали в I в. до н.э.).

¹⁴ Авгий, известный царь Элиды, появляется в этом сюжете явно ошибочно.

¹⁵ Дионисий Самосский, эллинистический автор.

¹⁶ Речь идет о его трагедии «Геракл».

¹⁷ Исправление издателей вместо неверного «Эней» рукописи.

¹⁸ Автор III в. до н.э.

¹⁹ Крупный афинский историк первой половины VI в. до н.э.

были брошены отцом в огонь. А Батон²⁰ во 2-й книге «Аттических историй» перечисляет Полидора, Аникета, Мекистофона, Патрокла, Токсоклита, Менебронта и Херсибия. Геродор же утверждает, что Геракл даже дважды впадал в безумие. А очищен он был Сикалом²¹, как заявляет Менекрат²², говоря, что сыновей у него было восемь, причем назывались (καλεῖσθαι) они не Гераклидами – ибо сам он еще не звался (ὠνομάζετο) Гераклом, – а *Алкеидами* (курсив наш – И.С.). «Алкеиды» – это, разумеется, от «Алкид».

Наименование «Геракл» уже со времен античности обычно понимают как «прославленный Гёрой». И выстраивают вокруг этого красивые легенды: дескать, Гера, супруга Зевса, заведомо испытывала неприязнь к ребенку, рожденному ее мужем от иной женщины, а когда ее хитростью заставили дать новорожденному пасынку грудь²³, вконец возненавидела его. Именно по ее злокозненности Геракл попал на службу к своему двоюродному брату Еврисфею, вынужден был, по приказаниям последнего, совершить свои знаменитые подвиги и, таким образом, прославился, в конечном счете, косвенным образом через посредство Геры.

Каждому понятно, что в составном имени²⁴ «Геракл» (Ηρακλῆς) второй корень κλέος – «слава». Таких имен в эллинском ономастиконе, как говорится, хоть пруд пруди (Перикл, Софокл, Диокл, и пр., и пр., и пр.). Происходит ли первый корень действительно от имени Геры? Возможно, здесь перед нами etymologia vulgaris, а на самом деле перед нами та же индоевропейская морфема, которая, например, в славянских языках проявляется как «яр-» («ярый», «яростный»; ср. имя языческого бога солнца – Ярило) и должна, видимо, означать нечто жаркое, пылающее. Иными словами, Геракл и Ярослав – это фактически одно и то же.

Двинемся дальше, обозревая прозвища в мифологии. Мы, естественно, не ставим здесь перед собой задачу дать сколько-нибудь исчерпывающий перечень релевантных случаев (и статья, и проект, в рамках которого она пишется, посвящена отнюдь не мифологической проблематике, а реальным историческим лицам), и те примеры, которые нами приводятся, имеют в общем-то иллюстративную цель. Вот один из самых ранних, фигурирующий уже у Гомера (Hom. II. VI. 40 sqq.). Гектор, перед тем как отправиться на поле боя, прощается с супругой Андромахой. Последняя

... Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца.

Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.

Гектор его называл (καλέεσκε) Скамандрием; граждане Трои –

Астианактом: единый бо Гектор защитой был Трои²⁵.

Перед нами, таким образом, следующая ситуация: Гектор дал своему сыну имя Скамандрий (несомненно, в честь реки Скамандра, протекавшей близ Трои),

²⁰ Исправление издателей вместо неверного «Бат» рукописи. Батон Синопский – историк и ритор II в. до н.э.

²¹ Неизвестный персонаж.

²² В позднеклассическое и эллинистическое время работали несколько историков по имени Менекрат; какой из них имеется в виду здесь – не ясно.

²³ Ссылки на источники см. в: Зайцев 1990.

²⁴ Важные соображения о структуре древнегреческих имен в связи с количеством входящих в них морфем см. в: Dubois 2000.

²⁵ Перевод Н.И. Гнедича, с одним нашим маленьким и не принципиальным изменением: у Гнедича – «Астианаксом», теперь так не пишут.

но от других²⁶ тот еще в младенчестве получил престижнейшее прозвище Астианакт, «владыка города»²⁷, с супераристократическим корнем ἀνακτ-²⁸. Как видно из вышеприведенных примеров, прозвища мифологических персонажей по своей структуре отнюдь не отличались от самых обычных личных имен, которые, как известно, у греков ведь тоже почти всегда являлись значащими, «говорящими»²⁹.

Бесспорно, значащим является, в частности, и имя Александр (Ἀλέξανδρος), которое в цикле мифов о Троянской войне всегда присутствует как параллельное обозначение Париса, сына Приама и главного виновника самого данного вооруженного конфликта. Какое-то из этих двух обозначений должно быть все-таки именем *stricto sensu*, а какое-то – прозвищем. Читатель не должен подумать, что мы напрасно рассуждаем об именах мифологических персонажей, казалось бы, не имеющих отношения к истории, к реальности. Как раз у гомеровского Париса-Александра, безусловно, имелся исторический прототип, который в хеттских источниках фигурирует как Алаксандус³⁰.

В связи с вышесказанным следует напомнить, что, собственно, даже и «Приам» – не имя, а прозвище. Античная мифологическая традиция указывает, что от рождения этот сын Лаомедонта³¹ носил имя Подарк. Геракл, взяв Трою, «перестрелял из лука Лаомедонта и всех его сыновей, кроме Подарка, а Теламону³² в качестве почетного дара отдал Гесиону, дочь Лаомедонта. Гесионе Геракл разрешил взять с собой, кого она захочет из пленников. Когда же она выбрала себе брата Подарка, Геракл сказал ей, что прежде Подарк должен стать рабом и только после этого, если она что-нибудь даст взамен, она сможет его взять. Тогда Гесиона сняла с головы покрывало и отдала его в уплату. По этой причине Подарк и был назван (ἐκλήθη) Приамом» (Apollod. Bibl. II. 6. 4).

Соответственно, как единственный оставшийся в живых сын Лаомедонта Приам впоследствии и стал владыкой Трои. В рамках данной версии прозвище его производится от глагола πρίασθαι – «покупать». Впрочем, в отечественной литературе в связи с мифологическими антропонимами Парис и Приам есть достаточно интересная разработка В.Л. Цымбурского³³. Он выводит оба этих имени от анатолийских (т.е. в конечном счете от индоевропейских) корней и усматривает в них один и тот же корень, который, по мнению исследователя, должен обозначать «первый».

²⁶ Именно так в оригинале у Гомера (οἱ ἄλλοι). «Граждане Трои» – это поэтическая вольность Гнедича.

²⁷ Поскольку он мыслился потенциальным правителем города. Это ему не было суждено: в ходе взятия Илиона ребенок был умерщвлен Нептолемом, сыном Ахилла (об этом согласно свидетельствуют нарративные и эпиграфические памятники, что было замечено уже очень давно: Heydemann 1866).

²⁸ Восходящим к титулу царей ахейского времени. См.: Carlier 2006.

²⁹ Этот значащий характер древнегреческих имен неоднократно «обыгрывал» в юмористических целях хотя бы Аристофан в своих комедиях. См. Kanavou 2011.

³⁰ Гиндин, Цымбурский 1996, 103 слл.

³¹ В связи с самим именем Лаомедонта ср. интересные, хотя и небесспорные соображения в: Цымбурский 1990а.

³² Теламон, сын Эака (впоследствии его сыном, в свою очередь, стал Аякс Большой) в мифах представлен верным другом Геракла, сопровождавшим его, в частности, и в троянском походе.

³³ Цымбурский 1990б.

Коль скоро уж зашла речь о Трое, отметим, что еще одна представительница дома Приама, знаменитая пророчица Кассандра³⁴, фигурирует в источниках подчас не под личным именем, а под прозвищем Александра. Именно так ее обозначает, в частности, эллинистический поэт Ликофрон, написавший большую поэму³⁵, которая практически состоит из развернутого прорицания этой деви.

Может возникнуть резонный вопрос: почему же в мифах эллинов прозвища троянских персонажей все сплошь звучат по-гречески (или, по крайней мере, воспринимались в те времена как звучащие по-гречески; оговорку относительно возможного негреческого происхождения имени-прозвища «Приам» см. выше)? Дело в том, что троянцев в ту эпоху, когда складывались мифы, греки, судя по всему, еще совершенно не воспринимали как «варваров», да и употребление слова «варвар» не обнаруживается ни у Гомера, ни в иных памятниках вплоть до рубежа VI–V вв. до н.э. Автор «Илиады» в целом воспринимает жителей осажденного ахейцами города как равных с этими последними; тот же Гектор изображается не то, чтобы с пренебрежением, а, напротив, предстает одним из наиболее симпатичных среди гомеровских героев. Но данное рассуждение уводит нас уже слишком далеко от основной нити изложения³⁶, к которой мы теперь и обращаемся.

Помимо прозвищ, так сказать, постоянных, то есть сопровождающих персонажа с какого-то момента и вплоть до кончины, можно вести и речь о прозвищах, если так можно выразиться, ситуативных, то есть употребляемых в каких-то конкретных обстоятельствах или даже употребленных единожды. В качестве наиболее характерного примера, иллюстрирующего последний случай, можно, конечно же, назвать прозвище, придуманное для самого себя Одиссеем в пещере Полифема, – Никто (Οὐτις).

Я обратился к нему (циклопу – И.С.) с обольстительно-сладостной речью:

«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,

С тем, чтоб меня угостив, и обычный мне сделать подарок?

Я называюсь Никто (Οὐτις); мне такое название дали (Οὐτιν

δέ με κικλήσκουσι)

Мать и отец, и товарищи так все меня величают».

С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:

Знай же, Никто (Οὐτιν)³⁷, мой любезный, что будешь ты самый последний

Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».

(Hom. Od. IX. 363 sqq.)

³⁴ См. в связи с ее образом: Brault 2009.

³⁵ См. в нашем комментированном переводе: Ликофрон 2011.

³⁶ На довольно обильную литературу по теме «Восприятие варваров в ранней Греции» мы здесь не ссылаемся, дабы не загромождать справочный аппарат, тем более что по данной проблематике мы и ранее уже неоднократно писали (см. хотя бы: Суриков 2011, 260 слл.; 2015б, 509 слл.).

³⁷ Аккузатив здесь потому, что в оригинале иная грамматическая конструкция, там нет обращения. Как известно, В.А. Жуковский сделал свой знаменитый перевод «Одиссеи» не непосредственно с древнегреческого, а с немецкого. Соответственно, в его переводе периодически встречаются некоторые неточности, что отнюдь не мешает именно этому переводу и поныне быть лучшим из существующих русскоязычных. Все-таки гений есть гений. Решительно не понимаем тех, кто предпочитает иные переводы «Одиссеи», выполненные отнюдь не гениями.

Хитроумный Одиссей³⁸, который умудрился даже единственным из людей послушать пение сирен и не погибнуть, в данном случае тоже изобрел оптимальное решение: когда потом Полифем, лишенный единственного глаза, заревел в пещере и на крик сбежались другие циклопы, спрашивая через заслоняющий вход камень, кто его обидел, тот отвечал «Никто», соплеменники разошлись, недоумевая. В результате Одиссею и его сотоварищам удалось-таки спастись.

Пожалуй, все-таки следует поднять вопрос об отчествах. У того же Гомера героев сплошь и рядом именуют «по батюшке». Одиссей – Лаэртид, Агамемнон и Менелай – Атриды, Ахилл – Пелид, и пр., и пр. и пр. Мы отмечали в предыдущей статье данного цикла³⁹, что в некоторых традициях имена (прежде всего фамильные имена) происходят от отчеств; но можно ли отчества, патронимики⁴⁰ считать неофициальными именами, то есть фактически прозвищами?

Нам представляется, что в какой-то мере на этот вопрос можно дать положительный ответ. Даже в рамках нашей русской традиции каждый сталкивался с тем, что индивида в релевантной группе нередко именуют при личном общении «Петрович», «Данилыч» и т.п. Подобное обращение парадоксальным образом совмещает уважительность и фамильярность. Как представляется, не иначе обстояли дела и у античных греков. Почтительное отношение к отцу (которое в античности считалось безусловно обязательным, поскольку демонстрировало семейный континуитет⁴¹) через обращение по отчеству трансформировалось в почтительное отношение к сыну. Между прочим, в исламской традиции иногда встречается противоположный обычай: дабы выказать уважение к индивиду, его называют «отцом такого-то».

А ведь патронимики чрезвычайно часты в древнегреческом узусе – применительно отнюдь не только к мифологическим героям, но и к реальным лицам. Мы не будем к ним специально обращаться в рамках данной статьи; просто хотелось бы указать на само существование проблемы, а вообще-то исследование патронимиков как прозвищ должно бы стать предметом отдельной работы.

Переходя теперь от персонажей мифологии к историческим лицам, никак не можем не обратить внимания на интересный нюанс: похоже, в хронологическом плане прозвища раньше начали появляться не у политиков, а у деятелей культуры. К этому сюжету мы теперь и обратимся.

³⁸ См. лучшие работы о его образе: Finley 1965; Malkin 1998; Dougherty 2001; Hall 2008; Montiglio 2011. Прозвище Одиссея «Никто» неоднократно обыгрывалось в мировой литературе. Приведем наиболее близкий нам пример. Одним из самых талантливых поэтов 1900-х годов, «серебряного века» русской литературы, являлся Иннокентий Анненский. Но ему, занимавшему высокие посты в Министерстве народного просвещения, было не с руки публиковать стихи под собственным именем, и поэтому первый сборник его поэзии («Тихие песни»; что интересно, первоначально Анненский хотел озаглавить книгу «Из пещеры Полифема», но отказался от этой идеи) вышел с таким указанием автора: «Ник. Т-о». Это многих ввело в заблуждение, даже Блока.

³⁹ Суриков 2017.

⁴⁰ С.Г. Карпюк в данной связи упорно на протяжении ряда десятилетий использует слово «патроним». Он даже предложил греческий эквивалент данной лексики, *πατρώνυμον* (Карпюк 2003, 204). Но здесь какая-то ошибка. Лучший из существующих словарей (Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1349) не дает такой лексики (а *πατρώνυμικός*, «патронимик» – дает). Поиск в электронном TLG приводит не к лучшим результатам. Итак, нужно писать «патронимик», а не «патроним».

⁴¹ Об этом на античном (греческом и римском) материале см.: Strauss 1993; Feeney 2010; Lamari 2012; Lentano 2015.

Прозвища деятелей культуры в античной Греции. Начнем, как водится, ab ovo. То есть с самого Гомера. Да, тематику прозвищ можно проследить вплоть до самого основоположника античной цивилизации. Подчеркнем, мы здесь совершенно не собираемся касаться вопросов в духе «Существовал ли Гомер в принципе?». Важно другое: в античности почти никто не сомневался в том, что Гомер – реальная личность. Притом имелась устойчивая традиция, что великого поэта на самом деле от рождения звали Мелесигеном, а «Гомер» – прозвище, полученное им в какой-то момент его жизни.

Приведем несколько относящихся к проблеме свидетельств источников⁴². Suid. s.v. Ὀμηρος: «Поэт Гомер был сын Мелета, реки смирнской, и Крифеиды». Мелесиген именно и означает «рожденный Мелетом» или «рожденный у Мелета».

Известно, что эллины обожествляли реки, придавали каждой из них отдельное божество, являвшееся одновременно и сверхъестественным существом, покровительствовавшим реке, и самой этой рекой. Причем божества такого рода изображались в мужском облике (поскольку греческое слово ποταμός – «река» – мужского рода). Так вот и стал Гомер сыном некоей реки под названием Мелет (протекавшей в Ионии, близ Смирны) или – что одно и то же – сыном бога этой реки.

Ps.-Herod. Vita Hom. 1–13: «При основании Кимы эолийской собрались в нее люди из разных племен греческих и, между прочим, некто Меланоп, из фессалийской Магнесии... У него в Киме родилась дочь Крефеида. Умирая, Меланоп поручил Крефеиду своему другу Клеанакту. От тайной связи Крефеида стала беременною; Клеанакт, чтобы скрыть это от граждан, ...отослал ее к своему другу Исмению, который участвовал в колонии кимейской, строившей в то время город Смирну... Там Крефеида, вышедши во время одного праздника с другими женщинами из города, родила на реке Мелете сына и назвала его Мелесигеном... Потом она вышла замуж за Фемию, который учил детей грамоте и музыке... Мелесиген скоро превзошел своих товарищей и сравнялся с Фемием. После смерти Фемию Мелесиген наследовал его состояние... Он познакомился с Ментом, хозяином корабля, происходившим из Левкады или окрестных стран, отправился с ним путешествовать, ...был на Итаке, познакомился с Ментором-итакийцем, узнал от него много об Одиссее, ...вернулся в Малую Азию, ослеп в Колофоне и возвратился в Смирну, где стал заниматься поэзией... Гомером назвали его потому, что на кимейском диалекте Ὀμηρος значит “слепой”».

Здесь перед нами, бесспорно, источник поздний и мало заслуживающий доверия. Иная версия происхождения прозвища «Гомер» содержится, например, также в позднем памятнике (впрочем, все такого рода рассуждения в конечном счете все-таки восходят к соображениям эллинистических филологов⁴³) – свидетельстве словаря «Суда», уже упоминавшемся выше.

Дескать, как-то воевала Смирна, в которой жил Мелесиген, с соседним Колофоном, и в ходе этой войны будущий поэт, еще молодой в ту пору, оказался у врагов в заложниках. А «заложник» по-древнегречески будет ὀμηρος. Такие вот

⁴² По проблеме этих источников о Гомере и поныне остается полезной старая, но чрезвычайно скрупулезная по подходу статья Ф.Ф. Соколова «Гомеровский вопрос» (см. в: Соколов 1910, 1 слл.).

⁴³ См. в общей форме: Wilson 1996; Dickey 2007; Kaldellis 2012; Tosi 2015.

незамысловатые и в то же время далеко идущие умозаключения сплошь и рядом делались в поздней античности. Кстати, война между Смирной и Колофоном – реальный исторический факт. Она имела место в начале VII в. до н.э., и в ее результате потерпевшая поражение Смирна, которая ранее являлась эолийским городом, вошла в состав Ионии. Здесь нельзя не заметить, что язык «Илиады» и «Одиссеи» в своей основе представляет собой смешанный эолийско-ионийский диалект, причем эолийский «пласт» более древний, ионийский – более поздний⁴⁴. Так что корреляция лингвистического материала и мифоисторической традиции налицо.

Как бы то ни было, Гомер – фигура полулегендарная, а вот следующий за ним великий эпик, Гесиод, обычно признается лицом вполне реальным. В античности историчность этого уроженца беотийской деревни Аскры⁴⁵ никем не подвергалась сомнению, и о нем не шли дискуссии, подобные «спорам о Гомере». Возражения традиционной позиции прозвучали относительно недавно, и ученым, который их выдвинул, стал выдающийся американский антиковед Грегори Надь⁴⁶. В замечательной монографии «Греческая мифология и поэтика» – книге, ставшей событием, переведенной на ряд языков, в том числе и на русский,⁴⁷ он оспорил историчность Гесиода и, во всяком случае, оговорил, что даже если этот поэт и существовал, то от рождения он носил иное имя, а «Гесиод» должно быть прозвищем.

Главные резоны Надя в том, что он находит в имени Гесиода (Ἡσιόδος) корень, наличествующий в лексеме ᾠδή («песнь»). Соответственно, имя может значить что-то вроде «сплетающий песни». Но ведь родители не могли знать, что их сын, повзрослев, станет аэдом! Соответственно, крайне сомнительно, что уроженец эолийской Кимы, мореход, перебравшийся в Беотию, дабы стать крестьянином, дал бы сыну подобное имя.

Нам, однако, представляется более верной позиция, означенная еще в старом словаре Папе – Бензелера⁴⁸: в имени Ἡσιόδος второй корень происходит отнюдь не от ᾠδή, а от ὁδός («путь, дорога»). Это и логично (отец Гесиода, собиравшийся в дальний путь – из Эолиды в Беотию, – вполне мог назвать так своего сына), и в большей степени соответствует языковым реалиям: все-таки фонетический переход от о к ω (т.е. от ὁ к ὠ) не представляется очень вероятным, а уж тем более от о к ᾠ.

Г. Надь, исходя из своего понимания имени Гесиода, пытается вообще «убрать» данного поэта, деконструировать его. Все это, конечно, способствовало бы его пониманию эволюции ранней греческой поэзии, согласно которому эпос возник позже древнейших памятников лирики⁴⁹. Нам, однако, представляется, что это уже, так сказать, «перебор». Гораздо легче даже с его точки зрения было бы,

⁴⁴ О «гомеровском», или «эпическом» диалекте см.: Horrocks 1997; Hackstein 2010.

⁴⁵ Edwards 2004.

⁴⁶ Прославившийся в последнее время в основном тем, как «лихо» он расправился с Гомером в, что бы там ни говорили глубоко уважаемые нами Н.П. Гринцер и С.А. Степанцов, все-таки вполне постмодернистском, деконструкционистском духе (Nagy 2003; 2010). Относительно более мягко обошелся он с Солоном (Nagy, Noussia-Fantuzzi 2015), по крайней мере, по сравнению с гиперкритическими *pes plus ultra* работами: Lardinois 2006; Stehle 2006.

⁴⁷ Надь 2002.

⁴⁸ Папе 1911, 474.

⁴⁹ Ту же позицию в утрированном виде см.: Sauge 2000. В более умеренной форме: Irwin 2005.

как нам представляется, постулировать, что поэт, которого мы знаем как Гесиода, действительно существовал и, самое большее, не именовался Гесиодом от рождения, а взял себе такой псевдоним. Псевдонимы в античности реально существовали. Например, Ксенофонт, похоже, опубликовал свой «Анабасис» под именем сиракузянина Фемистогена (во всяком случае, так указано в: Plut. Mor. 345e).

Кстати, к вопросу о псевдонимах. Можно ли считать их прозвищами? Нам представляется, что в полной мере. Это прозвище, которое человек выбрал себе сам. Между прочим, в античности практика использования псевдонимов была куда менее частой, чем в наше время, и притом имела одну характерную черту: подчас в качестве псевдонима бралось имя иного, вполне реального лица. Тут можно говорить в какой-то мере о «плагиате наоборот». Плагиат как таковой тоже встречался, и, как известно, некоторые поэты архаической эпохи (Феогнид, Фокилид) использовали против него предохранительную меру («печать», атт. σφραγίς, ион. σφρηγίς)⁵⁰, применяя некое характерное выражение (у Феогнида – обращение к Кирну, у Фокилида – фраза «И это Фокилидово»). От плагиата-то их это, пожалуй, и спасло⁵¹, а вот от «плагиата наоборот», о котором говорилось чуть выше, отнюдь не спасло. Подделывались и стихи Феогнида (в Corpus Theognideum, что совершенно очевидно, встречаются элегии, относящиеся не к архаической, а к классической эпохе, какие-то, может быть, даже к эллинистической), и даже стихи куда менее известного Фокилида.

Подобный же «плагиат наоборот» (приписывание своего сочинения более авторитетному лицу, а это, как мы указали, тоже является фактически псевдонимом) был особенно распространен среди философов. Припоминаются, конечно, в первую очередь пифагорейцы, которые на протяжении веков подписывали свои сочинения именем учителя, – ведь он, дескать, всё «сам сказал»; потому-то, как минимум, с поздней античности имели и имеют хождение различные тексты, помеченные авторством Пифагора, но, естественно, не им написанные. Впрочем, сильно ли иначе обстояли дела и в таких философских школах, как Академия или Ликей? Всем прекрасно известно, что в корпусе платоновских диалогов достаточно отчетливо выделяется ряд таких, которые явно не принадлежат самому Платону. Или возьмем «Политии» Аристотеля; физически невозможно, чтобы один человек написал более полутора сотен трактатов, вошедших в этот цикл. Конечно,

⁵⁰ Аверинцев 1996, 28; Hubbard 2007.

⁵¹ Да и то, похоже, не в полной мере. Постоянно отмечается, что совпадает (полностью или – чаще – с незначительными расхождениями) ряд стихов Феогнида и Солона (см. наиболее подробный разбор проблемы в: Noussia-Fantuzzi 2010, 45 ff.). Кто у кого заимствовал – Феогнид у Солона или Солон у Феогнида? Конечно, единственно верен первый вариант, если стоять на точке зрения А.И. Доватура, помещающего Феогнида заведомо позже Солона, при этом чисто на основе внутренней убежденности, без какой-либо аргументации («Настоящая работа имеет дело с поэтом Феогнидом, гражданином Мегар Нисейских (а не Гиблейских), родившимся (а не процветавшим) в 59-ю олимпиаду 544–541 гг.»: Доватур 1989, 36–37). Но хорошенькое же здесь *petitio principii*, придающее всей системе тезисов чисто догматический характер! Дескать, мы хотим иметь дело именно с этим и именно с таким Феогнидом, а никакого другого и знать не желаем. А между тем γεγονός в «Суде» в подобном контексте никак не может означать «родившийся» (см. к вопросу: Rohde 1901, 114–184). Гораздо более вероятна датировка Феогнида первой половиной столетия (Legon 1981, 104 f.; Пальцева 1999, 267–299). Соответственно, так-таки и неизвестно, кто у кого, так сказать, «списывал». В любом случае, плагиат налицо.

над ними трудились другие перипатетики, однако же в историю они вошли как труды Стагирита⁵².

Вернемся к основной нити изложения. От Гесиода прямой выход на Стесихора, весьма крупного представителя архаической хоровой мелики⁵³, производшего в ней целый ряд важных реформ. Как и в случае с Гесиодом (даже в большей степени, поскольку тут-то уж этимология бесспорна), возникает вопрос: как могли родители назвать ребенка именем, означающим «устроитель хора», как бы заранее предсказывая тем самым его будущую профессию? Поэтому, например, О.М. Фрейденберг отнесла Стесихора к «псевдоавторам»⁵⁴. Но в том-то и дело, что «Стесихор», судя по всему, – псевдоним, сознательно взятый самим поэтом: традиция утверждает, что на самом деле его звали Тисием (Suid. s.v. Στησίχορος). А мы уже договорились считать псевдонимы видом прозвищ.

Обратимся теперь к примеру совсем уж хрестоматийному. Сам великий Платон на самом деле вовсе не Платон. При рождении этот знатнейший афинский аристократ, потомок древних царей⁵⁵ получил от родителей иное имя – Аристокл.

Здесь необходима цитата. «Грамоте он учился у Дионисия, ...а гимнастикой занимался у борца Аристана из Аргоса – от него он и получил имя Платон («Широкий») за свое крепкое сложение (ἄφ' οὗ καὶ Πλάτων διὰ τὴν εὐεξίαν μετωνομάσθη), а прежде звался (καλούμενος) Аристоклом, по имени деда... Впрочем, некоторые полагают, что он прозван так (οὕτως ὀνομασθῆναι) за широту своего слога, а Неанф – что за широкий лоб» (Diog. Laert. III. 4).

Не доверять данному свидетельству (главный смысл которого в том, что Платона от рождения звали Аристоклом), на наш взгляд, нет никаких оснований⁵⁶. Аристоклом, в частности, звали отца Аристана, чьим сыном был Платон. А ведь прекрасно известно, как любили античные греки нарекать сына именем деда⁵⁷. С другой стороны, никаких других Платонов мы вроде бы не встречаем в той ветви дома Кодридов, к которой принадлежал основатель Академии.

Если «Платон» действительно является прозвищем (а мы все-таки к этому склоняемся), то, безусловно, оно должно соотноситься с πλατύς («широкий»). Но «широкий» в каком смысле? Как можно видеть, уже позднеантичный эрудит Диоген Лаэртский недоумевал по этому поводу и приводил несколько разных версий. Занимался ли действительно Платон борьбой? Похоже, безусловно. Стал ли он олимпийским победителем в этой дисциплине? А вот это сомнительно⁵⁸; только один автор свидетельствует о данном факте, и автор этот – Олимпиодор, работавший в VI в. н.э., т.е. писатель очень поздний. Но, вне зависимости от по-

⁵² «Афинская полития» особенно часто фигурирует в традиции как написанная самим Аристотелем. Но даже и относительно нее указывалось, что, судя по характеру текста, в ее составлении участвовали, как минимум, два человека: Whitehead 1993.

⁵³ О котором см.: Krummen 2009; Pelling 2016.

⁵⁴ Фрейденберг 1997, 254.

⁵⁵ Генеалогическое древо Платона см.: Davies 1971 (таблицы приложены к книге); Nails 2002, 244.

⁵⁶ Хотя, как ни странно, ему регулярно не доверяют. В частности, в посвященном Афинам томе главного на сегодняшний день компендиума по древнегреческой ономастике и просопографии (Osborne, Byrne 1994, 169) Платон фигурирует именно как «Платон».

⁵⁷ В связи с особенностями древнегреческого (преимущественно афинского) имяназвания см.: Суриков 2009.

⁵⁸ Moretti 1957, 182.

бед Платона на каких бы то ни было состязаниях, он, похоже, был и вправду мужчиной крупным (мелкие в борьбе не подвизались, поскольку не было еще такого понятия, как «весовые категории», состязание было единым). С другой стороны, наиболее хрестоматийный скульптурный портрет Платона и вправду ведь изображает его на редкость широколобым.

Выше речь шла о прозвищах (истинных или постулируемых), которые фактически заменили их носителям личные имена, вытеснили их, стали употребляться вместо них (Платона мы знаем именно как Платона, Стесихора – как Стесихора). Понятно, гораздо чаще имеют место примеры, когда прозвище не заменяло имя, а функционировало наряду с именем, не вытесняя, а дополняя его в целях идентификационных и/или эмфатических. Так, Аристотеля и поныне часто называют Стагиритом, и так его начали называть, как известно, уже в античности (ὁ Σταγειρίτης), поскольку имя Аристотель отнюдь не относилось к числу малораспространенных, даже если брать деятелей культуры. «Всего было восемь Аристотелей: первый – вышеназванный; второй – афинский государственный деятель, от которого известны изящные судебные речи; третий – занимавшийся “Илиадой”; четвертый – сицилийский ритор, написавший возражение на “Панегирик” Исократу; пятый – по прозвищу “Миф” (ὁ ἐπικληθεὶς Μῦθος), последователь сократика Эсхина; шестой – из Кирены, писал о поэтике; седьмой – учитель гимнастики, упоминаемый Аристоксеном в “Жизнеописании Платона”⁵⁹; восьмой – безвестный грамматик, от которого сохранилось пособие “О словоизыществе”» (Diog. Laert. V. 35).

На самом деле Аристотелей в Греции, конечно, было не восемь. Одних только афинских граждан, носивших это имя, известно 70⁶⁰. Так что топоним основателя Ликея, ставший его прозвищем⁶¹, с полной очевидностью выполнял функцию идентификации. Еще один сразу припоминающийся пример – Деметрий Фалерский (Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς), тоже выходец из перипатетической школы, «правитель-философ» Афин в 317–307 гг. до н.э.⁶² Имя «Деметрий» было и в Афинах, и в Греции в целом просто-таки чрезвычайно распространенным.

Есть случаи и эмфатического использования прозвищ. Что интересно, к философам они применялись особенно часто. Вспомним хотя бы Гераклита Эфесского. Ему постоянно сопутствовало прозвище «Темного» (Σκοτεινός; см. хотя бы: Suid. s.v. Ἡράκλειτος).

Кстати говоря, труд Диогена Лаэртского, на который нам и ранее доводилось ссылаться⁶³, является обильным «кладезем» касательно сведений, относящихся к прозвищам философов. Приведем несколько релевантных цитат из него:

«Анаксагор... первый поставил Ум выше вещества... За это его даже прозвали Умом (παρὸ καὶ Νοῦς ἐπεκλήθη)» (Diog. Laert. II. 6).

«Из друзей его (Эсхина Сократика – И.С.) известен только один, по прозвищу Аристотель Миф (Ἀριστοτέλης ὁ Μῦθος ἐπικληθεὶς)» (Diog. Laert. II. 63). К

⁵⁹ Об Аристоксене как биографе см.: Brisson 2007.

⁶⁰ Osborne, Вугне 1994, 60.

⁶¹ Топонимы и этникины нередко превращались даже в личные имена в строгом смысле слова: Knoepfler 2000; Fraser 2000.

⁶² О деятельности Деметрия Фалерского см.: Хабиخت 1999, 58–71; Фролов 2001, 535–565; Gehrke 1978; O’Sullivan 2001

⁶³ О значении этого труда для античной биографической традиции см.: Mejer 2007.

тому же персонажу относится вышецитированный пассаж: «Всего было восемь Аристотелей... Пятый – по прозвищу “Миф” (ὁ ἐπικληθεὶς Μῦθος), последователь сократика Эсхина» (Diog. Laert. V. 35).

«Учениками Аристиппа были его дочь Арета, Эфион из Птолемаиды и Антипатр из Кирены. У Ареты учился Аристипп, прозванный “учеником матери” (ὁ μητροδιδάκτορ ἐπικληθεὶς), а у него – Феодор, прозванный сперва “безбожником”, а потом “богом” (ὁ ἄθεος, εἶτα θεός). Антипатр учил Эпитимида из Кирены, тот – Паребата, а тот – Гегесия, прозванного Учителем Смерти (ὁ περὶ θάνατον)» (Diog. Laert. II. 86). Перечисленные в этом абзаце философы относятся к киренской школе, основанной учеником Сократа Аристиппом⁶⁴ и проповедовавшей активный гедонизм. Как видим, почему-то именно в этой школе прозвища были особенно распространены.

«Гераклид (Понтийский – И.С.)... телом был так тучен, что в Афинах его называли не “Гераклид с Понта”, а “Гераклид с пузом” (ὕπὸ τῶν Ἀττικῶν μὴ Ποντικὸν ἀλλὰ Πομπικὸν καλεῖσθαι)» (Diog. Laert. V. 86). Тут, заметим сразу, налицо некоторая *licentia poetica* переводчика (а таковым выступал не кто иной, как М.Л. Гаспаров). Πομπικός – это, строго говоря, отнюдь не «пузатый», а «торжественный, пышный». Как говорится, «непереводимая игра слов», которую по-сильно попытался передать Гаспаров.

«Зенон (основатель стоической школы – И.С.)... был худой, довольно высокий, со смуглой кожей (за что его и называли “египетской лозой” (ὅθεν τις αὐτὸν εἶπεν Αἰγυπτίαν κληματίδα), как сообщает Хрисипп в I книге “Пословиц”» (Diog. Laert. VII. 1). Здесь, полагаем, какое-то ситуативное, а не постоянное прозвище, тем более что в источнике употреблена форма от глагола λέγω, а не ἐπικαλέω.

«Аристон⁶⁵ Лысый из Хиоса, прозванный также Сиреной (Ἀρίστων ὁ Χίος ὁ Φάλανθος ἐπικαλούμενος Σειρήν)...» (Diog. Laert. VII. 160). Здесь перед нами интересный случай, когда у одного и того же персонажа отмечаются сразу два прозвища. Одно – чисто идентификационное⁶⁶, второе – явно эмфатическое (правда, Диогеном Лаэртским не объясняется причина, по которой философ его получил, но это, конечно, было связано с какими-то особенностями трудов оного, каковые до нас, увы, не дошли).

Чуть ниже в том же позднеантичном труде по истории философии фигурирует Дионисий Перебежчик (Διονύσιος ὁ Μεταθέμενος, Diog. Laert. VII. 166). Впрочем, мы, конечно же, совершенно не задаемся целью перечислить все случаи употребления прозвищ в труде Диогена Лаэртского (таковых, разумеется, гораздо больше по сравнению с той небольшой, чисто случайной выборкой, которая была приведена). Наша задача заключалась в другом: в том, чтобы продемонстрировать, что к философам как-то особенно «прилипали» прозвища. Что касается характера этих прозвищ, – одни из них выглядят нейтральными (то есть имеют идентификационный характер, указывают на происхождение, черты внешности

⁶⁴ Аристипп, похоже, так внес свой вклад – с гедонистической точки зрения – в античную биографическую традицию: Dorandi 2007.

⁶⁵ Второстепенный представитель раннего стоицизма.

⁶⁶ Строго говоря, φάλανθος – не «лысый», а «с залысынами на лбу»: Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1914.

или на что-либо в подобном же роде), другие – эмоционально окрашенными (то есть имеют эмфатический характер⁶⁷, указывают на отношение к данному персонажу со стороны его современников и/или потомков). Какой-либо специальной системы в присвоении личностям прозвищ, похоже, не наблюдается (во всяком случае, таковой системы в ярко выраженном виде пока не обнаруживают предварительные наблюдения – но на то они и предварительные).

В данной статье речь еще не шла о прозвищах древнегреческих политических деятелей доэллинистического времени. К оним последним обратимся в следующей работе нашего цикла. Пока можно повторить то положение, которое уже высказывалось выше: деятели культуры (поэты, философы и пр.) в Элладе, безусловно, начали обзаводиться прозвищами раньше, чем политики. Во всяком случае, если исходить из тех данных, которые имеются в нашем распоряжении. Но тут дело, может быть, еще и в том, что для ранней Греции нам и в принципе-то известно гораздо больше достоверного о деятелях культуры, нежели о политиках.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, С.С. 1996: *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М.
- Андреев, Ю.В. 2002: *От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа*. СПб.
- Блаватская, Т.В. *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб.
- Видаль-Накэ, П. 2001: *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.
- Гиндин, Л.А., Цымбурский, В.Л. 1996: *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. М.
- Доватур, А.И. *Феогнид и его время*. Л.
- Зайцев, А.И. 1990: Геракл. В кн.: Е.М. Мелетинский (гл. ред.), *Мифологический словарь*. М., 147–149.
- Карпюк, С.Г. 2003: *Общество, политика и идеология классических Афин*. М.
- Ликофрон 2011: Александра (перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова). *ВДИ* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Молчанов, А.А. 2002: *Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии)*. М.
- Надь, Г. 2002: *Греческая мифология и поэтика*. М.
- Пальцева, Л.А. 1999: *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб.
- Соколов, Ф.Ф. 1910: *Труды*. СПб.
- Суриков, И.Е., 2009: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Суриков, И.Е. 2015а: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Суриков, И.Е. 2015б: *Античная Греция: Ментальность, религия, культура*. М.
- Суриков, И.Е. 2017: Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера. *ПИФК* 1 (55), 19–34.
- Фрейденберг, О.М. 1997: *Поэтика сюжета и жанра*. М.
- Фролов, Э.Д. 1988: *Рождение греческого полиса*. Л.
- Фролов, Э.Д. 2001: *Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть*. СПб.

⁶⁷ О «перерождении» идентификационного прозвища в эмфатическое см. теперь (на одном конкретном, весьма ярком примере): Gabelko 2016.

- Хабихт, Х. 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.
- Цымбурский, В.Л. 1990а: Лаомедонт – эпиклеза Посейдона? (к разночтениям в ст. 157 «Александры» Ликофрона). В кн.: А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахов (ред.), *Античность в контексте современности*. М., 66–75.
- Цымбурский, В.Л. 1990б: Александр – Алаксандус – Elaxsantre (К диахронной структуре мифа о Парисе). В кн.: И.Е. Данилова (общ. ред.), *Образ – смысл в античной культуре*. М., 223–249.
- Яйленко, В.П. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Boardman, J. Herakles, Peisistratos and Eleusis. *JHS* 95, 1–12.
- Brault, P.-A. 2009: Playing the Cassandra: Prophecies of the Feminine in the *Polis* and Beyond. In: D.E. McKoskey, E. Zakin (eds.), *Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis*. Albany, 197–220.
- Brisson, L. 2007: Aristoxenus: His Evidence on Pythagoras and the Pythagoreans. The Case of Philolaus. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 269–284.
- Carrier, P. 2006: Ἀναξ and βασιλεύς in the Homeric Poems. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 101–109.
- Connolly, J. 2003: Like the Labors of Heracles: *Andreia* and *Paideia* in Greek Culture under Rome. In: R.M. Rosen, I. Sluiter (eds.), *Andreia: Studies in Manliness and Courage in Classical Antiquity*. Leiden – Boston, 287–317.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford.
- Dickinson, O. 2007: *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. London – New York.
- Dorandi T. Il Περί παλαιᾶς τρυφῆς attribuito a Aristippo nella storia della biografia antica. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 157–172.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἰππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.
- Edwards, A.T. 2004: *Hesiod's Ascrea*. Berkeley.
- Feeney, D. 2010: Fathers and Sons: The Manlii Torquati and Family Continuity in Catullus and Horace. In: C.S. Kraus, J. Marincola, C. Pelling (eds.), *Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman*. Oxford, 205–223.
- Finley, M.I. 1965: *The World of Odysseus*. New York.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.
- Gabelko, O.L. 2016: Antigonos “Monophtalmos”: Some Particulars in the Interpretation of the Nickname. *Anabasis: Studia classica et orientalia* 7, 71–78.
- Gehrke H.-J. 1978: Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron. *Chiron* 8, 149–193.
- Goff, B. 2016: The Leopard-skin of Herakles: Traditional Wisdom and Untraditional Madness in a Ghanaian *Alcestis*. In: P. Kyriakou, A. Rengakos (eds.), *Wisdom and Folly in Euripides*. Berlin – Boston, 347–364.

- Gregory, J. 1977: Euripides' *Heracles*. In: T.F. Gould, C.J. Herington (eds.), *Greek Tragedy*. Cambridge, 259–275.
- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 401–423.
- Hall, E. 2008: *The Return of Ulysses*. Baltimore.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2nd ed. Oxford.
- Haubold, J. 2005: Heracles in the Hesiodic *Catalogue of Women*. In: R. Hunter (ed.), *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions*. Cambridge, 85–98.
- Heydemann, H. 1866: *Iliupersis auf einer Trinkschale des Brygos: Erläutert und herausgegeben*. Berlin.
- Horrocks, G. 1997: Homer's Dialect. In: I. Morris, B. Powell (eds.), *A New Companion to Homer*. Leiden – New York – Köln, 193–217.
- Hubbard, T. 2007: Theognis' *Sphrêgis*: Aristocratic Speech and the Paradoxes of Writing. In: C. Cooper (ed.), *Politics of Orality*. Leiden – Boston, 193–215.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.
- Kaldellis, A. 2012: The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: A Preliminary Investigation. *JHS* 132, 71–85.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin – New York.
- Knoepfler, D. Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krummen, E. 2009: Alcman, Stesichorus and Ibycus. In: F. Budelmann (ed.), *The Cambridge Companion to Greek Lyric*. Cambridge, 189–203.
- Lamari, A. 2012: The Return of the Father: Euripides' *Antiope*, *Hypsipylae* and *Phoenissae*. In: A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.), *Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens*. Berlin – Boston, 219–239.
- Lardinois, A.P.M.H. 2006: Have we Solon's Verses? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 15–35.
- Ligon, R.P. 1981: *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca.
- Lentano, M. 2015: *Parricidii sit actio*: Killing the Father in Roman Declamation. In: E. Amato, F. Citti, B. Huelsenbeck (eds.), *Law and Ethics in Greek and Roman Declamation*. Berlin, 133–153.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxford.
- Malkin, I. 1998: *The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley.
- Mejer, 2007: J. Biography and Doxography. Four Crucial Questions Raised by Diogenes Laertius. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 431–442.
- Montiglio, S. 2011: *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Roma.
- Nagy, G. 2003: *Homeric Responses*. Austin.
- Nagy, G. 2010: *Homer the Preclassic*. Berkeley.
- Nagy, G., Noussia-Fantuzzi, M. 2015: Introduction. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin – Boston, 1–7.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Nilsson, M.P. 1932: *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkeley.
- Nilsson, M.P. 1950: *The Mynoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*. Lund.
- Nilsson, M.P. 1955: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München.

- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden – Boston.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names* In: P.M. Fraser and E. Matthews (ed.), Vol. 2. *Attica*. Oxford.
- O'Sullivan, L. 2001: Philochorus, Pollux and the *Nomophulakes* of Demetrius of Phalerum. *JHS* 121, 51–62.
- Padgett J.M., 2014: The Serpent in the Garden: Herakles, Ladon, and the Hydra. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin – Boston, 43–51.
- Papadopoulou, T. 2005: *Heracles and Euripidean Tragedy*. Cambridge.
- Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. Ht. 1. Braunschweig.
- Pelling, C. 2016: Herodotus, Polycrates – and Maybe Stesimbrotus Too? *JHS* 136, 113–120.
- Riley, K. 2004: Heracles as Dr Strangelove and GI Joe: Male Heroism Deconstructed. In: E. Hall, F. Macintosh and A. Wrigley (eds.), *Dionysus since 69: Greek Tragedy at the Dawn of the Third Millennium*. Oxford, 113–141.
- Rohde, E. 1901: *Kleine Schriften. Bd. 1*. Tübingen – Leipzig.
- Salowey, C.A. 2015: Sophokles' *Philoktetes*: The Cult of Herakles Dramatized. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 369–387.
- Sauge, A. 2000: *"L'Iliade", poème athénien de l'époque de Solon*. Bern.
- Stafford, E. 2010: Herakles between Gods and Heroes. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 228–244.
- Starr, Ch.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C*. London.
- Stehle, E. 2006: Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 79–113.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Thomas, C.G., Conant, C. 1999: *Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E*. Bloomington.
- Tosi, R. 2015: Typology of Lexicographical Works. In: F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds.), *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Vol. 1. *History; Disciplinary Profiles*. Leiden – Boston, 622–636.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Wilson, N.G. 1996: *Scholars of Byzantium*. London.
- Wyles, R. 2013: R. Heracles' Costume from Euripides' *Heracles* to Pantomime Performance. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden – Boston, 181–198.

REFERENCES

- Andreev, Yu.V. 2002: *Ot Evrazii k Evrope: Krit i Egeyskiy mir v epokhu bronzy i rannego zheleza* [From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Era of Bronze and Early Iron]. Saint-Petersburg.
- Averintsev, S.S. 1996: *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition]. Moscow.
- Blavatskaya, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Ellady (XII–VII vv. do n.e.)* [The Features of the History of the Statehood of Hellas (12th – 7th Centuries BC)]. Saint-Petersburg.
- Boardman, J. Herakles, Peisistratos and Eleusis. *Journal of Hellenic Studies* 95, 1–12.

- Brault, P.-A. 2009: Playing the Cassandra: Prophecies of the Feminine in the *Polis* and Beyond. In: D.E. McKoskey, E. Zakin (eds.): *Bound by the City: Greek Tragedy, Sexual Difference, and the Formation of the Polis*. Albany, 197–220.
- Brisson, L. 2007: Aristoxenus: His Evidence on Pythagoras and the Pythagoreans. The Case of Philolaus. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 269–284.
- Carlier, P. 2006: Ἀναξ and βασιλεύς in the Homeric Poems. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 101–109.
- Connolly, J. 2003: Like the Labors of Heracles: *Andreia* and *Paideia* in Greek Culture under Rome. In: R.M. Rosen, I. Sluiter (eds.), *Andreia: Studies in Manliness and Courage in Classical Antiquity*. Leiden – Boston, 287–317.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford.
- Dickinson, O. 2007: *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. London – New York.
- Dorandi T. Il Περί παλαιᾶς τρυφῆς attribuito a Aristippo nella storia della biografia antica. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 157–172.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Dovatur, A.I. 1989: *Feognid i ego vremya* [*Theognis and his Time*]. Leningrad.
- Dubois, L. 2000: Hippolytos and Lysippos: Remarks on Some Compounds in Ἰππο-, -ἵππος. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 41–52.
- Edwards, A.T. 2004: *Hesiod's Ascra*. Berkeley.
- Feeney, D. 2010: Fathers and Sons: The Manlii Torquati and Family Continuity in Catullus and Horace. In: C.S. Kraus, J. Marincola, C. Pelling (eds.), *Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman*. Oxford, 205–223.
- Finley, M.I. 1965: *The World of Odysseus*. New York.
- Fraser, P.M. 2000: Ethnics as Personal Names. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 149–157.
- Freidenberg, O.M. 1997: *Poetika syuzheta i zhanra* [*Poetics of the Plot and Genre*]. Moscow.
- Frolov, E.D. 1988: *Rozhdenie grecheckogo polisa* [*The Birth of the Greek Policy*]. Leningrad.
- Frolov, E.D. 2001: *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki: Obshchestvo. Lichnost'. Vlast'*. [Greece in the Era of the Late Classics: Society. Personality. Power]. Saint-Petersburg.
- Gabelko, O.L. 2016: Antigonos “Monophtalmos”: Some Particulars in the Interpretation of the Nickname. *Anabasis: Studia classica et orientalia* 7, 71–78.
- Gehrke H.-J. 1978: Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron. *Chiron* 8, 149–193.
- Gindin, L.A., Tsymburskiy, V.L. 1996: *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [*Homer and the History of the Eastern Mediterranean*]. Moscow.
- Goff, B. 2016: The Leopard-skin of Herakles: Traditional Wisdom and Untraditional Madness in a Ghanaian *Alcestis*. In: P. Kyriakou, A. Rengakos (eds.), *Wisdom and Folly in Euripides*. Berlin – Boston, 347–364.
- Gregory, J. 1977: Euripides' *Heracles*. In: T.F. Gould, C.J. Herington (eds.), *Greek Tragedy*. Cambridge, 259–275.
- Habicht, C. 1999: *Afiny: Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu*. Moscow.

- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 401–423.
- Hall, E. 2008: *The Return of Ulysses*. Baltimore.
- Hall, J.M. 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2nd ed. Oxford.
- Haubold, J. 2005: Heracles in the Hesiodic *Catalogue of Women*. In: R. Hunter (ed.), *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions*. Cambridge, 85–98.
- Heydemann, H. 1866: *Iliupersis auf einer Trinkschale des Brygos: Erläutert und herausgegeben*. Berlin.
- Horrocks, G. 1997: Homer's Dialect. In: I. Morris, B. Powell (eds.), *A New Companion to Homer*. Leiden – New York – Köln, 193–217.
- Hubbard, T. 2007: Theognis' *Sphrêgis*: Aristocratic Speech and the Paradoxes of Writing. In: C. Cooper (ed.), *Politics of Orality*. Leiden – Boston, 193–215.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.
- Kaldellis, A. 2012: The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: A Preliminary Investigation. *Journal of Hellenic Studies* 132, 71–85.
- Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin – New York.
- Karpyuk, S.G. 2003: *Obshchestvo, politika i ideologiya klasicheskikh Afin [Society, Politics and Ideology of Classical Athens]*. Moscow.
- Knoepfler, D. Oropodoros: Anthroponymy, Geography, History. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 81–98.
- Krummen, E. 2009: Alcman, Stesichorus and Ibycus. In: F. Budelmann (ed.), *The Cambridge Companion to Greek Lyric*. Cambridge, 189–203.
- Lamari, A. 2012: The Return of the Father: Euripides' *Antiope*, *Hypsipylae* and *Phoenissae*. In: A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.), *Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens*. Berlin – Boston, 219–239.
- Lardinois, A.P.M.H. 2006: Have we Solon's Verses? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 15–35.
- Ligon, R.P. 1981: *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca.
- Lentano, M. 2015: *Parricidii sit actio*: Killing the Father in Roman Declamation. In: E. Amato, F. Citti, B. Huelsenbeck (eds.), *Law and Ethics in Greek and Roman Declamation*. Berlin, 133–153.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxford.
- Likofron 2011: Aleksandra (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova) [Alexandra (Translation from Ancient Greek and Comment by I.E. Surikov)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 219–233; 2, 234–267.
- Malkin, I. 1998: *The Returns of Odysseus: Colonization and Ethnicity*. Berkeley.
- Mejer, 2007: J. Biography and Doxography. Four Crucial Questions Raised by Diogenes Laertius. In: M. Erler und S. Schorn (eds.), *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit*. Berlin – New York, 431–442.
- Molchanov, A.A. 2002: *Sotsial'nye struktury i obshchestvennye otnosheniya v Gretsii II tysyacheletiya do n.e. (Problemy istochnikovedeniya minoistiki i mikenologii)*. [Social Structures and Social Relations in Greece of the 2nd Millennium BC. (Problems of Source Study of Minoistics and Mycology)]. Moscow.
- Montiglio, S. 2011: *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Roma.
- Nagy, G. 2002: *Grecheskaya mifologiya i poetika [Greek Mythology and Poetics]*. Moscow.
- Nagy, G. 2003: *Homeric Responses*. Austin.
- Nagy, G. 2010: *Homer the Preclassic*. Berkeley.

- Nagy, G., Noussia-Fantuzzi, M. 2015: Introduction. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. Berlin – Boston, 1–7.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Nilsson, M.P. 1932: *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkeley.
- Nilsson, M.P. 1950: *The Mynan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*. Lund.
- Nilsson, M.P. 1955: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden – Boston.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names*. In: P.M. Fraser and E. Matthews (ed.). Vol. 2. *Attica*. Oxford.
- O'Sullivan, L. 2001: Philochorus, Pollux and the *Nomophulakes* of Demetrius of Phalerum. *Journal of Hellenic Studies* 121, 51–62.
- Padgett J.M., 2014: The Serpent in the Garden: Herakles, Ladon, and the Hydra. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin – Boston, 43–51.
- Pal'zeva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaisheyskoy Gretsii: Megary i megarskiye kolonii* [From the History of Archaic Greece: Megars and Megarian Colonies]. Saint-Petersburg.
- Papadopoulou, T. 2005: *Heracles and Euripidean Tragedy*. Cambridge.
- Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. Ht. 1 □ Braunschweig.
- Pelling, C. 2016: Herodotus, Polycrates – and Maybe Stesimbrotus Too? *Journal of Hellenic Studies* 136, 113–120.
- Riley, K. 2004: Heracles as Dr Strangelove and GI Joe: Male Heroism Deconstructed. In: E. Hall, F. Macintosh and A. Wrigley (eds.), *Dionysus since 69: Greek Tragedy at the Dawn of the Third Millennium*. Oxford, 113–141.
- Rohde, E. 1901: *Kleine Schriften*. Bd. 1. Tübingen – Leipzig.
- Roymans, N. 2009: Hercules and the Construction of a Batavian Identity in the Context of the Roman Empire. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 219–238.
- Salowey, C.A. 2015: Sophokles' *Philoktetes*: The Cult of Herakles Dramatized. In: K.F. Daly, L.A. Riccardi (eds.), *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II*. London, 369–387.
- Sauge, A. 2000: *"L'Iliade", poème athénien de l'époque de Solon*. Bern.
- Sokolov, F.F. 1910: *Trudy* [Works]. Saint-Petersburg.
- Stafford, E. 2010: Herakles between Gods and Heroes. In: J.N. Bremmer, A. Erskine (eds.), *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 228–244.
- Starr, Ch.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C.* London.
- Stehle, E. 2006: Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 79–113.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Surikov, I.E. 2009: Novye nablyudeniya v svyazi s onomastiko-prosopograficheskim materialom afinskikh ostrakonov [New Observations in Connection with the Onomastic-Prosopographical Material of Athenian Ostracodes]. *Voprosy epigraphiki* [Questions of Epigraphy] 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [Essays on the Historiography in Classical Greece]. Moscow.

- Surikov, I.E. 2015a: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece: Politics in the Context of the Era. On the Threshold of a new World]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2015b: *Antichnaya Gretsia: Mentalnost', religiya, kul'tura* [Ancient Greece: Mentality, Religion, Culture]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2017: Prozvishcha u grekov arkhaiskoy i klassicheskoy epoch. I. Predvartel'nye soobrazheniya obshcheteoreticheskogo kharaktera [Nicknames from the Greeks of the Archaic and Classical Eras. I. Preliminary Considerations of a General Theoretical Nature]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (55), 19–34.
- Thomas, C.G., Conant, C. 1999: *Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E.* Bloomington.
- Tosi, R. 2015: Typology of Lexicographical Works. In: F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds.), *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Vol. 1. *History; Disciplinary Profiles*. Leiden – Boston, 622–636.
- Tsyburskiy, V.L. 1990a: Laomedont – epikleza Poseidona? (k raznochteniyam v st. 157 “Aleksandry” Likofrona) [Laomedon – the Epiclease of Poseidon? (to the Discrepancies in Article 157 “Alexandra” Lykofrona)]. In: A.A. Takho-Godi, I.M. Nakhov (red.), *Antichnost' v kontekste sovremennosti* [Antiquity in the Context of Modernity]. Moscow, 66–75.
- Tsyburskiy, V.L. 1990b: Aleksandr – Alaksandus – Elaksantre (K diakhronnoy strukture mifa o Parise) [Alexander – Alaksandus – Elaksantre (To the Diachronic Structure of the Myth of Paris)]. In: I.E. Danilova (ed.), *Obraz – smysl v antichnoy kul'ture* [The Image – Meaning in Ancient Culture]. Moscow, 223–249.
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [Black Hunter: Forms of Thinking and the form of Society in the Greek World]. Moscow.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Wilson, N.G. 1996: *Scholars of Byzantium*. London.
- Wyles, R. 2013: R. Heracles' Costume from Euripides' *Heracles* to Pantomime Performance. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden – Boston, 181–198.
- Yaylenko, V.P. 1990: *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizhniy Vostok* [Archaic Greece and the Middle East]. Moscow.
- Zaytsev, A.I. 1990: Gerakl [Heracles]. In: E.M. Meletinskiy (ed.), *Mifologicheskoy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow, 147–149.

NICKNAMES AMONG GREEKS OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS: II. THE ORIGINS OF THE PHENOMENON

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia,
surikov@mail.ru*

Abstract: It is specified in the article that the practice of nicknaming people in Ancient Greece has a very old tradition; it dates back, as is possible to judge, to the 2nd millennium BC, when the Hellenic mythology was being formed. We find nicknames to a number of Ancient Greek mythological heroes (among them – Heracles-Alcides, Priamus-Podarces, Astyanax-

Scamandrius, Cassandra-Alexandra). Beside constant nicknames we can see also situational ones (as Odysseus-Nobody in the cyclops' cave). Hero's patronymic could also serve as a nickname.

Further, nicknames of cultural figures in Ancient Greece are analyzed. It is known that even the name Homer was considered a nickname by many ancient writers. Some modern scholars (for example, G. Nagy) believe that the name Hesiod is a nickname. Such names as Stesichorus and Plato are manifestly nicknames. Besides, among philosophers the practice of nicknaming colleagues was, as a matter of fact, especially popular.

Key words: Greece, Archaic and Classical periods, nicknames, names, onomastic studies, mythology, heroes, culture actors, philosophers

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИОНИЙЦЕВ И КАРИЙЦЕВ В XI–VI вв. до н.э. В СВЕТЕ АНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

В.С. Кондратьев

*Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, Тюмень,
kvritter89@mail.ru.*

Аннотация. В данной статье рассматриваются взаимоотношения ионийцев с автохтонным населением Малой Азии в период с XII по VI вв. до н.э. – карийцами. С XII в до н.э. греки активно колонизировали западное побережье Малой Азии, где сталкивались с местным автохтонным населением. Отношения греков с карийцами рассматриваются в экономическом, культурном политическом, социальном отношениях. Ионийцы нуждались в землях, и первое время часто шли на военное соперничество с местными народами. Мелийская война, происходившая в VIII в. до н.э., является самым ярким событием практики захвата территорий автохтонного населения, в результате которой греки завоёвывали у карийцев поселения с плодородными землями. В то же время с конца архаического периода, как отмечает автор, ионийцы и карийцы активно шли на контакты друг с другом и нет свидетельств об их враждебных взаимоотношениях. Можно наблюдать и совместные мероприятия, в частности наемническую деятельность. Практика наемничества была вызвана нехваткой земли и ее перенаселением. Часто практиковались смешанные браки, особенно среди аристократических кругов. Формирование ионийской общности шло с включением в ее состав представителей различных этносов. Карийское население включается в социальную структуру ионийского общества, часть его в качестве зависимого населения. Местное карийское население, проживающее непосредственно в соседстве с греками, с течением времени утратило свою идентичность. Карийцы переняли язык греков. У карийцев же греки заимствовали некоторые обычаи и культурные элементы. Как итог, контакты между народами привели к формированию своеобразной ионийской культурной идентичности, в которой можно увидеть следы восточного и карийского влияния.

Ключевые слова: Иония, ионийцы, Малая Азия, карийцы, Мелийская война, Дидимы, наемники

Развитие ионийских полисов на всем протяжении их истории определялось тем фактом, что они были вынуждены активно контактировать с варварами, проживавшими на территории Малой Азии. Это не только крупные восточные монархии. В результате ионийской миграции XII–XI вв. до н.э. переселенцы столкнулись и с местным автохтонным населением – карийцами и лелегами, в меньшей

Кондратьев Владимир Сергеевич – аспирант Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева.

степени лидийцами, фригийцами, проживавшими в глубине материка. Плотность проживания всех этих народов способствовала активным контактам политического, экономического, культурного характера. Как отмечает Е.А. Круглов-Мавридис, среди народов, внесших свой вклад в историю, в том числе и Ионии, особенно в ранний период, были карийцы¹.

Необходимо остановиться на одной немаловажной детали. Мы будем рассматривать регион только греческой области Иония, где непосредственно проживали ионийцы и автохтонное население региона – карийцы, но не будем затрагивать непосредственно саму Карию, где и проживал в наибольшем количестве варварский народ.

Карийцы в античной литературе представлены как мужественные воины, прекрасные мореходы и наемники. К тому же многие представители греческой элиты имели карийское происхождение. Отец Геродота носил карийское имя Лике. Дядя «отца истории» Паниасис – знаменитый эпический поэт – был родом из Галикарнаса².

В последнее десятилетие вырос интерес к теме карийцев в Малой Азии. Работы немецкого исследователя А. Герды³ проливают свет на некоторые сюжеты ионийско-карийских отношений.

Происхождение карийского народа – спорный вопрос. В источниках можно проследить две сюжетные линии, которые описывают происхождение народа. По одной из них, они прибыли на эти земли с острова Крит и, соответственно, как и ионийцы, являются пришлым населением в Анатолии (Hdt. I, 171).

Другая традиция, следуя в первую очередь Геродоту, говорит об автохтонном происхождении народа. В пользу этого говорит, во-первых, самоидентификация карийцев. Геродот пишет, что карийцы имеют общую родословную с лидийцами и мисийцами. Доказательством служит древнее святилище Зевса Карийского, которое ранее принадлежало вышеуказанным народам, ведь по их преданию «Лид и Мис были братьями Кара» (Hdt. I, 171)⁴.

Во-вторых, в пользу автохтонности говорит происхождение карийского языка. Карийский язык принадлежит анатолийской ветви индоевропейского языка. Грамматика языка и лексические совпадения позволяют считать карийский родственным ликийскому языку. Формирование ликийского языка началось еще в Малой Азии в III тыс. до н.э.⁵

В-третьих, данные, взятые из хеттских и египетских источников. В них неоднократно упоминаются земли Karkisa или Karkiya начиная с XIV в. до н.э. По этим данным расположение Карии определялось между землями Lukka на Юге, Millawanda на Западе, Arzawa-Mira и Kuwaliya на Севере и Tarhuntassa на Востоке⁶. Подобная характеристика местоположения дает нам возможность взглянуть

¹ Круглов-Мавридис 1995, 26.

² Круглов-Мавридис 1995, 26–27.

³ В последнее десятилетие А. Герда написал несколько работ, которые рассматривают социально-экономическое, политическое и культурное развитие карийского народа, начиная с II тыс. до н.э. заканчивая утратой культурной идентичности в период эллинизма. Herda 2009; 2012; 2013.

⁴ Herda 2013, 432–433.

⁵ Herda 2013, 433.

⁶ Herda 2013.

на регион проживания карийцев и определить ее как западное побережье Малой Азии. Самих же карийцев можно считать автохтонным народом Анатолии.

А. Герда выделяет два эпизода, которые характеризуют взаимоотношения карийцев и греков. Первый эпизод: это наемническая деятельность карийцев совместно с эллинами и помощь карийцев грекам в период греко-персидских войн⁷. Второй сюжет, хотя довольно спорный: Артемисия – правительница Карики – воювала против греков и прославилась в битве при Саламине в 480 г. до н.э. Данные эпизоды определяют отношения между народами преимущественно как дружественные. Если обратиться к временным рамкам, они соответствуют VIII–VI вв. до н.э. и не рассматривают контакты в более ранние периоды.

В то же время в первых упоминаниях карийцев у Гомера они изображались военными союзниками Трои. В греческой литературе впервые встречается понятие «варвар», которое в более поздние времена станет определяющим во взаимоотношениях греков с другими народами. Понятие было применено в отношении карийцев, которые говорили на неразборчивом, незнакомом эллинам языке.

Гомер в своем труде останавливается на вождях карийцев и изображает их предводителей изнеженными, носящими золотые одежды, в том числе и во время военных походов:

‘Αμφίμαχος καὶ Νάστης ἡγήσασθην,
Νάστης ‘Αμφίμαχος τε Νομίονος ἀγλαὰ τέκνα,
ὃς καὶ χρυσὸν ἔχων πόλεμον δ’ ἔεν ἦτε κούρη
νήπιος, οὐδέ τί οἱ τό γ’ ἐπῆρκεσε λυγρὸν ὄλεθρον

Их предводители были Амфимах и Наст благородный,
Наст и Амфимах герои, Номиона славные дети.
В золото Наст выражался, как дева, идя и на битву.

(Hom., II, 865–875. Пер. Н.И. Гнедича)

С первого упоминания в греческих произведениях карийцы представлены в уничижительном виде. Греки изображаются только мудрыми и храбрыми, карийцы глупы, трусливы и несправедливы. Эти противоположные друг другу характеристики греков и варваров указывают на неравные отношения между ними. Наблюдается стереотип изнеженного, женоподобного жителя Востока⁸. Языковые и культурные различия формируют ядро греческого самовосприятия, поскольку подобную трактовку можно часто обнаружить и в более поздней литературе⁹.

Ко времени ионийской миграции, согласно античной традиции, карийцы занимали большую часть будущей Ионии. Греческие авторы все, без исключения, определяют карийцев как автохтонное население западного побережья Анатолии в период бронзового века. Гомер определяет их место проживания – город Милет, берега реки Меандра и гористая местность, расположенная рядом с городом.

Νάστης αὖ Καρῶν ἡγήσατο βαρβαροφώνων,
οἱ Μίλητον ἔχον Φθιρῶν τ’ ὄρος ἀκριτόφυλλον
Μαιάνδρου τε ροᾶς Μυκάλης τ’ αἰπείνῃ κάρηνα.

⁷ Herda 2013, 422.

⁸ Herda 2013, 426.

⁹ Herda 2013.

Настес вел говорящих наречием варварским каров,
 Кои Милет занимали и Фтиров лесистую гору,
 И Меандра поток и Микала вершины крутые;

(Hom. II, 865–870. Пер. Н.И. Гнедича)

Геродот также отмечает принадлежность Милета к карийцам (Hdt. I, 149). По мнению Павсания, карийцам принадлежали Приена, Миунт, Колофон, Лебедос (Paus., VII, 2, 7). Страбон считал, что карийцы проживали на всей территории будущей Ионии и соседствовали с лелегами. Граница проживания карийцев довольно условна и объясняется она значительным количеством населения. Карийцы владели Милетом, Миунтом, Эфесом, Самосом (Strab. XIV, I, 3). Г. Хаксли, опираясь на литературную традицию, отмечает, что карийцы проживали и на островах Ионии¹⁰. Долгое время они жили на о. Хиос. На Самосе существовало два племени, собственно ионийцы и карийцы. Проживание карийцев в будущей Ионии в определенной мере можно идентифицировать через ономастику, карийские культы, костюмы карийских женщин¹¹.

В первые века своей малоазийской истории ионийские переселенцы практиковали политику захвата карийских поселений. Геродот в качестве примера приводит завоевание ионийцами Милета. По его словам, ионийцы вырезали значительную часть мужского населения и взяли себе в жены их женщин: «Οἱ δὲ αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πρυτανηίου τοῦ Ἀθηναίων ὀρμηθέντες καὶ νομίζοντες γενναϊότατοι εἶναι Ἴωνων, οὗτοι δὲ οὐ γυναῖκας ἡγάγοντο ἐς τὴν ἀποικίην ἀλλὰ Καεῖρας ἔσχον, τῶν ἐφόνευσαν τοὺς γονέας» – Те же ионяне, которые выступали прямо из афинского пританея и считали себя самыми благородными, не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили (Hdt. I, 146. Пер. Г.А. Стратановского). Подобная практика имела целью сглаживать вызванные военными действиями противоречия. Однако карийские женщины в ответ, чтобы отомстить грекам за гибель своих родных, ввели обычай не есть со своими мужьями за одним столом и не называть их по имени (Hdt. I, 146).

А.П. Кулакова видит в этом сюжете некий туземный обычай, который был сохранен частью смешанного греко-карийского населения Милет. Явная неприязнь к ионийцам, по ее мнению, несколько преувеличена, и «знакомство переселенцев с карийцами, завершившееся смешанными браками, было не столь кроваво»¹². Однако автор в своей диссертации не дает достаточного обоснования данной гипотезы.

Г. Ханфман считает, что браки ионийцев с кариянками говорят о том, что военные столкновения не привели к легким победам над местными жителями, особенно на ранних стадиях миграции, и для стабилизации ситуации они вынуждены были прибегать к смешанным бракам¹³.

В современной западной историографии наблюдается несколько иная интерпретация данного эпизода. А. Гривс полагает, что ионийцы пришли на эти земли доминировать над варварской культурой и смешанные браки являются доказательством этого. По мнению А. Герды, Геродот описывает реликт анатолийской

¹⁰ Huxley 1966, 56.

¹¹ Herda 2013, 436.

¹² Кулакова 2001, 21.

¹³ Hanfmann 1953, 6.

культурной традиции, которая сохранилась в повседневной жизни в Ионии к классическому периоду¹⁴. Обычай же «никогда не называть мужей по имени» связан с некими ритуалами, которые имели место в женских культах¹⁵.

В другом ионийском городе Эфесе также первоначально проживали варварские племена карийцев и лелегов. Греческие переселенцы изгнали их со своих земель. Часть местных жителей не пожелала уходить из освоенных земель и поэтому, как пишет Павсаний, дала клятву верности греческому народу (Paus. VII, 2, 8).

Ионийцев, как видим, привлекали карийские поселения с их инфраструктурой, схожей с той, что переселенцы имели в Балканской Греции. Благодаря захвату и переселению в города, адаптация переселенцев на новом месте происходила быстрее.

С завершением миграции основной массы ионийцев началось вытеснение автохтонных племен с их земель с XI в. до н.э. Практика вытеснения автохтонного населения продолжалась, вероятно, в течение всего гомеровского периода. Важным событием, определяющим отношения двух народов в этот период, явилась Мелийская война. Военное столкновение между ионийскими городами и карийским населением произошло по приблизительным оценкам в VIII в. до н.э. Данная датировка определяется на основании письма Лисимаха, в котором говорится о земельном споре, случившемся между жителями Приены и Самоса после киммерийского нашествия. Мелийская война должна быть отнесена ко времени, предшествующему киммерийскому вторжению. Если киммерийские набеги датированы на основании греческих и аккадских источников серединой VII в., то, исходя из этого, войну можно определить временем не позднее конца VIII в.¹⁶

Первым, кто упоминает об этой войне, был Витрувий. Он, описывая в своем трактате об архитектуре основания малоазийских колоний греками, отмечает, что поход против Мелии (Мелиты у Витрувия) был результатом решения большинства ионийских полисов наказать город из-за «заносчивости ее граждан» (Vitr. I, 4). Причина войны кроется в экономическом развитии полисов. В VIII в. до н.э. наблюдается увеличение численности населения. В результате возникает проблема нехватки посевных площадей. Ионийцы считали одним из способов решения возникшей проблемы захват новых территорий. Переселенцам приходилось захватывать плодородные земли у местного автохтонного населения.

Основными итогами войны ионийцев можно отметить следующие. Во-первых, если следовать Витрувию, Мелия была наказана за ее гордыню (Vitr. I, 4). Во-вторых, победители произвели раздел земли между ионийскими общинами, что на время решило вопрос земельного дефицита. В-третьих, военные действия на долгое время урегулировали территориальные претензии ионийских полисов друг к другу¹⁷.

Присоединение новых территорий за счет карийских земель продолжалось долгое время, что можно проследить по истории расширения ионийских городов. В таком крупном поселении как Милет долгое время остро стоял вопрос зе-

¹⁴ Greaves 2010, 18.

¹⁵ Herda 2013, 441.

¹⁶ Лаптева 2009, 459. М.Ю. Лаптева определяет Мелийскую войну как важную ступень развития ионийского общества. См. подробнее Лаптева 2007, 9–18.

¹⁷ Лаптева 2009, 462.

мельного голода. Это приводило к поглощению Милетом небольших соседних поселений. В этом отношении у Геродота есть интересное сообщение. Он, говоря о разделе персами земли милетян после взятия города, приводит трехчастное деление территории милетского государства: себе персы взяли земли в окрестностях самого города и равнину, а горные районы отдали карийцам из Педасы: «τῆς δὲ Μιλησίων χώρας αὐτοὶ μὲν οἱ Πέρσαι εἶχον τὰ περὶ τὴν πόλιν καὶ τὸ πεδίον, τὰ δὲ ὑπεράκρια ἔδωσαν Καρσὶ Πηδάσεῦσι ἐκτῆσθαι» (Hdt. VI, 20). Таким образом, к началу V в. до н. э. Милетское государство состояло из собственно Милесии, горных областей Гриона и владений Милета на территории долины Меандра¹⁸.

Владения Милета, как отмечает Дж. Кук, расширялись в течение нескольких столетий. Милет в VII в. присоединяет к своей хоре соседнюю Магнесию. Ко времени персидского завоевания Милет включил в свою хору горные области Гриона и земли долины Меандра¹⁹. Из поселений можно выделить Тейхиуссу, которую можно определить как карийское поселение. В истории сохранилось имя Хареса, который совершил подношение в Дидимское святилище. Мы не можем достоверно утверждать, кем он был: милетским наместником или местным царем, поэтому трудно определить зависимость его от Милета. В более поздний эллинистический период Педасы карийское поселение также становится частью хоры Милета²⁰. Владения Милета создавались постепенно в течение нескольких столетий, они составляли, как пишет Дж. Кук несколько прилежащих островов и несколько отдельных участков на материке²¹. Подобные действия милетян говорят, скорее всего, о захвате территорий исключительно в период земельного дефицита, вызванного увеличением населения хоры.

Мы не можем говорить о степени зависимости захваченных поселений от Милета. Зависимость могла быть экономической и политической. Была ли подобная ситуация с другими ионийскими полисами, мы не можем утверждать из-за отсутствия необходимой источниковой базы.

Новые территории были жизненно необходимы для переселенцев в силу увеличивавшегося населения, поэтому ионийцы активно проводили политику захвата варварских земель.

К периоду архаики ионийцы обжились на новой территории и, как отмечает Геродот, смешались со многими народами (Hdt. I, 146). Страбон, в свою очередь, приводит в пример заселение равнины Меандра. Она была заселена «лидийцами, карийцами, ионийцами» (Strab. XIV, I, 42). При всем многообразии народов античные авторы говорят о мирном проживании ионийцев и варварских племен в области, именуемой Ионией (западное побережье Малой Азии между реками Герм и Меандр, острова Хиос и Самос) в последующие века.

Карийцы постепенно ассимилировались и включались в социальную структуру ионийского общества. Тесные экономические и социальные контакты обуславливали данный процесс. На территории большинства ионийских поселений мы наблюдаем соседство ионийских и неионийских фил. Основная масса демоса состояла из свободных, но незнатных земледельцев хоры как ионийского, так и

¹⁸ Кулакова 2001, 22–23.

¹⁹ Cook 1946, 89.

²⁰ Лаптева 2009, 227.

²¹ Cook 1946, 90.

варварского происхождения. Карийские филы были во многих греческих полисах и на ионийском острове Самос²².

Кроме того, шло смешение греческой и карийской аристократии, что влекло за собой потерю однородности ионийской знати²³. Многие знатные и именитые жители полисов имели смешанное происхождение. Например, род жрецов Евангелидов-Бранхидов, которые заведовали храмом Аполлона в Дидимах близ города Милета. Этот род играл важную роль не только в Милете но и на Ближнем Востоке²⁴. Мраморная статуя Хареса, одного из карийских по происхождению представителей ионийской аристократии, изображает восседающего на троне архонта небольшого поселения Тейхиусы²⁵. Эти примеры ярко демонстрирует практику смешанных браков в пределах смешанного проживания ионийцев и карийцев в архаический и классический периоды.

Присутствие карийских женщин в аристократических кругах Милета идентифицируется также и описанием женских костюмов, которые являются традиционными для восточных народов, в том числе для карийцев. Наиболее яркий пример – это так называемая «Schleiermantel», платок, покрывающий голову и часть спины, закрепленный спереди левой кромкой под поясом. Этот костюм можно наблюдать в женских скульптурах Милета, в Дидимах, на Самосе²⁶. Подобные находки не единичны, поэтому можно утверждать, что эти костюмы были популярны среди ионийских женщин и были заимствованы от карийцев.

Значительную часть населения составляли рядовые карийские общинники, которые были включены в социальную организацию ионийцев. Часть из них попала в категорию зависимого населения. Это гергиты, жившие в Милете, и педиеи, обосновавшиеся в Приене. Исследуя историческое развитие Ионии, большинство антиковедов считают их потомками покоренного ионийцами в период их миграции в Малую Азию местного негреческого населения. Скорее всего, ими выступали карийцы, лелеги, лидийцы. Зависимость данных категорий населения выражалась, прежде всего, в уплате натуральных податей.

Гергиты представляли собой зависимое население, жившее в Милете. Не вызывает вопроса лишь их местное происхождение. Геродот называет их потомками племени тевкров, обитавших в Троаде, где располагался город Гергифы (Hdt. V, 22; VII, 43). Страбон также указывает на Троаду, как место их первоначального обитания (Strab. XIII, 1, 19). Современные исследователи также склонны относить гергитов к потомкам местного анатолийского населения. А. Ломонье считает их лелегами и олицетворяет, как и Геродот, с жителями Троады²⁷. И.С. Свенцицкая, на основании исследований Дж. Кука, локализует их в Троаде в районе города Гергис и отмечает значительное количество карийского населения в Милете²⁸.

Афиней, описывая социальную борьбу в Милете VI в. до н.э., указывает, что гергиты являлись одной из действующих групп в этой борьбе. Он называет их «демотами», которые борются против «имеющих имущество» (XII, 26, 523e-f –

²² Cook 1946, 89.

²³ Лаптева 2009, 278.

²⁴ Лаптева 2009, 292, 295.

²⁵ Лаптева 2009, 296.

²⁶ Herda, 2013, 440.

²⁷ Laumonier 1958, 538–539.

²⁸ Свенцицкая 1978, 27.

524a-в). Трудно представить, чтобы положение зависимого земледельческого населения, особенно негреческого происхождения, было сходным с положением полноправных граждан Милета. Как отмечает М.Ю. Лаптева, Афиней, отождествляя гергитов с демотами, с трудом представлял архаическую хору Милета, где рядом с владениями полноправных граждан находились поселения местных анатолийских племен, в том числе гергитов²⁹. Скорее всего гергиты выступали как союзники полноправным гражданам Милета, которым была необходима дополнительная сила для борьбы с аристократией.

Педиеи, проживавшие в Приене, также относились к категории зависимого населения. В надписях Приены IV–III вв. до н.э. встречаются упоминания о подчиненном сельском населении. Интересной представляется надпись, в которой описывается дарение проксении эфесцу и оговаривается его право на владение землей. В ней говорится, что новому владельцу земли запрещено обладать землей, которая принадлежит педиеям³⁰. Земли педиеев, как видно из источника, находились в составе полисных земель, но данные земли нельзя было отчуждать, поэтому некоторые ученые пришли к выводу, что земля находилась в собственности самих педиеев³¹. И.С. Свенцицкая считает, что эта категория населения не могла быть собственниками земли. Их земля, по ее мнению, входила в категорию общественных земель города³². За возможность владеть землей педиеи платили подати, размер и форма которых неизвестны. Исследовательница на основании источников, относящихся к периоду эллинизма, предложила свою версию. Она отождествила эти подати с одним из налогов, который выплачивался населением Малой Азии во времена Александра Македонского³³.

Проживание нескольких народов на одной территории неизбежно приводит к языковым заимствованиям. Смешение ионийского диалекта греческого языка и карийского также имело место в истории этих народов. Как было отмечено выше, Гомер упоминал карийцев как носителей варварского языка. Через продолжительное время мы наблюдаем несколько иную картину. А. Герда, комментируя замечание Страбона о карийцах, которых он упоминает как панэллинов, людей с варварской речью (Strab. VIII, VI, 6), пишет, что оно с течением времени трансформировалось в выражение: «говорят как карийцы», то есть, говорят на плохом греческом языке³⁴. Данное выражение могло появиться лишь в условиях тесных контактов между народами и усвоением ионийского диалекта в качестве разговорного языка варварским народом.

Представляет проблему определение положения греческого языка в первые века после переселения ионийцев. Интересным видится замечание А. Герда, который отмечает, что, возможно, первоначально ионийский язык находился под влиянием карийского. В качестве примера автор приводит города Милет, Приену, в которых проживало большое количество карийского населения³⁵.

²⁹ Лаптева 2009, 316.

³⁰ Свенцицкая 1967, 81.

³¹ Лаптева 2009, 303.

³² Свенцицкая 1967, 92.

³³ Свенцицкая 1967, 84.

³⁴ Herda 2013, 423.

³⁵ Herda 2013, 422.

Г. Ханфман также считает, что греческий язык долгое время оставался маргинальным явлением в Малой Азии в силу немногочисленности носителей языка. Превалировали в регионе другие языки, в том числе и карийский³⁶.

Геродот дает описание ионийских диалектов. Он указывает, что в Ионии ко времени его жизни имелось четыре диалекта, один из которых появился в результате контактов с карийским языком: «далее всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карию, и жители их говорят на одном наречии» (Hdt. I, 142). Можно предположить в связи с этим, что на язык жителей южных городов Ионии существенное влияние оказало карийское наречие.

На основании языковых заимствований в общеупотребительной лексике Г. Хаксли приходит к выводу, что в окрестностях Милета был распространен карийский язык и в греческом языке города было много заимствований в связи с совместными трудами милетян и карийцев по благоустройству города³⁷.

Совместное проживание двух народов привело также и к заимствованию греческого языка карийцами. Смешение языковых традиций складывается в архаический период, когда греческий народ начинает доминировать в регионе в политическом и культурном плане.

До наших дней сохранились карийские надписи в Египте при входе в храм Рамзеса II в Абу-Симбеле. В надписях содержатся имена карийских воинов, находившихся на службе у фараона. Карийские буквы были схожи с греческими, но мало поддавались расшифровке. Надписи сделаны греческим и карийским воином по имени Pelekos во время одной из военных кампаний периода правления Псамметиха II в 591 г. до н.э.³⁸

Другим примером может послужить декрет о конфискации земель от 400 г. до н.э. у Галикамосса. В нем написаны имена нескольких карийцев на восточноионийском диалекте, как и все другие надписи классического периода.

Подобные примеры красноречиво говорят о смешении языков. К началу классического периода карийский диалект утратил свое значение и уступил место ионийскому диалекту. А. Герда определяет время, когда карийцы потеряли языковую идентичность, III в. до н.э., хотя не исключает, что они могли использовать свой родной диалект в качестве повседневного разговорного³⁹.

Определяющим фактором ассимиляции народов, помимо языка, является религия. Некоторые ионийские святилища были сооружены на месте карийских. А. Герда, характеризуя святилища близ города Милет, отмечает, что святилище Аполлона Филесия в Дидимах было построено на месте более древнего религиозного комплекса, предположительно карийского. Это подтверждается окончанием названия на «има», которое часто встречается у карийцев и ликийцев⁴⁰.

Культ Аполлона имел варварские корни, и религиозный синкретизм можно наблюдать между греческим Аполлоном и карийскими Дидимами, который возник в период темных веков⁴¹. Сами Дидимы и культ Аполлона имел место и в пе-

³⁶ Hanfmann 1953, 21.

³⁷ Huxley 1966, 78.

³⁸ Бордмэн и Хэммонд 2007, 15–16.

³⁹ Herda 2013, 423.

⁴⁰ Кобылина 1995, 94.

⁴¹ Herda 2013, 443.

риод до ионийской миграции и свидетельствует о его варварском происхождении. Первоначально варварское карийское культовое место посещалось обоими народами. В исследовательской литературе распространено убеждение о негреческом происхождении культа Аполлона. Очаги культа находились в Малой Азии, где он прослеживается со II тыс. до н. э.

Частым сюжетом, в котором греки и карийцы упоминаются вместе, является наемническая служба у восточных монархов (Hdt. II, 61). Р. Кук причиной появления ионийского и карийского наемничества считает экономическое развитие Ионии⁴². В VII в. до н.э. сельское хозяйство и ремесло не могли охватить всю активную часть населения, а именно мужчин. Это заставляло мужское население ионийцев и карийцев становиться наемниками на службе у восточных монархов. Другой причиной наемничества являются взаимоотношения карийцев с ионийцами, которые вытеснили карийцев из своих обжитых земель. Искать новые земли в глубине материка было невозможным по причине соседства с крупными монархиями.

Согласно Геродоту, первоначально карийцы превосходили греков в вооружении, поэтому эллины переняли у варварского народа гребни на шлемах, устройство щита (Hdt. I, 171). Постепенно к периоду архаики карийское вооружение стало похожим на гоппитское оружие и доспехи греков. А. Герда считает, что борьба в фалангах – это греко-карийское изобретение VIII-VII вв., и благодаря своей эффективности оно быстро распространилось по всей Греции⁴³. По мнению ученого, наибольший размах совместной наемнической деятельности мы наблюдаем в VII-VI вв. до н.э. Однако А. Герда отмечает, что уже с IX в. до н.э. карийцы нанимались на службу к восточным монархам, при этом о греках-наемниках еще нет никакой речи. Совместную деятельность можно наблюдать только с VII в. до н.э.⁴⁴ Также есть упоминание в книге Царств Библии о наемниках в Иудее IX-VII вв. до н.э. (11.4). Античные авторы много внимания уделяют Египту, где в большом количестве служили ионийские и карийские наемники (Hdt. II, 61). Фараоны охотно нанимали карийцев и ионийцев для решения внутригосударственных вопросов (Hdt. II, 152). Когда в Саисскую эпоху в Египте появились греческие наемники, они прибыли сюда с карийцами, которые отличались культурой и говорили на другом языке, при этом варвары были вооружены как греки⁴⁵.

Итак, в ходе миграции ионийские племена столкнулись с местным автохтонным, преимущественно карийским, населением. Если в период переселения ионийские греки стремились завоевать соседние территории, что сопровождалось истреблением местного населения, то в конечном итоге мы наблюдаем формирование ионийской общности с включением в ее состав представителей различных этносов, что положительно повлияло на экономическое, политическое и культурное развитие области и привело к появлению своеобразной ионийской культуры, одной из составляющих которой стал симбиоз карийских и восточногреческих традиций.

⁴² Cook 1946, 92.

⁴³ Herda 2013, 444.

⁴⁴ Herda 2013, 443.

⁴⁵ Бордмэн и Хэммонд 2007, 15.

ЛИТЕРАТУРА

- Бордмэн, Д., Хэммонд, Н. (ред.) 2007: *Кембриджская история древнего мира*. Т. III. Ч. 3. *Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н. э.* М.
- Кобылина, М.М. 1965: *Милет*. М.
- Круглов-Мавридис, Е.А. 1995: Мавзолей и архаическая культура Карики. В сб.: *Идеология и политика в античной и средневековой истории*, 26–37.
- Кулакова, А.Н. 2001: *Милетская колонизация VIII–VII вв. до н.э. в районе Пропонтиды и Причерноморья*: дисс. канд. ист. наук. СПб.
- Лаптева, М. Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Лаптева, М.Ю. 2007: Мелийская война в истории архаической Ионии. *Antiquitas aeterna* 2, 9–18.
- Свенцицкая, И.С. 1978: Греческие города в составе Лидийского царства. *ВДИ* 1, 26–38.
- Свенцицкая И.С. 1967: Положение зависимого населения в Малой Азии V–IV вв. до н. э. *ВДИ* 4, 80–103.
- Cook, R. 1946: Ionia and Greece in the Eight and Seventh Centuries B. C. *JHS* 66, 67–98.
- Greaves, A. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic period*. Oxford.
- Hanfmann, G. 1953: Ionia, Leader or Follower? *HSClPh* 61, 1–37.
- Herda, A. 2009: Karerinnen und Karer in Milet: Zu einem spätklassischen Schlüsselchen mit karischem Graffito aus Milet. *Archäologischer Anzeiger* 2, 51–112.
- Herda, A. 2012: Gergithes. In R.S.Bagnall, K.Brodersen, C. Champion, A. Erskine, S. Huebner. (eds.), *The Encyclopedia of Ancient History*. Oxford, 2897.
- Herda, A. 2013: Greek Views on the Karians. In: *Luwian Identities Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean*, 421–509.
- Huxley, G. 1966: *The Early Ionians*. London.
- Laumonier, A. 1958: *Les cultes indigenes en Carie*. Paris.

REFERENCES

- Bordmem, D., Khemond, N. (red.) 2007: *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira* [Cambridge Ancient History]. T.III. Chast. 3. *Rasshirenie grecheskogo mira VIII–VI vv. do n.e.* [The Expansion of the Greek World, 8th to 6th Centuries BC]. Moscow.
- Cook, R. 1946: Ionia and Greece in the Eight and Seventh Centuries B.C. *Journal of Hellenic Studies* 66, 67–98.
- Greaves, A. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic period*. Oxford.
- Hanfmann, G. 1953: Ionia, Leader or Follower? *Harvard Studies in Classical Philology* 61, 1–37.
- Herda, A. 2009: *Karerinnen und Karer in Milet: Zu einem spätklassischen Schlüsselchen mit karischem Graffito aus Milet*, https://www.academia.edu/515406/Karerinnen_und_Karer_in_Milet_Zu_einem_sp%C3%A4tklassischen_Sch%C3%BCsselchen_mit_karischem_Graffito_aus_Milet
- Herda, A. 2012: *Gergithes*, <https://www.academia.edu/2301751/Gergithes>
- Herda, A. 2013: Greek Views on the Karians. In: *Luwian Identities Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean*, 421–509.
- Huxley, G. 1966: *The Early Ionians*. London.
- Kobylyina, M.M. 1965: *Milet* [Miletos]. Moscow.
- Kruglov-Mavridis, E.A. 1995: Mavzoley i arkhaiseskaya kul'tura Karii [Mausoleum and Archaic Culture of Karians]. In: *Ideologia i politika v antichnoy i srednevekovoy istorii* [Ideology and a Policy in an Antique and Medieval History], 26–37.

- Kylakova, A.N. 2001: *Miletskaya kolonizatsia the 8th–7th vv. do n.e. v rayone Propontidy i Prichernomor'ya* [Miletos Colonisation 8th–7th Centuries BC in Area Propontidy and Black Sea Coast]: dis. kand. ist. nauk. Saint-Petersburg.
- Lapteva, M.Yu. 2007: Meliyskaya voina v istorii arkhaischeskoy Ionii [Meliysky War in the History of Archaic Ionia]. *Antiquitas aeterna* [Antiquitas aeterna] 2, 9–18.
- Lapteva, M. Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoy tsivilizatsii: Ioniya XI–VI vv. do n.e.* [At Sources of an Ancient Greek Civilization: Ionia the 11th–6th Centuries BC]. Saint-Petersburg.
- Laumonier, A. 1958: *Les cultes indigenes en Carie*. Paris.
- Sventsitskaya, I. S. 1967: Polozhenie zavisimogo naseleniya v Maloy Azii V–IV vv. do n.e. [Position of the Dependent Population in Asia Minor the 5–4th Centuries BC of Messenger of Ancient History]. *Vestnik Drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 80–103.
- Sventsitskaya, I. S. 1978: Grecheskie goroda v sostave Lidiyskogo tsarstva [The Greek Cities as a Part of the Lydian Kingdom]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 1, 26–38.

THE RELATIONSHIP BETWEEN IONIANS AND CARIANS IN THE 11th – 6th CENTURIES BC THROUGH THE ANTIQUE NARRATIVE TRADITION

Vladimir S. Kondratyev

Tobolsk Pedagogical Mendeleyev Institute (the Branch) of Tyumen State University, Russia,
kvritter89@mail.ru

Abstract. In this article the relationship between the Ionians with the Carians (autochthonous population of Asia Minor during the period from the 12th to the 6th century BC) is considered. Since the 12th century BC, the Greeks actively colonize the western coast of Asia Minor where they faced the local autochthonous population. The relationships of the Greeks with the Carians are considered in the economic, cultural, political, social aspects. The Ionians needed lands, and at first often went for military rivalry with the local people. The Melia war that took place in the 8th century BC was the highlight event of the practice of annexation of territories of the autochthonous population and yielded results that the Greeks subdued the Carians settlements with fertile lands. Since the end of the archaic period, the Ionians and the Carians actively were in contact with each other and there is no evidence of the hostile relations. It is possible to observe also joint activities, in particular mercenary one. The practice of mercenarism was caused by the shortage of the land and the excessive population. Mixed marriages, especially among aristocratic circles, often occurred. Herodotus's father had the Carian name Lyxes. Ionian community was formed with the inclusion in its membership the representatives of different ethnic groups. The Carian population is included in the social structure of Ionian society, some of them as dependent population. The local Carian population living directly in the vicinity of the Greeks, over time lost its identity. The Carians adopted the language of the Greeks. Greeks borrowed some customs and cultural elements at the Carians. The Ionian sanctuary Didyma was built on the site of the ancient Carian religious construction. As a result, the contacts between the people led to the formation the so-called Ionian cultural identity in which we can see traces of Eastern and Carian influence.

Key words: Asia Minor, Ionia, the Ionians, the Carians, Melia war, Didyma, mercenaries

СМИРНА ОТ ГОМЕРА ДО АЛЕКСАНДРА: АРХЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

М.Ю. Лаптева

*Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева
(филиал Тюменского государственного университета), Тобольск,
mlapteva1@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемным сюжетам в истории архаической и классической Смирны. Одним из них является основание поселения эолийцами и время вступления Смирны в Панионийский союз. Автор приводит аргументы в пользу вступления Смирны в Панионий не в эллинистическое время, как принято интерпретировать сообщение об этом событии Витрувия, а в начале архаического периода, когда она была яблоком раздора между ионийскими и эолийскими племенами. В статье рассматриваются также данные археологии, дополняющие отсутствующие свидетельства нарративной традиции о «темных веках» в истории Смирны: от времени ее разрушения лидийским царем Алиатом и до нового основания Александром Македонским или его преемниками.

Археологические исследования конца XX – начала XXI вв., предпринятые английскими и турецкими археологами, показывают, что лидийское завоевание было кратковременным и не катастрофичным. Напротив, начало VI в. до н.э. отмечено бурным городским строительством: в Смирне реставрируются и возводятся новые оборонительные стены, реконструируется храм Афины, строятся новые общественные здания и частные хозяйственные комплексы. О росте благосостояния части горожан свидетельствует разнообразный и богатый погребальный инвентарь городского некрополя у юго-восточных стен города.

Завоевание малоазийских греческих городов персами привело к значительным материальным потерям: был разрушен и больше не восстанавливался в прежних масштабах храм Афины, пострадали стены и жилые дома горожан. Однако экономика полиса в V–IV вв. до н.э., судя по данным археологии, продолжает развиваться: Смирна импортирует вино и керамику из ионийских городов, Коринфа, Спарты и центральной Италии, чеканит электровую монету, расширяет границы хоры на юго-восток, продает зерно соседним ионийским городам. В то же время на протяжении всего архаического периода Смирна не участвует в колонизации, не проявляет себя во внешней политике, показывая образец автономного и самодостаточного полиса, сосредоточенного исключительно на развитии сельского хозяйства, торговли, строительстве оборонительных сооружений.

Ключевые слова: Смирна, Иония, Гомер, Панионийский союз, Алиатт, Ионийское восстание.

Лаптева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и методик преподавания Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (г. Тобольск).

ВВЕДЕНИЕ

Старая Смирна получила широкую известность после второй мировой войны, когда совместная англо-турецкая экспедиция под руководством Дж. М. Кука и Э. Акургала раскопала на холме Тепекуле поселение XI–IV вв. до н. э., обнаруженное еще в 1930 г. Ф. Милтнером около деревни Байраклы, расположенной в северо-восточной части Измирского залива. До начала систематических раскопок в 1947 г. история Смирны от времени ее основания и до перенесения в начале эллинистического периода полисного центра к подножью холма Кадифекале, давшего начало новому периоду в истории Смирны (так называемой Новой Смирне), реконструировалась по скудным и фрагментарным свидетельствам нарративной традиции и поэзии¹.

В настоящее время раскопана примерно третья часть Старой Смирны. Наиболее значимыми раскопанными объектами стали первые в греческом мире после периода миграций XII–XI вв. до н.э. городские стены из кирпича-сырца, датируемые IX в. до н. э., каменные стены VII и VI вв. до н.э. (рис. 1–5), а также самая ранняя для греческих поселений регулярная планировка городского пространства². В 90-е гг. XX в. были завершены раскопки храма Афины, расположенного в северной части поселения у ворот города (рис. 6–7). За юго-восточным участком городских стен был обнаружен фонтан, построенный в конце VII в. до н. э., и некрополь начала VI в. до н.э. (рис. 4–5).

Историки-античники и археологи-классики, не утратившие привычки сопоставлять археологические артефакты со свидетельствами античной традиции, обратили внимание на сходство гомеровской Схерии и Старой Смирны³. Это сходство окончательно закрепило за Смирной статус родины Гомера. Накопленный и систематизированный в процессе раскопок материал позволил уточнить многие события истории Смирны XI–VII вв. до н.э., ранее известные только по легендарно-исторической традиции. Также появились основания внести существенные коррективы в сложившиеся представления об истории Смирны VI–IV вв. до н.э., время, которое из-за отсутствия какой-либо письменной информации об этом периоде можно было бы назвать «темными веками» в истории этого полиса.

В настоящей статье мы остановимся на проблемах реконструкции экономической и политической истории Смирны от периода основания этого ионийского поселения в XI в. до н.э. до начала эллинистического периода, времени создания нового полисного центра (Новой Смирны), приписываемого преданием Александру Македонскому.

СМИРНА ОТ ПЕРИОДА МИГРАЦИИ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ПАНИОНИЙСКИЙ СОЮЗ

В научной литературе, затрагивающей проблему переселения греков Балканского полуострова на новые земли Малой Азии в результате вытеснения их индоевропейскими племенами, мигрировавшими в Пелопоннес в XII–XI вв. до н.э., Смирна определяется как эолийское поселение, захваченное затем ионийцами-

¹ Cadoux 1938, 85–104.

² Лаптева 2009, 220–221.

³ Cook 1958–59, 12; 1963, 32–33; Snodgrass 2001, 435; Lapteva 2009, 123–128.

Рис. 1. Стена Смирны середины IX в. до н.э. Сырцовый кирпич.
Фото автора

колофонянами. Об этом свидетельствует и местная традиция, стихи из поэмы «Нанно» колофонского поэта VII в. до н.э. Мимнерма (fr. 3 Gentili–Prato)⁴:

Пилос высокий покинув, город Нелея,
В желанную Азию прибыли мы на кораблях.
И в Колофоне любимом осели, силу имея большую,
Дерзостью тяжкою всех превосходя.
После того и оттуда мы поднялись, устремившись чрез реку,
Волею наших богов Смирну эолян отняв.
(перевод наш)

Археологическим подтверждением эолийского происхождения Смирны, а затем её завоевания ионийцами считается изменение характера керамики в слоях протогеометрического периода, датируемого XI–IX вв. до н.э. В керамических находках Смирны XI в. до н.э. преобладает эолийская керамика. В течение двух следующих столетий в керамике появляются, а затем доминируют ионийские особенности⁵.

Геродот, Страбон и Павсаний сообщают сведения, уточняющие и дополняющие эти археологические данные. Страбон (XIV, 1, 4) рассказывает древнее предание относительно первоначального названия Эфеса. Эфес, как утверждает Страбон, назывался Смирной по имени амазонки Смирны, владевшей этим местом. Страбон указывает также на местоположение одноименной местности Смирна, находившейся в Эфесе, и рассказывает, как смирнейцы, отделившись от ионийцев-эфесян, завоевали у лелегов новую землю и основали поселение Смирна в 20 стадиях от современной Страбону Новой Смирны. Позднее, рассказывает Стра-

⁴ Мимнерм был автором поэмы, посвященной истории Смирны.

⁵ Cook 1958–1959, 10–14; Huxley 1972, 24; Snodgrass 2000, 67–68.

Рис. 2. Стены Смирны. Первая половина VI в. до н. э. Северо-восточный участок. Фото автора

бон, смирнейцев вытеснили из этого поселения эолийцы. Ионийцы же Смирны нашли убежище в Колофоне. Колофоняне помогли смирнейцам вернуть Смирну.

Страбон подтверждает имеющееся в его распоряжении легендарное предание о возвращении Смирны ионийским первопоселенцам отрывком из элегии «Нанно» Мимнерма, цитируемым выше, а также стихами эфесских поэтов архаического периода Каллина и Гиппонакта, которые называют часть эфесян смирнейцами и указывают на место в Эфесе, именуемое Смирной.

Геродот дополняет это свидетельство Страбона рассказом о захвате Смирны изгнанными в результате поражения в междоусобной борьбе колофонянами, получившими убежище в Смирне (I, 150). Позднее, сообщает в этой новелле Геродот, изгнанники захватили город во время Дионисий, справлявшихся смирнейцами за стенами города. Эолийцы вынуждены были заключить с колофонянами соглашение, по которому им пришлось покинуть Смирну со своим имуществом. Правда, согласно Геродоту, им были дарованы гражданские права в одиннадцати ионийских общинах, входивших в Панионийский союз.

Итак, древняя традиция и археология свидетельствуют о том, что местность, в которой была основана Смирна, с XI в. до н.э. стала яблоком раздора между эолийскими и ионийскими греческими переселенцами. В начале архаического периода Смирна еще сохраняла смешанное ионийско-эолийское население. Это подтверждается уменьшением, но не исчезновением эолийской керамики в ее протогеометрических и ранних геометрических слоях, а также эолизмами в ионийском диалекте Гомера, которого греческая традиция считала уроженцем Смирны⁶.

⁶ Huxley 1972, 47, 170, n. 6; Cook, Dupont 2003, 135–136; Лаптева 2009, 123–128.

СМИРНА И ПАНИОНИЙСКИЙ СОЮЗ

Время и обстоятельства вступления Смирны в Панионийский союз – еще один дискуссионный вопрос ранней истории этого восточногреческого поселения.

Панионий, союз двенадцати ведущих ионийских общин, объединенных по формальному признаку (осознание своей ионийской идентичности через признание руководящей роли ойкистов-Кодридов и отправление культа Посейдона Геликонского), был создан в период миграции ионийских и других греческих и негреческих племен из центральных и южных районов Балканской Греции в XI–X вв. до н.э. для борьбы с местными анатолийскими племенами ради завоевания переселенцами жизненного пространства на западном побережье Малой Азии. Панионийский религиозный и военно-политический союз стал средством сплочения переселенцев, греческих и негреческих племен, осознания ими своей принадлежности к ионийскому этносу независимо от их действительного происхождения⁷.

Традиция не дает определенных указаний на время вступления Смирны в Панионийский союз. Геродот, Павсаний и Страбон отмечают, что это произошло после завоевания Смирны колофонянами. По Геродоту и Павсанию о принятии в Панионий просили сами смирнейцы, Страбон же пишет, что Смирна была принята в Панионийский союз по инициативе эфесян (Hdt. I, 143, 150; Strab. XIV, 1, 4; Paus. VII, 5, 1).

Некоторые исследователи считают истинным утверждение римского архитектора Витрувия о том, что Смирна была принята в Панионий в эллинистический период (в правление Аттала и Арсинои) вместо разрушенного тринадцатого ионийского города Мелиты (De archit., IV, 1, 4–5). Свидетельство же Геродота о том, что смирнейцы в ранний период своей истории просили принять их в Панионийский союз (I, 143), часто истолковывается в том смысле, что Смирне в этой просьбе было отказано⁸. При этом сообщение Страбона о принятии смирнейцев в Панионий по просьбе эфесян и свидетельство Павсания о допущении Смирны в этот союз после того, как она была отнята у эолийцев, объединяются с рассказом Витрувия о Мелийской войне и разрушении карийского города Мелиты, место которого в союзе ионийцев в эллинистический период заняла Смирна⁹. Таким образом, создается впечатление, что между отвоеванием Смирны у эолийцев и принятием ее в Панионий прошло несколько столетий и произошло это по инициативе эллинистического правителя.

Представляется, однако, более правильным взять за основу реконструкции ранней политической истории Смирны сообщения Геродота, Страбона и Павсания, а свидетельство Витрувия о принятии Смирны в Панионий отнести к эллинистическому времени. В этом случае становится очевидным, что ранняя история и панионийский статус Смирны были тесно связаны с историей двух ионийских поселений, Эфеса и Колофона. Рассказ Страбона о первоначальном названии Эфеса (Смирна), о смирнейцах, выходцах из одноименного места в Эфесе, отправившихся раньше колофонян и эолийцев на завоевание новых земель у местных племен (лелегов), об основании на завоеванных землях поселения Смирна, о вы-

⁷ Лаптева 2006, 3–24; 2007, 9–18; 2009, 101–120, 452–464; 2015, 15–24.

⁸ Кулакова 2003, 30–31; Cadoux 1938, 67; Roebuck 1955, 31; Jeffery 1978, 225.

⁹ Roebuck 1955, 31.

Рис. 3. Стены Смирны. Первая половина VI в. до н. э. Юго-восточный участок. Фото автора

Рис. 4. Юго-восточный участок стен и некрополь. Фото автора

теснении смирнейцев эолийцами и возвращении их при помощи колофонян (XIV, 1, 4) хорошо коррелируется с типичными перипетиями переселенцев начального периода ионийской и эолийской миграции (cf.: Paus., VII, 3, 5). А это, в свою очередь, делает правдоподобным как рассказ Геродота о просьбах ионийцев Смирны принять их в Панионийский союз (Hdt., I, 143), так и утверждение Страбона о том, что Смирну в Панионийский союз ввели эфесяне (XIV, 1, 4). Подобная инициатива метрополии по отношению к дочернему поселению, Смирне, была естественной в контексте рассказанных нашими источниками событий. Можно также предположить, что включение Смирны в Панионий произошло до начала VII в. до н.э. Это предположение становится возможным благодаря свидетельству Павсания и Евсевия о том, что во время двадцать третьей олимпиады (688 г. до н. э.) в кулачном бою победил Омонаст (или Ономаст) из Смирны, которая «συντελοῦσθς ἡδὲ τηνικαῦτα ἐς Ἴωνας – в то время уже принадлежала ионийцам» (Paus. V, 8, 7; Euseb. Chron. Ol. 23 Schoene, p. 196).

Павсаний в рассказе о второй Мессенской войне сообщает, что предводители восставших, Аристомен и Феокл, побуждая мессенцев к дальнейшей борьбе, приводили в качестве примера жителей Смирны, которые, будучи лишь частью ионян, успешно обороняли город от царя лидийцев Гигеса (IV, 21, 5). Таким образом, в начале VII в. до н.э. Смирна воспринималась за пределами Ионии как ионийский город.

Приведенные выше доводы позволяют утверждать, что Смирна стала тринадцатым членом Панионийского союза еще до конца VII в. до н. э., то есть до ее разрушения лидийцами.

Что же касается сообщения Витрувия о принятии Смирны в Панионийский союз вместо разрушенной Мелиты (Мелии), то и оно отражает реальный факт, но значительно более позднего, эллинистического времени. Согласно традиции, Александр Македонский основал новый город в двадцати стадиях от прежней Смирны. Затем строительством города занимались Антигон Одноглазый, а также царь Фракии и Западной Малой Азии Лисимах (Strab. XIV, 1, 4, 37; Paus. VII, 5, 1–3). По мнению Витрувия, Смирна была принята в Панионий по милости пергамского царя Аттала¹⁰ и его жены Арсинои (De archit. IV, 1, 4–5). Из этого следует, что у Витрувия речь идет о повторном принятии Смирны в Панионийский союз после перенесения ее политического центра на новое место, а не об упоминутых событиях ее ранней истории, происходивших до начала VII в. до н. э.¹¹

СМИРНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ С АЛИАТТОМ

В исторической литературе, посвященной архаической Греции, общим местом является мнение, что Смирна после завоевания ее в конце VII в. до н.э. лидийским царем Алиаттом была или целиком разрушена, или же влачила жалкое существование вплоть до возрождения этого города Александром Македонским¹². Это представление имеет в основе замечание Страбона о том, что после войны Смирны с Алиаттом она в течение 400 лет представляла собой сельскую

¹⁰ Лаптева 2006, 8, прим.11.

¹¹ Подробнее о Мелийской войне: Лаптева 2006; 2007.

¹² Кобылина 1965, 53, прим. 8; Суриков 2014, 32; cf.: Jeffery 1978, 225.

Рис. 5. Юго-восточный участок оборонительной стены.
Фонтан. Конец VII в. до н. э. Фото автора

Рис. 6. Храм Афины. Фото автора

Рис. 7. Статуя льва и фрагменты капители из храма Афины
(VI в. до н. э.).

Измир. Музей истории и искусств. Фото автора

Рис. 8. Большой мегарон. Конец VII в. до н. э. Фото автора

местность (XIV, 1, 37): «Λυδῶν δὲ κατασπασάντων τὴν Σμύρναν περὶ τετρακόσια ἔτη διέτελεσεν οἰκουμένη κωμηδόν· εἶτα ἀνήγειρεν αὐτὴν Ἀντίγονος, καὶ μετὰ ταῦτα Λυσίμαχος...» (перевод Г.А. Стратановского). Павсаний же пишет о повторном основании Смирны Александром Македонским в 20 стадиях от прежней (VII, 5, 1–3).

Геродот, сообщая о завоевании Смирны Алиаттом (I, 16), ничего не говорит о ее дальнейшей судьбе в период персидского господства над греческими городами Малой Азии. Историк не упоминает о Смирне в рассказе о завоевании Ионии персами в 546 г. до н. э., а также об участии Смирны в каких-либо кампаниях персидских подданных совместно с Ахеменидами (например, в походе Дария I против скифов в 512 г. до н. э., в котором принимали участие ионийские полисы). Нет Смирны и среди восставших в 500–494 гг. до н.э. против персов ионийских полисов.

Если опираться только на указанное свидетельство Страбона и считать молчание Геродота за *argumentum ex silentio*, то можно предположить, что Смирна после разрушения ее Алиаттом прекратила свое существование как полис. Действительно, по данным археологии стены, городская территория, храм Афины в конце VII в. до н.э. пострадали от лидийцев, взявших город штурмом¹³. Однако этот набег не привел к катастрофическим последствиям: археологическая картина Смирны VI в. до н.э. не соответствует облику οἰκουμένη κωμηδόν Страбона.

Жители Смирны заново отстроили стены, разрушенные лидийцами в конце VII в. до н. э., используя полигональную кладку, возвели еще одну линию оборонительных укреплений перед старыми каменными стенами (рис. 2–3). Храм Афины был восстановлен и реконструирован (рис. 6–7). В конце VII в. до н.э. за юго-восточным отрезком оборонительных стен был построен уникальный фонтанный комплекс, первое подобного рода сооружение в греческом мире, продолжавшее обеспечивать водой как город, так и хору до конца IV в. до н.э. (рис. 5)¹⁴. В это же время в северной части поселения, рядом с храмом Афины, был построен большой мегарон, как определяют его назначение археологи – дом собраний (рис. 8). В начале VI в. до н.э. недалеко от этого общественного здания появился двойной мегарон¹⁵. Погребальный инвентарь (золотые украшения, астрагалы из золота и электрона, расписная керамика) небольшого некрополя первой половины VI в. до н. э., расположенного у юго-восточного отрезка стен города (рис. 4–5), демонстрирует зажиточность некоторой части горожан¹⁶. По подсчетам Э. Акургала в Смирне до персидского завоевания 546 г. до н.э. проживало около трех тысяч человек¹⁷. Археологи, работавшие в Смирне с 1948 по 2013 гг. (Э. Акургал, М. Акургал, Дж. Кук, Р. Николс), не без основания считают период с конца VII в. до н.э. до середины VI в. до н.э. самым ярким в истории архитектуры архаическо-

¹³ Cook 1958–59, 24–27.

¹⁴ Nicholls 1958–59, 59–64; Akurgal 2007, 133.

¹⁵ Akurgal 2007, 134.

¹⁶ Akurgal 2007, 133; 2009, 51–69.

¹⁷ Akurgal 1983, 14.

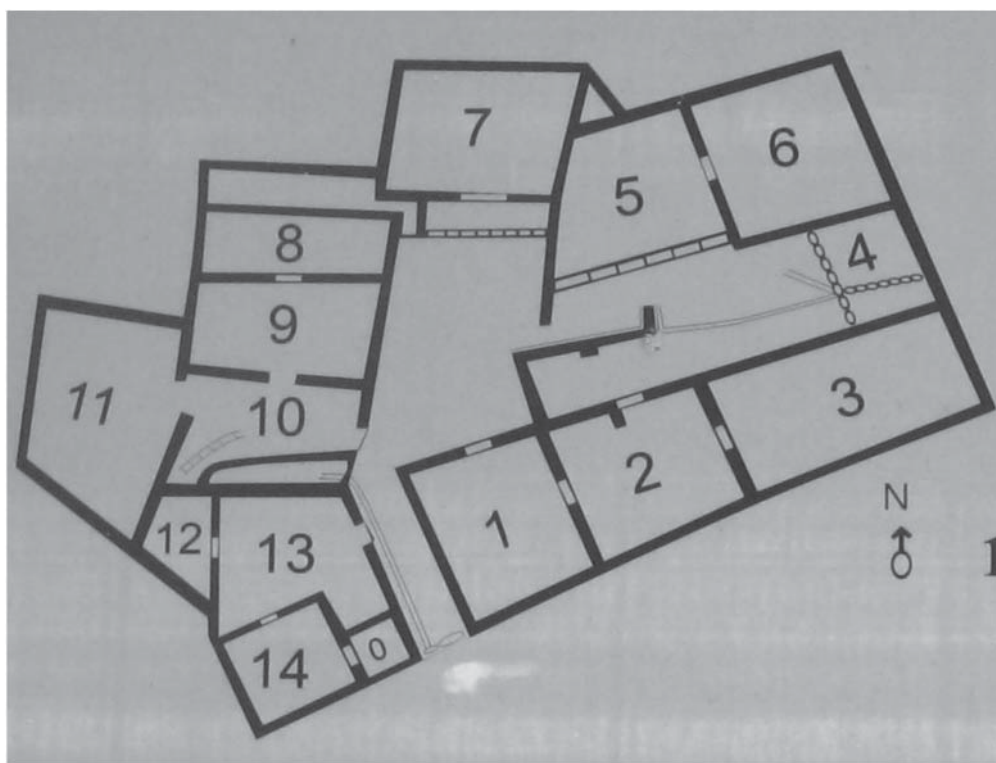

Рис. 9. Многокомнатный дом в Смирне. IV в. до н.э.

го города, временем утверждения канона эолийского ордера, «золотым веком» в истории Смирны¹⁸.

Таким образом, молчание письменных источников о строительных и мелиоративных работах в Смирне в VI в. до н.э. делают свидетельства археологии об этом периоде ценной информацией для историков, свидетельствующей о том, что в первой половине VI в. до н.э. Смирна отнюдь не деградировала, а развивалась и даже процветала.

Гораздо больший ущерб, нежели войны с Алиаттом, нанесло городу персидское завоевание в 546 г. до н.э. Геродот пишет о штурме городских стен ионийских полисов персидским военачальником Гарпагом (I, 162). И хотя историк не упоминает среди захваченных таким образом городов Смирну, очевидно, что и ее постигла эта же участь. Действительно, очередное разрушение каменных стен, а также сожжение храма Афины приходится по оценкам археологов на середину VI в. до н.э. После этого храм не восстанавливался, а новый храм Афины, меньшего размера, был построен напротив разрушенного персами. Однако и во второй половине VI в. до н.э. Смирна сохраняет свое благосостояние: развивается сельское хозяйство, импортируется вино из Хиоса, керамика из других ионийских городов,

¹⁸ Cook, Nicholls, Pyle 1998, 202–203; Akurgal 2007, 125–136.

а также Коринфа, Спарты, центральной Италии. В конце VI в. до н.э. в Смирне чеканится электрова монета¹⁹.

В нарративных источниках нет упоминаний о каких-либо событиях в истории Смирны V – IV вв. до н.э. Смирны нет среди участников Ионийского восстания, в списках фороа афинских союзников. Полис не упоминается в исторических сочинениях Фукидида и Ксенофонта при описании локальных войн в Ионии V–IV вв. до н.э. Неучастие Смирны (также, как и Эфеса) в Ионийском восстании можно отнести на счет коллаборационизма горожан, не тяготившихся, как остальные ионийские полисы, властью тиранов и, следовательно, не имевших причин присоединяться к рискованному предприятию остальных ионийцев²⁰. Очевидно, и в дальнейшем полис сохранял нейтралитет во внешней политике, а его население сосредоточено было на вопросах экономической жизни и самообороны²¹.

Археология проливает свет и на эти «темные века» в истории Смирны. В IV в. до н.э. в Смирне появляются дома, состоящие из нескольких комнат, расположенных вокруг центрального двора (рис. 9). В конце V – начале IV в. до н.э. население города растет, город выходит за границы своих стен. Можно предположить, что храмовая территория за северо-восточными воротами города и эолийская капитель, найденная в южной части долины Смирны, в районе современного Халкапинара, современного пригорода Измира (предположительно принадлежащая храму Артемиды)²², маркируют расширение территории полиса на юго-восток в позднеархаический и классический периоды. В связи с этим отмеченное Страбон и Павсанием перенесение полисного центра с современного холма Байраклы на юго-восток, к подножью холма Пагос (современный Кадифекале), и основание Новой Смирны в 20 стадиях от Старой (Strab. XIV, 1, 37; Paus. VII, V, 1–3) представляется не столько инициативой Александра Македонского или кого-либо из его сподвижников, сколько закономерным итогом экономического развития Смирны, расширения территории полиса в границах долины от предгорий современных Яманлар Даги (то есть от Старой Смирны), до Кадифекале (Новой Смирны).

Если оценивать в целом экономическое и политическое положение Смирны в V–IV вв. до н.э., то она производит впечатление полиса, хотя и не проявляющего себя сколько-нибудь активно (по крайней мере до походов Александра Македонского) в политической жизни Ионии, внешнеполитических акциях ионийцев, в заморской колонизации, но тем не менее экономически развивающегося и самодостаточного благодаря развитию торговли и внутренних сельскохозяйственных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что в настоящее время раскопана лишь 1/3 территории Старой Смирны внутри стен архаического периода (два храма Афины, улицы,

¹⁹ Cook 1958–59, 32; Kraay 1976, 32; Graeves, Rubinstein 2004, 1099–1101.

²⁰ Лаптева 2016, 24–25.

²¹ В IV в. до н.э. В Смирне строится четвертая городская каменная стена (Cook, Nicholls, Pyle 1998, 180), Смирна упоминается в афинском декрете 387 г. до н.э. как экспортер зерна для соседних Клазомен (Cook 1958–59, 33).

²² Cook 1958–59, 3–4, 31.

дома, хозяйственные комплексы архаического и классического периодов, стены и башни архаической Смирны, фонтан и некрополь конца VII – начала VI вв. до н.э.), а также храмовая территория эллинистического и римского времени за городскими воротами, в северо-восточной части поселения. Под руководством профессора Эгейского университета Дж. Танджевера с 2013 г. ведутся работы в траншее “Н”, содержащей десять культурных слоев с 1050 по 330 гг. до н. э., продолжаются раскопки в районе первой стены Смирны, возведенной из кирпича-сырца в IX в. до н.э. (рис. 1), раскопки в слоях города IV в. до н.э., работы по обработке и консервации раскопанного материала, по поддержанию раскопанных территорий музейного комплекса, открытого для посетителей. Все это дает основание надеяться на появление новых археологических свидетельств истории древней Смирны, скупо освещенной в нарративной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Кобылина, М.М. 1965: *Милет*. М.
- Кулакова, А.П. 2003: Образование Панионийского союза. В сб.: *Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова*. СПб., 30–41.
- Лаптева, М.Ю. 2006: Панионий: амфикиония, симмахия или этнический союз. *Studia Historica* 6, 3–24.
- Лаптева, М.Ю. 2007: Мелийская война в истории архаической Ионии. *Antiquitas aeterna* 2, 9–18.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Лаптева, М.Ю. 2012: Исторический ландшафт древней Ионии в свете нарративной традиции и данных археологии: различие методологий и перспективы диалога. *Мнемон* 11, 361–372.
- Лаптева, М. Ю. 2015: О местоположении Паниония в свете археологических исследований начала XXI в. *Мнемон* 15, 15–24.
- Лаптева, М. Ю. 2016: Патриотизм и предательство в истории архаической Ионии. *ПИФК* 1, 22–29.
- Суриков, И.Е. 2014: Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.). *Мнемон* 14, 27–50.
- Akurgal, E. 1983: *Alt-Smyrna I. Wohnschichten und Athenatempel*. Ankara.
- Akurgal, M. 2007: Hellenic Architecture in Smyrna 650–546. In: J. Cobet, V. von Graeve u. a. (hrsg.), *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium Güzelçamlı 26 September–1 Oktober 1999*. Mainz am Rhein, 125–136.
- Cadoux, C.J. 1938: *Ancient Smyrna. A History of the City from the earliest Times to 324 A.D.* Oxford.
- Cook, J.M. 1958–59: Old Smyrna, 1948–51. *The Annual of the British School at Athens* 53–54, 1–34.
- Cook, J.M. 1963: *The Greeks in Ionia and in the East*. New York.
- Cook, J.M., Nicholls, R.V., Pyle, D.M. 1998: Old Smyrna excavations: the temples of Athena. *The British School at Athens. Supplementary volumes* 30, 1–214.
- Cook, R.M., Dupont, P. 2003: *East Greek Pottery*. London – New York.
- Greaves, A.M., Rubinstein, L. 2004: Ionia. In: M. H. Hansen and T. H. Nielsen (ed.), *An Inventory of Archaic and classical poleis An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Greaves, A.M. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.

- Huxley, G.L. 1972: *The Early Ionians*. 2 nd. ed. New York.
- Jeffery, L.H. 1978: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London.
- Kraay, C. M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Nicholls, R.V. 1958–59: Old Smyrna: The Iron Age Fortifications and Associated Remains on the City Perimeter. *The Annual of the British School at Athens* 53–54, 35–137.
- Roebuck, C. 1955: The Early Ionian League. *Classical Philology* 50 (1), 26–40.
- Snodgrass, A.M. 2001: *The Dark Age of Greece*. 2 nd ed. New York, 434–436.

REFERENCES

- Akurgal, E. 1983: *Alt-Smyrna I. Wohnschichten und Athenatempel*. Ankara.
- Akurgal, M. 2007: Hellenic Architecture in Smyrna 650–546. In: J. Cobet, V. von Graeve u. a. (hrsg.), *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposion Güzelçamlı 26 September–1 Oktober 1999*. Mainz am Rhein, 125–136.
- Akurgal, M. 2009: Bayraklı Höyüğünde, Arkaik Döneme ait Küçük Bir Mezarlık ve Cadoux, C. J. 1938: *Ancient Smyrna. A History of the City from the earliest Times to 324 A.D.* Oxford.
- Cook, J.M. 1958–59: Old Smyrna, 1948–51. *The Annual of the British School at Athens* 53–54, 1–34.
- Cook, J.M. 1963: *The Greeks in Ionia and in the East*. New York.
- Cook, J.M., Nicholls, R.V., Pyle, D.M. 1998: Old Smyrna excavations: the temples of Athena. *The British School at Athens. Supplementary volumes* 30, 1–214.
- Cook, R.M., Dupont, P. 2003: *East Greek Pottery*. London–New York.
- Greaves, A.M., Rubinstein, L. 2004: Ionia. In: M. H. Hansen and T. H. Nielsen (ed.), *An Inventory of Archaic and classical poleis An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Greaves, A.M. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.
- Huxley, G.L. 1972: *The Early Ionians*. 2 nd. ed. New York.
- Jeffery, L.H. 1978: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B.C.* London.
- Kobylyna, M.M. 1965: *Milet [Miletus]*. Moscow.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Kulakova, A.P. 2003: Obrazovanie Panioniysskogo soiuza [The Formation of Panionion League]. In: *Problemy antichnoi istorii. Sbornik nauchnykh statey k 70-letiu so dnya rozhdenia professora E. D. Frolova*. [Problems of Ancient History. Collection of Scientific Articles on the 70th Anniversary of Professor E.D. Frolov]. Saint-Petersburg, 30–41.
- Lapteva, M.Yu. 2006: Panioniy: amfiktioniya, simmakhiya ili etnicheskii soyuz [Panioniy: Amphictyonic League, Symmachia or Ethical Union]. *Studia Historica* 6, 3–24.
- Lapteva, M.Yu. 2007: Meliyskaya voyna v istorii arkhaischeskoy Ionii [Meliias War in the History of Archaic Ionia]. *Antiquitas aeterna* 2, 9–18.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoy tsivilizatsii: Ionia XI–VI vv. do n. e.* [At the Root of the Ancient Greek Civilization: Ionia in the 11th – 6th Centuries B.C.]. Saint-Petersburg.
- Lapteva, M.Yu. 2012: Istoricheskiy landschaft drevney Ionii v svete narrativnoi traditsii i dannykh arkheologii: razlichie metodologii i perspektivi dialoga [The Historical Landscape of Ancient Ionia in the Light of Narrative Traditions and Archaeological Evidence: Different Methodologies and Perspectives of Dialogue]. *Mnemon* 11, 361–372.
- Lapteva, M.Yu. 2015: O mestopolozhenii Panioniya v svete arkheologicheskikh issledovaniy nachala XXI v. [The Location of Panionion in the Light of the Archaeological Investigations of the Beginning in the 21st Century]. *Mnemon* 15, 15–24.

- Lapteva, M.Yu. 2016: Patriotizm i predatel'stvo v istorii arkhaicheskoy Ionii [Patriotism and Betrayal in the History of the Archaic Ionia]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 22–29.
- Nicholls, R.V. 1958–59: Old Smyrna: The Iron Age Fortifications and Associated Remains on the City Perimeter. *The Annual of the British School at Athens* 53–54, 35–137.
- Roebuck, C. 1955: The Early Ionian League. *Classical Philology* 50 (1), 26–40.
- Snodgrass, A. M. 2001: *The Dark Age of Greece*. 2 nd ed. New York, 434–436.
- Surikov, I. E. 2014: Grecheskaya arkhaika kak istoricheskaya epokha: sovremennyy vzglyad. Pervaya polovina IX–VIII vv. do n. e. [The Archaic Period in Greece as a Historical Epoch: a Modern View. The First Half (of 9th to the 8th Centuries B.C.). *Mnemon* 14, 27–50.

SMYRNA FROM HOMER TO ALEXANDER: ARCHAEOLOGY AND THE PROBLEMS OF THE HISTORICAL RECONSTRUCTION

Marina Yu. Lapteva

*Tobolsk Pedagogical Mendeleyev Institute (the Branch) of Tyumen State University,
Russia,
mlapteva1@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the problematic subjects in the history of the Archaic Smyrna. One of them is the foundation of the settlement by the Aeolians and the time of entry into the Panionion League.

The author believes the accession of Smyrna to Panionion was not in Hellenistic times, as it was affirmed by Vitruvius, but in the early Archaic period, when it was a bone of contention between Ionian and Aeolian tribes. The paper also examines the archaeological data, supplementing missing evidence of the narrative tradition concerning “the Dark Ages” in the history of Smyrna: from its destruction by the Lydian king Alyattes until the new foundation by Alexander the Great or his successors.

The archaeological studies of the late 20th – early 21st centuries, taken by English and Turkish archaeologists, show that the Lydian conquest was short-time and not catastrophic. There was large urbanization in Smyrna at the beginning of the 6th century BC, indicated with the restoration of old defensive walls and creation of new those, the reconstruction of the temple of Athena, the appearance of the new public buildings and private household complexes. The rich and diverse funerary equipment of the necropolis at the southeastern walls of the city demonstrates the growth of the welfare of the townspeople.

The conquest of the Asia Minor Greek cities by the Persians led to significant material losses: the temple of Athena was destroyed and was not reconstructed in the same scale, the walls and houses of the townspeople were damaged. However, according to archaeology, the polis's economy continues to develop in the 5th – 4th centuries BC: Smyrna imported wine and ceramics from the Ionian cities, Corinth, Sparta and Central Italy, minted electrum coins, extended the boundaries of city's chora to the southeast, sold grain to the neighboring Ionian cities. At the same time throughout the Archaic period Smyrna was neither involved in colonization, nor manifested itself in an external policy and representing the example of autonomy and self-sufficient polis, focused exclusively on the development of agriculture, trade and construction of defensive structures.

Key words: Smyrna, Ionia, Homer, Panionion, Alyattes, Ionian Revolt

LUCUS FERENTINAE КАК МЕСТО КУЛЬТА И СОБРАНИЙ ЛАТИНСКОГО СОЮЗА

Л.М. Шмелева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru, procella@rambler.ru*

Аннотация. Lucus Ferentinae был местом поклонения богине Ферентине, которая была связана с водой и водными ресурсами. Святилище Lucus (Caput) Ferentinae, находилось в Лации и использовалось латинами в качестве места собраний союзных общин. В этом качестве святилище упоминается в источниках с VI в. до н.э., когда в Лации стали образовываться политические союзы, и происходит усиление Рима при этрусской династии. Проведенный анализ данных источников и археологических раскопок, а также концепций исследователей позволяет предположить, что выбор Lucus Ferentinae в качестве места собраний представителей латинских общин был обусловлен проведением в этот период ирригационных работ в Лации. Руководящая роль в этом принадлежала Риму, чем можно объяснить ведущую роль Рима в святилище при проведении собраний. В качестве места культа Lucus Ferentinae менее известен, имеющиеся данные позволяют говорить, что оно находилось под покровительством богини Дианы, а, следовательно, в ней обеспечивалась безопасность участников, что было еще одним немаловажным фактором при выборе места собраний Латинского союза. Культовая сторона lucus или caput aquae Ferentinae была связана с жертвоприношениями и традиционными очистительными ритуалами, которые происходили как в святилище Дианы в Неми, так и в Ферентинской роще. В целом можно констатировать, что lucus или caput aquae Ferentinae выступает в большей мере как место сбора войск Латинского союза и место собраний латинских общин в него входивших.

Ключевые слова: Ранний Рим, латины, Лаций, Латинский союз, Тарквиний Гордый, Сервий Туллий, Lucus Ferentinae, Caput Ferentinae

ВВЕДЕНИЕ

При изучении внешней политики раннего Рима и Латинского союза постоянно упоминается Ферентинская роща как место собраний латинских общин и принятия политических решений. Однако источники не объясняют, почему именно Ферентинская роща была выбрана для этого, так как в VIII – VII вв. до н.э. в Лации было несколько святилищ, которые могли считаться общелатинскими – это

Шмелева Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

святилище Юпитера Лациарского в Альбе, святилище Венеры в Лавинии, святилище Дианы в Неми¹.

Что же послужило причиной выбора именно Ферентинской рощи в качестве территории, на которой решались общие политические вопросы латинских общин?

Ферентина – древняя латинская богиня воды, источников и плодородия. Источники воспринимались латинами как символ начала, рождения и встречи с поусторонним миром, то есть символизировали начало и конец жизни².

Существительное *Ferentina* происходит от латинского глагола *fero* – «производить» и, очевидно, связано с культом плодородия³.

Топоним, связанный с *Ferentinae*, довольно распространенный в Центральной Италии: *Ferento* в Лацио близ Витербо, *Ferentinum* в *Ciociaria* (ныне *Ferentino*), *Ferentillo* в Умбрии, *Ferentum* в Апулии и *Ferentana* в Абруццо. Был также *Ferentinum* Этрурии, современный *Ferenti*⁴.

Для обозначения святилища используется два термина: *caput* (*caput aquae*) – «источник⁵, голова, начало⁶» (*Liv.* I.51.9; II. 38.1) и *lucus* – «священная роща»⁷ (*Liv.* I.52.5; VII. 25.5). *Caput aquae* в данном случае можно перевести как «начало водного канала, реки».

К. Амполо считает, что с *Lucus Ferentinae* связан еще один топоним *lucus Turpi*. Последний совпадает по расположению с *Lucus Ferentinae*, так как именно там произошла казнь Тура Гердония, а римские анналисты использовали топоним для реконструкции эпохи царей⁸. Этой же точки зрения придерживаются А. Грандацци⁹ и П. Санчес (*Sánchez P.*)¹⁰.

В источниках Ферентинская роща упоминается у Дионисия Галикарнасского, Ливия, Плутарха, Феста, Страбона. Однако их сведения неполны и отрывочны.

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ФЕРЕНТИНСКОЙ РОЩИ

Время возникновения данного святилища неизвестно. По данным античной традиции можно говорить, что оно возникло в VII – VI вв. до н.э. (Ливий, Дионисий, Фест), только Плутарх сообщал, что оно возникло во времена Ромула: «Ромул очистил город, как передают, с помощью обрядов, какие и ныне исполняются у Ферентинских ворот» (*Plut. Rom.* 24.2). Хотя используемые нами труды далеко отстоят от времени, которое они описывают, тем не менее мы можем доверять греческим и римским авторам в их описании мифологии и религиозных обрядов и культов, так как религия – это наиболее консервативная сфера, менее подверженная изменениям.

¹ Возможно, его появление относится к VIII – VII вв. до н.э. См.: Green 2007, 110.

² Green 2000, 44.

³ Stassi 2014, 8.

⁴ Grandazzi 1996, 279.

⁵ Дворецкий 2000, 121.

⁶ Glare (ed.) 2012, 274.

⁷ Дворецкий 2000, 459; Glare (ed.) 2012, 1047.

⁸ Ampolo 1981; 1984; 1993.

⁹ Grandazzi 1996, 275–279.

¹⁰ Sánchez 2014, 9.

Дионисий Галликарнасский первый раз упоминает о Ферентинской роще и собрании в ней применительно к царствованию Тулла Гостилия: латинские города собрались в Ферентинской роще и «приняли решение не отдавать власть римлянам и сразу же избрали двух диктаторов, чтобы вершить дела мира и войны...» (Dion. Hall. III. 34.3). Здесь мы видим противостояние латинских общин и Рима. Далее Дионисий Галликарнасский еще в нескольких местах упоминает святилище в связи с собраниями латинов (Dion. Hall. III. 51.3, IV. 45.3, V. 50.1, 60.1).

У Ливия Ферентинская роща упоминается в связи с Тарквинием Гордым и эпизодом с Туром Гердонием (Liv. I. 51-52). В позднейших описаниях Ферентинская роща упоминается мало. Одно из наиболее интересных – время войны Рима с латинами в IV в. до н.э. (340-338 гг. до н.э.) (Liv. VIII. 3-4; 14), хотя здесь Ливий не указывает конкретно *lucus Ferentinae*¹¹. Однако можно предположить, что местом собрания была именно Ферентинская роща, так как лемма Феста указывает, по нашему мнению, именно на нее (Fest. 276 L).

У Феста святилище упоминается в связи с происхождением процедуры выборов на должность претора. Фест писал о том, что в *caput Ferentinae* собирались представители латинских общин, где решали общие политические вопросы, выбирали командующих армией (Fest. 276 L).

Страбон в своем труде сообщает о святилище следующее: «Святилище Артемиды, которое называется Рощею, стоит с левой стороны дороги, если идти из Арикии в храм Арикины». Далее Страбон сообщает, что «святилище Арикинской богини считают храмом Артемиды Таврополы, потому что в жертвенных обрядах преобладает варварский и скифский элемент. Так, в жрецы назначается сбежавший убийца прежнего жреца. Поэтому жрец всегда в ожидании нападения перепоясан мечом, готовый защищаться. Храм стоит в лесу, а перед ним – озеро, похожее на море» (Strab. V, 4, 12). Последнее описание относится к святилищу Дианы в Неми, следовательно, по Страбону, Ферентинская роща была каким-то образом связана с культом Дианы.

В источниках отсутствует прямая информация по поводу географического расположения Ферентинской рощи, но некоторые косвенные данные позволяют говорить о том, что она находилась вне римской территории, недалеко от Альбанских гор и, видимо, недалеко от дорог, пересекавших Лаций¹².

Более точная идентификация локализации *lucus Ferentinae* является предметом дискуссий среди археологов и историков. Сегодня предлагается несколько версий местоположения святилища:

1. Castell Saveli, с которым святилище отождествил К. Амполо¹³.
2. Cecchina, с которым отождествляет *lucus Ferentinae* Маруи (Marui)¹⁴.
3. Plato della Corte недалеко от Марино (Marino). «*Lucus Ferentinus*» был помещен в городе Корте Прато недалеко от Марино. Предполагается, что источник в настоящее время находится в небольшом парке под названием Parco di Colonna¹⁵.

¹¹ Chiaba 2011, 26; Cornell 1995, 299.

¹² Chiaba 2011, 24.

¹³ Ampolo 1984, 91–96.

¹⁴ Mauri 2008a; 2011.

¹⁵ Ferentina, <http://www.thaliatook.com/OGOD/ferentina.php>

К. Амполо, определяя местоположение Ферентинской рощи недалеко от Ариции в Castel Savelli¹⁶, указывает на то, что роща была не только политическим, но и географическим центром Лация и находилась рядом с *via Appia* и дорогой, связывающей Лавиний и Альбанские горы¹⁷. С таким определением местоположения рощи согласна также М. Кыяба¹⁸. Она считает, что римская аналитика приписала решающую роль именно собраниям в Ферентинской роще, при этом отмечая, что «власть Тарквиния Гордого настолько укрепилась среди глав *populi Latini*, что этрусский монарх мог созывать собрания в Ферентинской роще»¹⁹.

Дж. Мартинец-Пинна считает, что *caput Ferentinae* был расположен на территории Ариции и связан с культом Дианы в Неми, обращая при этом внимание на то, что в Неми проводились религиозные обряды, а в роще решались политические вопросы²⁰. А. Грандацци также согласен с К. Амполо в определении локализации *lucus Ferentinae* у озера Савелли²¹.

Таким образом, Ферентинская роща находилась вне римской территории, предположительно на территории Ариции, и использовалась с VIII–VI вв. до н.э. до 338 г. до н.э. как место собраний Латинского союза.

Недавний топографический анализ, проведенный на территории *Cecchina*, в сочетании с новыми археологическими данными позволили обнаружить, по мнению Маруи, древний *Lucus Ferentinae*, место, где собирались представители латинских общин в архаический период²². Маруи считает, что эпизод с убийством Тура Гердония находит практическое подтверждение в археологических и топографических данных в *Cecchina*. Здесь были найдены несколько скелетов, как предполагают, ритуального убийства и предметы, датируемые архаическим периодом. *Caput Aquae* соответствует отходящий от озера Неми канал, который датируется также VI в. до н.э.²³

Возможно, что *Caput aquae* и *Lucus Ferentinae* не совпадали географически. Некоторые размышления по этой проблеме представлены в исследованиях А. Грандацци и А. Барцано²⁴. На наш взгляд, дискуссия о локализации Ферентинской рощи еще не закончена, так как общепризнанная точка зрения К. Амполло не подтверждается археологически, а точка зрения Маруи не нашла поддержки у исследователей, занимающихся изучением Латинского союза и внешней политики Рима. Возможно, что данные, приведенные Маруи, подтверждают точку зрения А. Грандацци о разделении *Caput* и *Lucus Ferentinae*. В *Cecchina* мог располагаться *Caput Ferentinae*, а *Lucus Ferentinae* – в Castel Savelli.

¹⁶ Ampolo 1984, 92–93.

¹⁷ Ampolo 1984, 91–96.

¹⁸ Chiaba 2011, 24.

¹⁹ Chiaba 2011, 28.

²⁰ Martinez-Pinna 2012, 419.

²¹ Grandazzi 1996, 275–276.

²² Mauri 2008b.

²³ Mauri 2008b.

²⁴ Grandazzi 1996, 280; Barzanò 1991, 39–63.

ФЕРЕНТИНСКАЯ РОЩА КАК МЕСТО СОБРАНИЙ ЛАТИНСКОГО СОЮЗА

Ферентинская роща была святилищем, где совершались общие жертвоприношения от имени Латинского союза и решались политические вопросы (Fest 276L)²⁵. После завоевания Альбы-Лонги Ферентинская роща стала местом собраний латинских общин, которые заключили между собой договор – foedus.

Первоначальный союз латинских общин носил религиозный характер. Он сформировался вокруг поклонения Юпитеру и Афродите (Венере), чьи святилища располагались на Альбанских холмах, в Лавинии и в Ардее. В VI в. до н.э. в Лации стали складываться политические союзы, покровителем которых стала богиня Диана, ее святилища сложились в Неми, в Риме и в Корне. Все они располагались вне городского померия. В Риме храм (святилище) Дианы находился на Авентине, который в VI в. до н.э. не входил в римский померий²⁶.

В ходе борьбы с латинскими общинами за гегемонию в Лации Рим пытался контролировать и религиозные культы, которые бы освящали его гегемонию в Латинском союзе. Римская традиция пыталась представить, что Латинский союз стал зависимым от Рима при Тулле Гостилии и Анке Марции (Dion. Hall. III. 22. 2; 31. 4; 34. 1; 38. 1) и что с этого времени Caput Ferentinae становится основным местом собраний латинских общин (Fest. 276 L). В то же время современные исследователи полагают, что собрания в Ферентинской роще стали постоянными только в VI в. до н.э.²⁷ Сервий Туллий предпринял попытку заменить собрания в Ферентинской роще на собрания в храме (святилище) Дианы на Авентине. Ливий и Дионисий писали, что в этом храме приносилась общая жертва за латинские общины и Рим (Liv. I. 45. 2; Dion. Hall. IV. 26. 4), что, по мнению Ливия, свидетельствовало о признании Рима гегемоном в Латинском союзе (Liv. I. 45. 3). Современные исследователи считают, что данная попытка Рима была не очень успешной, так как латины продолжали собираться в Caput Ferentinae²⁸. В этой связи необходимо отметить: источники не указывали, что латины после Сервия Туллия собирались в храме Дианы на Авентине. В то же время положение Рима в Латинском союзе при этрусской династии укрепилось настолько, что Тарквиний Гордый смог созывать собрания в Ферентинской роще (Liv. I. 51–52)²⁹.

В этом плане интересен приведенный Ливием эпизод с казнью Тура Гердония (Liv. I. 51–52).

Тарквиний Гордый назначил день для собрания в Ферентинской роще, однако сам приехал только вечером, что дало повод Туру Гердонию выступить против него и его политики по отношению к латинам. В ответ Тарквиний организовал заговор, однако беспричинно убить Тура Гердония было нельзя, так как он был одним из руководителей Ариции. Тура обвинили в том, что он прячет оружие (отсюда в святилище нельзя было входить вооруженными), и предали казни: «его погрузили в воду Ферентинского источника и утопили, накрыв корзиной и завалив камнями» (Liv. I. 51.9). Убийство Тура позволило Тарквинию Гордому за-

²⁵ Colona 1985, 41.

²⁶ Martinez-Pinna 2012, 411–412.

²⁷ Alföldi 1965, 34–35; Cornell 1995, 297; Chiaba 2011, 30–31.

²⁸ Chiaba 2011, 24–25, 28–29; Martinez-Pinna 2012, 419–420.

²⁹ Chiaba 2011, 29.

ключить договор с латинами, который предоставлял Риму превосходство (Liv. I. 52.4). С. Ampolo предполагает, что данный эпизод может быть связан с традицией чередования в управлении союзом между центрами латинов – Арицией, Boville, Corioli и Римом. В римской же традиции этот эпизод трансформировался в объяснение происхождения топонима *Iacus Turni*, с которым также отождествляют Ферентинскую рощу³⁰.

Этот же эпизод можно трактовать и как использование Тарквинием Гордым сложившихся структур союза в свою пользу и борьбу с оппозицией в лице той же Ариции³¹. По мнению Дж. Мартинец-Пинна, именно при Тарквинии *sarut Ferentinae* был выбран в качестве общелатинского святилища, т.е. «латины уже организовали федеральную структуру с центром в Неми и направлена она была против Рима»³².

В правление Тарквиния Гордого латинские общины признали гегемонию Рима, а союз считали заключенным между Латинским союзом с одной стороны, и Римом – с другой. При этом латины воспринимали этот союз как союз, заключенный только с Тарквинием Гордым, и, соответственно, как его личную гегемонию. Такая трактовка во многом объясняет и события после изгнания Тарквиния Гордого из Рима, когда латинские общины выступили против Рима во главе с изгнанным царем³³.

Сложившийся союз предполагал отказ общин от войн между собой и совместное ведение наступательных и оборонительных войн. Дионисий Галикарнасский писал, что все вопросы решались в союзе на основании обычая и на общем собрании (Dion. Hall. IV. 26. 3). За общинами признавалось право самоуправления. Рим брал на себя обязательство не заключать договоров отдельно с какой-либо из общин Лация. Армия союза состояла из римлян и латинов (Liv. I. 27), командовал ей римский военачальник. Тарквиний Гордый составил смешанные манипулы из римлян и латинов (Liv. I. 52. 6).

В то же время латинские общины продолжали совещаться в Ферентинской роще под руководством избираемого из их среды председателя³⁴. Ведущая роль в союзе принадлежала Тускулу и Ариции (Liv. I. 49. 9). Общие жертвы за Латинский союз продолжали приноситься в святилищах Дианы в Неми, Корне и Риме. А. Грандацци отмечает усиление влияния Рима и связывает это со строительством канала от Альбанского озера до Тибра, которое происходило под контролем Рима. Это позволяло контролировать водные ресурсы Лация³⁵, что внушало латинским общинам достаточно сильные и вполне обоснованные опасения³⁶.

После падения царской власти в Риме латинские общины продолжали собираться в Ферентинской роще (Dion. Hall. V. 61. 1–2). Именно там они объявили войну Риму, в качестве инициаторов которой Дионисий указывал Тарквиния Гордого и его зятя Октавия Мамилия, правителя Тускула.

³⁰ Ampolo 1984, 95–96; Grandazzi 1996, 276.

³¹ Martinez-Pinna 2012, 421.

³² Martinez-Pinna 2012, 419–420.

³³ Martinez-Pinna 2012, 421.

³⁴ Chiaba 2011, 26.

³⁵ Grandazzi 1996, 281–288.

³⁶ Chiaba 2011, 28.

Латинские общины начинают искать другие места для собраний, где Рим не играл бы существенной роли. Таковыми стали святилища Дианы в Неми и Корне в начале V в. до н.э. Усиление влияния святилища Дианы в Неми связано с желанием освободиться от влияния Рима³⁷. С этим же связано и возвышение святилища Дианы в Корне, которое находилось на землях Тускула и под его контролем³⁸. По мнению ряда исследователей, именно Тускул в большей мере определял ход событий в Лации между изгнанием Тарквиния Гордого и битвой при Регильском озере (это могло быть связано с объединением сил Тарквиния и Октавия Мамиллия, правителя Тускула)³⁹. Тускул, так же, как Рим и Ариция, претендовал на гегемонию в Латинском союзе и поэтому стремился, как Рим при Сервии Туллии, дать этому религиозное освящение.

После заключения в 493 г. до н.э. *foedus Cassianum* латинские общины продолжали собираться в Ферентинской роще, что отмечается всеми исследователями⁴⁰. Фест сообщал, что при заключении договора вопрос о структуре союзного войска и его командовании был отложен до собрания в Ферентинской роще (Fest. 276 L). Командование союзными войсками должно было чередоваться между римлянами и латинами. Возможно, там же должны были рассматриваться и вопросы о выводе совместных колоний. Управление Латинским союзом осуществлялось сначала диктатором, затем двумя преторами, которые избирались в Ферентинской роще независимо от Рима (Liv. VIII. 3.9). У И.Л. Маяк есть интересное замечание, высказанное ей в монографии «Взаимоотношения Рима и итальянцев»: «римский сенат, выступавший как руководящий орган, стал, очевидно, над советом Латинского союза (Dion. Hall. IV. 45) и приказывал латинским магистратам отчитываться за свои действия (Liv. VIII. 3.8; 11.16)»⁴¹. Это показывает зависимость Латинского союза от Рима и возможность влияния римлян на принятие решений на общих собраниях после заключения *foedus Cassianum*⁴².

В V в. до н.э. собрания в Ферентинской роще оказались под влиянием Рима. В последующем после *foedus Cassianum* собрания продолжали иметь место в Ферентинской роще и прекратились после договора 338 г. до н.э. между Римом и латинскими общинами (Liv. VIII. 14.10).

ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ФЕРЕНТИНСКОЙ РОЩИ КАК МЕСТА СОБРАНИЙ

С чем же было связано использование именно *Caput Ferentinae* для проведения собраний?

Выбор богини Дианы в качестве покровительницы политического союза не был случайным. В Ариции, Тускуле, Тибуре также имелись посвященные Диане рощи. В других местах Лация также имелись алтари или храмы, которые ассоциировались с Дианой. Так, в Риме было несколько мест, которые были посвящены Диане – храм Луны на Авентине, храм Дианы на Авентине, алтари на Эсквилине

³⁷ Cornell 1995, 297–299.

³⁸ Cornell 1995, 298.

³⁹ Alföldi 1965, 53–55; Martinez-Pinna 2012, 421–422.

⁴⁰ Alföldi 1965; Grandazzi 1996; Chiaba 2011.

⁴¹ Маяк 1971, 38.

⁴² Шмелева 2015, 138.

(Liv. I. 48.6; Plut. Rom. Ques. 3). В архаический период строительство храма не было обязательным, богов могли почитать в рощах или на алтарях, здесь же на открытом воздухе располагались и статуи богов. Это, в частности, подтверждается раскопками святилища Дианы в Неми, где строительство относится к более позднему времени⁴³.

В VIII–VI вв. до н.э. культ Дианы в Лации ассоциировался с гостеприимством, что предполагало отказ от оружия в местах ее почитания, а также воспринимался как культ воинов и лидеров, а сама богиня выступала их покровителем⁴⁴. Все это делало культ и святилища привлекательными для встреч представителей отдельных общин Лация, в том числе и воюющих между собой, а также позволяло под покровительством Дианы создавать различного рода религиозно-политические союзы⁴⁵, а саму территорию святилища воспринимать как нейтральную территорию. В VI в. до н.э. латинские общины превращаются в государства полисного типа, что приводит к перегруппировке сил в Лации и заключению альянсов между латинскими общинами, целью которых стало противостояние другим общинам Лация. В ранний период истории Италии культ Дианы ассоциировался с культом лидеров, воинов и гостеприимства, последнее предполагало отказ от ношения оружия в местах ее почитания, что определило понимание богини Дианы как покровительницы воинов и политических союзов⁴⁶. Такая ситуация и выдвинула на первое место культ Дианы, а не другие древние культы и их святилища. Это же привело к стремлению создать в своей общине святилище Дианы и сделать его одним из самых привлекательных. В VI в. до н.э. в Лации было несколько городов, которые пытались претендовать на гегемонию в этом регионе – это Ариция, Тускул и Рим. В Риме храм (святилище) Дианы был создан еще при Сервии Туллии. Ариция использовала святилище Дианы в Неми. В Тускуле святилище было создано в Корне примерно в конце VI в. до н.э. Фактически к началу правления Тарквиния Гордого в Лации было два крупных союза латинских общин: Латинский союз под главенством Рима, который восходил еще к VII в. до н.э.⁴⁷ и Аррицийская федерация, которая была создана в VI в. до н.э. в противовес Латинскому союзу и гегемонии Рима⁴⁸. Собрания Аррицийской федерации проходили в святилище Дианы в Неми, а собрания Латинского союза – в Ферентинской роще⁴⁹.

По мнению А. Грандацци, появление святилища в Ферентинской роще связано с древним каналом, шедшим от Альбанского озера до Тибра, который позволял поддерживать баланс вод в озере и направлять излишки воды на орошение равнины, а сами воды сбрасывать в Тибр⁵⁰. Ferentina – это богиня, которая отвечает за прибытие вод, отсюда и ее священный источник⁵¹. Также она была и богиней канала. Практические работы по постройке канала требовали религиозных санкций, поэтому появилась богиня и ее святилище. Постройка канала, по мнению А. Гран-

⁴³ Green 2007, 109.

⁴⁴ Green 2000, 44–46.

⁴⁵ Green 2007, 110.

⁴⁶ Green 2000, 46.

⁴⁷ Ampolo 1984, 93.

⁴⁸ Martinez-Pinna 2012, 417.

⁴⁹ Ampolo 1984, 91–96.

⁵⁰ Grandazzi 1996, 281, 287.

⁵¹ Grandazzi 1996, 287–288.

дации, была осуществлена в том период, когда Рим контролировал Лаций⁵². А. Грандацци считает, что римская традиция перенесла постройку этого канала в IV в. до н.э. и связала его со взятием Вей⁵³, но канал был построен в более раннее время: или при Тулле Гостилии, так как именно он разрушил Альбу и первые упоминания святилища у Дионисия связаны с его именем; или при Сервии Туллии, но это мало вероятно; или при Тарквиниях, хотя они и не имели жреческой должности, необходимой для учреждения нового культа. Однако в царствование Тарквиния Гордого была построена Клоака Максима и храм Cloacina, а сама клоака проходила под храмом, что наталкивает на сходство с Ферентинской рощей, под которой также проходил канал⁵⁴.

Если принять эту точку зрения, то именно организация постройки канала укрепила положение Рима в Латинском союзе и позволила римским царям осуществлять свое господство в Лации и Ферентинской роще.

На возможность принятия такой точки зрения говорят данные и некоторые выводы Г. Чифани, изложенные в статье «Аспекты урбанизма и политической идеологии в архаическом Риме». Исследователь отмечает, что «управление водными ресурсами в городах является одним из ключевых аспектов нового урбанизма, что видно на примере археологических данных: дренаж, подземные водоводы и резервуары для воды»⁵⁵. Для организации такого рода работ требуется сильная власть и ресурсы, что указывает на усиление власти правителей, в том числе и в Риме, а их деятельность находит параллели в деятельности греческих тиранов. Также в этот период в Риме ведется масштабное строительство храмов, укреплений, ирригационных сооружений⁵⁶.

Альфелди считал, что в Ферентинской роще собирались армии латинов, тогда как религиозные функции латинских собраний были сосредоточены в других местах (Альбе и Лавинии), а появиться такое место для сбора армий латинов могло только после установления в Риме Республики и появления внешней (всему Лацию) угрозы⁵⁷. Разделение религиозного и политического начал – это новое более позднее явление в развитии религиозно-политических союзов на территории Лация⁵⁸.

Дж. Мартинец-Пинна относит появление святилища в Ферентинской роще приблизительно к правлению этрусской династии. Он писал, что «Тарквиний [Гордый] выбрал в качестве центра святилища caput Ferentinae», т.е. латины к этому времени уже образовали союз со святилищем Дианы в Неми и этот союз был направлен против Рима⁵⁹. Таким образом, Ферентинская роща видится автору как альтернативное место сбора под главенством Тарквиния.

М. Кьяба считает, что Ферентинская роща и роща Дианы в Ариции, возможно, места поклонения древней богине⁶⁰, религиозные центры вне римской тер-

⁵² Grandazzi 1996, 288.

⁵³ Grandazzi 1996, 284.

⁵⁴ Grandazzi 1996, 289.

⁵⁵ Cifani 2014, 17.

⁵⁶ Cifani 2014, 17–18.

⁵⁷ Alföldi 1965, 35.

⁵⁸ Alföldi 1965, 36.

⁵⁹ Martinez-Pinna 2012, 420.

⁶⁰ Chiaba 2011, 24.

ритории. По ее мнению, лемма Феста (Fest 276 L) указывает на «caput Ferentinae как место, где проходили собрания populi Latini от разрушения Альбы до 340 г. до н.э.», причем собрания носили светский характер. Автор полагает, правда не указывая причин, что укрепление власти Тарквиния Гордого среди латинов привело к тому, что он смог созывать собрания в Ферентинской роще⁶¹. Она считает, что общелатинское святилище было с момента возникновения, а святилище Дианы стало таковым в момент обострения отношений между Римом и латинами после изгнания Тарквиния⁶². В Ферентинской роще Рим пользовался преимущественными правами⁶³.

Таким образом, можно сделать вывод, что Ферентинская роща как место постоянных собраний латинских общин стало использоваться с правления этрусской династии, скорее даже с правления Тарквиния Гордого, при котором произошло дальнейшее усиление Рима, возможно, за счет строительства каких-то ирригационных сооружений в Лации. В самом Риме именно при Тарквинии Гордом развернулось масштабное строительство, в том числе связанное и с водными ресурсами, как отмечал Чифани⁶⁴. При правлении этрусской династии Рим из форпоста латинов на границе с Этрурией превратился в соперника латинских общин и поставил под свой контроль и место собраний в lucus Ferentinae. Хотя Ферентинская роща продолжала использоваться как место собраний до 338 г. до н.э., тем не менее в римской историографической традиции очень мало упоминаний об этих собраниях. По мнению исследователей, это говорит о том, что все они проходили под контролем Рима, кроме собрания в 340 г. до н.э., на котором латины объявили войну Риму.

ФЕРЕНТИНСКАЯ РОЩА КАК МЕСТО КУЛЬТА

Что же касается культовой стороны, то она практически не упоминается ни у античных авторов, ни у современных исследователей. В сообщениях античных авторов мы видим только светскую составляющую: политические собрания и место сбора армии (Liv. Dion. Hall.). Это позволяет предположить более поздний характер святилища, когда происходит эволюция самих союзов на территории Лация из религиозно-политических в политико-религиозные. Время этой эволюции – VI в. до н.э. Религиозные же функции остаются за старыми святилищами: храмом Юпитера Лациарского на Альбанских горах, святилищем Венеры в Лавинии и святилищем Дианы в Неми и Корне⁶⁵. В то же время упоминаются общие жертвоприношения в Ферентинской роще за Латинский союз.

К. Амполо, исследуя эпизод с убийством Тура Гердония, которое произошло в Ферентинской роще, приходит к выводу, что в нем зафиксирован древний способ религиозного наказания⁶⁶.

⁶¹ Chiaba 2011, 29.

⁶² Chiaba 2011, 34–38.

⁶³ Chiaba 2011, 37.

⁶⁴ Cifani 2014, 17.

⁶⁵ Alföldi 1965; Grandazzi 1996; Martinez-Pinna 2012.

⁶⁶ Ampolo 1984, 95–96.

Таким образом, культовая сторона *lucus* или *caput aquae Ferentinae* была связана с жертвоприношениями и традиционными очистительными ритуалами, которые происходили как в святилище Дианы в Неми, так и в Ферентинской роще. Эти ритуалы символизировали смерть и воскрешение, и каким-то образом были связаны с Ферентинской рощей, в которой, по представлениям латинов, соединялись начало и конец, рождение и смерть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что время возникновения *lucus Ferentinae* – VI в. до н.э., то есть время оформления различных политических союзов на территории Лация и усиления Рима при этрусской династии. Выбор именно *lucus* или *caput aquae Ferentinae* как места сбора латинских общин определилось в связи с ирригационными работами в Лации, которые проводились под руководством Рима, а также с тем, что святилище почти не было связано со старыми религиозными центрами Лация (Альбой, Лавинием и Ардеей).

Lucus Ferentinae был местом поклонения богине Ферентине, которая была связана с водой и водными ресурсами. Здесь приносились жертвы и совершались некоторые ритуальные действия, связанные с жрецом Дианы в Неми. Последнее обстоятельство позволяет говорить о том, что сама Ферентинская роща находилась под покровительством Дианы, а, следовательно, в ней обеспечивалась безопасность участников, что было еще одним немаловажным фактором при выборе места собраний Латинского союза.

Таким образом, *lucus* или *caput aquae Ferentinae* выступает как место культа, но в большей мере как место сбора войск Латинского союза и место собраний латинских общин, входивших в него.

ЛИТЕРАТУРА

- Дворецкий, Г.Х. 2000: *Латинско-русский словарь*. М.
- Маяк, И.Л. 1971: *Взаимоотношения Рима и итальянцев в III – II вв. до н. э. (до Гракханского движения)*. М.
- Шмелева, Л.М. 2015: *Foedus Cassianum и положение Римской республики в Италии в начале V в. до н. э. Ученные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки* Т. 157. Кн. 3, 131–140.
- Alföldi, A. 1965: *Early Rome and Latins*. Ann Arbor.
- Ampolo, C. 1981: *Ricerche sulla lega latina. I. Caput aquae Ferentinae e lacus Turni*. *La Parola del Passato* 36, 219–233.
- Ampolo, C. 1984: *Un supplizio arcaico : l'uccisione di Turnus Herdonius. Du châtimement dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9–11 novembre 1982)* Rome, 91–96.
- Ampolo, C. 1993: *Boschi sacri e culti federali: l'esempio del Lazio. Les bois sacrés. Actes du colloque international de Naples. Collection du Centre Jean Bérard*, 10, 159–167, <http://books.openedition.org/pcjb/347?lang=it>
- Ampolo, C. 1990: *Roma arcaica ed i Latini nel v secolo. Crise et transformation des sociëtät archaïques de l'Italie antique au ve siècle av. J.-C. (Actes de la table ronde, Rome 19-21 novembre 1987)*. Vol. 137, 7, 117–133.

- Barzanò, A. 1991: La morte di Turno Erdonio e il problema della localizzazione del “lucus” e del “caput aquae Ferentinae”. *Aevum* 65, 39–63.
- Cifani, G. 2014: Aspects of urbanism and political ideology in archaic Rome. In: *Papers on Italian urbanism in the first Millennium B.C. (Journal of Roman Archaeology supplement 97, 2014)* Portsmouth, 15–28.
- Chiabà, M. 2011: *Roma e le priscae Latinae coloniae: ricerche sulla colonizzazione del Lazio dalla costituzione della repubblica alla guerra latina*. Trieste.
- Colonna, G. 1985: Il lucus Ferentinae ritrovato? *Archeologia Laziale* VII, 40–43.
- Cornell, T.J. 1995: *The Beginning of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000 – 264 B.C.)*. London.
- Ferentina, <http://www.thaliatook.com/OGOD/ferentina.php>
- Green, C.M.C. 2000: The slayer and the King: Rex Nemorensis and the Sanctuary of Diana. *Arion. A Journal of humanities and the Classics* 7, 3, 24–63.
- Green, C.M.C. 2007: *Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia*. Cambridge.
- Grandazzi, A. 1996: Identification d'une déesse: Ferentina et la ligue latine archaïque. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. V. 140, No 1, 273–294.
- Martinez-Pinna, J. 2012: Observaciones sobre el origen de la liga Latina. *Mediterraneo antico* 15 (1–2), 409–424.
- Mauri, C. 2008a: Il Lucus Ferentinae a Cecchina. *Castelli Romani* n.2, Marzo-Aprile, 48–53, http://www.vivavoceonline.it/articoli.php?id_articolo=915
- Mauri, C. 2008b: Localizzato a Cecchina il Lucus Ferentinae come Tarquinio il Superbo fece giustiziare Turno Erdonio, portavoce dell'opposizione dei Latini contro Roma. *Castelli Romani* 72, http://www.vivavoceonline.it/articoli.php?id_articolo=915
- Mauri, C. 2011: Il Lucus Ferentinae a Cecchina. *Castelli Romani* 105, http://www.vivavoceonline.it/articoli.php?id_articolo=1413
- Glare, P.G.W. (ed.) 2012: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Sánchez, P. 2014: Le fragment de L. Cincius (Festus p. 276 L) et le commandement des armées du Latium. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 25, 7–48.
- Stassi, S. 2014: La presenza del sacro nel territorio albano. In: Silvia Aglietti (ed.), *Res sacrae santuari e Luoghi di culto nei colli albani*. Albano, 7–24.

REFERENCES

- Alföldi, A. 1965: *Early Rome and Latins*. Ann Arbor.
- Ampolo, C. 1981: Ricerche sulla lega latina. I. Caput aquae Ferentinae e lacus Turni. *La Parola del Passato* 36, 219–233.
- Ampolo, C. 1984: Un supplizio arcaico : l'uccisione di Turnus Herdonius. *Du châtement dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9–11 novembre 1982)* Rome, 91–96.
- Ampolo, C. 1990: Roma arcaica ed i Latini nel v secolo. *Crise et transformation des sociëtés archaïques de l'Italie antique au ve siècle av. J.-C. (Actes de la table ronde, Rome 19–21 novembre 1987)*. Vol. 137, 7, 117–133.
- Ampolo, C. 1993: Boschi sacri e culti federali: l'esempio del Lazio. Les bois sacrés. *Actes du colloque international de Naples. Collection du Centre Jean Bérard*, 10, 159–167, <http://books.openedition.org/pcjb/347?lang=it>
- Barzanò, A. 1991: La morte di Turno Erdonio e il problema della localizzazione del “lucus” e del “caput aquae Ferentinae”. *Aevum* 65, 39–63.
- Chiabà, M. 2011: *Roma e le priscae Latinae coloniae: ricerche sulla colonizzazione del Lazio dalla costituzione della repubblica alla guerra latina*. Trieste.

- Cifani, G. 2014: Aspects of urbanism and political ideology in archaic Rome. In: *Papers on Italian urbanism in the first Millennium B.C. (Journal of Roman Archaeology supplement 97, 2014)* Portsmouth, 15–28.
- Colonna, G. 1985: Il lucus Ferentinae ritrovato? *Archeologia Laziale* VII, 40–43.
- Cornell, T.J. 1995: *The Beginning of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 B.C.)*. London.
- Dvoretzky, G.H. 2000: *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow.
- Ferentina, <http://www.thaliatook.com/OGOD/ferentina.php>
- Glare, P.G.W. (ed.) 2012: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Grandazzi, A. 1996: Identification d'une déesse: Ferentina et la ligue latine archaïque. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. V. 140, No 1, 273–294.
- Green, C.M.C. 2000: The slayer and the King: Rex Nemorensis and the Sanctuary of Diana. *Arion. A Journal of humanities and the Classics* 7, 3, 24–63.
- Green, C.M.C. 2007: *Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia*. Cambridge.
- Martinez-Pinna, J. 2012: Observaciones sobre el origen de la liga Latina. *Mediterraneo antico* 15 (1–2), 409–424.
- Mauri, C. 2008a: Il Lucus Ferentinae a Cecchina. *Castelli Romani* n.2, Marzo-Aprile, 48–53, http://www.vivavoceonline.it/articoli.php?id_articolo=915
- Mauri, C. 2008b: Localizzato a Cecchina il Lucus Ferentinae come Tarquinio il Superbo fece giustiziare Turno Erdonio, portavoce dell'opposizione dei Latini contro Roma. *Castelli Romani* 72, http://www.vivavoceonline.it/articoli.php?id_articolo=915
- Mauri, C. 2011: Il Lucus Ferentinae a Cecchina. *Castelli Romani* 105, http://www.vivavoceonline.it/articoli.php?id_articolo=1413
- Mayak, I.L. 1971: *Vzaimootnosheniya Rima i italiitsev v III–II vv. do n.e. (do Grakhanskogo dvizheniya)* [The Relationship between Rome and the Italians in the 3rd – 2nd Centuries BC (before the Gracchus Movement)]. Moscow.
- Sánchez, P. 2014: Le fragment de L. Cincius (Festus p. 276 L) et le commandement des armées du Latium. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 25, 7–48.
- Shmeleva, L.M. 2015: Foedus Cassianum i polozhenie Rimskoy respubliki v Italii v nachale V v. do n. e. [Foedus Cassianum and the Position of the Roman Republic in Italy at the Beginning of the 5th Century BC]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. [Proceedings of Kazan University. Humanities Series] T. 157. B. 3, 131–140.
- Stassi, S. 2014: La presenza del sacro nel territorio albano. In: Silvia Aglietti (ed.), *Res sacrae santuari e Luoghi di culto nei colli albani*. Albano, 7–24.

LUCUS FERENTINAE AS THE CULT AND MEETING POINT OF THE LATIN LEAGUE

Lyudmila M. Shmeleva

Kazan Federal University, Russia,
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

Abstract. Lucus Ferentinae was the place of worship for the goddess Ferentina, who was associated with water and water resources. The Sanctuary of Lucus (Caput) Ferentinae was located in Latium and was used by the Latins as a meeting point for the allied communities. In this aspect, the sanctuary was mentioned in the sources from the 6th century BC, when political alliances began to form in Latium, and the strengthening of Rome under the Etruscan dynasty took place. The analysis of these sources and archaeological excavations, as well as the

concepts of researchers, suggests that the choice of Lucus Ferentinae as the meeting point for representatives of Latin communities was due to the carrying out of irrigation work in Latium during this period. The leading role belonged to Rome, and it was the reason for the main role of Rome in the sanctuary during the meetings. As the place of worship, the Lucus Ferentinae is less well known, the available data allow us to say that it was under the patronage of the goddess Diana, and, therefore, she ensured the safety of participants, which was another important factor in choosing the place of assembly of the Latin Union. The cult side of the *lucus* or *caput aquae* Ferentinae was associated with sacrifices and traditional cleansing rituals that occurred both in the Sanctuary of Diana in Nemi and in the Ferentine grove. In general, it can be stated that the *lucus* or *caput aquae* Ferentinae acts more as the point for gathering Latin Union troops and the meeting point of the Latin communities.

Key words: Early Rome, the Latini, Latium, Latin League, Tarquinius Superbus, Servius Tullius, Lucus Ferentinae, Caput Ferentinae

«КРОВЬЮ ПРОВИНЦИЙ ЗАВОЕВЫВАЮТСЯ ПРОВИНЦИИ»: БАТАВСКИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ РИМА

Л.В. Чернышов

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга,
postfactum87@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа нарративных и эпиграфических источников предпринимается попытка выяснить степень участия батавов в военных операциях Рима. В хронологическом порядке рассмотрены задокументированные эпизоды. Выступая в составе вспомогательных войск римской армии со времен Августа, батавы доблестно проявили себя на многих полях сражений. Первоначально они выступали в качестве иррегулярных формирований, периодически привлекаемых к участию в германских походах в качестве проводников и разведчиков. Однако уже в начале I в. н.э. были преобразованы в постоянные боевые отряды, насчитывавшие восемь (или девять) вспомогательных когорт и одну алу всадников. В середине I в. н.э. батавские отряды приняли участие в британской кампании, а позднее в Дакийских войнах. В этот период сложился стереотип «батавов-воинов» – отважных германцев, обладающих специфическими боевыми качествами и навыками. Общая численность батавских солдат в I в. н.э. составляла около 5500 человек. Однако, помимо самих батавов, в их числе были еще и некоторые союзные соседние племена. Об участии батавов в военных кампаниях II–III вв. известно очень мало. Некоторые данные о дислокации батавских отрядов в этот период дают данные эпиграфики. Значительные изменения, произошедшие в римской армии на рубеже III–IV вв., также затронули батавов. В период поздней античности известны несколько батавских отрядов, считавшихся элитными и одними из самых эффективных воинских подразделений. Однако, несмотря на сохранение названия, чем дальше, тем больше утрачивался их узко-племенной характер.

Ключевые слова: батавы, римская армия, вспомогательные войска

Галльская кампания Цезаря 58–51 гг. до н.э. привела к значительным изменениям этнополитической обстановки в прирейнских землях. К числу таких изменений относится начало формирования в междуречье Рейна и Мааса батавской племенной общности. Племя батавов складывалось в течение второй половины I в. до н.э. в процессе ассимиляции туземных эбурунов пришлыми хаттами. Выступая в составе вспомогательных войск армии Цезаря, хатты отважно проявили

Чернышов Леонид Вадимович – аспирант Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

себя на полях сражений гражданской войны 49–45 гг. до н.э. Их доблесть унаследовали батавы, получившие «постоянную прописку» в рядах римской армии¹.

В работах по военной истории Рима упоминается участие батавских вспомогательных отрядов в различных экспедициях, отмечаются их высокие боевые качества. Так, Г. Вебстер указал на «жизненно важное» значение батавских когорт при покорении римлянами Британии², а в «Кембриджской истории греческого и римского военного дела» батавы упоминаются среди племен, выступавших разведчиками и проводниками в германских походах³. К.М. Гилливер считает батавов «наилучшим примером боевой многофункциональности»⁴. Высокую эффективность батавских вспомогательных отрядов отметили М. Уитби⁵ и А.С. Эсмонд-Клири⁶. В контексте развития римской армии в поздней имперский период рассматривает батавов А.В. Банников⁷. В большинстве исследований по военной истории участие батавов в лучшем случае лишь упоминается.

В работах, посвященных различным аспектам батавской истории, отмечается значительная роль военного фактора в жизни батавов⁸, но их участие в тех или иных военных событиях часто остается за рамками исследований⁹. Исключений немного, укажем на некоторые из них. Предположения о численности батавов в римской армии высказал Г. Альфельди¹⁰. Участие батавов в целом ряде походов римлян против зарейнских германцев допустил В. Виллемс в своем фундаментальном труде по истории нижнерейнского региона¹¹. Тем не менее сделанные этими и другими исследователями наблюдения требуют систематизации и конкретизации. Нам известны лишь два специальных исследования «военной истории» батавов¹². Первое – статья М. Хассалла, посвященная участию батавов в покорении Британии¹³, в которой в центре внимания ученого оказался вопрос о времени перевода батавских когорт с континента на острова. Второе – исследование Ф. Матеи-Папеску о местах дислокации *Cohors IX Batavorum*¹⁴.

Причиной, по которой тема роли батавов в римских военных кампаниях находится на периферии научных исследований, является, на наш взгляд, специфика источниковой базы. Важнейшими нарративными источниками являются труды

¹ В своем историческом сочинении «К истории древних германцев» Ф. Энгельс, перефразировав Тацита (Tac. Hist. IV, 17), отметил: «на первый план все больше выдвигаются вспомогательные войска; они сражаются в битвах, в которых легионы служат лишь резервом, так что батавы могли сказать уже во времена Клавдия: кровью провинций завоевываются провинции» (Маркс, Энгельс 1967, 466).

² Webster 1980, 86, 99, 101.

³ Gilliver 2008, 142, 156.

⁴ Gilliver 1996, 62.

⁵ Whitby 2002, 42.

⁶ Esmonde-Cleary 2000, 44–45.

⁷ Банников 2006, 238–251; 2009, 271–289; 2015, 13–18.

⁸ Напр., энциклопедические и справочные статьи: Ihm 1897, 118–121; Bunson 1991, 53; Любкер 2005, 158.

⁹ Roymans 2004; Nicolay 2007; Heeren 2009.

¹⁰ Alföldy 1968.

¹¹ Willems 1984, 217, 227, 230, 238–239.

¹² Краткий комментарий по каждой из батавских вспомогательных когорт дан в энциклопедической статье К. Кихориуса: Cichorius 1900, 249–253.

¹³ Hassall 1970, 131–136.

¹⁴ Matei-Popescu 2007, 57–60.

Тацита. В «Жизнеописании Юлия Агриколы», «О происхождении германцев и местоположении Германии», «Истории» и «Анналах» римский историк неоднократно сообщает о роли батавских вспомогательных отрядов в сражениях, происходивших в различных «горячих точках» Империи. Другим значительным источником является «Римская история» Диона Кассия, подробно описывающая германские кампании римлян. Также некоторые сведения можно почерпнуть из «Римской истории» Веллея Патеркула, «Естественной истории» Плиния Старшего, биографий римских императоров Светония, «Римской истории» Аммиана Марцеллина, «Новой истории» Зосима. Тем не менее кажущееся разнообразие источников не разрешает главной проблемы – лаконичности и разрозненности данных. Из контекста сообщений античных авторов ясно, что батавы были постоянными участниками римских военных кампаний, играли в них немаловажную роль. Однако установить их участие в тех или иных конкретных событиях чрезвычайно сложно. Известную помощь способны оказать эпиграфические источники (посвятительные надписи, военные дипломы и надгробия). По ним можно составить приблизительное представление о дислокации батавских отрядов в I–III вв.¹⁵

В настоящей статье будет предпринята попытка, опираясь на все доступные источники, восстановить участие батавов в военных операциях Рима в хронологическом порядке. В этой связи ключевыми задачами является определение времени начала их участия в римских военных кампаниях, включая покорение Британии и Дакии. Также будут высказаны соображения о племенном и численном составе отрядов, называемых античными авторами «батавскими».

После военных походов Цезаря граница между римским и германскими мирами установилась по Рейну. В 38–37 гг. до н.э. Агриппа во время карательной экспедиции против германских союзников восставших галлов пересек Рейн (Dio Cass. XLVIII, 49). В 29 г. до н.э. Гай Карпинат (Dio Cass. LI, 21), а в 25 г. до н.э. Марк Виниций (Dio Cass. LIII, 26) также вели войны против германцев на правобережье Рейна. Дион не сообщает подробности этих походов, за исключением того, что они были успешны для римлян, хотя к значимым стратегическим и территориальным приобретениям не привели.

К концу I в. до н.э. ситуация изменилась – Германия стала одним из важнейших направлений внешней политики Августа и его преемников (Vell. Pat. II, XCVII). После поражения Марка Лоллия от сугамбров, тенктеров и узипетов, вторгшихся на левый берег Рейна и разграбивших прилегающие римские территории¹⁶, в 16 г. до н.э. Август лично прибывает в Галлию (Suet. Aug. 23; Vell. Pat. II, 97). Там он, судя по всему, занимается основательной подготовкой вторжения за Рейн¹⁷. Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, насколько далеко идущие цели преследовал Август, подготавливая германскую кампанию, решение каких внешне- и внутриполитических задач он стремился с помощью нее достигнуть¹⁸.

¹⁵ Исследователи неоднократно обращались к вопросу о дислокации различных вспомогательных отрядов в тех или иных областях империи. Подспорьем для нас стали классические и современные справочники по данной проблематике: Spaul 1994; 2000; Tentea, Matei-Popescu 2004, 259–296; DuBois 2015.

¹⁶ Точная дата этих событий не ясна. Исследователи называют как 17 г. до н.э., так и 16 г. до н.э. См.: Syme 2008, 360.

¹⁷ Парфенов 2001, 124.

¹⁸ Обзор дискуссии см.: Парфенов 2001, 124–131.

Однако, несомненно, что именно благодаря Августу германский регион становится объектом пристального внимания со стороны Рима на ближайшие столетия¹⁹.

В 13 г. до н.э. император назначает правителем трех Галлий Нерона Клавдия Друза. Юный наместник проводит в провинции серьезные административные преобразования, успешно отражает нападение сугамбров и в 12 г. до н.э. решается на переход через Рейн (Liv. Per. 138–139; Suet. Claud. 1. 2, Dio Cass. LIV, 25; Strab. VII. I, 3). В источниках нет полной ясности по поводу того, что предприняла римская армия за Рейном²⁰. Вероятно, несмотря на внушительные силы римлян, кампания носила характер разведки, но не полномасштабного вторжения²¹.

Весной 11 г. до н.э. Друз с войсками, перезимовав на левом берегу Рейна, вновь направился в германские земли. Подчинив узипетов, тенктеров и хаттов, римляне вторглись на территорию херусков. Но приближающаяся зима заставила легионы, оставившие два укрепления на правобережье, вернуться на базу (Dio Cass. LIV. 33). Кампании 10 и 9 гг. до н.э. были особенно ожесточенными и кровопролитными. Главная задача – покорение херусков – так и не была решена. Уклонившись от решающего сражения, херуски ушли за Эльбу, однако Друз отказался от дальнейшего продвижения на восток и вернулся к Рейну. Вскоре вследствие несчастного случая Друз погиб и Август назначил командующим Тиберия (Dio Cass. LV. 6). Неудавшийся блицкриг в Германии заставил Рим временно отказаться от активной завоевательной политики за Рейном.

Использование Друзом нижнерейнского региона в качестве базы для германских кампаний, безусловно, наложило серьезный отпечаток на развитие батавского общества. Согласно археологическим данным, после 12 г. до н.э. значительно изменилась хозяйственная жизнь региона, возникли новые и активно развивались прежние поселения и святилища, трансформировались формы социальных взаимосвязей. Активность римлян в нижнерейнском регионе привела к оформлению (или перезаключению) соглашения, регулировавшего отношения между Римом и батавами. Первостепенной была, вероятно, хозяйственная функция племени – снабжение римских лагерей продуктами животноводства. Также, хотя в источниках об этом не говорится, можно предположить, что батавы принимали участие в походах Друза, если не в качестве полноценных вспомогательных отрядов, то, по крайней мере, в качестве тумультариев (иррегулярных вспомогательных войск)²².

Исторические источники не упоминают об участии батавов в событиях последующих трех десятилетий. И хотя обстановка на германской границе оставалась напряженной, наиболее тревожным событием было паннонско-иллирийское восстание 6–9 гг. (Dio Cass. LV. 29–34; Suet. Tib. 16, 1; Vell. Pat. II, 110–115)²³. В то же время, несмотря на недостаток войск для подавления восстания (Август, как известно, был даже вынужден произвести набор ветеранов и бывших рабов), легионы из Германии так и не были отправлены на помощь Тиберию. Август, по видимому, отдавал себе отчет в том, что переброска легионов с Рейна неминуе-

¹⁹ Whittaker 2004, 10; Межеричский 2009, 80–111.

²⁰ Некоторые античные историки, например, Анней Флор, вообще не упоминают об этом походе.

²¹ Petrikovits 1978, 55.

²² Willems 1984, 226–239.

²³ Подробнее, см.: Wilkes 1969, 69–77.

мо приведет к прорыву со стороны германцев. Следовательно, возможная угроза вторжения со стороны варваров на севере была не менее опасной, чем разорение иллирийцами Македонии. Кроме того, как пишет Светоний, существовала реальная угроза того, что германцы способны примкнуть к мятежу (Suet. Tib. 17, 1), потому демонстрация силы на Рейне была необходима.

Другим знаковым событием этого времени стал разгром германцами трех легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу. Стало очевидно, что планам Августа по скорому покорению Германии сбыться не суждено. Зарейнские поселения римлян были либо уничтожены германцами, либо эвакуированы²⁴, а граница римского и германского миров установилась по Рейну. Несмотря на то, что в регион были стянуты огромные силы (восемь легионов со вспомогательными войсками²⁵), вплоть до прихода к власти Тиберия активных операций на Рейне римляне не вели.

Завоевание Правобережья было поручено Германику, сыну Клавдия Друза, племяннику и приемному сыну Тиберия. Военная кампания против зарейнских германцев, начавшаяся осенью 14 г., протекала с переменным успехом. В 18 г. Германик был отозван Тиберием по политическим соображениям в Рим. Агрессивные действия в отношении зарейнских племен сменились политикой сдерживания.

Повествуя о кампании Германика против хаттов в начале 15 г., Тацит сообщает о «наспех собранных отрядах германцев, обитавших по эту сторону Рейна» (Тас. Ann. I, 56 – здесь и далее пер. А.С. Бобовича). Возможно, как и в случае с Друзом, батавы выступили в качестве тумультариев в этом походе. А вот в кампании 16 г. можно уверенно говорить об участии батавских вспомогательных отрядов (Тас. Ann. II, 8). Тацит изображает их доблестными и отважными воинами. Вместе с тем указывает на их слабую дисциплину, что, в конечном счете, обернулось печальными последствиями. Часть батавов утонула при переправе через Амизию²⁶ (Тас. Ann. II, 8), а в столкновении с херусками погиб вождь батавов Хариовальд и многие его воины (Тас. Ann. II, 11).

Г. Альфельди полагает, что в 28 г. батавские когорты могли участвовать в кампании против восставших фризов (Тас. Ann. IV, 73), в 39–40 гг. – в германском походе Калигулы (Suet. Gaius. 43–45), в 41 г. – в сражениях с хавками (Dio Cass. LX. 8, 7; Suet. Claud. 24, 3)²⁷.

Общую численность батавов в римской армии определить довольно сложно. Г. Альфельди считает, что можно говорить о восьми или девяти вспомогательных когортах и одной але всадников²⁸. Однако неизвестно, была ли это ала *quingenaria* (500 всадников) либо *milliaria* (1000 всадников). Также нужно иметь ввиду отряд императорских телохранителей, который, как считает Г. Беллен, включал в себя от 500 до 1 000 человек и на две трети состоял из батавов²⁹. Опираясь на эти данные, В. Виллемс полагает, что общая численность батавских солдат составляла око-

²⁴ Schnurbein 2000, 29–39; Todd 2004, 51.

²⁵ Schönberger 1969, 152–153.

²⁶ Ныне Эмс, река на северо-западе современной Германии.

²⁷ Alföldy 1968, 139.

²⁸ Alföldy 1968, 43.

²⁹ Bellen 1981, 53.

ло 5500 человек³⁰. Н. Ройманс, соглашаясь с заключениями коллег, отмечает, что такое количество воинов должно было порождать серьезные демографические и социально-культурные трудности для племени³¹. Вследствие этого голландский ученый предлагает видеть в батавских вспомогательных отрядах не только самих батавов, но и союзные соседние племена – канинефатов, стуриев, марсаков, фризиавонов и тексуандров. Выводы Н. Ройманса выглядят, на наш взгляд, весьма убедительно. К середине I в. н.э. батавы были одним из самых влиятельных племен на Нижнем Рейне³² – вероятно, некоторые соседние племена были связаны с ними клиентскими отношениями.

Согласно Тациту, при Нероне восемь батавских когорт, составлявших вспомогательные силы XIV легиона, были переброшены из Британии для борьбы с альбанами (67 г.), однако вскоре возвращены для подавления восстания Гая Юлия Виндекса (Тас. Hist. I, 6; I, 59; II, 27).

Неясно, с какого времени можно говорить об участии батавов в римском завоевании Британии. Можно ли утверждать, что с 43 г., когда Рим при императоре Клавдии только начал систематическое покорение Британии, батавы уже привлекались в качестве вспомогательных войск? К. Кихориус считает, что восемь когорт вспомогательных войск, переброшенных после подавления восстания Боудикки в 61 г. в Британию из Германии (Тас. Ann. XIV, 38), были батавскими³³. Не следует думать, что батавы появляются в Британии только в 61 г. Тацит сообщает, что «батавы приумножили свою славу, сражаясь в Британии» (Тас. Hist. IV, 12 – здесь и далее пер. Г.С. Кнабе). Английский исследователь Ш. Фрер заметил, что за последующий незначительный промежуток времени (в течение 61–67 гг.) батавам вряд ли удалось бы получить такое признание со стороны римлян³⁴. Анализируя эту проблему, британский историк М. Хассалл выдвинул предположение о том, что батавы принимали участие в британской кампании еще со времен Клавдия, затем по какой-то причине были возвращены в Германию³⁵, а позднее (в 61 г.) вновь переведены в Британию³⁶.

Предположение М. Хассалла находит косвенное подтверждение в источниках. Юлий Цивилис, возглавивший батавское восстание в 69 г., согласно Тациту, прослужил в римских войсках двадцать пять лет (Тас. Hist. IV, 32), как раз с того времени, когда начиналась кампания Клавдия в Британии. М. Хассалл предположил, что когорта, которой командовал Цивилис, входила в состав XV Перворожденного легиона, основанного в 39 г. Калигулой и расквартированного на Нижнем Рейне³⁷. В 43 г. Клавдий перебросил XV легион в Британию. Вспомогательные отряды батавов, возглавляемые Цивилисом, вполне могли быть приданы этому легиону.

Важно обратить внимание на слова, вложенные Тацитом в уста Цивилиса, о его дружбе с Веспасианом в те времена, когда тот еще не был императором (Тас.

³⁰ Willems 1984, 230.

³¹ Roymans 2004, 208.

³² Неусыхин 1974, 390–412.

³³ Cichorius 1900, 250.

³⁴ Frere 1967, 61.

³⁵ Возможно в ходе подготовки к «восточному походу» Нерона. См.: Шмалько 1990, 84–92.

³⁶ Hassall 1970, 132–133.

³⁷ Hassall 1970, 133.

Hist. V, 26). Если довериться Тациту, то дружба эта могла зародиться, когда Веспасиан был назначен легатом II Августова легиона (Suet. Vesp. IV, 1), располагавшегося после трагедии в Тевтобургском лесу на Нижнем Рейне. Этот, казалось бы, незначительный пассаж римского историка дает нам право предполагать, что батавы участвовали в походе II Августова легиона под командованием Веспасиана в Британии. Дион Кассий рассказывает, что некие германцы великолепно проявили себя в битве при Мидуэй, а затем и на Темзе в составе войск Веспасиана (Dio. LX, 20). Также в этом фрагменте упоминается характерное для батавов умение переправляться на лошадях через бурные реки. Рискнем предположить, что батавы могли входить в состав армии Веспасиана в Британии в качестве вспомогательного отряда. Это еще раз дает право предположить участие батавов в британской кампании с самого ее начала в 43 г.

Тацит сообщает о присутствии батавов в армии Авла Цецины, посланной Вителлием из Германии в Италию в ходе Гражданской войны 68–69 гг. Римский историк вновь упоминает об умении батавов пересекать реки, но никаких данных об их численности не приводит (Tac. Hist. II, 17).

Во время похода Юлия Агриколы летом 77 г. батавы, вероятно, также были в числе конных вспомогательных войск, сыгравших решающую роль в захвате острова Мон³⁸ (Tac. Agr. 18). Доблестно проявили себя батавы и в битве у Граупийских гор летом 83 г. (Tac. Agr. 36). Согласно Тациту, в армии Агриколы находились четыре батавские когорты (Tac. Agr. 36). М. Дюбуа считает, что это были I, II, VIII и IX когорты³⁹. Согласно эпиграфическим сведениям (посвятительные надписи RIB 1544–1546; 1553; 1534–1535 и надгробия RIB 1559–1560), минимум одна когорта батавов (*Cohors I Batavorum*) оставалась в Британии вплоть до III в. для охраны стены Адриана⁴⁰. Также возможно участие батавов в защите Антонинова вала⁴¹.

Об участии батавов в военных кампаниях конца I–III вв. нарративные источники почти не упоминают⁴². Составить приблизительное представление о дислокации батавских вспомогательных когорт в этот период позволяют данные эпиграфики⁴³. Ко времени Траяна на Дунае располагалась еще одна батавская когорта (CIL 16, 00042; RMD–03, 144). М. Дюбуа предположил, что *Cohors I Batavorum Milliaris Pia Fidelis* была сформирована после восстания Цивилиса⁴⁴. Возможно,

³⁸ Тацит опять же прямо не говорит о батавах, но сообщает, что в отсутствие кораблей Агрикола использовал «отборных воинов вспомогательного отряда, которым были известны отмели и которые с малолетства усвоили завещанное от предков умение плавать, и притом так, что, заботясь о себе, они одновременно управляют с оружием и конями» (Tac. Agr. 18 – пер. А.С. Бобовича).

³⁹ На чем основано это предположение, автор не уточняет (DuBois 2015, 36).

⁴⁰ Это подтверждается и табличками из римского форта Виндоланда: Birley 2001, 242–260.

⁴¹ Основанием для предположения является плохо сохранившаяся посвятительная надпись из Каслкери (RIB 2154).

⁴² Известно лишь несколько незначительных сообщений. Например, свидетельство Диона Кассия (Dio Cass. LXIX, 9, 6), в котором речь идет предположительно о гвардейце-батаве императора Адриана. См.: Speidel 1991, 277–282.

⁴³ Далее мы позволим себе ссылки лишь на наиболее значимые эпиграфические источники. Полное перечисление надписей потребовало бы объема, превышающего допустимый для настоящей статьи. Обширный их список для нижнерейнского региона с соответствующим комментарием см.: Derks 2009, 219–238.

⁴⁴ DuBois 2015, 36.

свой титул она получила в ходе борьбы с мятежом Луция Антония Сатурнина 89 г. (Suet. Dom. 6, 2; Dio. LXVII, 11)⁴⁵. После этого она была переброшена в Дакию для военных кампаний Домициана или, что более вероятно хронологически, Траяна⁴⁶. Впоследствии когорта оставалась в Дакии и Верхней Паннонии большую часть II в. (RMD-01, 035; RMD-01, 063; AE 1987, 0853), а, возможно, и дольше⁴⁷. Вместе с когортой располагалась и ала батавских всадников – *Ala Batavorum Milliaria*⁴⁸ (AE 1987, 829; CIL III, 7800).

Cohors II Batavorum во II в. была расквартирована в Норике (CIL 16, 00174; RMD-04, 223). В течение II–III вв. *Cohors III Batavorum Equitata*⁴⁹ находилась в Паннонии (RIU-05 1231, 1238). Г. Альфельди считает, что когорты были переведены из Британии в места своей дислокации при Траяне или Адриане⁵⁰. О когортах IV–VIII нам ничего неизвестно, кроме того, что они должны были существовать. *Cohors IX Batavorum Equitata Milliaria Exploratorum*⁵¹ при Траяне была переведена из Британии в Нижнюю (Восточную) Мёзию, а вскоре после окончания Дакийских войн расквартирована в Реции⁵² (RMD-02, 085; AE 1964, 229; CIL III, 11918).

Значительные изменения, произошедшие в римской армии на рубеже III–IV вв.⁵³, также затронули батавские вспомогательные отряды. В период поздней античности известно батавское подразделение (CIL 5, 8752; CIL 5, 8773; AE 1891, 101), созданное между 268 и 303 гг.⁵⁴ Аммиан Марцеллин причисляет его к легковооруженным отрядам (*velitare auxilium* – *Amm.* XX. 1, 3), образующим пару⁵⁵ с отрядом герулов (*Amm.* XVI. 12, 45; XX. 1, 3; 4, 2; XXVII. 1, 2–6). При этом оно считалось элитным и одним из самых эффективных воинских подразделений (Jul. Ep. ad Ath. V. 9, 280; *Amm.* XX. 4, 2). *Notitia Dignitatum*⁵⁶ сообщает о существовании следующих подразделений батавов:

– *Batavi seniores – auxilia palatina* (ND. Oc. V, 19 = 163 = VII, 14) и *Batavi seniores – auxilia palatina praesentalis* (ND. Or. V, 8 = 49): вероятно, один из отрядов «старших батавов» выступал в качестве полевого соединения, другой – заменил преторианцев и располагался в Риме;

– *Batavi iuniores – auxilia palatina* (ND. Oc. V, 38 = 58 = 186 = VII, 72): полевой отряд «младших батавов», располагавшийся в Галлии;

⁴⁵ Традиционно почетный титул *Pia Fidelis* (Благочестивый Верный) военные подразделения получали за поддержку императоров в ходе гражданских войн и подавление восстаний.

⁴⁶ Cichorius 1900, 251.

⁴⁷ Вероятно, в III в., после потери римлянами Дакии, когорта была переведена в Македонию (AE 1914, 73).

⁴⁸ *Milliaria* – когорта номинальной численностью 1 000 воинов.

⁴⁹ *Equitata* – смешанная когорта, состоящая частично из пехотинцев, частично из всадников.

⁵⁰ Alföldy 2014, 144.

⁵¹ *Exploratorum* – разведывательная когорта.

⁵² Strobel 1984, 122; Holder 2003, 104. Ф. Матеи-Попеску, проведя тщательный анализ источников и сопоставив их с данными о других воинских подразделениях, предложил исключить Мёзию из этого списка: Matei-Popescu 2007, 60.

⁵³ Банников 2009, 271–289.

⁵⁴ Zuckerman 1993, 19.

⁵⁵ Зачастую ауксии действовали парами, образуя единую войсковую часть: Банников 2006, 244.

⁵⁶ *Notitia Dignitatum* («Список должностей») – документ эпохи поздней Римской империи, созданный в конце IV – начале V вв., содержащий перечисление должностей Западной и Восточной Римских империй, а также списки полевых армий: Вугу 1920, 131–154.

– *Equites Batavi seniores* (ND. Ос. VI, 5 = 47 = VII, 167) и *Equites Batavi iuniores* (ND. Ос. X, 5; Or. IV, 12): конные вексилляции «старших» и «младших батавов»;

– *Cohors I (prima) Batavorum* (ND. Ос. XL, 39) и *Cohors IX (nova) Batavorum* (ND. Ос. XXXV, 24): отряды лимитанов (рипаррианов);

– *Laeti Batavi* (ND. Ос. XLII, 34, 40–41): вооруженные отряды летов⁵⁷.

К сожалению, сказать что-либо определенное об этническом составе этих отрядов невозможно. Вероятнее всего, чем дальше, тем больше утрачивался узкоплеменной характер подразделений⁵⁸. Сложились они, должно быть, около 364 г., когда императоры-соправители Валентиниан I и Валент II разделили между собой военные силы империи (Amm. XXVI. 5, 1–4). Батавы доблестно проявили себя в сражении с алеманнами при Аргенторате (совр. Страсбург во Франции) в 357 г. (Amm. XVI. 12, 45), но дрогнули в битве с ними в Галлии в 365 г. (Amm. XXVI. 1, 4–5; Zosimus. IV. 9, 3–4). Во время персидского похода императора Юлиана (363 г.), батавы располагались в Паннонии, в Сирмии (Zosim. III. 35, 2). В 368–369 гг. батавы принимали участие в подавлении восстания пиктов и скоттов в Британии (Amm. XXVII. 8, 7). Участвовали батавы в битве с готами при Адрианополе (совр. Эдирне в Турции) 378 г. (Amm. XXXI. 13, 9). В конце IV–V вв., после войны Евгения с Феодосием, батавские отряды, вероятнее всего, постоянно оставались в Италии⁵⁹, отряд всадников-батавов – в Константинополе⁶⁰.

Таким образом, батавы, действуя рука об руку с римскими legionами, стали свидетелями рождения, расцвета, кризиса и падения Империи. Начало их службы пришлось на германские войны Августа и Тиберия. В британской кампании Клавдия они стяжали славу и уважение. При Траяне – были среди покорителей Дакии. В позднеримский период – стояли на страже границ, подавляли восстания, принимали участие в решающих сражениях эпохи. Вместе с Западной Римской империей батавы канули в Лету под натиском «варварских» племен, оставив по себе славу доблестных воинов, верных римских союзников и завоевателей провинций.

ЛИТЕРАТУРА

- Банников, А.В. 2006: Позднеримские auxilia. *АМА* 12, 238–251.
 Банников, А.В. 2009: К вопросу об изменениях в римской военной тактике и вооружении в эпоху поздней империи. *АМА* 13, 271–289.
 Банников, А.В. 2015: Элитные подразделения позднеримской армии (часть 2). *Альманах современной науки и образования* 8, 13–18.
 Ермолова, И.Е. 2006: Laeti в поздней Римской империи. *АМА* 12, 228–237.
 Маркс, К., Энгельс, Ф. 1967: *Сочинения*. Т. 19. М.
 Межерицкий, Я.Ю. 2009: Римская экспансия в правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. *Норция* 6, 80–112.
 Мехамадиев, Е.А. 2012: *Византийская армия в IV – начале V вв. (проблемы организационной структуры): автореф. дисс. ... канд. ист. наук*. СПб.

⁵⁷ Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, какую роль играли леты в римской военной системе: Simpson 1988, 80–85; Ермолова 2006, 228–237.

⁵⁸ Подробнее см.: Банников 2006, 238–241.

⁵⁹ Банников 2015, 18.

⁶⁰ Мехамадиев 2012, 23.

- Моммзен, Т. 1885: *Римская история*. Т. 5. М.
- Неусыхин, А.И. 1974: *Проблемы европейского феодализма*. М.
- Любкер, Ф. 2005: *Иллюстрированный словарь античности*. М.
- Парфенов, В.Н. 2001: *Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика*. СПб.
- Шмалько, А.В. 1990: Восточный поход Нерона. *АМА* 8, 84–92.
- Alföldy, G. 1968: *Die Hilfstruppen der römischen Provinz Germania Inferior*. Düsseldorf.
- Alföldy, G. 2014: *Noricum*. Routledge.
- Bellen, H. 1981: *Die germanische Leibwache der römischen Kaiser des julisch-claudischen*. Wiesbaden.
- Birley, A.R. 2001: Batavians and Tungrians in the Tabulae Vindolandenses. In: T. Grünewald (ed.), *Germania inferior. Besiedlung, Gesellschaft und Wirtschaft an der Grenze der römisch-germanischen Welt*. Berlin–New York, 242–260.
- Bunson, M.A. 1991: *Dictionary of the Roman Empire*. Oxford.
- Bury, J.B. 1920: The Notitia Dignitatum. *Journal of Roman Studies* 10, 131–154.
- Cichorius, C. 1900: Cohors. In: A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (eds.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV (I). Stuttgart, 231–356.
- Derks, T. 2009: Ethnic identity in the Roman frontier. The epigraphy of Batavi and other Lower Rhine tribes. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic constructs in Antiquity. The role of power and tradition*. Amsterdam, 219–238.
- DuBois, M.S. 2015: *Auxillae*. Vol.1. Raleigh.
- Dyck, L.H. 2015: *The Roman barbarian wars: The era of Roman conquest*. Barnsley.
- Frere, S.S. 1967: *Britain: A History of Roman Britain*. London.
- Hassall, M.W.C. 1970: Batavians and the Roman conquest of Britain. *Britannia* 1, 131–136.
- Heeren, S. 2009: *Romanisering van rurale gemeenschappen in de Civitas Batavorum*. Amersfoort.
- Holder, P. 2003: Auxiliary deployment in the reign of Hadrian. In: J.J. Wilkes (ed.), *Documenting the Roman army*. London, 101–145.
- Esmonde-Cleary, A.S. 2000: *The ending of Roman Britain*. Routledge.
- Ihm, M. 1897: Batavi. In: A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (eds.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* III (V). Stuttgart, 118–121.
- Gilliver, C.M. 1996: Mons Graupius and the role of auxiliaries in battle. *Greece and Rome* 43, 54–67.
- Matei-Popescu, F. 2007: On the presence of the Cohort IX Batavorum Milliaria Equitata in Moesia Inferior. *Acta Musei Napocensis* 41–42/1, 57–60.
- Nicolay, J. 2007: *Armed Batavians. Use and significance of weaponry and horse gear from non-military contexts in the Rhine delta (50 BC to AD 4550)*. Amsterdam.
- Petrikovits, H. von. 1978: Urgeschichte und römische Epoche (bis zur mitte des 5. Jahrhunderts). *Rheinische Geschichte* 1. Düsseldorf.
- Roymans, N. 2004: *Ethnic identity and imperial power. The Batavians in the early Roman empire*. Amsterdam.
- Sabin, P., van Wees, H., Whitby, M. (eds.) 2008: *The Cambridge history of Greek and Roman warfare* II. Cambridge.
- Schnurbein, S. 2000: The organization of the fortresses in Augustan Germany. In: R.J. Brewer, G.C. Boon (eds.), *Roman Fortresses and their Legions*. London, 29–39.
- Schönberger, H. 1969: The Roman frontier in Germany: An archaeological survey. *JRS* 59, 144–197.
- Simpson, C.J. 1988: Laeti in the Notitia Dignitatum. “Regular” soldier vs. “soldier-farmers”. *Revue belge de philologie et d’histoire* 66, 80–85.

- Spaul, J.E.H. 1994: *Ala: The auxiliary cavalry units of the pre-Diocletianic imperial Roman army*. Andover.
- Spaul, J.E.H. 2000: *Cohors: The evidence for and a short history of the auxiliary infantry units of the Imperial Roman Army*. Oxford.
- Speidel, M.P. 1991: Swimming the Danube under Hadrian's eyes: A feat of the emperor's Batavi horse guard. *Ancient Society* 22, 277–282.
- Strobel, K. 1984: *Untersuchungen zu den Dakerkriege Trajans*. Bonn.
- Syme, R. 2008: The Northern frontiers under Augustus. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *CAH* 10. Cambridge, 358–364.
- Tentea, O., Matei-Popescu, F. 2004: Alae et cohorts Daciae et Moesiae. A review and updating of J. Spaul's Ala and Cohors. *Acta Musei Napocensis* 39–40/1, 259–296.
- Todd, M. 2004: *The Early Germans*. Oxford.
- Webster, G. 1980: *The Roman invasion of Britain*. London.
- Whitby, M. 2002: *Rome at war AD 293–696*. Oxford.
- Wilkes, J.J. 1969: *Dalmatia*. London.
- Willems, W.J.H. 1984: Romans and Batavians. A regional study in the Dutch eastern river area II. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek* 34. 39–331.
- Whittaker, C.R. 2004: *Rome and its frontiers: The dynamics of empire*. London.
- Zuckerman, C. 1993 : Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des auxilia tétrarchiques. In : M. Kasanski (ed.), *L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle*. Paris, 17–20.

REFERENCES

- Alföldy, G. 1968: *Die Hilfstruppen der römischen Provinz Germania Inferior*. Düsseldorf.
- Alföldy, G. 2014: *Noricum*. Routledge.
- Bannikov, A.V. 2006: Pozdnerimskie auxilia [*Late Roman Auxilia*]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 12, 238–251.
- Bannikov, A.V. 2009: K voprosu ob izmeneniyakh v rimskoy voennoy taktike i vooruzhenii v epokhu pozdney imperii [On the Problem of Changes in the Roman Arms in the Epoch of the Later Empire]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 13, 271–289.
- Bannikov, A.V. 2015: Elitnye podrazdeleniya pozdnerimskoy armii (chast' 2) [Elite units of the Late Roman Army (part 1)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [*Almanac of Modern Science and Education*] 8, 13–18.
- Bellen, H. 1981: *Die germanische Leibwache der römischen Kaiser des julisch-claudischen*. Wiesbaden.
- Birley, A.R. 2001: Batavians and Tungrians in the Tabulae Vindolandenses. In: T. Grünwald (ed.), *Germania inferior. Besiedlung, Gesellschaft und Wirtschaft an der Grenze der römisch-germanischen Welt*. Berlin–New York, 242–260.
- Bunson, M.A. 1991: *Dictionary of the Roman empire*. Oxford.
- Bury, J.B. 1920: The Notitia Dignitatum. *Journal of Roman Studies* 10, 131–154.
- Cichorius, C. 1900: Cohors. In: A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (eds.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV (I). Stuttgart, 231–356.
- Derks, T. 2009: Ethnic identity in the Roman frontier. The epigraphy of Batavi and other Lower Rhine tribes. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic constructs in Antiquity. The role of power and tradition*. Amsterdam, 219–238.
- DuBois, M.S. 2015: *Auxillae*. Vol.1. Raleigh.
- Dyck, L.H. 2015: *The Roman barbarian wars: The era of Roman conquest*. Barnsley.

- Ermolova, I.E. 2006: Laeti v pozdney Rimskoy imperii [Laeti in the Late Roman Empire]. *Antichnyy mir i arkhеologiya* [Ancient World and Archaeology] 12, 228–237.
- Esmonde-Cleary, A.S. 2000: *The ending of Roman Britain*. Routledge.
- Frere, S.S. 1967: *Britain: A History of Roman Britain*. London.
- Hassall, M.W.C. 1970: Batavians and the Roman conquest of Britain. *Britannia* 1, 131–136.
- Heeren, S. 2009: *Romanisering van rurale gemeenschappen in de Civitas Batavorum*. Amersfoort.
- Holder, P. 2003: Auxiliary deployment in the reign of Hadrian. In: J.J. Wilkes (ed.), *Documenting the Roman army*. London, 101–145.
- Ihm, M. 1897: Batavi. In: A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (eds.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* III (V). Stuttgart, 118–121.
- Gilliver, C.M. 1996: Mons Graupius and the role of auxiliaries in battle. *Greece and Rome* 43, 54–67.
- Lyubker, F. 2005: *Illyustrirovanny slovar' antichnosti* [The Illustrated Dictionary of Ancient World]. Moscow.
- Marx, K., Engels, F. 1967: *Sochineniya*. T. 19. [Collected works]. Moscow.
- Matei-Popescu, F. 2007: On the presence of the Cohort IX Batavorum Milliaria Equitata in Moesia Inferior. *Acta Musei Napocensis* 41–42/1, 57–60.
- Mekhamadiev, E.A. 2012: *Vizantiyskaya armiya v IV – nachale V vv. (problemy organizacionnoy struktury)* [Byzantine Army in the 4th – early 5th Centuries AD (Problems of the Military Structure)]. Saint-Petersburg.
- Mezherickiy, Ya.Yu. 2009: Rimskaya ekspansiya v pravoberezhnoy Germanii i gibel' legionov Vara v 9 g. n.e. [Roman Expansion on the Right Bank of the Rhine and the Downfall of the Varus Legions in 9 AD]. *Norciya* [Noricum] 6, 80–112.
- Mommzen, T. 1885: *Rimskaya istoriya*. T. 5 [Roman History] Vol.5. Moscow.
- Neusyhin, A.I. 1974: *Problemy evropeyskogo feodalizma* [Problems of European Feudalism]. Moscow.
- Nicolay, J. 2007: *Armed Batavians. Use and significance of weaponry and horse gear from non-military contexts in the Rhine delta (50 BC to AD 4550)*. Amsterdam.
- Parfenov, V.N. 2001: *Imperator Tsezar' Avgust: Armiya. Voina. Politika* [Emperor Caesar Augustus. The Army. The War. The Politics]. Saint-Petersburg.
- Petrikovits, H. von. 1978: Urgeschichte und römische Epoche (bis zur mitte des 5. Jahrhunderts). *Rheinische Geschichte* 1. Düsseldorf.
- Roymans, N. 2004: *Ethnic identity and imperial power. The Batavians in the early Roman empire*. Amsterdam.
- Sabin, P., van Wees, H., Whitby, M. (eds.) 2008: *The Cambridge history of Greek and Roman warfare* II. Cambridge.
- Schnurbein, S. 2000: The organization of the fortresses in Augustan Germany. In: R.J. Brewer, G.C. Boon (eds.), *Roman fortresses and their legions*. London, 29–39.
- Schönberger, H. 1969: The Roman frontier in Germany: An archaeological survey. *The journal of Roman studies* 59, 144–197.
- Shmal'ko, A.V. 1990: Vostochnyy pokhod Nerona [Nero's eastern campaigns]. *Antichnyy mir i arkhеologiya* [Ancient World and Archaeology] 8, 84–92.
- Simpson, C.J. 1988: Laeti in the Notitia Dignitatum. "Regular" soldier vs. "soldier-farmers". *Revue belge de philologie et d'histoire* 66, 80–85.
- Spaul, J.E.H. 1994: *Ala: The auxiliary cavalry units of the pre-Diocletianic imperial Roman army*. Andover.
- Spaul, J.E.H. 2000: *Cohors: The evidence for and a short history of the auxiliary infantry units of the Imperial Roman Army*. Oxford.

- Speidel, M.P. 1991: Swimming the Danube under Hadrian's eyes: A feat of the Emperor's Batavi horse guard. *Ancient society* 22, 277–282.
- Strobel, K. 1984: *Untersuchungen zu den Dakerkriege Trajans*. Bonn.
- Syme, R. 2008: The northern frontiers under Augustus. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *Cambridge ancient history* 10. Cambridge, 358–364.
- Tentea, O., Matei-Popescu, F. 2004: Alae et cohorts Daciae et Moesiae. A review and updating of J. Spaul's Ala and Cohors. *Acta Musei Napocensis* 39–40/1, 259–296.
- Todd, M. 2004: *The early Germans*. Oxford.
- Webster, G. 1980: *The Roman invasion of Britain*. London.
- Whitby, M. 2002: *Rome at war AD 293–696*. Oxford.
- Wilkes, J.J. 1969: *Dalmatia*. London.
- Willems, W.J.H. 1984: Romans and Batavians. A regional study in the Dutch eastern river area II. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek* 34. 39–331.
- Whittaker, C.R. 2004: *Rome and its frontiers: The dynamics of empire*. London.
- Zuckerman, C. 1993 : Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des auxilia tétrarchiques. In : M. Kasanski (ed.), *L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle*. Paris, 17–20.

“PROVINCES ARE CONQUERED WITH BLOOD OF PROVINCES”: HISTORY OF THE BATAVIAN AUXILIARY COHORTS

Leonid V. Chernyshov

Kaluga State University, Russia,
postfactum87@gmail.com

Abstract. Basing on the material of Roman narrative tradition and epigraphic evidence, this paper examines the Batavians auxiliary participating in Roman campaigns. The Batavians were a significant unit in the Roman legions from the reign of Augustus. The earliest auxiliary troops were the irregular units. In the early 1st century AD they were transformed into regular units consisting of eight or nine cohorts and one alae. On the Rhine limes the Batavians were involved in the Germanic wars under the Julio-Claudians. Eight cohorts of Batavian infantry were a part of the Claudian invasion force that landed in Britain in 43 AD. At the end of 1st century AD the unit took part in the campaign under the command of Agricola. Later it joined the Dacian Wars and was garrisoned in Pannonia and Raetia. In the 4th century AD the Batavians cohorts were mentioned in the Notitia Dignitatum. The Batavians were considered indisputably the best riders and swimmers of the army, but also the model of real soldiers. In the late Roman Empire the Batavian auxiliary was regarded as the elite troops. The analysis of ethnical situation on the Lower Rhine of the 50 BC – 50 AD is given. The research focuses mainly on the changes in the ethnical structure of the Batavian cohorts.

Key words: the Batavians, Roman army, auxiliaries

SECURITAS В «PANEGRICI LATINI»

Е.С. Данилов

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль,
explorator@list.ru

Аннотация. Коллективное сознание римлян породило множество абстрактных божеств, аллегорических существ, не имевших никакой мифологической определенности; источником их было верование, что все в мире проникнуто божественной силой; выделяя специальные качества из общего понятия об этой божественной силе, римляне получали особенные божества, служившие олицетворением отвлеченных понятий. В научной литературе бытует мнение, что аллегорические божества являлись пустыми риторическими выражениями наполовину политической, наполовину пантеистической религиозной фразеологии. Причем если первая составляющая неплохо изучена в рамках исследований по истории политической культуры, государственной идеологии и пропаганды, то вторая по многим позициям осталась вне поля зрения ученых. Фактически можно говорить о том, что абстрактные божества до сих пор не инкорпорированы в теоретическую модель реконструируемой римской религии. В подавляющем большинстве специалисты по духовной жизни античных социумов ограничиваются составлением списков божественных персонификаций или обращают внимание на десяток наиболее популярных добродетелей (Concordia, Felicitas, Honos, Iustitia, Libertas, Pax, Pietas, Providentia, Spes, Virtus), оставляя вне анализа сотни нуминов. Естественно, такой выборочный подход во многом обусловлен состоянием источниковой базы. Данная статья является частью исследовательского проекта, направленного на концептуальное обобщение сведений источников (нарративных, нумизматических, эпиграфических) о поклонении богине Securitas.

В двенадцати речах римских ораторов I–IV вв. находят свое выражение представления квиритов о безопасности. Неоднократно повторяющиеся мотивы, связанные с securitas, появляются в «Панегирике Траяну» Плиния Младшего и прослеживаются автором вплоть до литературного прославления Феодосия I ритором Пакатом Дрепанием. Среди укоренившихся топосов следует выделить следующие: принцепс оберегает обитаемый мир подобно Геркулесу; безопасность выступает как признак «золотого века» и увязывается со свободой; неприкосновенность августа покоится на любви к нему граждан; враги империи живут в постоянном страхе, так как на них не распространяется власть цезаря.

Ключевые слова: античный Рим, принципат, пропаганда, религия, панегирик, безопасность

Данилов Евгений Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

«*vita bonorum principum reipublicae quietem regi*»
(Aur. Vict. De caes. 42. 23)

Республиканская политическая культура античного Рима, вероятно, не имела в широком употреблении глубоко разработанных форм концепта «безопасность» (*incolumitas, salus, securitas, tutum*). С некоторой осторожностью можно сказать, что указанный термин во многом затмевался или подменялся другими абстрактными понятиями, находящимися с ним в логической связке. Судя по сочинениям Цицерона, это, в первую очередь: *concordia* (Cic. Rep. II. 69), *libertas* (Cic. Rep. I. 49), *paux* (Cic. Clu. 195), *pietas* (Cic. Rep. II. 16). Под *securitas* оратор понимал источник счастья, отсутствие «*aegritudinis*», т.е. болезни, печали, скорби (Cic. Tusc. disput. V. 42). Такой взгляд на безопасность сближал арпината со многими древними философами (Plato. Lach. 198b-c; Arist. Rh. 1360b15; Sen. Ep. XCII. 3). Салюс, богиня спасения, олицетворявшая здоровье и благополучие римлян, почиталась с глубокой древности (Plaut. Capt. 864, Merc. 867, Mostell. 351; Ter. Ad. 761, Нес. 338; Cic. Font. 21, Verr. II. 3. 131; Liv. IX. 43. 25; X. 1. 9; XL. 37. 2; Ovid. Fast. III. 882; Plin. N.H. XXXV. 19)¹. Становление же религиозного культа Секуритас и начало активного почитания безопасности как важного коллективного блага приходятся лишь на время правления династии Юлиев-Клавдиев. Императоры, конструирующие государственную идеологию, стали пропагандировать свою заботу о «*securitas publica*» через монетную чеканку и литературное творчество². Еще Октавиан Август весьма лаконично ставил себе в заслугу освобождение граждан от опасности со стороны чужеземных народов и голода (RGDA. III. 2, V. 2)³. Впоследствии ментальные компоненты безопасного существования квиритов будут увеличиваться, обрастать дополнительными деталями и превращаться в риторические топосы. Проследим соответствующий процесс на примере общеизвестного сборника двенадцати латинских панегириков.

«Панегирик императору Траяну» Плиния Младшего (100 г.) содержит ряд важных положений, нашедших продолжение в сочинениях похожего жанра. Например, постулируется мысль о том, что гражданин, принявший императорские полномочия, взваливает на свои плечи груз ответственности и становится у кормила общественного спасения («*publicae salutis gubernaculis admoveret*» - Plin. Pan. 6). Приход к власти хорошего принцепса предполагает свободу, спасение и безопасность («*qua tandem non servitus nostra, sed libertas et salus et securitas fundabatur*» - Plin. Pan. 8, 27, 35, 36, 55; ср. Tac. Agr. 3; Dio Cass. LXVIII. 4. 1, 5. 2, 6. 4)⁴. Наиболее концентрированным образом эта идея выражена в следующей сентенции: «Мы не просим ни мира, ни согласия, ни безопасности (*non securitatem*), ни богатств, ни почестей. Наша молитва от имени всех проста и охватывает все это, мы молимся о благополучии нашего государя (*salus principis*)» (Plin. Pan. 94.

¹ Подробнее см.: Cattaneo 2011, 81–124.

² Schrimm-Heins 1990, 13–22; Gottschall 1997.

³ У Светония безопасность Города и Италии – это результат деятельной заботы принцепсов (Suet. Aug. 28. 3, 47. 1, Tib. 37. 1).

⁴ *Salus* всегда предшествует *securitas*, ведь спокойствие и другие радости жизни обретаются через спасение. См. также Front. Ad Anton. Pium 5: *Vitae meae parte depiscisci cupio, imperator, ut te complecterer felicissimo et optatissimo initi imperii die, quem ego diem natalem salutis, dignitatis, securitatis meae existimo.*

Пер. В.С. Соколова)⁵. Нерва, мирно передавший бразды правления Траяну, обрел личную безопасность и освобождение от забот (Plin. Pan. 6, 8; ср. Dio Cass. LXVIII. 3. 1). При этом самая верная защита действующего цезаря – его нравственная чистота, добродетели, вызывающие любовь соотечественников (Plin. Pan. 2, 49, 68; ср. Dio Cass. LXVIII. 7. 3; Eutrop. VIII. 4)⁶. Что же декларативно получили римляне? Безопасно стало заниматься активной общественной деятельностью (Plin. Pan. 18, 44, 62, 66, 93), открыто выражать свое мнение (Plin. Pan. 33, 53, 66, 72, 76), пользоваться имуществом (Plin. Pan. 40, 42, 43, 50, 51)⁷. Лишились безопасности только преступники и доносчики (Plin. Pan. 34; ср. SHA. Commod. XVIII. 15-16). Император надежно поддерживает обороноспособность государства и обеспечивает спокойствие на границах (Plin. Pan. 56; ср. Dio Cass. LXVIII. 14. 1; Aur. Vict. De caes. XIII. 3)⁸.

Второй по хронологии анонимный панегирик был создан почти через два столетия после хвалебной речи Плиния (289 г.) и посвящен августу Максимиану. Здесь подчеркивается готовность соправителя Диоклетиана заботиться о государстве (Pan. Lat. X. 3. 3), постоянно думать о всеобщем благополучии («*omnium salute*») – Pan. Lat. X. 3. 4). Ниже используется распространенная метафора, где империя уподобляется кораблю, а правитель – кормчему, протянувшему к рулю свою спасительную руку («*salutarem manum*») – Pan. Lat. X. 4. 2). Говорится также о том, что Рейн некогда способствовал безопасности римлян («*securitate nostra*»), отгораживая державу от диких племен (Pan. Lat. X. 7. 4). Как Диоклетиан защитил от персов Сирию, объятую Евфратом, так и Максимиан сберег Галлию, покорив германцев (Pan. Lat. X. 7. 5; ср. Aur. Vict. De caes. XXXIX. 19)⁹. Максимиан имел прозвище Геркулий, в честь сына Зевса (Aur. Vict. De caes. XXXIX. 18), что также обыгрывает автор панегирика. «Такова судьба рода Геркулеса, – пишет он, – твоей доблести обязано все то, что ты оберегаешь. И именно поэтому мы безмятежны (*soluti animo*) и свободны от всех забот» (Pan. Lat. X. 7. 6. Здесь и далее пер. И.Ю. Шабаги). Принцепс словно легендарный герой избавляет своих подданных от страха («*nullus inde metus est*») – Pan. Lat. X. 7. 7). Он, подобно знаменитому олимпийцу, умиротворитель земель («*Hercule pacatore terrarum*») – Pan. Lat. X. 11.

⁵ Ср. Plin. Ep. X. 52: *Diem, domine, quo servasti imperium, dum suscipis, quanta mereris laetitia celebravimus, precati deos ut te generi humano, cuius tutela et securitas saluti tuae innisa est, incolumem florentemque praestarent. Auson. Grat. act. 3: Nullus, inquam, imperator Auguste, quin admirandam speciem tuae venerationis incutiat: non palatium, quod tu, cum terribile acceperis, amabile praestitisti; non forum et basilicae olim negotiis plena, nunc votis pro tua salute susceptis (nam de sua cui non te imperante securitas?), non curia, honorificis modo laeta decretis, olim sollicitis maesta querimoniis; non publicum, in quo occursum gaudantium plurimorum neminem patitur solum gratulari; non domus commune secretum.*

⁶ О соотношении «*pudor*» и «*securitas*» императора см.: Rees 2001, 153–154.

⁷ Ср. SHA. Av. Cass. XII. 7–10: *Vivant igitur securi scientes sub Marco vivere. Vivant in patrimonio parentum pro parte donato, auro, argento, vestibis fruuntur. sint divites, sint securi, sint vagi et liberi et per ora omnium ubique populorum circumferant meae, circumferant vestrae pietatis exemplum. Nec magna haec est, p.c., clementia, veniam proscriptionum liberis et coniugibus dari: ego vero a vobis peto, ut consocios senatorii ordinis et equestris a caede, a proscriptione, a timore, ab infamia, ab invidia et postremo ab omni vindictis iniuria detisque hoc meis temporibus, ut in causa tyrannidis, qui in tumultu caecidit, probetur occisus.*

⁸ О взаимоотношениях сената и Траяна в контексте *securitas* см.: Instinsky 1952, 28–39.

⁹ Ср. SHA. Tyr. Trig. III. 6: *si quidem nimius amor erga Postumum omnium erat in Gallicanorum mente populorum, quod summotis omnibus Germanicis gentibus Romanum in pristinam securitatem revocasset imperium.*

6) и победитель разбойников («Herculemque Victorem» – Pan. Lat. X. 13. 4). В конце концов, Диоклетиан и Максимиан при покровительстве богов принесут безопасность всему миру («totius orbis securitate» – Pan. Lat. X. 14. 4).

В Pan. Lat. XI информация разделена на два тематических раздела: Благочестие (Pietas) и Счастье (Felicitas). Именно эти добродетели превозносятся в панегирике 291 г. Тем не менее безопасности там тоже нашлось место. Поскольку произведение посвящено тому же Максимиану, то вновь возникает сравнительный образ Геркулеса, который умиротворил все земли и леса («terrās omnes et nemora pacavit»), а города освободил от жестоких правителей (Pan. Lat. XI. 3. 6)¹⁰. Благочестивый и успешный император наделен рвением в защите государства («fouendae rei publicae studia conciliant» – Pan. Lat. XI. 19. 4).

Главным героем Pan. Lat. VIII 297 г. стал цезарь Констанций I. Описывается его британская кампания против узурпатора Караузия и дается общая картина процветания империи при тетрархии. Органичным штрихом на данном историческом полотне является упоминание о том, что победоносный принцепс возвратил безопасность всем народам («omnibus nationibus securitas restituta» – Pan. Lat. VIII. 18. 4). Евсевий Памфил, указывая на веротерпимость Констанция по отношению к христианам, уточнил, что он умел в своей власти явить подданным источник спокойствия (Euseb. Vit. Const. I. 13: *μόνος δὲ Κωνσταντίος ἄλυτον τοῖς ἀρχομένοις καὶ γαλήνην παρασκευάσας τὴν ἀρχήν*). Евтропий, в свою очередь, сделал акцент на неприкосновенности богатств частных лиц. Автор «Бревиария» выгодно оттенил характер Констанция, далекого от «недоверчивого благоразумия Диоклетиана и кровожадной опрометчивости Максимиана» (Eutrop. X. 1. 2-3. Пер. Д.В. Кареева и Л.А. Самуткиной).

Благодарственная речь Евмения 298 г., хотя и построена вокруг темы восстановления риторической школы, возвращает нас к уже знакомым геракловым сравнениям. Аллюзии здесь более чем красноречивы. Говорится, в частности, о том, что спокойствие Муз должно защищаться Геркулесом («Musarum quies defensione Herculis» – Pan. Lat. IX. 7. 3). Под покровительством Юпитера и Геркулеса, т.е. Диоклетиана и Максимиана соответственно, наступает золотой век (Pan. Lat. IX. 18. 5).

Показательно, что энкомий Псевдо-Аристида «К царю», созданный не ранее III века, наделяет идеального правителя вполне определенными чертами, прорисованными в вышеозначенных речах. Он не трясется от страха за свою власть; его держава словно корабль, стоящий в полной безопасности на якоре; он освободил подданных от слежки со стороны соглядатаев; вернул им вольноречие; путники без опаски путешествуют, а граждане наслаждаются жизнью в городах (Ps.-Ael. Arist. Or. XXXV Keil. 10; 15 – *ἀσφαλεστάτω*; 21; 37 – *ἄδεια... ἀσφάλειαν*). Кстати, для самого Элия Аристида, современника Антонинов, Римская империя являлась идеальным государством, обеспечивающим общую и явную безопасность¹¹.

Следующие пять панегириков (Pan. Lat. VII, VI, V, XII, IV) объединяются фигурой Константина Великого и должны, хотя бы по этому признаку, рассматриваться в совокупности. Во-первых, в рамках данного блока речей, проводит-

¹⁰ На ауреях Максимиана изображен Геркулес, опирающийся на дубину (RIC. V. 342).

¹¹ «ἀλλ' εἰς ἀσφάλειαν ἐξαρκεῖ Ῥωμαίων εἶναι, μᾶλλον δὲ ἕνα τῶν ὑφ' ὑμῖν» (Ael. Arist. Laud. Rom. 100). «σαφὴς πᾶσι πάντων ἄδεια» (Ael. Arist. Laud. Rom. 104). См.: Данилов 2013а.

ся идея о феноменальной исключительности императора, его богоизбранности (Pan. Lat. VI. 7. 5). Только он может взять в свои руки бразды правления, удержать страну от разрушения (Pan. Lat. VII. 12. 7), защитить и спасти государство («omnium nostrum conservator» – Pan. Lat. V. 14. 4; VI. 21. 2). Он наполняет попутным ветром паруса общественных дел (Pan. Lat. VII. 9. 4). Во-вторых, возрождается парная идеологема «хорошего и плохого принцепсов». Идеальному Константину противопоставляется карикатурный образ Максенция. Сын благочестивого Констанция – красив, почителен, милосерден, целомудрен¹². В сфере внутренней безопасности его стоит благодарить за прекращение клеветнических обвинений, запрещение доносов, спасение невинно осужденных и наказание убийц (Pan. Lat. XII. 4. 3-4). При нем римляне отбрасывают свои страхи (Pan. Lat. VII. 13. 5), он оказывает помощь всем людям (Pan. Lat. V. 2. 2), особенно тем, кто терпит невзгоды (Pan. Lat. V. 7. 5). Его появление – это первый признак спасения («signum salutis» – Pan. Lat. V. 7. 6): от чрезмерного налогового гнета (Pan. Lat. V. 11. 3, 12. 4, 14. 3); от потери средств к существованию, чести и самой жизни (Pan. Lat. IV. 38. 5, XII. 7. 5). В-третьих, оригинальным образом доказывается, что граждане империи находятся в более выгодном положении, чем варвары. Мавры в деле своей защиты полагаются на неприступные горы (Pan. Lat. VII. 8. 6). Франки едва ли чувствуют себя в безопасности, населяя берега рек (Pan. Lat. VI. 11. 4, 13. 1). Римляне же защищены страхом врагов перед именем императора (Pan. Lat. VI. 11. 1)¹³. Последний считается надежным стражем государства («rei publicae custos»), поскольку его любят воины (Pan. Lat. VI. 16. 6), благодаря преданности которых принцепс сам находится в безопасности и доблестно сражается (Pan. Lat. IV. 19. 3-5, 26. 3). В официальных надписях Константин величается, среди прочего, как основатель вечной безопасности (CIL. VI. 1140 = ILS 692: «fundatori etiam securitatis aeternae»), защитник римской свободы и безопасности (CIL. III. 13734 = ILS 8938 = AE 1894. 111: «Romanae securitatis libertatis que vindicibus») или устроитель постоянной безопасности и свободы (CIL. VIII. 7005 = ILAlg. II. 584: «Perpetuae securitatis ac libertatis auctori»).

В речи Клавдия Мамертина 362 г., произнесенной в адрес Юлиана II, можно увидеть привычную схему, относящуюся к интересующему нас сюжету. Вначале перечисляются всевозможные напасти, обрушившиеся на Римскую державу (Pan. Lat. III. 4. 1-3). Затем среди бедствий как спасительное светило («salutare ... sidus» – Pan. Lat. III. 2. 3) и защитник свободы (Pan. Lat. III. 6. 1, 30. 3-4) появляется соправитель Констанция II. Он повсюду восстанавливает порядок, облегчает положение налогоплательщиков, предотвращает голод, одновременно наполняя земли варваров ужасом (Pan. Lat. III. 7. 3, 8. 4, 9. 1, 14. 2; ср. Zos. III. 8. 1, 4; 9. 7; 10. 3). В итоге, император, вернувший людям добрые надежды и материальный достаток, заслуживает искреннюю любовь и уважение сограждан. Эти теплые чувства и являются тем щитом, который лучше всего избавит от опасности «величайшего» августа (Pan. Lat. III. 23. 4; 24. 1, 4; 32. 3). Либаний, между прочим, в своем жизнеописании называет Юлиана врагом нечестивцев и упоминает о его правлении как «поре безопасности» (ἀσφάλεια), объединяя в этом понятии возрождение почитания старых богов, расцвет красноречия и возвращение к римлянам отваги в

¹² Gr̄newald 1990, 16 (pietas), 35 (felicitas), 71, 134 (clementia), 141 (providentia).

¹³ Подробнее см.: Данилов 20136.

их борьбе с варварами (Liban. Aut. 119-120)¹⁴. С другой стороны, примерно те же признаки безопасного правления освещались антиохийским схолархом при произнесении льстивых слов в адрес Констанция II и Константа (Liban. Orat. LIX. 1, 44, 90, 122, 158).

Наконец, Латин Пакат Дрепаний в хронологически завершающем панегирике 389 г. берет на вооружение ставшие классическими мотивы¹⁵. Обретенная при Флавии Феодосии *секуритас* раскрывается через следующие блага: свобода слова (Pan. Lat. II. 2. 4, 44. 3), неприкосновенность девичьей чести (Pan. Lat. II. 37. 4), обеспеченная преемственность власти (Pan. Lat. II. 45. 3). Сам же принцепс, как и следовало ожидать, находится в большей безопасности под охраной всенародной любви, чем в сопровождении вооруженного эскорта (Pan. Lat. II. 47. 3). В инскрипциях Феодосий фигурирует с эпитетом «истребитель тиранов и устроитель общественной безопасности» (CIL. VI. 36959 = AE. 1900. 99: «*extinctori tyrannorum ac publicae securitati auctori*»). Его воинские заслуги заключаются в том, что варвары поражены страхом, наказаны и приведены к послушанию (Pan. Lat. II. 22). Символично, что на бронзовой монетной чеканке императора 388-392 гг. под надписью «*SALVS REIPVBLICAE*» персонифицированная Победа несет на плече трофей и тащит за волосы пленника (RIC. IX. 26b).

Мы наблюдаем, таким образом, что система «*loci communes*», а также содержательное наполнение латинских терминов, связанных с понятием «безопасность», обладали поразительной устойчивостью, даже несмотря на кардинальные социально-политические трансформации римского общества эпохи Империи. Среди наиважнейших укоренившихся топосов следует выделить следующие: принцепс оберегает обитаемый мир подобно Геркулесу; безопасность выступает как признак «золотого века» и увязывается со свободой; неприкосновенность августа покоится на любви к нему граждан; враги империи живут в постоянном страхе, так как на них не распространяется власть цезаря. Эти и другие образные формулы безопасного существования были частично задействованы такими авторами как Синезий Киренский и Эннодий Павийский¹⁶, определившими в немалой степени каноны панегирической прозы последующих столетий.

По количеству пассажей, затрагивающих проблемы внутренней и внешней безопасности, безусловно, лидирует речь Плиния, ставшая отправной точкой для рассматриваемого сборника. Из галльских панегириков в данном контексте, как видно из представленной ниже таблицы, важны также памятники 289 и 362 гг. Кроме того, не стоит забывать о том, что панегиристы выражали интересы крупной земельной аристократии, вполне резонно требовавшей от центральной власти проведения эффективной политики, способной предотвратить гражданские войны, народные восстания, выступления узурпаторов и варварские набеги¹⁷, т.е. вопросы безопасности в любом случае всплывали на повестке дня, пусть даже они и не считались во всех речах доминирующей темой. Отмечу также, что в речах намеренно не обсуждались религиозные коллизии, особенно характерные для IV

¹⁴ См. также: Данилов 2011.

¹⁵ Lippold 1968.

¹⁶ См.: Syn. De regno 6, 11, 13, 19, 24, 25; Ennod. Pan. Theod. 1, 2, 5, 8, 11, 14, 16, 22, 42, 56, 58, 59, 71, 83, 93.

¹⁷ Шабага 2016, 33.

века¹⁸, обращение к которым могло бы увеличить количество топосов, связанных с салюс и секуритас.

Таблица 1. Соотношение пассажей о безопасности в «Panegyrici Latini»

Год создания панегирика	Номер в рукописях	Автор	Лексемы для обозначения безопасного состояния	Количество пассажей о безопасности
100	I	Плиний Младший	incolumitas, salus, securitas, tutum	32
289	X	Аноним	salus, securitas	10
291	XI	Аноним	paco, foveo	2
297	VIII	Аноним	securitas	1
298	IX	Евмений	defenso	1
307	VII	Аноним	salus, defenso	4
310	VI	Аноним	cura, salus, securitas, tranquillitas	4
311	V	Аноним	salus, securitas	4
313	XII	Аноним	securitas, tutum	4
321	IV	Назарий	securitas, tutum	4
362	III	Клавдий Мамертин	salus	13
389	II	Латин Папат Дрепаний	custodia, securitas, tutum	5

ЛИТЕРАТУРА

- Ведешкин, М.А. 2016: Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи в IV–VI вв.: законодательство и практика. В кн.: *Император Юлиан. Полное собрание творений*. СПб., 749–791.
- Данилов, Е.С. 2011: «Бык Юлиана» как символ securitas publica. *ПИФК* 1, 23–31.
- Данилов, Е.С. 2013а: Трансформация политического грекоцентризма глазами Элия Аристиды. В сб.: Т.М. Гавристов (ред.), *Кризис идентичности в мировой истории и культуре: сборник материалов региональной научной конференции. 11–12 апреля 2013 г.* Ярославль, 22–26.
- Данилов, Е.С. 2013б: Securitas римлян и tutum варваров. В сб.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.), *Цивилизация и варварство 2*. М., 107–115.
- Шабара, И.Ю. 2016: Сборник XII Panegyrici Latini как историко-литературный памятник. В кн.: *Латинские панегирики*. М., 11–35.
- Cattaneo, C. 2011: *Salus publica populi romani*. Forlì.
- Gottschall, U.W. 1997: Securitas. In: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Band VIII. Zürich–München, 1090–1093.
- Grünwald Th. 1990: *Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung*. Stuttgart.
- Instinsky, H.U. 1952: *Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums*. Baden-Baden.
- Lippold, A. 1968: Herrscherideal und Traditionsverbundenheit im Panegyricus des Pacatus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 17/2, 228–250.

¹⁸ См., в частности: Ведешкин 2016, 749–775.

- Rees, R. 2001: To Be and Not to Be: Pliny's Paradoxical Trajan. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 45, 149–168.
- Schrimm-Heins, A. 1990: *Gewißheit und Sicherheit. Geschichte und Bedeutungswandel der Begriffe certitudo und securitas*. PhD diss. Bayreuth University.

REFERENCES

- Cattaneo, C. 2011: *Salus publica populi romani*. Forli.
- Danilov, E.S. 2011: «Byk Yuliana» kak simbol securitas publica [The «Taurus of Julian» as a Symbol of securitas publica]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 23–31.
- Danilov, E.S. 2013a: Transformatsiya politicheskogo grekotsentrizma glazami Eliya Aristida [Transformation of Political Hellenocentrism as Viewed by Aelius Aristides]. In: T.M. Gavristova (red.), *Krizis identichnosti v mirovoy istorii i kul'ture: sbornik materialov regional'noy nauchnoy konferentsii. 11–12 aprelya 2013 g.* [Crisis of Identity in World History and Culture: Digest of Regional Scientific Conference. April 11–12, 2013]. Yaroslavl, 22–26.
- Danilov, E.S. 2013b: Securitas rimlyan i tutum varvarov [Securitas of the Romans and Tutum of the Barbarians]. In: V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.), *Tsivilizatsiya i varvarstvo* [The Civilization and Barbarity] 2. Moscow, 107–115.
- Gottschall, U.W. 1997: Securitas. In: *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd. VIII. Zürich, München, 1090–1093.
- Grünwald Th. 1990: *Constantinus Maximus Augustus: Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung*. Stuttgart.
- Instinsky, H.U. 1952: *Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums*. Baden-Baden.
- Lippold, A. 1968: Herrscherideal und Traditionsverbundenheit im Panegyricus des Pacatus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 17/2, 228–250.
- Rees, R. 2001: To Be and Not to Be: Pliny's Paradoxical Trajan. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 45, 149–168.
- Schrimm-Heins, A. 1990: *Gewißheit und Sicherheit. Geschichte und Bedeutungswandel der Begriffe certitudo und securitas*. PhD diss. Bayreuth University.
- Shabaga, I.Ju. 2016: Sbornik XII Panegyrici Latini kak istoriko-literaturnyy pamyatnik [XII Panegyrici Latini as a Literary Monument]. In: *Latinskie panegiriki* [Latin Panegyrics]. Moscow, 11–35.
- Vedeshkin, M.A. 2016: Pravovoy status yazychnikov i yazycheskikh kul'tov v Rimskoy imperii v IV–VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika [Legal Status of Pagans and Pagan Cults in the Roman Empire in the 4–6th Centuries: Legislation and Practice]. In: *Imperator Julian. Polnoe sobranie tvorenij* [Imperator Julian. Complete collection of Creations]. Saint-Petersburg, 749–791.

SECURITAS IN PANEGYRICI LATINI

Evgeniy S. Danilov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia,
explorator@list.ru

Abstract. The collective consciousness of the Romans produced many abstract deities, allegoric creatures without any mythological definition; they were based on the belief that

everything in the world is permeated with the divine power; the Romans extracted special qualities from the general notion of this power and created special deities being personifications of abstract concepts. Many scholars think that the allegoric deities were empty rhetoric expressions of half-political and half-pantheistic religious phraseology. Moreover, while the first component has been studied quite well in works dedicated to the history of political culture, state ideology and propaganda, many aspects of the second one remain out-of-sight. In fact, abstract deities have not still been incorporated in the theoretical model of reconstructed Roman religion. Most specialists in the spiritual life of ancient societies confine themselves to listing of divine personifications or paying attention to a dozen of the most popular virtues (*Concordia, Felicitas, Honos, Iustitia, Libertas, Pax, Pietas, Providentia, Spes, Virtus*) and do not analyze hundreds of *numina*. Obviously, such a selective approach is largely determined by the condition of our sources. This article represents a part of the research project aimed at conceptual consolidation of evidence from narrative, numismatic, epigraphic sources concerning the worship of *Securitas*.

The twelve speeches of Roman orators of the 1st-4th centuries AD reflect the *quirites*' beliefs about security. Recurrent motives connected with *securitas* are found in the *Panegyricus Traiani* by Pliny the Younger and traced by the author to the eulogy for Theodosius written by Pacatus Drepanius. Their most important topoi are the following: the princeps guards the world like Hercules; security serves as a sign of the 'Golden Age' and is related to freedom; Augustus' immunity rests on the citizens' love to him; enemies of the Empire live in constant fear, since they are not covered by Caesar's power.

Key words: Ancient Rome, principate, propaganda, religion, panegyric, security

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 90–98
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 90–98
© Автор(ы) 2017

АНАСТАСИЯ, СЕСТРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО, В КОНТЕКСТЕ ЕГО ДИНАСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

И.А. Миролубов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
peter-herzog@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из малозаметных фигур семьи императора Константина Великого – его сестре Анастасии. Как и другую свою сестру, Констанцию, Константин задействовал Анастасию в политических целях и выдал ее замуж за некоего Бассиана, которого одно время прочил в свои младшие соправители. Впрочем, от этого плана император быстро отказался, а сам Бассиан был казнен. В этой связи понятно, почему личность Анастасии освещена источниками слабее, чем судьба Констанции, ставшей женой хотя и поверженного в конечном итоге Константином, но все же достаточно долго бывшего на вершине власти императора Лициния (308–324). Стоит отметить, что подробно о судьбе Анастасии рассказывает лишь один письменный источник, т.н. Аноним Вalezия, вплетая ее в канву дипломатической, политической и, наконец, военной борьбы между Константином и Лицинием. Тем примечательнее ее судьба с исследовательской точки зрения: брак Анастасии по расчету, низвержение мужа и ее уход в тень обеспечивают лучшее понимание механизмов династической (внутрисемейной) политики Константина. Последняя нередко воспринимается в исследовательской среде как «черное пятно» истории Константина. Анализируя данные нарративной традиции, автор реконструирует жизнь Анастасии и приходит к выводу о возможном изменении отношения к ней брата: от прагматического расчета, с которым Константин выдавал ее за нужное ему в текущей политической обстановке лицо, к раскаянию и попытке загладить свою вину через окружение сестры внешним почетом.

Ключевые слова: Константин Великий; династия Константина; сестра Константина Великого Анастасия; император Лициний; гражданские войны (306–324); латинская нарративная традиция

От второго брака своего отца Констанция Хлора император Константин Великий имел трех братьев и трех сестер. Если братья (Юлий Констанций, Далмаций и Ганнибалиан), как потенциальные соперники Константина в борьбе за власть, на долгое время удалились в частную жизнь¹, то сестры (Констанция, Анаста-

Миролубов Иван Андреевич – аспирант кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Исследователи отмечают, что ссылка братьев была следствием влияния на Константина его матери, Елены: Browning 1976, 31–32; Крист 1997, 436. Однако, по мнению Й.В. Дрейверса, в нарративной традиции нет достаточных доказательств влияния Елены на этот вопрос: Drijvers 1992, 52–53.

сия и Евтропия) внушали меньше опасений и потому вполне могли оставаться при дворе своего брата. Сестры оказались в разной степени втянутыми в политическую жизнь: Констанция стала женой соправителя Константина, а затем и его противника, Лициния; Евтропия же, очевидно, вышла замуж за представителя сенаторской аристократии² и была вдали от усобиц этого периода. Промежуточное (по степени важности для политики Константина и освещенности в нарративной традиции³) положение между ними занимает Анастасия. На судьбе этой сестры мы и сосредоточим наше внимание.

Некоторое удивление вызывает нетипичное для римской традиции имя Анастасия⁴, которое благодаря своей этимологии (греч. *anastasis* – воскресение) может иметь христианское значение⁵. Идея о христианских симпатиях отца Анастасии, императора Констанция Хлора⁶, кажется заманчивой, тем более что нарративная традиция отмечает его умеренность и веротерпимость⁷. Христианский «колорит» имени не ускользнул от внимания исследователей. Высказывалось скептическое замечание, что это имя сестра Константина могла принять вместе с крещением уже в зрелом возрасте, тогда же, когда многие представители императорской семьи перешли в христианство⁸. Однако подобная точка зрения не кажется состоятельной. И сам Константин, и его мать Елена, и сестра Констанция известны под своими обычными именами латинского и греческого происхождения, хотя все они, так или иначе, приняли христианство.

Дата рождения Анастасии нам неизвестна. Брак Констанция и Феодоры следует датировать 289/293 годом⁹, скончался же Констанций Хлор 25 июля 305 года. В каком порядке рождались у него дети в этот период – неясно. Аноним Вalezия, упоминая о браке Анастасии после сообщения о замужестве Констанции, использует словосочетание *altera soror*, т.е. «другая (из двух) сестра» (*Origo Const. Imp.* 5.14). Отсюда мы можем сделать вывод, что она была второй дочерью Констанция Хлора – младше Констанции, но старше Евтропии. Синхронизировать их по-

² Jones, Martindale, Morris 1971, 316. Ее муж в источниках не назван, но так как ее сына звали Юлий Непоциан, то делается предположение, что она была супругой Вирия Непоциана, консула 336 года.

³ Прямых указаний на эту сестру Константина (с упоминанием имени) в нарративной традиции два – у Анонима Вalezия и у Аммиана Марцеллина: Seeck 1894, 2065; Jones, Martindale, Morris 1971, 58.

⁴ Составители PLRE фиксируют в IV веке двух Анастасий (интересующую нас, а также дочь императора Валента) и одного грамматика Анастасия: Jones, Martindale, Morris 1971, 58–59. Впрочем, следует отметить, что основное внимание составители сконцентрировали на политической и культурной элите, государственных чиновниках и их семьях, в то время как некоторые категории (например, простые солдаты) оказались исключены из поля зрения: Jones, Martindale, Morris 1971, VI.

⁵ Отметим, что правление Констанция в Галлии проходило на фоне гонений против христиан, начатых императором Диоклетианом, старшим в коллегии четырех императоров (тетрархии). На время этих приходится мученичество св. Анастасии, именуемой в русской православной традиции Узорешительницей: Михайлов, Лосева, Беспяхотная 2001, 259–261. Таким образом, имя это имело распространение в среде христиан, и Констанций не мог не понимать его религиозный «колорит».

⁶ Wienand 2013, 41.

⁷ Лебедев 2006, 182–185; Elliott 1996, 20–23; Odahl 2004, 68–69.

⁸ Lane Fox 1986, 610–611; Bardill 2012, 89.

⁹ В 293 году Констанций был провозглашен младшим соправителем (цезарем) в системе тетрархии; провозглашению предшествовал брак с падчерицей Максимиана Геркулия. Свадьбу исследователи относят к 289 г.: Leadbetter 1998, 77; Kienast 2004, 281.

явление на свет с рождением братьев представляется невозможным. Ф. Шоссон, опираясь на данные того же Анонима Вalezия, отмечает, что она была замужем по ситуации на 314/315 гг. При условии, что ее муж, Бассиан, был сверстником Константина, Шоссон считает возможным отнести возможное рождение Анастасии на 270-ые гг., что делает ее дочерью Елены¹⁰, матери Константина, и, таким образом, полной сестрой Константина, а не только по отцу. Впрочем, предположение Шоссона кажется безусловной натяжкой (и даже спекуляцией).

Сестры рано оказались инструментами политических игр Константина. В январе/феврале 313 года он отдал за Лициния свою сестру Констанцию, которая стала своего рода гарантом союза двух императоров. Однако Евтропий, описывая настроение Константина в этот период, отмечает, что он «горячо желал быть первым во всем круге [земном]...» (Eutrop. Brev. X.5). Претензия на единовластие обозначала необходимость военного столкновения с Лицинием, который, в свою очередь, также должен был иметь определенные амбиции. Сложные отношения между Константином и Лицинием накануне первой войны 316 года¹¹ в деталях описаны лишь Анонимом Вalezия¹², сообщение которого мы считаем нужным привести полностью:

«По прошествии немалого времени Константин отправляет Констанция¹³ к Лицинию, предлагая, чтобы Бассиан, женатый на другой сестре Константина – Анастасии, был провозглашен цезарем (младшим соправителем – И.М.) и, по примеру Максимиана [Геркулия], получил бы между Константином и Лицинием Италию. После того, как Лициний расстраивает такие [замыслы], Бассиан, через Сенециона, его брата, который был предан Лицинию, был вооружен против Константина. Он был схвачен при попытке [покушения], по распоряжению Константина изобличен и казнен. Затем Сенецион, устроитель всех козней, был затребован [Константином] для наказания; когда Лициний отказывает [в выдаче], то согласие [между императорами] было нарушено. К этому прибавилось еще кое-что, – так, Лициний сбросил в Эмоне статуи и изображения Константина. Между двумя [императорами] началась открытая война»¹⁴ (Origo Const. Imp. 5.14–15).

Из этого отрывка мы узнаем, что ориентировочно в 315 г. для своих политических целей Константин задействовал вторую сестру Анастасию. Идентифицировать ее мужа Бассиана не представляется возможным, так как это единственное

¹⁰ Chausson 2007, 120–121.

¹¹ На основании *Consularia Constantinopolitana* война датирована 314 г., однако современные исследователи выразили сомнение в столь ранней датировке и «перенесли» войну на 316 г., что сделало провозглашение сыновей Константина и Лициния цезарями в 317 г. ее логическим завершением. См.: Ehrhardt 1992, 87–94. Впрочем, Д. Кинаст в своей работе по хронологии римских императоров предпочитает указывать дату 314, как подтвержденную источником, а 316 – как исследовательскую реконструкцию: Kienast 2004, 299.

¹² Его сочинение, *Origo Constantini imperatoris*, хотя и сильно попорченное интерполяциями позднейшего редактора-христианина, все же признается хронологически близким к описываемым событиям и заслуживающим доверия. Характеристика источника и обзор мнений относительно датировки: Lieu 1996, 39–43; Winkelmann 2003, 15–17.

¹³ Хорошо бы сказать «некого Констанция». Ч.М. Одал считает, что в этом Констанция следует видеть брата Константина, Юлия Констанция: Odahl 2004, 163.

¹⁴ Перевод наш по изданию: Mommsen 1892, 7–11.

упоминание этого человека¹⁵, которого Константин прочил в младшие соправители (цезари) при двух августях – себе и Лицинии. По мнению Т. Барнса, внезапное решение Константина о выдвижении Бассиана связано с рождением в 315 г. у Лициния сына, в то время как в браке Константина и Фаусты сыновей на тот момент не было. Исследователь полагает, что Константин пытался установить тетрархию, где при двух старших императорах (августах) было бы два младших соправителя – сын Константина, Крисп, и его зять Бассиан. Зимой 315/316 гг. стало известно о беременности супруги Константина, и во второй половине 316 г. у императора родился сын (Константин-мл.). Надобность в Бассиане отпала, и он был устранен. При этом Барнс сомневается, реально ли Бассиан предпринял какие-то действия против Константина¹⁶.

Однако это толкование имеет свои слабые стороны. Во-первых, из текста не следует, что Константин **реально задумывался** о выдвижении Бассиана, он лишь предложил некий проект Лицинию. При этом обращает на себя внимание, что и в изложение Аноним Вalezия, и тем более в реконструкции Т. Барнса, проект Константина был очевидным оскорблением Лициния. Бассиан был зятем Константина, и это положение уравнивало его с Лицинием: Константин, согласно этому проекту, становился senior Augustus, будучи тестем обоих соправителей. Реконструкция Барнса и вовсе выглядит невероятно: если Бассиан получал Италию, то на востоке, где правил Лициний, младшим соправителем должен был стать сын Константина, Крисп. Совершенно очевидно, что такая расстановка сил была для Лициния неприемлема и оскорбительна. Таким образом, возможно, что Константин своим предложением попросту стремился вызвать Лициния на конфликт. Расчет кажется безошибочным: взрослеющий Крисп и новый «цезарь», далеко не малолетний Бассиан должны были бы напугать Лициния. В случае если бы Лициний отверг идею провозглашения Бассиана – как это и произошло, – «оскорбленный» Константин получил бы повод для войны. Примечательно, что у Бассиана был брат Сенецион, близкий к Лицинию. Разумеется, Константин не мог не располагать информацией о муже своей сестры и его родственных связях. Мы могли бы предположить, что выбор такого человека был обусловлен идеей компромисса: Константин выдвигал человека, близкого к Лицинию. Однако эта «близость» (Бассиан – брат одного, пусть и довольно преданного, из придворных Лициния) весьма условна, что сводит компромисс на нет. В этом случае мы можем предположить тонкий расчет: связь Бассиана с двором Лициния в любой момент могла быть использована в качестве компрометирующих данных. Расчет, если он действительно был, оправдался с лихвой – Лициний, не идя сразу на открытый конфликт, стал действовать через Сенециона, что привело к падению Бассиана, а затем и громкому процессу: Бассиан перед казнью был «изобличен», и это «изобличение» позволило требовать выдачи Сенециона. Это требование Лициний, вероятно, официально расценил как вмешательство в дела его двора, и объявил войну первым. Константин этого, как видно, и ждал.

Таким образом, судьба Бассиана изначально была незавидна, так как никакой реальной власти Константин ему явно не предназначал. Император уже имел

¹⁵ Ч.М. Одал считает, что Бассиан был сенатором: Odahl 2004, 163. Й. Винанд ограничивается нейтральной формулировкой – «римский аристократ»: Wienand 2013, 31.

¹⁶ Barnes 1981, 66–67.

взрослеющего сына и явно надеялся на рождение детей в браке с Фаустой. Но на тот момент времени для начала большой политической игры ему понадобилась фигура, укрепить позиции которой он решил с помощью сестры. Бассиан (если не считать – мнимого или реального – покушения на Константина) и Анастасия равно никак не проявили себя в этих обстоятельствах, что прямо указывает на их подчиненную, несамостоятельную роль. Мы не можем не отметить прагматизма и тонкого чутья Константина в этом эпизоде, но в характеристику семейной политики императора он добавляет скорее черных красок.

В 324 г. судьбу Анастасии разделила Констанция: Лициний был побежден, низложен, а затем убит. Константин достиг единовластия, однако сестры, теперь жившие при его дворе, должны были служить ему мрачным укором. Анонимный компилятор конца IV в. делит правление Константина на три части: «десять лет (306–315/316) [он был] превосходнейший [правитель], двенадцать последующих лет (315/316–327) – разбойником, десять последних лет (327–337) он был называем *pupillus*¹⁷ по причине огромных расходов» (*Epitome de caes.* 41.16). Репутация «разбойника», которую могли только упрочить убийства сына Криспа и жены Фаусты в 326 г., должна была тяготить Константина. Зосим, известный критик императора, пишет про его состояние во второй половине 320-х гг.: «Сознавая за собой такие [злодеяния] и, сверх того, пренебрежение клятвами, он пошел к жрецам с просьбой об очищении от грехов. Те сказали, что не дано очищения такого рода, которое могло бы освободить от таких преступлений...» (*Zos. Hist. Nov.* II.29.3). Конечно, Зосим здесь спекулирует на теме обращения Константина к христианству, представляя его как следствие раскаяния. Однако думается, что моральное состояние императора Зосим, до некоторой степени, передает верно. В этом смысле показательным его отношение к сестрам: рядом с умирающей Констанцией император провел немало времени (*Socr. Hist. Eccl.* I.25), а в Палестине назвал в ее честь город (*Euseb. Vita Const.* IV.38; *Socr. Hist. Eccl.* I.18).

Отношения Константина с Анастасией зафиксированы источниками не так хорошо. Еще довольно давно было выдвинуто предположение, что Анастасия могла сочетаться браком с Оптатом¹⁸, заметной фигурой при дворе Константина, однако это ничем не обоснованная догадка. При отсутствии внятных письменных свидетельств обращает на себя внимание памятник материальной культуры, а именно церковь св. Анастасии в Риме. Еще Ф.Б. Уайтхэд предположил, что эта церковь, одна из древнейших в Риме, была основана членом императорской семьи, тем более что располагается она на Палатине, т.е. в окружении императорских резиденций¹⁹. Однако после 326 г. Константин уже не посещал Рим, все больше внимания уделяя своей новой столице – Константинополю. Аммиан Марцеллин, повествуя о провозглашении императором узурпатора Прокопия в сентябре 365 г.²⁰, пишет, что произошло это в Анастасиевых термах, которые были «названы в честь сестры Константина» (*Amm. Marc. Res Gest.* XXVI.6.14). Хотя более поздние по

¹⁷ *Pupillus* – сиротка, тот, кто нуждается в опеке. Очевидно, смысл шутки в том, что Константин словно не был способен контролировать себя в вопросе трат.

¹⁸ Du Change 1729, 34.

¹⁹ Whitehead 1927, 413–414.

²⁰ Kienast 2004, 332.

сравнению с Аммианом авторы²¹ определяют их как названными в честь дочери императора Валента, однако, на наш взгляд, прав все-таки более ранний Аммиан. Валент был провозглашен императором в Константинополе 28 марта 364 г.²², т.е. к сентябрю 365 г. вряд ли мог быть готов новый комплекс терм. Автор «Пасхальной хроники» и вовсе датирует строительство и наименование терм годом провозглашения Валента (Chron. Pasch. s.a. 364). Таким образом, Валент мог попросту изменить смысл названия уже готового строения, «переадресовав» его дочери.

Подводя итоги, мы можем сказать, что персона Анастасии важна для понимания личности ее брата Константина Великого. Благодаря ее имени мы можем предполагать в ней христианку, что характеризует религиозный климат в семье императора Констанция Хлора. По мере необходимости она, как и ее сестра Констанция, стала инструментом в руках брата, который использовал ее для достижения поставленных политических целей. Ее более скромная, чем у Констанции, роль состояла в том, чтобы укрепить положение Бассиана, который нужен был Константину в качестве фигуры для большой политической игры. Отыграв ее достаточно быстро, она стала вдовой и ушла в тень. Вероятно, что вторая половина ее жизни, нам неизвестная, была наполнена почетом. Если допустить, что церковь св. Анастасии в Риме имела к ней какое-то отношение, то мы можем предполагать, что Анастасия имела резиденцию в Риме. Это тем более вероятно, так как там же имели свои резиденции мать Константина Елена и его жена Фауста²³. Более того, в качестве правителя Италии номинально намечался ее муж Бассиан. То обстоятельство, что Константин вспомнил о своей сестре при строительстве новой столицы, довольно примечательно. Оно отражает не только сам факт памяти о ней, но и проясняет отношение к ней Константина. Вдова Лициния Констанция была почтена наименованием в честь нее целого города, однако она была вдовой все же правившего императора-августа (хотя и преданного забвению после казни). Анастасия, вдова несостоявшегося младшего соправителя, стояла рангом ниже ее, что, возможно, объясняет выбор объекта – комплекс терм – для наименования.

ЛИТЕРАТУРА

- Крист, К. 1997: *История времен римских императоров*. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- Лебедев, А.П. 2006: *Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом*. СПб.
- Михайлов, П.Б., Лосева, О.В., Беспяхотная, Е.П. 2001: Анастасия Узорешительница. В кн.: Патриарх Алексей II (ред.). *Православная энциклопедия*. М., 259–260.
- Bardill, J. 2012: *Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age*. New York.
- Barnes, T.D. 1981: *Constantine and Eusebius*. Cambridge–London.
- Browning, R. 1976: *The Emperor Julian*. Berkley–Los Angeles.
- Chausson, F. 2007: *Stemmata aurea: Constantin, Justine, Théodose: revendications généalogiques et idéologie impériale au IVe siècle ap. J.-C.* Rome.

²¹ Jones, Martindale, Morris 1971, 58: христиане Сократ Схоластик, Созомен, автор «Пасхальной хроники». Первые два автора (V в.) связаны общей источниковой базой, третий автор (VII в.) должен был быть зависим от них.

²² Kienast 2004, 339.

²³ Richardson 1992, 126; 361.

- Drijvers, J.W. 1992: *Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross*. Leiden.
- Du Change, C.D. 1729: *Historia byzantina duplici commentario illustrate...* Venetiis.
- Elliott, T.G. 1996: *The Christianity of Constantine the Great*. Scranton.
- Ehrhardt, Ch. 1992: Monumental Evidence for the Date of Constantine's First War against Licinius. *Ancient World* 23, 87–94.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Lane Fox, R.J. 1986: *Pagans and Christians: In the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine*. London.
- Leadbetter, B. 1998: The Illegitimacy of Constantine and the Birth of Tetrarchy. In: S.N.C. Lieu and D. Monserrat (eds.), *Constantine: History, Historiography and Legend*. L., 74–85.
- Lieu, S. 1996: The origin of Constantine: Introduction. In: S.N.C. Lieu, D. Monserrat (eds.), *From Constantine to Julian: Pagan and Byzantine Views: a Source History*. L.–New York, 39–43.
- Mommsen, T. (ed.) 1892: Origo Constantini Imperatoris sive Anonymi Valesiani Pars Prior. In: T. Mommsen (ed.), *Chronica Minora. Saec. IV. V. VI. VII. Berolini*, 3–11.
- Odahl, Ch. M. 2004: *Constantine and the Christian Empire*. Abingdon–New York.
- Richardson, L. 1992: *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Baltimore–London.
- Seeck, O. 1894: Anastasia (1). In: *RE* I (2). 2065.
- Whitehead, Ph. B. 1927: The Church of S. Anastasia in Rome. *American Journal of Archaeology* 31, 405–420.
- Wienand, J. 2013: La famiglia e la politica dinastica di Costantino. In: *Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto Editto di Milano 313–2013*. Vol. I. Roma, 23–52.
- Winkelman, F. 2003: Historiography in the Age of Constantine. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 3–41.

REFERENCES

- Bardill, J. 2012: *Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age*. New York.
- Barnes, T.D. 1981: *Constantine and Eusebius*. Cambridge (MA) – London.
- Browning, R. 1976: *The Emperor Julian*. Berkley–Los Angeles.
- Chausson, F. 2007: *Stemmata aurea: Constantin, Justine, Théodose: revendications généalogiques et idéologie impériale au IVe siècle ap. J.-C.* Rome.
- Drijvers, J.W. 1992: *Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross*. Leiden.
- Du Change, C.D. 1729: *Historia byzantina duplici commentario illustrate...* Venetiis.
- Ehrhardt, Ch. 1992: Monumental Evidence for the Date of Constantine's First War against Licinius. *Ancient World* 23, 87–94.
- Elliott, T.G. 1996: *The Christianity of Constantine the Great*. Scranton.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Krist, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov [The History of the Epoch of Roman Emperors]*. Vol. 2. Rostov-on-Don.

- Lane Fox, R.J. 1986: *Pagans and Christians: In the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine*. London.
- Leadbetter, B. 1998: The Illegitimacy of Constantine and the Birth of Tetrarchy. In: S.N.C. Lieu and D. Monserrat (eds.). *Constantine: History, Historiography and Legend*. London, 74–85.
- Lebedev A.P., A.II. 2006: *Epokha gonenyi na khristian i utverzhdenie khristianstva v Greco-rimskom mire pri Konstantine Velikom* [The Epoch of Persecution of Christians and the Establishment of Christianity in the Graeco-Roman World under Constantine the Great]. Saint-Petersburg.
- Lieu, S. 1996: The origin of Constantine: Introduction. In: S.N.C. Lieu, D. Montserrat (eds.). *From Constantine to Julian: Pagan and Byzantine Views: a Source History*. London–New York, 39–43.
- Mikhaylov, P.B., Loseva, O.V., Bepakhotnaya, E.P. 2001: Anastasiya Uzorazreshitel'nitsa [St. Anastasia the Deliverer from Potions]. In: Patriarkh Alexy II (ed.), *Pravislavnaya Entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 259–260.
- Mommsen, T. (ed.). 1892: Origo Constantini Imperatoris sive Anonymi Valesiani Pars Prior. In: T. Mommsen (ed.), *Chronica Minora. Saec. IV. V. VI. VII. Berolini*, 3–11.
- Odahl, Ch. M. 2004: *Constantine and the Christian Empire*. Abingdon–New York.
- Richardson, L. 1992: *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Baltimore–London.
- Seeck, O. 1894: Anastasia (1). In: *RE* I (2), 2065.
- Whitehead, Ph.B. 1927: The Church of S. Anastasia in Rome. *American Journal of Archaeology* 31, 405–420.
- Wienand, J. 2013: La famiglia e la politica dinastica di Costantino. In: Alberto Melloni (ed.), *Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto Editto di Milano 313–2013*. Vol. I. Roma, 23–52.
- Winkelman, F. 2003: Historiography in the Age of Constantine. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 3–41.

CONSTANTINE'S THE GREAT SISTER ANASTASIA IN THE CONTEXT OF HIS DYNASTIC POLICY

Ivan A. Mirolubov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
peter-herzog@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to one of the unobtrusive figures of the Constantine's the Great family (the Constantinian dynasty), emperor's sister Anastasia. The emperor Constantine used Anastasia (like his other sister, Constantia) for political purposes and married her off to one of Bassianus, whom he planned to be his younger co-ruler for a while. However, this plan of the Emperor was quickly abandoned, and Bassianus was executed. Therefore, it is clear why the personality of Anastasia is illuminated not so well by sources as her sister Constantia, who became the wife of the emperor Licinius: though Constantine eventually defeated him, but only after his long reign at the Roman East.

Only one written source (so called Anonymous Valesianus) tells us in detail about the fate of Anastasia. This conscientious author included it into the narrative about the diplomatic, political and military struggle between Constantine and Licinius. Anastasia's marriage on her brother behalf, the overthrow of her husband and her secession in private life give insight into the mechanisms of Constantine's dynastic (intra-family) policy. Basing on the analysis of the

narrative tradition the author reconstructs the life of Anastasia and comes to the conclusion about possible change in the attitude of her brother to her: from the pragmatic prudence (when Constantine gave her in marriage to the person he needed in the current political situation), to regret, which takes the form of demonstrative respect at the Constantine's court.

Key words: Constantine the Great, the Constantinian dynasty, Anastasia, Constantine's the Great sister, emperor Licinius, Civil wars in Roman Empire (AD 306–324), Latin narrative tradition

Северное Причерноморье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 99–123
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 99–123
©Автор(ы) 2017

РАННИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНИХ СКИФОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Е.Е. Антонов

*Институт археологии РАН, Москва,
antonov.yegor@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее ранние строительные остатки на поселениях поздних скифов Северо-Западного Крыма. Раскопками в регионе исследованы восемь позднескифских поселений: Калос Лимен, Тарпанчи, Кульчук, Беляус, Южно-Донузлавское, Чайка, Керкинитида и Кара-Тобе. Поселения изучены неравномерно, постройки сохранились плохо. Строительные остатки большинства поселений приходится рассматривать в рамках середины / третьей четверти II в. – середины I в. до н.э. Только в двух случаях удастся надежно выявить сооружения домитридатовского времени (Калос Лимен, Беляус), еще в одном – митридатовского (Кара-Тобе).

Позднескифские населенные пункты во всех случаях были меньше предшествующих греческих городищ. Почти все поселения были укреплены. Активно использовались сохранившиеся греческие постройки. Строительные приемы на всех памятниках сходны: стены укреплений выкладывались из крупных камней, аккуратно, кладки жилых построек иррегулярные, из небольших необработанных камней, в основаниях часто использовались камни, установленные на ребро. Выделяются два типа застройки. Первый представляет собой укрепление, ремонт и приспособление более ранних греческих сооружений (Калос Лимен, Беляус, Кульчук (?), цитадель Чайки, Кара-Тобе). Для него характерна пристройка к стенам дополнительных поясов, строительство небольших по площади помещений. Второй тип – застройка из многокомнатных наземных каменных домов, строительство собственных укреплений (Тарпанчи (?), Южно-Донузлавское, кварталы Чайки, Керкини-

Антонов Егор Евгеньевич – аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №15-31-10125а(ц) «Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований».

тида). Выделенные типы, вероятно, представляют собой последовательные этапы освоения поселений поздними скифами. При этом этапы могут быть несинхронными на разных памятниках, вероятно, они отражают стадии освоения отдельных населенных пунктов.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, поздние скифы, позднескифское домостроительство, Крымская Скифия

Задачами статьи является выделение наиболее ранних строительных остатков на поселениях поздних скифов в Северо-Западном Крыму, их сравнение, выявление общих черт и отличий. Время появления поздних скифов в регионе до сих пор остается предметом дискуссии¹. Если безоговорочно принимать выводы авторов раскопок, то получается, что смена населения в Северо-Западном Крыму была длительным, растянутым по времени процессом. Первые позднескифские строительные остатки на Беляусе датируются авторами раскопок началом II в. до н.э.², на Калос Лимене – серединой или началом третьей четверти этого же столетия³, в Керкинитиде – третьей четвертью⁴, на Чайке – концом II в. до н.э.⁵. Мнения авторов раскопок о времени занятия Кульчука⁶ и Кара-Тобе⁷ подробно не аргументированы. К периодизации позднескифских слоев и сооружений Тарпанчи⁸ и Южно-Донузлавского поселения⁹ стоит относиться с осторожностью: памятники исследовались 40–50 лет назад, с тех пор представления о датировках материала значительно изменились, но краткость отчетов того времени не позволяет пересмотреть выводы авторов раскопок. Сомнения по поводу ранней даты появления поздних скифов на Беляусе и поздней – на Чайке уже высказывались¹⁰. Наиболее аргументированными выглядят выводы о занятии поздними скифами Калос Лимена и Керкинитиды. Вероятно, середину – третью четверть II в. до н.э. и следует принять за точку отсчета. При этом нельзя полностью исключить, что на отдельных памятниках поздние скифы появились немного ранее или позднее, а сам процесс смены населения мог быть несколько растянут по времени.

В историческом контексте окончание первого периода жизни позднескифских поселений Северо-Западного Крыма логично связывать с Диофантовыми войнами. Их начало большинство исследователей относят сейчас к 114/113–111 гг. до н.э.¹¹. Однако после побед над скифами Херсонес не смог провести полномасштабную реколонизацию региона, часть позднескифских поселений продолжала существовать и во время оккупации Северо-Западного Крыма понтийскими войсками¹², и после их вывода, который, вероятно, произошел в первой или в начале второй четверти I в. до н.э.¹³.

¹ Подробнее эта проблема рассмотрена автором в отдельной статье: Антонов 2016.

² Дашевская, Голенцов 2004, 35.

³ Уженцев 2006, 29–30.

⁴ Кутайсов 1990, 31–32.

⁵ Попова 2009, 117–118; Попова, Пежемский, Беловинцева 2015, 93.

⁶ Голенцов 1994, 82; Ланцов 2010б, 142; 2012, 13.

⁷ Внуков 1997б; 2010, 37; 2016, 90, 91.

⁸ Щеглов 1978, 39, 71.

⁹ Дашевская 1967б, 65; 1972, 62.

¹⁰ Антонов 2016, 182, 183.

¹¹ Виноградов 1987, 70; Сапрыкин 1996, 134, 135; Кутайсов 2003, 88.

¹² Сапрыкин 1996, 278–279.

¹³ Сапрыкин 1996, 147, 148; Уженцев 2006, 128–129; Внуков 2016, 96.

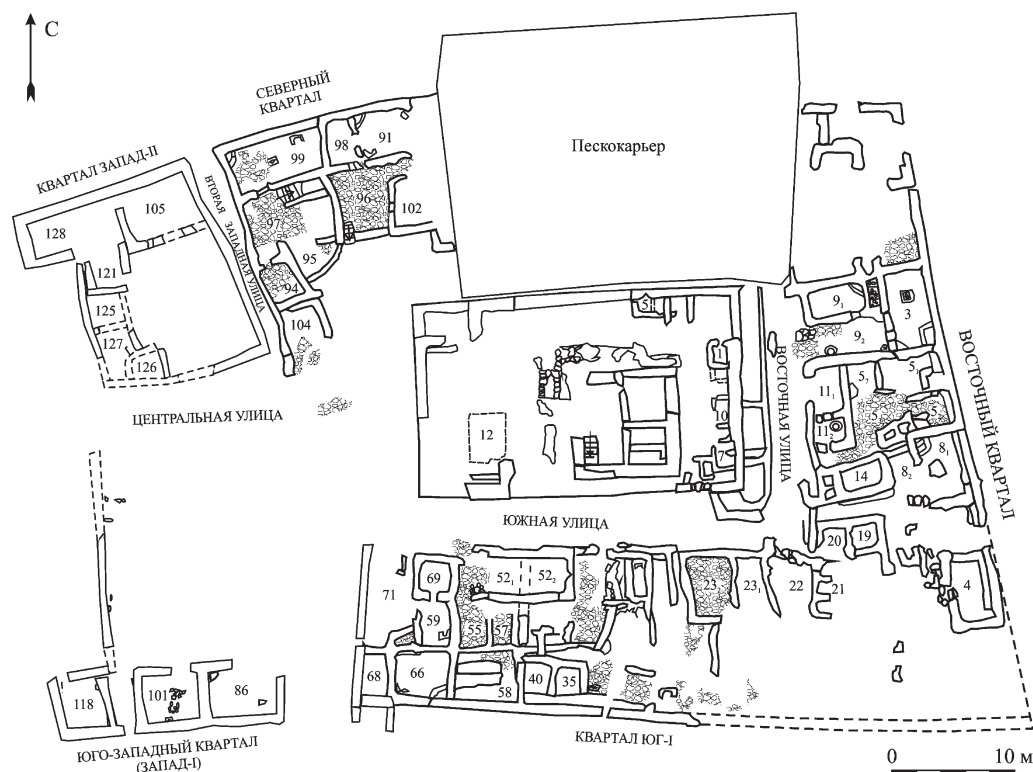

Рис. 1. План «Чайки» первого периода. Предоставлен Е.А. Поповой

Археологически проследить упомянутые события затруднительно. Присутствие понтийских гарнизонов четко фиксируется только на двух памятниках региона – Калос Лимене¹⁴ и Кара-Тобе¹⁵. Разделить керамические комплексы домитридатовского и митридатовского времени на других поселениях не удастся, поскольку массовый материал второй половины II – первой половины I в. до н.э. невозможно датировать с необходимой точностью¹⁶. Клейменная тара могла использоваться до 20 и более лет¹⁷, а ее фрагменты наверняка перемещались в слое при последующих перестройках на поселениях.

Значительные изменения в массовом материале фиксируются только около середины I в. до н.э., когда в Северное Причерноморье начинают поступать светлоглиняные амфоры¹⁸. Примерно в это же время на многих позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма происходят масштабные перепланировки¹⁹. Очевидно, эту дату можно принять в качестве реально определяемой верхней хронологической границы начального этапа жизни рассматриваемых населенных

¹⁴ Уженцев 2006, 31.

¹⁵ Внуков 2016, 91–92.

¹⁶ Внуков 2016, 95.

¹⁷ Внуков 2015в, 168.

¹⁸ Внуков 2006б, 137–139, 151–152.

¹⁹ Попова, 1991, 67, 68; 1998, 183; Уженцев 2001, 156–158, 160; Внуков 2015б, 168.

пунктов, который охватывает периоды скифо-херсонесских войн II в. до н.э., Диофантовых войн и митридатовское время.

Таким образом, начальный этап существования поселений Северо-Западного Крыма датируется временем около середины / третьей четверти II в. до н.э. – середины I в. до н.э. Только в отдельных случаях можно уверенно разделить позднескифские слои и постройки домитридатовского (Калос Лимен, возможно, Беляус – см. ниже) и митридатовского (Кара-Тобе) времени. На остальных памятниках (Тарпанчи, Кульчук, Южно-Донузлавское, Керкинитида, Чайка) первые позднескифские постройки и сооружения формально могут датироваться как временем до походов Диофанта, так и временем после их окончания. Поэтому в данной работе рассматриваются позднескифские строительные остатки, которые являются самыми ранними на конкретных поселениях и датировка которых не выходит за очерченные выше пределы.

Всего в Северо-Западном Крыму раскопками исследованы восемь позднескифских поселений²⁰. Степень сохранности и изученности строительных остатков середины II в. до н.э. – середины I в. до н.э. на них неравномерная.

На Калос Лимене к рассматриваемому времени относятся два яруса: «С» 1 и «С» 2. Фрагменты светлоглиняных амфор появляются только в слоях следующего яруса «С» 3. Ярус «С» 1 В.С. Уженцев датирует домитридатовским временем²¹. К нему он относит перестройки, слои, жилые уровни внутри греческих помещений цитадели, а также несколько полуземлянок, открытых в том числе за ее пределами. Однако строительные остатки яруса «С» 2, который исследователь соотносит с пребыванием на городище понтийских войск, выявлены только на территории «цитадели»²². Следовательно, некоторые полуземлянки и «зольные поверхности» яруса «С» 1, открытые за пределами «цитадели», могут быть датированы временем после вывода понтийского гарнизона.

Для Калос Лимена яруса «С» 1 характерно отсутствие собственно «варварских» наземных каменных построек. Судя по всему, греческий городок достался скифам в сильно разрушенном состоянии²³. Относительно целой осталась только цитадель. Ее новые жители используют дома, построенные греками, меняя их внутреннюю планировку в соответствии со своими нуждами. Наиболее значительны такие перестройки в доме 2 квартала I. Самая большая комната в доме оказалась разделена перегородкой, около лестницы устраивается секторная загородка из поставленных на ребро камней. Лестница сохраняется, как и полуподвальные помещения²⁴. Это позволяет предполагать наличие второго этажа или эксплуатируемой крыши.

Входы в дома оставались в тех же местах, что в «греческое» время. Из-за того, что уровень улиц поднялся, перед входами сооружают полукруглые конструкции из орфостатно установленных камней. По мнению В.С. Уженцева, они должны были защищать входы от дождя²⁵, но нельзя исключать, что это обкладка углу-

²⁰ Благодарю С.Ю. Внукова, В.А. Кутайсова, С.Б. Ланцова и Е.А. Попову за разрешение ознакомиться с неопубликованными материалами.

²¹ Уженцев 2006, 30.

²² Уженцев 2006, 31, 97–98.

²³ Уженцев 2006, 92, 122.

²⁴ Уженцев 2006, 96.

²⁵ Уженцев 2006, 95–96.

бления-ступеньки, которая вела в дома. Вдоль внешней стены северного квартала устроен дополнительный пояс-«контрофорс» в виде орфостатной кладки, сложенной на одно лицо. Кладки, построенные в это время, иррегулярные, постелистые, из разномерных камней, в них также часто использовались блоки из более ранних строений. Их толщина – 0,6–0,8 м. В некоторых случаях (чаще всего – в основаниях) плоские камни устанавливались на ребро. На месте некоторых уже разрушенных домов устраиваются свалки. Продолжают функционировать улицы и укрепления цитадели. В целом ее планировка остается прежней, эллинистической²⁶.

За пределами цитадели пока не удалось зафиксировать надежных свидетельств использования греческих домов поздними скифами, хотя в некоторых зданиях и фиксируются «зольные поверхности», которые перекрывают сырцовые завалы над полами домов херсонесского Калос Лимена²⁷.

Характерной чертой яруса «С» I Калос Лимена являются полуземлянки, размещенные бессистемно. Одна из них открыта на площади цитадели²⁸, другая – за пределами внешних эллинистических стен городища, еще четыре разбросаны внутри их периметра²⁹. Из-за своих небольших размеров они не могли быть жилыми. Это, вероятно, какие-то хозяйственные сооружения, которые сопутствовали наземным жилищам из органических материалов.

Еще одной особенностью Калос Лимена описываемого времени было существование свалок, как за пределами городских стен, так и на огороженной территории. Некоторые из них примыкали к укреплениям как снаружи, так и изнутри³⁰.

Вопрос о том, действовала ли внешняя оборонительная линия на первом позднескифском этапе, В.Б. Уженцев решал положительно, но не настаивал на этом. Он писал, что использование эллинистических стен Калос Лимена «кажется довольно правдоподобным», поскольку, «судя по археологическим наблюдениям», к моменту прихода скифов они все еще «возвышались над окружающей местностью на значительную высоту». Автор раскопок отмечал, что его предположение подкрепляется обнаружением в одной из башен зольных поверхностей второй половины II в. до н.э. Кроме того, он не исключал, что к этому же времени относятся остатки какой-то сильно разрушенной каменной постройки (башни?), частично открытой в 20 м к югу от центральных ворот. По предположению В.Б. Уженцева, она могла защищать въезд в город³¹. Существование укреплений косвенно подтверждается фактом осады Калос Лимена войсками Диофанта (IOSPE I², 352). Однако нельзя исключать, что укрытием осажденных скифов была цитадель, а не все городище.

²⁶ Уженцев 2006, 93–94.

²⁷ Уженцев 2006, 95.

²⁸ Уженцев 1994, 239 – рис. 1, 245. В публикации 1994 г. она датируется концом II–I в. до н.э. на основании стратиграфии. В более поздней монографии автор раскопок отнес ее ко второй половине II в. до н.э. (Уженцев 2006, 186).

²⁹ Точное количество полуземлянок яруса «С» I в итоговой монографии В.Б. Уженцева не приводится. В книге опубликованы планы шести таких сооружений (Уженцев 2006, 186). В этой же работе говорится, что все они расположены внутри внешних стен поселения (Уженцев 2006, 92, 122). Однако из более ранней публикации автора раскопок следует, что это не так: одна из полуземлянок (№ 11) располагается за пределами укрепленной территории (Уженцев 1994, 239 – рис. 1, 241).

³⁰ Уженцев 2006, 93.

³¹ Уженцев 2006, 51–52.

Первые позднескифские строительные остатки и сооружения Калос Лимена, таким образом, представляют собой примитивные кладки, перестройки и следы ремонта греческих помещений. Они отмечают этап первоначального освоения городища.

На поселении Тарпанчи к наиболее ранним скифским сооружениям А.Н. Щеглов относит оборонительную стену с башнями, открытое зернохранилище, прилегающее к ней снаружи (первый строительный период), противотаранный пояс (второй строительный период) и ров. Пояс перекрывает зернохранилище, а ров прорезает его.

Крепостная стена построена на напластованиях, которые автор раскопок датирует концом IV–III – началом II в. до н.э. Слой, связанный с существованием укрепления, отличается от нижележащих наличием фрагментов мегарских чаш. На этом основании исследователь датировал возведение «скифской крепости» временем «не позднее середины II в. до н.э.»³². При современной степени изученности археологического материала такое основание для датировки не выдерживает критики³³. С другой стороны, отсутствие светлоглиняных амфор в слоях, залегающих у основания оборонительных стен³⁴, свидетельствует, что они были сооружены до середины I в. до н.э.

На Тарпанчи зафиксировано два слоя пожара. Первый предшествует сооружению противотаранного пояса, в нем погибло зернохранилище. А.Н. Щеглов первоначально связывал это разрушение с походами Диофанта³⁵. Однако потом отказался от этой идеи, указывая, что глинобитная поверхность склада зерна ни разу не подновлялась. На этом основании он предполагал, что пожар произошел вскоре после сооружения крепости. С действиями понтийцев автор раскопок предположительно соотнес другой слой пожара, выявленный в береговом обрыве, а также наконечник стрелы, найденный в щели между камнями противотаранного пояса³⁶. Однако датировка второго слоя пожара никак не обосновывается.

Крепостная стена и башни Тарпанчи выполнены из необработанного бутового камня, без фундаментов. Кладка стены трехслойная, наружный и внутренний панцири сложены из камней, уложенных постелисто и частично подтесанных. Средний слой представляет собой забутовку из мелкого камня на глине. Кладка сужалась сверху за счет наклонного внешнего панциря: в основании ее толщина составляла 2,8 м, вверху – 1,55 м (сохранившаяся высота 1,7–1,8 м). Толщина стен башен меньше – 0,8–0,9 м, они двуслойные.

Противотаранный пояс укрепления сложен из более крупных камней, чем стены первого строительного периода. Рядность кладки соблюдается, сама она ступенчато сужается сверху. Пояс был обмазан глиной с внешней стороны. Там, где он пристроен к куртине, его ширина в основании достигает 1,75 м. Вокруг башен его толщина варьирует от 1,1 до 2,35 м. Ров имеет ширину 11–12 м по верху и 5 м по дну, глубина – около 4,5 м. Внутренний откос облицован камнем³⁷.

³² Щеглов 1978, 39, 71.

³³ Коваленко 1998, 12–14.

³⁴ Щеглов 1963а, 54, 58–59.

³⁵ Щеглов 1963б, 73.

³⁶ Щеглов 1978, 39, 71.

³⁷ Щеглов 1978, 69–71.

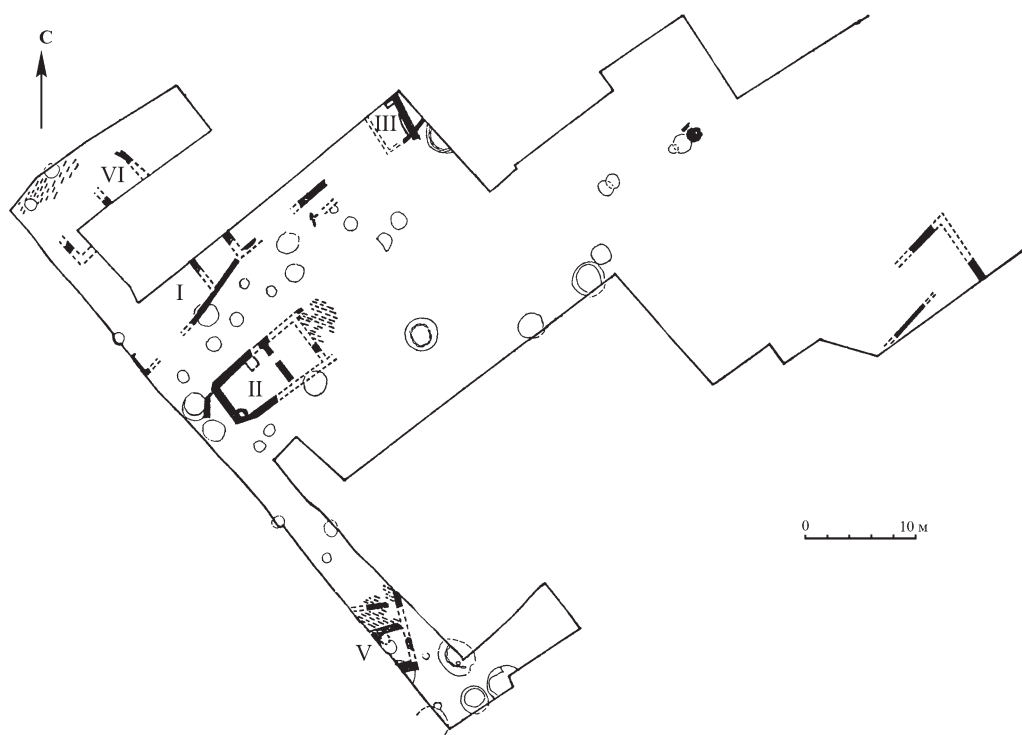

Рис. 2. Скифские постройки и полуземлянки Керкинитиды второй половины II в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. По: Кутайсов 1990, рис. 34 (с корректировками автора статьи)

Жилая застройка второй половины II – первой половины I в. до н.э. на поселении не выявлена. Также неизвестно, имелись ли какие-то постройки за пределами крепости и существовали ли селища, примыкавшие к городищу с востока и запада³⁸. Пока ясно лишь, что площадь позднескифского Тарпанчи была меньше предшествовавшего херсонесского поселения, «поскольку подстилающие скифскую крепость греческие слои везде выходят за ее пределы»³⁹. Ориентация жилых построек первых веков н.э. и кладок, выявленных в береговых обрывах, соответствует направлению оборонительной стены⁴⁰. Логично предположить, что изначальная планировка также была упорядоченной.

Очевидно, что сведений о первых позднескифских сооружениях на Тарпанчи пока очень мало. Укрепления раскрыты лишь на небольшом участке, нижележащие греческие слои изучены явно недостаточно. Не исследована и ранняя внутрикрепостная застройка. Все это не позволяет уточнить время постройки укрепления. Мы не можем полностью исключить возможности того, что стены крепости были сооружены греками и позже лишь перестроены и приспособлены под свои нужды скифами (к их дополнениям можно отнести противотаранный пояс и ров).

³⁸ Щеглов 1963б, 69.

³⁹ Щеглов 1978, 67.

⁴⁰ Щеглов 1961, 3; 1963б, 72.

К наиболее ранним позднескифским сооружениям на Кульчуке относятся несколько конструкций из сырцовых кирпичей, установленных по кругу. Два таких сооружения были открыты в 1970 г.⁴¹, еще четыре – в 1990 г.⁴². Судя по отсутствию фрагментов светлоглиняных амфор, конструкции могут быть отнесены ко времени до середины I в. до н.э. Предполагается также использование поздними скифами греческих оборонительных сооружений, в частности башни № 2 усадьбы № 2, в которой найдены находки рубежа II и I вв. до н.э.⁴³. Собственно позднескифские помещения, открытые на городище, датируются рубежом эр – началом н.э.⁴⁴. Таким образом, исследованные на Кульчуке объекты второй половины II в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. пока не дают целостного представления о раннем этапе существования позднескифского поселения.

Несмотря на то, что Беляус изучается на протяжении нескольких десятилетий, информации о позднескифских горизонтах городища немного. Существует только одна обобщающая публикация⁴⁵, в которой приводится периодизация памятника. Она не используется в отчетах, а находки в них описаны очень скупо, что не позволяет проверить выводы авторов.

Первый позднескифский горизонт (шестой период) авторы публикации датируют первой половиной II в. до н.э. К нему относят небольшие перестройки в пределах греческих помещений – сооружение перегородок и разборку отдельных стен. Датируется период по родосским, херсонесским, синопским и кинидским клеймам, которые происходят из нижнего горизонта «зольника» во дворе вокруг башни 2. Набор клейм охватывает все второе столетие до н.э.⁴⁶. Как перестройки внутри помещений соотносятся с напластованиями во дворе и, в частности, с ранними клеймами – неясно, на каком основании перестройки внутри греческих помещений атрибутируются как позднескифские, не поясняется.

Следующий период, седьмой, датируется авторами второй половиной II в. до н.э. Его завершение определяется по родосским клеймам конца II – начала I в. до н.э.⁴⁷, происходящим из верхнего слоя зольников. Сведения о позднескифской застройке этого времени также краткие: помещения возникают во внутренних дворах греческих усадеб, в большинстве случаев они примыкают к стенам греческих построек⁴⁸. В качестве укреплений могли использоваться внешние стены усадеб и башни. Вал и ров, окружающие городище, датируются авторами раскопок более поздним временем⁴⁹.

Если принимать атрибуцию и датировки, предложенные О.Д. Дашевской и А.С. Голенцовым, то получается, что первые позднескифские сооружения на Беляусе представляют собой перестройки внутри греческих помещений и пристройки к ним. Общий характер застройки поселения, очевидно, диктовался его предшествующей, греческой, планировкой.

⁴¹ Дашевская 1970, 14–16.

⁴² Голенцов 1991, 12–14.

⁴³ Ланцов 2008, 7–10.

⁴⁴ Ланцов 2007–2008, 15; 2009, 11; 2010а, 263.

⁴⁵ Дашевская, Голенцов, 2004.

⁴⁶ Дашевская, Голенцов, 2004, 35.

⁴⁷ Дашевская, Голенцов, 2004, 35–36.

⁴⁸ Дашевская, Голенцов, 2004, 35.

⁴⁹ Дашевская 1990, 151–152.

На Южно-Донузлавском городище первый позднескифский этап (период II) датируется автором раскопок второй половиной II в. до н.э. по стратиграфическим данным. Основания стен этого времени лежат выше подошв греческих кладок и частично перекрывают их. Фрагменты светлоглиняной тары появляются только в зданиях следующего периода III⁵⁰. Как уже отмечалось, это не позволяет определить верхнюю хронологическую границу периода временем ранее, чем середина I в. до н.э.

В периоде II поселение представляло собой небольшую крепость, окруженную валом с каменной стеной на нем и рвом. Поселение было меньше размером, чем херсонесское, существовавшее здесь ранее. В плане оно, как считала О.Д. Дашевская, имело овальную форму.⁵¹ С.Г. Колтухов с последним утверждением не соглашается. Он отмечает, что раскрытый участок оборонительных сооружений не отражает форму поселения в целом⁵².

Отметим, что датировка вала и рва городища также основана на косвенных данных: вал насыпан поверх культурного слоя «насыщенным материалом III – начала II в. до н.э.»⁵³. С.Г. Колтухов не исключал, что возведение этих укреплений стоит относить к I в. до н.э., по аналогии с оборонительными сооружениями Беляуса⁵⁴. Глубина рва – около 2,20 м, ширина сверху – 7 м. Ширина вала 7–8 м. Наружная сторона вала и прилегающий борт рва были облицованы камнем, с внутренней стороны вал опирался на стены более ранних греческих зданий. Вероятно, облицован был и противоположный склон рва. «Огромный» завал камня во рву позволяет предположить, что на валу стояла стена⁵⁵.

Внутренняя застройка Южно-Донузлавского городища периода II мало исследована. Открыты остатки четырех зданий, изученных частично (Г⁵⁶, Ж⁵⁷, О⁵⁸, П⁵⁹). Постройка О была пристроена к более раннему, греческому зданию Л, которое, как считала автор раскопок, продолжало функционировать⁶⁰.

Можно констатировать две черты застройки Южно-Донузлавского городища рассматриваемого времени: позднескифские дома были многокомнатными и одинаково ориентированы – по оси ССВ–ЮЮЗ. Строительные остатки и сооружения за пределами укреплений относятся к более позднему времени⁶¹. В целом поселение, по сравнению с описанными выше, выглядит гораздо более развитым: здесь существовала упорядоченная наземная каменная застройка и укрепления. Продолжают использоваться и греческие помещения. Широта датировок не позволяет исключить, что использование греческих построек и сооружение собственных домов – не синхронные процессы, а последовательные этапы освоения памятника.

⁵⁰ Дашевская 1961, 17.

⁵¹ Дашевская 1967б, 69; 1972, 62, 64.

⁵² Колтухов 1999, 56.

⁵³ Дашевская 1962, 9.

⁵⁴ Колтухов 1999, 122.

⁵⁵ Дашевская 1967б, 68.

⁵⁶ Дашевская 1961, 10–11; 1963, 14.

⁵⁷ Дашевская 1961, 9–10.

⁵⁸ Дашевская 1963, 12.

⁵⁹ Дашевская 1967а, 8–9.

⁶⁰ Дашевская 1963, 12–14; 1991, 12.

⁶¹ Дашевская 1972, 65–66.

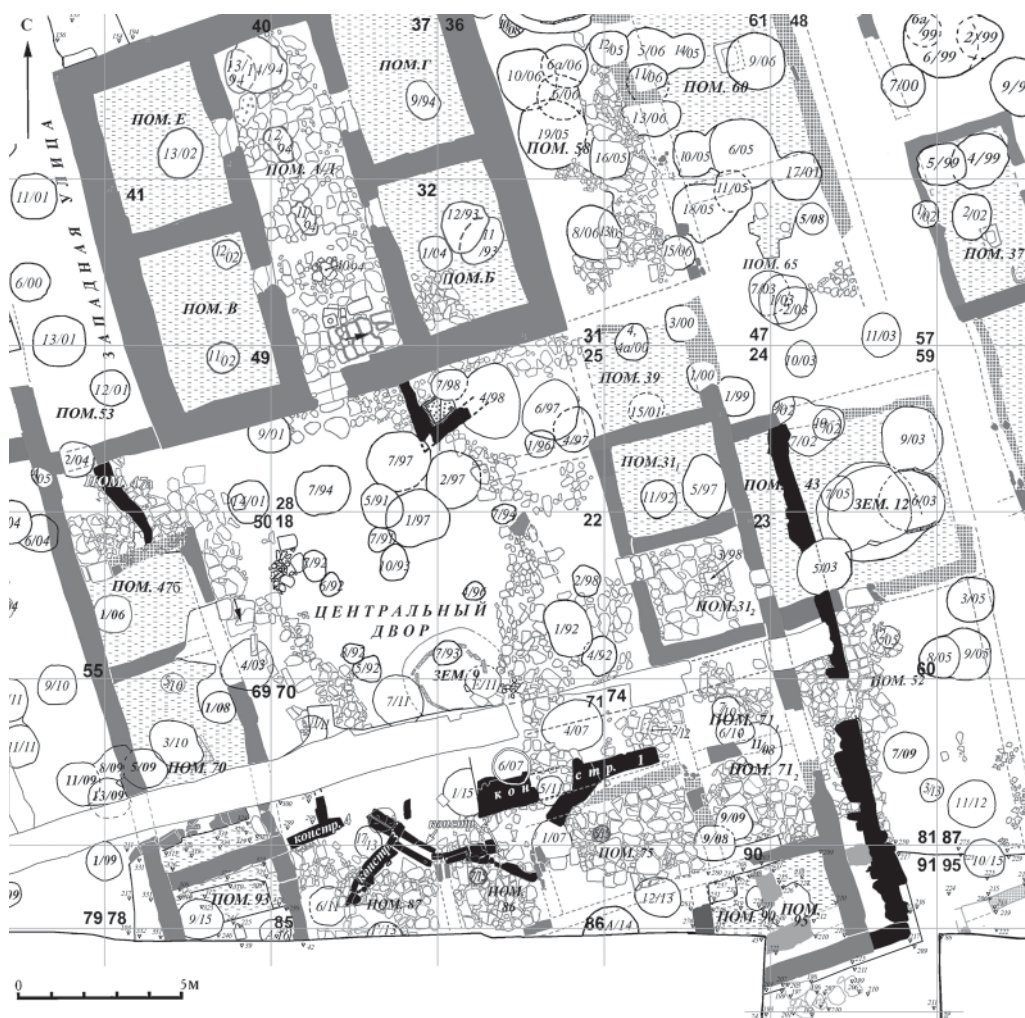

Рис. 3. Первые позднескифские конструкции в южной части Центрального строительного комплекса Кара-Тобе (выделены черным цветом). Предоставлен С.Ю. Внуковым

Представления о датировке первых скифских сооружений на городище Чайка менялись в ходе исследований. Первоначально И.В. Яценко относил два скифских строительных периода (I и II) ко II в. до н.э.⁶² Затем период I стали датировать домитридатовским временем, а второй период – I в. до н.э.⁶³ Позже границу между периодами I и II удалось уточнить: она маркируется появлением светлоглиняных амфор в слоях периода II⁶⁴, и, таким образом, проходит около середины I в. до н.э.

⁶² Яценко 1970, 34.

⁶³ Яценко 1983, 65.

⁶⁴ Внуков 1984, 68; Попова, Пежемский, Беловинцева 2015, 99.

Ядром позднескифской Чайки, своеобразной цитаделью становится греческая усадьба № 1 (так называемое «здание III в. до н.э.»). Она существовала дольше других греческих построек⁶⁵. Новые жители ремонтируют оборонительные стены усадьбы: перекладывают их отдельные участки, а также пристраивают к ним дополнительные пояса. Следы ремонта лучше всего прослеживаются на восточной стене цитадели. Северный отрезок стены представлял собой греческую кладку толщиной около 0,8 м. Южный, переложённый поздними скифами, участок отличался толщиной (1,2–1,3 м) и техникой исполнения. Внешний фас позднескифского участка сложен из крупных обработанных камней во вторичном использовании, уложенных постелисто, рядность выдержана не всегда четко, но заметно стремление ее соблюсти. Внутренний фас выложен из камней, меньших по размеру, рядность почти не соблюдается.

Дополнительные пояса отличаются по конструкции. Первая их разновидность представляла собой кладки, пристроенные вплотную вдоль отдельных участков южной стены цитадели. Эти пояса трех- или двухслойные, шириной 1–1,2 м. Вторая разновидность пояса зафиксирована только вдоль восточной стены. Он представляет собой кладку, построенную на расстоянии около 2 м от стены усадьбы. Пояс сложен из квадров, взятых, очевидно, из греческих построек. Камни уложены постелисто, рядность хорошо соблюдается. Пространство между стеной цитадели и восточным панцирем было поделено поперечными кладками, заполнено грунтом и камнями. На юге восточный панцирь плавно поворачивал и примыкал к южному поясу⁶⁶.

В центре цитадели и в позднескифское время возвышалась построенная греками башня. Она была обнесена дополнительными поясами еще первыми владельцами, новые жители, судя по всему, ремонтируют и надстраивают эти пояса. К стенам цитадели изнутри были пристроены прямоугольные постройки. У восточной стены они размещались в два ряда. Постройки отличаются небольшими размерами (половина имела площадь около 0,7 м², самая крупная – 3,7 м²). Остатки еще четырех таких же маленьких построек открыты у северной стены цитадели. В западной части зафиксированы остатки помещений (обрывки кладок, участки вымосток и пола). Судя по всему, они превышали по размеру описанные выше постройки. Так, площадь помещения 12, реконструируемая по сохранившемуся полу, достигала примерно 19 м².

За пределами «цитадели», судя по стратиграфии, наиболее ранним объектом интересующего нас времени был перекоп, перекрытый вымосткой помещения 9₂ (оно также относится к первому позднескифскому строительному периоду). Значительные размеры перекопа (2,10 x 1,70, глубина – 0,8 м) позволяют предполагать, что это была полуземлянка. Еще одна полуземлянка (6,0 x 3,0 м, глубина – 0,6–0,7 м) открыта к западу от квартала Запад–II. Оба сооружения вырыты в слое песка, перекрывшем остатки греческого городища. При этом «западная» полуземлянка находилась на незастроенной площади, так что нельзя исключить того, что она сосуществовала с наземными постройками квартала Запад–II⁶⁷.

⁶⁵ Попова 2007, 25–27.

⁶⁶ Попова 2017, 263–265.

⁶⁷ Попова 2017, 265–270, 281–288, 300–301.

К первому позднескифскому строительному периоду Чайки относятся и кварталы, состоящие из многоквартирных домов. Кварталы были отделены от цитадели улицами, проходившими вдоль ее восточной, южной и северной стен. На запад от нее отходила Центральная улица, к которой с севера и юга примыкали еще две: Первая и Вторая Западные. Эти три улицы разделяли четыре квартала: Северный, Западный (Запад-II), Юго-Западный (Запад-I) и Юг-I. Еще один квартал, Восточный, был расположен в соответствующей части поселения. Как он отделялся от Северного квартала – неясно: эта часть памятника уничтожена карьером. Сохранность строительных остатков в юго-восточном углу поселения плохая, но, вероятно, между Восточным кварталом и кварталом Юг-I улицы не было.

Кварталы примыкали изнутри к общей оборонительной стене. Ее толщина в среднем около 0,8 м, максимальная – до 1,20 м. В стене было как минимум три проезда и одна калитка. В северо-западном и юго-западном углах располагались помещения (118 и 128), выступавшие за линию обороны, вероятно, выполнявшие функции башен⁶⁸.

Дома Чайки первого периода, как уже отмечалось, многоквартирные. В Восточном квартале достоверно реконструируется планировка двух из них (комплексы помещений 3, 9₁ и 9₂, а также 5₁, 5₂, 5₃, 5₇, 11₁ и 11₂)⁶⁹, в квартале Юг-I – также двух, состоящих из помещений 55, 58, 57, 52₁ и 71, 68, 66, 59, 69⁷⁰. Квартал Запад-II представлял собой один большой хозяйственно-жилой комплекс площадью около 202,5 кв.м⁷¹. В Северном квартале полностью сохранился один дом, состоявший из помещений 99, 94, 95, 117 и двора 97⁷². В квартале Запад-I к первому периоду относятся только отдельные помещения. Количество комнат и площади домов значительно разнятся, даже в пределах одного квартала. Так, в квартале Юг-I западный дом имел площадь около 94 м², восточный – около 62,5 м². Общий принцип планировки комплексов одинаковый: помещения группируются вокруг дворов. В большинстве случаев помещения примыкают ко дворам с двух сторон (комплекс помещений 3, 9₁ и 9₂, дома кварталов Юг-I и Запад-II). В доме 5₁, 5₂, 5₃, 5₇, 11₁ и 11₂ помещения примыкают ко двору с трех сторон. В доме Северного квартала (помещения 99, 94, 95, 117 и 97) двор занимает центральную часть, а помещения примыкают к нему с юга и севера. В двух случаях – во дворах и 9₂, и 97 выявлены остатки лестниц, которые могут говорить о наличии второго этажа или эксплуатируемой крыши.

Таким образом, городище Чайка первого позднескифского периода демонстрирует два типа застройки. Первый – перестройки, укрепление и ремонт греческой усадьбы (цитадель). Этот участок поселения по облику близок к первым позднескифским строительным остаткам на Калос Лимене и Беляусе. Второй тип – кварталы, состоящие из многоквартирных домов. Похожие дома открыты на Южно-Донузлавском городище и в Керкинитиде (см. ниже). Не исключено, что различия между этими типами застройки хронологические: цитадель представляет собой первый этап освоения поселения, кварталы – второй. Однако не-

⁶⁸ Попова 1991, 40; 1998, 182.

⁶⁹ Яценко 1970, 31–32.

⁷⁰ Попова 2017, 284–286.

⁷¹ Попова 1998, 182–183, 185 (рис. 2).

⁷² Яценко 1983, 47–51.

достаточная изученность археологического материала рассматриваемого времени не позволяет доказать это предположение.

Позднескифская застройка Керкинитиды мало изучена. Л.А. Моисеевым открыта одна полуземлянка⁷³ и остатки позднескифских наземных построек. Строительные остатки исследователь описывал очень скупое, отмечая их «хищнический характер» и «небрежность», а также «случайность» строительного материала, «взятого от построек предшествующей жизни»⁷⁴. Довольно эмоционально выглядит вывод Л.А. Моисеева: «Постройки ее производят такое впечатление, будто в разоренный город явились новые обитатели, кое-как и наскоро сложившие себе жилища из груды полузасыпанных временем развалин»⁷⁵.

Раскопками М.А. Наливкиной также были открыты полуземлянка⁷⁶ и отдельные, вероятно, позднескифские кладки⁷⁷. Она отмечает небрежность последних, а также вторичное использование камней из более ранних стен⁷⁸.

В.А. Кутайсов соглашается с оценкой позднескифских домов, данной Л.А. Моисеевым⁷⁹, и сам называет их «убогими»⁸⁰. Его раскопками открыто большее количество сооружений интересующего нас времени, и их описание более подробное, чем у предшественников. Исследователь датирует домитридатовским временем весь позднескифский ярус Керкинитиды⁸¹. Но, как уже неоднократно отмечалось⁸², в его публикациях имеются сведения о фрагментах светлоглиняных амфор варианта С Ia и сосудов типа Син III⁸³. При этом находок узкогорлых позднегераклейских амфор, которые появляются во второй четверти I в. н.э.⁸⁴, на городище нет. Это говорит о том, что поселение на месте Керкинитиды могло существовать дольше – до первой четверти I в. н.э.

Раскопками 1980-х гг. на городище открыты десять полуземлянок, а также остатки шести позднескифских домов. К периоду после середины I в. до н.э. точно относится дом IV: в помещении 8 и во дворе этого дома найдены фрагменты псевдокосских светлоглиняных амфор⁸⁵. В остальных пяти постройках фрагменты светлоглиняной тары отсутствуют.⁸⁶ Еще одно позднескифское помещение второй половины II – первой половины I в. до н.э. открыто в 1989 г.⁸⁷

Датировка полуземлянок 4, 6, 8, 9 и 10 затруднена невыразительностью материала⁸⁸. Четыре полуземлянки, судя по отсутствию среди находок фрагментов светлоглиняной тары⁸⁹, датируются временем до середины I в. до н.э. Остатки

⁷³ Кутайсов 1990, 113, 117 – рис. 2.

⁷⁴ Моисеев 1918, 252.

⁷⁵ Моисеев 1918, 252–253.

⁷⁶ Наливкина 1952, 66–67; 1955, 65, 66 – рис. 22, 1.

⁷⁷ Наливкина 1952, 43; 1955, 65–66; 1963, 57, 58.

⁷⁸ Наливкина 1963, 57, 58.

⁷⁹ Кутайсов 1990, 122.

⁸⁰ Кутайсов 1990, 122; 2016, 191.

⁸¹ Кутайсов 1990, 30.

⁸² Внуков 1997б; Vnukov 2001, 171–172, прим. 1; Антонов 2016, 182–183.

⁸³ Кутайсов 1990, 29, рис. 6, 31, рис. 7; 2004, 132–133.

⁸⁴ Внуков 2006б, 160, 167.

⁸⁵ Драчук, Кутайсов и др. 1981, 28, 30.

⁸⁶ Драчук, Кутайсов и др. 1981, 18–21; Кутайсов 1982, 17.

⁸⁷ Кутайсов, Уженцев 1990, 17.

⁸⁸ Кутайсов 1982, 14, 26;

⁸⁹ Кутайсов 1982, 10–14, 26; 1984, 7–9.

еще одной полуземлянки, которую можно отнести к этому периоду, были открыты в 1989 г.⁹⁰

В.А. Кутайсов в целом характеризует позднескифскую планировку Керкинитиды как хаотичную, имеющую нерегулярный характер. По его мнению, застройка не была сплошной и плотной⁹¹. Планировки позднескифского и предшествующего этапов действительно заметно разнятся. Греческая застройка значительно плотнее и более упорядоченная⁹². Однако и позднескифское поселение несет следы некоторой упорядоченности. Так, дома II, III и VI расположены на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Их стены ориентированы примерно в одном направлении. Вытянутое пространство между домами I, III с одной стороны и II – с другой напоминают улицу или проулок. Схожую ориентацию имеют остатки кладок в восточной части раскопа. Заметно отличается ориентацией дом V, но он находится на большом расстоянии от остальных. Все дома многоквартирные.

В.А. Кутайсов выделяет два позднескифских строительных горизонта: земляночный и наземный, указывая, что основанием для этого являются стратиграфические наблюдения⁹³. Между тем, судя по чертежам, только в одном случае наземная постройка (V) непосредственно перекрывает полуземлянку (5). Остальные углубленные в землю сооружения могли сосуществовать с наземными. Кроме того, как уже отмечалось, полуземлянки не могли быть жилищами. Следовательно, выделение «земляночного» горизонта вряд ли стоит считать правомерным.

Важное наблюдение автора раскопок относится к оборонительной системе, вернее, к ее отсутствию: зафиксированы позднескифские кладки, перекрывающие эллинистические укрепления. Так, остатки постройки VI перекрывают стену, делившую город на две части, а фрагменты кладок в восточной части раскопа 1980–1987 гг. – восточную оборонительную стену⁹⁴. Случаи использования скифами греческих помещений не зафиксированы⁹⁵.

Вместе с тем В.А. Кутайсов подчеркивает плохую сохранность позднескифских сооружений. Реконструкции поддается только один из домов (II)⁹⁶, и ту можно признать в значительной мере гипотетичной. Видимо, позднескифские кладки местами выступали на поверхность⁹⁷ и первыми страдали от хозяйственной деятельности XIX–XX вв. При интерпретации строительных остатков надо учитывать и малую изученность Керкинитиды по сравнению с ее размерами: раскопками вскрыто около 4% площади города⁹⁸. Размеры позднескифского поселения пока не ясны, однако на отдельных участках (например, на востоке) оно выходило за пределы греческого. Насколько именно – непонятно. Нельзя исключать, что поселение имело другие очертания, а его центральная часть и укрепления просто пока не открыты. От уже рассмотренных поселений позднескифская Керкинитиды отличается тем, что здесь не зафиксированы следы использования греческих по-

⁹⁰ Кутайсов, Уженцев 1990, 16.

⁹¹ Кутайсов 1990, 122.

⁹² Ср.: Кутайсов 1990, 67, рис. 33.

⁹³ Кутайсов 1990, 113, 115.

⁹⁴ Кутайсов 1990, ср.: рис. 33 и 34.

⁹⁵ Кутайсов 1990, 112.

⁹⁶ Кутайсов 1990, 115.

⁹⁷ Кутайсов 1990, 113.

⁹⁸ Кутайсов 2016, 190.

строек. Многокомнатные наземные дома, некоторая упорядоченность застройки, характер кладок находят аналогии на Южно-Донузлавском городище и в кварталах Чайки.

Предполагается, что на городище Кара-Тобе поздние скифы появляются в середине или первой половине II в. до н.э. Однако строительные остатки этого времени не сохранились⁹⁹. Первые конструкции, которые можно связывать с присутствием поздних скифов, относятся ко времени после оставления крепости понтийским гарнизоном и до середины I в. до н.э. (до появления светлоглиняных амфор). Таким образом, среди рассмотренных сооружений кара-тобинские являются достоверно самыми поздними. Выявленные остатки представляют собой отдельные конструкции в южной части раскопа, пристроенные к стенам греческих помещений или перекрывающие их остатки.

Наиболее крупным сооружением рассматриваемого времени на Кара-Тобе является дополнительный пояс, построенный вдоль восточных стен помещений внутреннего восточного ряда (пом. 31₁, 31₂, 71₁ и 71₂) греческого Центрального строительного комплекса (ЦСК). Внутреннее расстояние между старой и новой кладками составляло от 0,4 до 1,2 м (оно колеблется из-за разной толщины пояса). Перед строительством дополнительного пояса помещения внешнего восточного ряда ЦСК были разобраны. Однако строители сохранили отрезки северных и южных стен более ранних помещений. Эти отрезки были встроены в дополнительный пояс так, что их восточные торцы выходили на внешний фас новой стены. Они служили своеобразными перевязками двух стен. Промежуток между кладками был заполнен слоем суглинка или рушенного сырца. Выявленная длина дополнительного фаса (с учетом лакун) – 16,25 м, ширина до 0,9 м. Она сложена из крупных камней, большинство из них обработано во вторичном использовании. Все они уложены постелисто. Рядность соблюдается нечетко¹⁰⁰.

В южной части ЦСК открыты 4 конструкции описываемого времени. Они поставлены поверх греческих вымосток или на материк. Кладки выполнены в примитивной технике, включают в себя вторично использованные блоки, плиты, установленные орфостатно, необработанные камни средних размеров, мелкий бут. Конструкция 1 состоит из двух кладок, одна из них ориентирована по оси запад–восток, вторая отходит от нее под тупым углом¹⁰¹. Конструкция 2 состоит из трех отрезков, ориентированных по-разному: центральный – по оси запад–восток, западный и восточный отходят от него под тупыми углами. На отдельных камнях имеются выемки в виде лунок и желобков. Судя по отсутствию затертостей, они предназначались для крепления каких-то неподвижных конструкций, возможно, из органических материалов. Западный отрезок конструкции 2 пересекается еще одной примитивной кладкой (конструкцией 3)¹⁰².

Конструкция 4 состоит из кладок, поставленных перпендикулярно друг другу. Верхнему ярусу конструкции соответствуют открытые чуть южнее печь почти квадратной формы (0,7 х 0,67–0,82 м) и погребение младенца. Последние типичны для позднескифских слоев городища, что подтверждает атрибуцию строитель-

⁹⁹ Внуков 1999, 210; 2010, 37.

¹⁰⁰ Внуков, 2003, 39; 2004, 20–21; 2006а, 22–23; 2011, 36–38.

¹⁰¹ Внуков 2012, 29–31.

¹⁰² Внуков 2015а, 55–67; 2015б, 168, 170–172.

ных остатков. Вероятно, печь и погребение находились внутри помещения неправильной пятиугольной формы, образованного восточной стеной центрального двора ЦСК, конструкциями 3 и 4. Размеры помещения довольно скромные – вряд ли более 4 м².

Схожие размеры, вероятно, имело помещение 27, пристроенное к южной стене башни ЦСК. Его зафиксированная протяженность с востока на запад – 1,2 м, с севера на юг – 1,9 м. Южная и западная кладки помещения выполнены небрежно, они двухслойные, иррегулярные, с использованием как рваных камней, так и обработанных во вторичном использовании. В юго-западном углу открыты остатки плохо сохранившейся печи¹⁰³.

Кладка, похожая на описанные выше конструкции 1–4 по манере исполнения и ориентации, была открыта также на площади помещения 47а, входившего во внутренний западный ряд помещений ЦСК. Стена имела необычную, S-образно выгнутую в плане форму, и была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток¹⁰⁴.

Таким образом, первые позднескифские строительные остатки, выявленные на Кара-Тобе, выделяются ориентировкой и примитивной техникой исполнения. Во всех случаях кладки нарушают изначальную планировку греческой крепости. Маленькие по площади помещения и конструкция дополнительного панциря находят аналогии в цитадели Чайки.

Подведем итоги. Несмотря на то, что первые позднескифские строительные остатки на памятниках Северо-Западного Крыма сохранились плохо и изучены неравномерно, их обзор позволяет выделить несколько тенденций. Во всех случаях площадь позднескифских поселений была меньше предшествующих греческих. На Калос Лимене, Чайке, Беляусе и Кара-Тобе фиксируется использование греческих укреплений, их ремонт и частичная перестройка. На всех памятниках, кроме Тарпанчи (где жилая застройка второй половины II в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. не изучена) и Керкинитиды (где, возможно, раскопками открыта только окраинная часть поселения), выявлены следы использования поздними скифами греческих помещений. Наиболее ранние собственно позднескифские наземные постройки отличаются небольшими размерами (Чайка, Кара-Тобе). Техника исполнения кладок сходна. Для укреплений отбирался крупный камень, в том числе квадры, их внешние панцири сложены аккуратнее, близко к регулярной системе. Стены жилых построек, позднескифские перегородки внутри греческих помещений сложены в иррегулярной технике, с частым применением в основании орфостатно установленных камней.

Можно выделить два типа застройки. Первый тип – использование греческих построек, их перестройка, укрепление, пристройка новых небольших помещений (Калос Лимен, Беляус, Кульчук (?), цитадель Чайки, Кара-Тобе). Второй тип – застройка поселений новыми домами, сооружение новых укреплений (Тарпанчи (?), Южно-Донузлавское, кварталы Чайки, Керкинитида). Вероятно, разные типы застройки отражают этапы освоения городищ Северо-Западного Крыма: первоначальное освоение и их последующую полную перепланировку. Нужно отметить, что эти этапы необязательно были синхронны на всех памятниках. Одинаковые

¹⁰³ Внуков 1997а, 6–8.

¹⁰⁴ Внуков 2006а, 11–12.

строительные приемы могли использоваться на разных поселениях в разное время (в пределах середины II – середины I вв. до н.э.). Возможно, они отражают стадии овладения строительной техникой жителями отдельных населенных пунктов.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов, Е.Е. 2016: Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции. *ПИФК* 2 (52), 178–195.
- Виноградов, Ю.Г. 1987: Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. *ВДИ* 1, 55–87.
- Внуков, С.Ю. 1984: Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки). *СА* 2, 54–69.
- Внуков, С.Ю. 1997а: *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 1996 г.* М.
- Внуков, С.Ю. 1997б: Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет). *Крымская археология* 2, 37–47.
- Внуков, С.Ю. 1999: Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. *ПИФК* VIII, 207–211.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2002 г.* М.
- Внуков, С.Ю. 2004: *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2003 г.* М.
- Внуков, С.Ю. 2006а: *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2005 г.* М.
- Внуков, С.Ю. 2006б: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли.* СПб.
- Внуков, С.Ю. 2010: Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия I. М.*, 37–42.
- Внуков, С.Ю. 2011: *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2010 г.* М.
- Внуков, С.Ю. 2012: *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2011 г.* М.
- Внуков, С.Ю. 2015а: *Отчет о раскопках греко-скифского городища Кара-Тобе в г. Саки (Республика Крым) в 2014 г.* Т. 1. М.
- Внуков, С.Ю. 2015б: Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. *КСИА* 237, 167–176.
- Внуков, С.Ю. 2015в: Продолжительность использования античных винных амфор. *КСИА* 238, 161–169.
- Внуков, С.Ю. 2016: Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму. *ДБ* 20, 90–121.
- Голенцов, А.С. 1991: *Отчет о раскопках Кульчукского городища и Кульчукского могильника в 1990 г.* М. Архив ИА Крыма. Инв. Кн. 6. №1446. П. 1811.
- Голенцов, А.С. 1994: Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993. В сб.: И.А. Баранов, В.А. Кутайсов, А.Г. Литвиненко, В.Л. Мыц (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1993 год.* Симферополь, 80–84.
- Дашевская, О.Д. 1961: *Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Одесского государственного археологического музея за 1961 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №2617.
- Дашевская, О.Д. 1962: *Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1962 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №2627.
- Дашевская, О.Д. 1963: *Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1963 г.* Архив ЕКМ.

- Дашевская, О.Д. 1967а: *Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1967 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №3617.
- Дашевская, О.Д. 1967б: Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. *КСИА* 109, 65–72.
- Дашевская, О.Д. 1970: *Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1970 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №4291.
- Дашевская, О.Д. 1972: Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. *КСИА* 130, 62–69.
- Дашевская, О.Д. 1990: Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Проблемы скифо-сарматской археологии*. М., 143–158.
- Дашевская, О.Д. 1991: Поздние скифы в Крыму. *САИ*. Д 1–7. М.
- Дашевская, О.Д., Голенцов, А.С. 2004: К 40-летию раскопок городища Беляус. В сб.: Т.Е. Приднева (ред.), *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 26–41.
- Драчук, В.С., Кутайсов В.А. и др. 1981: *Отчет о раскопках Керкинитиды в 1980 году*. Евпатория–Симферополь. Архив ИА Крыма. Инв. Кн. Б. №164. П. 295.
- Коваленко, С.А. 1998: К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России. *Труды ГИМ* 102. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье*, 9–16.
- Колтухов С.Г. 1999: *Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма*. Симферополь.
- Кутайсов, В.А. 1982: *Отчет о раскопках Керкинитиды в 1981 году*. Евпатория–Симферополь. Архив ИА Крыма. Инв. Кн. 2. №165. П. 323.
- Кутайсов, В.А. 1984. *Отчет о раскопках Керкинитиды в 1982 году*. Симферополь. Архив ИА Крыма. Инв. Кн. 2. №166. П. 342.
- Кутайсов, В.А. 1990: *Античный город Керкинитиды. VI–II вв. до н.э. К.*
- Кутайсов, В.А. 2003: Керкинитиды и Херсонес в IV–II вв. до н.э. *ВДИ* 2, 60–90.
- Кутайсов, В.А. 2004: *Керкинитиды в античную эпоху*. К.
- Кутайсов В.А. 2016: *От Керкинитиды к Евпатории*. Симферополь.
- Кутайсов, В.А., Уженцев, В.Б. 1990: *Отчет о работах Западно-Крымской экспедиции в 1989 г. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена*. Архив ИА Крыма. Инв. Кн. Б. №240.
- Ланцов, С.Б. 2007–2008: *Отчет об археологических исследованиях Донузлавской археологической экспедиции в 2006 году*. Симферополь.
- Ланцов, С.Б. 2008: *Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городищах Кульчук и Беляус в 2007 году*. Симферополь–Черноморское.
- Ланцов, С.Б. 2009: *Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городище Кульчук в 2008 году*. Симферополь–Черноморское.
- Ланцов, С.Б. 2010а: Основные результаты работ Донузлавской экспедиции в Сакском и Черноморском районах Крыма в 2009 г. *АДУ* 2009 г. 262–265.
- Ланцов, С.Б. 2010б: Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на хоре Херсонеса Таврического. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия 1*. М., 142–151.
- Ланцов, С.Б. 2012: Кульчукское городище. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ. В сб.: З.И. Пысач (сост.), *Калос Лимен: музей и заповедник*. Симферополь, 73–89.
- Моисеев, Л.А. 1918: Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. *ИТУАК* 54, 241–259.

- Наливкина, М.А. 1952: *Отчет о раскопках в Евпатории в 1952 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №959.
- Наливкина, М.А. 1955: Раскопки в Евпатории (Предварительные итоги). *КСИИМК* 58, 63–72.
- Наливкина, М.А. 1963: Керкинитида и Калос Лимен (некоторые итоги изучения). В кн.: А.И. Болтунова (ред.), *Античный город*. М., 55–60.
- Попова, Е.А. 1991: Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории. В сб.: Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко (отв. ред.), *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 37–75.
- Попова, Е.А. 1998: О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка»). В сб.: *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. М., 182–195.
- Попова, Е.А. 2007: Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. В сб.: В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова (отв. ред.), *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. М., 4–130.
- Попова, Е.А. 2009: Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). *Вестник Московского университета. Сер. 8. История* 3, 102–128.
- Попова, Е.А. 2017: Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. – I в. н.э. *Stratum Plus*. 3, 259–357.
- Попова, Е.А., Пежемский, Д.В., Беловинцева, Н.И. 2015: Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования. *Исторические исследования* 3, 76–112.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Уженцев, В.Б. 1994: Землянки из скифского горизонта Калос Лимена. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. К., 238–252.
- Уженцев, В.Б. 2001: Калос Лимен в I в. до н.э. – начале II в. н.э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.). *Труды ГИМ* 118. Поздние скифы Крыма, 156–166.
- Уженцев, В.Б. 2006: *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма*. Симферополь.
- Щеглов, А.Н. 1961: Полевые работы Херсонесского музея в Северо-Западном Крыму в 1959–1960 гг. *Тезисы докладов на археологическом пленуме в г. Москве в 1961 г.* Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. №765.
- Щеглов, А.Н. 1963а: *Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1962–1963 гг.* Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. 1. №840/I.
- Щеглов, А.Н. 1963б: Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. *СХМ* III, 67–75.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Яценко, И.В. 1970: Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.). *КСИА* 124, 31–38.
- Яценко, И.В. 1983: Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.). В сб.: Т.Н. Высотская (отв. ред.), *Население и культура Крыма в первые века н.э.* К., 46–66.
- Vnukov, S.Yu. 2001: The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. *Colloquia Pontica* 6. North Pontic Archaeology: recent discoveries and studies. Leiden, Boston, Koln, 149–176.

REFERENCES

- Antonov, E.E. 2016: Poyavlenie pozdneskifskikh poseleniy v Severo-Zapadnom Krymu: problemy datirovaniya i atributsii. [The Appearance of the Late Scythian Settlements in the

- North-Western Crimea: the Problem of dating and attribution]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (52), 178–195.
- Dashevskaya, O.D. 1961: *Otchet o rabote Krymskogo otryada Skifskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya za 1961 g.* [Report on the work of the Crimean party of the Scythian expedition of the Institute of Archaeology Academy of Sciences of the USSR and the Odessa State Archaeological Museum for 1961]. Arkhiv Instituta Arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]. F. 1. R-1. №2617.
- Dashevskaya, O.D. 1962: *Otchet o rabote Krymskogo otryada Skifskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1962 g.* [Report on the work of the Crimean party of the Scythian expedition of the Institute of Archaeology Academy of Sciences of the USSR and the Yevpatoria Museum of Local Lore for 1962]. Arkhiv Instituta Arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]. F. 1. R-1. №2627.
- Dashevskaya, O.D. 1963: *Otchet o rabote Krymskogo (Donuzlavskogo) otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1963 g.* [Report on the work of the Crimean (Donuzlav) party of the Institute of Archaeology Academy of Sciences of the USSR and the Yevpatoria Museum of Local Lore for 1963]. Arkhiv Evpatoriyskogo Kraevedcheskogo muzeya [The archive of the Yevpatoria Museum of Local Lore].
- Dashevskaya, O.D. 1967a: *Otchet o rabote Krymskogo (Donuzlavskogo) otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1967 g.* [Report on the work of the Crimean (Donuzlav) party of the Institute of Archaeology Academy of Sciences of the USSR and the Yevpatoria Museum of Local Lore for 1967]. Arkhiv Instituta Arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]. F. 1. R-1. №3617.
- Dashevskaya, O.D. 1967b: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1963–1965 gg. [Excavations at the Yuzhno-Donuzlavskoe city-site in 1963–1965]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology] 109, 65–72.
- Dashevskaya, O.D. 1970: *Otchet o rabote Krymskogo (Donuzlavskogo) otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriyskogo kraevedcheskogo muzeya za 1970 g.* [Report on the work of the Crimean (Donuzlav) party of the Institute of Archaeology Academy of Sciences of the USSR and the Yevpatoria Museum of Local Lore for 1970]. Arkhiv Instituta Arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]. F. 1. R-1. №4291.
- Dashevskaya, O.D. 1972: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1966–1969 gg. [Excavations at the Yuzhno-Donuzlavskoe city-site in 1966–1969]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology] 130, 62–69.
- Dashevskaya, O.D. 1990: Pozdneskifskaya fortifikatsiya i ee variant na gorodishche Belyaus. [The Late Scythian fortifications and its version at the Belyaus city-site]. In: A.I. Melyukova (red.), *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii* [The problems of Scythian-Sarmatian Archaeology]. Moscow, 143–158.
- Dashevskaya, O.D. 1991: Pozdnie skify v Krymu [The Late Scythians in the Crimea]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Code of archaeological sources]. D 1-7. Moscow.
- Dashevskaya, O.D., Golentsov, A.S. 2004: K 40-letiyu raskopok gorodishcha Belyaus [To the 40th anniversary of the excavation at the Belyaus city-site]. In: T.E. Pridneva (red.), *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma* [The archaeology of the North-Western Crimea]. Simferopol', 26–41.

- Drachuk, V.S., Kutaysov V.A. et al. 1981: *Otchet o raskopkakh Kerkinitidy v 1980 godu* [Report on the excavations at Kerkinitis in 1980]. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma [The archive of the Institute of Archaeology of the Crimea]. Inv. kn. B. №164. P. 295.
- Golentsov, A.S. 1991: *Otchet o raskopkakh Kul'chukskogo gorodishcha i Kul'chukskogo mogil'nika v 1990 g.* [Report on the excavations at the Kul'chuk city-site and Kul'chuk necropolis in 1990]. Arkhiv Instituta Arkheologii Kryma [The archive of the Institute of Archaeology of the Crimea]. Inv. kn. 6. №1446. P. 1811.
- Golentsov, A.S. 1994: Okhrannye raskopki antichnogo Kul'chukskogo gorodishcha i mogil'nika v 1989–1993 [Rescue excavations at the antique Kul'chuk city-site and Archaeology in 1989–1993]. In: I.A. Baranov, V.A. Kutaysov, A.G. Litvinenko, V.L. Myts (red.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god* [Archaeological investigations in the Crimea. 1993]. Simferopol, 80–84.
- Koltuhov S.G. 1999: *Ukrepleniya Krymskoy Skifii: materialy po archeologii Kryma* [Fortifications of the Crimean Scythia: Materials on the Archaeology of the Crimea]. Simferopol.
- Kovalenko, S.A. 1998: K istorii izucheniya pozdneellinisticheskoy shtampovannoy rel'efnoy keramiki v Rossii [On the history of study on the Late Hellenistic Mouldmade Pottery in Russia]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 102. Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e* [Papers of the State Historical Museum 102. Hellenistic and Roman pottery in the Northern Pontic area], 9–16.
- Kutaysov, V.A. 1982: *Otchet o raskopkakh Kerkinitidy v 1981 godu.* [Report on the excavations at Kerkinitis in 1981]. Yevpatoria–Simferopol. Arkhiv Instituta Arkheologii Kryma [The archive of the Institute of Archaeology of the Crimea]. Inv. kn. 2. №165. P. 323.
- Kutaysov, V.A. 1984. *Otchet o raskopkakh Kerkinitidy v 1982 godu* [Report on the excavations at Kerkinitis in 1982]. Simferopol. Arkhiv Instituta Arkheologii Kryma [The archive of the Institute of Archaeology of the Crimea]. Inv. kn. 2. №166. P. 342.
- Kutaysov, V.A. 1990: *Antichnyy gorod Kerkinitida. VI–II vv. do n.e.* [The antique city of Kerkinitis]. Kiev.
- Kutaysov, V.A. 2003: Kerkinitida i Khersones v IV–II vv. do n.e. [Kerkinitis and Chersonesus in 4th–2d centuries BC.] *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 60–90.
- Kutaysov, V.A. 2004: *Kerkinitida v antichnuyu epokhu* [Kerkinitis in the classical antiquity]. Kiev.
- Kutaysov, V.A. 2016: *Ot Kerkinitidy k Yevpatorii* [From Kerkinitis to Yevpatoria]. Simferopol.
- Kutaysov, V.A., Uzhentsev, V.B. 1990: *Otchet o rabotakh Zapadno-Krymskoy ekspeditsii v 1989 g. Raskopki Kerkinitidy i Kalos Limena* [Report on the work of the Western-Crimean expedition in 1989. Excavations at Kerkinitis and Kalos Limen]. Arkhiv Instituta Arkheologii Kryma [The archive of the Institute of Archaeology of the Crimea]. Inv. kn. B. №240.
- Lantsov, S.B. 2007–2008: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Donuzlavskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2006 godu.* [Report on the archaeological investigations of the Donuzlav archaeological expedition in 2006]. Simferopol.
- Lantsov, S.B. 2008: *Otchet ob issledovaniyakh Donuzlavskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na gorodishchakh Kul'chuk i Belyaus v 2007 godu* [Report on the investigations of the Donuzlav archaeological expedition at Kul'chuk and Belyaus in 2007]. Simferopol–Chernomorskoe.
- Lantsov, S.B. 2009: *Otchet ob issledovaniyakh Donuzlavskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na gorodishche Kul'chuk v 2008 godu* [Report on the investigations of the Donuzlav archaeological expedition at the Kul'chuk city-site in 2008]. Simferopol–Chernomorskoe.
- Lantsov, S.B. 2010b: Rezul'taty issledovaniya Kul'chukskogo gorodishcha (IV v. do n.e. – I v. n.e.) na khore Khersonesa Tavricheskogo [Results of the investigations at the Kul'chuk city-site (4th century BC – 1st century AD) on the Chora of Chersonesus Taurica]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk, A.A. Zavoykin (red.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir*

- Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nahodki i otkrytiya* [ΣIMBOAA. *Classic antique world of Northern Pontic region. The latest findings and discoveries*] 1. Moscow, 142–151.
- Lantsov, S.B. 2010a: Osnovnye rezul'taty rabot Donuzlavskoy ekspeditsii v Saksom i Chernomorskom rayonakh Kryma v 2009 g [The main results of the work of the Donuzlav expedition in Saki and Chernomorskoe districts]. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2009 g.* [Archaeological investigations at Ukraine in 2009], 262–265.
- Lantsov, S.B. 2012: Kul'chukskoe gorodishche. Kratkiy obzor issledovaniy Donuzlavskoy ekspeditsii KF IA NANU [Kul'chuk city-site. A brief review of the investigations of the Donuzlav expedition]. In: Z.I. Pysach (sost.), *Kalos Limen: muzey i zapovednik* [Kalos Limen: the museum and the preserve]. Simferopol, 73–89.
- Moiseev, L.A. 1918: Khersones Tavricheskiy i raskopki 1917 g. v Evpatorii [Chersoneses Taurica and excavations in Yevpatoria in 1917]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Reports of the Taurida Scientific Archive Commission] 54, 241–259.
- Nalivkina, M.A. 1952: Otchet o raskopkakh v Evpatorii v 1952 g. [Report on the excavations in Yevpatoria in 1952]. Arkhiv Instituta Arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]. F. 1. R-1. №959.
- Nalivkina, M.A. 1955: Raskopki v Evpatorii (Predvaritel'nye itogi) [Excavations in Yevpatoria (preliminary results)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications on Papers and Field Research from the Institute for the History of Material Culture] 58, 63–72.
- Nalivkina, M.A. 1963: Kerkinitida i Kalos Limen (nekotorye itogi izucheniya) [Kerkinitis and Kalos Limen (some results of the investigation)]. In: A.I. Boltunova (red.), *Antichnyy gorod* [Ancient city]. Moscow, 55–60.
- Popova, E.A. 1991: Yugo-zapadnyy kvartal skifskogo poseleniya u sanatoriya Chayka bliz Evpatorii [Southwestern neighborhood of the Scythian settlement near the health resort Chaika near Yevpatoria]. In: Yu.L. Shchapova, I.V. Yatsenko (otv. red.), *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii* [Sites of the Iron Age in the outskirts of Yevpatoria]. Moscow, 37–75.
- Popova, E.A. 1998: O Severo-Prichernomorskom domostroitel'stve I v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam kvartala Zapad-II gorodishcha «Chayka») [On the North Pontic house building in 1st century BC – 2nd century AD (Based on materials from the Zapad-II neighborhood of the city-site «Chayka»)]. In: *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina* [Historical Archaeology. Traditions and prospects. To the 80th anniversary of the birth of D.A. Avdusin]. Moscow, 182–195.
- Popova, E.A. 2007: Grecheskoe poselenie na gorodishche «Chayka» vo vtoroy polovine III – II v. do n.e. [Greek settlement at the city-site «Chayka» in the second half of the 3rd – 2nd century BC] In: V.L. Yanin, Yu.L. Shchapova (otv. red.), *Materialy issledovaniy gorodishcha «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu* [Materials of investigations of the city-site «Chayka» in the North-Western Crimea]. Moscow, 4–130.
- Popova, E.A. 2009: Problemy arkheologii i istorii Severo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n.e. – I v. n.e. (po materialam gorodishcha «Chayka» i nekropolya u poselka Zaozerno) [The problems of Archaeology and history of the North-West Crimea in the 4th century BC – 1st century AD (Based on the materials of the city-site «Chayka» and the necropolis near the village Zaozerno)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya* [Moscow State University Bulletin. Series 8. History] 3, 102–128.
- Popova, E.A. 2017: Gorodishche «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu vo II v. do n.e. – I v. n.e. [The city-site of Chaika in the Northern-West Crimea in the 2nd century B.C. – 1st century A.D.] *Stratum Plus*. [To appear].
- Popova, E.A., Pezhemskiy, D.V., Belovintseva N.I. 2015: Gorodishche Chayka, nekropol' i kamenolomnya antichnoy epokhi na okraine Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i

- perspektivy issledovaniya [The site of Chaika, the necropolis and quarry of ancient time at the outskirts of Evpatoria in the North-Western Crimea: results and prospects]. *Istoricheskie issledovaniya* [History Studies] 3, 76–112.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.
- Shcheglov, A.N. 1961: Polevye raboty Khersonesskogo muzeya v Severo-Zapadnom Krymu v 1959–1960 gg. [Fieldworks of the Chersoneses museum in the North-Western Crimea in 1959–1960]. *Tezisy dokladov na arkheologicheskom plenum v g. Moskve v 1961 g.* [Abstracts of the reports at the archaeological plenary meeting in Moscow in 1961]. Arkhiv Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» [The archive of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»]. F. 1. №765.
- Shcheglov, A.N. 1963a: *Otchet o rabotakh Tarkhankutskoy ekspeditsii v 1962–1963 gg.* [Report on the works of the Tarkhankut expedition in 1962–1963]. Arkhiv Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy» [The archive of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»]. F. 1. №840/I.
- Shcheglov, A.N. 1963b: Raskopki gorodishcha Tarpanchi v 1960 g. [Excavations at the Tarpanchi city-site in 1960]. *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya* [Communications of the Chersoneses museum] III, 67–75.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [The North-Western Crimea in Classical era]. Leningrad.
- Uzhentsev, V.B. 1994: Zemlyanki iz skifskogo gorizonta Kalos Limena [Dugout from the Scythian phase of Kalos Limen]. In.: V.A. Kutaysov (red.), *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [The North-Western Crimea in Classical era]. Kiev, 238–252.
- Uzhentsev, V.B. 2001: Kalos Limen v I v. do n. e. – nachale II v. n.e. (Obshchiy obzor po materialam raskopok 1988–1998 gg.) [Kalos Limen in the 1st century BC – beginning of the 2nd century AD]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Papers of the State Historical Museum] 118, 156–166.
- Uzhentsev, V.B. 2006: *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.): Materialy po arkheologii Kryma* [Hellenes and barbarians of the Perfect Harbor (Kalos Limen in the 4th century BC – 2nd century AD): Materials on the Archaeology of the Crimea]. Simferopol.
- Vinogradov, Yu.G. 1987: Votivnaya nadpis' docheri tsarya Skilura iz Pantikapeya i problemy istorii Skifii i Bosporavo II v. do n.e. [Votive inscription of the daughter of king Skilur from Panticapaeum and the problems of the history of Scythia and Bosporus in the 2nd century BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 55–87.
- Vnukov, S.Yu. 1984: Skifskie sloi gorodishcha Chayka (opyt statisticheskoy obrabotki) [Scythian layers of the city-site Chayka (experiment on statistical processing)]. *Sovetskaya arkheologia* [Soviet archaeology] 2, 54–69.
- Vnukov, S.Yu. 1997a: *Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 1996 g.* [Report on the works of the Kara-Tobe party in 1996]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 1997b: Novye dannye ob istorii Severo-Zapadnogo Kryma (po rezul'tatam raskopok poslednikh let) [New information on the history of the North-Western Crimea (based on recent excavations)]. *Krymskaya arkheologiya* [Crimean archaeology] 2. Simferopol, 37–47.
- Vnukov, S.Yu. 1999: Raskopki gorodishcha i nekropolya Kara-Tobe u g. Saki v 1998 g. [Excavations of the city-site and necropolis of Kara-Tobe near city Saki in 1998]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] VIII, 207–211.

- Vnukov, S.Yu. 2001: The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. *Colloquia Pontica*. 6. North Pontic Archaeology: recent discoveries and studies. Leiden, Boston, Koln, 149–176.
- Vnukov, S.Yu. 2003: *Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2002 g.* [Report on the works of the Kara-Tobe party in 2002]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2004: *Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2003 g.* [Report on the works of the Kara-Tobe party in 2003]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2006a: *Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2005 g.* [Report on the works of the Kara-Tobe party in 2005]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2006b. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II: Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli* [Pontic amphorae 1st century AD – 2nd century AD. Part II: Petrography, chronology, trade problems]. Saint-Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Novye issledovaniya i nakhodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [New investigations and findings on the Kara-Tobe city-site in the North-Western Crimea]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk, A.A. Zavoykin (red.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [ΣΙΜΒΟΛΑ. Classic antique world of Northern Pontic region. The latest findings and discoveries] 1. Moscow, 37–42.
- Vnukov, S.Yu. 2011: *Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2010 g.* [Report on the works of the Kara-Tobe party in 2010]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2012: *Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2011 g.* [Report on the works of the Kara-Tobe party in 2011]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2015a: *Otchet o raskopkakh greko-skifskogo gorodishcha Kara-Tobevg. Saki (Respublika Krym) v 2014 g.* T. I. [Report on the excavations at the Kara-Tobe city-site in Saki (Republic of Crimea). V. I.]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2015b: Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) v 2014 g. [Excavations at the fortified settlement Kara-Tobe (North-Western Crimea), 2014]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology] 237, 167–176.
- Vnukov, S.Yu. 2015v: Prodolzhitel'nost' ispol'zovaniya antichnykh vinnykh amfor [Duration of the period Classical wine amphorae were used]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology] 238, 161–169.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Pozdneellinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Late Hellenistic amphorae from hill-fort of Kara-Tobe in Crimea]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 20, 90–121.
- Yatsenko, I.V. 1970: Issledovanie sooruzheniy skifskogo perioda na gorodishche Chayka v Evpatorii (1964–1967 gg.) [Investigations of Scythian constructions at the Chayka city-site in Yevpatoria (1964–1967)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology] 124, 31–38.
- Yatsenko, I.V. 1983: Severnyy kvartal i skifskogo poseleniya na Chaykinskom gorodishche v Evpatorii (po materialam raskopok 1974–1975 gg.) [Northern neighborhood of the I Scythian settlement on Chayka city-site in Yevpatoria (based on materials from the excavations in 1974–1975)]. In: T.N. Vysotskaya (otv. red.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* [The population and culture of the Crimea in the early centuries CE]. Kiev, 46–66.

THE EARLY LATE SCYTHIAN SETTLEMENTS
IN THE NORTHWESTERN CRIMEA

Egor E. Antonov

*Institute Archaeology Russian Academy of Science, Russia,
antonov.yegor@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the earliest building remains of the Late Scythian settlements in the North-Western Crimea. In the region, eight Late-Scythian settlements were excavated: Kalos Limen, Tarpanchi, Kulchuk, Belyaus, Yuzhno-Donuzlavskoe, Chayka, Kerkinitis and Kara-Tobe. The sites have been investigated unevenly; the buildings are in a bad condition. The construction remains mainly have to be considered within the period between the mid / third quarter of the II century – the middle of the 1st century BC. Only in two cases, it is possible reliably to identify structures of pre-Mithridatic period (Kalos Limen, Belyaus). The remains of the Mithridatic period can be recognized only in one case (Kara-Tobe).

The Late Scythian settlements were smaller than the predating Greek city-sites. Almost all Late Scythian settlements were fortified. Preserved Greek buildings were actively used. The construction techniques are similar: defensive walls were built of large stones and more carefully; masonry of residential buildings was irregular of small rough stones, in the grounds the stones set on edge were often used. There are two types of building systems. The first type is reinforcement, reparation and adaptation of the earlier Greek houses and fortifications (Kalos Limen, Belyaus, Kulchuk (?), citadel of the Chayka, Kara-Tobe). The second type is construction of multi-room houses and building of new fortifications (Tarpanchi (?), Yuzhno-Donuzlavskoe, Chayka, Kerkinitis). These types probably represent successive stages in the development of Late Scythian settlements. At the same time, the stages may not be synchronous at different sites; they probably reflect the stages of development of individual settlements.

Key words: The North-Western Crimea, late Scythians, Scythian economy, Crimean Scythia

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФАНАГОРИИ В 1947–1958 гг.

Е.Г. Застрожнова

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург,
pankratova0484@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории археологического изучения Фанагории в 1947–1958 гг. Период послевоенного восстановления археологических раскопок этого крупнейшего памятника крайне важен для понимания закономерностей формирования научно-исследовательского плана по изучению Фанагории. Объединение научных усилий ИИМКа им. Н.Я. Марра и ГМИИ им. А.С. Пушкина при поддержке МГУ, Института истории искусств и других учреждений позволило совместить весьма ограниченные финансовые возможности и возобновить раскопки на территории города и некрополя. Основными итогами археологических раскопок на данном этапе являются данные, полученные в ходе практически ежегодной десятилетней работы в юго-восточной части городища, где был открыт промышленный район Керамик. При раскопках были обнаружены большие керамические печи IV в. до н.э., установлены подробности жизни на этом участке вплоть до III в. н.э. С целью установления точного местонахождения восточной границы города осуществлялись ежегодные раскопки на территории Восточного некрополя. В ходе подводных исследований была установлена северная граница памятника, покрытая водами Таманского залива и отстоящая от современной береговой линии на 220–240 м. Кроме того, было окончательно локализовано святилище фанагорийцев, расположенное на склонах Майской горы и датированное с конца VI по середину I вв. до н.э. Все эти данные позволили углубить знания о древней топографии, истории и экономике «столицы» Азиатского Боспора и заложили прочные научные основы перед более масштабными раскопками по изучению центральных частей нижнего и верхнего плато (раскоп Центральный и Верхний город) и южной части городища (раскоп Южный город).

Ключевые слова: классическая археология, Боспорское царство, Фанагория

Археологические раскопки, проводимые на территории Фанагории после Великой Отечественной войны, начиная с 1947 г., крайне интересны и важны для понимания общих тенденций в истории изучения памятника. Результаты этих исследований неоднократно публиковались в советской литературе¹ и анализировались современными исследователями². Хронологические рамки с 1947 по 1958 гг. охватывают промежуток от возобновления исследований до начала работ

Застрожнова Евгения Григорьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-31-01022.

¹ Кобылина 1950, 1957; Марченко 1963; Блаватский, Кузищин 1961; Долгоруков 1984.

² Кузнецов 2007; Егорова, Ильина, Кутинова 2008; Кузнецов 2010; Завойкин, Кузнецов 2012.

на раскопе Центральный в 1959 г. Следует оговориться, что основной целью данной статьи является не подробный анализ полевых исследований, а рассмотрение не вошедших в опубликованные работы подробностей относительно процесса организации Фанагорийской экспедиции, сложных вопросов послевоенного восстановления и бытовой оснащённости в самом полевом лагере.

После Великой Отечественной войны одной из актуальных задач отечественной археологии было возобновление научных исследований на территории античных памятников Боспорского царства. Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ), «исходя из стремления организовать возможно более широкое пополнение своих фондов»³, был составлен пятилетний план археологических работ на территории Боспора. В.Д. Блаватским была подготовлена записка по вопросам проведения раскопок Пантикапея и Фанагории, в которой говорилось, что «изучение Боспорской державы является задачей первоочередной важности, но до сих пор археологическое исследование часто было случайным, недостаточным или односторонним, затрагивало только некрополь или только город»⁴. Под руководством ГМИИ В.Д. Блаватский планировал возобновить работы в Пантикапее: исследования предполагалось начать с акрополя и продвигаться далее с целью установления границ и стратиграфии памятника. Было решено продолжить раскопки и на территории Фанагории с тем, чтобы в ближайшие годы закончить работу по установлению границ города и выяснению функционального назначения отдельных участков. По завершении этих подготовительных работ планировались раскопки Фанагорийского городища широкими площадями и изучение сельской округи памятника. Помимо раскопок «столиц Боспора» ГМИИ предполагал проведение масштабных археологических разведок для составления карты античных городищ, сельских памятников и некрополей Азиатского Боспора⁵. Для осуществления этих задач было решено объединить усилия с «другими археологическими учреждениями, прежде всего с Институтом археологии им. Н.Я. Марра»⁶ (ИИМК им. Н.Я. Марра, с 1957 г. – ИА АН СССР).

Археологические работы в 1947 г. были начаты совместно с ИИМКом под руководством М.М. Кобылиной. В состав экспедиции вошли И.Д. Марченко, Н.В. Анфимов и директор Краснодарского музея Ф.В. Навозова. На два дня в Фанагорийскую экспедицию приезжал В.Д. Блаватский для передачи рабочих материалов и утверждения плана работ 1947 г. с М.М. Кобылиной⁷.

По воспоминаниям М.М. Кобылиной, экспедиционный быт в послевоенное время был крайне тяжелым. В Великую Отечественную войну пос. Сенной и его окрестности были местом ожесточенных боев, поэтому многочисленные траншеи и воронки прорезали городище и некрополи Фанагории. Вдоль южной границы городища была проложена железнодорожная линия. М.М. Кобылина отмечала, что «на Майской горе жили в большом количестве волки, а к западу от городища расположилась банда, которая грабила всех проходящих и проезжающих»⁸.

³ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 64. Л. 6.

⁴ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 64. Л. 7.

⁵ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 64. Л. 7.

⁶ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 64. Л. 7.

⁷ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 71а. Л. 6.

⁸ Кобылина 1989, 45.

Перед началом работ экспедиции пришлось прибегнуть к помощи саперов, так как в траншеях военного времени оказалось большое количество неразорвавшихся мин.

Основное внимание исследователей было сосредоточено на нескольких участках памятника: центральной части нижнего плато и юго-восточной части городища. У подножия нижнего плато в 1859 г. были обнаружены эпиграфические памятники (КБН 976, 979), а в 1939–1940 гг. впервые зафиксированы слои периода архаики (Северный город). В юго-восточной части городища в 1853 г. была открыта посвятельная надпись Афродите Урании (КБН 972), а в 1930 г. – керамическая обжигательная печь. Археологические раскопки проводились также на склонах Майской горы и на территории Восточного некрополя Фанагории.

В юго-восточной части городища была обследована выемка, образованная в 1942 г. в результате выборки земли для сооружения железнодорожной насыпи. По рассказу колхозника В.К. Тимошенко, в этом районе он обнаружил большое количество «красивых куколок» – фрагментов терракот⁹. В указанном месте был заложен раскоп Железнодорожный площадью 55 кв.м, глубина культурного слоя составила 0,7 м¹⁰. В этом раскопе был открыт комплекс терракот (более 80 фрагментов), единый по времени, стилю и технике исполнения, являющийся, вероятнее всего, выбросом местной мастерской. Терракоты были датированы II в. до н.э. и повторяли тип женской стоящей фигуры, одетой в хитон и гиматий, что в очередной раз подтверждало почитание Афродиты-Апатуры жителями древней Фанагории.

При обследовании траншей военного времени к югу от раскопа Город А (участок раскопок экспедиции ГИМа в 1936–1937 гг.) было обнаружено семь погребений в каменных ящиках. Костяки располагались вытянуто на запад, руки сложены на животе. Все погребения оказались безынвентарными, кроме одного – мужского, у тазовых костей которого располагались железное кресало, два кремня и круглая пуговица. М.М. Кобылина датировала это погребение XIV–XV вв. н.э. и соотнесла его с погребениями в каменных ящиках, открытыми в 1864 г. А.Е. Люценко и датированными им по монетам Василия II и Константина IX¹¹.

С целью уточнения восточной границы античного города были начаты работы на Северо-восточном береговом раскопе общей площадью 135 кв.м¹². В ходе раскопок выявили два слоя, нижний датировался I в. н.э. и залегал под черепяно-каменной вымосткой протяженностью 20 м, относящейся к I–II вв. н.э. Кроме того, с восточной стороны, вдоль берега Таманского залива, была обнаружена траншея выборки стены, окружающей в древности город. Это подтвердило гипотезу В.Д. Блаватского о существовании укрепленной восточной границы Фанагории в этом районе¹³. Таким образом, было окончательно выяснено местоположение восточной границы по нижнему плато городища и установлена его протяженность по краю нижнего плато – около 750 м.

⁹ Кобылина 1989, 47.

¹⁰ Паромов 1991, 130.

¹¹ РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1 – 1865. Д.9. Л. 29.

¹² Паромов 1991, 130.

¹³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп.1–1940. Д. 152. Л. 90.

В этом же году возобновились работы по изучению напластований на склонах Майской горы (Южный раскоп, исследуемый в 1936–1940 гг.). На нижних склонах этой горы было заложено три раскопа: Майский I – 15 кв.м, Майский II – 60 кв.м, Майский III – 15 кв.м. Строительных остатков ни на одном из раскопов не найдено, на одном из участков было открыто 16 погребений III–IV вв. н.э.¹⁴. Таким образом, самыми ограниченными силами были произведены важные для дальнейших исследований раскопки, в очередной раз подтвердившие правильность выводов исследований довоенного времени.

В 1948 г. экспедиция была организована совместно ГМИИ, Академией архитектуры СССР и ИИМКом. В ее состав входили И.Д. Марченко, Н.И. Сокольский, Н.В. Анфимов и др. Раскопки проводились на Верхней и Нижней террасах городища, а также на территории Восточного некрополя и в районе Южного раскопа¹⁵.

Раскоп на Верхней террасе восточной части городища (Холм Г) был заложен впервые после дореволюционных исследований¹⁶. Основной целью проведения раскопок являлось установление стратиграфии в центральной верхней части городища. Площадь раскопа – 60 кв.м, глубина культурного слоя – 6,75 м. Были зафиксированы слои от V в. до н.э. до XIII в. На глубине 6,2 м обнаружили комплекс из 18 хиосских амфор V в. до н.э., на шести из которых сохранились следы графито красной краской. Амфоры располагались в канаве, горлами вниз, их ряды уходили в борт раскопа. М.М. Кобылина предположила, что это мог быть торговый груз перед отправкой либо следы совершения неких культовых действий¹⁷. В слоях периода классики и эллинизма строительных объектов зафиксировано не было, слой насыщен большим количеством фрагментов краснофигурной, чернолаковой и кухонной керамики. К римскому времени относились строительные остатки зданий, фундаменты и вымостки, прорезанные и разрушенные хозяйственными комплексами средних веков. Слои поздней античности были прорезаны средневековыми зерновыми ямами и содержали большое количество фрагментов рифленых толстостенных сосудов. Напластования средних веков характеризуются остатками хозяйственных построек со следами золы и углей, вероятно, от пожаров.

На Нижнем плато городища был заложен Западный раскоп площадью 50 кв.м, примыкающий к Северному раскопу 1939–1940 гг., где В.Д. Блаватским были впервые открыты архаические слои Фанагории¹⁸. На глубине 2,1 м ниже уровня моря открыта древнейшая часть города, датирующаяся концом VI – началом V в. до н.э. Важно отметить, что датирующим материалом для слоев архаики были фрагменты хиосских архаических амфор и ионийской керамики. Строительных остатков в слоях классики и эллинизма не оказалось, зато в римское время здесь располагались городские постройки, вымостки и винодельня I–II вв. н.э.¹⁹ В напластованиях II–III вв. н.э. был обнаружен обгорелый кусок глиняной обкладки крыши. Эта находка впервые указала на наличие подобных строительных приемов на территории Фанагории. Слои поздней античности характеризовались на-

¹⁴ Паромов 1991, 131.

¹⁵ Кобылина 1950, 89.

¹⁶ Архив ИА РАН. Ф. Р-1-53. Л.15.

¹⁷ Архив ИА РАН. Ф. Р-1-53. Л.18.

¹⁸ НО РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 181. Л. 5.

¹⁹ Винокуров 1999, 133, Ф-6, тип неизвестен.

личием мощных строительных остатков и колодца глубиной 4,15 м. После сопоставления полученных результатов с данными раскопок 1939–1940 гг. оказалось, что раскопки на этом участке полностью подтвердили стратиграфию, выявленную В.Д. Блаватским для этой части памятника²⁰.

На территории Восточного некрополя, на вершине одного из холмов, был заложен раскоп Некрополь Е площадью 124 кв.м. В ходе раскопок зафиксировали 34 погребения, относящихся к III–II вв. до н.э., из них 6 погребений относились к первым вв. до н.э.²¹. Могилы были перекрыты крупными фрагментами черепицы и стенками амфор. Обнаружено 4 детских погребения в сосудах: три в кувшинах и одно в амфоре. В состав инвентаря входили акварельные пелики, кувшины, чернолаковые сосуды, расписные леканы, чаши и монеты.

В 1948 г. под руководством Н.И. Сокольского проводились раскопки кургана на территории поселка Сенной. В насыпи найден мраморный акротерий, названный местными жителями «каменным цветком». Он был отправлен в ГМИИ и в настоящее время экспонируется в античном зале²².

Интересные подробности о раскопках этого года можно найти в докладной записке И.Д. Марченко, отправленной в античный сектор ГМИИ 8 октября 1948 г.²³. По ее свидетельству, «несмотря на те трудности, которые возникали перед экспедицией, план был нами перевыполнен – вместо 150 кв.м вскрыто 380 кв.м, и этого удалось достичь благодаря тому, что научный состав экспедиции работал напряженно, а нормальное обслуживание рабочих, в частности, регулярный подвоз хлеба и воды обеспечило постоянный рабочий состав экспедиции»²⁴. Среди основных трудностей отмечалось недостаточное количество научных сотрудников, отсутствие счетовода и экспедиционного транспорта, «что усложняло и так трудные условия работы в безлюдной местности». Как пишет И.Д. Марченко, «в ущерб работе, для оформления необходимых документов, сотрудникам приходилось ходить пешком в станичный совет в Вышестеблиевской, в колхоз им. Кирова и в отделение Темрюкского Рыбкоопа»²⁵. И.Д. Марченко обращала внимание на то, что в условиях трудной работы в ненаселенном пункте необходимо наличие постоянного надежного шофера.

В 1949 г. экспедиция была организована совместно научными силами ИИМКа и ГМИИ²⁶, однако исследования длились недолго, они проводились на территории Холма Г, где была сделана прирезка к складу амфор, уходящих в борт раскопа. В ходе работ открыли еще 16 пухлогорлых хиосских амфор, располагавшихся горлами кверху²⁷.

Археологические раскопки следующего года отличались большей масштабностью. С 7 по 31 августа основные работы были сосредоточены на территории Восточного некрополя (Холмы И, З и К). На вершине холма И заложили раскоп площадью 206 кв.м и обнаружили 129 погребений, датирующиеся IV в. до н.э. –

²⁰ Архив ИА РАН. Р-И-53. Л. 32.

²¹ Архив ИА РАН. Р-И-53. Л. 10.

²² ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 93.

²³ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 73. Л. 10.

²⁴ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 73. Л. 12.

²⁵ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 73. Л. 12.

²⁶ ИА РАН. Р-И/362. Л. 1.

²⁷ ИА РАН. Р-И.362. Л. 15.

III в. н.э. Основным типом погребений были грунтовые захоронения, перекрытием камкой и подсыпкой серой глины. Также открыли 7 кремаций в амфорах, одна кремация в сырцовом склепике и двое погребенных с деформированными черепами. Преобладающая ориентация – западная и северная, в нескольких случаях во рту погребенных находились монеты. Инвентарь состоял из сероглиняной посуды, арибаллических лекифов, «мегарских» чаш, светильников, лягиносов, пряжек, колец, фибул, листиков от погребальных венков, бусин, стригилей, пряслиц, железного ножа с костяной рукояткой, двуручного меча, скарабеоида и сосуда типа фляги (конец I в. до н.э. – I в. н.э.)²⁸.

Холм 3 располагался вправо от дороги Тамань-Сенной, напротив виноградника им. Кирова. На его северном склоне был заложен раскоп площадью 55 кв.м, состоящий из двух участков. В ходе раскопок были зафиксированы две могилы, относящиеся ко II в. н.э. Одна из них оказалось женской, в ней погребенная была ориентирована головой на восток. У ее головы найдена серьга, у ног – терракота и сероглиняный кувшин, на бедренных костях находился череп ребенка. К северо-западу от погребения была зафиксирована тризна, состоящая из нижней части терракотовой статуэтки и нижней части закрытого сосуда. Вторая могила оказалась разоренной, в ней находились два сероглиняных сосуда. Несколько погребений конца IV–III вв. до н.э. было открыто в еще одном холме Восточного Некрополя – Холме К, который располагался к востоку от Холма 3.

В 1951 г. исследования продолжались на территории юго-восточной части города (Железнодорожный раскоп) и Восточного некрополя (Холм И)²⁹. В юго-восточной части городища раскопки проводились вдоль линии железной дороги. Ранее там была обнаружена гончарная печь (раскопки К.Э. Гриневича и Л.П. Харко, 1929–1931 гг.) и керамическая свалка IV в. до н.э. (раскопки В.Д. Блаватского, 1939–1940 гг.) В 1947 г. в 50 м к юго-востоку от этого участка было обнаружено скопление терракотовых статуэток. Все эти обстоятельства, по мнению М.М. Кобылиной, указывали на особое значение этого района городища, и поэтому рядом со старым раскопом К.Э. Гриневича был заложен новый раскоп площадью 16 кв.м. Глубина культурного слоя на этом участке составила 4 м, выделены слои от IV в. до н.э. до V в. н.э. На глубине 1,8–1,9 м был зафиксирован развал печи, примыкающая к нему вымостка, сырцовая кладка и часть пола камеры печи³⁰. М.М. Кобылина отмечает «производственный» характер находок: грузила, большое количество фрагментированных амфор и кухонной посуды, две керамические подставки. На материке были зафиксированы остатки неустановленного сооружения: фрагменты кладок, пятна сырца и золы, уходящие в борта раскопа.

Продолжались работы и в районе Восточного некрополя Фанагории. На вершине Холма И был заложен раскоп общей площадью 105 кв.м. На нем было открыто 63 могилы, относящиеся к III–I вв. до н.э. Практически во всех погребениях присутствовала засыпка и подстилка из серой глины.

Помимо этих участков, были произведены раскопки кургана на территории совхоза «Заготзерно» в 3-х км от поселка Сенной.

²⁸ ИА РАН. Р-1.1504. Л. 14.

²⁹ ИА РАН. Р-1/638. Л. 2.

³⁰ ИА РАН. Р-1/638. Л. 20.

В этом же году топографом экспедиции Е.А. Столяревским была произведена топографическая съемка городища и ближайших к нему холмов Восточного некрополя. На плане было обозначено 22 раскопа, заложенных в 1936 по 1951 гг., а также отмечены следы раскопок XIX столетия. План опубликовала М.М. Кобылина³¹.

В 1952 г. раскопки проводились под руководством ИИМКа в составе научных сотрудников ГМИИ и студентов МГУ. Работы продолжались с 6 августа по 12 сентября. Основной целью было исследование объектов, открытых в юго-восточной части Фанагории. В 1951 г. в ходе расчисток нижнего слоя IV в. до н.э., который располагался над материком, были зафиксированы остатки двух сырцовых кладок от обжигательных печей, большое количество шлака и брака от керамических изделий. Общий характер всего культурного слоя позволил сделать вывод о промышленном назначении этого участка города и наличии здесь так называемого района «Керамик». В 1952 г. там были продолжены исследования по изучению слоев III в. до н.э., с этой целью к раскопу прошлого года сделали несколько прирезок. Раскопки подтвердили наличие здесь производственного квартала, функционировавшего с IV в. до н.э. до IV в. н.э.

В 1953 г. исследования на территории Керамика были продолжены³². Работы шли месяц, с 20 июля по 20 августа. Было заложено четыре участка, примыкающих с юго-востока к раскопу Керамик. Общая площадь раскопа составляла 224 кв.м. Впервые здесь были открыты строительные остатки: черепяные мостовые, основания фундаментов стен. В слоях III–I вв. до н.э. обнаружены следы керамического производства (шлак, фрагменты сырцовых кирпичей и керамический брак). Были открыты две керамические обжигательные печи I и IV вв. со следами производства стеклянной посуды и терракот. Одна печь в диаметре составляла 2 м, другая – 4,4 м, столб печи сохранился в высоту на 1 м. Рядом с печами находились фрагменты сырцовой кладки с глиняной обмазкой, а также большое количество фрагментов керамики и керамические подставки для обжига. В восточной части раскопа было найдено несколько кремневых наконечников конца II тыс. до н.э. (первый кремневый наконечник был найден в Фанагории В.Д. Блаватским в 1939 г.).

Раскопки продолжались и в холмах Восточного некрополя, где было открыто несколько погребений. А в результате разведок на южном склоне Майской горы были найдены фрагменты терракотовых протом Деметры или Кору, датирующиеся V в. до н.э. Эти находки в очередной раз указали на локализацию там святилища фанагорийцев.

Археологические исследования 1954 г. отличались большим объемом по сравнению с предыдущими. Были продолжены раскопки Керамика, проводились исследования на территории Северного и Западного раскопов³³.

Общая площадь Северного раскопа составила 402 кв.м. Были вскрыты слои средних веков и римского периода, в которых обнаружили водостоки, нижние части пифосов, врытые в землю, а также две кучи обгорелых грузил, вероятно, являющихся остатками сгоревшей сети. В слое II–I вв. до н.э. были продолжены раскопки общественного здания с полихромной штукатуркой, открытого в 1939–1940 гг.

³¹ Кобылина 1956.

³² ИА РАН. Р-1/858. Л. 3.

³³ ИА РАН. Р-1/1010. Л. 3.

На территории Западного раскопа была заложена небольшая прирезка на вершине холма, глубина культурного слоя составила там 4,5 м, из которых средневековые слои занимали 3 м. Это один из участков с наиболее мощным культурным слоем средних веков, открытых ранее в Фанагории. Был зафиксирован развал каменного основания здания с кладкой «елочкой»³⁴. В слоях поздней античности найдены слои цемьянки, под которыми находилось скопление белого плиточного мрамора, являющиеся, судя по всему, руинами здания, разрушенного в IV в. и сооруженного во II–III вв. до н.э. Фрагменты кирпичного пола и трубы относились к нему же и свидетельствовали о высоком уровне строительного мастерства в данный отрезок времени³⁵.

В 1954 г. площадь раскопа Керамик была расширена до 320 кв.м. К открытым ранее печам сделали прирезки, в ходе исследования которых было выявлено, что в слое под ними располагались еще две печи и развал оборонительной стены IV–III вв. до н.э. шириной 3 м. Один из фрагментов стены сохранился в длину на 9,3 м с востока на запад, затем, повернув под прямым углом, длился на север еще на 10 м. Под фундаментом стены зафиксирована субструкция глубиной 0,9 м из песка и глины.

В 1955 г. экспедиция была организована с участием нескольких учреждений: ИИМКа, Института истории искусств, сотрудники которого отвечали за топографическую съемку, архитектурные обмеры и фотосъемку, и ГМИИ. Экспедицией проводились работы по следующим направлениям: было продолжено исследование Керамика, Северного раскопа, а также заложен еще один Береговой раскоп и раскопан курган у хутора Трактового, близ железной дороги в северо-восточной части аллеи курганов.

На Керамике с целью исследования северной части раскопа было сделано несколько прирезок. Общая площадь раскопок стала равняться 432 кв.м. Стратиграфия слоев Керамика была окончательно уточнена, как включающая в себя девять слоев – от V в. до н.э. до IV в. н.э.

К северу от Керамика исследования проводились на территории Восточного раскопа, который был заложен с целью уточнения нахождения восточной крепостной стены. Там было вскрыто три культурных слоя от III до IV вв. н.э. На Северном раскопе работы велись на небольшой территории, и главной их задачей было исследование слоя, связанного с открытием здания с полихромной штукатуркой II в. до н.э.

В ходе исследований на Береговом раскопе были обнаружены днища трех виноделен первых веков н.э.³⁶ Цистерны виноделен имели общие стенки, их совокупная длина составила 3,2 м, ширина – 2,4 м. Глубина залегания самой высокой стенки цистерны – 3,95 м. Цистерны имели прямоугольную форму, днища были обмазаны цемьянкой. Цистерны прорезали более ранние слои – вымостку III в. до н.э.

Развал сырцовый кладки сгоревшего помещения IV в. до н.э. имел вид массива, проходящего с юга на север, уходящего в южный борт раскопа и обрывающегося у залива. Разбор развала был отложен до следующего сезона, когда возможно бы стало расширить площадь раскопа. В ходе расчистки этого развала оказалось,

³⁴ ИА РАН. Р-1/1010. Л. 35.

³⁵ ИА РАН. Р-1/1010. Л. 39.

³⁶ по Винокурову 1999, 133, Ф-1, тип К1-3.

что здание погибло от пожара, так как большая часть сырцов была обгорелой. С восточной стороны развала выступали слои черепицы, очевидно, от развалившейся крыши. В примыкающем к завалу грунте было найдено огромное количество крупных фрагментов черепицы и амфор, сероглиняной и чернолаковой посуды, грузила и монеты.

В кургане у хутора Трактового был зафиксирован однокамерный склеп, от него сохранились остатки трех стен и северо-западный угол. Вход в склеп был с севера – северо-востока. Кладки стен склепа были сделаны достаточно небрежно, внутреннее пространство склепа было заполнено землей вперемешку с камнями, упавшими со стен. Случайные находки на полу склепа – амфоры и черный лак – позволяют датировать время основания склепа IV в. до н.э. Вероятно, склеп был разрушен еще в древности, в пользу чего свидетельствует погребение, совершенное в слое обрушения стены склепа, которое датируется II в. н.э. Костяк был ориентирован головой на север, инвентаря обнаружено не было. В полу склепа была прослежена яма, вероятно, прорытая грабителями.

В 1956 и 1957 гг. раскопок в Фанагории не было. В августе 1958 г. ИА АН СССР под руководством В.Д. Блаватского проводил подводные разведки у берега Фанагории. Работы велись отрядом археологов-подводников, состоящим из преподавателей и студентов исторического факультета МГУ и Московского энергетического института³⁷. Как считал В.Д. Блаватский, по данным разведок 1958 г. можно было заключить, что примерно треть города находится под водой и северная граница Фанагории проходила на расстоянии 220–240 м от современного берега³⁸. Глубина затопленных частей города была не более 2,3 м. Площадь находящейся под водой Фанагории достигает 50 га³⁹.

В этом же году под руководством А.К. Коровиной небольшие археологические раскопки состоялись на склонах Майской горы, где было открыто святилище, посвященное женским божествам. В связи с этим особый интерес представляет письмо из Фанагории, адресованное научным сотрудникам античного отдела ГМИИ: «Дорогие античники! 4 сентября мы прибыли в Фанагорию и поселились в одиноком домике на самом берегу залива. На другой день после приезда сюда мы обошли Блеваку и определили место раскопок. В выборе места мы доверились богине и раскоп разбили там, где нашли первую головку, и богиня «Великая Мать» нас не обманула. Мы никогда не видели такого большого количества терракот – головы, протомы, обломки статуэток, все с каждого штыка берем с собой до 100 экз., оставляя в поле обломки. Много также амфорного материала, который не выходит за пределы эллинизма, римского ничего нет, но встречается архаика. Терракоты только женские и очень редко попадаются детские торсики (Эроты). Мечтаем открыть остатки какого-то храма, но это нам пока еще не дается»⁴⁰.

Таким образом, в результате раскопок, проводимых экспедицией ГМИИ в 1958 и 1959 гг. на Майской горе было открыто здание антового типа, а южнее его – фависса, устроенная в естественной расселине земли – вулканической брек-

³⁷ Блаватский, Кузищин 1961, 136.

³⁸ Кобылина 1989, 19.

³⁹ Блаватский, Кузищин 1961, 138.

⁴⁰ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 108. Л. 4.

чии. В ней было найдено множество разбитых протом (около 1200 экземпляров) и статуэток, чернолаковые сосуды, фанагорийская столовая керамика, фрагменты амфор. В ходе первичного анализа был установлен период существования комплекса – VI–III вв. до н.э. Этим временем было определено и существование культового комплекса, погибшего в ходе пожара в начале II в. до н.э. Современными исследователями в ходе анализа клейм и чернолаковой керамики было установлено, что возникновение культового комплекса на Майской горе следует датировать не ранее середины V в. до н.э. Активное использование фависсы приходится на IV в. до н.э. и продолжается вплоть до первой четверти – середины III вв. до н.э. Начиная со второй половины III в. до н.э. данный ритуальный комплекс постепенно приходит в упадок, и к середине II в. до н.э. жители Фанагории им уже почти не пользуются⁴¹.

Таким образом, в тяжелых условиях послевоенного времени постепенно начали восстанавливаться работы по археологическому исследованию Фанагории. В ситуации острого недостатка научного состава и финансирования Фанагорийская экспедиция под руководством М.М. Кобылиной выполняла не только плановые, но и охранные работы. Основными итогами археологических раскопок на данном этапе являются данные, полученные в ходе практически ежегодной десятилетней работы в юго-восточной части городища. Был найден и изучен ремесленный центр Фанагории – Керамик. Раскопками были открыты большие керамические печи IV в. до н.э., в которых производилась местная керамика. После разрушений середины I в. до н.э. произошло повторное разрушение, после чего этот район пустовал до последней четверти III в. н.э., когда в восточной части этого участка возобновилось керамическое производство и появились винодельческие комплексы⁴². Помимо этого, было уточнено местонахождение восточной границы Фанагории, отделяющей город от Восточного некрополя. В ходе подводных исследований установлена северная граница памятника, покрытая водами Таманского залива и отстоящая от современной береговой линии на 220–240 м. Кроме того, было окончательно локализовано святилище фанагорийцев, расположенное на склонах Майской горы и датированное с конца VI по середину I вв. до н.э. Все эти данные позволили углубить знания о древней топографии, истории и экономике «столицы» Азиатского Боспора и заложили прочные научные основы перед более масштабными раскопками по изучению центральных частей нижнего и верхнего плато (раскоп Центральный и Верхний город) и южной части городища (раскоп Южный город).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский, В.Д., Кузищин, В.И. 1961: Подводные разведки в 1958 г. *КСИА* 83, 136–138.
Блаватский, В.Д. 1961: Подводные раскопки Фангории в 1959 г. *СА* 1, 277–279.
Долгоруков, В.С. 1984: Фанагория. В кн.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 77–81.
Егорова, Т.В., Ильина, Т.А., Кутинова, Т.М. 2008: К вопросу о датировании культового комплекса на Майской горе. *ДБ* 12, 258–286.

⁴¹ Егорова, Ильина, Кутинова 2008, 270.

⁴² Завойкин, Кузнецов 2012, 143.

- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2012: Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории. В кн.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации*. Керчь, 130–146.
- Кобылина, М.М. 1949: Фанагорийская экспедиция. *КСИИМК* XXVII, 46–51.
- Кобылина, М.М. 1950: Раскопки Фанагории. *КСИИМК* XXXIII, 89–95.
- Кобылина, М.М. 1951: Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. *МИА* 19, 241–249.
- Кобылина, М.М. 1951: Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. *МИА* 19, 236–240.
- Кобылина, М.М. 1953: Раскопки Фанагории. *КСИИМК* 51, 122–127.
- Кобылина, М.М. 1963: Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. *КСИА* 95, 97–103.
- Кобылина, М.М. 1989: *Фанагория*. М.
- Кузнецов, В.Д. 2007: История изучения и новые находки в Фанагории. *РА* 1, 5–15.
- Кузнецов, В.Д. 2010: Фанагория – столица Азиатского Боспора. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (отв. ред.), *Античное наследие Кубани I*. М., 430–469.
- Марченко, И.Д. 1956: Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. *МИА* 57, 102–110.
- Марченко, И.Д. 1963: Результаты раскопок на Майской горе. *КСИА* 95, 86–90.
- Паромов, Я.М. 1993: Археолого-топографический план Фанагории. *БС* 1, 111–148.

REFERENCES

- Blavatskiy, V.D., Kuzishchin, V.I. 1961: Podvodnye razvedki v 1958 g. [Underwater Exploration in 1958]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 83, 136–138.
- Blavatskiy, V.D. 1961: Podvodnye raskopki Fangorii v 1959 g. [Underwater Exploration in 1959] *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 277–279.
- Dolgorukov, V.S. 1984: Fanagoria [Phanagoria]. In: G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova (ed.), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [The Ancient States of the North Coast of the Black Sea]. Moscow, 77–81.
- Egorova, T.V., Il'ina, T.A., Kutinova, T.M. 2008: K voprosu o datirovanii kul'tovogo kompleksa na Mayskoy gore [To the Question of the Dating of the Sacred Complex on the May Mountain] *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus] 12, 258–286.
- Kobylyina, M.M. 1949: Fanagoriyskaya ekspeditsiya [The Phanagorian Expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta materialnoy kultury* [Brief Reports of the Institute of History of Material Culture] XXVII, 46–51.
- Kobylyina, M.M. 1950: Raskopki Fanagorii [The Excavations at Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta materialnoy kultury* [Brief Reports of the Institute of History of Material Culture] XXXIII, 89–95.
- Kobylyina, M.M. 1951: Raskopki «Yuzhnogo» nekropolya Fanagorii v 1947 g. [Excavations in the Southern Necropolis of Phanagoria in 1947]. *Materialy po istorii arkheologii* [Materials on the History of Archaeology] 19, 236–240.
- Kobylyina, M.M. 1953: Raskopki Fanagorii [The excavations at Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta materialnoy kultury* [Brief Reports of the Institute of History of Material Culture] 51, 122–127.
- Kobylyina, M.M. 1963: Raskopki central'noy chasti Fanagorii v 1959–1960 gg. [Excavations of the Central Part of Phanagoria in 1959–1960]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 95, 97–103.
- Kobylyina, M.M. 1989: *Fanagoriya* [Phanagoria]. Moscow.

- Kuznetsov, V.D. 2007: Istoriya izucheniya i novye nakhodki v Fanagorii. [The History of Research and New Finds in Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 5–15.
- Kuznetsov, V.D. 2010: Fanagoriya – stolitsa Aziatskogo Bospora [Phanagoria – the Capital of Asian Part of Bosphorus]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (ed.), *Antichnoye nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] I, 430–469.
- Marchenko, I.D. 1956: Raskopki Vostochnogo nekropolya Fanagorii v 1950–1951 gg. [Excavations of the Eastern Necropolis of Phanagoria]. *Materialy po istorii arkheologii* [Materials on the History of Archaeology] 57, 102–110.
- Marchenko, I.D. 1963: Rezul'taty raskopok na Mayskoy gore [The Results of the Excavations on the May Mountain]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 95, 86–90.
- Paromov, Ya.M. 1993: Arkheologo-topograficheskiy plan Fanagorii. [Archaeology-Topographical Plan of Phanagoria]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporus Collection of articles] 1, 111–148.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2012: Nekotoriye problemy arkheologicheskoy topografii Fanagorii [Some problems of the archaeological topography of Phanagoria]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemy urbanizatsii* [Cimmerian Bosporus and Barbarian World in the Antiquity and Middle Ages. Problems of Urbanization]. Kertsch, 130–146.

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF PHANAGORIA IN 1947–1958

Eugenia G. Zastrozhnova

Archive of the Russian Academy of Science St. Petersburg Branch, Russia,
pankratova0484@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the history of archaeological study of Phanagoria in the 1947–1958. The period of after-war resumption of archaeological excavations of this largest ancient city is extremely important for understanding of regularities of formation of the research plan of the study of Phanagoria. The unification of scientific efforts of the Institute of History of Material Culture and the Pushkin Museum, the support of the Moscow State University, the Institute of History of art and other institutions, made it possible to combine very limited financial possibilities and to resume excavations in the city and the necropolis. The main results of archaeological excavations at this stage are a decade of research in the Southeastern part of the city, where an industrial district – Ceramicus was found. The excavations discovered a large ceramic kilns from the 4th century BC, established the details of life in this area until the 3rd century BC. In order to clarify the eastern border of Phanagoria the area has undergone a number of archaeological excavations in recent years. During the underwater research, the Northern boundary of the ancient city was established, covered by waters of the Taman Bay, and it is distant from the modern shoreline at 220–240 m. In addition, the sanctuary of Phanagoria was finally localized situated on the slopes of the May Mountain and dated from the late 6th to the mid – 1st century BC. All of this information has allowed to deepen the knowledge of ancient topography, history, and economics of “capital” of the Asian Bosporus and laid a solid scientific basis before more extensive excavations in order to study the Central parts of the lower and upper plateau (the Central City and the Upper City) and the southern part of the settlement (excavation South City).

Key words: Classical archaeology, Bosporan Kingdom, Phanagoria

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ САКРАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ФАНАГОРИИ

Ю.Н. Шорунова

*Государственный музей-заповедник «Фанагория, пос. Сенной,
julia_orient@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории археологического изучения сакральных комплексов Фанагории – крупнейшего центра азиатской части Боспорского царства, основанного в 540-е годы до н.э. Хронологические рамки статьи охватывают XIX – начало XXI в. Уже со времени основания Фанагория была построена по единому плану, там возводились крупные общественные здания, храмы; планировка кварталов и улиц также была заложена с момента основания. Как и для многих других регионов античной Эллады, ситуация с исследованием святилищ Фанагории складывается непросто. На данный момент раскопано едва ли более 1 % всей площади памятника. Обнаружены и исследованы, в основном, лишь части культовых комплексов. В связи со степенью археологической изученности Фанагории пока можно выделить лишь святилища регионального значения (Апатур), городские святилища (расположенные на акрополе: апсидальное здание из раскопок 1979–1980 гг., объект 123, «храмы в антах» из раскопок 2013 г. и 2016 г.; расположенные в черте города, но не на акрополе: «храм в антах» на «Центральном раскопе») и пригородные святилища (святилище на Майской горе), а также ряд общественных зданий, которые, вероятно, имели культовые функции (объекты 300, 464 и пр.). Тем не менее даже имеющиеся данные позволяют говорить о том, что структура ритуальных действий и организации сакрального процесса в Фанагории ничем не отличались от его организации в полисах Балканской Греции, Малой Азии, а также других регионах эллинской ойкумены.

Ключевые слова: Античность, Северное Причерноморье, Боспорское царство, Фанагория, История археологического изучения

Фанагория – столица азиатского Боспора – была основана выходцами из малоазийского города Теоса в 540-е гг. до н.э. Уже со времени основания она была построена по единому плану, там возводились крупные общественные здания, храмы, планировка кварталов и улиц также была заложена с момента основания¹.

Как и для многих других регионов античной Эллады, ситуация с исследованием святилищ Фанагории складывается непросто. На данный момент раскопано

Шорунова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-фондовой работе, главный хранитель фондов ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-31-01022 (а2)).

¹ Завойкин, Кузнецов 2012, 136.

едва ли более 1 % всей площади памятника². Обнаружены и исследованы лишь части культовых комплексов. Тем не менее даже имеющиеся данные позволяют говорить о том, что структура ритуальных действий и организация сакрального процесса в Фанагории ничем не отличались от его организации в полисах Балканской Греции, Малой Азии, а также других регионах эллинской ойкумены.

Осмотр археологических памятников Боспорского царства русскими и иностранными путешественниками начинается с XVIII в. Вряд ли для данного периода можно говорить о какой-то систематичности в археологическом изучении региона, в это время предпринимались первые, часто неудачные, попытки локализации археологических памятников, особое внимание уделялось предметам искусства, эпиграфическим памятникам и монетам, находки которых часто не были связаны с определенным археологическим контекстом и привязкой к определенному комплексу. Общие тенденции оказывали влияние на изучение сакральной жизни Азиатского Боспора, и большего внимания заслуживало исследование и публикации наиболее интересных находок из некрополей. Тем не менее именно так называемые «ученые путешествия» XIX в. создали богатую основу для изучения религиозных представлений боспорян, что связано, прежде всего, с обнаружением, публикацией и интерпретацией ряда посвяtitельных надписей.

Одним из значимых пунктов исследований путешественников и ученых XIX в. стали поиски святилища Афродиты Урании Апатуры. При этом основным источником данных изысканий явились свидетельства Страбона³. Важной вехой в локализации Апатура стала находка в 1853 г. возле хутора, принадлежавшего П. Семеняке, на территории городища Фанагории надписи с посвящением Кассалии, дочери Посия, Афродите Урании⁴. В 1896 г. на том же хуторе на территории Фанагории была найдена надпись Аполлодора, сына Фанагора, с посвящением Афродите Урании, владычице Апатуры⁵. М.И. Ростовцев отмечает, что количество надписей, имеющих прямое отношение к храму Афродиты Апатуры, или Афродиты Урании, заставляет думать, что «большинство этих камней первоначально стояло в периболе храма Афродиты»⁶. Судя по находке в 2004 г. в Фанагории мраморного строительного блока с посвяtitельной надписью боспорского царя Аспурга Афродите Урании, владычице Апатура, можно предположить, что фанаторийский храм Афродиты времени правления Аспурга был полностью выстроен из мрамора великолепного качества⁷. Однако упоминание Плиния Старшего о «почти опустевшем Апатуре»⁸ является свидетельством того, что святилище практически не функционировало уже во второй половине I в. н.э.

Кроме того, во второй половине XIX в. на территории Фанагории были раскрыты архитектурные остатки зданий, интерпретированные исследователями как храмы. Так, Герц описал толос, обнаруженный в 1859 г. в Фанагории, и интерпретировал его как памятник, воздвигнутый «в честь какого-то божества или

² Завойкин, Кузнецов 2012, 131.

³ Strabo. XI.2.10.

⁴ КБН. № 972.

⁵ КБН. № 971.

⁶ Ростовцев 1925, 152.

⁷ Кузнецов 2007, 11.

⁸ Plin. Hist. Nat. VI.6.18.

какого-то лица»⁹. В 1872 г. на городище Фанагория И.Е. Забелиным были открыты остатки четырехугольного фундамента здания, названного автором раскопок храмом. Ю.А. Виноградов, проанализировав сведения, сохранившиеся в отчете И.Е. Забелина, отметил любопытную деталь: ряды кладок стен здания шли с небольшим уклоном внутрь, что было характерно для боспорских каменных склепов IV в. до н.э. Эта архитектурная особенность здания вместе с обнаруженным у его восточной стороны безынвентарным погребением позволили Ю.А. Виноградову предположить, что И.Е. Забелин имел дело не с храмом, а с герооном¹⁰.

Своеобразный итог необходимости смены методики изучения античных древностей юга России, в том числе и эллинских святилищ, подвел М.И. Ростовцев в работе «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» (1918 г.). Согласно его мнению, необходимо было найти и раскопать «руины древних храмов, находившихся вне городов, преимущественно на Тамани»¹¹. Нельзя не согласиться с мнением М.И. Ростовцева о том, что «очень печально», что после разведок Герца и Забелина не были сделаны попытки более серьезного археологического исследования Фанагории и что «высокой важности эпиграфический и археологический материалы, несомненно, дали бы и раскопки тех больших храмов великой женской богини, которые, кроме Фанагории, находились, по крайней мере, в двух пунктах Таманского полуострова»¹².

Следующий этап в изучении сакральных комплексов Фанагории наступил уже во второй половине XX в. В конце 1950 – начале 1960 гг. проводились археологические исследования на вершине Майской горы (Блевака), расположенной к югу от Фанагории, в ходе которых были исследованы фависса и остатки построек, относящихся, вероятно, к святилищу женских богинь плодородия, функционировавшему, по мнению И.Д. Марченко, с конца VI в. до н.э. вплоть до III в. до н.э.¹³. Впоследствии И.Д. Марченко опубликовала комплекс протом из фависсы и на его основании интерпретировала исследованный комплекс как святилище женских божеств плодородия и даже, возможно, как святилище Афродиты Апатуры¹⁴. Монеты из раскопок на Майской горе были каталогизированы Д.Д. Шеловым¹⁵. Комплексный анализ датировки культового комплекса близ Майской горы был проведен Т.В. Егоровой, Т.А. Ильиной и Т.М. Кутиновой, которые рассмотрели и частично опубликовали заново наиболее важные для датировки данного комплекса материалы: амфорные клейма, чернолаковую посуду и протомы¹⁶. Кроме того, важной вехой в изучении данного сакрального памятника стал анализ Т.А. Ильиной протом из раскопок фависсы на Майской горе. Применяя комплексный подход к изучению технологии производства античных терракот, основанный на использовании иконографического, механического и археомагнитного методов, Т.А. Ильина смогла сузить датировки данного комплекса до середины V – середины III вв. до н.э., а также сократить количество выделенных И.Д. Марченко типов,

⁹ Герц 1989, 64–65, 97–98.

¹⁰ Виноградов 2011, 41–43.

¹¹ Тункина 1989, 23.

¹² Ростовцев 1925, 152.

¹³ Марченко 1958; 1959; 1961; 1963а.

¹⁴ Марченко 1963б; 1960; 1974; 1977.

¹⁵ Шелов 1963.

¹⁶ Егорова, Ильина, Кутинова 2008.

выявить их прототипы в материковой Греции, а также варианты производства в местной коропластике Азиатского Боспора¹⁷.

В 1970-е гг. М.М. Кобылиной были раскрыты остатки так называемого храма «в антах» на «Центральном раскопе» городища, который исследовательница пыталась сопоставить с фанагорийским святилищем Афродиты Апатуры¹⁸. М.М. Кобылина предполагала, что именно в этом месте находилась агора Фанагории, подтверждением чему, по ее мнению, служили находки большого числа архитектурных деталей, отесанных квадров эллинистического времени и пр.¹⁹. Исследовательница связывает этот храм с находками надписей у подножия высокого холма в XIX в. (КБН 971 и 972), которые относятся ко времени Перисада I (вторая половина IV в. до н.э.) и которые были посвящены Афродите Урании, владычице Апатуры²⁰. Также М.М. Кобылина не отрицала возможности существования на месте данной постройки более монументального храма эллинистического времени, о чем могли свидетельствовать находки архитектурных деталей, в том числе и ионийской капители, отесанных квадров эллинистического времени и фрагментов скульптуры. Изначально М.М. Кобылина интерпретировала это как храм и глиняно-плетневое сооружение конца VI–V вв. до н.э., исследованное в слое выше храма V–IV вв. до н.э. Однако интерпретация М.М. Кобылиной глиняно-плетневого сооружения, открытого на «Центральном раскопе», как храма V в. до н.э. была опровергнута более поздними раскопками на этом месте²¹.

В 1979–1980 гг. Фанагорийской экспедицией на раскопе «Верхний город» были раскрыты фундаменты интересного архитектурного сооружения апсидальной формы, трактованного В.С. Долгоруковым в полевом отчете как святилище кабиров²². Впоследствии при публикации данный архитектурный комплекс был рассмотрен в связи с немногочисленными аналогиями из раскопок материковой Греции, Ольвии и Европейского Боспора и интерпретирован с наибольшей вероятностью как небольшое городское святилище хтонических божеств²³. Разрушения здания могут быть связаны с землетрясением 63 г. до н.э.²⁴, о чем свидетельствует наклонное положение кладок стен и завалы камней внутри него.

С середины 1980-х гг. в восточной части раскопа «Южный город» проводятся исследования объектов позднеархаического некрополя Фанагории. В ходе них был открыт погребально-поминальный комплекс (героон) в районе юго-восточных ворот города. Его основание, вероятно, связано с одной из могил архаического некрополя последних десятилетий VI в. до н.э. (погребение 470), где был погребен мужчина-воин средних лет. Героон продолжал функционировать всю вторую половину V в. до н.э., несмотря на то, что в это время «Южный город» был уже плотно застроен жилыми домами и хозяйственными сооружениями²⁵.

¹⁷ Ильина 2008.

¹⁸ Кобылина 1972; 1975; 1983.

¹⁹ Кобылина 1983, 51–61; Кузнецов 2010, 442.

²⁰ Кобылина 1983, 57.

²¹ Кобылина 1983, 59–61; Долгоруков, Колесников 1993, 113.

²² Долгоруков 1979, 13–16; 1980, 9.

²³ Кузьмина 2010.

²⁴ Dio Cass. XXXVII, 11; Oros. VI, 5, 1.

²⁵ Завойкин 2004, 58–60.

Кроме того, в ходе работ на раскопе «Южный город» было исследовано монументальное общественное здание третьей четверти III вв. до н.э. Оно состоит из двух помещений общей площадью более 30 кв.м. и функционировало до II в. до н.э. О том, что это была неординарная жилая постройка, свидетельствует ее архитектурное оформление: на территории, относящейся к данному зданию, а также в непосредственной близости были найдены остатки полихромной штукатурки, рельефные детали декора, фрагменты ордерных деталей и пр. Интересной конструктивной особенностью является наличие небольших углублений в кладках блоков ракушечника стен помещения 1, выступающих за линию стен и расположенных на одинаковом друг от друга расстоянии (примерно 0,9 м²⁶). Вероятно, данные блоки были предназначены для установки деревянных подпорок или колонн. О сакральном назначении этого здания могут свидетельствовать характерные индивидуальные находки (терракотовые статуэтки всадников, воина с галатским щитом, 97 обгорелых астрагалов, бронзовое зеркало без ручки и пр.)²⁷.

В 2003–2005 гг. на раскопе «Верхний город» исследуется фундамент здания IV в. до н.э., общая площадь которого составляет более 30 кв.м., вероятно, храм в антах (объект 123)²⁸. Поскольку от него сохранились лишь фундаменты, а внутри помещения не были обнаружены какие-либо находки, сложно однозначно реконструировать его внешний облик и определить, какому божеству он был посвящен. Согласно сохранившимся особенностям грунта внутри данного помещения можно предположить, что внутри клетки находился подиум, на котором было расположено возвышение под культовую статую²⁹.

Монументальная постройка общей площадью не менее 75 кв.м. (объект 300), открытая в 2006 г. на акрополе Фанагории (раскоп «Верхний город»), существует там без изменений и перестроек вплоть до середины V в. до н.э. Ее расположение в центральной части архаического города на доминирующем над нижним плато холме, прекрасный вид на море, а также монументальность кладок еще раз подчеркивают значимость и важность этого здания. Свидетельством тому, что этот комплекс имел, в том числе, культовые функции, являются интересные находки, происходящие из него. Это несколько терракотовых статуэток: две глиняные фигурки собак, найденные в глиняной подстилке между камнями фундамента и сырцово-кирпичной кладкой стен северо-западного угла здания³⁰, три статуэтки типа «богиня, сидящая на троне», одна типа «стоящая девушка». Кроме того, здесь же был обнаружен фимиатерий – ритуальный сосуд для воскурения благовоний в храме³¹, изготовленный по типу ионийских чаш. Довольно сложно, учитывая сохранность материала из данного комплекса, говорить об идентификации того, какому божеству здесь совершались приношения. Традиционно наиболее часто собаки являлись у эллинов атрибутами Артемиды, Гекаты и Асклепия³².

Одним из доминирующих архитектурных сооружений на акрополе Фанагории в позднеархаическое-раннеклассическое время является монументальное обще-

²⁶ Долгоруков 1985, 48; Кузьмина 2013, 107.

²⁷ Кузьмина 2012а, 143–149; 2013, 107–108.

²⁸ Кузнецов 2010, 450.

²⁹ Кузьмина 2011, 37–38; 2012б, 258–259.

³⁰ Завойкин, Кузнецов 2011, 191.

³¹ Скржинская 2010, 23.

³² Lexikon Antiker Bildmotive 1997, 85; Кузьмина 2012б, 258.

ственное здание (объект 464, раскопки 2012–2014 гг.), выстроенное из сырцового кирпича и включавшее в разные строительные периоды до четырех помещений³³. Здание было построено во второй половине VI в. до н.э. и разрушено во второй четверти V в. до н.э. В одном из помещений были найдены многочисленные фрагменты чернофигурных киликов аттического производства. Значительный интерес представляет обнаружение в том же помещении и яме, расположенной под его полом, тридцати семи открытых миниатюрных красноглиняных однорожковых светильников. На большей части из них нет следов горения, а на носике одного из светильников вообще отсутствует фитильное отверстие. Размер и объем резервуара для масла делает нерациональным их использование в качестве осветительных приборов, скорее они имели символическое значение и служили votivными приношениями. Учитывая общественное назначения здания, в котором светильники были найдены, можно предполагать, что одно из его помещений специально было отведено для ритуалов, которые должны были обеспечить процветание Фанагорийскому полису.

В 2013 г. при исследованиях в центральной части Фанагории на холме «Верхний город», где находился акрополь – общественный и политический центр города, – был обнаружен и изучен храм второй половины V в. до н.э. (объект 675), от которого сохранился лишь фундамент. Площадь храма составляет около 10 кв м³⁴. Храм был выстроен из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, что было характерно для Фанагории. Например, монументальное общественное здание – объект 300 – также был выстроен из сырцовых кирпичей и частично имел каменные фундаменты. Перед входом в храм, который располагался с северной стороны, обнаружена часть вымостки из утрамбованной гальки. В 2016 г. на том же месте были найдены остатки более древнего сооружения, которое, учитывая его местоположение и план, возможно, является предшественником «храма в антах» 2013 г. Объект датируется примерно началом – первой половиной V в. до н.э. Интересной особенностью предполагаемого храма является расположение небольшого алтаря-очага внутри наоса с левой стороны у входа. Алтари традиционно размещались снаружи храма недалеко от входа в него, что было обусловлено представлением о том, что божество, отождествленное с его культовым изображением, могло при таком положении алтаря наблюдать за жертвоприношениями. Но далеко не все алтари располагались только снаружи, например, как сообщает Павсаний, три алтаря в афинском Эрехтейоне были внутри храма³⁵. Вероятно, жертвенник внутри помещения мог использоваться для бескровных жертвоприношений или всякого рода возскурений, как, например, алтарь внутри храма Илитии у горы Кроний в Элее³⁶.

К сожалению, судить о святилищах Фанагории в контексте ее сакральной топографии – непростая задача. И не только потому, что большинство исследованных археологически комплексов, которые можно интерпретировать как сакральные, представляют собой лишь жалкие остатки в прошлом монументальных храмов и культовых построек, виной чему является недолговечность сырцово-

³³ Кузнецов 2013, 13–15.

³⁴ Кузнецов 2013, 32–34.

³⁵ Paus. I. XXVI. 4.

³⁶ Paus. VI. XX.1.

го кирпича – основного строительного материала, используемого в Фанагории. И даже не только потому, что сохранность материалов из комплексов далеко не всегда позволяет судить о том, какие божества там почитались. В первую очередь, это связано с тем что, несмотря на многолетние систематические научные археологические исследования, на данный момент раскопано едва ли более 1 % всей площади памятника. В связи со степенью археологической изученности Фанагории пока можно выделить лишь святилища регионального значения (Апатур), городские (расположенные на акрополе; расположенные в черте города, но не на акрополе) и пригородные святилища (святилище на Майской горе)³⁷, а также ряд общественных зданий, которые, вероятно, имели культовые функции.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, Ю.А. 2011: Об исследованиях И.Е. Забелина на городище Фанагория в 1872 г. *ДБ* 14, 39–45.
- Герц, К.К. 1989: *Археологическая топография Таманского полуострова*. СПб.
- Долгоруков, В.С. 1979: *Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 г.* Архив ИА РАН, Р.-1, № 8796, 8796а. М.
- Долгоруков, В.С. 1980: *Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в сезоне 1980*. Архив ИА РАН, Р.-1, № 14167, 14167а. М.
- Долгоруков, В.С. 1985: *Отчет о раскопках в Фанагории в 1985 году*. Архив ИА РАН, Р.-1, № 11165, 11166б. М.
- Долгоруков, В.С., Колесников, А.Б. 1993: Новый тип строительных комплексов Фанагории, *РА* 1, 113–132.
- Егорова, Т.В., Ильина, Т.А., Кутинова, Т.М. 2008: К вопросу датирования культового комплекса на Майской горе, *ДБ* 12, 237–243.
- Завойкин, А.А. 2004: *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам «Южного города»)*. М.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2011: Древнейшее общественное здание в Фанагории. *ПИФК* 4, 188–198.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2012: Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории. В кн.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации*. Керчь, 130–146.
- Ильина, Т.А. 2008: *Проблемы исследования античной коропластики Боспора: опыт комплексного анализа материалов святилища на Майской горе близ Фанагории*: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кобылина, М.М. 1972: *Раскопки Фанагории в 1972 г.* Архив ИА РАН, Р.-1, № 4805. М.
- Кобылина, М.М. 1975: Раскопки центральной части Фанагории. В кн.: *Археологические открытия 1974 года*. М., 111.
- Кобылина, М.М. 1983: Страницы ранней истории Фанагории. *СА* 2, 51–54.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Фанагория: история исследований и новые находки, *РА* 2, 5–15.
- Кузнецов, В.Д. 2010: Фанагория – столица Азиатского Боспора. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (отв. ред.), *Античное наследие Кубани I*. М., 430–469.
- Кузнецов, В.Д. 2013: *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2013 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1. М.
- Кузьмина, Ю.Н. 2010: Апсидальное здание из раскопок 1979–1980 гг. в Фанагории. *ПИФК* 1, 429–439.

³⁷ Кузьмина 2015, 210–212.

- Кузьмина, Ю.Н. 2011: О критериях идентификации античного святилища. *РА* 3, 33–41.
- Кузьмина, Ю.Н. 2012а: Монументальное общественное здание эллинистического времени на южной окраине Фанагории. *ПИФК* 4, 141–150.
- Кузьмина, Ю.Н. 2012б: Сакральные комплексы Фанагории в контексте городского ландшафта. В кн.: *Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации*. Керчь, 256–264.
- Кузьмина, Ю.Н. 2013: Комплекс находок из общественного здания эллинистического времени на южной окраине Фанагории. В кн.: *Новые материалы и методы археологического исследования*. М., 107–108.
- Кузьмина, Ю.Н. 2015: Сакральные комплексы Фанагории VI–I вв. до н.э.: проблемы классификации. *ПИФК* 3, 208–213.
- Марченко, И.Д. 1958: *Отчет о разведочных раскопках в 1958 г. на Майской горе (окрестности Фанагории)*. Архив ИА РАН, Р-1, №1796, 1796а. М.
- Марченко, И.Д. 1959: *Отчет об археологических раскопках на Майской горе в 1959 г.* Архив ИА РАН, Р-1, №1963, 1963а. М.
- Марченко, И.Д. 1960: К вопросу о культах Азиатского Боспора. *ВДИ* 2, 101–107.
- Марченко, И.Д. 1961: *Отчет об археологических раскопках на Майской горе в 1961 г.* Архив ИА РАН, Р-1, № 2472, 2472а. М.
- Марченко, И.Д. 1963а: *Отчет об археологических раскопках Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина на Майской горе в 1963 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 2809, 2809а. М.
- Марченко, И.Д. 1963б: Некоторые итоги раскопок на Майской горе. *КСИА* 95, 86–90.
- Марченко, И.Д. 1974: Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке). В кн.: *САИ. Вып. Г1-11. Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров*. М., 31–35.
- Марченко, И.Д. 1977: О культе Афродиты на Тамани. В кн.: *История и культура античного мира*. М., 121–126.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор*. Л.
- Скржинская, М.В. 2010: *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. СПб.
- Тункина, И.В. 1989: Неизданная работа М.И. Ростовцева. В кн.: М.Ю. Вахтина (отв. ред), *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева*. Л., 17–18.
- Шелов, Д.Б. 1963: Монетные находки на Майской горе. *Нумизматика и эпиграфика* 4, 89–94.
- Lexikon Antiker Bildmotive 1997: *Lexikon Antiker Bildmotive*. Darmstadt. 1971.

REFERENCES

- Dolgorukov, V.S. 1979: *Otchet o rabotakh Fanagoriyskoy ekspeditsii v 1979 g.* [Report on the Work of the Phanagorian Expedition in 1979]. Archive IA RAS, R-1, № 8796, 8796a. Moscow.
- Dolgorukov, V.S. 1980: *Otchet o rabotakh Tamansko-Fanagoriyskoy ekspeditsii v sezone 1980* [Report on the Work of the Taman-Phanagorian Expedition in the Season 1980]. Archive IA RAS, R-1, № 14167, 14167a. Moscow.
- Dolgorukov, V.S. 1985: *Otchet o raskopkakh v Fanagorii v 1985 godu* [Report on the Excavation in Phanagoria in 1985]. Archive IA RAS, R-1, № 11165, 11166. Moscow.
- Dolgorukov, V.S., Kolesnikov A.B. 1993: *Noviy tip stroitel'nykh kompleksov Fanagorii* [New Type of Building Complexes in Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1. Moscow, 113–132.

- Egorova, T.V., Ilyina, T.A., Kutinova, T.M. 2008: K voprosu datirovaniya kultovogo kompleksa na Mayskoy gore [To the Question of Dating of the Cult Complex on the Mayskaya Mountain]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 12. Moscow, 237–243.
- Gyerts, K.K. 1989: *Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo Poluostrova* [Archeological Topography of Taman Peninsula]. Saint-Petersburg.
- Il'ina, T.A. 2008: *Problemy issledovaniya antichnoy koroplastiki Bospora: opyt kompleksnogo analiza materialov svyatilisha na Mayskoy gore bliz Fanagorii* [Problems of the Study of the Ancient Bosporan Coroplastics: the Experience of the Complex Analysis of the Materials of the Sanctuary on the Mayskaya Mountain near Phanagoria]: PhD Thesis. Moscow.
- Kobylyina, M.M. 1972: *Raskopki v Fanagorii v 1972 g.* [Excavations in Phanagoria in 1972]. Archive IA RAS, R-1, № 4805. Moscow.
- Kobylyina, M.M. 1975: *Raskopki tsentralnoy chasti Fanagorii* [Excavations in the Central part of Phanagoria]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1974 goda* [Archaeological Discoveries of 1974]. Moscow, 111.
- Kobylyina, M.M. 1983: *Stranitsy ranney istorii Fanagorii* [Pages of the Early History of Phanagoria]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 51–54.
- Kuznetsov, V.D. 2007: *Fanagoriya: istoriya issledovaniy i novye nakhodki* [A History of the Investigations and New Finds at Fanagoria]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 5–15.
- Kuznetsov, V.D. 2010: *Fanagoriya – stolitsa Aziatskogo Bospora* [Phanagoria – the capital of Asian part of Bosporus]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (ed.), *Antichnoye naslediye Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] I. Moscow, 430–469.
- Kuznetsov, V.D., 2013: *Otchet o rabotakh Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2013 g.* [Report on the Work of the Phanagorian Expedition of the Institute of Archaeology RAS in 2013]. Vol. 1. Moscow.
- Kuz'mina, Yu.N. 2010: *Apsidalnoye zdaniye iz raskopok 1979–1980 gg. v Fanagorii* [Apsidal Building from 1978-1980 Excavations in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kulturi* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 429–439.
- Kuz'mina, Yu.N. 2011: *O kriteriyakh identifikatsii antichnogo svyatilisha* [About the Criteria for Ancient Sancturaries Identification]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 33–41.
- Kuz'mina, Yu.N. 2012a: *Monumentalnoye obshestvennoye zdaniye ellinisticheskogo vremeni na yuzhnoy okraine Fanagorii* [Hellenistic monumental public building in the southern outskirts of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kulturi* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 141–150.
- Kuz'mina, Yu.N. 2012b: *Sakralnye kompleksi Fanagorii v kontekste gorodskogo landshafta* [Sacral complexes of Phanagoria in the context of urban landscape]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemy urbanizatsii* [Cimmerian Bosporus and Barbarian World in the Antiquity and Middle Ages. Problems of Urbanization]. Kerch, 256–264.
- Kuz'mina, Yu.N. 2013: *Kompleks nakhodok iz obshestvennogo zdaniya ellinisticheskogo vremeni na yuzhnoy okraine Fanagorii* [Complex of Finds from the Public Building of Hellenistic Time on the Southern Outskirts of Phanagoria]. *Novie materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya* [New materials and methods of archaeological research]. Moscow, 107–108.
- Kuz'mina, Yu.N. 2015: *Sakralniye kompleksi Fanagorii VI–I vv. do n.e.: problemi klasifikatsii* [Phanagorian sacreal complexes of 6th – 1st centuries BC: classification aspects]. *Problemy istorii, filologii, kulturi* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 208–213.
- Lexikon Antiker Bildmotive 1997: *Lexikon Antiker Bildmotive*. Darmstadt. 1971.

- Marchenko, I.D. 1958: *Otchet o razvedochnikh raskopkakh na Mayskoy gore (okrestnosti Fana-gorii)* [Report on the Exploration Excavations on the Mayskaya Mountain (the Surround-ings of Phanagoria)]. Archive IA RAS, R-1, №1796, 1796a. Moscow.
- Marchenko, I.D. 1959: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Mayskoy gore v 1959 g.* [Report on the Archaeological Excavations on the Mayskaya Mountain in 1959]. Archive IA RAS, R-1, №1963, 1963 a. Moscow.
- Marchenko, I.D. 1960: K voprosu o kultakh Aziatskogo Bospora [To the Question of the Cults of the Asian Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 101–107.
- Marchenko, I.D. 1961: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Mayskoy gore v 1961 g.* [Report on the Archaeological Excavations on the Mayskaya Mountain in 1961]. Archive IA RAS, R-1, №2472, 2472a. Moscow.
- Marchenko, I.D. 1963a: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Gos. Museya Izobrazitelnykh iskusstv im. A.S.Pushkina na Mayskoy gore v 1963 g.* [Report on the Archaeological Exca-vations of the State museum of fine Pushkin State Museum of Fine Arts in 1963]. Archive IA RAS, R-1, № 2809, 2809a. Moscow.
- Marchenko, I.D. 1963b: Nekotore itogi raskopok na Mayskoy gore [Some Results of Excavations on Mayskaya Gora]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 95, 86–90.
- Marchenko, I.D. 1974: Terrakoti iz svyatilishcha na Mayskoy gore (Blevake) [Terracotta figurines from the sanctuary on the Mayskaya mountain (Blevaka)]. In: *Svod arkheologicheskikh istochnikov G1-11. Terrakotoviye statuetki IV. Pridonye I Tamanskiy poluostrov* [Corpus of Archaeological Sources G1-11. Terracotta figurines IV. Don region and Taman Peninsula]. Moscow, 31–35.
- Marchenko, I.D. 1977: O kulte Aphrodity na Tamani [About the Cult of Aphrodite on Taman]. In: *Istoriya i kultura antichnogo mira* [History and Culture of Ancient World]. Moscow, 121–126.
- Rostovtsev, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor* [Scythia and Bosphorus]. Leningrad.
- Shelov, D.B. 1963: Monetnie nakhodki na Mayskoy gore [Monetary Finds on Mayskaya Mountain]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 4, 89–94.
- Skrzhinskaya, M.V. 2010: *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'ye* [Ancient Greek Holidays in Hellas and Northern Black Sea Coast]. Saint-Petersburg.
- Tunkin, I.V. 1989: Neizdannaya rabota M.I. Rostovtseva [Unpublished work of M.I. Rostovtsev]. In: M.Yu. Vachtina (ed.), *Skifiya i Bospor: Arkheologicheskie materialy k konferentsii pamyati akademika M.I. Rostovtseva* [Scythia and Bosphorus. Archaeological Materials for the Conference in Memory of Academician M.I. Rostovtsev]. Leningrad, 17–18.
- Vinogradov, Yu.A. 2011: Ob issledovaniyakh I.E. Zabelina na gorodishe Fanagoriya v 1872 g. [On Excavations of I.E. Zabelin at the Site of Phanagoria in 1872]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 14, 39–45.
- Zavoykin, A.A. 2004: *Fanagoriya vo vtoroy polovine V – nachale IV vv. do n.e. (po materialam «Yuzhnogo goroda»)* [Phanagoria in the Second Half of the 5th – Beginning of the 4th Centuries. BC. (Based on the Materials of the «Southern City»)]. Moscow.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2011: Drevneyshee obshestvennoye zdanie v Fanagorii [The earlier public building in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kulturi* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 188–198.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2012: Nekotoriye problemy arkheologicheskoy topografii Fanagorii [Some Problems of the Archaeological Topography of Phanagoria]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemy urbanizatsii* [Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the Antiquity and Middle ages. Problems of Urbanization]. Kerch, 130–146.

THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY
OF PHANAGORIAN SACRAL COMPLEXES

Yulia N. Shorunova

*State Historical Museum-Preserve «Phanagoria», Russia,
julia_orient@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of archaeological studies of Phanagorian sacral complexes – the largest center of the Asian part of the Bosporan Kingdom founded in the 540s BC. The chronological scope of the article covers the gap from the 19th to the early 21st century. From the very beginning Phanagoria was built according to a single plan – there were erected large public buildings, temples, planning of quarters and streets had been laid since the time of the city's foundation. As for many other regions of ancient Greece, the situation with the study of the sanctuaries of Phanagoria is not simple. Now only 1% of the total area of the settlement has been excavated. In the main, only parts of the cult complexes have been discovered and investigated. In connection with the degree of archaeological study of Phanagoria we can classify Phanagorian sanctuaries as sanctuaries of regional significance (Apatur), city sanctuaries (located on the acropolis: the apsidal building from 1979-1980 excavations, object 123, «temple in antis» from 2013 and 2016 excavations located in the city, but not on the acropolis) and the suburban sanctuaries (sanctuary on the Mayskaya mountain), as well as a number of public buildings that probably had cult functions (objects 300, 464, etc.). Nevertheless, even the available data allow us to say that the structure of ritual actions and the organization of the sacral process in Phanagoria looked no different from its organization in the city-states of the Balkan Greece, Asia Minor, and other regions of the Hellenic world.

Key words: Classical archaeology, Northern Black Sea Coast, Bosporan Kingdom, Phanagoreia, history of archaeological study

«БОСПОР КУБАНСКИЙ» – ОСТРОВ – ГЕРМОНАССА (ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА)

А.А. Завойкин

*Институт археологии РАН, Москва,
bospor@inbox.ru*

Аннотация. В последнее десятилетие в изучении древней географии Таманского полуострова были достигнуты значительные успехи. Благодаря им мы имеем возможность по-новому взглянуть на карту Азиатского Боспора и лучше понять свидетельства античных авторов, которые писали об этом регионе. В то же время следует избегать попыток принципиально пересмотреть традиционную локализацию греческих городов, поскольку она основана на комплексном анализе разных источников (литературных, эпиграфических, нумизматических и данных археологии).

Согласно современным представлениям, Таманский полуостров в античное время представлял собой один крупный остров, не разделенный, как считалось до последнего времени, двумя протоками (Шимарданская и Субботин ерик) на три острова. От материка он был отделен рукавами Кубани (Гипаниса-Антикита) и системой лиманов. Участники российско-германского «Таманского проекта» считают, что эта система представляла собой морской пролив («Кубанский Боспор») – аналог и своего рода дублер Киммерийского Боспора, во всяком случае, в первые века от начала греческой колонизации. Однако представляется, что они сильно преувеличивают масштабы и значимость этого водного объекта. А их попытке примирить предлагаемую ими реконструкцию древнего ландшафта с описанием этой местности у Страбона (XI. 2, 9–10) непреодолимо препятствует надежная локализация боспорских городов. Из этого можно сделать вывод, что в описании Страбона в результате неудачной компиляции разных источников была допущена ошибка.

Ключевые слова: Боспор, Таманский полуостров, дельта Кубани, пролив, остров, Синдика, Фанагория, Гермонасса, Апатур

Если долго и тщательно вглядываться в морозный узор на оконном стекле или на причудливые фигуры плывущих по небу облаков, неизбежно почудятся знакомые образы... Кто из исследователей, увлеченный какой-нибудь идеей, не был подвержен подобного рода гипнотическому воздействию объекта наблюдения на воображение хотя бы иногда?

Не удалось избежать этого, на мой взгляд, и интернациональному коллективу авторов, участников Таманского проекта, осуществляемого Таманской экс-

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

педицией ГИМ и Германского археологического института при участии других уважаемых специалистов. Должен сказать, что результаты полевых и исследовательских работ этого коллектива, возглавляемого Д.В. Журавлевым и У. Шлотцауэром, впечатляют и вызывают искреннее уважение. Это ряд действительно важных открытий, в числе которых сами исследователи особое место отводят так называемому «Кубанскому Боспору»¹ – по их мнению, судоходному проливу, своего рода дублеру Боспора Киммерийского. К этому закономерно добавляется вывод об островном характере Таманского п-ова в целом² и фундированное (бурением) обоснование, что остров этот не был расчленен протоками Кубани на несколько небольших островов, как еще сравнительно недавно считали почти все их предшественники³. Эти выводы, изменяющие существовавшие прежде мнения о географическом облике региона, имели следствием попытки привести новые представления в соответствие с данными сравнительно небогатых письменных источников – литературных и эпиграфических. Обсуждению этих вопросов и посвящены настоящие заметки.

Безусловно, выводы коллег не во всем объеме могут быть приняты безоговорочно. Так, остаются вопросы относительно и хронологии этого гидрообъекта, и его глубин в разные периоды (проблема судоходности, пригодности для прохождения морских судов). Очевидно, что такие аргументы, как высокие абразионные берега на месте протоки⁴, – никак не довод в пользу того, что в античное время здесь существовала глубоководная морская акватория. Происхождение этих примечательных геоморфологических признаков никаким образом не датировано. Вполне возможно, что их формирование могло относиться к геологическим эпохам, когда устье Палео-Кубани располагалось далеко к востоку от нынешнего, а Тамань представляла собой архипелаг островов, поднявшихся из моря⁵. Имеются и другие вопросы, требующие ответов. Однако, бесспорно,

¹ В.П. Яйленко (2017, в печати) считает данное название «удачным». И.Е. Суриков, восторженно принявший это историко-географическое открытие «первой величины», предложил именовать пролив «Боспором Синдским» по аналогии с Боспором Киммерийским (Суриков 2013, 172). Сами участники проекта отнеслись к такому варианту условного наименования критически (Журавлев, Шлотцауер 2014, 152–153). Справедливый приговор предложенному И.Е. Суриковым наименованию вынес С.Р. Тохтасьев ([препринт], 5 и прим. 18).

² Не принимая в расчет маленькие островки – Голубицкий и Благовещенский останец.

³ Обзор проблемы см. Гарбузов 2016, 34 слл. Там же см. безоговорочное «упразднение» так наз. Шимарданской протоки, обоснованное на археологических материалах, более понятное историкам и археологам, чем обоснование на данных палеозоологии. К аналогичным заключениям ранее пришли коллеги, работавшие в рамках международного (Россия, Франция) «Таманского регионального археологического проекта», который курировали Ю.В. Горлов и К. Мюллер (см.: Болиховская и др. 2002; Горлов и др. 2002). Им, на мой взгляд, вполне удалось аргументировать, что проток, разделяющих Тамань на несколько островов, в античный период не было и то, что единый Остров был отделен от материка (Синдики) рукавами Кубани (Гипаниса-Антикита) и системой лиманов, которые, по крайней мере в устьевой своей части (вплоть до Семибратенего городища), были морским заливом (Горлов 1996, 60 слл.). Участники российско-германского проекта усилили аргументацию новыми результатами бурения, обнаружив морские отложения в створе «Кубанского Боспора» и оценив его глубины в 1 тыс. до н.э. в пределах 2–4 м (Dan et al. 2016, 115).

⁴ Журавлев, Шлотцауер 2014, 151–152.

⁵ Исчерпывающий обзор проблем развития дельты Кубани, «которая предусматривает заполнение наносами большого палеозалива с постепенным продвижением края дельты с востока на запад», предложен в статье Г.П. Гарбузова, А.В. Порогова и Н.И. Сударева (2017, в печати). В ней же читатель найдет ряд важнейших для нашей темы указаний на специальную литературу, а также матери-

от наблюдений и выводов, полученных коллегами, нельзя просто отмахнуться, поскольку в основе своей они опираются на достоверные факты. Другое дело, каким образом эти факты интерпретированы.

В этих заметках я остановлюсь лишь на некоторых спорных вопросах интерпретационного уровня.

1. Рассуждения авторов идеи о том, что «Боспор Кубанский» был дублером Керченского пролива или даже, что тот и другой могли восприниматься древними как единый пролив, в акватории которого и располагался Остров (Тамань)⁶, не выдерживают критики. Для того чтобы воспринимать эти гидрообъекты подобным образом, нужно посмотреть на них либо на карте⁷, либо из космоса. Поскольку у греков не было возможности сделать ни то, ни другое, вероятно, и нам следует посмотреть на проливы в том же ракурсе, что и они. Всякому непредвзятому наблюдателю, знакомому с местностью *de visu*, очевидно: воображаемый «Кубанский Боспор»⁸, хотя бы с натяжкой, не может идти ни в какое сравнение с настоящим морским проливом, каким является современный Керченский пролив. Учитывая, что ни с какой точки обзора, в том числе с корабля, они не видимы одновременно (слишком большую часть линии горизонта занимал Остров), едва ли допустимо думать, что оба этих водных объекта могли восприниматься как части единого целого. Даже принимая в расчет, что грекам было известно, что тот и другой, начинаясь в Меотиде⁹, заканчиваются в Понте Евксинском.

Вот как описан Остров Пс.-Скимном (Per. 886–895 Müller)¹⁰:

886 ...И Гермонасса, и Фанагория, что,
Как говорят, теосцами основана,
И Синдская есть гавань дальше; жители
В ней – эллины, из ближних мест пришедшие.
890 Все эти города лежат на острове;
Вдоль Меотиды до Боспора тянется
Он; земли там обширные и ровные.
Отчасти топи, речки и разливы, что,
Напротив, остров недоступным делают,
Отчасти ж – море купно с Меотидою.

«Болота», «топи», «речки»¹¹, созданные Меотидой, морем и Кубанью, – так характеризует автор конца 2 в. до н.э. тот участок суши, где должен был распола-

алы и ценные комментарии, касающиеся как гидрологии лиманов в дельте Кубани, так и трезвую оценку их значимости для колонизации региона.

⁶ Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016, 24–25. Этим обстоятельством авторы пытаются объяснить отсутствие упоминания «Кубанского Боспора» в письменных источниках.

⁷ Представления участников Российско-Германского проекта об этапах эволюции дельты Кубани с 5 в. до н.э. до наших дней отражают карты-реконструкции, составленные Д. Кельтербаумом (см. Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016, рис. 1–5).

⁸ Ландшафтную реконструкцию в районе пос. Стрелка 2 см.: Журавлев, Шлотцауер 2014, рис. 3. 1 и 2; Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016, рис. 7. 1, 2.

⁹ Поскольку Меотида – «мать Понта».

¹⁰ Перевод И.Е. Сурикова: 886–889 (публикуется с согласия переводчика), 890–895 (Суриков 2013, 173, сн. 26).

¹¹ В переводе И.И. Бережкова (SC I-1, 90): «остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, рек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), с другой – благодаря

гаться «Кубанский Боспор». Но, может быть, раньше картина была иной? Неизвестно. Позволительно с уверенностью говорить лишь о том, что другого места для «болотистых низин» здесь нет – и к востоку, и к западу от этой местности рельеф довольно резко повышается.

Между тем, тот факт, что и в первые века н.э. Таманский п-ов воспринимался как остров (над этой обособленной административно-территориальной областью властвовал свой «наместник» – ὁ ἐπὶ τῆς νήσου или *нессарх*)¹², говорит, однако, в пользу того, что от Синдики (совр. Анапский р-н) его отделяла вода. Но не более того. Допускаю, что в какое-то время по акватории «Кубанского Боспора» возможно было перемещение на лодках или на небольших судах с малой осадкой (?) для локальных нужд. И все же этот водный путь не может быть сравним с Киммерийским Боспором – основной и единственной артерией, которая связывала Понт и Меотиду¹³.

2. До тех пор, пока исследователи не подозревали, что в античное время никакой «Шимарданской протоки» (рукава Антикита-Гипаниса), отделяющей остров с Фанагорией и Кепами от Гермонассы и нелокализованного на местности Апатура, *не было*, они, опираясь на сведения Страбона о том, что последние два упомянутые пункта располагались «за Гипнисом, в Синдике», локализовали Гермонассу на месте Тамнского городища, а всю область к югу и востоку от предполагаемой протоки даже называли «Синдским островом». Не сильно смущало, что там же, в Синдике, «недалеко от моря» Страбон помещал и Горгиппию (Strabo XI. 2, 10).

Теперь стало очевидным, что такое понимание текста Страбона не соответствует принятой локализации городов. Исходя из современных представлений о древней географии региона, если безоглядно следовать тексту географа, Гермонассу и святилище Афродиты Урании, владычицы Апатура, следует искать уже в Анапском р-не. Так и предлагают авторы рассматриваемых нами исследований. Благо, что неизученных раскопками поселений (в том числе некоторых очень ранних, еще эпохи колонизации) здесь немало¹⁴.

Однако прежде следовало бы наши новые знания привести в соответствие с сообщением самого Страбона о том, что «Вплывшему же в Корокондамитиду представляется как Фанагория, достойный упоминания город, так и Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты; из них Фанагория и Кепы лежат на упомянутом острове¹⁵ – по левую руку втекающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике ...» (пер. С.Р. Тохтасьева)¹⁶. Традиционно считается, что Корокондамитида – это современный Таманский залив. Только вливая в него можно одновременно видеть и Фанагорию, и Кепы, и Гермонассу (*там*, где морю и озеру. Ср. очень примечательное описание Помпония Мелы: «Затем выступает к Босфору между Понтом и Болотом косая и неширокая полоса земли, которой [река] Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает почти вид острова» (Mela. De Chorogr. I. 112; перевод В.В. Латышева, SC II-1, 118).

¹² КБН 40, 697, 982, 1000; Кузнецов 2007, 227–238.

¹³ Также: Тохтасьев [препринт], 6 сл.

¹⁴ Журавлев и др. 2015, 112 сл.

¹⁵ Упомянут в параграфе 9.

¹⁶ Тохтасьев 2012, 232–233. В пер. С.В. Мирошникова (SC I-1, 132): «Вступившему в Корокондамитское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат по левую руку от втекающего [в озеро], а прочие города – по правую, за Гипанисом, в Синдике».

обычно помещают этот древний город). Другое дело, что все попытки определить, откуда следует вливаться в Таманский залив, чтобы слева по курсу видеть Фанагорию и Кепы, а справа – Гермонассу и Апатур оказались тщетными. Дальше остроумных построений дело не пошло: откуда и как не «вплывай», хоть из «Субботина ерика» (которого, как теперь мы знаем, тоже не было в античное время¹⁷), – удовлетворительное объяснение найти не удастся¹⁸. Не следует ли из этого простой и ясный вывод: его просто нет и быть не может. Но на это, кажется, никто не решился, поскольку в этом случае будет «брошена тень сомнений» на самого Страбона.

Участники российско-германского проекта пошли другим путем: если с Таманским заливом ничего не получается, попытаемся решить возникшую проблему через систему лиманов – Кизилташского и Бугазского¹⁹, открывающихся в сторону Понта и ограничивающих Синдику. Логично, если только поместить Гермонассу и Апатур по указанию Страбона справа (не смущаясь тем, что ни один из этих пунктов мы до сих пор не нашли), а Фанагорию и Кепы – слева, где они и будут расположены относительно курса втекающего корабля (если все же это был корабль, а не лодка)²⁰. Одна, но существенная загвоздка. Ни Фанагории, ни Кеп из лиманов не видать, хотя бы с вершины мачты. А ведь очевидно (сомневаться едва ли возможно), что в этом своем описании Страбон опирается на перипл. Какой же смысл упоминать в нем те пункты, которые не могу быть визуальными ориентирами? Логический выход в такой ситуации может быть лишь один – перенести местоположение обоих этих городов на берега Кизилташского лимана²¹. Здесь тоже достаточно неисследованных в должной мере памятников... Но на это, слава Богу, серьезные исследователи не решились.

Увы, подобные спекулятивные манипуляции не только возможны в принципе, но и реальны. Не хочется приводить слишком много примеров, но избежать этого вовсе, по всей видимости, не удастся. Яркий и поучительный случай – работы

¹⁷ Ср. Яйленко, 2017: «...Тамань да Фонтал были в античности островами, между ними и материком шло второе течение пролива, который исследователи российско-германской группы реконструировали и удачно назвали Кубанским Боспором».

¹⁸ Некогда С.Р. Тохтасьев (1986, 140 сл.) предполагал неточность в описании Страбона, но впоследствии изменил свое мнение: «если провести примерно перпендикулярную линию от северного входа в Пролив к южному берегу залива (даже если принимать во внимание косу Чушку, которая в античное время едва ли существовала), то получится как раз то, о чем пишет Страбон: справа от основания этой линии окажется Гермонасса, слева – Фанагория и Кепы. Эта простейшая интерпретация пришла мне в голову при непосредственном наблюдении местности во время пребывания в Тамани летом 2000 г.» (Тохтасьев 2012, 233, прим. 3). Я провел на Тамани много лет, однако для меня это вовсе не очевидно. Ни из какой точки, кроме самой станицы Тамань (Гермонассы), северный вход в пролив наблюдать не может (и, соответственно, наоборот), безотносительно Северной косы – обзор закрыт южной частью Фонталовского п-ова.

¹⁹ С Ахтанизовским лиманом исследователи попытались соотнести залив (κόλπος) Апатур, упомянутый Гекатеем Милетским в описании Азии (ар. St. Byz. s.v.) (Dan et al. 2016, 113). А «пролив» в целом («или его восточную сторону, ограниченную синдскими берегами») – с Σινδικὸν διάσφαιμα Гиппонакта Эфесского (Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 321) (Dan et al. 2016, 113–114; Блаватский 1985, 55–58; Суриков 2013, 171–172; ср. Тохтасьев 2002, 29–31).

²⁰ См. города Азиатского Боспора на «ментальной карте» Страбона (Дан, Герке 2016, 31, рис. 1).

²¹ Ср. комментарий Л.А. Ельницкого к соотв. месту в «Известиях древних писателей о Скифии и Кавказе» В.В. Латышева (ВДИ 1947, № 4, 212, прим. 4): «Гермонасса <...> локализуется предположительно на мысу между лиманами Цукур и Кизил-Таш Таманского полуострова. Апатур <...> локализуется предположительно на мысу Дубовый рынок Темрюкского лимана на Таманском полуострове».

В.Г. Зубарева, который, опираясь на данные письменных источников, прежде всего Птолемея, даже Фанагорию не оставил на месте. Изначально он справедливо думал, что Фанагория – это как раз тот жесткий репер, от которого и следует вести отсчет²². Однако всего год спустя он написал: «Местоположение городища у пос. Гаркуша в большей степени соответствует Фанагории античных авторов, чем у пос. Сенной»²³. На месте Таманского городища он поместил Корокондаму, а Гермонассу локализовал у пос. Сенной, на традиционном месте Фанагории²⁴. И так далее. Эти идеи получили дальнейшее «обоснование» и развитие в книге того же автора. Характерно такое его рассуждение: «Название Фанагория засвидетельствовано надписями (IOSPE, II, ст. 167), однако бесспорных доказательств общепринятой локализации Фанагории близ ст. Сенной нет, так как большинство (sic!) их происходит из окрестностей пос. Приморский к западу от Сенной»²⁵. Не могут быть использованы в этом качестве и надписи, свидетельствующие о переименовании города в Агриппию около 17–12 гг. до н.э. (КБН, 979, 1046), ибо гарантии того, что переименована была именно Фанагория, нет»²⁶.

Трудно догадаться, что в этом случае надо понимать под «гарантиями». Упомянутая В.Г. Зубаревым надпись о фанагорийских наемниках из Приморского для него не аргумент, поскольку в этом месте исследователь помещает Апатур, святилище, в котором фанагорийцы с противоположного берега залива во времена Митридата Евпатора поставили копию декрета. Но вот возможность того, что Агриппией была названа *не* Фанагория (вопреки общепринятому и обоснованному мнению, на мой взгляд, не допускающему разночтений)²⁷, он никак и не пытается обосновать²⁸.

Совсем недавно в этой же области исследований предприняты усилия Н.Ф. Федосеевым²⁹. Стимулом для ревизии традиционных географических представлений в этом случае стали черепичные клейма эллинистического времени с легендой ΑΦΡΟΔΙΤΗΣ, в основной своей массе найденные в «традиционных» Кепках, которые Н.Ф. Федосеев (вслед за А.В. Ковальчук) справедливо отнес к святилищу (храму) этой богини. К этому добавилось само святилище Афродиты³⁰, исследованное Н.И. Сокольским³¹. В нем были найдены граффити с посвящениями³², мраморный постамент с посвятельной надписью времени Спартока, сына Перисада, статуя Афродиты Таманской и др. Также Н.Ф. Федосеев ссылается на мнение Н.И. Сударева, согласно которому уже в раннем некрополе у пос. Песко-

²² Зубарев 1998, 74, 79.

²³ Зубарев 1999, 130.

²⁴ Зубарев 1999, 132–133.

²⁵ Виноградов 1991, 15.

²⁶ Зубарев 2005, 129.

²⁷ Вот мнение о переименовании Пантикапея в Кессарию попытался опровергнуть В.П. Яйленко (2010, 283 сл.). Однако ему не удалось опровергнуть справедливое утверждение А.Н. Зографа (1951, 193) о параллелизме чеканки монеты Пантикапеем и Фанагорией в I в. до н.э. и отсутствии каких-либо аргументов в пользу чеканки Гермонассы.

²⁸ Критику «новой локализации» Фанагории см. Кузнецов 2001, 227–228.

²⁹ Федосеев 2013, 132 слл.

³⁰ С культом которой традиционно связывают и само название города Кепы (Сокольский 1964, 116–117).

³¹ Сокольский 1964.

³² В том числе позднеархаического времени: «при жреце Мольпогоре».

карьер захоронения происходили «не по милетскому» обряду³³. Этого Н.Ф. Федосееву было достаточно для того, чтобы объявить поселение у пос. Пескокарьер Апатуром. Его не смутила легко допустимая вероятность, что святилища Афродиты могли существовать в целом ряде боспорских городов (как, например, в Фанагории – Strabo XI. 2, 10), а также и сам факт существования при этом «святилище» обширного некрополя.

Новая локализация Апатура³⁴ повлекла за собой и новации в размещении на карте иных населенных пунктов. С завидной легкостью «новые Кепы» были локализованы на поселении Тамань 3 («Седьмой километр»), между Фанагорией и Гермонассой (ближе к последней). Любопытно, что, отвергая современную историко-географическую карту Азиатского Боспора, воспроизведенную в статье С.П. Лозового и Е.В. Добровольской³⁵, и принимая в расчет только вариант карты, предложенный Я.М. Паромовым³⁶, – т.е. признавая реальность Шимарданской протоки как действующего рукава Гипаниса, – Н.Ф. Федосеев, кажется, не заметил, что тем самым разделил этой водной артерией Фанагорию и Кепы, тогда как у Страбона ясно сказано, что они располагались на одном острове, в отличие от Гермонассы и Апатура (Strabo XI. 2, 10).

По всей видимости, исследователь не сильно озаботился и вопросом хронологии памятника (Тамань 3), ограничившись ссылками на материалы разведок В.Д. Блаватского и Я.М. Паромова (датирует широко: от 6 в. до н.э. до 3 в. н.э., не считая средневековых материалов). Между тем, как имеются веские основания считать, что это поселение не пережило эпоху Митридата VI³⁷. Без пояснений остается и вопрос, почему Плиний (NH. VI. 18) назвал Апатур «ныне почти опустелым»? Ведь жизнь на поселении у пос. Пескокарьер вовсю продолжалось. В 1 в. н.э.³⁸ здесь функционировали керамические мастерские, винодельни и даже были построены термы³⁹...

Позволю себе в этой связи небольшое, но принципиальное, на мой взгляд, отступление от основной темы. Сомнения в науке необходимы и закономерны, в особенности, когда их стимулируют новые факты. Но при этом следует принимать в расчет весь объем фактического материала и уже полученных знаний. Когда мы вновь рассуждаем о местоположении боспорских городов (в данном случае, расположенных на азиатском берегу Боспора), нужно учитывать весь комплекс источников: и свидетельства письменной литературной традиции (в основном это данные географических руководств практического свойства), и эпиграфические документы (принимая в расчет не только надписи, содержащие прямые указания на наименование гражданской общины, наличие полисных органов или магистратур, но и учитывая просто их количественные показатели), и нумизматические

³³ См. Сорокина, Сударев 2000, 199–200.

³⁴ На ее обоснование, если не считать скупых строк историографического обзора проблемы локализации Апатура, ушло не более трех небольших абзацев.

³⁵ Лозовой, Добровольская 2010. По какой-то загадочной причине Н.Ф. Федосеев даже не упоминает исследований, обосновывающих эту карту.

³⁶ Паромов 1992. Эта карта опирается на представления Ф. Дюбуа де Монпере.

³⁷ Об этом, например, см. Гарбузов, Завойкин 2015, 125, прим. 60.

³⁸ Видимо, после разрушений времени войны сыновей Аспурга при участии римлян (см. Кузнецов 1992, 29–30).

³⁹ Николаева 1975, 77–81.

материалы (тоже как с содержательной, так и с количественной стороны характеризующие памятник), и наконец, археологические реалии (поселения, некрополи, памятники сельской округи, дороги и др.).

Накопленный объем конкретных знаний огромен. На протяжении многих десятилетий происходила аккумуляция сведений об археологических памятниках, их месторасположении, находках, полученных случайно или в результате планомерных раскопок и разведок. Убежден в том, что усилиями поколений исследователей на протяжении длительного времени была получена столь подробная «Археологическая карта» региона, что трудно рассчитывать на то, что когда-либо в будущем удастся отыскать новый памятник «городского ранга». Особо подчеркиваю это определение. Речь о таких именно поселениях, на которых весьма длительное время (веками) на ограниченной городскими стенами площади компактно проживали более или менее значительные коллективы людей. Здесь не так важна площадь, занятая поселением, как характер и мощность сформировавшегося культурного слоя⁴⁰. Поэтому, глядя на реальную археологическую карту, на которую нанесены многочисленные контуры древних поселений, не стоит думать, будто за некоторыми из них скрывается какой-либо боспорский город⁴¹, имеющий многовековую историю и известный нам по письменным источникам⁴². Весьма маловероятно, чтобы такой памятник остался незамеченным не только профессиональными археологами, но вездесущими «черными копателями».

Примечательно, что при разнообразии мнений о местоположении упомянутых в источниках боспорских городов постепенно было выработано некоторое «общее мнение» о том, где располагалась Фанагория⁴³, а где Гермонасса... Это некое эмпирическое обобщение всего объема знаний о памятниках. Из этой системы крайне рискованно, произвольно выдергивая отдельные ее элементы, на основе их ревизии предлагать выводы, которые в корне меняют устоявшиеся представления.

⁴⁰ Об этом см. Завойкин 2011.

⁴¹ По такому пути, например, пошла Е.М. Алексеева (вслед за М.И. Ростовцевым, 1925, 293), когда, основываясь на данных Страбона (XI. 2, 14), рассуждала о местоположении Синдской Гавани в 180 стадиях от Корокондамы и пыталась решить вопрос о локальном соотношении этого города и Горгиппии (Алексеева 1991, 4–5).

⁴² Ранее я допускал вероятность того, что от нашего внимания могут ускользнуть памятники, оставшиеся от поселений «городского» статуса, которые могли возникнуть как самостоятельные апойкии в период колонизации региона, но (по тем или иным причинам) не состоялись как города, жизнь на них замерла или продолжилась в ином качестве, не как городского центра полиса. Их названия не попали в относительно поздние письменные источники, упоминающие боспорские центры. Примеры такого рода «неудачных» колоний имеются (см. Завойкин 2009, 185–186). Затем, в упомянутой выше работе 2011 г. (прим. 39), проанализировав характеристики культурных отложений (непохожие на городские слои, например, Фанагории и Гермонассы) поселений, претендующих на статус апойкий (Голубицкая 2, Ахтанизовская 4 и др.), я усомнился в этом. И лишь спустя еще четыре года, приняв в расчет воздействие на маломощные слои прочувствованных процессов, вернулся к первоначальному тезису (Завойкин 2015).

⁴³ Вспоминаются к случаю слова К.К. Гёрца, который вслед за Дюбуа де Монпере написал, что достаточно посмотреть на цепочки курганов, расходящиеся во все стороны от городища у станции Сенная, чтобы уяснить себе, что именно здесь располагалась столица азиатских боспорцев (Гёрц 1898, 89–90).

Спору нет, наши знания о Боспоре, несмотря на многие усилия, не безграничны и во многом поверхностны. Всякие сюрпризы возможны⁴⁴. Однако строить умозаключения лишь на основе произвольных допущений («а вдруг мы отыщем настоящее месторасположение Гермонассы»?) – путь тупиковый.

3. Следуя логике наших коллег-оппонентов, мы прошли шаг за шагом почти по всем возможным путям толкования текста Страбона, допуская и то, что локализация Корокондамитиды неверна⁴⁵ и то, что Гермонасса расположена совсем не там, где принято ее помещать. Одной только возможности объяснить возникшее противоречие между современными представлениями о древней географии региона и сведениями Страбона мы всячески избегали – усомниться в точности описаний древнего автора. И это понятно, когда столь мало в нашем распоряжении связного исторического или географического текста о Боспоре. Однако сделать этот шаг все-таки придется, поскольку противоречие это реальное, а не мнимое.

Критически оценив исследования участников «Таманского проекта», С.Р. Тохтасьев показал, что некоторые их выводы противоречат сведениям письменных источников⁴⁶. Так, соотнеся данные Пс.-Скимна (890 sqq. Diller) с заключением исследователей о существовании пролива («Кубанского Боспора») вплоть до позднеантичного времени, он написал, что это сопоставление «подорывает доверие к результатам естественнонаучных работ, на которых они основываются, в данном случае к их радиоуглеродным датам» (отметив, справедливости ради, что авторы рассматриваемой им статьи⁴⁷ тут же говорят о судоходности пролива только до 4 в. до н.э.)⁴⁸. По вопросу же о Тамани как острове С.Р. Тохтасьев рассуждает примерно так же, как Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер и др. их соавторы, но с существенной оговоркой. Он считает несомненным фактом, что Остров этот был разделен рукавом Антикита на две части (острова), на одной располагались Фанагория и Кепы, на другой – Гермонасса и Апатур, как об этом пишет Страбон.

Но дело именно в том, что теперь с уверенностью следует говорить о том, что «Шимарданской протоки», разделяющей эти города, не существовало. Это несомненный факт⁴⁹. Из этого и нужно исходить.

⁴⁴ Так, многолетние и широкомасштабные (более десятка га!) раскопки на поселении и недавние открытия на некрополе Волна 1 ставят перед исследователями такие вопросы, на которые пока ответить затруднительно или даже невозможно.

⁴⁵ Упустили, пожалуй, только попытку исследователей, локализующих Корокондамитиду на месте совр. Кизилташского и Витязевского лиманов, доказать, что Таманский залив к востоку от Маркитантской банки представлял собой изолированный от моря водоем лагунно-лиманного типа. Иначе говоря, Фанагория, Кепы и Патрей в середине I тыс. до н.э. были изолированы от морских путей (Горлов и др. 2002, 250, 252–253).

⁴⁶ Ср. Дан, Герке 2016, 29: «...Новые результаты геолого-археологических исследований инициируют желание заново обратиться к античным письменным источникам по данному региону, прежде всего к произведениям Страбона и Клавдия Птолемея».

⁴⁷ Журавлев, Шлотцауер 2011, 256. Ср. Журавлев, Шлотцауер 2014, 182: «Радиоуглеродные даты показывают, что в районе поселения Голубицкая 2 пролив перестает быть судоходным к рубежу нашей эры или немного раньше».

⁴⁸ «Думаю, Д. В. Журавлев и У. Шлотцауер излишне доверчиво положились на предложенные естествоиспытателями интерпретации результатов бурения в разных местах Таманского полуострова, включая абсолютные датировки кернов по С14» (Тохтасьев [препринт] 5, 7).

⁴⁹ Если у кого-то остаются еще сомнения относительно естественнонаучных определений, еще раз сошлюсь на бесспорные выводы Г.П. Гарбузова, см. прим. 3.

В другой своей работе⁵⁰ С.Р. Тохтасьев отмечал, что «не стоит требовать от неприглаженного в отношении стиля Страбона (который к тому же никогда не бывал в Горгииппии [добавлю: и на Боспоре вообще. – А.З.]⁵¹) особой тщательности выражений... Неполадки могли возникнуть, как обычно, еще в ходе обработки Страбоном источников... В XI, 2 Страбон контаминирует два основных источника географического характера, один из которых – перипл Артемидора (он переписал оттуда львиную долю материала §§3–10); в другом источнике (Гипсикрат из Амиаса?), который содержал исторические экскурсы, то и дело отвлекавшие Страбона от описания побережья, Горгииппия служит одним из ориентиров для локализации аспургиян... Наложение источников друг на друга редко проходило у Страбона гладко, и вот к обычным издержкам компиляторства прибавляется, во-первых, двойной старт плавания от выхода из Боспора вдоль Кавказского побережья, с неизбежным появлением неотожествленных им городов-двойников Горгииппии и Синдской Гавани, а во-вторых, рукописный облик интересующей нас фразы о Горгииппии»⁵².

Прошу прощения за длинную цитату. Она понадобилась для того, чтобы отразить в ней мнение авторитетного специалиста о методах и стиле работы Страбона с его источниками. Пусть в данном случае речь шла больше о местоположении Синдской Гавани и Горгииппии, «царской столице синдов»⁵³, и Абораке. С учетом выявленного раньше противоречия мы в праве с теми же критериями подойти и к интересующей нас части текста §§9–10. Вот она в переводе С.Р. Тохтасьева:

Выше (деревни) Корокондамы лежит обширное *озеро* (лиман [λίμνη]⁵⁴), которое называют по ее (деревни) имени Корокондамским, а в 10 стадиях от деревни оно изливается в море [θάλατταν]; в *озеро* [λίμνη] же впадает некий рукав (ἀπορρώξ τις) реки Антикита и образует подобие *острова* (νῆσον... τινα), омываемого этим *озером* [τῇ λίμνῃ], Меотидой и рекой⁵⁵. <Некоторые и эту реку называют Гипанисом, подобно (реке) соседней с Борисфеном⁵⁶.> [10] Вплывшему же в Корокондамитиду представляется как Фанагория, достойный упоминания город, так и Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты; из них Фанагория и Кепы лежат на *упомянутом острове* по левую руку втекающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике. В Синдике находится также Горгииппия, царская резиденция синдов, поблизости от моря, и Аборака.

Этот пассаж перекликается с цитированными выше текстами Пс.-Скимна и Мелы, описывающими Остров (см. табл. 1), но в то же время от них отличается.

⁵⁰ Первое ее издание: Тохтасьев 2002, 11 слл.

⁵¹ См. Дан, Герке 2016: «...античные авторы, ни разу не бывавшие на Боспоре, пишут об островах в этом регионе. К сожалению, сведения этих греческих и латинских источников плохо согласуются между собой, и подчас их затруднительно истолковать».

⁵² Тохтасьев 2012, 238–239.

⁵³ Анализ приводит исследователя к выводу, что «слова о Горгииппии как “царской резиденции синдов” написал сам Страбон» (Тохтасьев 2012, 240).

⁵⁴ λίμνη – стоячая вода, болото, водоем, лиман; озеро; пруд; море; морской залив.

⁵⁵ Прим. переводчика: «Предполагается, что читатель вспомнит, что другим [? – А.З.] своим рукавом Антикит впадает в Меотиду близ лежащей на ее побережье Тирамбы (§ 4)».

⁵⁶ Дополняю переводом С.В. Мирошникова (SC I-1, 132).

Таблица 1.

	<i>Ps.-Scymnus</i>	<i>Mela</i>	<i>Strabo</i>
Кол-во островов	1	1	1
Вид острова	Большое пространство ровной земли	Косая неширокая полоса земли, имеющая <i>почти</i> вид острова (раene insulam ⁵⁷)	<i>Подобие</i> острова (ὡς... τινος)
Остров образован	С одной стороны – болотами, <i>речками</i> , топиями, с другой – <i>морем</i> и <i>озером</i>	Двумя руслами <i>реки</i> ⁵⁸ (Короканды), впадающими в <i>озеро</i> и <i>море</i>	<i>Меотидой, озером</i> (Корокондамитидой, изливающейся в море), <i>рекой</i> (Антикит-Гипанис), впадающей в озеро
Города на острове	Гермонасса, Фанагория, Синдская Гавань [и Киммериды, при самом выходе из устья]	Гермонасса, Кепы, Фанагория, Киммерий (у самого устья ⁵⁹)	Фанагория, Кепы [Гермонасса, Апатур, Синдская Гавань – в Синдике, за Гипанисом, как и Горгиппия] ⁶⁰

Итак, согласно Пс.-Скимну и Меле, остров образуют: *река* (два русла Кубани: одно впадает в озеро, другое в море), *море* (Понт) и *озеро* (одно, очевидно, что речь о Меотиде, Азовском море). Страбону тоже известны два рукава Антикита-Гипаниса: один впадает в Меотиду [«озеро»], другой – в *озеро* (Корокондамитиду). Если у него под «озером» понимается Таманский залив, получается, что черноморский рукав Кубани не был известен географу. Поверить в такую неосведомленность сложно: у предшественников и несколько более позднего автора об этом сказано недвусмысленно.

Теперь, когда мы с убеждением отрицаем существование «Шимарданской протоки», пожалуй, уже нельзя усомниться в том, что, говоря о *двух* протоках Антикита, Страбон опирался на сведения о черноморском и азовском гирлах реки (иных просто не существовало), однако так уж у него вышло, что оба они оказались направленными в «*озера*» (Меотийское и Корокондамское).

Не берусь судить, каким образом возникла путаница с озерами и рукавами Антикита. Похоже, Страбон, компилируя разные источники, не очень отчетливо представлял себе местность и потому, в частности, может быть, не счел необхо-

⁵⁷ Raene insula = raeninsula – полуостров. Ср. Plin. NH. VI. 18: полуостров Эон (длиной не более 67500 шаг, шириной не менее 2 югеров), на нем «При входе в Боспор лежат города: во-первых, Гермонасса, затем милетская колония Кепы, далее Стратоклея и Фанагория, почти опустелый Апатур и в самом конце пролива Киммерий».

⁵⁸ О бифуркации Кубани известно также автору 1 в. до н.э. Александру Полиистору (FGrHist. 273. F 139): «Гипанис, разделяясь на два [рукава], одну часть [вод] изливают в Меотийское озеро, другую же в Понт» (пер. С.Р. Тохтасева).

⁵⁹ § 113: «Этим устьем вступают в широко и далеко разлившееся озеро...» (т.е. Меотиду).

⁶⁰ Киммерийское селение (которое прежде было городом [ср. Plin. NH. IV. 87: Cimmerium находится в 87500 шаг. от Пантикапея, «на другой стороне пролива»]) Страбон размещает на меотийском побережье, в 120 стадиях от Антикита (т.е. азовского гирла Кубани) и Тирамбы; от него – 20 стадиев до Ахиллова селения со святилищем, в самом узком месте устья Меотиды, на противоположном от него берегу – Мирмекий и Парфений (Strabo XI. 2, 4–6). Не очевидно, по какой причине Страбон не упоминает эти пункты в числе поселений на острове.

димым отметить, что Ахиллий и Киммерийское селение располагаются на том же острове, что Фанагория и Кепы⁶¹.

По какой-то причине никто из сторонников «Таманской полинезии», опирающихся в том числе на текст Страбона⁶², не обратил особого внимания на тот факт, что у того упоминается один единственный остров⁶³. Производный от интерпретации этого текста на местности «остров Синдика» (с Апатуром и Гермонассой)⁶⁴ возникает вследствие того, что исследователями признается реальность и шимарданского (не существовавшего), и черноморского («неизвестного» Страбону) русел.

С локализацией «озера» Меотиды каких-либо проблем не возникает, но с «озером» Корокондамитидой, как мы видели, дело обстоит иначе. Если целиком довериться Страбону, придется отказаться от принятой локализации Гермонассы, к чему нас и призывают некоторые исследователи, перенося этот город, согласно указанию древнего географа, за Гипанис – в Синдику⁶⁵. Если же исходить из утвердившихся археологических и палеогеографических реалий, придется признать, что текст Страбона вводит нас в заблуждение. И никакими средствами эти разные источники примирить невозможно.

Очевидно лишь то, что имеющиеся представления современной науки о Таманском полуострове имеют одно очень существенное преимущество перед взглядом на этот предмет древнего автора, никогда не бывавшего на Боспоре: они опираются на реальную возможность непосредственно наблюдать эту местность, изучать памятники, располагающиеся на ней, и пытаться понять их историю.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1991: *Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа*. М.
 Блаватский, В.Д.: 1985. *Античная археология и история*. М.
 Болиховская, Н.С., Горлов, Ю.В., Кайтамба, М.Д., Мюллер, К., Поротов, А.В., Парунин, О.Б., Фуаш, Э. 2002: Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет. *ПИФК XII*, 257–271.
 Виноградов, Ю.Г. 1991: Фанагорийские наемники. *ВДИ* 4, 14–33.

⁶¹ И у Пс.-Скимна (в отличие от прямого указания у Мелы) не сказано, что Киммерида, расположенная у самого устья пролива, тоже находится на острове. Если раньше, допуская реальность Субботина ерика, мы могли это объяснять тем, что Ахиллий и Киммерида находились на другом острове (Фонталовский п-ов – так называемый «Киммерийский остров»), то теперь это объяснение не может нас удовлетворить.

⁶² Пожалуй, только И.Е. Суриков акцентировал на этом факте внимание (Суриков 2013, 173, сн. 26), но он сторонник иной точки зрения на число островов.

⁶³ См. Горлов 1996, 64; ср. Яйленко 2017 (в печати): «Античным авторам известны “остров Фанагора” и “остров Гермонасса”, наиболее раннее известие у Гекатея (apud St. Byz., s. nn. Ταυρικὴ Ἐρμόνασσα): “Город Фанагория, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: “остров Фанагора и Фанагория”; Гермонасса маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония”». На мой взгляд, цитированный текст Стефана не позволят отнести сведения о Гермонассе как «маленьком острове» на счет Гекатея. Очевидно, это текст самого Стефана.

⁶⁴ У Аммиана Марцеллина два острова «по правую сторону» от пролива: Фанагор и Гермонасса (XXII. 8, 29–30). У Дионисия (Рег. 549–553) оба города на одном обширном острове внутри Меотийского озера «на правой стороне» – «Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса». А. Дан и Г.-Й. Герке полагают, что «Древнеримский историк, вероятно, владел точной информацией о водных пространствах, отделяющих Гермонассу от острова Фанагории и от материка [? – А.З.], но никак не аргументируют свое мнение. Трудно согласиться с их объяснением этого текста неточным пониманием сведений Дионисия (см. Дан, Герке 2016, 33–34).

⁶⁵ Как это, например, попытались сделать А. Дан и Г.-Й. Герке (2016, 30 слл., рис. 1).

- Гарбузов, Г.П. 2016: «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* / (Фанагория. Т. 4). М., 34–45.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А., Строкин, В.Л., Сударев, Н.И. 2011: Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. *ДБ* 15, 90–172.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2015: Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов. *ДБ* 19, 94–134.
- Гарбузов, Г.П., Поротов, А.В., Сударев, Н.И. 2017: К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани. *ДБ* 21 (в печати).
- Гёргц, К.К. 1898: *Археологическая карта Таманского полуострова*. Изд. 2-е: К.К. Гёргц. Собр. соч. Вып. 1. СПб, IV+163 с. + Карты 1–4.
- Горлов, Ю.В. 1996: Палеогеография Азиатского Боспора. В сб.: *Сборник 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. II. Тамань археологическая*. Темрюк, 60–74.
- Горлов, Ю.В., Поротов, А.В., Янина, Т.А., Фуаш, Э., Мюллер, К. 2002: К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации. *ПИФК* XII, 248–257.
- Дан, А., Герке, Г.-Й. 2016: Азиатское побережье Боспора Киммерийского: письменные источники. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой*. М., 28–34.
- Журавлев, Д. В., Шлотцауер, У. 2011: Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова. *Scripta antiqua* I, 252–293.
- Журавлев, Д.В., Шлотцауер, У. 2014: Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006—2013 гг. В сб.: Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина (ред.), *Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников* (Труды ГИМ. 201). М., 150–186.
- Журавлев, Д.В., Дан, А., Герке, Х.-Й., Кельтербаум, Д., Шлотцауер, У. 2015: Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум* (XVI Боспорские чтения). Керчь, 107–115.
- Завойкин, А.А. 2009: О «больших» и «малых» боспорских городах. *ДБ* 13, 176–205.
- Завойкин, А.А. 2011: О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н.э. В сб.: Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.), *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований* (Методика полевых археологических исследований. 4). М.–Киев, 18–39.
- Завойкин, А.А. 2015: Природный фактор и физический облик сельских поселений Азиатского Боспора. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум* (XVI Боспорские чтения). Керчь, 121–129.
- Зубарев, В.Г. 1999: Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции. *ДБ* 2, 123–146.
- Кельтербаум, Д., Журавлев, Д.В., Шлотцауер, У. 2016: Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова. В сб.: Д. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой*. М., 21–27.
- Кузнецов, В.Д. 1992: Раскопки в Кехах 1994–1998 гг. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 28–44.
- Кузнецов, В.Д. 2001: Метрополия Фанагории. *ДБ* 4, 227–237.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Лозовой, С.П., Добровольская, Е.В. 2010: Природные условия. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 133–145.

- Николаева, Э.Я. 1975: Раскопки терм в Кечах. *КСИА* 143, 77–81.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. М. – ИНИОН РАН. Депон. № 47103 от 1.10.1992.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор*. Петроград.
- Сокольский, Н.И. 1964: Святилище Афродиты в Кечах. *СА* 4, 101–118.
- Сорокина, Н.П., Сударев, Н.И. 2000: Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. *Stratum plus* 3. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 193–204.
- Сурков, И.Е. 2013: Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском. *ВДИ* 1, 167–175.
- Тохтасьев, С.Р. 1986: Апатур. История боспорского святилища Афродиты Апатурос. *ВДИ* 2, 138–145.
- Тохтасьев, С.Р. 2002: ΣΙΝΔΙΚΑ. *Таманская старина* 4. СПб, 11–32.
- Тохтасьев, С.Р. 2012: *Этническая и демографическая история античного Северного Причерноморья (по данным эпиграфики и ономастики)*. СПб.
- Тохтасьев, С.Р. [Препринт]: *Еще раз о географии Таманского полуострова в древности*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academia.edu/11062369>
- Федосеев, Н.Ф. 2013: К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи. *ПИФК* 4, 132–140.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора. VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея. *ДБ* 21 (в печати).
- Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2016: Foundation Patterns on Two Bosphorus: Some Preliminary Thoughts on How and Why the Greeks Settled on Asiatic Shores of the Black Sea Straits. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола. 7–8 июня 2016 г.* М., 109–120.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1991: *Grecheskaya kolonizatsiya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Greek colonization of the Northwest Caucasus]. Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1985: *Antichnaya arkheologiya i istoriya* [Ancient Archaeology and history]. Moscow.
- Bolihovskaya, N.S., Gorlov, Yu.V., Kaytamba, M.G., Müller, K., Porotov, A.V., Parunin, O.B., Fuash, E. 2002: Izmeneniya landshaftno-klimaticheskikh usloviy Tamanskogo poluostrova na protyazhenii poslednikh 6000 let [Changes of landscape and climatic conditions in Taman Peninsula for the last 6000 years]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XII, 257–271.
- Dan, A., Gehrke, H.-J. 2016: Aziatskoye poberezh'ye Bospora Kimmeriyskogo: pis'mennyye istochniki [The Asian coast of Cimmerian Bosphorus: written sources]. In: D.V. Zhuravlyev, U. Schlotzhauer (eds.), *Drevniye elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy* [Ancient Greeks between Pontos Euxeinos and Maiotis]. Moscow, 28–34.
- Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2016: Foundation Patterns on Two Bosphorus: Some Preliminary Thoughts on How and Why the Greeks Settled on Asiatic Shores of the Black Sea Straits. In: D.V. Zhuravlyev, U. Schlotzhauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola. 7–8 iyunya 2016* [Asian Bosphorus and Kuban region in Pre-Roman time. The Materials of the international round-table. 7–8 June 2016]. Moscow, 109–120.

- Fedoseev, N.F. 2013: K voprisu o lokalizatsii Apatura, Kep i Stratoklei [To a question of localization Apaturos, Cepoi and Stratocleia]. *Problemy istorii, philologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 132–140.
- Garbuzov, G.P. 2016: “Strabonov” rukav Kubani i khora Fanagorii [Strabo’s channel of Kuban’ river and Phanagorian chora]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* (Fanagorya 4) [The Materials to Archaeology and history of Phanagoria (Phanagoria 4)] 2. Moscow, 34–45.
- Garbuzov, G.P., Porotov, A.V., Sudarev, N.I. 2017: K obsuzhdeniyu rezul’tatov paleogeograficheskikh issledovaniy v delte Kunani [To discussion of results on the paleogeographical researches in the Kuban’ delta]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 21 (in print).
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2015: Sel’skaya territoriya Tamanskogo poluostrova posle Spartokodov [The rural territory of Taman Peninsula after Spartokides]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 19, 94–134.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A., Stokin, V.L., Sudarev, N.I. 2011: Osvoyenie grekami Tamanskogo poluostrova v VI–V vv. do n.e. [A Greek development of Taman Peninsula in VI–V c. BC]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 15, 90–172.
- Gorlov, Yu.V. 1996: Paleogeografiya Aziatskogo Bospora [Paleogeography of Asian Bosporos]. In: *Sbornik 20 let muzeyu M.Yu. Lermontova v Tamani. II. Taman’ arkheologicheskaya* [The collection to 20 years of M.Yu. Lermontov’s museum in Taman. II. The archaeological Taman]. Temryuk, 60–74.
- Gorlov, Yu.V., Porotov, A.V., Yanina, T.A., Fuash, E., Müller, K. 2002: K voprosu ob istoriko-geograficheskoy situatsii na Tamanskom poluostrove v period grecheskoy kolonizatsii [To a question of a historical and geographical situation on Taman Peninsula during the Greek colonization]. *Problemy istorii, philologii, kul’tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XII, 248–257.
- Gyerts, K.K. 1898: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological map of Taman Peninsula]. Izd. 2-e: K.K. Gyerts. *Sobr. soch. T. 1* [Ed. 2-nd: K.K. Goerts. Collected works. Vol. 1]. Saint-Petersburg, IV+163 p. + maps 1–4.
- Kelterbaum, D., Zhuravlyev, D.V., Schlotzhauer, U. 2016: Issledovaniya v oblasti paleogeografii Tamanskogo poluostrova [Researches in the field of paleogeography of Taman Peninsula]. In: D.V. Zhuravlyev, U. Schlotzhauer (eds.), *Drevniye elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy* [Ancient Greeks between Pontos Euxeinus and Maiotis]. Moscow, 21–27.
- Kuznetsov, V.D. 1992: Raskopki v Kepakh v 1994–1998 gg. [Excavations in Cepoi, 1994–1998]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [Essays on Archaeology and history of Bosporus]. Moscow, 28–44.
- Kuznetsov, V.D. 2001: Metropoliya Fanagorii [Mother-city of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 4, 227–237.
- Kuznetsov, V.D. 2007: Novye nadpisi iz Fanagorii [New inscriptions from Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 227–243.
- Lozovoy, S.P., Dobrovol’skaya, E.V. 2010: Prirodnye usloviya [Natural environment]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban]. Vol. I. Moscow, 133–145.
- Nikolaeva, E.Ya. 1975: Raskopki term v Kepakh [Excavations of thermae in Capoi], *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the institute of archaeology] 143, 77–81.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [The archaeological map of Taman Peninsula]. Moscow. – INION RAN. Depon. № 47103 ot 1.10.1992 [Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Depon. № 47103. 1.10.1992].
- Rostovtsev, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor* [Scythia and Bosporus]. Petrograd.

- Sokol'skiy, N.I. 1964: Svyatilishche Afrodity v Kepakh [Aphrodite's sanctuary in Kepoi]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 4, 101–118.
- Sorokina, N.P., Sudarev, N.I. 2000: Detskie pogrebeniya Severnogo Prichernomor'ya VI–III vv. do n.e. [Children's burials of Northern Black Sea Coast in the VI–III centuries BC]. *Stratum plus* 3. Saint-Petersburg–Kishinev–Odessa–București, 193–204.
- Surikov, I.E. 2013: Nekotorye soobrazheniya ob ischeznuvshem prolive Bospore Sindskom [Some reasons about the disappeared strait, Sindian Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 167–175.
- Tokhtasyev, S.R. [pre-print]: *Eshche raz o geografii Tamanskogo poluostrova v drevnosti* [Once again about geography of Taman Peninsula in the ancient time], <http://www.academia.edu/11062369>
- Tokhtasyev, S.R. 1986: Apatur. Istoriya bosporskogo svyatilishchya Afrodity Apaturus [Apaturus. A history of the bosporan sanctuary of Aphrodite Apaturus.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 138–145.
- Tokhtasyev, S.R. 2002: ΣΙΝΔΙΚΑ. *Tamanskaya starina* [Taman's Antiquities] 4. Saint-Petersburg, 11–32.
- Tokhtasyev, S.R. 2012: *Etnicheskaya i demograficheskaya istoriya antichnogo Severnogo Prichernomor'ya (po dannym epigrafiki i onomastiki)* [Ethnic and demographic history of ancient Northern Black Sea Coast (according to epigraphic and onomastic sources)]. Saint-Petersburg.
- Vinogradov, Yu.G. 1991: Fanaroriyskiye nayemniki [The Phanarorian mercenaries]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 14–33.
- Yalenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy bosporskiy reikh. Istoriya i epigrafika Bospora* [Thousand-year Bosporan Kingdom. History and epigraphic of Bosphorus]. Moscow.
- Yalenko, V.P. 2017: Istochnikovedcheskiy analiz antichnykh izvestiy ob osnovanii Fanagorii i Germonassy, ob Arkheanaktidakh, “sindskoy diasfagme”, khersonesskom saster; eshche raz o legendakh monet Feodosii i Nimfeya [A Source analysis of ancient evidences of foundation of Phanagoria and Hermonassa, about the Archaeanaktidae, a «Sindian diasphagma», Chersonesian saster; once again on the coin legends of Theodosia and Nymphaion]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 21 (in press).
- Zavoykin, A.A. 2009: O “bol'shikh” i “malykh” bosporskiykh gorodakh [About “big” and “small” bosporan cities]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 13, 176–205.
- Zavoykin, A.A. 2011: O kul'turnom sloe poseleniy Tamanskogo poluostrova VI–V vv. do. n.e. [About layers in the settlements of Taman Peninsula in VI–V c. BC] In: N.A. Gavriluk, A.A. Maslennikov, A.A. Zavoykin (eds.), *Grecheskie i varvarskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya. Opyt metodiki rossiyskikh i ukrainskikh polevykh issledovaniy* (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy [Greek and barbarous monuments on Northern Black Sea Coast. Methodological experience of the Russian and Ukrainian in field researches (Methodology in field of archaeological researches. 4)]. Moscow–Kiev, 18–39.
- Zavoykin, A.A. 2015: Prirodnyy factor i fizicheskiy oblik sel'skikh poseleniy Aziatskogo Bospora [Natural factor and physical image of the rural settlements in Asian Bosphorus]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [The Cimmerian Bosphorus and the barbarous world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society (XVIth Bosporan readings)]. Kerch, 121–129.
- Zhuravlyev, D.V., Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U. 2015: Novye dannye o geografii Tamanskogo poluostrova v antichnoe vremya [New data about the geography of Taman Peninsula in ancient time] In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [The Cimmerian Bosphorus and the

- barbarous world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society (XVIth Bosporan readings)*. Kerch, 107–115.
- Zhuravlyev, D.V., Schlotzhauer, U. 2011: Grecheskaya kolonizatsiya vostochnoy chasti Tamanskogo poluostrova [Greek colonization in east part of Taman Peninsula]. *Scripta antiqua* I. Moscow, 252–293.
- Zhuravlyev, D.V., Schlotzhauer, U. 2014: Nekotorye itogi rabot Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na Tamanskom poluostrove. 2006–2013 [Some results of works of the Bosporan archaeological expedition on Taman Peninsula. 2006–2013]. In: D.V. Zhuravlyev, N.I. Shishlina (eds.), *Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu ot dela arkheologicheskikh pamyatnikov (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. 2013)* [State Historical Museum and domestic Archaeology. To 100 anniversary of department of archaeological monuments (Proceedings of the State Historical Museum. 2013)]. Moscow, 150–186.
- Zubarev, V.G. 1999: Aziatskiy Bospor (Tamanskiy poluostrov) po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii [Asian Bosporus (Taman Peninsula) according to ancient literature tradition]. *Drevnosti Bospora [Bosporan Antiquities]* 2, 123–146.

“KUBAN BOSPORUS” – THE ISLAND OF HERMONASSA (NOTES ON THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE TAMAN PENINSULA)

Aleksey A. Zavoykin

Institute Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,
bospor@inbox.ru

Abstract. The considerable success was achieved in studying of the ancient geography of the Taman Peninsula. During the last decade, we have an opportunity to take a new look at the map of the Asian Bosporus, and to understand better the testimony of ancient authors who wrote about the region. At the same time, it is necessary to avoid attempts to reconsider the traditional localization of Greek cities because it is based on the complex analysis of different sources (literary, epigraphic, numismatic and archeological data). According to some modern concepts, in the ancient time, the Taman Peninsula was a large island and it was not divided with two channels (Shimardanskaya and Subbotin Erik) on three islands as it has been considered until recently. The island was separated from the mainland by the channels of the Kuban River (Hypanis-Antikites) and the system of estuaries. The participants of the Russian-German “The Taman project” believe that the water system represented a big sea strait (“the Kuban Bosporus”), which was an analog and a double of the Cimmerian Bosporus at least in the first centuries from the beginning of the Greek colonization. However they seem greatly exaggerate scale and significance of the water body. Reliable localization of the Bosporan cities creates barriers for their attempt to reconcile the reconstruction of ancient landscape offered by them with Strabo’s description of the area (Strabo. XI. 2, 9–10). Therefore, it draws a conclusion that in Strabo’s description because of unsuccessful compilation of different sources the mistake was made.

Key words: The Bosporus, the Taman Peninsula, the Kuban River Delta, Sindika, Phanagoria, Hemonassa, Apatur

Кавказ и Закавказье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 164–173
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 164–173
© Автор(ы) 2017

ПАМЯТНИКИ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕЛЕ КУЛАНЫРХУА

З.Г. Хондзия*, Г.В. Требелева**

* *Абхазский институт гуманитарных исследований им Д.И. Гулиа*
Абхазской академии наук, Сухум,
zaza37273@mail.ru
** *Институт археологии РАН, Москва,*
trgv@mail.ru

Аннотация. Село Куланырхуа находится к северо-востоку от города Гудаута и расположено на всхолмленной живописной территории между двумя реками: с запада р. Гудоу, с востока – р. Дохурта. В ходе десятилетних исследований (2004–2014 гг.) в селе памятники периода поздней античности – раннего средневековья, или «Цебельдинской» культуры были обнаружены в селе на трех холмах: Осиаа-рху, Адеи-гуара и Адджаца. На холме Осиаа-рху зафиксирован могильник и поселение. На холме Адеи-гуара зафиксирован только могильник, на холме Адджаца – следы металлургического производства и храм. Кроме села Куланырхуа, памятники Цебельдинской культуры обнаружены и в соседних селах: Абгархук, Анухва. Памятники указанной культуры выявлялись также и в Гагрском районе. К ним относятся Хашупсинские могильники, Хашупсинский оборонительный комплекс, Ачмардинские могильники. Прежде считалось, что Цебельдинская культура локализуется только в Апсилии, на востоке Абхазии в долине Цабал, и поэтому она была выделена как отдельная культура. Однако обнаружение множества памятников, относящихся к этой же культуре, в Гудаутском и Гагрском районах снимает вопрос об этнической принадлежности Цебельдинской культуры исключительно Апсилии. Поэтому ее можно смело именовать Абхазской культурой I–VI вв. н.э. Географически сплошной ареал ее рас-

Хондзия Зураб Георгиевич – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Абхазской академии наук (АБИГИ АНА).

Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН.

© IA RAS, NMSTU, JHPhCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-164–173

пространения как на востоке, так и на западе республики иллюстративно свидетельствует об этнической принадлежности памятников Цебельдинской культуры общим предкам современных абхазов, в частности, абазгам, санигам, апсилам и мисимиянам. Ну а близость материальной культуры этих племен стала одной из предпосылок для объединения древне-абхазских княжеств в единую абхазскую народность, основой для формирования единого этнического самосознания и самоназвания Абхазского царства.

Ключевые слова: Цебельдинская культура, Абхазия, Гудаутский район, Куланьрхуа, апсилы, абазги

Село Куланьрхуа находится к северо-востоку от города Гудаута и расположено на всхолмленной живописной территории между двумя реками: с запада р. Гудоу, с востока – р. Дохурта. На юге села протекает р. Аждзара, на севере – р. Дзышта и р. Адзага. Этимология названия села, по мнению М.М. Трапша, отражает родовой характер древнего населения данной территории и объясняется как «холм или возвышенность рода Кулан» (Куланаа-рху)¹. По словам жителей села, представители этого рода проживали там до начала XX в., сегодня они живут в разных городах Абхазии.

Село Куланьрхуа расположено на шести холмах: Аджкаца, Аргунаа-ргуаюиа, Адеи-гуара, Осиаа-рху, Ауаархуа, Лакунарху. Между холмами протекают реки: две пограничные для села реки – Докурта (с восточной части села, разделяет села Куланьрхуа и Абгархук) и Гудоу (протекает с запада между Лыхны и Куланьрхуа), а также внутренние речушки:

- Аждзара («Коровья вода», второй вариант названия – «Место кражи коровы» (краденую скотину прятали в долине Аждзара));
- Дзышта – название связано с серебром («Серебряная речка»);
- Адзага («Солончаковая речка», где дикие животные находят соль).

В XX в. археологические исследования на территории села вел М.М. Трапш². Им был открыт могильник эпохи бронзового века. Памятники эпохи поздней античности и раннего средневековья в селе не исследовались. Лишь находки отдельных вещей, относящихся к данной эпохе, были зафиксированы Ю.Н. Вороновым³. В мае 2004 г. экспедиция Абхазского института гуманитарных исследований проводила археологические раскопки в поселке Адегуара на месте обнаружения указанных случайных находок. Был заложен раскоп (20 кв.м.), который выявил четыре погребения, разрушенные во время сельскохозяйственных работ.

Погребальные ямы четырех захоронений имели вытянуто-овальную форму. Костяки лежали на спине и были ориентированы головой на запад. Инвентарь отсутствовал. В восточной части этих погребений на расстоянии 1 м и на глубине 0,4 м от дневной поверхности почвы было обнаружено пятое погребение, опущенное в материковый суглинок. Погребальная яма вытянуто-овальной формы имела размеры 182х65 см. Скелет женщины лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на запад, руки вытянуты, ноги скрещены. В ногах с правой стороны стоял кувшин с широким горлом. Зафиксировано темное пятно (гумуса) шириной 40–45 см и толщиной 15 см. В пятне сохранились зубы

¹ Трапш 1962, 13.

² Трапш 1962.

³ Воронов 1969, табл. XLII, 24.

животного (от мелко-рогатого скота), возможно, козленка (жертвоприношение). При костяке обнаружены: на груди с левой стороны – бронзовая пластинчатая крестовидная фибула, с правой стороны у локтя – бронзовая капоушка-зубочистка, бронзовый перстень с глазком из полудрагоценного камня, бронзовые серьги, железный ножик с прямым лезвием. Вдоль всей длины скелета насыпаны бусы различного вида из горного хрусталя, известняка, цветного стекла и пасты – всего 43 экземпляра. Возможно, тело покойной было покрыто расшитым бусами покрывалом. Сравнительный анализ дает нам возможность датировать бусы концом V – началом VI в. н.э.⁴.

В последующем при разведывательных работах в восточной части холма Адегуара в 150 метрах от древнего погребения было обнаружено на вспаханном поле гумусированное пятно – почва, резко отличающаяся от окружающей почвы. На этом месте были заложены разведывательные шурфы в количестве 7-ми штук. В результате шурфовки было установлено, что данное пятно является следствием перегноя древнего жилища. С шурфов изъято множество обломков керамики, фрагменты пифосов, кувшинов с чашеобразным венчиком. Толщина культурного слоя достигает 35–90 см. По всей видимости, жилище принадлежало усопшим, похороненным недалеко от жилых построек; изделия, обнаруженные в жилище, датируются концом V – началом VI в. н.э.

На возвышенном участке холма Осиаа-рху в 2008 г. были обнаружены позднеантичные и раннесредневековые памятники с жилищами и могильниками II–VI вв. н.э., где были зафиксированы обряды захоронения и материальная культура, идентичная Цебельдинской культуре.

На приусадебном участке А.А. Джинджау были произведены разведывательные работы, которые показали наличие здесь позднеантичного материала. Был заложен раскоп 10x10 м. В результате обнаружено каменное сооружение, выложенное в один ярус. Во время зачистки этого сооружения сверху на каменной выкладке найдена окаменелая кость китообразной рыбы (позвоночник). Рядом с находкой обнаружен обломок бусины цебельдинского типа – темно-синего цвета, орнаментированной волнистой прожилкой белого цвета. Вероятно, описываемое сооружение могло нести функцию стола для прощания с усопшими, так как в передней части с западной стороны на расстоянии 3-х метров начинается могильное поле. Сооружение было внимательно обследовано: в центральной части между каменной кладкой обнаружен железный нож серповидной формы с зубчатым лезвием.

В ходе раскопок был вскрыт также ряд погребений:

Детское погребение № 1.

Погребение принадлежало девочке. При его вскрытии был обнаружен хорошо сохранившийся кувшин коричнево-красного цвета. Он стоял в полувертикальном положении, слегка склоненный на север. Вокруг кувшина найдены обломки других сосудов, фрагменты чаши (вазы). Данное захоронение после окончательного исследования показало, что детская могила является кремационным захоронением. В нем были обнаружены только остатки древесных угольков, фрагмент фаланги пальцев рук, детский пластинчатый бронзовый браслет, пряслице, изделие из

⁴ Трапш 1971, 15–34, рис. 1, 6, 8.

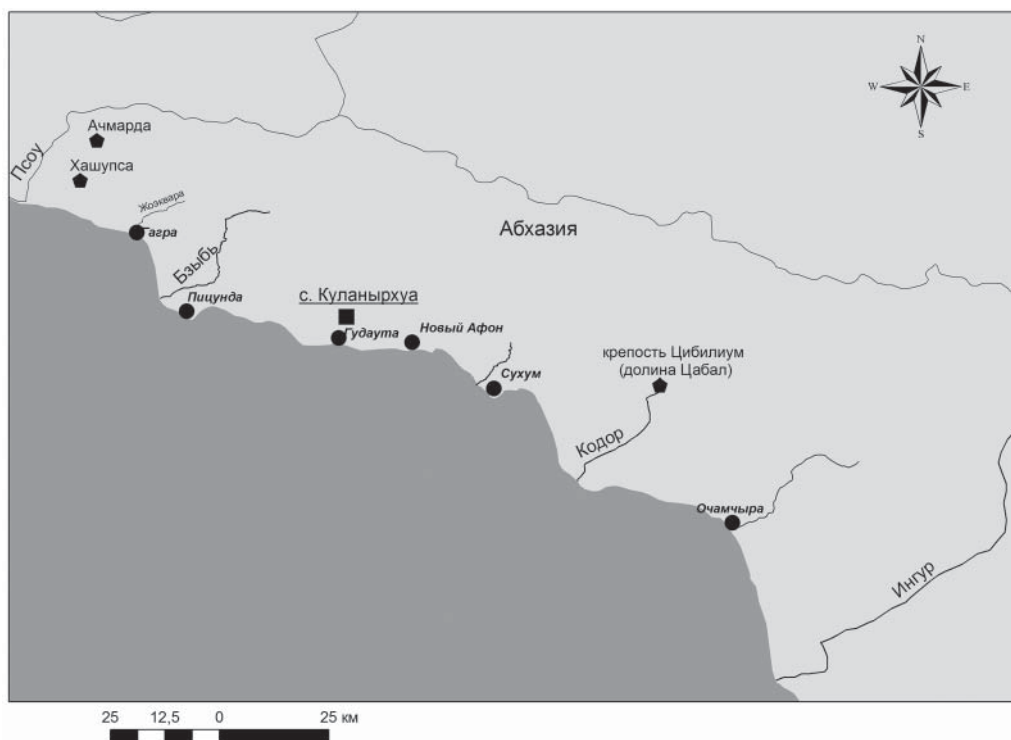

Рис. 1. Карта Абхазии

камней (известняк), кувшин в сохранности и фрагменты миски. Погребальная яма имеет округлую форму, глубина могилы 70–75 см.

Погребение № 2.

Мужское воинское захоронение. Оно расположено в 2-х метрах от детского кремационного захоронения с южной стороны. Костяк лежал головой на запад. Труположение вытянутое. На рукоятку меча была положена правая рука вдоль бедра, левая – в согнутом положении. Глубина залегания останков составляет 65–70 см. При костяке обнаружены следующие предметы: с правой стороны у головы лежал железный наконечник копья, в шейной части скелета найдена железная круглопроволочная, крестообразная пластинчатая с дужкой фибула, с левой стороны скелета обнаружен железный ножик с прямой спинкой. Сохранилась железная часть рукоятки с просверленным отверстием. У ног скелета с левой стороны стоял кувшин с чашечкообразным венчиком вокруг сосуда. Обнаружены останки мелкого рогатого скота (кости), а также кости домашней птицы. Захоронение сопровождалось жертвоприношением. Меч был выдвинут на 10–15 см из ножен (чехла). Воин похоронен в полной амуниции. В поясной части скелета было найдено украшение от кожаного ремня с различными формами заклепок из серебра, бронзовая бляшка круглопроволочной формы с застежкой. Аналогии данным предметам мы встречаем в цебельдинских могильниках, описанных Ю.Н. Вороновым⁵.

⁵ Воронов 2003, рис.170 (16).

Погребение № 3.

На глубине 30 см от дневной поверхности почвы обнаружены песчаные и известковые плоские плиты (рваные). Они лежали по всей площади, как бы прикрывая место могильника. Все плиты наклонены в южном направлении, при этом имеют выпуклую сферическую форму (форму линзы). Среди камней было обнаружено несколько обломков керамических сосудов. Здесь после зачистки обнажилась слегка заметная прямоугольная выборка камней, произведенная в древности. При дальнейшем углублении на этом месте были обнаружены останки человеческих костей. При зачистке скелета стало ясно, что он был опущен в материковый суглинок. Костяк ориентирован головой на запад. Труположение вытянутое, скелет лежал на спине, руки вдоль тазового бедра. Длина скелета 172 см. Инвентарь погребения состоял из следующих археологических находок. Кувшин светло-красного цвета обнаружен у ног скелета. С круглым плоским донцем, выпуклым туловом, с плавно переходящей горловиной в венчик с расширенной чашеобразной формой, он изготовлен из хорошо отмученной глины. Также найдены кости животных и птиц, вероятно, следы обряда жертвоприношения. В грудной части скелета найдено несколько бусинок, изготовленных из пасты, с наполненными мозаичными вкраплениями. В ногах костяка обнаружены три бусинки из сердолика. По форме они напоминают (подражают) биконические бусины эпохи поздней бронзы. Здесь же лежал серебряный колокольчик. Форма цилиндрическая, место крепления ударного механизма сохранилось. Навершие колокольчика сломано. Вокруг него по корпусу нанесено три круга. Внутренняя часть колокольчика хорошо сохранилась. Железное било закреплено с колокольчиком перегородкой. В поясной части покойника обнаружена серебряная пряжка с рельефными выступами, у головы – серебряная крестовидная фибула с дужкой с шаровидным коническим концом. К пластинчатой дужке прикреплена игла пружинообразной формы. Аналогичные фибулы также встречаются в цебельдинских могильниках⁶. Серебряная серьга, круглопроволочная, серповидной формы, концы которой украшены двумя серебряными пружинами с подвесками спиралевидной формы, также была найдена у головы. Во внутренней полости черепа обнаружена серебряная монета плохой сохранности. Она расколота на три части из-за тонкости, толщиной 2 мм. Монета хорошо читается, на ней изображен император Византийский Юстиниан. На левой руке, между фалангами пальцев, обнаружено серебряное кольцо с глазком. Само кольцо сделано из круглопроволочного серебра, концы которого имеют шаровидные обивки. Чашечкообразное для глазика литое, с шнуrowидным орнаментом. Камень округлой формы темно-синего цвета вставлен в колечко.

В центральной части села Куланыхуа, на восточном склоне холма Аджкаца, были обнаружены следы металлургического производства, относящегося к раннесредневековому периоду. В 2014 г. на этом месте были проведены археологические раскопки. Мощность слоя составляет 45 см. В слое обнаружено большое количество шлака после выплавки железной руды, фрагменты различных типов керамических сосудов, фрагменты обожженных глиняных изделий с прилепленными остатками расплавленного металла. Возможно, это керамическая решетка для подачи воздуха. Обломки керамики имеют форму кирпича с дырками. В раско-

⁶ Казанский, Мастыкова 2013, 60, рис. 4, 17.

пе обнаружены в слое квадратные железные гвозди с круглыми шляпками. Гвозди разных размеров – от 2 до 20 см в длину. Среди находок присутствует наконечник стрелы, обломок железного ножа с заклепкой (бронзовой), с прямой спинкой. Керамика – типичная для Цебельдинской культуры – представлена в основном фрагментами пифосов, несколькими обломками кухонной посуды, а также ручками от кувшинов. Шурфовка территории показала, что почва состоит из конгломерата, как будто кто-то искусственно цементировал разные породы камней: галька, известняк, гравий с песком. По цвету грунт темно-серый, местами выступает цвет ржавчины, и на плоскогорье хорошо заметны отдельные бугорки. Возможно, эти небольшие возвышенности являются плавильными печами. Они не исследованы.

На данный момент можно сделать следующие выводы: в раскопанном участке обнаружены следы выплавки железной руды. Судя по сопутствующему материалу, это позднеантичный и раннесредневековый периоды.

А.И. Джопуа проводил раскопки в селе Куланырхуа в 2001 г., в имении Отара Лакрба, в поселке Адегуара. Здесь было найдено несколько древних могильников. Инвентарь погребения свидетельствует о схожести этих погребений с Цебельдинской культурой⁷.

Таким образом, в ходе десятилетних исследований (2004–2014 гг.) памятники периода поздней античности – раннего средневековья, или «цебельдинской» культуры были обнаружены в селе на трех холмах: Осиаа-рху, Адеи-гуара и Аджкаца. Рассмотрим отдельно каждый холм.

Холм Осиаа-рху невысокий, максимальная высота над уровнем моря – 86 м, расположен в юго-восточной части села, вытянут по линии восток-запад и занимает площадь около 100 га. В целом холм очень богат памятниками. Здесь их зафиксировано 7 (поселения и могильники) от эпохи бронзы до раннего средневековья. В западной части холма расположен могильник и чуть восточнее, ближе к центру холма, поселение интересующей нас эпохи.

Второй холм в селе расположен параллельно холму Осиаа-рху, на 1 км севернее и отделен от него р. Аджгара, что в переводе с абхазского обозначает «Солончаковая вода». Холм также невысокий – высота над уровнем моря максимально 95 м. На нем четко фиксируются два места концентрации захоронений, расположенных друг от друга на расстоянии 600 м. Следы поселений обнаружены пока не были.

И третий холм, самый интересный – Аджкаца. Самый северный и высокий холм в селе, с максимальной высотой 273 м. Но обнаруженные памятники расположены не на вершине холма, а на его южных и восточных склонах, на высоте 180–156 м. При этом на данном холме фиксируются не могильники – поселения, а следы металлургического производства, о котором писалось выше, и храм.

Храм расположен на южном склоне, на высоте 156 м над уровнем моря, найдены достаточно хорошо сохранившиеся развалины храма. Сохранилось каменное перекрытие, поддерживаемое тремя арочными сводами. Храм однозальный, с полукруглой апсидой, прямоугольной снаружи. Размеры внутреннего пространства храма: длина – 6,65 м, ширина – 4 м, высота – 5,44 м. Вход в храм расположен с западной стороны, в центре апсиды имеется окно шириной 0,5 м и высотой

⁷ Материал предоставлен А.И. Джопуа (полевой отчет в архиве АБИГИ АНА), датирован VI в. н.э.

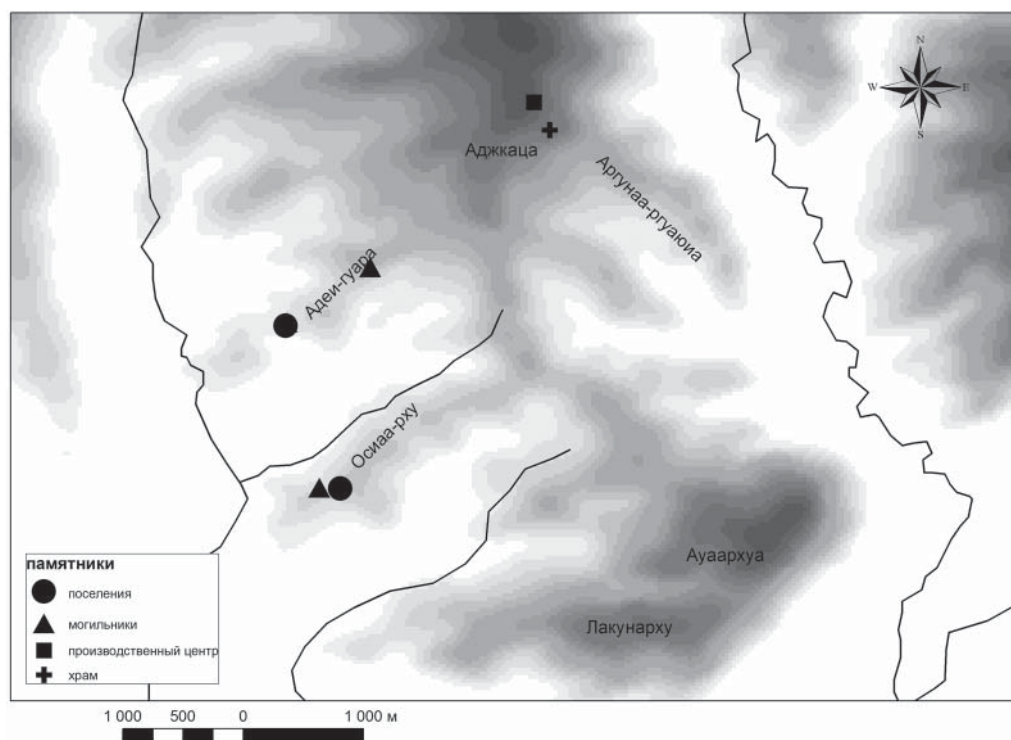

Рис. 2. Памятники Цебельдинской культуры в селе Куланырхуа

1,5 м. Справа от окна, на стыке северной и стены с апсидой имеется ниша, в которую встроен керамический сосуд – голосник. Южная стена фактически разрушена – завалы камней лежат на земле. Был ли вход с южной стороны, без раскопок и анализа фундамента определить невозможно. Храм обнесен каменной оградой, сохранившейся по его периметру, на уровне земной поверхности. В строительстве храма использовалась бутовая технология с двухсторонней облицовкой квадратами из известковых пород, внутри храм покрыт штукатуркой. Анализ связующего раствора из кладки храма, сделанный в ИА РАН, показал, что примесь песка составляет 10 % (в апсидной части), 22 % (в наружной части у западного входа).

Интерес представляет связь этих памятников с предыдущим холмом Адеи-гуара, по существу являющегося юго-западным отрогом холма Аджкаца. Не исключено, что могильники, обнаруженные на предыдущем холме, или скорее один из них, который ближе к холму Аджкаца, могут составлять следы одного раннесредневекового центра, который продолжил свое существование и в развитом средневековье, о чем говорит перестройка храма.

Кроме села Куланырхуа, памятники Цебельдинской культуры обнаружены и в соседних селах. Так, в селе Абгархук местными жителями был обнаружен в поселке Цоухуа могильник эпохи раннесредневекового периода. Сведения об этом могильнике поступили в Абхазский институт гуманитарных исследований, в отдел археологии. Раскопками занимались Г.К. Шамба, А.И. Джопуа, А.Ю. Скаков.

В результате археологического изучения ими были установлены его хронологические рамки раннесредневековым периодом, относящиеся к так называемой эпохе Цебельдинской культуры⁸.

В 2013–2014 гг. в Гудаутском районе в селе Анухва (в районе Нового Афона) Э. Трапш обнаружила и исследовала могильник, в результате раскопок которого были найдены: железный наконечник копья, кувшин с чашечкообразным венчиком, железный нож с бронзовой заклепкой и прямой спинкой. Труположение вытянутое, с жертвоприношением. Памятник датирован началом раннесредневекового периода⁹.

Памятники Цебельдинской культуры обнаруживались и в Гагрском районе. К ним относятся Хашупсинские могильники, Хашупсинский оборонительный комплекс, Ачмардинские могильники¹⁰.

В Ачмарде, на восточной окраине села, находится огромное могильное поле. Только «черными копателями» было разрушено 180 могильников, относящихся к позднеантичному периоду. В 2005 г. экспедиция Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия во главе с начальником Управления охраны памятников В.В. Бжания исследовали несколько полуразрушенных могильников и в том числе одно женское погребение, относящееся к эпохе Цебельдинской культуры.

Погребение знатной женщины (княжны) – захоронение ингумационное, костяк лежал в вытянутом положении и руки вдоль бедра, ноги скрещены. Похоронена по обряду жертвоприношения. Ваза серебряная с греческой надписью. Надпись гласит: «Я царь Бакур овцам (своим) дал». В этом захоронении найдены и золотые изделия, украшения для волос, изделия из тонкой золотой пластины (фольги), украшенные красными по цвету камнями, похожими на рубин. Количество камней – 9 штук.

В 2014 г. во время рытья траншеи вдоль шоссе федеральной трассы в городе Старая Гагра, напротив гостиницы «Рада» на глубине 1,5 м от дневной поверхности почвы было обнаружено еще одно захоронение, относящееся к эпохе раннесредневекового периода (Цебельдинской культуры). Во время рытья канавы для прокладки водопроводной трубы экскаватором было задето древнее захоронение. Работы были приостановлены Управлением охраны историко-культурного наследия. Им было организовано археологическое исследование. 20 ноября 2014 г. абхазские археологи Г.Н. Сангулия, З.Г. Хондзия и антрополог Д.А. Конделаки расчистили останки древнего человека.

Захоронение ингумационное, костяк лежал на спине в вытянутом положении. При костяке были обнаружены следующие археологические предметы: на обеих руках скелета два бронзовых браслета – изготовлены с помощью литья кругло-проволочной формы, концы браслетов имеют квадратную форму, по корпусу налены четырехугольной формы. Посередине этих квадратов нанесен кружочек с дырочкой. В шейной части скелета обнаружена фибула, изготовленная из пластинчатой бронзы. Средняя часть фибулы имеет форму креста. Фибула крестоо-

⁸ Скаков, Джопуа 2006, 235–258.

⁹ Данные доклада, сделанного на заседании отдела археологии АБИГИ АНА.

¹⁰ Трапш 1971; Шамба 1974; Бжания, Бжания, Агумаа, Сакания, Виноградов, Конделаки, Хондзия 2005.

бразная снабжена дужкой. Аналоги таких браслетов и фибул имеются в Восточной Абхазии.

Прежде считалось, что «Цебельдинская культура» локализуется только в Апсилии, на востоке Абхазии, в долине Цабал, и поэтому она была выделена как отдельная культура¹¹. Однако обнаружение множественных памятников, относящихся к этой же культуре в Гудаутском районе в селе Куланыхуа, а также в ряде других областей западной Абхазии, снимает вопрос об этнической принадлежности Цебельдинской культуры исключительно Апсилии. Географически сплошной ареал ее распространения как на востоке, так и на западе республики иллюстративно свидетельствует об этнической принадлежности памятников Цебельдинской культуры общим предкам современных абхазов, в частности, абазгам, санигам, апсилам и мисимиянам. Поэтому ее можно смело именовать Абхазской культурой I–VI вв. н.э. Ну а близость материальной культуры этих племен стала одной из предпосылок объединения древне-абхазских княжеств в единую абхазскую народность, основой для формирования единого этнического самосознания и самоназвания Абхазского царства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бжания, В.В., Бжания, Д.С., Агумаа, А.С., Сакания, С.М., Виноградов, А.Ю., Конделаки, Д.А., Хондзия, З.Г. 2005: Работы в Гагрском районе Абхазии. *Археологические открытия*, 565–570.
- Воронов, Ю.Н. 2003: *Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах*. Пушино.
- Казанский, М.М., Мاستыкова, А.В. 2013: Хронология Цебельдинской культуры. В кн.: *Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа*. Сухум, 55–63.
- Скаков, А.Ю., Джопа, А.И. 2006: Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии. В кн.: *Материалы и исследования по археологии Кубани* 6, 235–260.
- Трапш, М.М. 1962: *Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланыхуа Абхазской АССР*. Сухуми.
- Трапш, М.М. 1971: *Культура Цебельдинских могильников*: в 4-х т. Т. 3. Тбилиси.
- Шамба, Г.К. 1974: Археологические разведки 1967 г. в Гагрском районе. В кн.: *Материалы по археологии и искусству Абхазии*. Сухум, 48–65.

REFERENCES

- Bzhaniya, V.V., Bzhaniya D.S., Agumaa, A.S., Sakaniya, S.M., Vinogradov, A.Yu., Kondelaki, D.A., Hondziya, Z.G. 2005: Raboty v Gagrskom rayone Abkhkazi [Studies of the Gagra district of Abkhazii]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries] 2005, 565–570.
- Kazanskiy, M.M., Mastykova, A.V. 2013: Khronologiya Tsebeldinskoy kultury [Chronology of the Tsebelda Culture]. In.: *Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza* [Problems of Ancient and Medieval Archaeology of the Caucasus]. Sukhum, 55–63.
- Shamba, G.K. 1974: Arkheologicheskie razvedki 1967 g. v Gagrskom rayone [Archaeological Exploration in the Gagra District in 1967]. In: *Materialy po arkheologii i iskusstvu Abkhazii*. [Materials on Archaeology of Abkhazia]. Sukhum, 48–65.

¹¹ Трапш 1971; Воронов 2003.

- Skakov, A.Y., Dzhopua A.I. 2006: Mogilnik abazgov v Bzyb'skoy Abkhazii [The Abazgas Burial in the Bzyb Abkhazia]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and researches on archaeology of Kuban] 6, 235–260.
- Trapsh, M.M. 1971: *Kultura Tsebel'dinskikh mogilnikov: v 4-h t. T. 3.* [Tsebel'da Culture Burial Grounds]. Tbilisi.
- Voronov, Y.N. 2003: *Mogily apsilov. Itogi issledovaniya nekropol'ya Tsibiliuma v 1977–1986 godakh* [The Apsil Graves. The Results of the Study of the Necropolis of Tiberium in 1977–1986 years]. Puschino.

THE SITES OF THE TSEBELDA CULTURE IN THE VILLAGE OF KULANYRKHUA

Zurab G. Khonziya*, Galina V. Trebeleva**

* D.I. Gilia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia, zaza37273@mail.ru

** Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia, trgv@mail.ru

Abstract. The village of Kulanyrkhua is situated to the North-East of the town of Gudauta on a scenic hilly area between two rivers: from the West there is the Gudou River, from the East – the Doherty River. During a decade of the research (2004-2014) in the village the monuments of late antiquity – the early Middle Ages, or “Tsebel'da” culture were discovered in the village on three hills: Osiaa-Rhu, Adei Guara and Adzhkatsa. On the hill Osiaa-Rhu the burial ground and the settlement is recorded. On the hill of Adei Guara there is only burial ground; on the hill of Adzhkatsa there are traces of metallurgical production and a temple. In addition to the village of Kulanyrkhua, the monuments of Tsebel'da culture were discovered in the neighboring villages: Abgarkhuk and Anukhva. The specified monuments of culture were detected also in the Gagra district. These include Khashupse burial grounds and defensive complex; Achmardinsky burial grounds. Earlier it was thought that Tsebel'da culture is localized only in Apsilia, in the East of Abkhazia in the valley of Tsabal, and so it was allocated as separate culture. However, the detection of a large number of monuments belonging to the same culture, in the Gudauta and Gagra areas removes the issue of ethnic origin of Tsebel'da culture exclusively to Apsilia. Therefore, it can safely be called Abkhazian culture of the 1st – 6th centuries AD. Geographically continuous area of its extension both to the East and to the West of the Republic illustratively demonstrates the evidence of the ethnic origin of the monuments of Tsebel'da culture to the common ancestors of the modern Abkhazians, in particular, the Abasgoi, the Sanigs, the Apsilae and the Misimians. In addition, the proximity of the material culture of these tribes became one of prerequisites for the unification of the ancient Abkhazian principalities into a single nation, the basis for the formation of a common ethnic identity and self-name of the Abkhazian Kingdom.

Key words: Tsebel'da culture, Abkhazia, Gudauta district, Kulanyrkhua, the Apsilae, the Abasgoi

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 174–185
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 174–185
© Автор(ы) 2017

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОЙ АБХАЗСКОЙ (КЕЛАСУРСКОЙ) СТЕНЫ (2013–2015 ГГ.) И ВОПРОСЫ ГРАНИЦ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

Г.В. Требелева*, З.Г. Хондзия**, Г.Ю. Юрков***

**Институт археологии РАН, Москва,
trgv@mail.ru*

***Абхазский институт гуманитарных исследований им Д.И. Гулиа
Абхазской академии наук, Сухум,
zaza37273@mail.ru*

****Институт общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова РАН, Москва,
gy_yurkov@mail.ru*

Аннотация. Келасурская стена – один из наиболее спорных и загадочных историко-архитектурных памятников средневековой Абхазии. Самый дискуссионный вопрос – происхождение и назначение данного объекта. Анализ литературных источников показал, что мнения исследователей расходятся кардинально – на целых двадцать три столетия: от периода античности до нового времени. Оставался также нерешенным и вопрос о точной локализации Келасурской стены. Поэтому главной целью нашего исследования была достоверная локализация данного объекта при помощи GPS-координат и составление планов сохранившихся башен. В итоге в ходе разведок была установлена протяженность стены (80 км), зафиксированы точные координаты и составлены планы 208 башен и участков стен, сохранившихся до 2015 г. Выявленные вдоль реки Аалдзга (Галидзга) 9 башен по своей ориентации, планировке, а также технике строительства полностью идентичны башням Келасурской стены, ранее никем не фиксировались и не описывались. Авторы пришли к выводу, что Келасурская стена от предгорий спускалась к морю, но не по р. Ингур, как считало большинство исследователей, включавших в систему стены все укрепление, расположенные в Восточной Абхазии, а по р. Аалдзга (Галидзга), в районе современного города Очамчира и древнего городища Гюэнос. Анализ связующего раствора из башен Келасурской стены, а также иных, датированных раскопками архитектурно-археологических памятников, показал, что стена была возведена в раннесредневековое время. Этот вывод подтверждается и пространственным анализом памятников оборонительного и храмового зодчества. Данные шурфовки на башнях самой стены этому выводу также

Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

Хондзия Зураб Георгиевич – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Абхазской академии наук.

Юрков Глеб Юрьевич – доктор технических наук, профессор РАН институт общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова.

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 16-06-00277a\16).

© IA RAS, NMSTU, JHPhCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-174–185

не противоречат. В этой связи представляется интересным проследить, как локализуются границы раннегосударственных этнических образований на территории древней Абхазии: Санигии, Абазгии, Апсилии и Миссиминии. В итоге делается вывод, что территория, огороженная Келасурской стеной, – это территория земледельческого государственного образования, вероятнее всего, древней Апсилии.

Ключевые слова: Келасурская стена, проблемы локализации границ, Апсилия, земледельческое государство, точная локализация, анализ раствора

Келасурская стена – один из наиболее спорных и загадочных историко-архитектурных памятников средневековой Абхазии. Сведения о Келасурской стене представлены в работах Б. Вахушти¹, А. Ламберти², Ф. Дюбуа де Монпере³, И. Лихачева⁴, В.И. Сизова⁵, В. Гарцкия⁶, П.С. Уваровой⁷, А.А. Миллера⁸, В.И. Стражева⁹, А.С. Башкирова¹⁰, М.М. Иващенко¹¹, Л.Н. Соловьева¹², И.Е. Адзинба¹³, Ю.Н. Воронова¹⁴, Т. Берадзе¹⁵, М.М. Гунба¹⁶ и др.

Самым дискуссионным вопросом, связанным с Великой Абхазской (Келасурской) стеной, является вопрос о ее происхождении и назначении. В целом научные работы по этой проблеме выдвигают следующие предположения:

4. стена была сооружена греками для защиты их колонии (главным образом Диоскурии (Сухум) и Гюэноса (Очамчыра)) от горных варваров с севера. Этой точки зрения придерживались Дюбуа де Монпере и К.Д. Кудрявцев¹⁷. Они с Келасурской стеной ассоциируют упомянутую Гекатеем Милетским «Коракскую стену»¹⁸;

5. построена византийцами или при их сотрудничестве с абасгами и апсилами во времена войны против персов¹⁹;

6. воздвигнута персами²⁰;

7. сооружена князем Леваном II Дадияни между 1628–1653 гг. для защиты Мингрелии от абхазов²¹.

¹ Вахушти 1941, 169.

² Ламберти 1913, 186.

³ Дюбуа де Монпере 1937, 147.

⁴ Лихачев 1881, 248.

⁵ Сизов 1889, 47.

⁶ Гарцкия 1892, 39.

⁷ Уварова 1891, 93; 1894, 34.

⁸ Миллер 1908, 2; 1909.

⁹ Стражев 1925.

¹⁰ Башкиров 1926.

¹¹ Иващенко 1925; 1926.

¹² Соловьев 1940.

¹³ Адзинба 1958, 106–152.

¹⁴ Воронов 1971, 379; 1972а; 1972б, 472; 1973а, 98–104; 1973б.

¹⁵ Берадзе 1971.

¹⁶ Гунба 1977.

¹⁷ Дюбуа де Монпере 1937, 147; Кудрявцев 1922, 28, 29, 53.

¹⁸ СМОМПК 4, 8 (фр. 185).

¹⁹ Чернявский 1882, 18; Миллер 1908, 2; Иващенко 1925; 1926; Соловьев 1940; Адзинба 1958, 106–152 и многие др.

²⁰ Бердзенишвили 1972, 1990; Alexidze 2000.

²¹ Берадзе, 1971; Воронов, 1973б.

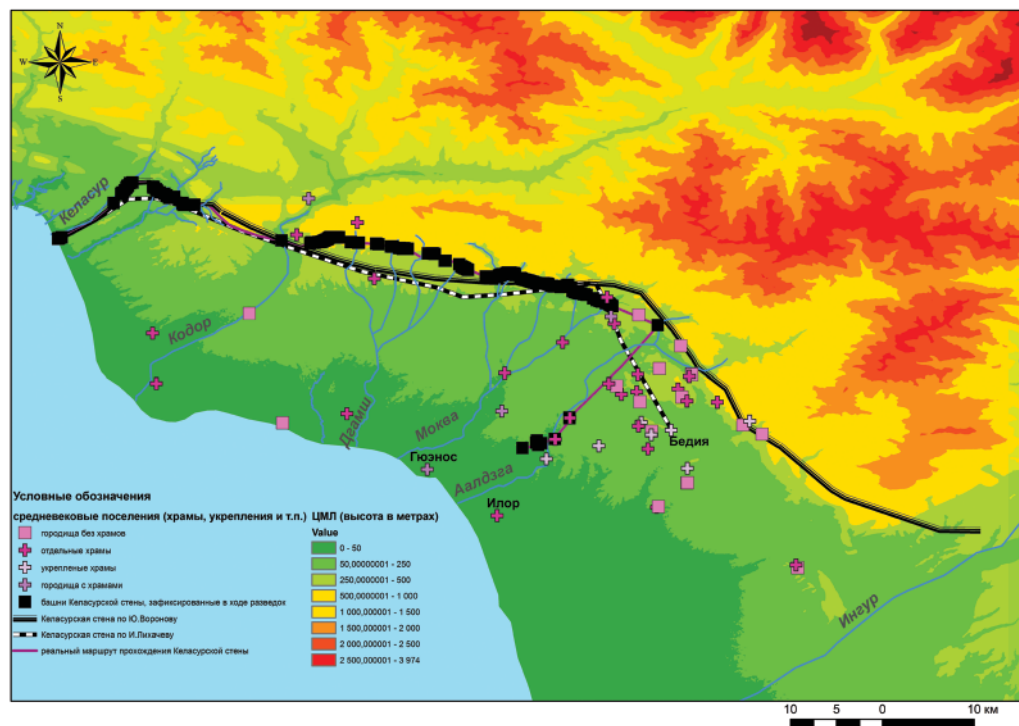

Рис. 1. Великая Абхазская (Келасурская) стена и другие памятники средневековья

Таким образом, анализ литературных источников показал, что мнения исследователей расходятся кардинально: от периода античности до нового времени — на целых двадцать три столетия!

Оставался также нерешенным и вопрос о точной локализации Келасурской стены. Многие исследователи описывали не всю стену по протяженности, а отдельные ее части. Уровень описания локализации, существовавший в XIX–XX вв., не позволяет быстро и легко обнаруживать на местности объект, находящийся в предгорьях и в субтропическом лесу.

Считалось, что наиболее точно стену описал Ю.Н. Воронов, который теоретически прошел ее всю. Однако в его итоговой статье мы сталкиваемся с рядом противоречий: он пишет, что стена насчитывает 279 башен²², но на схеме отмечает лишь 268²³. Последняя из описанных башен расположена на левом берегу р. Моква, не доходя до р. Геджир, в тексте статьи написано: «дальше от Геджир до самого Ингура на протяжении 42 км никаких стен не прослеживается»²⁴. При этом в общем описании стены и на общей схеме он представляет ее направление

²² Воронов 1973б, 109.

²³ Воронов 1973б, 107.

²⁴ Воронов 1973б, 106.

до р. Ингур²⁵, скорее всего, вслед за И.Е. Адзинба²⁶. Альтернативный маршрут прохождения стены мы встречаем у И. Лихачева – от Отапской пещеры он поворачивает ее на юг – на Бедию²⁷.

Поскольку предлагаемое расположение Келасурской стены у авторов значительно различается, одной из основных целей представляемой работы являлась точная локализация с помощью GPS-координат. Разведки были начаты от р. Келасур. На первом этапе, в соответствии со схемой Ю.Н. Воронова, был пройден участок от р. Келасур до р. Улыс²⁸, осмотрены укрепления Оджиху и Реч-абаа в Ткварчалском районе, которые вслед за И. Адзинба традиционно относились к системе Келасурской стены²⁹. Осмотр этих укреплений позволил сделать однозначный вывод, что к Келасурской стене они не относятся. Вывод основан на анализе техники строительства, планировок, направленности сторожевых укреплений и въездных групп. Сделано предположение, что искать восточный конец Келасурской стены следует западнее этих укреплений³⁰. Поэтому на втором этапе археологических поисков были проведены разведки на территории от р. Улыс до р. Окум. В результате исследований выявлено расположение 9 башен вдоль р. Аалдзга (Галидзга) с участками стен между ними, по технике строительства, ориентации и планировке идентичных башням Келасурской стены. Ранее эти башни никем не фиксировались и не описывались. Таким образом, можно сделать вывод, что Келасурская стена от предгорий спускалась к морю, но не по р. Ингур, как считалось ранее, а по р. Аалдзга (Галидзга), в районе современного города Очамчира и древнего городища Гюэнос. К сожалению, следов стены на территории Очамчиры обнаружить не удалось. Скорее всего, при застройке города, они были уничтожены. Поэтому с уверенностью сказать, находился ли Гюэнос внутри стены или оставался снаружи, мы не можем. В итоге установленная в ходе разведок протяженность стены составила 80 км, с помощью координат GPS определена точная локализация сохранившихся башен, построены планы 208 башен и участков стен, сохранившихся до 2015 г.

Следующей целью стало определение датировки Великой Абхазской (Келасурской) стены. Для этого был использован элементный анализ химического состава связующего раствора 208 башен и участков сохранившихся стен. В ходе исследований предложена идея сгруппировать башни и участки стен по одновременности/разновременности построек на основе анализа данных технологии кладки. Учитывая, что почти все сооружения возведены из фактически одинакового камня, реперным фактором стал анализ элементного химического состава образцов связующего раствора. За основу взята идея, что априори одновременные на конкретной ограниченной территории вещи имеют одинаковый химический состав, а разновременные – нет, т.к. используются разные месторождения ископаемых (гипс, песок, глина, известняк), различные методы смешения и пропорции компонентов смеси. То есть, к примеру, химический состав связующего раствора

²⁵ Воронов 1973б, 102.

²⁶ Адзинба 1958, 106–152.

²⁷ Лихачев 1881.

²⁸ Требелева, Юрков 2015.

²⁹ Адзинба 1958, 129–133; Воронов 1973б, 134; Пачулиа 1969, 95; Трапш 1975, 188, 204.

³⁰ Требелева и др. 2014; Требелева, Юрков 2015.

в кладке стен одновременных памятников будет не количественно, но качественно одинаковым, а у разновременных – существенно отличаться друг от друга. Всего было проанализировано 738 образцов непосредственно с башен и участков стен и 276 образцов с других историко-архитектурных объектов средневековья. Для исключения ошибки в определении составов и исключения человеческого фактора при возможных ремонтных работах на Келасурской стене образцы для исследования брались из разных участков стен и из разной глубины залегания в связующем растворе.

Анализ результатов элементного состава показал, что исследованные связующие растворы кладки разделяются на 5 основных типов:

- 1 – меньше четверти песка, основа – известь;
- 2 – примерно половина песок-известь;
- 3 – треть песка, две трети – известь;
- 4 – основа – песок, известь около трети;
- 5 – 100% известь.

Из них, в кладках Келасурской стены обнаружены 3 типа:

- 1) меньше четверти песка, основа – известь;
- 2) треть песка, две трети – известь;
- 3) примерно половина – песок-известь;

Сопоставление этих типов растворов, взятых с объектов Келасурской стены, с составами растворов других историко-архитектурных объектов средневековья, имеющих более или менее точную датировку на основе археологических раскопок, позволило сделать вывод, что участки Келасурской стены с составом раствора из 1-й группы (со значительным преобладанием извести (доля песка составляет менее 1/4)) были возведены в эпоху раннего средневековья, возможно, в IV–VI вв., с составом из 2-й группы (известь (доля песка составляет примерно 1/3)) – в X–XII вв., и из 3-й группы (с примерно равным соотношением песок/известь) – в XVI–XVIII вв. При этом первый тип встречается на всех объектах Келасурской стены, как у ее основания, так и в кладке на более высоких участках. Два других типа присутствуют в западной части стены, на участке от р. Келасур до р. Большая Мачара. На этом же участке мы наблюдаем и в планировочном плане следы перестройки на башнях: часть башен вдоль р. Келасур была перестроена в гарнизоны. Анализ примесей связующих растворов показал, что источники сырья были различными, это вполне логично, учитывая протяженность самого объекта в 80 км.

В ходе разведок производился сбор подъемного материала и закладка шурфов на территории башен Келасурской стены. Шурфы закладывались на Келасурском участке (башни № 1 и № 3) и на Отапском участке (башня № 173). Материал из шурфа с башни № 1 был представлен керамикой развитого средневековья (X–XV вв.). Материал из шурфов с башни № 3 датируется от IV в. н.э. до XV в. Материал с башни Отапского участка датируется IV–XII вв. Он немногочислен, представлен фрагментами керамики и железными кованными четырехгранными гвоздями, характерными для ранней эпохи.

Еще одним направлением работ стало проведение сплошных разведок на территории Восточной Абхазии с целью точной локализации всех средневековых объектов и анализа их взаиморасположения по отношению к Келасурской стене.

Составлялись планы данных объектов (укреплений и храмов), брались образцы раствора на установление химического состава, чтобы исследовать технологии строительства и определить относительную датировку. В ходе этих разведок локализовано 79 памятников. Два из них (Чхортольский комплекс и Маркульское городище) были обнаружены случайно и ранее не описаны, на учете в органах охраны памятников Республики Абхазия не стояли. Для анализа связующего раствора было взято более 250 образцов, все полученные данные внесены в ГИС, построены пространственные модели. Чрезвычайно значимым является следующий момент: в VIII–XII вв. – периоде создания единого государства – резко возрастает количество храмов и крепостей на территории Восточной Абхазии, как внутри Келасурской стены, так и за ее пределами. Фактически на каждом холме располагался храм. При этом часть храмов стоит как по одну сторону от стены, так и по другую, что может свидетельствовать о том, что в качестве границы, оборонительного сооружения стена в этот период уже не использовалась.

В этой связи представляется интересным проследить, как локализуются границы раннегосударственных этнических образований на территории древней Абхазии: Санигии, Абазгии, Апсилии и Миссиминии. Санигия – самая западная часть древней Абхазии. Располагалась севернее р. Бзыбь, на территории современного Гагрского района республики Абхазия и частично на территории муниципального образования – города-курорта Сочи Краснодарского края России (Большой Сочи). Границы Абазгии фактически совпадают с границами нынешнего Гудаутского района, этнически – «Бзыбской Абхазией»: от р. Бзыбь на западе до Анакопии на востоке. Мисиминия – самая загадочная область. Византийский историк Агафий пишет, что «живут они севернее народа апсильев и несколько восточнее»³¹. По мнению другого византийского историка – Менандра, Мисиминия граничила со Сванетией³². Южный отрезок восточной границы мисимиан упирался непосредственно в Лазику. В этом секторе мисимиане владели укреплением Бухлоон³³. С севера территория Мисиминии упиралась в Главный Кавказский хребет в районе Клухорского и Марухского перевалов. Таким образом, территория Мисиминии охватывала провинции Дал и Цабал (Цебельда)³⁴. Апсилия. От наименования данного племени происходит современное самоназвание абхазов – Апсуа. Прокопий Кесарийский пишет: «Река Фасис <...> впадает в конечную часть Эвксинского Понта на краях залива-полумесяца; на одной стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащей уже Европе, находится область апсильев»³⁵. М.М. Ивашенко считает, что «под луновидностью Прокопий понимает изгиб берега моря в 550 стадий от города Петры к северу. Если город Петра – Цихидзири, то другой конец этой “луновидности” придется приблизительно около Илори...»³⁶. Таким образом, юго-восточная граница Апсилии проходит, по-видимому, по реке Аалдзга (Галидзга или Эгрис-цкали по грузинским источникам) – как раз там, где и были обнаружены

³¹ Агафий Миринейский 1953, 87.

³² Георгика 1967, 236.

³³ Агафий Миринейский 1953, 87.

³⁴ Анчабадзе 2010, 242.

³⁵ Кондратьев (пер.) 1950, 380.

³⁶ Ивашенко 1925, 83.

сотрудниками экспедиции башни Келасурской стены. Северо-западная граница, по мнению одних, проходила по р. Гумиста³⁷, по мнению других, – по р. Келасур³⁸. Последнее нам кажется более вероятным, ибо полностью совпадает с той территорией, которую огораживает Келасурская стена, т.е. пространство между реками Келасур и Аалдзга (Галидзга) на западе и востоке и морем и горами – на юге и западе.

Территория, огороженная данной стеной, – однозначно территория земледельческого государства. Этот вывод диктуется простой логикой: *Quidprodest?* Сама стена служила защитой от набегов горских племен. Не было смысла ни Византии, ни персам огораживать конкретную территорию на побережье. Смысл имелся только у местного населения, вероятнее всего, – апсилов. Лазика была значительно южнее: она включала в себя приморскую территорию современных Гальского и частично Очамчирского районов и часть Аджарии (респ. Грузия)³⁹. Следовательно, логично предположить, что эта стена огораживала первоначальную территорию Апсилии, подходя вплотную к границам нынешнего Сухума – древнего Севастополиса, который, скорее всего, выступал относительно независимым от древнеабхазских этнополитических образований, подчиняясь напрямую Риму-Византии. Как и любой античный город, он имел хору, а следовательно, земли, прилегающие к нему, не входили ни в какое раннесредневековое этнополитическое образование абхазов, а сохраняли свое подчинение непосредственно Византии. При этой модели снимается также и спор о принадлежности территории между Анакопией (современный Новый Афон) и р. Келасур – т.е. территории Сухумской бухты и ее окрестностей. Некоторые исследователи относят ее к территории Абазгии, другие – к территории Апсилии⁴⁰.

Не противоречит предложенная модель и той информации, которую можно почерпнуть из анализа народных преданий. Согласно рассказу, составленному графиней Уваровой⁴¹, крепость была сооружена при императоре Юстиниане для того, чтобы защитить Абхазию от соседних горных народностей. Согласно разъяснениям, собранным В. Пачулиа⁴², это были местные племена апсилов, которые возвели это сооружение против народов, прибывающих из степей южной России по Кавказской дороге. Крепостная стена является барьером против севера, что полностью подтверждается нашим натурным обследованием. Учитывая технологию кладки, а также то, что особой заинтересованности у византийских императоров в обеспечении охраны границ апсилов не было, чтобы тратить огромные средства и силы на возведение стены, мы склоняемся, что стена была возведена именно самими местными племенами, скорее всего, апсилами для охраны своей территории от набегов с гор. Косвенно этот вывод подтверждает еще и тот факт, что территория, огороженная данной стеной, является наиболее пригодной для земледелия. Это равнина с хорошей ирригацией. Весьма ценные в этом отношении данные приводятся в источнике XVI в. – в «Уставе Сулеймана I для Кафской

³⁷ Анчабадзе 2010, 238.

³⁸ Иващенко 1925, 85–86.

³⁹ Георгика 1967, 415.

⁴⁰ Анчабадзе 2010, 236–242.

⁴¹ Уварова 1894, 34.

⁴² Пачулиа 1964, 34–43; 1973, 48.

ливы». В этом документе Абхазия упомянута, в частности, в связи с импортом риса. В «Уставе...» говорится: «Если прибудет рис из Сохума... и если (те, кто привез его) захотят узнать у кади о твердой цене, чтобы продать его самим, взимать 50 или 100 ахче по усмотрению; если (рис) в мешках – взимать по ахча с мешка». В связи с приведенным сообщением можно предполагать, что культура риса являлась предметом вывоза из страны и в зрелое, и в ранее средневековье. Имеющиеся этнографические данные также подтверждают, что абхазы, наряду с выращиванием проса, чумизы и пшеницы, занимались и выращиванием риса (по-абх. абрындж). Так, по сообщениям старожилов с. Кутол и с. Тамыш, они помнят, что абхазы – жители названных сел – в прошлом выращивали рис и что «рису требовалось много воды». По другим данным, в с. Гуп имеется местность под названием «Абрынджлацарта» – «место выращивания риса». И село Кутол, и село Гуп – это территория внутри Келасурской стены. Нужно вспомнить и о том, что еще в первой половине XIX в. в крестьянских семьях для детей готовили специальную молочную рисовую кашу, называемую «асатлач». На основе вышеизложенного можно считать установленным, что культура риса являлась одной из экспортных продукций абхазов⁴³. Таким образом, на основании проведенных исследований и имеющихся на сегодняшний день данных можно сделать вывод, что стена, идущая по предгорьям, огораживала сельскохозяйственную территорию развитого государственного образования, каковым являлась, скорее всего, Апсилия, от грабительских набегов с гор.

ЛИТЕРАТУРА

- Адзинба, И.Е. 1958: *Архитектурные памятники Абхазии*. Сухуми.
- Анчабадзе, З.В. 2010: *Избранные труды*: в 2-х т. Т.1. *История и культура древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)*. Сухум.
- Башкиров, А.С. 1926: Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. *ИАНО* 4, 21–22.
- Берадзе, Т. 1971: Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. *Сборник исторической географии Грузии* IV. Тбилиси, 137–151.
- Бердзенишвили, Н. 1972: *Исторические вопросы Грузии*. Т.1. Тбилиси.
- Бердзенишвили, Н. 1990: *Исторические вопросы Грузии: Материалы по исторической географии Грузии*. Тбилиси.
- Вахушти, Б. 1941: *Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского*. Тбилиси.
- Воронов, Ю.Н. 1971: Разведки в Абхазской АССР. *АО* 1, 379.
- Воронов, Ю.Н. 1972а: К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье. В кн.: *Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины*. Одесса, 393–396.
- Воронов, Ю.Н. 1972б: Разведочные работы в Абхазской АССР. *АО* 2, 472.
- Воронов, Ю.Н. 1973а: *В мире архитектурных памятников Абхазии*. М.
- Воронов, Ю.Н. 1973б: Келасурская стена. *СА* 2, 100–122.
- Гарцкия, В. 1892: Из абхазских народных преданий и поверий (озеро Папанцкур. Абр-скил). *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 13, 32–43.
- Гунба, М.М. 1977: Келасурская стена. *Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа* VI, 137–151.
- Дюбуа де Монпере, Ф. 1937: *Путешествие вокруг Кавказа*. Сухум.

⁴³ Маан 2012, 237–238.

- Ивашенко, М.М. 1925: Великая Абхазская стена. *ИАНО* 1, 61–89.
- Ивашенко, М.М. 1926: О направлении Келасурской стены. *Известия Абхазского научного общества* 4, 90–92.
- Каухчишвили, С.Г. 1952: «Георгика»: Сведения византийских писателей о Грузии. Т.IV. Ч. 2. Тбилиси.
- Кондратьев С.П. (пер.) 1950: *Война с готами. Прокопий из Кесарии*. М.
- Кудрявцев, К.Д. 1922: *Сборник материалов по истории Абхазии*. Сухум.
- Ламберти, А. 1913: Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 43, 1–232.
- Лихачев, И. 1881: Чловская пещера и легенда о Абласкире – Прометее. В кн.: *Труды V Археологического съезда в Тифлисе*. М., 245–248.
- Маан, О.В. 2012: *Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н.э. – 70-е гг. XIX в.)*. Сухум.
- Миллер, А.А. 1908: Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. В кн.: *Живая старина*. СПб., 1–2.
- Миллер, А.А. 1909: Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. *ИАК* 53, 74–76.
- Пачулия, В.П. 1964: *В краю золотого руна*. М.
- Пачулия, В.П. 1969: *По древней, но вечно молодой Абхазии*. Сухуми.
- Пачулия, В.П. 1973: *Легенды лазурного берега*. М.
- Сизов, В.И. 1889: Восточное побережье Черного моря. *Материалы по археологии Кавказа* II. М.
- Соловьев, Л.Н. 1940: *Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена)*. Сухум (рукопись).
- Стражев, В.И. 1925: Руинная Абхазия. *Известия Абхазского научного общества* 1, 25–28.
- Трапш, М.М. 1975: *Труды в 4-х томах. Т.4. Материалы по археологии средневековой Абхазии*. Сухуми.
- Требелева, Г.В., Юрков, Г.Ю. 2015: По великой абхазской (Келасурской) стене: от р. Келасур до р. Улыс и проблема восточного конца. *ПИФК* 1, 365–383.
- Требелева, Г.В., Юрков, Г.Ю., Сангулия, Г.А., Кайтан, Ш.Г. 2014: Чхортольский храм и вопрос локализации Великой абхазской (Келасурской) стены. В сб.: *IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа*. Краснодар, 250–254.
- Уварова, П.С. 1891: *Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки*. М.
- Уварова, П.С. 1894: Материалы по археологии Кавказа. *Материалы по археологии Кавказа*. Вып. IV. М.
- Чернявский, С.В. 1882: Записка о памятниках Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. В кн.: *V Археологический съезд в Тифлисе*. Т. I. М.
- Alexidze, Z. La Construction de la ΚΛΕΙΣΟΥΡΑ d'après le nouveau manuscrit sinaïtique No 50. *Travaux et Mémoires* 13, 673–681.

REFERENCES

- Adzinba, I.E. 1958: *Arkhitekturnye pamyatniki Abkhazii [Architectural monuments of Abkhazia]*. Suhumi.
- Alexidze Z. La Construction de la ΚΛΕΙΣΟΥΡΑ d'après le nouveau manuscrit sinaïtique No 50. *Travaux et Mémoires* 13, 673–681.
- Anchabadze, Z.V. 2010: *Izbrannye trudy: v 2-h t. T. 1. Istoriya i kultura drevney Abkhazii. Izistorii srednevekovoy Abkhazii (VI–XVII vv.) [Selected Works: In 2 v. Vol. 1. The History*

- and Culture of Ancient Abkhazia. From the History of Medieval Abkhazia (6th – 17th centuries)]*. Sukhum.
- Bashkirov, A.S. 1926: Arkheologicheskie izyskaniya v Abkhazii letom 1925 g. [Archaeological Survey in Abkhazia in the Summer of 1925]. *Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obschestva* [Proceedings of the Abkhazian Scientific Society] 4, 21–22.
- Beradze, T. 1971: Vahushti Bagrationi i voprosy istoricheskoy geografii Odishi [Vahushti Bagrationi and questions of the historical geography of Odishi]. *Sbornik istoricheskoy geografii Gruzii* [Collection of Historical Geography of Georgia] IV. Tbilisi, 137–151.
- Berdzenishvili, N. 1972: *Istoricheskie voprosy Gruzii* [Historical Issues of Georgia]. V.1. Tbilisi.
- Berdzenishvili, N. 1990: *Istoricheskie voprosy Gruzii: Materialy po istoricheskoy geografii Gruzii* [Historical Issues in Georgia: Materials for the Historical Geography of Georgia]. Tbilisi.
- Chernyavskiy, S.V. 1882: Zapiska o pamyatnikakh Zakavkazya, issledovanie kotorykh naibolee nastoyatelno [A Note on the Monuments of the Caucasus, whose Investigation is Most need]. In: *V arkheologicheskiy sezd v Tiflise* [5th Archaeological Congress in Tiflis]. T. I. Moscow.
- Dyubua de Monpere, F. 1937: Puteshestvie vokrug Kavkaza [Travel around the Caucasus]. Sukhum.
- Garckiya, V. 1892: Iz abkhazskikh narodnykh predaniy i poveriy (ozero Papanckur. Abrskil) [From the Abkhazian Folk Tales and Superstitions (Lake Pancur. Abrskil)]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [A Collection of Materials for Describing the Localities and Tribes of the Caucasus] 13, 32–43.
- Gunba, M.M. 1977: Kelasurskaya stena [Kelasuri wall]. *Izvestiya Abkhazskogo institute yazyka, literatury i istorii named after D.I. Gulia* [News of the Abkhazian Institute of Language, Literature and History. DI. Gulia] VI, 137–151.
- Ivaschenko, M.M. 1925: Velikaya Abkhazskaya stena [Great Abkhazian wall]. *Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obschestva* [Proceedings of the Abkhazian Scientific Society] 1, 61–89.
- Ivaschenko, M.M. 1926: O napravlenii Kelasurskoy steny [About the Direction of Kelasuri wall]. *Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obschestva* [Proceedings of the Abkhazian Scientific Society] 4, 90–92.
- Kauhchishvili, S.G. 1952: «Georgika»: Svedeniya vizantiyskikh pisateley o Gruzii. [Information of Byzantine Writers about Georgia]. V.IV. P. 2. Tbilisi.
- Kondratyev, S.P. 1950: *Voyna s gotami. Prokopiya iz Kesarii* [The War against the Goths. Procopius of Caesarea]. Moscow.
- Kudryavcev, K.D. 1922: *Sbornik materialov po istorii Abkhazii* [The Collection of Materials on the History of Abkhazia]. Sukhum.
- Lamberti, A. 1913: Opisanie Kolkhidy, nazyvaemoy teper Mingreliey [Description of Colchis, now called Mingrelia]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [A Collection of Materials for Describing the Localities and Tribes of the Caucasus] 43, 1–232.
- Lihachev, I. 1881: Chlovskaya peschera i legenda o Ablaskire – Prometee [Chlovskaya Cave and the Legend on Alaskite – Prometheus]. In: *Trudy V Arkheologicheskogo sezda v Tiflise* [Proceedings of the 5th Archaeological Congress in Tiflis]. Moscow.
- Maan, O.V. 2012: *Iz istorii torгово-ekonomicheskikh svyazey drevney i srednevekovoy Abkhazii (VI v. do n.e. – 70-e gg. XIX v.)*. [From the History of Trade and Economic Relations of Ancient and medieval Abkhazia (6th century BC to 70-ies of 21st Century)]. Sukhum.
- Miller, A.A. 1908: Arkheologicheskiy i etnograficheskiy ocherk Chernomorskogo poberezhya [Archaeological and Ethnographic Study of the Black Sea Coast]. In: *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. Saint-Petersburg, 1–2.

- Miller, A.A. 1909: Razvedki na Chernomorskom poberezhye Kavkaza v 1907 g. [Exploration on the Black Sea Coast of the Caucasus in 1907]. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya* [The Imperial Archaeological Commission] 53, 74–76.
- Pachulia, V.P. 1964: *V krayu zolotogo runa* [In the Land of the Golden fleece]. Moscow.
- Pachulia, V.P. 1969: *Po drevney, no vechno molodoy Abkhazii* [Across the Ancient but Forever Young Abkhazia]. Sukhum.
- Pachulia, V.P. 1973: *Legendy lazurnogo berega* [The Legend of the Azure Coast]. Moscow.
- Sizov, V.I. 1889: Vostochnoe poberezhie Chernogo morya [The East Coast of the Black Sea]. *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on the Archaeology of the Caucasus] II. Moscow.
- Solovyev, L.N. 1940: *Drevnie oboronitelnye rubezhi feodalnoy epohi na Chernomorskom poberezhie Zapadnoy Gruzii (Gagrskaya krepost, Iverskaya gora, Kelasurskaya stena)* [The Ancient Defenses of the Feudal Era on the Black Sea Coast of the Western Georgia (Gagra Fortress at the Iberian Mountain, Kelasuri Wall)]. Sukhum.
- Strazhev, V.I. 1925: Ruinnaya Abkhaziya [Ruin Abkhazia]. *Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obschestva* [Proceedings of the Abkhazian Scientific Society] 1, 25–28.
- Trapsh, M.M., 1975: *Trudy [Woks]: 4 v. V.4. Materialy po arkheologii i srednevekovoy Abkhazii* [Materials on the Archaeology of Medieval Abkhazia]. Sukhum.
- Trebeleva, G.V., Yurkov, G.Yu. 2015: Po velikoy abkhazskoy (Kelasurskoy) stene: ot r. Kelasur do r. Ulysi problema vostochnogo konca [Great Abkhazian (Kelasuri) the Wall: from the River Kelasur River, Ulysi and the Problem of East End]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 365–383.
- Trebeleva, G.V., Yurkov, G.Yu., Sanguliya, G.A., Kaytan, Sh.G. 2014: Chkhortolskiy khram i vopros lokalizatsii Velikoy abkhazskoy (Kelasurskoy) steny [The Chkhortol Temple and the Issue of Localization of the Great Abkhazian (Kelasuri) Walls]. In: *IV «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza* [4th “Anfimov Readings” on archaeology of the Western Caucasus]. Krasnodar, 250–254.
- Uvarova, P.S. 1891: *Abkhaziya, Adzhariya, Shavshetiya, Poshovskiy uchastok. Putevye zametki.* [Abkhazia, Ajaria, Shavsheti, Pashovsky Area. Travel Notes]. Moscow.
- Uvarova, P.S. 1894: *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on Archaeology of the Caucasus]. *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on the Archaeology of the Caucasus] IV. Moscow.
- Vakhushti, B. 1941: *Vakhushti Bagrationi. Opisanie tsarstva Gruzinskogo* [Vakhushti Bagrationi. Description of the Georgian Kingdom]. Tbilisi.
- Voronov, Yu.N. 1971: Razvedki v Abkhazskoy ASSR [Exploration in the Abkhaz ASSR]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries] 1, 379.
- Voronov, Yu.N. 1972a: K utochneniyu interpretatsii odnogo svedeniya Prokopiya Kesariyskogo o stroitelnoy deyatel'nosti Yustiniana v Prichernomore [To Clarify Interpretations of the Same Information of Procopius of Caesarea on the Building Activity of Justinian in the Black Sea]. In: *Tezisy dokladov XV nauchnoy konferentsii Instituta arkheologii Ukrainy* [Abstracts and Papers of the 15th Scientific Conference of the Ukrainian Institute of Archaeology]. Odessa, 393–396.
- Voronov, Yu. N. 1972b: Razvedochnye raboty v Abkhazskoy ASSR [Exploration in the Abkhaz ASSR]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries] 2, 472.
- Voronov, Yu.N. 1973: Kelasurskaya stena [Kelasuri wall]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 100–122.
- Voronov, Yu.N. 1973a: *V mire arkhitekturnykh pamyatnikov Abkhazii* [In the World of the Architectural Monuments of Abkhazia]. Moscow.

RESULTS OF STUDY OF THE GREAT ABKHAZIAN (KELASURI) WALL
(2013–2015) AND ISSUES OF BOUNDARIES OF EARLY MEDIEVAL STATE
FORMATIONS ON THE TERRITORY OF ABKHAZIA

Galina V. Trebeleva*, Zurab G. Khonziya**, Gleb Yu. Yurkov***

* *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
trgv@mail.ru

*** *D.I. Gilia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia,*
zaza37273@mail.ru

*** *Kurnakov Institute of General and Inorganic Chemistry of Russian Academy of
Sciences, Russia,*
gy_yurkov@mail.ru

Abstract. The Kelasuri wall is one of the most controversial and mysterious historical-architectural monuments of medieval Abkhazia. The most controversial issue is the origin and purpose of the object. The analysis of the literature showed that researchers' opinions diverge dramatically – for the whole twenty-three centuries, from antiquity to modern times. The exact localization of the Kelasuri wall also remained unclear. Therefore, the main aim of our study was reliable localization of the object by means of GPS-coordinates and plans of the surviving towers. As a result during investigations the wall extent (80 km) was established, exact coordinates were recorded and plans of 208 towers and sites of the walls which remained till 2015 were made. Identified along the river Alxga (Galidzga) 9 towers in its orientation, the layout and the construction technique are completely identical to the towers of the Kelasuri wall that had never been recorded and described. Analysis of the mortar (building mixture), construction techniques, partial excavation and modeling in GIS led to the conclusion that the wall was built in the so-called “Tsebelda period”, i.e. in the period of Late Antiquity to Early Middle Ages. It was concluded that the Kelasuri Wall stretched from the foothills to the sea, but on the Aaldzga river (Galidzga) in the area of the modern city of Ochamchira and the ancient city Gyuenos and not on the Ingur river as previously has been assumed by most researchers, who included into the system all the defensive structure located in Eastern Abkhazia. As a result the conclusion is drawn that the territory fenced with the Kelasuri Wall is a territory of agricultural formation of ancient state of Abkhazia – Apsilia.

Key words: the Kelasuri Wall, the problems of localization of boundaries, Apsilia, agricultural state, accurate localization

ВОПРОС ТРЕХ АРМЕНИЙ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СТРАБОНА

А.Ж. Арутюнян

Ереванский государственный университет, Армения,
hakobharutyunyan@ysu.am

Аннотация. В своей «Географии» древнегреческий историк и географ Страбон реально упоминает о трех Армениях (хотя и не осознает этот факт): 1) Армянское царство Оронтидов; 2) царство Великой Армении эпохи Арташесидов; 3) Армянская мировая держава при царе Тигране II Великом, после завоеваний которого территория армянского царства достигла более 1.000.000 кв.км. Страбон сознательно различает Великую Армению и Армению, созданную при царе Тигране II. Однако при этом он не ставит никаких различий между Оронтидским царством и Великой Арменией. Вероятно, согласно нашему мнению, это, в первую очередь, обусловлено тем, что древнегреческий историк ничего не знает об армянской династии Оронтидов (Ервандуни, Ервандакан, Арбанд), представители которой правили в «целостной» Армении с начала VII века до н.э. до 201 года, то есть от царя Скайорда до Оронта (Ервандаили Арбанда IV – у древних греков (220–201 гг.)). Если описание Страбоном северо-западной окраины армянского царства фактически соответствует реалиям исторической действительности, то юго-восточный контур государственной границы представлен частично. Мы считаем, что это обусловлено историческим фактом: в 331–330 гг. Оронтидская Армения распалась на две части – Великую и Малую Армению. Именно поэтому древнегреческий историк не мог с предельной точностью воспроизвести историческую ситуацию, сложившуюся на юго-восточной окраине армянского царства. Этим можно объяснить особенность его описания. Страбон подходит к рассмотрению вопроса с «обратной» стороны и описывает границы крайнего севера Месопотамии, где располагались Ассирия, Мидия и др. державы древнего мира.

Ключевые слова: Страбон, «География», Армения, Великая Армения, государственные границы, административно-территориальные деления

ВВЕДЕНИЕ

При внимательном изучении «Географии» Страбона становится очевидным, что в территориальном аспекте он говорит о существовании трех Армений. Первая являет собой *начальный статус*, в котором находилась Армения (пока еще не Великая Армения). Об этой Армении у античного историка-географа имеются два свидетельства, которые выделяются не только подробностями приведенных фактов, но и дополняют друг друга. Вначале он пишет: «По преданию, Иасон во вре-

Арутюнян Акоп Жороевич – доктор исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета.

мя своего путешествия к колхам вместе с фессалийцем Арменом проник вплоть до Каспийского моря и посетил Иберию, Албанию и большую часть Армении и Мидии, как это доказывают находящиеся там святилища Иасонаи, некоторые другие памятники. Далее, по рассказам, Армен происходил из Армении – одного из городов близ озера Бебеиды, между Ферами и Ларисой. Спутники Армена заняли области Акилисену и Сиспиритиду вплоть до Калахены и Адиабены, а он даже оставил после себя одноименную с ним Армению (Strabo. XI. 4. 8)». Из этого свидетельства становится очевидным, как проходила *северо-западная* граница Армении, так как обе провинции (*Екехик* и *Спер*), согласно «Ашхарацуйц»-у, находились на территории губернии *Бардзр Айк*, и первая была четвертой, а вторая – седьмой провинцией в составе этой губернии¹. Чуть ниже Страбон разъясняет, откуда ему известно об Арменосе, но это нам ничего не дает, однако там же он пишет: «Как я уже сказал, Армен из фессалийского города Армения, расположенного между Ферами и Ларисой на озере Беба, отправился походом в Армению вместе с Иасоном. Кирсил из Фарсала и Мидий из Ларисы, участники похода Александра, утверждают, что Армения получила от него свое имя. Часть спутников Армена поселились в Акилисене (которая в прежние времена была подвластна софенам), тогда как другие – в Сиспиритиде вплоть до Калахены (Strabo. XI. 14. 13)». Где находились *Адиабене* и *Калахене* известно, однако из этого сообщения почти ничего нельзя выяснить относительно контура границ Армении. Здесь мы весьма неопределенно можем говорить о границах на северо-западной и юго-восточной (?) частях Армении. Вопросительный знак, поставленный нами, не случайность, ибо эти юго-восточные страны, в частности, *Адиабене*, граничили с Великой Арменией на территории губерний *Корчайк* и *Парскаайк*. В этом случае из поля зрения выпадают восточные губернии – *Пайтакаран*, *Арцах*, *Утик*, *Сюник* и, возможно, *Васпуракан*. Мы вообще не говорим о том, где находились и какой статус имели губернии *Гугарк*, *Тайк* и большая часть *Айрарата*. Ко всему сказанному следует добавить, что это свидетельство относится к эпохе Александра Македонского (после 334 г. до н.э.), когда в Армении правили Оронтиды. Но как при владычестве мидийцев в Армении, так и во время Ахеменидов страна имела более обширные территории². От Ксенофонта мы знаем, что когда он в 401–400 гг. с греческим войском из Двуречья отступил к Черному морю, восточные границы оронтидской Армении распространялись до Мидии, а на северо-западе примкнули к причерноморским территориям, где, как свидетельствует автор-очевидец, проживали халдаи (Xen. Anab. III. 2. 17–24)³. Это свидетельство вновь доказывает, что в эпоху Александра, в период его восточного похода, Армения занимала территорию, большую, чем будущая Великая Армения.

Что следует предположить о свидетельстве Страбона относительно территории, занимаемой Арменией? С одной стороны, если упоминания о западных границах можно считать более или менее подробными, в них автор даже добавляет,

¹ О губернии Спер в 1925 г. в Париже Адонц Н. написал статью. См.: Адонц 2000, 9–25 (сборник именован названием данной статьи); Акопян 2015, 125–127; Патканов 1877, 43.

² См.: Hews 1984, 346 и дал.; Errington 2008, 171–180; Wieshafer 1996, 101–102; Monerie 2013, 74 и дал. Для сравнения границ царства см.: Арутюнян 2012, 150–174.

³ Карпюк 2010, 61, 89, 118–119 и дал.

что *Екехик* вначале находился под влиянием Софены (Strabo. XI. 14. 12)⁴, то, с другой стороны, для нас остается непонятным поверхностное описание границ другой части страны – юго-восточной и восточной в целом. С нашей точки зрения, какую-то определенность в данной ситуации вносит акад. Я.А. Манандян: «Особо интересно, что эти колонии арменов находились на трех великих путях, которые имели международное значение и доминировали над окрестностью»⁵. Развивая эту точку зрения, он фактически доказывает, что армяне на заре своей истории (то есть при *арменах*) играли руководящую роль на территории всего Армянского нагорья. С этих времен до эпохи Александра Македонского утекло много воды... Следует добавить, что две из этих трех дорог вели в Малую Азию, а далее – в Грецию и Рим, а третья – в Двуречье и соседние районы (Ассирия, Вавилон, Мидия)⁶.

О том, какую территорию занимало восстановленное царство представителя царствующей в Армении династии Оронтидов Ерванда-Оронта III, можно выяснить, исследуя данные «Землеописания» («Περίοδος γῆς») Гекатея Милетского в сравнительном анализе с другими источниками. Гекатей дает приблизительные границы Армении на стыке VI–V вв. до н.э., описывает границы Армении на северо-западной окраине (причерноморские районы), что почти совпадает с вышеупомянутыми сведениями Страбона, а также приблизительные границы юго-восточной части, имея при этом в сугубо географическом аспекте западную ориентацию⁷. Границы, отмеченные Гекатеем, в основном совпадают с границами территорий новообразованного царства Великой Армении, освободившихся от гнета Ахеменидов. В описании Гекатея Милетского львиная доля Малой Армении находится вне этих границ. На пограничных с Арменией причерноморских районах или на юго-восточной части Черного моря, согласно Гекатею, проживали мосхи, тибарены, макроны, халибы (халюбы), моссинеки, матиены, колхы, скифы (Hecat., fig. 169 и след.; также fig. 195 и след.)⁸.

Согласно описанию «народов», возможно приблизительное очерчивание границ и юго-восточной части страны. Гекатей пишет: «Хой – народ по соседству вехиров в описании Азии. До сих пор остается как страна вехиров, рядом с которыми живут хойи. Хойям с востока соседствуют дезиры (Hecat., fig. 190; см.: также fig. 200)».

После Гекатея 19 веков спустя о хоях вновь упоминает испанский путешественник Руи Гонсалес де Клавихо (XIV в.), который пишет: «На другой день, в четверг пятого июня, около полудня прибыли в город, называемый Хой. Он располагался на равнине в окружении многочисленных садов и возделанных полей <...> Здесь, у этого города Хой, кончается Верхняя Армения и начинается Персия; в городе живет много армян»⁹. Испанский путешественник говорит о древнеармянской провинции Гер (*her*), которая уже в дни де Клавихо была более

⁴ Об этом см.: также Арутюнян 1996, 67–74.

⁵ Манандян 1977, 32.

⁶ Thomson 2003, 163 и дал., 223–235; Meyers, Chancey 1990, 270; Мутафян, Лёв 2012, 19 (карта «К концу царствования царя Дария I из династии Ахеменидов»), 21 (карта «Конец эпохи Александра Великого»).

⁷ Об историко-географических взглядах более подробно см.: Фролов 1981, 96 и дал.; Суриков 2007, 143–151; Арутюнян 2008, 402–405; West 1991, 144–150; Ruschenbusch 2003, 81–94.

⁸ Илюшечкина 2009, 138–153.

⁹ Руи Гонсалес де Клавихо 1990, 75–76.

известна под названием Хой. Мы не можем дать однозначный ответ на вопрос, откуда древнегреческому историку-географу известно название этого административно-территориального деления (Хой), которое он отождествляет с названием народа. Можно только предположить, что он имел неизвестный нам первоисточник и, основываясь на его сведениях, дал описание административно-территориального деления, а также этнографическую карту¹⁰. Для окончательного ответа нам нужен комплексный подход, т.е. сопоставление/сравнение данных всех источников и их герменевтический анализ.

Гекатей описывает границы Оронтидской Армении (первым царем был Скайорд – 1-я половина VII в. до н.э.), которая впоследствии оказалась в составе Ахеменидской державы. После похода Александра Македонского Оронтидская Армения была разделена на две части: образовались Великая и Малая Армении (Curt. Ruf. IV. 12).

В Великой Армении с перерывами продолжали править Оронтиды, а с 189 г. здесь утвердилось династия Арташесидов. В Малой Армении после сражения под Гавгамелой стал править Митрауст (Михрвахишт). Это государство окончательно потеряло независимость в 111 г. до н.э. и было включено в состав Понтийского царства, а после вошло в состав Римской Республики. Страбон неоднократно упоминает о Малой Армении, однако только в аспекте географического наименования (см.: Strabo. XI. 12. 4; XIV. 1.5; XII. 3. 1; 18, 28, 29 и дал.). Почти такое же отношение мы находим и у Птолемея (см.: Ptol. I. 15. 9; V. 7. 1; VIII. 17. 1, 40). Весьма обрывочные упоминания о Малой Армении можно извлечь у Полибия (см.: Polyb. VIII, 25, XXV, 2).

Итак, если Гекатей не знает о Малой Армении, это представляется логичным, однако не вполне ясно упоминание Страбона об этом царстве не как о бывшем государстве, а в статусе географического названия. Контур государственных границ на юго-восточной окраине как при Оронтидах доэллинистического, так и постэллинистического периода, а также при Арташесидов и Аршакидах оставался неизменным. Но Гекатей, как было отмечено выше, упоминает о проживании на этой территории народа хой. Здесь он допускает неточность, ибо хой – это всего лишь название административно-территориальной единицы. Так именовалась провинция, которая в армянских источниках более известна под названием Гер (точнее – гер. См.: Фавстос. III. 8; Егише. III. 75, 105; Хоренац. II. 37)¹¹. У всех историков Гер обозначен пограничной провинцией или областью между Арменией, Ираном (Ахеменидским, Сасанидским), Селевкидским государством и Парфией. Однако изначально эту провинцию называли «Хой» по имени главного города, находящегося на этой территории, название которого, как считает акад. С.Т. Еремян, имеет эламское происхождение (Huĵâwa)¹². Страбон не знает ни об этом городе, ни о названии провинции, поэтому данную окраину Армении описывает со стороны северного Двуречья.

Вышеупомянутой начальной стадии Армении, о которой говорил Страбон, последует основание Великой Армении.

¹⁰ О первоисточниках, использованных Гекатеем, более подробно см.: Ельницкий 1961, 69 и дал.

¹¹ Акопян 2015, 135.

¹² Еремян 1963, 63.

Объединение армянских племен, проживавших изначально на Армянском нагорье, и основание единого царства Великой Армении окончательно имело место при Арташесе I (189–160 гг. до н.э.), которого справедливо называли *Благодетель (Добрый)*. Об окончательном объединении всех территорий армянского государства наиболее интересны свидетельства Страбона. Отметим, что Арташес I хорошо известен античным авторам: о нем говорят Полибий, Диодор Сицилийский, Плутарх, Иероним и, естественно, Страбон. Последний об основании Великой Армении и воссоединении армянских территорий пишет: «Далее рассказывают, что Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия [*Арташес I* – А.А.] и Зариадрия [*Зарех* – А.А.]. Они были первоначально полководцами Антиоха Великого [*Антиох III Селевкида* – А.А.], а впоследствии, после его поражения, стали царями (первый – царем Софены, Акисены, Одомантиды и некоторых других областей, а последний – царем страны вокруг Артаксаты); они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавниту и Басоропеду; у иберов – предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосинеков – Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов – Акилисену и область вокруг Антитавра; наконец, у сирийцев – Таронитиду (Strabo. XI. 14. 5; См. также: Хоренац. II. 34–39; Plini. VI. 10. 27; Ptol V. 13. 9, 13, 18, 20)»¹³. При первом знакомстве с этим свидетельством создается впечатление, что царство Софены имело больше территорий, чем царство Арташеса I, поскольку рядом с Софеной Страбон упоминает еще два административно-территориальных деления, а далее пишет, что в состав Софены входили также и другие территории. Античный историк свои мысли разъясняет чуть позже. Проанализировав его свидетельства, можно прийти к заключению, что под страбоновским выражением «под Артаксаты-Арташатом» следует понимать львиную долю территории Великой Армении, о которой мы знаем из «Ашхарацуйц»-а (Ананя Ширакаци. 291–298; Хоренац. II. 56 и дал.)¹⁴.

Страбон в своей «Географии», как было отмечено выше, упоминает почти 30 административно-территориальных делений Великой Армении, однако автор совершенно не отличает *губернии* от *провинций*. Из перечисленных 30-ти административно-территориальных единиц больше половины находились в западной части Великой Армении вокруг Софены или в соседних с ней территориях. Мы считаем, что именно по этой причине при первом описании Армении (о котором мы говорили выше в связи с Арменосом) Страбон в основном сообщает о западной и юго-восточной (но не крайней, упоминая только *Адиабене* и *Калахене*) территориях. Любопытно, что последние две территории греческий историограф считает населенными армянами, однако находит, что они находились вне территории Великой Армении. *Калахене* находился южнее *Адиабене*, но в непосредственном соседстве. Здесь известный ассирийский царь Ашшур-Нацир-Апал II в IX в. до н.э. на месте слияния рек Тигра и Великого Заба построил свою столицу Кальху. Наконец, следует отметить, что оживленный интерес Страбона именно к

¹³ Если Плиний В. Армению делит на 120 стратегий (провинций, которых в дальнейшем стало 190 или 195), то Птолемей перечисляет губернии, число которых – 20 или 21.

¹⁴ Акопян 2015, 124 и дал.; Патканов 1877, 42 и дал.

западной части Армении является результатом того, что эти районы находились ближе к Риму¹⁵. Что касается Софены, то Страбон и другие античные историки проявляли к этой территории слишком большой интерес.

Из последнего свидетельства Страбона нам стало понятно, каким именно способом произошел процесс территориального воссоединения Армении, который, однако, нуждается в частичных разъяснениях. Название *Акисене*, которое Р.А. Ачарян исправил на *Антисене*, не следует путать с *Акилисеной*, поскольку локализация последней четко выяснена, о чем мы говорили выше. Что касается так называемой *Акисены-Антисенеина*, то можно всего лишь предположить, что ее следует искать в Софене или, в крайнем случае, в соседних с ней территориях. Еще более сложен и противоречив вопрос *Одомантиса*, о котором мы говорили выше¹⁶.

Вернемся к Арташесу I. Как он реализовывал политику воссоединения, мы уже выяснили. К сказанному следует добавить, что локализация всех армянских административно-территориальных делений четко известна, кроме *Фавнитиды*, точки зрения о расположении которой мы уже проанализировали. Чтобы пойти наиболее верным путем в вопросе выяснения ее локализации, нам надо следовать за ходом рассуждения Страбона, который писал: «В самой Армении много гор и плоскогорий, где с трудом растет даже виноградная лоза; много там и долин, причем одни из них не отличаются особым плодородием, другие же, напротив, чрезвычайно плодородны, например, равнина Аракса, по которой река Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море. За этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Киром; еще далее идет Гогарена. Вся эта страна полна дикими плодами и плодами деревьев, выращенных человеком, и вечнозелеными растениями; здесь растет даже маслина. Провинцией Армении является Фавена, а также Комисена и Орхистена, выставляющая наибольшее число всадников. Хорзена и Камбисена – самые северные и больше всех покрыты снегом; они находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой. Как говорят, здесь на горных перевалах при сильном снегопаде целые караваны гибнут в снегу (Strabo. XI. 14. 4)»¹⁷.

Ситуация резко меняется, когда Страбон начинает говорить о перечисленных трех частях – западной, центральной и восточной, – фрагментарно описывая географическое положение одной из них. В этом случае начинает проявляться его «северная географическая ориентация». В вышеприведенном свидетельстве Страбон сначала перечисляет административно-территориальные единицы Великой Армении, находившиеся на севере, то есть *Шакашене* и *Гугарк - Гогарене*, затем перемещается на юг, говоря о правителях этой части. В данном списке самой южной является *Орхистене*, которая, однозначно, полностью совпадает с *Арцахом*, согласно «Ашхарацуйц»-у. Остается выяснить, где именно, согласно Страбону, находились остальные административно-территориальные деления, то есть *Фавена* и *Комисена*. Как справедливо считает Р.А. Ачарян, *Комисена* – это та же *Камбисена*, находившаяся на территории *Хорзены* (см.: Страбон. 109, 111–112)¹⁸.

¹⁵ Harris 2006, 128, 134, 147–149 и дал.; Harmansah 2013, 122–127; Cohen 2013, 13 и дал.

¹⁶ Арутюнян 2014, 19–22.

¹⁷ Арутюнян 2009, 130–132.

¹⁸ См.: Scullard 2007, 100, 314; Taylor 2013, 115–119; Harris 2006, 149 и дал.

Так как южнее Комисены находится *Айрарат*, то Фавнену (Фавнитиду) следует искать южнее этого административно-территориального деления. Окончательное выяснение вопроса осложняется по причине невозможности очертить четкие контуры границы губернии Айрарат при Арташесе I. Можно только предположить, что Фавнена, вероятно, занимала территорию на крайнем юго-востоке Айрарата или, в крайнем случае, находилась на севере ашхарацуйцевской губернии *Сюник*, то есть между Сюником и Айраратом.

В пятом параграфе «Географии» (книга XI, раздел XIV) Страбон, упоминая, что Арташес и Зарех все воссоединенные территории завоевали у соседних народов, использует многозначный глагол ἀποτεμόμενοι, который переводится как *рвать, отнимать, насильственно отделять*¹⁹. Переводчик Страбона с древнегреческого языка на русский Г.А. Стратановский данный отрезок представил следующим образом: «Они расширили [подчеркнуто нами – А.А.] совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей... (см.: Strabo. XI. 14. 5)». Эта цитата показывает, что, в сущности, переводы Р.А. Ачаряна (перевод с французского языка на армянский) и Г.А. Стратановского практически идентичны (См.: Страбон. 57). Если следовать естественному развитию событий согласно автору, то можно заключить, что Арташес и Зарех были завоевателями. Однако свидетельства IV-го параграфа разъясняют обстоятельства. Страбон упоминает не только о тех главных районах (поле Араксены, Орхистене), которые были аортами Армении, но и приводит общие контуры границ страны. На армяно-албанской границе находился Шакасене (Сакасене), в центре крайнего севера – Гогарене или Гугарк, ниже него, как было выявлено, Фавнена, далее граница протянулась до Адиабены и Калахены...

К вопросам описания армянских границ античным историком-географом обратился С.Т. Еремян, правильность герменевтического анализа которого не вызывает никаких сомнений²⁰. Наконец, если бы у Страбона были малейшие сомнения, то после описания всего процесса воссоединения он бы не завершил свои свидетельства касательно рассматриваемого региона мыслью, что население всех этих территорий говорило на одном языке – ομοῦλωττες (см.: Strabo. XI. 14. 5)²¹.

Страбон обращается к вопросам границ и тогда, когда говорит об орографии страны, но мы воздерживаемся от комментариев по этому поводу, поскольку проблема детально изучена предыдущими исследователями (Я.А. Манандян, С.Т. Еремян, Г.Х. Саркисян, Т.Х. Акопян и др.)²².

Последний – третий – статус Армении, упоминаемый Страбоном, соответствует эпохе Тиграна II Великого. Хорошо известно, что в самом начале своего царствования Тигран II завершил процесс территориального воссоединения царства Великой Армении, так как до него его дед Арташес I уже воссоединил

¹⁹ Дворецкий 1958, 219.

²⁰ См.: Еремян 1963, 67–68; Акопян 2015, 124–148; Мутафян, Лёв 2012, 12 (карта «Великая Армения в начале VII века»).

²¹ The ancient languages of Asia Minor 2008, 124–144 (о формировании классического армянского – грабара). См. там же: 105–123 (об урартском языке).

²² См.: Манандян 1977; 1978; 1984. passim; Еремян 1963, 31 и дал.; История армянского народа 1971, 489 и дал.; Акопян 1968, 23 и дал.; Арутюнян 2015, 55 и дал.; Talbert 2000, 1268; Мутафян, Лёв 2012, 27 (карта «Первые римские консульства Помпея и Красса»).

14 губерний, кроме Софены²³. Страбон достаточно подробно описывает походы и завоевания Тиграна II, однако здесь в его повествовании отсутствует то воодушевление, которое отчетливо видно, когда он говорит об Арташесе I или Зарехе. Видимо, поэтому он и воздерживается от названия этих территорий исконно армянскими и ставит между ними большой водораздел (Strabo. XI. 14. 15; XII. 2. 9; XVI. 1. 19.).

Какой вывод можно сделать из вышеизложенного? Приведя все к общему знаменателю, мы видим, насколько чутким становится античный историк-географ, когда речь заходит о государствах и очертании контура государственных границ. Совершенно очевидно, для него не могло быть иной позиции. Почему? Страбон был отлично знаком с римским и греческим обществами. Он прекрасно осознавал, чем является граница (на древнегреческом ἄκρα, ἄκρη²⁴) для каждого гражданина. Древняя Греция на протяжении всей своей истории, до эпохи эллинизма, когда страна была окончательно воссоединена Александром Македонским, являла собой классический пример сосуществования отдельных городов-государств. Когда гражданин покидал свой полис, он фактически переходил границу, невольно оказываясь на территории другого города-государства²⁵. Более того, слово *граница* имело у греков несколько синонимов и кроме лексической единицы *акра* использовались слова ἄκρα или ἄκρη, которые соответствовали четырем диалектам: ионическому, эолийскому, ахейскому и дорийскому. Нарушение границы считалось святотатством, в результате чего постепенно межевые камни превратились в предмет культа в виде столбов бога Гермеса²⁶.

У древних римлян идеология лимеса (границы) формировалась постепенно, поскольку здесь быстрыми темпами происходило объединением Римом Италии (VI–III вв.). На Аппенинах сформировалась Римская республика как монолитное государство. Идея границы получила окончательное гражданство, когда республика перешла к политике внешних завоеваний; в этот период укоренилось мышление провинциальной политики (первыми провинциями были острова *Сицилия*, *Сардиния* и *Корсика*, которые оказались в этом статусе после завершения Первой Пунической войны между Римом и Карфагеном). Любопытно, что и межевые камни удостоились особого наименования – *terminus*. 23 февраля было провозглашено днем их рождения и пышно праздновалось. Этот праздник назывался *Терминалом* (по имени бога границ Термина).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Страбон был родом из Понта, находившегося в Малой Азии, из города Амазии (в настоящее время располагается на территории современной Турции – г. Амасья). В год его рождения (63 г. до н.э.) это государство было сокрушено

²³ В этом вопросе все исследователи единогласны, кроме Я.А. Манандяна, который находит, что Арташес I воссоединил 13 губерний. См.: Манандян 1977, 121–122. Для сравнения см.: Еремян 1952, Карта «Армения во II–I вв. до н.э.»; Арутюнян 2007, 50–52; 2010, 133–140; 2015, 75.

²⁴ Данный термин имеет много значений: 1) мыс, выступ, коса, вершина, высшая точка, 2) конец, окончательность, край, 3) цитадель (Дворецкий 1958, 68).

²⁵ См.: Курциус 2002, 31 и дал.; Kosmin 2014, 183–222, 222–252 (рассмотрен вопрос взаимоотношений царя и города); Hansen 2006, 7 и дал.

²⁶ Эти вопросы подробно рассмотрены проф. В.И. Кашеевым. См.: Кашеев 1993, 89 и дал.

Римской республикой. Страбон побывал практически во всех цивилизованных странах того времени: в Греции, Риме, Эфиопии, Египте и т.д. Он прекрасно осознал, что представляет собой *государственная граница* в целом и в частности²⁷. Таким образом, руководствуясь своим мировоззрением, он не ставил разницы между Арменией и Великой Арменией (доарташисидской и арташисидской), но различал *Великую Армению* и основанное Тиграном II *царство Великой Армении*. Это отражено в упомянутом им договоре, подписанном Тиграном и Помпеем в 66 г. до н.э. в Арташате: Великая Армения сохранила свой статус и отказалась от всех завоеванных территорий. Об этом единогласно свидетельствуют все античные историки, упоминающие текст данного договора (Дион Кассий, Аппиан, Плутарх). Римляне даже Софену не отделили от Великой Армении, которая на очень короткое время получила *status instatu*. Более того, для ослабления Софены и окончательного подчинения ее Великой Армении Римом (Помпеем) было решено, что Великая Армения будет выплачивать контрибуцию в основном из казны Софены²⁸.

Таким было восприятие Страбоном границ Армении, Великой Армении и державной Армении Тиграна II Великого. Первые две границы в его мировоззрении неразделимы. Последнюю же он рассматривает как временное явление или анахронизм.

ЛИТЕРАТУРА

- Адонц, Н. 2008: *Золотой рудник Армении. Малые исследования*. Ереван.
- Акопян, А.А. 2015: «*Ашхарацуйц*» VII века Анонима. *Научно-критический оригинал. Ан-дес амсорья*. Ереван–Вена.
- Акопян, Т.Х. 1968: *Историческая география Армении*. Ереван.
- Анания Ширакаци 1979: *Избранные труды. «Ашхарацуйц»*. Ереван.
- Арский, Ф.Н. 1974: *Страбон*. М.
- Арутюнян, А.Ж. 1996: Софена и царство Софены согласно «Географии» Страбона. *Вестник ЕГУ* 1, 67–74.
- Арутюнян, А.Ж. 2007: Реформы Арташеса I и эллинизация древнеармянского государства. *Научная мысль Кавказа: Северо-кавказский научный центр высшей школы* 4, 48–55.
- Арутюнян, А.Ж. 2008: Гекатей Милетский как основоположник науки исторической географии. *Мавродинские чтения*. СПб.
- Арутюнян, А.Ж. 2009: Арташес I и основание древнеармянской профессиональной армии. *ВДИ* 2, 129–137.
- Арутюнян, А.Ж. 2010: К вопросу о катойкизации в древнеармянском государстве. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 9, 133–146.
- Арутюнян, А.Ж. 2012: Царство Оронтидов согласно «Описанию земли» Гекатея Милетского. *Иран-Наме* 3, 150–174.
- Арутюнян, А.Ж. 2015: *Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н.э. – 298 г. н.э.)*. Ростов-на-Дону.
- Гекатей Милетский 1947: *Землеописание*. Изд. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *ВДИ* 1, 298–301.
- Дворецкий, И.Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. I. М.

²⁷ Арский 1974, 3 и дал.

²⁸ Shipley 2000, 371–380; Erskine 2005, 86–88; Kosmin 2014, 146–147, 156–157; Eckstein 2006, 189–190.

- Ельницкий, Л.А. 1961: *Знание древних о северных странах*. М.
- Еремян, С.Т. 1963: *Армения по «Аишхарацуйц»-у (Армянской географии VII века) (опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе)*. Ереван.
- Еремян, С.Т. (ред.) 1971: *История армянского народа*. Т. I. *Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя*. Ереван.
- Еремян, С.Т. 1952: *Атлас книги «История армянского народа»*. Ч. I. Ереван.
- Илюшечкина, Е.В. 2009: Каталог южнопонтских племен у Дионисия Периегета. *ВДИ* 4, 138–153.
- Карпюк, С.Г. 2010: *Климат и география в человеческом измерении*. М.
- Кашеев, В.И. 1993: *Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э.* М.
- Курциус, Э. 2002: *История древней Греции*. Т. II. Минск.
- Манандян, Я.А. 1977: *Критический обзор истории армянского народа*. Т. I. Ереван.
- Манандян, Я.А. 1978: *Критический обзор истории армянского народа*. Т. II. Ереван.
- Манандян, Я.А. 1984: *Труды*. Т. V. Ереван.
- Мовсес Хоренаци 1990: *История Армении*. Ереван.
- Мутафян, К., Лёв, ван Э. 2012: *Исторический атлас Армении. Ближний Восток и южный Кавказ с VIII века до Р.Х. до XXI века*. М.
- Патканов, К.П. 1877: *Армянская география VII века по Р.Х.* (текст и перевод изд. К.П. Патканов). СПб.
- Руи Гонсалес де Клавихо 1990: *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406)*. М.
- Страбон 1940: *Иноязычные источники об армянах. Греческие источники*. № 1. Собрал и перевел Г.А. Ачарян. Ереван.
- Суриков, И.Е. 2007: Несвоевременный Геродот. (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом). *ВДИ* 1, 143–151.
- Фавстос Бузанд 1953: *История Армении* (пер. с древнеарм. на рус. яз. М.А. Геворгяна). Ереван.
- Фролов, Э.Д. 1981: *Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли*. Л.
- Cohen, G.M. 2013: *The Hellenistic Settlements in the East. From Armenia and Mesopotamia to Bactria and India*. Los-Angeles – London.
- Eckstein, A.M. 2006: Mediterranean anarchy, interstate war and the rise of Rome. *Hellenistic Culture and Society*. Vol. 48. Berkeley – Los Angeles – London.
- Errington, R.M. 2008: *A History of the Hellenistic World: 323–30 B.C.* Oxford.
- Erskine, A. 2005: *A Companion to the Hellenistic World*. (Blackwell. Companions to the Ancient World, XXVIII). Oxford.
- Fragmenta historicorum graecorum* 2007. Harvard.
- Hansen, M.H. 2006: *Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford.
- Harmansah, O. 2013: *Cities and the Shaping of Memory in the Ancient Near East*. Cambridge.
- Harris, W.V. 2000: *War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B.C. With a New Preface and Additional Bibliography*. Oxford.
- Hewsen, R.H. 1984: *Introduction to Armenian historical geography III. The boundaries of orontid Armenia*. REArm. T. XVIII. 347–366.
- Hewsen, R.H. 1992: *The Geography of Ananias of Širak («Ašxarhacoyc'»)*. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden.
- Jacoby, F. 1923: *Fragmente der griechischen Historiker. Teil I. [Nr. 1–63]*. Berlin.
- Kosmin, P.J. 2014: *The Land of the Elephant Kings. Space Territory and Ideology in the Seleucid Empire*. Cambridge– London.

- Meyers, E.M., Chancey, M.A. 1990: Alexander to Constantine. *Archaeology of the Land of Bible*. Vol. 3. New Haven – L.
- Monerie, J. 2013: *Aspects de l'économie de la Babylonie aux époques hellénistique et parthe (IVe S. a.v. J.-C. – Ier S. a.v. J.-C.)*. Paris–Sorbonne.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85, 81–94.
- Scullard, H.H. 2007: *From the Gracchi to Nero. A history of Rome from 133 B.C. to A.D. 68*. New York.
- Shipley, G. 2000: The Greek World after Alexander, 323–30 B.C. L.– New York.
- Talbert, R.J.A. 2000: *Atlas of the Greek and Roman World*. Barrington.
- Taylor, M. 2013: *Antiochus the Great*. Yorkshire.
- Thomson, S. 2013: *The Romance between Greece and East*. Cambridge.
- West, S. 1991: Herodotus' Portrait of Hecataeus. *JHS* 111, 144–150.
- Wieshafer, J. 1996: *Ancient Persia: From 550 B.C. to 650 A.D. (Armenian Research Centre Collection)*. Michigan.
- Woodard, R.D. (ed.) 2008: *The Ancient Languages of Asia Minor*. Cambridge.

REFERENCES

- Abramyana, A.G., Petrosyana, G.B Ananiya Shirakatsi 1979: *Izbrannye trudy. Ashkharatsuyts [Selected Works]*. Yerevan.
- Adonts, N. 2008: *Zolotoy rudnik Armenii. Malye proizvedeniya [Gold mine of Armenia. Small Research]*. Yerevan.
- Akopyan, A. 2015: «Ashkharatsuyts» VII veka Anonima, Nauchno-kriyicheskij original [Ashkharatsuyts "The 7th Century Anonymous. Scientific-Critical Original. Andes amorja]. Yerevan–Viena.
- Akopyan, T.Kh. 1968: *Istoricheskaya geografiya Armenii [Historical Geography of Armenia]*. Yerevan.
- Arskiy, F.N. 1974: *Strabon [Strabo]*. Moscow.
- Arutyunyan, H.Zh. 1996: Sofena i tsarstvo Sofeny soglasno «Geografii» Strabona [Sophene and the Kingdom of Sophene according to Strabo's 'Geography']. *Vestnik Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Yerevan university]* 1, 67–74.
- Arutyunyan, H.Zh. 2007: Reformy Artashes I i ellinizatsiya drevnearmyanskogo gosudarstva [Reforms of Artashes I and Hellenization of the Ancient Armenian State]. *Naychnaya mysl' Kavkaza: Severo-kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly [Scientific idea of the Caucasus: North Caucasian Center of Higher Education]* 4, Rostov-on-Don, 48–55.
- Arutyunyan, H.Zh. 2008: Gekatey Miletskiy kak osnovopolozhnik nauki istoricheskoy geografii [Hecataeus Miletus as the Founder of the Science of Historical Geography]. *Mavrodinskije chteniya [Mavrodinsky Reading]*. Saint-Petersburg.
- Arutyunyan, H.Zh. 2009: Artashes I i osnovanie drevnearmyanskoy professional'noi armii [Artashes I and the Foundation of the Ancient Armenian Professional Army]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 129–137.
- Arutyunyan, H.Zh. 2010: K voprosu o katoykizatsiy v drevnearmyanskom gosudarstve [On the Issue of Katoykization in the Ancient Armenian State]. *Mnemon* 9, 133–146.
- Arutyunyan, H.Zh. 2012: Tsarstvo Orontidov soglasno «Opisaniyu zemli» Gekateya Miletskogo [The Kingdom of the Orontes According to the "Description of the Earth" by Hecataeus of Miletus]. *Iran-Nam* 3, 150–174.
- Arutyunyan, H.Zh. 2015: *Armeniya, gosudarstva Vostochnogo Sredizemnomor'ya i Iran (189 g. do n.e. – 298 g. n.e.) [Armenia, the States of the Eastern Mediterranean and Iran (189 BC – 298 AD)]* Rostov-on-Don.

- Cohen, G.M. 2013: *The Hellenistic Settlements in the East. From Armenia and Mesopotamia to Bactria and India*. Los-Angeles – London.
- Dvoretzkiy, I.Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar* [Ancient Greek-Russian dictionary]. T.I. Moscow.
- Eckstein, A.M. 2006: Mediterranean anarchy, interstate war and the rise of Rome. *Hellenistic Culture and Society*. Vol. 48. Berkeley – Los Angeles – London.
- Eremyan, S.T. 1952: *Atlas knigi «Istoriya armyanskogo naroda»* [Atlas of the Book “History of the Armenian People”]. P.I. Yerevan.
- Eremyan, S.T. 1963: *Armeniya po «Ashkharatsuyts»-u (Armyanskoy geografii VII veka) (opyt rekonstrukcii armyanskoy karty VII veka na sovremennoy kartograficheskoy osnove)*. [Armenia on “Ashkharatsuyts” -y (Armenian geography of the 7th century) (the experience of reconstruction of the Armenian map of the 7th century on a modern cartographic basis)]. Yerevan.
- Eremyan, S.T. 1971: *Armeniya po «Ashkharatsuyts»-u (Armyanskoy geografii VII veka) (opyt rekonstruktsii armyanskoy karty VII veka na sovremennoy karyograficheskoy osnove)* [History of the Armenian people. T. I. Armenia in the era of the primitive communal and slave system]. Yerevan.
- Eremyan, S.T. 1971: *Istoriya armyanskogo naroda*. T. I. *Armeniya v epokhu pervobytnoobshchinnogo i rabovladel'cheskogo stroya* [History of the Armenian people. T.I. Armenia in the Era of the Primitive Communal and Slave System]. Yerevan.
- Errington, R.M. 2008: *A History of the Hellenistic World: 323–30 B.C.* Oxford.
- Erskine, A. 2005: *A Companion to the Hellenistic World*. (Blackwell. Companions to the Ancient World, XXVIII). Oxford.
- Favstos Buzand 1953: *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Yerevan.
- FrGH. 2007. Harvard.
- Frolov, E.D. 1981: *Fakel Prometeya. Ocherki antichnoy obshchestvennoy mysli* [The Torch of Prometheus. Essays on Ancient Social Thought]. Leningrad.
- Gekatey Miletskiy. 1947: Zemleopisanie. Izd. Latyshev V.V. *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifiy i Kavkaze* [Earth Description. Ed. Latyshev V.V. News of ancient writers about Scythia and the Caucasus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 298–301.
- Hansen, M.H. 2006: *Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford.
- Harmansah, O. 2013: *Cities and the Shaping of Memory in the Ancient Near East*. Cambridge.
- Harris, W.V. 2000: *War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B.C. With a New Preface and Additional Bibliography*. Oxford.
- Hewsen, R.H. 1992: *The Geography of Ananias of Širak («Ašxarhacoc'»)*. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden.
- Ilyushechkina, E.V. 2009: Katalog yuzhnepontiyskikh plemeny u Dionisiya Periegeta [The Catalog of the South-Spanish Tribes of Dionysius Periheget]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 4, 138–153.
- Jacoby, F. 1923: *Fragmente der griechischen Historiker. Teil I. [Nr. 1–63]*. Berlin.
- Karpyuk, S.G. 2010: *Klimat i geografiya v chelovecheskom izmereniy* [Climate and Geography in the Human Dimension]. Moscow.
- Kosmin, P.J. 2014: *The Land of the Elephant Kings. Space Territory and Ideology in the Seleucid Empire*. Cambridge– London.
- Manandyan, Ya.A. 1977: *Kriticheskiy obzor istoriy armyanskogo naroda* [A Critical Review of the History of the Armenian People]. T. I. Yerevan.
- Manandyan, Ya.A. 1978: *Kriticheskiy obzor istoriy armyanskogo naroda* [A Critical Review of the History of the Armenian People]. T. II. Yerevan.
- Manandyan, Ya.A. 1984: *Trudy* [Works]. T.V. Yerevan.

- Meyers, E.M., Chancey, M.A. 1990: Alexander to Constantine. *Archaeology of the Land of Bible*. Vol. 3. New Haven – London.
- Monerie, J. 2013: *Aspects de l'économie de la Babylonie aux époques hellénistique et parthe (IVe S. a.v. J.-C. – Ier S. a.v. J.-C.)*. Paris–Sorbonne.
- Movses Khorenatsi 1990: *Istoriya Armenii* [*History of Armenia*]. Yerevan.
- Mutafyan, K., Lyev, van E. 2012: *Istoricheskiy atlas Armeniy. Blizhniy Vostok i yuzhnyi Kavkaz s VIII veka do R.Kh. do XXI veka* [*Historical Atlas of Armenia. The Middle East and the South Caucasus from the VIII Century BC. up to the 19th Century*]. Moscow.
- Patkanov, K.P. 1877: *Armyanskaya geografiya VII veka do R.Kh.* (Teksty i perevod. izd. Patkanov, K.P.) [*Armenian Geography of the 7th Century by BC*]. Saint-Petersburg.
- Rui Gonsales de Klavikho 1990: *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Tumura (1403–1406)*. [*Diary of a trip to Samarkand to the court of Timur (1403–1406)*]. Moscow.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellenikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85, 81–94.
- Scullard, H.H. 2007: *From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68*. New York.
- Shipley, G. 2000: The Greek World after Alexander, 323–30 B.C. London– New York.
- Surikov, I.E. 2007: Nesvoevremennyy Gerodot (Epicheskiy prozaik mezhdru logografami i Fuki didom) [*Untimely Herodotus (An epic prose writer between logographers and Thucydides)*]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 143–151.
- Talbert, R.J.A. 2000: *Atlas of the Greek and Roman World*. Barrington.
- Taylor, M. 2013: *Antiochus the Great*. Yorkshire.
- Thomson, S. 2013: *The Romance between Greece and East*. Cambridge.
- West, S. 1991: Herodotus' Portrait of Hecataeus. *JHS* 111, 144–150.
- Wieshafer, J. 1996: *Ancient Persia: From 550 B.C. to 650 A.D. (Armenian Research Centre Collection)*. Michigan.
- Woodard, R.D. (ed.) 2008: *The Ancient Languages of Asia Minor*. Cambridge.
- El'nitskiy, L.A. 1961: *Znanie drevnikh o severnykh stranakh* [*Knowledge of the Ancients about the Nordic Countries*]. Moscow.
- Kurtsius, E. 2002: *Istoriya drevney Gretsii* [*History of Ancient Greece*]. T. II. Minsk.
- Kashcheev, V.I. 1993: *Ellinisticheskiy mir i Rim. Voyna, mir i diplomatiya v 220–146 godakh do n.e.* [*Hellenistic World and Rome. War, Peace and Diplomacy in 220–146 BC*]. Moscow.

STRABO'S HISTORICAL-GEOGRAPHICAL CONCEPT: THE ISSUE ON THREE ARMENIAS

Akop Zh. Arutyunyan

Yerevan State University, Armenia,
hakobharutyunyan@ysu.am

Abstract. In his «Geography», Strabo really mentions three Armenians (although he does not realize this fact): 1) the Armenian kingdom of the Orontides; 2) the kingdom of the Great Armenia of the Artashesian period; 3) Armenian world power under King Tigranes the Great, after his conquests the territory of the Armenian kingdom reached more than 1 000 000 square kilometers. Strabo deliberately distinguishes between Great Armenia and Armenia, established during the reign of Tigranes II. However, he does not make any distinction between the Orontid kingdom and the Kingdom of Great Armenia. Probably, according to our opinion, this is primarily due to the fact that the ancient Greek historian knows nothing about the Armenian dynasty of the Orontid (Eruandid or Yervanduni, Arband), representatives of which ruled in

an “integral” Armenia from the beginning of the 7th century BC until AD 201, that is from King Skyward to Orontes (Yervand or Arband IV – the ancient Greeks (220–201)). If Strabo’s description of the northwestern remote area of the Armenian kingdom actually corresponds to the realities of the historical reality, then the state south-eastern external boundary of is partially presented. We believe that this is due to the historical fact: in AD 331–330 the Orontid Armenia was divided into two parts, Great Armenia and Minor Armenia. That is why the ancient Greek historian could not reproduce, with utmost accuracy, the historical situation that had prevailed in the southeastern periphery of the Armenian kingdom. This can explain the peculiarity of his description. Strabo approaches the issue from the “reverse” side and describes the borders of the far north of Mesopotamia, where Assyria, Media, and other powers of the ancient world were located.

Key words: Strabo, «Geography», Armenia, Great Armenia, state borders, administrative-territorial divisions

Племенной мир

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 200–209
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 200–209
©Автор(ы) 2017

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПЛОШНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ СТЕН КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ФОТОГРАММЕТРИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКОЙ

А.С. Пахунов

Институт археологии РАН, Москва,
science@pakhunov.com

Аннотация. В статье представлен основанный на использовании фотограмметрической обработки изображений подход к документированию наскального искусства Каповой пещеры. С целью полной фиксации стен пещеры, даже если на них не было рисунков, съемка проводилась фрагментами. Использование современной фотокамеры с высоким разрешением и высокопроизводительного компьютера позволило получить текстуры с детализацией, превышающей имевшуюся для полученных ранее фотографий отдельных изображений. Сплошная фиксация позволила выявить новый геометрический мотив на северной стене зала Знаков – практически невидимый глазом рисунок был обнаружен после применения усиления цветового контраста к текстуре одной из моделей.

Высокое разрешение текстур и съемка крупными фрагментами позволили выявить новое изображение в «щели» зала Хаоса, представляющей собой узкий скальный разлом, рисунки в котором располагаются на потолке, что представляет существенные трудности для проведения документирования. Использование фотограмметрии дало возможность впервые зафиксировать рисунки на потолке разлома большими группами, в результате чего была установлена связь двух участков одного изображения с геометрическим мотивом в виде пересекающихся под прямым углом линий, ранее в зале Хаоса было известно два изображения с подобным мотивом.

Цифровая обработка изображений также позволила выявить особенности распределения окрашенных областей на стенах. После усиления цветового контраста было выделено

Пахунов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Института археологии РАН.
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты №16-01-00418 (а), 17-11-02603 е(р).

два типа окрашенных областей – светло-красного и фиолетового цвета. Ввиду особенностей их распределения и формы было высказано предположение, что светло-красные области являются естественным ожелезнением, тогда как фиолетовый цвет соответствует преднамеренно окрашенным участкам, что нашло подтверждение при съемке фрагментов стен с рисунками.

Ключевые слова: наскальное искусство, документирование, фотограмметрия, Капова пещера, верхний палеолит

Капова пещера (Шульган-Таш) представляет собой трехуровневую систему залов и галерей протяженностью более 3 км. Рисунки палеолитического времени отмечены в ней на двух уровнях: в трех залах среднего и одном зале верхнего уровня. Распределение рисунков в залах неравномерно, что во многом связано с рельефом поверхности стен. Так наибольшая плотность изображений наблюдается на плоских вертикальных участках, на которых расположены многофигурные композиции в зале Хаоса и зале Рисунков. Помимо фигуративных изображений животных и знаков в пещере отмечено большое количество (существенно варьирующее по разным оценкам) окрашенных областей, интерпретация которых затруднительна – были ли они размытыми фигуративными изображениями, преднамеренно или непреднамеренно окрашенными участками стен или пятнами природного ожелезнения. Существенную проблему в исследовании наскального искусства как в пещерах, так и под открытым небом представляет выделение объективных критериев, позволяющие разделить преднамеренное и естественное окрашивание.

Изучение изобразительного ансамбля Каповой пещеры проводится уже более 50 лет, что позволяет проследить трансформацию методов документации, связанную с развитием техники съемки и обработки изображений¹. Значительный рост разрешения цифровой фототехники и скорости фотограмметрической обработки в настоящее время позволяет по-новому подойти к документации наскального искусства и перейти от съемки индивидуальных изображений к фиксации как плоскостей с отдельно расположенными рисунками, так и панно целиком.

В последние годы работы по изучению и консервации Каповой пещеры активизировались в связи с подготовкой материалов для включения её в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, что нашло отражение в сборниках международных семинаров 2015² и 2016³ гг. Это делает особенно актуальной ре-документацию изображений в Каповой пещере на современном техническом уровне.

Целью данной работы было наиболее полное выявление свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере. Для этого было необходимо разработать методологию и отработать методику фотосъемки, включая подбор оптимального комплекта оборудования и проведение тестовых съемок; осуществить фиксацию; провести обработку материалов.

¹ Например, Бадер 1971, 1974; Щелинский 1990; Solodeynikov 2005; Ляхницкий 2013.

² Древние святилища 2016.

³ Проблемы сохранения 2016.

Для реализации поставленной цели было необходимо провести фиксацию всех поверхностей в залах с изображениями. Для сплошной съемки стен возможно использование трех методов: панорамной съемки, в результате которой получают сферические панорамы с охватом пространства до 360° , мозаичной фотосъемки – результатом которой является набор фотографий, объединенных в единое изображение с высоким разрешением, а также фотограмметрии, позволяющей получить частично перекрывающиеся текстурированные 3d модели участков стен, площадь и разрешение которых значительно превосходят возможности съемки одним кадром.

Панорамная фотосъемка – метод создания изображений, охватывающих 360° и использующихся для просмотра «от первого лица», когда у пользователя имеется возможность изменять точку обзора произвольным образом. Графический файл для такой панорамы собирается из отдельных фотографий, снятых с перекрытием, и спроецированных на сферу. В результате, при плоскостном отображении пропорции различных участков панорамы деформируются. Одним из преимуществ панорамной съемки является возможность её автоматизации, что позволяет осуществлять фиксацию быстро и получать снимки сверхвысокого разрешения. Однако ввиду необходимости проводить съемку с одной точки, при работе с наклонными поверхностями стен использование её не целесообразно.

Мозаичная фотосъемка – фотосъемка со значительным перекрытием кадров, которые затем объединяются в единое изображение. Данный метод характеризуется возможностью быстрой обработки материалов, программное обеспечение (ПО) для создания 2d панорам не требовательно к вычислительным возможностям компьютера. Недостатками метода является трудоёмкий процесс съемки ввиду необходимости соблюдать ортогональное положение камеры и отсутствие возможности фиксации рельефа поверхности.

Фотограмметрическая обработка фотографий предполагает выполнение трехмерной реконструкции поверхности. Результатом полного цикла обработки является модель, содержащая полигональную сетку – «каркас» и текстуру – фотореалистичное растровое изображение, накладываемое на поверхность модели. К фотограмметрической текстуре возможно применять различные методы цифровой обработки. В отличие от ПО, используемого для обработки результатов мозаичной фотосъемки и построении сферических панорам, ПО для фотограмметрической обработки более требовательно к ресурсам компьютера и на построение модели, в зависимости от необходимого качества, требуется от нескольких минут до десятков часов. При сопоставимых трудозатратах на фотосъемку, полученные в результате проведения фотосъемки с последующей фотограмметрической обработкой позволяю решать больший спектр задач, поэтому данный метод был выбран для документирования в Каповой пещере.

Одним из методов цифровой обработки изображений, применяемым для выявления слабочитаемых деталей является усиление цветового контраста. Его применение позволяет зафиксировать не видимые глазом различия в тоне окрашенных областей. В результате обработки становится возможно выявление новых изображений, уточнение деталей ранее известных, что особенно актуально для рисунков с плохим состоянием сохранности, также может быть проведена классификация объектов по цвету.

Полевой этап. Фотосъемка проводилась в конце марта 2017 года. Одной из задач было провести полевой этап работы до начала весеннего паводка, после которого и в течение всего летнего сезона стены пещеры сильно увлажняются, что приводит к появлению многочисленных бликов от источников освещения, скрывающих фрагменты изображений. Съемка осуществлялась с участием двух ассистентов, основной задачей которых было обеспечение равномерного бестеневого освещения фотографируемых участков стен.

Съемка проводилась на зеркальный фотоаппарат с полнокадровой матрицей площадью 24х36 мм (24 Мп) и объектив 35 мм. Для освещения использовались две не нагревающиеся светодиодные панели, работавшие от аккумуляторов, что позволило автономно работать в течение долгого времени и снизить тепловую нагрузку на микроклимат пещеры. Ввиду большой площади стен съемка проводилась взаимноперекрывающимися участками от 15м², по которым было получено от 70 до 120 кадров. Данный метод съемки был обусловлен временем, необходимым на первичную фотограмметрическую обработку – ограничение количества кадров позволяло получать промежуточные результаты за 2-3 часа машинного времени и использовать их для оценки качества и в дальнейшей работе в пещере. Всего было документировано 45 фрагментов в четырех залах.

Этапы фотограмметрической обработки. Фотограмметрическая обработка осуществлялась в два этапа. На первом, непосредственно после съемки, осуществлялось формирование разреженного облака точек, модели и текстуры. Ввиду того, что основной целью фотосъемки с последующей фотограмметрической обработкой являлось получение текстуры, исключение этапов формирования плотного облака точек и высокополигональной модели позволило существенно сократить время первичной машинной обработки, которое составляло порядка 20-25 мин. Быстрая обработка также была необходима для контроля качества формируемых моделей – таким образом было возможно выявлять участки стен, плотность кадров на которых была недостаточна. Использование стандартизированных параметров фиксации позволяло выполнять дополнительную съемку участков с низкой плотностью облаков точек и объединять полученные наборы снимков в одном проекте.

Второй этап фотограмметрической обработки осуществлялся на высокопроизводительном стационарном компьютере. Формирование одной высокополигональной текстурированной модели требовало порядка 20 часов машинного времени.

Результаты. *Обнаружение новых изображений.* Одной из задач работы было проведение сплошной фотофиксации стен пещеры в залах с рисунками. В результате первичного анализа полученных материалов было обнаружено два изображения, которые раньше исследователями не отмечались. Так, в левой части северной стены зала Знаков на высоте 30 см от уровня пола в непосредственной близости от известного изображения с геометрическим мотивом на небольшом выступе было выявлено новое аналогичное изображение (рис. 1). Визуально оно не идентифицируется и было обнаружено только в результате цифровой обработки сперва на общей модели участка стены, а затем и на отдельных фотографиях.

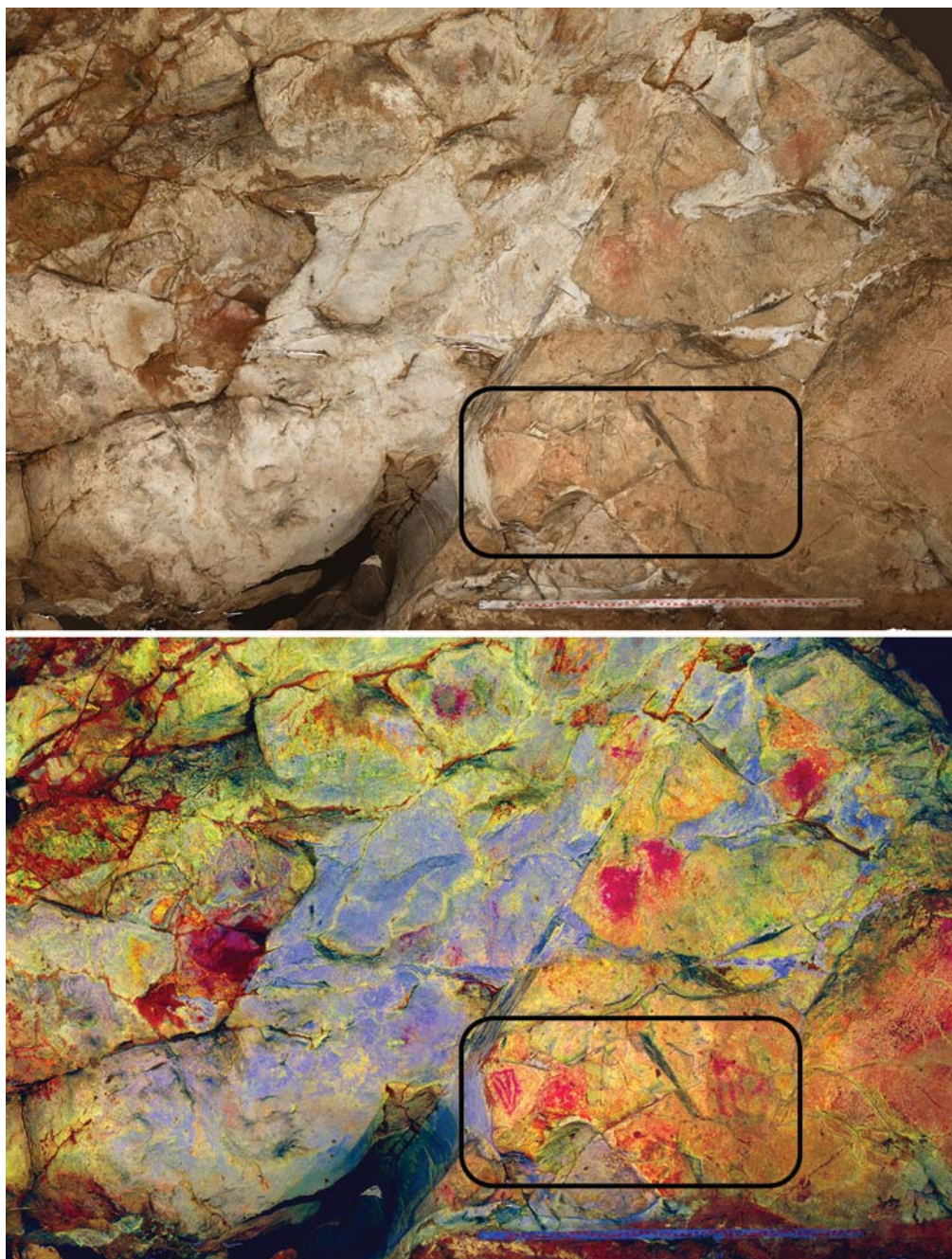

Рис. 1. Текстурированная 3d модель фрагмента северной стены зала Знаков, Капова пещера. Черным выделена область с двумя геометрическими рисунками – известным ранее и выявленным в результате проведения новой фиксации. 1а – модель с фотореалистичной текстурой, 1б – модель с текстурой после усиления цветового контраста

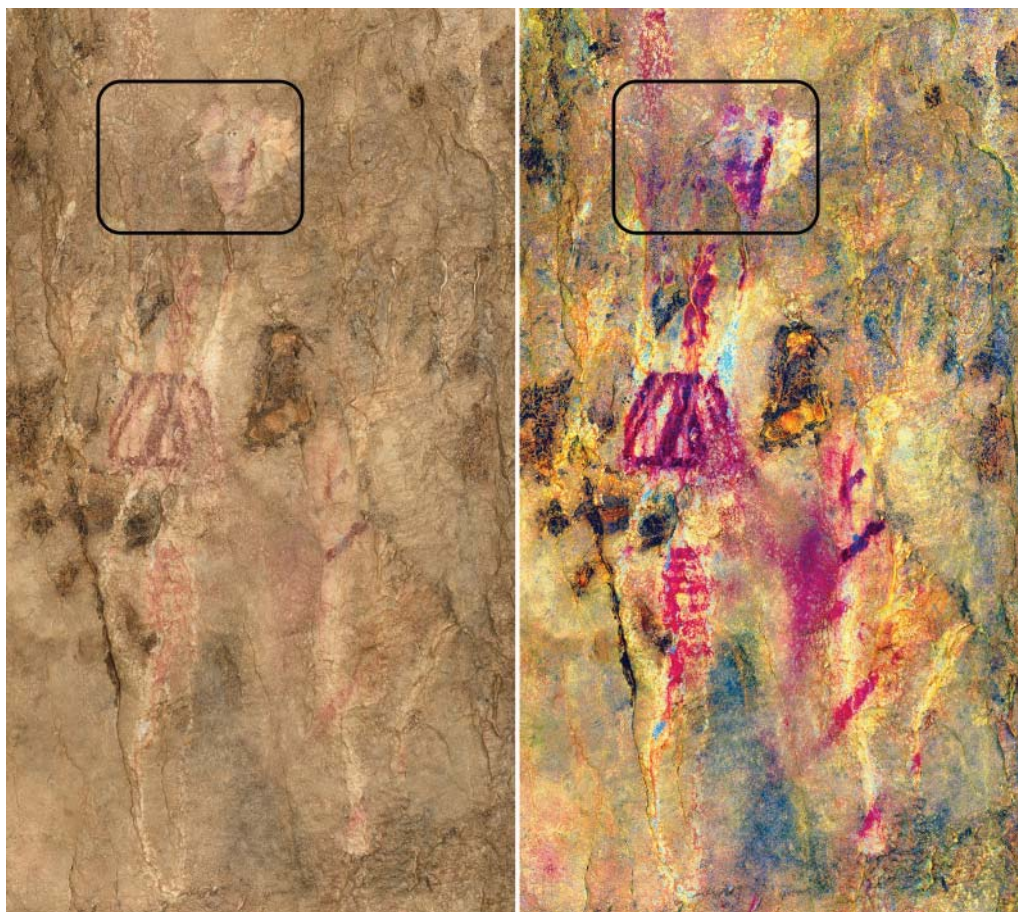

Рис. 2. Текстурированная 3d модель фрагмента потолка в «щели» зала Хаоса, Капова пещера. Черным выделена область выявленного изображения с геометрическими мотивом. 1a – модель с фотореалистичной текстурой, 1б – модель с текстурой после усиления цветового контраста

«Щель» в зале Хаоса представляет собой широкий разлом в скале, высота потолка которого в самой высокой точке составляет 2 м и постепенно уменьшается до 20 см. Рисунки располагаются на всей площади потолка данного разлома. Ввиду небольшого расстояния до пола и значительной площади, занимаемой изображениями, их невозможно зафиксировать на одном снимке, поэтому ранее проводилась фрагментарная фиксация отдельных групп изображений, также О.Н. Бадером был вручную выполнен план⁴. Фиксация значительных по площади фрагментов потолка позволила обнаружить одно новое изображение геометрических очертаний в виде пересекающихся под прямым углом линий (рис. 2).

Классификация областей по цвету. При усилении цветового контраста исходный цвет красок изменяется в зависимости от разных факторов – оттенка краски, степени усиления, и, прежде всего, цвета фона. Возможность сопоставления ре-

⁴ Бадер 1962.

зультатов цифровой обработки набора текстур из разных залов было обусловлено тем, что средний цвет фона на них варьировал незначительно. Различия в оттенках были зафиксированы сперва на тестовых областях с известными рисунками и без изображений, и было отмечено, что наиболее часто встречаются области двух оттенков красного. Их распределение было проанализировано на плоскостных изображениях, а также на топографических моделях поверхностей.

Яркие светло-красные участки имеют неровные границы, зачастую их распределение фрагментарное, располагаться они могут на любой высоте, в том числе порядка 3-4 м на естественных выступах рельефа (рис. 3). Отдельные линии и фигуративные изображения светло-красного оттенка не зафиксированы.

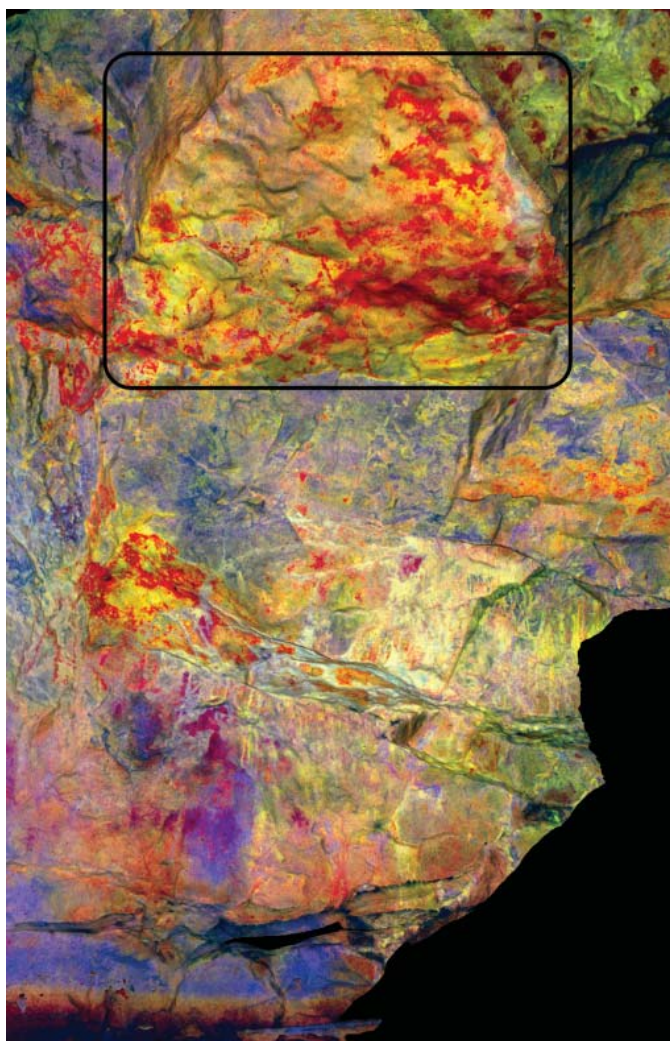

Рис. 3. 3d модель фрагмента северной стены зала Знаков с текстурой после усиления цветового контраста, Капова пещера. Области природного ожелезнения располагаются на высоте более 3-х м на скальном выступе

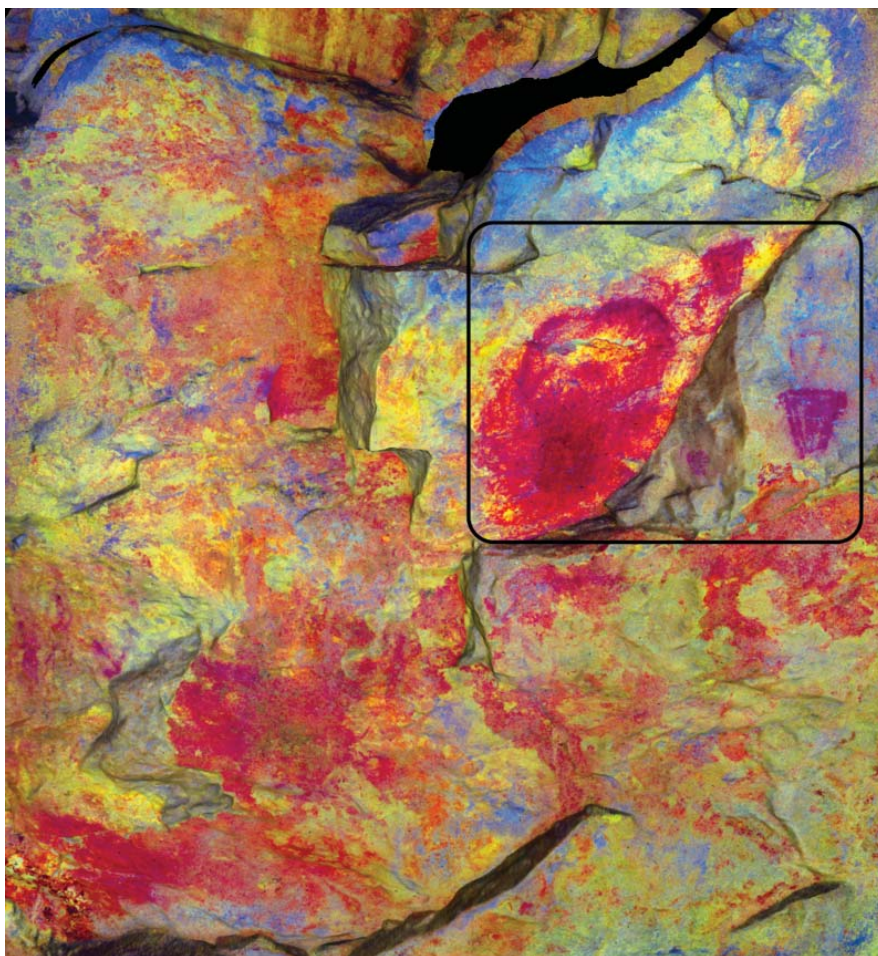

Рис. 4. 3d модель фрагмента западной стены зала Знаков с текстурой после усиления цветового контраста, Капова пещера. Несмотря на относительно высокое положение рисунков относительно уровня пола, участки с изображениями доступны с крупных камней из завала, расположенного непосредственно у стены

Области фиолетового цвета – интерпретированные как выполненные краской изображения – расположены на уровне человеческого роста и ниже и были доступны либо с уровня пола, либо с близлежащих камней (рис. 4), за исключением двух рисунков в зале Хаоса. Также на высоте до 2 м были зафиксированы абстрактные области фиолетового цвета, предположительно, следы изображений, на северных стенах залов Купольного и Знаков. Отличие этих следов от изображений состоит в том, что их форма не позволяет обозначить их как идентифицированные, при совпадении оттенка с изображениями, заведомо выполненными краской.

Наибольшее количество подобных следов было обнаружено на северной стене зала Знаков. Данная стена одна из наиболее вертикальных, ровных и протяженных поверхностей в пещере. Это до закрытия пещеры делало её удобной для по-

сетительских надписей, что неблагоприятно сказалось на состоянии сохранности изображений и следов краски.

Использование методики сплошной фотосъемки с последующей фотограмметрической обработкой показало свою эффективность для фиксации следов художественной деятельности в Каповой пещере. В результате анализа массива данных было выявлено два новых изображения геометрических очертаний на северной стене зала Знаков и на потолке скального разлома в зале Хаоса. Первичный анализ распределения окрашенных областей показал, что светло-красные участки в основном располагаются на большой высоте, на уровне пола, а также на изгибах поверхностей стены, их границы неровные. Можно предположительно идентифицировать их как участки естественной окрашенности. Области фиолетового цвета располагаются на высоте до 2 м, зачастую в них прослеживаются фрагменты линий, их цвет соответствует цвету рисунков. Рабочая гипотеза предполагает в них окраску антропогенного происхождения. Предложенная классификация позволила дифференцированно подойти к отбору образцов для последующих лабораторных анализов, целью которых является разработка критериев, позволяющих различать преднамеренно окрашенные области от участков природных ожелезнений.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер, О.Н. 1962: *Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1962 г. Альбом иллюстраций*. Архив ИА РАН. Р-1. № 2515А.
- Бадер, О.Н. 1971: *Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1971 г. Альбом иллюстраций*. Архив ИА РАН. Р-1. № 4689А.
- Бадер, О.Н. 1974: *Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1974 г. Альбом иллюстраций*. Архив ИА РАН. Р-1. № 5633А.
- Щелинский, В.Е. 1990: Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале (датировка, размещение, культурная принадлежность). В сб. М.А. Дэвлет (ред.), *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 47–55.
- Solodeynikov, A.K. 2005: Research on the Recordings of rock paintings in the Kapova cave (Ural). *International Newsletter on Rock Art* 43, 10–14.
- Ляхницкий, Ю.С., Минников, О.А., Юшко, А.А. 2013: *Рисунки и знаки пещеры Шульган-таш (Каповой)*. Уфа.
- Гайнуллин, Д.А., Булякова, Г.В., Нафиков, Ш.В. (ред.) 2016: *Древние святилища: археология, ритуал, мифология. Материалы Международного научного симпозиума*. Уфа.
- Хисамитдинова, Ф.Г., Котов, В.Г., Нафиков, Ш.В. (ред.) 2016: *Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра». Материалы Международного научного симпозиума*. Уфа.

REFERENCES

- Bader, O.N. 1962. *Otchet o rabotakh Uralskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1962 g. Albom illyustratsiy* [Report on the Work of the Ural Paleolithic Expedition in 1974. Album of Illustrations]. Archives IA RAS. R-1. 2515a.
- Bader, O.N. 1962. *Otchet o rabotakh Uralskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1962 g. Albom illyustratsiy* [Report on the Work of the Ural Paleolithic Expedition in 1974. Album of Illustrations]. Archives IA RAS. R-1. 4689a.

- Bader, O.N. 1974. *Otchet o rabotakh Uralskoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1974 g. Albom illyustratsiy* [Report on the Work of the Ural Paleolithic Expedition in 1974. Album of Illustrations]. Archives IA RAS. R-1. 5633A.
- Gaynullin, D.A., Bulyakova, G.V., Nafikov, Sh.V. (red.) 2016: *Drevnie svyatilishcha: arheologiya, ritual, mifologiya. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [Ancient Sanctuaries: Archaeology, Ritual, Mythology. Materials of International Scientific Symposium]. Ufa.
- Hisamitdinova, F.G., Kotov, V.G., Nafikov, Sh.V. (red.) 2016: *Problemy sokhraneniya, konservatsii paleoliticheskoy zhivopisi peshchery Shulgan-tash i razvitie turisticheskoy infrastruktury dostoprimechatelnogo mesta "Zemlya Ural-batyr". Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [The Problems of Conservation, Preservation of Palaeolithic Paintings From the cave Shulgan-tash and the Development of Tourism Infrastructure at the Sight «The Land of Ural-batyr». Materials of International Scientific Symposium]. Ufa.
- Lyakhnitskiy, Yu.S., Minnikov, O.A., Yushko, A.A. 2013: *Risunki i znaki peshchery Shulgantash (Kapovoy)* [Figures and Signs of the Cave Shulgantash (Kapova)]. Ufa.
- Shchelinskiy, V.E. 1990: *Nastennaya zhivopis Kapovoy peshchery na Yuzhnom Urale (datirovka, razmeshchenie, kulturnaya priнадлежность)*. In: M.A. Devlet (red.), *Problemy izucheniya naskalnykh izobrazheniy v SSSR* [The Problems of Studying Rock Carvings in the USSR], M., 47–55.

THE FIRST RESULTS OF TOTAL PHOTOGRAMMETRIC DOCUMENTATION OF THE WALLS OF KAPOVA CAVE

Alexander S. Pakhunov

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Russia,
science@pakhunov.com*

Abstract. An approach to documenting of paintings at Kapova Cave based on the use of photogrammetry was applied. Fragments by fragment have been recorded to capture the whole surface of the walls, even if they lack drawings. The use of a high-resolution camera and a high-performance computer allowed to obtain large size photogrammetric textures with details exceeding than at the photographs of paintings acquired earlier. A total documentation made it possible to reveal a new geometric motif on the northern wall of the Chamber of Signs. An almost invisible by the naked eyes sign was found after the colour enhancement.

The high resolution and large size of the textures made it possible to reveal a new image in the stone slip at the Chamber of Chaos with the paintings on the ceiling, photography of which is difficult. The use of photogrammetry allowed to captured the paintings on the ceiling in large groups. As a result, one motif was revealed. The painting is a geometric motif with some missing parts, two images with a same motif were previously known in the Chamber of Chaos.

Digital image processing also allowed to reveal the features of the distribution of coloured areas on the walls. After colour enhancement two major types of areas were identified: light red and violet. Due to the features of their distribution and shape, it has been suggested that the light red is some natural ferruginous areas, while the violet colour corresponds to deliberately painted areas. That was confirmed after the accurate imaging of paintings.

Key words: Rock art, documentation, photogrammetry, Kapova Cave, Upper Paleolithic

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖИЛИЩ ДРЕВНИХ ЭСКИМОСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

К.А. Днепровский*, Е.Г. Дэвлет**

* *Государственный музей искусства народов Востока, Москва,*
dneprk@gmail.com

** *Институт археологии Российской академии наук, Москва,*
eketek@yandex.ru

Аннотация. Жилища древних эскимосов с каркасом из костей кита и плавникового дерева во множестве встречаются на побережье Чукотки от Анадырского залива до устья Калымы и с давних времен привлекали внимание путешественников и исследователей. Чукотской археологической экспедицией Государственного музея Востока с 1995 по 2015 г. на поселениях Эквен и Пайпельгак (северо-восток Чукотки). На поселении Эквен полностью изучена конструкция жилища Н-18 с каркасом из костей кита и плавникового дерева, дерновыми стенами и легкой кровлей, а также рабочие площадки за пределами внешних стен. Жилище Н-18 относится к периоду бирнирк – ранний пунук (хронология археологических культур с поправкой на «резервуарный эффект Берингова моря: древнеберингоморская – III/IV– VIII/IX вв.; бирнирк – IX–XI вв.; пунук – XI–XIII вв.).

Поселение Пайпельгак – первый жилой, хорошо стратифицированный памятник на Чукотке. Занимающее верхний, самый молодой стратиграфический уровень на поселении жилище бирнирковского времени состояло из двух соединенных переходом перекрытых объемов. Коридорный выход был устроен в более крупном помещении.

Это жилище перекрывало три жилых структуры (помещения 4–6), относящиеся к древнеберингоморской культуре (период ДБК-II, в пределах первой половины I тыс.) – это были жилища для сезонной охоты, сходные по конструкции: небольшие, площадью около 6 кв. м, с каменными цоколями стен, вертикальными опорами каркаса стен и каменными вымостками полов. Одно из жилищ (№ 6) – двухкамерное.

Древнеэскимосские жилища послужили типологической основой для конструкций традиционных яранг поселения Наукан, функционировавшего до середины XX в. Легкие кровли яранг Наукана из деревянных жердей и шкур моржа позволили уверенно воссоздать подобную конструкцию перекрытий жилищ древнеберингоморского, бирнирковского и раннепунукского времени. Форма кровли является самой характерной чертой древнеэскимосского жилища.

Днепровский Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея Востока.

Дэвлет Екатерина Георгиевна – доктор исторических наук, ученый секретарь Института археологии РАН.

Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00395.

В статье представлены два выявленных экспедицией ИА РАН при работе на петроглифах Пегтымеля изображения стационарных наземных жилищ, у которых можно реконструировать легкую шатровую кровлю из деревянных жердей и шкур животных на основании сопоставления с археологическими данными – в первую очередь жилищами нижнего слоя Пайпельгака.

При общей лаконичности изображений жилищ на предметах обихода этнографического времени и в петроглифах Пегтымеля они необыкновенно точны – часто в изображениях жилищ морских зверобоев передана именно форма кровли.

Все полностью исследованные жилища древних эскимосов на Чукотке были сооружены на поверхности. Возведенные на склонах и чаще всего под склонами, такие постройки интенсивно разрушались и заносились смытым сверху почвенным материалом. Уже В.Г. Богораз воспринимал жилища-ныню как подземные или полуподземные сооружения.

Над небольшими элементами построек – коридорными выходами – могли сооружаться жесткие дерновые кровли на горизонтальных лагах из костей и дерева. Перекрытие крупных объемов такой кровлей потребовало бы большого количества вертикальных опор не только вдоль стен, но и внутри помещения. Строительство заглубленных в землю жилищ в условиях вечной мерзлоты было не целесообразно и обычно не производилось.

Ключевые слова: Чукотка, древние эскимосы, древние и традиционные поселения, конструкция жилищ, изобразительные источники, петроглифы

Наземные жилища древних эскимосов с каркасом из костей кита и плавникового дерева во множестве встречаются на побережье Чукотки от мыса Беринга до устья р. Калымы и с давних времен привлекали внимание путешественников и исследователей. В монографии С.И. Руденко¹ содержится обзор сведений о подобных жилищах, начиная с записок якутского воеводы Степана Дежнева (1655 г.). Информация о полуземлянках содержится в записках С. Крашенинникова, Биллингса, Ф. Врангеля. Важные описания жилищ эскимосов Аляски оставили Хвостов и Давыдов² – русские путешественники, побывавшие на Аляске в начале XIX в. В.Г. Богораз описал сходное по конструкции жилище в чукотском поселке Нунлигран³: землянка имела два входа, причем одним из них, через крышу в центре, пользовались летом, а зимой проникали в дом через узкий коридорный вход. Раскопок жилищ на побережье Чукотки С.И. Руденко⁴ не проводил, но, основываясь на данных разведок, автор пришел к выводу о том, что предки эскимосов пришли на Берингоморское побережье с каким-то иным типом наземного жилища и только постепенно перешли к постройке полуподземных жилищ, приспособившись к новым для них условиям оседлой жизни в Арктике.

Жилищ древних зверобоев на побережье Чукотки, подвергавшихся хотя бы частичному археологическому исследованию не много. В 1946 г. Колымская экспедиция под руководством А.П. Окладникова изучала жилища 1 и 5 в бухте Сарычева и жилище в бухте Второй, находящихся на мысе Барановом в 70 км к востоку от устья р. Калымы⁵. Это самый восточный памятник бирнирской культуры на

¹ Руденко 1947, 68–70.

² Давыдов 1810.

³ Богораз 1934.

⁴ Руденко 1947, 70.

⁵ Окладников, Береговая 1971, 9–19.

побережье Ледовитого океана⁶. Вечная мерзлота помешала исследовать жилища полностью – вскрыта только верхняя часть наслоений мощностью до 0,5-0,6 м. В жилище 1, имевшем видимый на поверхности коридорный выход, обращенный в сторону моря, обнаружена часть «полукольцевидной» земляной стены с остатками дерна⁷. Описание, приведенное в монографии, другой информации не содержит. Судя по графической реконструкции жилища, оно представляло собой круглое помещение со столбами вдоль восточной части стены. Вдоль стен располагались нары из бревен. Коридорный вход – с северной стороны. Справа и слева от входа на плане жилища обозначены округлые помещения. Восточное имело три столба вдоль стен и очаг с горелыми костями, в западном, интерпретированном как кладовая, обнаружена часть «настила»⁸. Жилище 5, имевшее диаметр 10–15 м, исследовалось траншеей, заложенной в направлении запад-восток. Плана жилища нет, планировка помещений не реконструировалась. Жилище в бухте Второй холм исследованного жилища имел диаметр 12–13 м. Реконструировано шестиугольное помещение со столбами, стоящими иногда попарно. В восточной части жилища «намечался выход в виде сеней». Уровень пола расчищен не был. Вдоль стен, судя по плану, располагались поставленные вертикально вплотную друг к другу столбы. Общая конструкция жилища не выяснена.

Из трех частично исследованных на мысе Барановом жилых комплексов бирнирской культуры, давшим, впрочем, обильный вещевой материал, интерес в плане поиска аналогий планировки и конструктивных принципов представляет жилище 1 в бухте Сарычева. Выход из жилища ориентирован в сторону моря, как и коридор Эквенского жилища. По сторонам света выходы ориентированы по-разному. Видимо ориентация выхода по сторонам света в жилой архитектуре была не важна, необходимо было лишь его направление – в сторону моря. В жилище 1 бухты Сарычева кухня с очагом располагалась справа от входа, а кладовая – слева. Такие же планировка и назначение открытых площадок в Н-18. По-видимому, принцип расположения кладовой и кухни по сторонам входа является характерной чертой бирнирских жилищ. Помещения по сторонам от входа с таким же назначением зафиксированы и в жилище 1 на поселении Канискак⁹. Деревянные нары или спальные платформы в жилище бухты Сарычева расположены вдоль стен в основном помещении. Эквенское жилище имеет специальную спальную комнату. Наличие дополнительного помещения является основным конструктивным отличием. В жилищах Баранова мыса использовалось в основном дерево. В условиях безлесной тундры памятника Эквен основным материалом были китовые кости.

На острове Четырехстолбовом, самом восточном в группе Медвежьих островов, расположенных к северу от устья р. Калымы, произведены частичные раскопки двух жилищ¹⁰. Одно жилище было раскопано на северном берегу острова сотрудником гидрографического управления А.М. Сырчиным в 1948–1949 гг.¹¹, второе, расположенное на юго-западном берегу острова, раскопано в 1953 г.

⁶ Хронология археологических культур региона с поправкой на «резервуарный эффект Берингова моря: древнеберингоморская – III/IV– VIII/IX вв.; бирнирск – IX–XI вв.; пунук – XI–XIII вв.

⁷ Окладников, Береговая 1971, 10, рис. 6.

⁸ Окладников, Береговая 1971, 10, рис. 8.

⁹ Гусев 1995б; Загоруйко 1999.

¹⁰ Береговая 1954.

¹¹ Раушенбах 1969, 5–48.

Н.В. Андреевым¹², сотрудником зимовки (полярной станции) на острове. В раскопе Сырчина (1 x 2,5 м) зафиксирована стена жилища, состоящая из двух рядов бревен, поставленных вертикально. Между рядами бревен обнаружена засыпка из земли и крупных галек. В центральной части жилища отмечены бревна, стоящие вертикально. Поскольку в заполнении помещения была обнаружена жировая лампа, автор делает вывод, что очага в жилище не было. Раскопанное Андреевым жилище состояло из двух четырехугольных помещений размерами 4,1×4,3 и 2,1×3 м. Оба помещения были углублены в землю, стены сделаны из бревен. Западные стенки обоих помещений наклонены. Большое помещение было жилым – утрамбованный пол был покрыт ветками полярной ивы и стружками, в двух местах прослежены остатки кострищ. У северной стенки помещения обнаружены нары из бревен, несколько возвышающиеся над уровнем пола. Меньшее по площади помещение, видимо, было хозяйственной пристройкой, «так как в ней не был утрамбован пол и встреченные здесь вещи все были сломаны»¹³. В описании нет сведений о взаиморасположении помещений и входе в жилище. Инвентарь, обнаруженный в жилищах на Четырехстолбовом острове, за исключением наконечников гарпунов типа *туле* и наконечников стрел, относящихся, скорее всего, к позднему пунуку, значительной степени идентичен находкам из эквенского жилища Н-18. Конструкция стены жилища из двух рядов вертикальных столбов и засыпкой между ними не имеет аналогий ни на Чукотке, ни в Американской Арктике. Наличие в жилище двух разновеликих четырехугольных помещений с разными функциями можно считать признаком, сближающим конструктивные принципы постройки на о. Четырехстолбовом и Н-18. Однако, описание двухкамерного жилища столь скудно и непрофессионально, что сравнивать практически не с чем.

Итак, можно констатировать, что кроме описания подъемного материала из жилых памятников и результатов неоконченных или непрофессиональных раскопок, до последнего десятилетия на прибрежной Чукотке жилые памятники практически не исследовались. Фрагментированные сведения не давали представления о жилой архитектуре древних морских зверобоев.

В 1990–1992 гг. С.В. Гусев проводил исследования древнеэскимосского поселения Дежнево (Канискак), которое располагалось на берегу Берингова пролива, к югу от мыса Дежнева и в 7 км к востоку от памятника Эквен, на месте ликвидированного в 1951 г. поселка¹⁴.

В конце XIX в. на этом месте размещалась фактория американского предпринимателя. Культурный слой древнего поселения находится на высоком скалистом обрыве в излучине удобной бухты, закрытой от северных ветров. Как сообщает автор раскопок, площадь сохранившегося культурного слоя составляет 240 кв. м. В раскопе площадью 138 кв. м выявлено по меньшей мере 5 разновременных домов древних эскимосов. Четыре жилища исследованы полностью. Все они оказались овальными в плане с коридорным входом и стенками из дерева или костей кита. Одно из них состояло из нескольких помещений, остальные однокамерные. Основу архитектуры всех жилищ составляет каркасно-столбовая конструкция из

¹² Раушенбах 1969, 8.

¹³ Гусев 1995а.

¹⁴ Гусев, Жилин 2000, 196.

костей и плавникового дерева. Полы в жилищах вымощены сланцевыми плитами и костями кита и моржа, поверх которых прослежены шкуры моржа. По стратиграфии, как указывает автор раскопок, в жилищах выделяются следующие периоды: ипиутакский, оквикский, древнеберингоморский, бирнирский, пунукский, ранний и поздний туле. В жилищах обнаружено более 2500 предметов, опубликовано не более двух десятков из них. Планы жилищ, обнаруженных на поселении Канискак, также не опубликованы, однако планировка двухкамерного жилища 1 довольно подробно описана¹⁵. Слева от центральной части коридора, имевшего длину более 3 м и ширину 0,6–0,8 м и высоту 0,8 м, располагалось помещение, размерами 3 x 3,2 м, где приготавливалась пища и обрабатывались шкуры. Справа от коридора располагалось помещение для хранения мяса – мясная яма. Коридор заканчивался спальным помещением, размером 3 x 3,5 м. По углам спального помещения стояли четыре столба, три из китовых челюстей и один деревянный. Пол вымощен сланцевыми плитами и костями. В кратких публикациях последних лет приводится дата жилища 1 на поселении Канискак (Дежнево) – 1700 л.н., которая, однако, после поправки на «резервуарный эффект Берингова моря» затем омолаживается в среднем на 500 лет для всех культур Берингоморья: древнеберингоморско-оквикская культура датируется III/IV–VIII/IX вв.; бирнир – IX–XI вв.; пунук XI–XIII вв.; ранний туле – XII–XV и поздний туле – XV–XIX вв.¹⁶

Материалы поселения Канискак, расположенного всего в 6 км от Эквена, привлечены нами в качестве аналогии жилому комплексу Н-18. Принципиально конструкции Эквенского жилища Н-18 и Канискакского жилища 1 обладают многими общими чертами. Оба жилища имеют каркасы из костей кита и дерева, крыши из дерна, полы сходно вымощены крупными сланцевыми плитами. Спальные помещения одинаковы по принципиальной конструкции и размерам. Однако небольшие помещения жилища 1 не имеют центрального опорного столба, а в центральной камере (помещение 1) эквенского жилища Н-18 стояла в центре мощная опора из части нижней челюсти гренландского кита длиной более 1,8 м. Совпадает пространственное расположение вспомогательных помещений в жилищах: кухня расположена справа от входа, а помещение, где хранилась пища, – слева. Характеризуя эти два ценнейших источника для изучения древнеэскимосских культур региона Берингова пролива, следует высказать следующие соображения. В жилищах на поселении Канискак представлены в перемешанном виде (и в основном даже вне пределов жилищ) многочисленные артефакты, которые относятся, по крайней мере, к трем археологическим периодам, существовавшим на протяжении 1600 лет. Жилище за это время, очевидно, несколько раз перестраивалось, ремонтировалось и т.д. Кроме того, оно могло быть нарушено позднейшими перекопами, относящимися ко времени существования п. Дежнево – верхние слои содержали материал XIX–XX вв., таким образом, не совсем понятно, конструкция постройки какого времени, какой культурной традиции исследована в жилище 1. Жилые комплексы на поселении Канискак имеют большое значение как первые, исследованные на Чукотке на высоком методическом уровне. Несомненную ценность имеет и обильный бытовой материал, обнаруженный в жилищах.

¹⁵ Gerlach, Mason 1992; Stuiver, Braziunas 1993.

¹⁶ Гусев 2001.

Поиски аналогий архитектурному сооружению эквенского жилища Н-18 приводят на Аляску, ближайший пункт которой – мыс Барроу – расположен всего в 70 или 80 км от мыса Дежнева. На островах Ротманова и Малом Диамиде в Беринговом проливе между Чукоткой и Аляской археологические исследования не проводились. Бирнирский период на северо-западной Аляске соотносится с прибрежными памятниками на мысах Барроу, Валакпа¹⁷, Хооп¹⁸, принца Уэльского¹⁹, Крузенштерн²⁰, однако планы жилищ приведены лишь для нескольких из этих памятников.

Следы старого поселения, ныне известного в литературе как Бирнирк, были впервые упомянуты Л. Рейем и Дж. Мердоком в отчете об исследованиях, проводимых на м. Барроу армией США в 1881–1883 гг.²¹ Жилища культуры бирнирк, исследованные в 1918–1919 гг. близ селения Бирнирк, расположенного к юго-западу от мыса Барроу, четырехугольные, со стенами из вертикально поставленных бревен высотой до 1,2 м. Кровли жилищ были сооружены из бревен и имели квадратные световые отверстия. Очаги в жилищах не зафиксированы. Стены и крыша сложены из брикетов дерна²². Дж. Форд проводил работы на памятнике Бирнирк в 1931, 1932 и 1936 гг., в общей сложности чуть более двух месяцев²³. Жилища исследованы лишь частично. Жилище «С» включало одно помещение подквадратной в плане формы, размерами 3,3 x 3,3 м, парные и одиночные вертикальные столбы из бревен стояли по углам. Крыша состояла из бревен. Около стены, противоположной входу, на уровне пола располагалось спальное место, маркированное шкурой белого медведя. Коридорный вход с южной стороны был около 1 м в ширину и более 3 м в длину. Уровень пола входа плавно понижался к югу. Стены коридора состояли из вертикальных столбов, небольшого черепа кита и части позвоночного столба кита. Никаких вспомогательных помещений у входа не обнаружено²⁴.

На мысе Крузенштерн исследованы два жилища бирнирской культуры. Однокамерное жилище 32 было подквадратной в плане формы со столбами по углам и стенами из горизонтальных бревен. Перед входом на полу жилища зафиксирован очаг с расщепленными огнем камнями, обожженными костями и золой. Коридорный выход, ориентированный в сторону моря, вымощен деревянными плахами. С северной стороны стена коридора имеет расширение подтреугольной в плане формы, которое использовалось в качестве кладовой.

Второе бирнирское жилище также состояло из одного квадратного в плане помещения со столбами по углам. Оба жилища разделены примерно на равные части, одна из которых представляет собой спальную платформу, возвышавшуюся над уровнем пола на 50 см. Рядом с коридорным входом к той же стене жилища пристроено помещение трапециевидной в плане формы, служившее, очевидно, кухней. Жилища содержали смешанный материал ипиутакской, бирнирской культуры, а также культуры туле. Жилища датированы 770±110 и 850±100 гг. н.э.²⁵

¹⁷ Stanford 1976.

¹⁸ Larsen, Rainey 1948.

¹⁹ Collins 1937.

²⁰ Giddings, Anderson 1986, 92–94.

²¹ Ray 1884.

²² Mason 1930.

²³ Ford 1959, 36.

²⁴ Ford 1959, 48, fig. 16.

²⁵ Giddings, Anderson 1986, 92–94.

Бирнирские жилища на американском берегу Берингова пролива имеют несколько общих черт с эквенским Н-18: подпрямоугольная форма помещений, четыре столба по углам помещения (такова конструкция кровли помещения 1 в Н-18), коридорный выход, ориентированный в сторону моря и, хозяйственные пристройки, вынесенные за пределы жилого помещения. Однако жилище Н-18 отличается от большинства бирнирских построек конструкцией стен, сложенных из материковой глины и дерна без дерева и костей. Ни в одном жилище, включая жилые комплексы на Чукотке, не зафиксирована центральная опора. Все известные нам жилые комплексы (кроме жилищ на поселении Канискак) имеют в конструкции больше дерева, чем китовых костей. В жилище Н-18 сравнительно мало деревянных конструктивных элементов, оно двухкамерное и имеет две хозяйственные открытые площадки. В помещении 1 нет спальной платформы, но ее функции выполняет помещение 2. Только жилище на поселении Канискак имеет подобную планировку. Исходя из особенностей планировки жилищ, возможно, следует предположить тесные (возможно, родственные) связи соседних поселений Эквен и Канискак.

Первым древнеэскимосским памятником на Чукотке где проводились масштабные многолетние исследования, был Эквен²⁶. С 1995 по 2002 г. полностью изучена конструкция жилища Н-18, включая рабочие площадки за пределами внешних стен.

Древнеэскимосский комплексный памятник федерального значения Эквен, состоящий из обширного поселения и могильника, находится на побережье Берингова пролива в 22 км к югу от п. Уэлен, в 15 км к юго-востоку от м. Дежнева (Чукотский р-н Чукотского АО). Вдоль береговой линии прослежены остатки около 28 жилищ, сохранившихся в виде небольших всхолмлений, на поверхности которых зафиксированы выходы китовых костей (ребра, черепа, кости нижней челюсти), являвшиеся конструктивными элементами жилых построек, и культурный слой древнеэскимосского поселения.

Жилые комплексы поселения Эквен, сгруппированные по 2–4 жилища, и культурный слой поселения расположены вдоль береговой линии Берингова пролива на протяжении около 300 м и 80–150 м вглубь тундры. На юго-западе остатки жилищ и культурный слой поселения ограничен небольшим оврагом, на северо-востоке – началом косы, отделяющей лагуну от пролива. Часть культурного слоя разрушена прибоем и штормами. По обрыву вдоль береговой линии, где расположена большая часть жилых комплексов, каждый год наблюдаются обвалы, обнажающие культурный слой (рис. 1.1) где собрана весьма представительная коллекция подъемного материала.

Жилище 18 (Н-18) расположено на периферии Эквенского поселения, в 80 м от моря и 50 м от берега лагуны, хорошо прослеживалось с поверхности, представляло собой единую структуру и не имело видимых повреждений. Оно имело форму всхолмления около 14–15 м в диаметре и 80–90 см высотой, поросшего низкорослой травянистой растительностью. На поверхности зафиксированы выходы вертикальных костей кита, частично разрушенных в верхней части, являвшихся конструктивными деталями жилища.

²⁶ Blumer, Csonka 1997; Бронштейн, Днепровский 2001; Днепровский 2001, Dneprovskiy 2002; Moulin, Csonka 2002.

Рис. 1. Поселение Эквен. 1 – общий вид на поселение с востока; 2 – исследование жилища Н-18, вид с севера; 3 – жилище Н-18, помещение 2

В течение полевых сезонов 1995–2002 гг. исследовано все всхолмление, общая площадь раскопа составляет более 120 кв. м. Выявлены основные конструктивные принципы эквенского жилища Н-18, которое сооружено в бирнирско-пунукское время, признаки его функционирования в более позднее время отсутствуют. Жилой комплекс имеет уникальную сохранность с четкими границами, контурами и уровнями залегания основных конструктивных элементов, таких как несущие столбы, стены, полы. Следы перестройки и разновременности сооружения помещений не зафиксированы. Инвентарь жилища однороден в культурном отношении и дает ясные представления о жилом комплексе определенного отрезка времени (рис. 1. 2).

Жилище было возведено на небольшом естественном возвышении и состояло из следующих крупных структурных элементов: двух разновеликих соединяющихся помещений, перекрытых кровлей (№ 1, 2), коридорного входа (№ 3), открытой площадки с очагом и ямами для хранения продуктов (№ 4) и открытой площадки с крупным очагом (№ 5).

Помещение 1. Основное, большее по площади, имело подпрямоугольную форму шириной 3,6 м и длиной более 6 м, ориентировано длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. Постройка была возведена на дневной поверхности. В качестве каркаса стен и опор кровли строители Н-18 использовали разрубленные надвое и, часто, с удаленной суставной частью, кости нижней челюсти китов, черепа гренландского и серого китов, поставленные друг на друга, а также китовые позвонки, сочлененные в скелетном порядке и поставленные вертикально. Несколько опор изготовлены из плавниковых стволов хвойных деревьев. Иногда одну опору могли составлять две или три челюстных вертикальных кости кита, которые были врыты вплотную друг к другу. Со временем конструкция жилища ремонтировалась, опоры расшатывались и проседали. Видимо, поэтому в северо-западном углу помещения расстояние между тройными опорами немногим более 0,5 м.

Благодаря вечной мерзлоте большая часть вертикальных деталей каркаса стен сохранилась в вертикальном положении. Столбы из челюстных костей кита были вкопаны в пол помещения на глубину не более 30 см и располагались в углах помещения, вдоль стен, а также в центральной части. Среднее расстояние между опорами 1,5 м. Основания составных опор из позвонков и челюстей в пол не вкапывались. Две крупных опоры – одна из позвонков кита, другая из трех черепов, поставленных друг на друга, располагались вдоль южной стены. Составные опоры упали на уровень пола. Расстояние между основаниями этих опор стандартное. Поверхность пола между опорами плавно повышается к юго-востоку, в сторону открытой площадки 4. В стене прослеживается разрыв и таким образом, помещение 1 соединялось проходом с площадкой 4. Возможно, выход на площадку функционировал только в теплое время года.

В процессе исследования часть помещения вдоль западной стенки была интерпретирована как грунтовая спальная платформа, шириной более 1,5 м и около 40 см в высоту. Основанием этому в большей степени послужило то, что в этой части помещения выше уровня пола на 60–120 см были обнаружены отдельные части человеческих скелетов, принадлежащих семи разнополым особям 20–25 лет (антропологический материал обработан группой физической антропологии Института археологии РАН – под руководством Т.И. Алексеевой). Анатомический

порядок костей нарушен, ни одного полного скелета не зафиксировано. Часть костей, включая один из четырех фрагментированных черепов, располагалась восточнее контура «спальной платформы», внутри помещения, но выше уровня его пола на 90–100 см. Ни одной кости человека на полу жилища не найдено. Рядом с костями человека обнаружены крупные пластины китового уса и небольшая деревянная плаха, которые были приняты за вымостку спальной платформы, а не за элементы погребального обряда. Сомнения в правильности такой интерпретации возникли уже в процессе исследования, в 1996 г. Человеческие кости были захоронены или иным образом попали внутрь помещения, после того, как жилище было покинуто. Естественно, перемещению костей способствовали землеройные животные. Этим объясняется разброс в уровнях залегания костей на 70 см. Кости человека принадлежали семи особям.

Погребение, сохранившееся лучше, обнаружено в северо-западной рухнувшей наружу дерновой стене помещения 1. Это был скелет женщины плохой сохранности на глубине 10–15 см от современной поверхности. Погребенная лежала на спине с поднятыми вверх коленями, ориентирована головой на запад. Верхняя часть грудной клетки и череп находились на лопаточной кости гренландского кита. Слева на грудной клетке обнаружен сланцевый шлифованный нож-уляк. К сожалению, датировать погребение на основании инвентаря не представляется возможным. Радиоуглеродная дата по костям из погребения 1 еще не готова. Две даты (AAR-2777: 1655+50 л.н.; AAR-2776: 1645+45 л.н.), полученные по останкам человека из Н-18 в лаборатории Датского национального музея (Копенгаген), относятся к IV в., т.е. ко времени существования культуры бирнирк. Погребальный обряд с использованием лопатки кита является обычным для всего времени функционирования Эквенского могильника – от древнеберингоморской до пунукской культуры. Интересен сам факт захоронения людей не на обширном могильнике, расположенном на двух холмах в двухстах метрах к западу от поселения, а в стенах жилища. Погребения с инвентарем, аналогичным найденному в жилище Н-18, обнаружены в Эквенском могильнике. Скорее всего, погребения совершены в стенах жилища людьми, не знавшими о существовании могильника или не считавшими его «своим». Следует отметить, что на поселении Бирнирк (мыс Барроу) в жилом холме А обнаружены человеческие скелеты. Один из них лежал в полусогнутом положении. Кости остальных пяти только частично имели анатомический порядок и многие кости отсутствовали. Погребенные были завернуты, вероятно, в остатки одежды из шкуры медведя и утиной кожи. Из краткого описания места расположения скелетов удалось выяснить, что они находились на 5 футов выше уровня пола помещения. Наличие человеческих скелетов в руинах жилища Дж. Форд не комментировал²⁷.

Пол помещения в центральной части вымощен крупными – более 1 м в длину и до 0,85 м в ширину – сланцевыми плитами. Внешняя (верхняя) поверхность плит слегка вогнутая и отшлифованная. Вероятно, плиты вымостки использовались как крупные абразивы для шлифовки каменных орудий. Общая длина вымостки, ориентированной с юго-запада на северо-восток, составляет свыше трех метров. Еще одна каменная кладка ориентирована по линии север-юг от центра помещения 1 в

²⁷ Ford 1959, 45.

направлении помещения 2. Под несколькими плитами вымостки, в основном в западной части, обнаружены крупные обломки костей, камни и куски дерна. Самая крупная плита лежала на сланцевой плите небольшого размера. Возможно, таким способом улучшалась теплоизоляция пола (создание воздушной прослойки между плитой и грунтом). Вечная мерзлота под вымосткой, видимо, постепенно подтаивала, и проседающие плиты необходимо было время от времени приподнимать, чтобы избежать затопления талой водой. Видимо, пол жилища постоянно обновлялся, наращивался из крупных костей животных и камней по мере подтаивания вечной мерзлоты. Часть деталей пола постепенно втапывалась в жилую поверхность, проседала в размягченный под действием талой воды уровень пола. На их место приносили другие камни и кости. Ориентация вымостки совпадает с направлением коридорного выхода из жилища. Ее уровень плавно понижается к западу. В восточной части помещения вымостка заканчивается выходом.

Очаги в помещении не обнаружены. Очевидно для отопления и освещения использовались переносные керамические жирники – фитильные лампы, наполнявшиеся растопленным жиром морских млекопитающих. Целые жировые лампы в помещении не обнаружены. Предположительно, некоторые фрагменты керамики в помещении могли быть частями жировых ламп. В качестве «мебели», очевидно, использовались шесть крупных китовых позвонков, стоявших на полу помещения в северной части.

К северо-восточной стене помещения примыкает коридорный выход. Уровень пола в коридоре ниже уровня пола помещения не менее чем на 60 см. К восточной части северной стенки помещения 1 примыкало помещение 2. В помещение 2 вела ступенька, сложенная из горизонтальных деревянных плах. Между коридором и помещением 2 зафиксирована вымостка длиной 1,2 м, шириной около 0,5 м из костей кита, уровень которой плавно понижается к северо-востоку, в направлении площадки 5. Здесь в стене, сложенной из кусков дерна имеется разрыв. Очевидно, это выход на площадку 5.

Помещение 2 (рис. 1. 3) имело подпрямоугольную форму длиной 3,5 и шириной 2,5 м и было ориентировано длинной стороной по линии С–Ю. По четырем углам располагались вертикальные опоры. Три мощных одиночных опоры сделаны из плавникового дерева. Четвертая, расположенная в юго-западном углу состояла из трех, стоящих вплотную друг к другу, вертикальных бревен. Верхние части трех деревянных опор обломаны, опора в юго-восточном углу срублена на высоте 70 см от уровня пола и имеет глубокие четкие следы рубящего орудия по кругу. Срубить опору помещения можно было только изнутри. Очевидно, после того как жилище было покинуто, дерновые стены долгое время не разрушались. Поэтому из помещения вынесены все пригодные к употреблению вещи – находок здесь несравнимо меньше, чем в помещении 1, и все они обнаружены между плитами пола. Позднее деревянные опоры, горизонтальные бревна из стен или те их части, которые не оказались в вечной мерзлоте, были целенаправленно извлечены из руин жилища и использованы для новых построек или в качестве горючего.

Плавниковое бревно длиной более трех метров лежал на полу помещения вдоль восточной его стенки. Очевидно, подобных, соединяющих угловые опоры, лаг должно было быть минимум четыре. Высота помещения не восстанавливается, но, судя по большому диаметру мощных опор, сохранившихся на высоту до

70 см, стены вряд ли были ниже, чем в помещении 1, тем более, что их кровли соединялись.

Внутрь помещения попала вода – вся поверхность пола была покрыта слоем чистого льда толщиной до 35-40 см. По мере оттаивания проявлялись четкие контуры стен помещения. Конструкция стен такая же, как в помещении 1. Дерновые верхние части стен сложены на материковом выкиде. В центре северной стены на полу стояли вертикально две кости кита длиной 60 см – видимо, детали, укрепляющие стену. Часть челюстной кости кита такой же длины стояла около западной стенки. Пол помещения вымощен крупными сланцевыми плитами длиной до 1,4 м, положенными вплотную друг к другу. Внешняя поверхность плит со следами шлифовки. Торцы плит вымостки не обрабатывались, правильная форма деталям кладки не придавалась, просто выбирался нужный по размеру камень. В южной части помещения плиты уложены в два слоя. Видимо, пол наращивался по мере подтаивания мерзлоты и постепенного проседания ступеньки между помещениями. Уровень пола помещения 2 выше уровня пола помещения 1 на 30-40 см. Вход между угловыми опорами на юге имел ширину 1,85 м и, очевидно, мог завешиваться шкурами. Ступенька высотой до 40 см укреплена четырьмя плахами, положенными горизонтально друг на друга. Западные концы плах заведены за один из трех столбов опоры в юго-западном углу.

Помещение 2, по-видимому, служило спальным платформой. В пользу этого предположения можно привести следующие соображения: Уровень пола помещения заметно выше, чем в помещении 1 – спальная платформа всегда выше окружающего пространства в арктическом жилище; размеры помещения относительно небольшие, следовательно, его легче нагреть; на полу помещения 1 в отличие от помещения 2 почти нет костей животных. Если здесь и принимали пищу, то кости выносили; возможно, помимо переносных жирников для отопления помещения использовались окатанные гальки из теплоемкого липарита, которые нагревались в костре и, затем вносились внутрь.

Коридорный выход примыкал к восточной короткой стенке помещения 1. Он располагался в его юго-восточном углу и был ориентирован по линии запад-восток, в сторону моря. Каменная вымостка на полу в помещении 1 являлась продолжением выхода. Ширина внутренней части коридора до 0,9 м, длина около 6 м. Параллельные стены коридора сложены из крупных позвонков кита, лежащих на боку один за другим, вертикально поставленных частей ребер и конечностей кита, а также из суставных частей костей нижней челюсти кита. Основу обеих стенок составляют два ряда позвонков, поставленных друг на друга. Внутренняя часть коридора заполнена льдом, уровень пола значительно, не менее, чем на 60 см, ниже, чем в помещении 1. Перепад в уровнях пола между коридором и помещением был необходим для сохранения тепла в жилище. К югу от места примыкания коридора к помещению, немного выше конструктивных элементов стен коридора, в северо-восточной части площадки 4 обнаружено скопление ребер кита длиной до 1,5 м в количестве не менее 12 штук. Возможно, ребра служили перекрытием коридора и были разобраны после того, как жилище было покинуто.

Площадка (№ 4) находилась за южной стеной помещения 1, соединялась с ним входом и примыкала к нему с юга и юго-востока. Она имела неправильную овальную форму размерами 4 x 5,2 м и была ориентирована параллельно помещению 1.

В западной и северной части площадка ограничена мощной дерновой стеной помещения 1. Площадка маркировалась поверхностью в виде плотно утрамбованной органики, которая образовалась, очевидно, от длительного хранения запасов мяса морских млекопитающих. Поверх органики площадка была вымощена некрупными (до 0,5 м в длину) сланцевыми плитами, лопаточными костями позвонками серых китов. Уровень пола пристройки несколько выше, чем в центральной части и соответствует древней дневной поверхности. В этой части жилища нет вертикальных опор стен. Никаких следов стен с севера и востока не зафиксировано. Возможно, площадка имела не сохранившееся перекрытие из шкур, державшееся на легком, не вкопанном в грунт деревянном каркасе. Не исключена и другая версия: выявленная вымостка не имела перекрытия и использовалась в теплое время года.

В полу пристройки сооружены подпрямоугольная и овальная ямы для хранения запасов мяса и жира морских животных, длиной около 1,5 м и глубиной до 40 см, с плотными, пропитанными органикой стенками и дном. Вокруг ям – утрамбованный слой той же органики.

В юго-западной части площадки, в двух метрах от входа в помещение № 1 обнаружен очаг. Здесь на уровне вымостки зафиксированы вкрапления древесного угля, мелкие обожженные камни и фрагменты обожженных костей в зольном пятне. Зольное пятно с иногда встречавшимися мелкими фрагментами керамики, толченой раковины (?) и кальцинированными фрагментами костей проходит полосой шириной до двух метров с севера на юг. Пятно имело мощность до 10 см и читалось в профиле южной стенки раскопа. Оно представляло собой остатки кострища или, скорее, следы сгоревшего материала, периодически вычищавшегося из очага, верхний уровень которого зафиксирован в пределах этого пятна. Пятно сгоревшего материала находилось на уровне поверхности вымостки площадки. Скопление камней (липаритов) размерами до 10 x 15 см занимало площадь приблизительно 40 x 40 см. Это верхний уровень очага. Очаг овальной в плане формы, 0,9 м в длину и 0,7 м в ширину, ориентирован по линии С–Ю. Площадь очага ограничена валиком из обожженной по поверхности глины шириной до 20 см. В разрезе валика вокруг очага – не прокаленная материковая глина. Дерновые брикеты, размерами приблизительно 10 x 20 см, сложены в несколько слоев по внешнему контуру очага с наклоном во внешнюю сторону. Верхний уровень валика, ограничивающего очаг, был выше основания окружающих его крупных костей на 25-30 см. В центре очага имеется углубление диаметром до 45 см. На дне его компактно сложены плоские камни со следами огня. В западной и северной части очага обнаружены две лопаточные кости кита, частично перекрывающие восточную и северную его стенки. Заполнение очажного углубления представляло собой пережженный грунт с золой и мелкими углями. Встречались также и обожженные фрагменты костей. Уровень залегания основания очага соответствует уровню расположения основных конструктивных деталей вымостки пола пристройки. В западной части пристройки обнаружено скопление ребер серого кита.

Находок в пристройке существенно меньше, чем в помещении 1, по количеству и категориям изделий. Многочисленные фрагменты керамики и кости животных, а также очаг позволяют предположить, что пристройке служила кухней в теплое время года, а также кладовой. Площадка не имела стационарной кровли и стен и не могла служить жилым помещением.

Рис. 2. Поселение Пайпельгак. 1 – переход между помещениями 1 и 2; 2 – помещение 2

Площадка 5 располагалась к северу от коридорного входа в жилище и ограничена его северной стенкой, а также восточной дерновой стеной помещения 2. Здесь зафиксировано мощное пятно, состоящее из золы, углей, фрагментов пережженных костей. В центре пятна зафиксирован крупный очаг овальной формы, длиной до 1,8 м, слегка углубленный в землю. В очаге обнаружены липаритовые гальки со следами сильного прокала. В очаге и вокруг него по всей поверхности площадки обнаружено большое количество крупных фрагментов керамики, как правило, очень плохой сохранности. Ее значительно больше, чем во всех других помещениях жилища. Видимо здесь использовались крупные сосуды, однако, форму и точные размеры установить не удалось.

Таким образом, жилище Н-18 состояло из двух соединяющихся «теплых» жилых помещений, перекрытых кровлей. Помещение 1 сообщалось входами с двумя открытыми более легкими по конструкции подсобными сооружениями с хозяйственными ямами и очагами и имело коридорный выход в сторону моря.

В 2002–2015 гг. Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока проводила исследования на древнеэскимосском поселении Пайпельгак (названном по небольшому ручью), расположенному в 1,5 км к северо-западу от устья р. Чегитун, на берегу Ледовитого океана (Чукотское море), примерно в 80 км к северо-западу от пос. Уэлен, и в 42 км к северо-западу от пос. Инчоун в Чукотском районе Чукотского АО²⁸ (рис. 2–4).

На поселении Пайпельгак сложились уникальные даже для условий вечной мерзлоты условия для сохранности построек. Дело в том, что после того как они были покинуты, постройки в течение короткого времени оказались погребены под слоями грунта и щебня. Жилой уровень был быстро перекрыт материалом, обвалившимся или смытым с холма, под склоном которого они сооружены, и уровень мерзлоты немедленно поднялся. Постройки, не успев разрушиться на поверхности, оказались в многолетнемерзлом грунте. Таким образом, стены и опоры кровли помещений сохранились на значительную до 1,2 м высоту, дошли до нас не только предметы из органических материалов, но даже содержимое мясных ям, где хранились пищевые запасы.

Занимающее верхний, самый молодой стратиграфический уровень на поселении жилище бирнирского времени состояло из двух перекрытых объемов, соединенных переходом. Коридорный выход был устроен в более крупном помещении.

Помещение 1 имело почти квадратную форму, приблизительно 3,5 x 3,5 м и ориентировано по сторонам света (рис. 4. 1). Оно было возведено на древней дневной поверхности. Стены (кроме северной) сложены из горизонтальных бревен, положенных друг на друга. Сохранились нижние венцы стен и опорные столбы высотой до 50–60 см (до современного уровня вечной мерзлоты). Угловых сочленений бревен нет. В углах помещения с внутренней и внешней сторон стен располагались деревянные столбы, врытые неглубоко. Они служили для крепления бревен стен и опорами кровли. К ним, возможно, при помощи ременных соединений крепились горизонтальные бревна стен. Постройка постоянно ремонтировалась, подновлялась: со временем, по углам приходилось ставить дополнительные вертикальные столбы, которые укреплялись короткими клиновидными деревянными и костяными подпорками вокруг основания.

²⁸ Dneprovskiy 2006; Бронштейн, Днепроvский, Сухорукова 2007; Днепроvский 2007; 2012.

Рис. 3. Поселение Пайпельгак. 1 – помещения 1 и 2, нижний уровень; 2 –помещение 1, южная стена

Между горизонтальными бревнами стен, видимо, в целях экономии древесины, оставлялись зазоры: горизонтально уложенные одно на другое бревна не прилегали друг к другу в желобок, но между ними прокладывались позвонки кита и короткие бревна (рис. 3. 2). Промежутки между бревнами с внешней стороны закрывались рядами коротких плоских тесаных досок, поставленными вертикально. Например, одно из горизонтальных бревен стены имеет продольный желобок шириной от 4 до 5 см, глубиной 2-3 см. Под бревном с желобком располагалось еще одно бревно, имевшее желобок на верхней поверхности. Первоначально эти бревна не располагались непосредственно друг на друге. В желобок ставились рядами вертикальные дощечки - в несколько ярусов. Каждый ярус крепился в следующем бревне.

Основания нижних венцов стен были приподняты над землей и стояли на камнях, позвонках кита или небольших вертикальных бревнах. Толщина стен была около 1 м, с наружной стороны они засыпались землей. Пол помещения не заглубленный в землю, был вымощен деревянными плахами, лежащими параллельно. В северной стене помещения имеется выход на площадку за его пределами. Выход не был перекрыт крышей – опорных столбов перекрытия не зафиксировано. Возможно, он использовался только в теплое время года.

Челюстная кость кита в качестве одного из венцов зафиксирована в южной стене помещения 1. Еще одна челюстная кость гренландского кита, обнаруженная в секторе «В» на одном из верхних уровней, могла быть одним из верхних венцов восточной стены. Видимо, она находилась выше вечной мерзлоты, и после того как истлели бревна, на которых она лежала, она скатилась к востоку, в сторону склона. В руинах помещения 1 прослеживается общая тенденция в направлении перемещения конструктивных элементов, потерявших опору. Как правило, все они проседают в сторону склона, в восточном направлении.

Угловых сочленений бревен нет. По углам помещения были размещены вертикальные деревянные столбы, врытые неглубоко. К ним, возможно, при помощи ременных соединений крепились горизонтальные бревна стен. По-видимому, со временем, в углах приходилось ставить дополнительные столбы, которые укреплялись короткими клиновидными подпорками вокруг основания.

Жилой уровень или уровень пола маркирован спрессованными слоями мусора (мощностью около 10 см), состоящего из щепок, фрагментов китового уса, меха, птичьих перьев и большого количества бытовых предметов, как правило, фрагментированных.

Пол помещения имел один уровень и был вымощен деревянными плахами, ориентированными по линии 3–В. Среди бревен с уплощенной верхней поверхностью лежала челюстная кость кита. В южной части вымостка пола не прилегает к стене. Здесь вкопаны короткие столбики, которые крепили крайнюю южную плаху и, возможно, огораживали место для керамического жирника, фрагменты которого здесь и обнаружены. Земляная поверхность пола здесь сильно насыщена органикой и утрамбована. Возможно, здесь хранились запасы жира для отопления и освещения. В восточной части помещения, от юго-восточного угла к выходу проходит мерзлотная трещина, заполненная льдом. Ширина ее до 40 см. Над трещиной элементы конструкции пола разорваны и смещены к востоку на 20–30 см. Возможно, поверхность пола под восточной стенкой слегка просела. Не исклю-

чено, что мерзлотная трещина появилась еще во время функционирования жилища и этим можно объяснить то, что восточные концы бревен пола приподняты и лежат на бревне, ориентированном по линии С–Ю. Только два бревна вымостки пола в центральной части доходят практически до восточной стенки помещения. Остальные бревна заканчиваются за 50–60 см до нее. Возможно, под восточной стенкой намеренно оставлен участок земляного пола, уровень которого несколько ниже общего уровня бревен вымостки. Человек, входящий в помещение из коридора, таким образом, попадал на земляной участок пола.

В восточной части северной стены помещения 1, восточнее коридора, имеется выход непосредственно за пределы помещения в направлении северо-северо-восток. Он маркирован разрывом в стене помещения, ступенькой между лопаткой кита, лежащей на полу помещения и вымосткой из каменных плит и крупных костей. Этот выход не имел крыши – опорных столбов перекрытия не зафиксировано. Возможно этот выход использовался только в теплое время года и зимой не функционировал.

В северной стене помещения 1 устроен переход в помещение 2, в его сторону (на север) ведет каменная вымостка пола со столбами по сторонам. Коридор примыкал к земляной засыпке стены между помещениями 1 и 2. Все опоры перекрытия коридора деревянные. Ширина перехода 50–60 см, длина – более 2,5 м. Четыре пары опорных столбов перекрытия коридора, считая пару столбов, входящих в конструкцию северной стены помещения 1, сделаны из бревен. Их основания заглублены ниже уровня вымостки пола коридора на 10–15 см. Видимо столбы сохранились полностью: вершина третьего от помещения с западной стороны – со следами обработки торца. Третий столб с восточной стороны сделан из бревна с раздвоенной прикорневой комлевой частью, врытого вершиной вниз. Высота его от вымостки пола 110 см. Это реальная высота коридора от вымостки до перекрытия. Частично сохранились и лаги перекрытия коридора. В северной части его зафиксировано бревно, ориентированное по линии запад-восток, диаметром до 10 см, лежащее восточным концом на вершине опорного столба коридора. Рядом с ним и параллельно выявлена челюстная кость серого кита, которая так же являлась лагой перекрытия коридора. Над центральной частью коридора расчищены три обтесанные с двух сторон доски шириной до 20 см, толщиной до 20–30 см, длиной до 1,7 м, ориентированные вдоль коридора. Первоначальное функциональное назначение этих досок не известно, но они, видимо, являлись конструктивными деталями кровли коридора, и в последствии просели вниз. Возможно, коридор, поверх поперечных и продольных лаг перекрытия, накрывался шкурами морских млекопитающих. Уровень пола в коридоре, на котором лежали элементы его перекрытия, ниже уровня пола в помещении на 40–50 см. Вымостка пола состояла из нескольких сланцевых плит со следами шлифовки на верхней поверхности, а также крупной лопаточной кости гренландского кита в северной части.

Помещение 2 (рис. 2. 2) имело подпрямоугольную в плане форму, размерами приблизительно 4 х 4 м. Вдоль стен располагались вертикальные опоры из дерева и челюстных костей кита. Пол вымощен бревнами и крупными каменными плитами. На первом строительном горизонте помещения зафиксированы следы пожара. Вертикальные деревянные опоры, стоящие вдоль стен, имеют следы огня. В северо-западном углу на первом («допожарном») уровне часть стены сооруже-

на из крупных каменных плит, поставленных вертикально. С внешней стороны за плитами прослежен мощный слой углей, древесная и костная зола. За стеной помещения разводился огонь, и нагретые каменные плиты стены отдавали тепло внутрь жилища. Возможно, именно эта экспериментальная система отопления и привела к пожару – в непосредственной близости от очага находились деревянные опоры. Следы огня зафиксированы на столбах северной части перехода из помещения 1 в помещение 2. Большая часть перехода и малое помещение от огня не пострадали. Сразу после пожара помещение было восстановлено и несколько перепланировано. Заменены сгоревшие плахи пола и выметен уголь. Рядом с основаниями сгоревших столбов, вкопанных в землю, поставлены новые опоры. После пожара помещение было несколько расширено – одна из стен перенесена (рис. 3. 1), система отопления не возобновлялась, и на место кострища поставлена новая опора. Под вымосткой пола в центре сооружен «погребок» подтреугольной в плане вытянутой формы, ориентированный с запада на восток. Стены его выложены из горизонтальных челюстных костей кита.

Коридорный выход из помещения 2, длиной более четырех метров сооружен в восточной стене большого помещения и ориентирован на восток, в сторону склона. Северная его стена частично разрушена мерзлотной трещиной. Южная сложена из вертикальных челюстных костей и черепов кита, имеются деревянные опоры кровли. На полу лежали крупные лопатки кита.

Помещение 1 перекрыло более раннюю каменную кладку пола. Основание стены помещения, к которому относится эта кладка, обнаружено под каменной вымосткой перехода. К более раннему уровню относится и крупный очаг, расположенный в непосредственной близости от стены малого помещения. Здесь найдено несколько наконечников гарпуна с орнаментом типа ДБК-II.

В 2010–2015 гг. на глубине более 3 м в раскопе площадью более 250 кв. м обнаружено три жилые структуры (помещения 4–6). По инвентарю они относятся ко времени существования древнеберингоморской культуры (ДБК-II) и были перекрыты жилищем бирнирского времени, состоявшим из соединенными крытым переходом помещений 1 и 2.

Помещения 4 и 5 располагались на одном стратиграфическом уровне в 2,5 м друг от друга. Они были небольшими, однокамерными и имели коридорные выходы. Выходы из помещений 4 и 5, направленные в восточный сектор, как и выходы из помещений 2 и 3, сходятся в естественной, по-видимому, ложбине, которая использовалась для сооружения выходов в течение долгого времени. Далее к востоку направлена уже единая вымостка пола из китового уса, камней, костей животных и дерева, слегка углубленная в землю, или, точнее сказать, протоптанная. Это, собственно, не коридорный выход, а скорее «тропа», которая вела к входам в жилища, создававшаяся и функционировавшая с древнеберингоморского времени до бирнирка и пунука. Выходы не имеют опорных столбов по сторонам для сооружения кровли. Перекрытия, возможно, сооружались только над небольшими участками коридоров, примыкавшими к помещениям. Среди деталей вымостки коридоров найдено довольно много предметов.

Помещение 4 имело подпрямоугольную сверху и подокруглую на нижних уровнях в плане форму, размерами приблизительно 3,5 x 4,5 м на первом (сверху) уровне пола, было ориентировано длинной стороной по линии ЮВ–СЗ. Северо-

западная стена маркирована четырьмя вертикальными деревянными опорами, стоящими в линию, и одной ямкой от столба. Вдоль юго-западной стены располагались пять опор кровли: два столба из бревен и три опоры, места расположения которых сохранились в виде каменной, костяной и деревянной забутовки оснований столбов. Вдоль северо-восточной стены стояли два столба из челюстных костей кита; угловой столб в юго-восточном углу сохранился в виде забутовки. Между опорами стен и кровли помещения стояли вертикально каменные плиты, которые образовывали подобие «цоколя». Пол помещения был вымощен плоскими камнями, лежащими плотно друг к другу, а также деревянными плахами и костями кита. Пол постепенно наращивался слоями камней и костей по мере проседания его из-за таяния вечной мерзлоты под отапливаемым сооружением. Планировка помещения, видимо, изменялась с течением времени. На уровне пола, вдоль юго-восточной стены была сооружена пристройка, которая, по всей видимости, не имела перекрытия – нет опорных столбов кровли. Может быть это просто вымостка пола рабочей площадки, примыкавшей к помещению. На втором уровне пола эта пристройка также существует, однако на ранних уровнях пристройки с юго-востока еще нет. На ранних уровнях изменяются контуры помещения 4. Подпрямоугольное в плане, оно имеет размеры 2,1 x 2,5 м и ту же ориентировку, что и на последующих строительных горизонтах. На более поздних уровнях оно приобретает округлую в плане форму около 2,5 м в поперечнике. Внутри помещения вдоль юго-западной стены сооружена небольшая яма подтреугольной в плане формы. Стены ямы выложены бревнами в четыре венца. По мере наращивания пола яма не углублялась, но добавлялись венцы стен и фактическая глубина ямы увеличивалась. Ее общая глубина от верхнего уровня пола помещения составила до 0,5 м. На дне ямы обнаружены несколько предметов и фрагменты керамики. Вдоль северо-западной стенки помещения 4 сооружена полка, уступ из ребра кита. Столбы, стоящие вдоль стен, забутованы костями и осколками камней.

На том же уровне, на котором расположено помещение 4, выявлено помещение 5. Его контуры маркированы вымосткой из горизонтально лежащих вплотную друг к другу каменных плит, длиной до 40 см и деревянных плах, шириной 10–15 см, длиной до 1,6 м, ориентированных по линии С–Ю. Деревянные плахи в ряде случаев частично перекрыты камнями, что говорит о том, что плахи составляли часть вымостки пола, но не упали, к примеру, с перекрытия помещения. Помещение 5 имело подпрямоугольную в плане форму и было ориентировано длинной стороной по линии З–В. Вдоль западной и южной стенки расположены деревянные вертикальные столбы диаметром от 10 до 20 см. В восточной стенке имеется разрыв шириной 70 см от столба до столба – это выход из помещения. Столбов в северной стенке «не хватает». Разреженные камни вымостки пола на севере не имеют опоры для сооружения кровли в северо-восточном углу, исключая северный крупный столб с комлевой частью дерева, который маркирует северную стенку выхода. Южную часть входного проема маркируют пять деревянных вертикальных столбов. С юга выход оформлен горизонтальной крупной плахой. Северная стенка выхода оформлена наклонно стоящими каменными плитами, ребром и челюстной костью кита.

Пол в помещении 5, так же как и в прочих на поселении, наращивался по мере его проседания и оттаивания вечной мерзлоты. Небольшие (не более 2,5 x 3 м)

однокамерные помещения 4 и 5, по-видимому, были малы для проживания семьи, и были сезонными жилищами охотников.

Помещение 6 расположено на одном стратиграфическом уровне с помещениями 4 и 5, основной объем имел размеры приблизительно 220 x 230 см, оно было ориентировано по линии СВ–ЮЗ. В юго-восточной части стена маркирована горизонтальной деревянной плахой, остатки такой же плахи расположены в северо-восточной стене помещения. Юго-западная и северо-восточная стены, видимо, были сложены из дерна. Верхний уровень пола помещения 6 вымощен близко лежащими плоскими каменными плитами, размером до 1 м. Вертикальные деревянные опоры стояли вдоль стен. В центре помещения, чуть ближе к юго-западной стенке расположена четырехугольная яма со стенками из горизонтальных деревянных плах и небольших костей, размерами 40 x 40 см, не перекрытая каменными плитами пола, глубиной до 40 см от уровня пола. Обнаруженная на дне ямы орнаментированная гравировкой головка гарпунного древка из клыка моржа, в частности, дает возможность датировать помещение 6 периодом ДБК-II. На полу, у юго-восточной стенки, вдоль нее, зафиксирована «ниша» или полка, отгороженная от стены ребром кита. «Отделение» за перегородкой перекрыто куском кожи моржа и камнями. На коже зафиксировано несколько предметов. Нижний (первый) уровень пола в помещении 6, который отделен от верхнего уровня насыпкой из суглинка со щебенкой, взятого вблизи помещения. Под перекрытием из кожи моржа и камней в «нише» у юго-восточной стены помещения, отгороженной лежащей горизонтально костью кита, укрепленной по внешним сторонам деревянными колышками, обнаружено скопление костей животных. Судя по характеру костных остатков, это не запасы продуктов, а кухонные отходы. Вымостка пола на нижнем уровне не сплошная, пол покатым в южном направлении. Столбы – опоры стен помещения – расчищены до основания. Структура, примыкающая с севера к основному объему помещения 6, состоящая из каменной вымостки, шириной до 1 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, была принята за коридорный выход из помещения 6. Однако позднее был обнаружен коридорный выход, ориентированный на восток и частично разрушенный обвалом. Каменная вымостка, примыкавшая к помещению 6 с северо-запада, оказалась вторым жилым объемом в двухкамерном жилище. Оно представляло собой небольшую спальню, длиной до 2 м и шириной до 1 м, с каменной вымосткой пола и деревянными опорами перекрытия вдоль стен. Спальня была соединена с более крупным помещением проемом в северной его стене. Итак, помещение 6 оказалось двухкамерным. Выход располагался в восточной стене более крупного помещения жилища 6. Коридорный выход имел вид портала из двух расширяющихся к северо-востоку стен, сложенных из деревянных плах, положенных друг на друга, отделен от помещения порогом из деревянной плахи. Уровень пола в нем резко понижался к востоку. Перепад высот между выходом и полом большего помещения жилища 6 составлял 50 см (рис. 4. 2).

Жилище 6 по стратиграфическому своему положению в раскопе, архитектуре и типам предметов, следует датировать временем существования древнеберингоморского II (ДБК-II) периода развития древнеберингоморской культуры Чукотки. Это третье жилище этого времени на памятнике Пайпельгак.

Рис. 4. Поселение Пайпельгак 1 – помещение 1, вымостка коридора, вид с севера; 2 – помещение 6

Итак, исследования на Пайпельгаке показали, что это первый жилой памятник на Чукотке, имеющий несколько стратиграфически выделенных последовательных горизонтов застройки. Помещение 2 имеет два строительных горизонта, разделенных пожаром. Стратиграфически всему комплексу жилища предшествует еще несколько горизонтов культурных наслоений.

Малое помещение жилища 1 на поселении Пайпельгак имеет много общих черт с малым помещением Эквенского жилища Н-18. Оба помещения одинаково ориентированы по сторонам света, сооружены на поверхности и не заглублялись в землю. Они одинаковой четырехугольной или подквадратной в плане формы и почти равные по площади. По углам расположены несущие кровлю и поддерживающие стены деревянные столбы. Сооружения представляют собой теплую стационарную столбовую конструкцию с грунтовой (дерновой) внешней подсыпкой стен. Общим признаком является использование горизонтальных бревен в конструкции стен. В Эквенском жилище нет деревянных бревен в вымостке пола, но преобладают каменные плиты. В пайпельгакском помещении 1 вымостка пола состоит в основном из бревен, но каменными плитами выложена часть пола, примыкающая к выходу. Судя по составу инвентаря, оба помещения имели жилое, а не хозяйственное назначение. Малая площадь и другие признаки позволяют предположить одинаковое назначение построек в качестве спальных помещений.

Малое помещение Эквенского жилища Н-18 примыкало непосредственно к более крупному с севера, а не с юга как помещение 1 на Пайпельгаке. Между большим и малым помещениями на Эквене нет мощной земляной стены, они соединяются через ступеньку и общая стена, в которой расположен проход из одного помещения в другое, была тонкой. Помещение 1 на Пайпельгаке имеет четыре стены, три из которых внешние, и четвертая, общая для обоих помещений, так же имеет земляную подсыпку. Коридорный выход в восточной части северной стены этой постройки, длина которого более трех метров, примыкает с востока к земляной стене и соединяет малое и большое помещения жилища. Таким образом, помещение 1 на Пайпельгаке имеет четыре «теплых» стены и является самостоятельной, более обособленной от большого помещения постройкой.

Можно констатировать, что в конструкции пайпельгакских помещений использовано значительно большее количество плавникового дерева, чем в эквенском жилище Н-18. Это связано, прежде всего, с тем, что в районе поселения Пайпельгак, в отличие от поселения Эквен, и в настоящее время после штормов наблюдаются выносы значительного количества плавникового дерева. Для выяснения общей планировки жилища данных пока не хватает.

В результате работ экспедиции не только собрана одна из богатейших в мире коллекций эскимосских древностей, но и получены обширные сведения о погребальном обряде, конструкции и планировке жилищ Древней Чукотки, о материалах, из которых они были построены, а также о том, как использовалась территория, прилегавшая к жилым комплексам. Многочисленные изделия, обнаруженные в погребальных и жилых комплексах, существенно расширяют современные представления об охотничьем вооружении и орудиях труда древних эскимосов Чукотки, о технологиях, применявшихся ими для обработки камня, кости, дерева, о религиозных представлениях одного из самых самобытных народов Арктики.

Рис. 5. Поселение Наукан, каменные кладки цоколей стен яранг (1, 2)

Принципиальная конструкция древнеэскимосского жилища доживает на Чукотке до середины XX в., точнее до осени 1958 г., когда был закрыт пос. Наукан на мысе Дежнева²⁹. Пос. Наукан расположен на 50-метровой высоте над уровнем моря на восточной оконечности мыса Дежнева. Морские зверобой говорили здесь на особом диалекте эскимосского языка. В этом поселке, расцвет которого пришелся на XIX – первую половину XX в., наиболее полно отразились древние традиции всей высокой культуры эскимосских охотников на морского зверя. После трагических событий, связанных с насильственным закрытием в 1958 г. пос. Наукан, имеющего громадное сакральное значение для самосознания всего эскимосского этноса, сохранились остовы десятков жилых строений, продолжающих древние архитектурные традиции региона. Это едва ли не единственные на Чукотке, так полно сохранившиеся до наших дней, традиционные стационарные жилища эскимосов – оседлого коренного населения побережья Чукотского моря и Берингова пролива. Пос. Наукан и округлые яранги с каменными цоколями, кровлями из деревянных жердей и шкур моржа и коридорными выходами, ориентированными к морю, как бы олицетворяют «связь времен» – зримо объединяют современных эскимосов с их древними предками (рис. 5–6).

Начиналось строительство традиционного науканского дома с выравнивания площадки, как это делалось на поселениях Эквен и Пайпельгак. Для этого вертикально, поперечной ступенью подрезался склон. Затем площадка выравнивалась горизонтально и вдоль образовавшегося под склоном уступа глубиной 1–1,2 м складывалась обычно из двух рядов камней стена, высотой до уровня склона. Если места для площадки не хватало между уже стоящими домами, на склоне подсыпали из камней и грунта террасу, иногда довольно высокую, и тогда возводили каменную стену, удерживающую эту террасу на склоне. Горизонтальная площадка делилась на две примерно равные части, и посередине делалась ступенька высотой 20–25 см, которая укреплялась кладкой в один камень. Обычно стены складывались без прямых углов – яранги в плане были округлые или прямоугольные со скругленными углами. Укладывались каменные стены «всухую», но, видимо, щели между камнями закладывали мхом или дерном. Камни подбирались так, чтобы подогнать из как можно более плотно друг к другу. Между камнями в грунте, принесенном ветром, прорастала трава, корни которой забивали щели. В поперечнике эти дома от 4 до 6, редко более метров. Вертикальные опоры стен и кровли не вкапывались в пол, а были укреплены среди каменной кладки стен по периметру на расстоянии около 1,5 м друг от друга (рис. 6. 2). Стена, обращенная в сторону подъема, на запад, строилась глухой, а в стене противоположной, сооружался выход, обращенный в сторону моря, закрывающийся шкурой, а позднее дверью из дерева. Выход в виде короткого коридора длиной до двух метров, справа и слева прикрывали каменные стены, между которыми крепилось перекрытие коридора. Склон в Наукане – в сторону моря, на восток, поэтому все яранги одинаково ориентированы по сторонам света – обращены выходами на восток. Очень важно отметить, что во всех ярангах соблюдался один общий принцип устройства пола. Уровень пола понижался от задней стены, около которой устраивался спальный полог, через ступеньку в общее помещение, а уровень пола во входном

²⁹ Днепроvский 2016; Днепроvский, Лопатин 2016; Членов, Крупник 2016.

Рис. 6. Поселение Наукан, каменные кладки цоколей стен яранг (1, 2)

коридоре всегда был самым низким в жилище, часто имел еще одну ступеньку или просто плавно понижался наружу. Сам рельеф местности способствовал такому стандартному домостроительному приему. Поскольку нагретый воздух поднимается вверх, самое теплое место в яранге было в пологе у задней стены, а при входе в помещение тепла терялось меньше. Регулярной каменной или из иного материала вымостки пола яранги не прослеживается – внутренняя часть жилищ, как правило, задернована, и для выяснения характера настила на полу специальные исследования с расчисткой обитаемого уровня.

Деревянные детали рухнувших перекрытий и верхних частей стен сохранились только в 26 ярангах. Деревянные детали необитаемых яранг во время жизни поселка разбирались и использовались жителями немедленно. В конце существования поселка деревянные части из всегда ценимого в тундре материала могли частично вывозиться вместе с личными вещами жителей. Только поспешное оставление домов могло воспрепятствовать вывозу этих важнейших в строении деталей. Удлиненно-овальные в сечении шесты, длиной до 4 м, на которых держалось покрытие из шкур моржа, шириной до 10 см и толщиной 4–5 см тщательно обструганы и даже шлифованы со всех сторон. Они слегка изогнуты и сужаются к обоим концам. Нередко шесты ремонтировались – сохранились стянутые жестяными шинами на гвоздях экземпляры. Шесты не просто складывались «шатром». О сложности конструкции кровли говорят отмеченные в двух домах такие детали перекрытия, как длинные шесты округлого сечения толщиной 8–10 см в диаметре, с утолщениями на концах и выемкой на торце, как у древка эскимосской стрелы. Место такой детали в конструкции крыши еще предстоит выяснить. Перекрытие яранги служило относительно недолго и подлежало замене. Каркас должен был легко разбираться и собираться вновь, и соответствовать форме и размеру тяжелых шкур моржа. Детали каркаса кровли связывались между собой ремнями, а позднее соединениями из металлической проволоки. Покрышка прижималась к каркасу внешними перетяжками из проволоки с камнями на концах. Кровля подвергалась большим ветряным нагрузкам и каркас должен был быть слегка подвижным. Именно поэтому деревянные слуги тщательно обработаны – угловатые подвижные детали быстро перетирали бы покрытие в местах соприкосновения. В этом смысле кровля яранги походила конструкцией на эскимосскую байдару из дерева и кожи, которая слегка «подыгрывала волне».

Шатровая конструкция кровли науканских яранг, зафиксированная в фотографиях 20–30-х гг. XX в. (рис. 7. 1, 2), позволяет по-новому интерпретировать принцип строения кровли древнеберингоморских и бирнирских жилищ, исследованных нами на древнеэскимосских поселениях Эквен и Пайпельгак. Во время исследования эквенского жилища Н-18, было высказано предположение, что кровля была «тяжелой», состоящей из массивных лаг перекрытия из китовых костей и плавниковых бревен и перекрывалась дерновым слоем. Этому не противоречили и мощные столбы вдоль стен помещений жилища. Дерн, который, как предполагалось, рухнул на пол вместе с кровлей, был обнаружен на уровне пола. Однако слабым местом этой гипотезы было отсутствие достаточного количества длинных китовых костей – челюстей и ребер, или бревен, конструктивных деталей рухнувшей на уровень пола каркаса тяжелой кровли, перекрытой дерном. Предполагалось, что после обрушения деревянные детали кровли разбирались

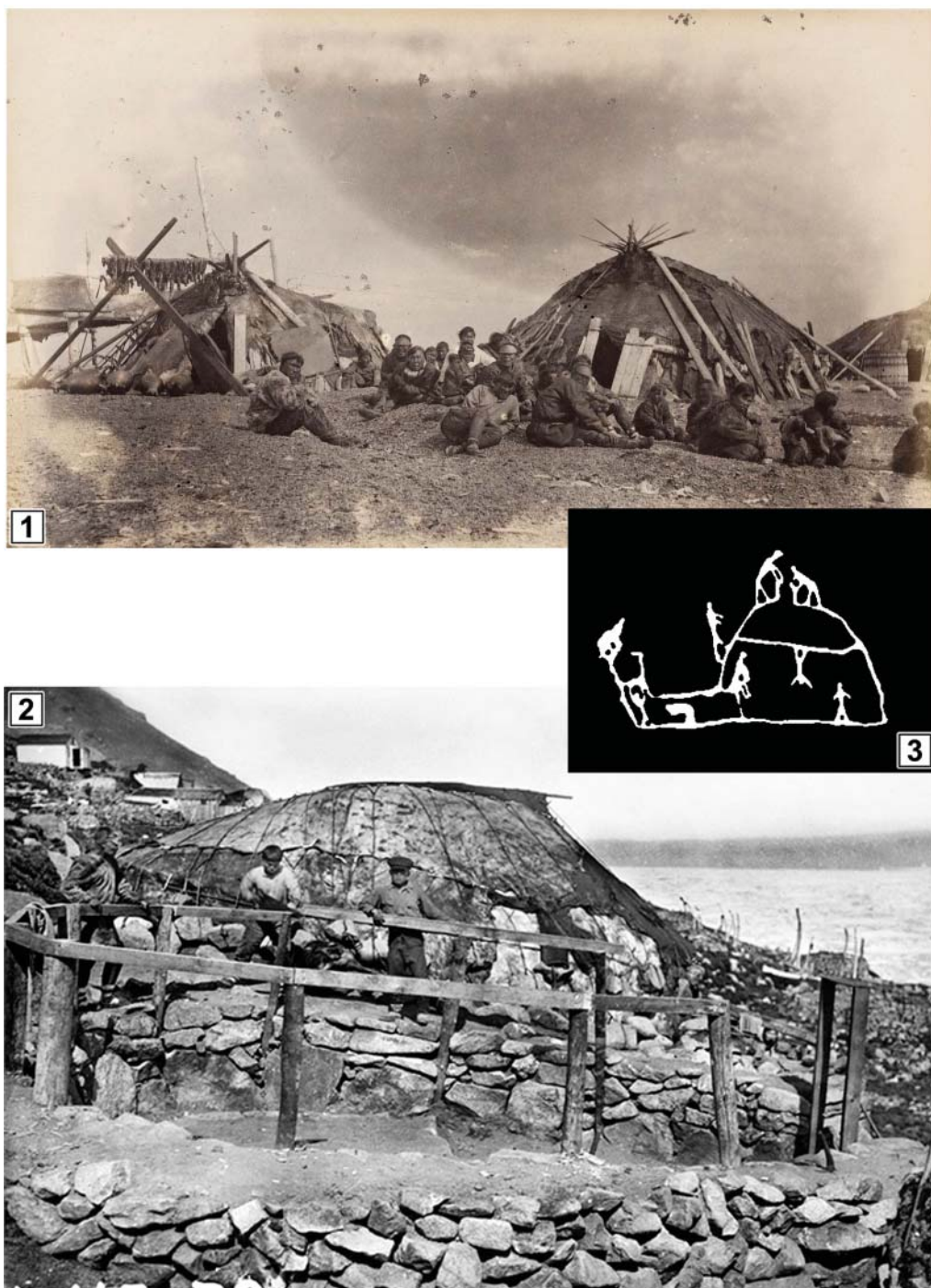

Рис. 7. 1, 2 – поселение Наукан, яранги с кожными шатровыми перекрытиями на деревянном каркасе (фото 20-х гг. XIX в.); 3 – фрагмент с жилищем, показанным сбоку; изображения на тюленьей шкуре по Гильдебранду, XVIII в. (по С.В. Иванову, рис. 28)

для строительства других домов. Если представить в основе конструкции перекрытий эквенских и пайпельгакских жилищ I тыс. н.э. наличие легких деревянных жердей, на которых лежала крышка из шкур, то все становится на свои места. Вертикальные столбы из дерева и костей кита, которые стояли вдоль стен по периметру помещений, не были опорами кровли. Они являлись каркасом стен, как и в ярангах Наукана. К ним крепились деревянные относительно тонкие слезги, несущие шатровую кровлю из шкур. Отсутствие достаточного количества этих слег или жердей на полу древних помещений легко объясняется тем, что ценный и легко переносимый материал, после оставления жилища, конечно же, сразу использовался в новых конструкциях. В подтверждении этого, в пустующих, не обитаемых жилищах Наукана во время жизни поселка каркаса кровли не оставалось. Интересно отметить, что количество яранг со значительным количеством кровельных деревянных деталей, лежащих после обрушения перекрытий на полу, не совпадает с количеством населенных яранг перед закрытием Наукана и переселением жителей в 1958 г. Это может означать, что часть деревянных шестов была вывезена заранее вместе с жителями.

В целом, науканские яранги имеют абсолютно традиционную конструкцию и принципиально мало чем отличаются от жилищ, в которых жили их предки в древнеберингоморское и бирнирское время, в I тыс. На Чукотке наиболее полно древние жилые сооружения исследованы на поселениях Эквен и Пайпельгак³⁰ и сравнение науканских жилищ с ними представляется наиболее корректным. Если не брать в расчет такие «современные» детали в Наукане, как использование досок для наращивания верхних частей стен, использование металлических и кирпичных печек, сооружение дверей с деревянными коробками и дверей с петлями, применение железных гвоздей и других металлических деталей, то сходства в принципиальных конструкциях домов очевидны. Науканские жилища, так же, как и древние, строились всегда на поверхности и не заглублялись в землю. Для строительства домов применялся тот же материал – камни, кости китов и плавниковое дерево с учетом локальных особенностей: в районе Эквена деревья выносятся на берег мало, поэтому деревянные опоры заменялись столбами из челюстных костей кита, обилием камня в районе Пайпельгака и Наукана было обусловлено приоритетное использование этого материала. Дома сооружались на склонах с предварительным выравниванием строительных площадок. Коридорные выходы всегда направлены в сторону склона (следовательно, в сторону моря), и уровень пола понижается от спальной платформы к выходу, что было очень важно для применявшегося в домостроительстве еще с древнеберингоморского времени принципа энергосбережения и распределения нагретого воздуха в помещении. Сходны планировки жилищ, их размеры, принципиальная конструкция цоколей стен из камня или дерева, легкие кровли из шкур на деревянном каркасе. Следует отметить и некоторые серьезные отличия науканских построек от жилищ бирнирского времени в Эквене и Пайпельгаке: в Наукане нет двухкамерных строений, примыкающих друг к другу (Эквен) или соединенных крытым коридором с каменной вымосткой пола и опорами кровли из костей кита (Пайпельгак). Возможно это объясняется крутизной склона, на котором строились жилища. Древнеберингоморские небольшие жилища на Пайпельгаке строились для сезонной

³⁰ Бронштейн, Днепровский 2001; Dneprovskiy 2006.

охоты и не были предназначены для проживания целой семьи, как в Наукане. Ни в одной науканской яранге с сохранившимися деревянными деталями не зафиксирован установленный в центре столб или его основание, вкопанное в пол помещения, но в большем помещении эквенского жилища Н-18 в центре стояла опора из крупной челюстной кости кита.

В ходе работ экспедиции ИА РАН³¹ на памятнике федерального значения «Петроглифы Пегтымеля» – единственном в азиатской части России местонахождение наскального искусства, расположенном за Полярным кругом – в числе ранее неизвестных сюжетов петроглифов (в 1960-х петроглифы были обследованы и затем опубликованы Н.Н. Диковым³², позднее сведения о нем были дополнены благодаря усилиям других специалистов³³) были выявлены изображения конструкции, сделанной, по всей видимости, из костей кита. Это жилое двухкамерное сооружение (рис. 8. 1) и, вероятно, уникальное изображение конструкции, которую можно интерпретировать как жилище, показанное в плане, представлено на одном из отдельно лежащих камней подтреугольной формы (рис. 8. 2; 9). Этот камень находится в верхней трети скопления IV – в основной части концентрации изображений на Кайкуульском обрыве – и был сильно покрыт мхом и лишайником, прикрыт ветками кустарника, присыпан оползнем. При расчистке на двух смежных гранях были выявлены повествовательные изобразительные сцены. На основной, большей по размеру плоскости и локализуется изображение показанного в плане жилища, состоящего из округлого в плане помещения и примыкающего к нему коридора подпрямоугольной формы или другого помещения. В оба объема вписаны схематичные антропоморфные фигуры, если принять соотношение размеров как близкое к реальным, то можно высказать предположение, что камеры жилищ были малы. Но изобразительному материалу трудно дать столь однозначную оценку. Если принять версию, что это жилище, то возможны два варианта интерпретации петроглифа – как изображение двухкамерного малого жилища, возможно сезонного, охотничьего, а не предназначенного для большой семьи. Конструктивно оно сходно с описанным древнеберингоморским небольшим жилищем на Пайпельгаке, предназначенном для сезонной охоты.

Следует отметить, что в целом в изобразительных материалах народов Сибири и Дальнего Востока встречается изображение жилищ и других хозяйственных конструкций (загонов и пр.), показанных как в профиль, так и в плане³⁴. Интересно изображение прибрежного поселка (зарисовка, выполненная Н.В. Кочешковым)³⁵. В сложной жанровой сцене разворачивается действие «на суше и на море» – показан ряд жилищ, сцена охоты на кита, его транспортировки и др. Жилища изображены сбоку, представлены их конструктивные особенности (рис. 10. 1). Не меньшей детальностью характеризуются изображения на тюленьих шкурах – в сложных повествовательных сценах жизни прибрежных селений представлено и жилище (рис. 7. 3), оно аналогично описанному В.Г. Богоразом – с основным помещением и коридором, двумя входами³⁶.

³¹ Devlet 2008; 2012; Дэвлет 2012; 2014; 2015.

³² Диков 1969; 1971; 1992; Dikov 1999.

³³ Головнев 2000; Питулько 2002; Слободзян 2004; Петроглифы Пегтымеля 2007.

³⁴ Дэвлет 2006.

³⁵ Иванов 1954.

³⁶ Иванов 1954, рис. 28.

Рис. 8. Пегтымель. 1 – фрагмент панорамы Кайкуульского обрыва со скоплениями петроглифов. Значками обозначены плоскость в скоплении 1 (справа) и камень в скоплении 4 (слева); 2 – плоскость камня из скопления 4 с изображением жилища, показанного в плане

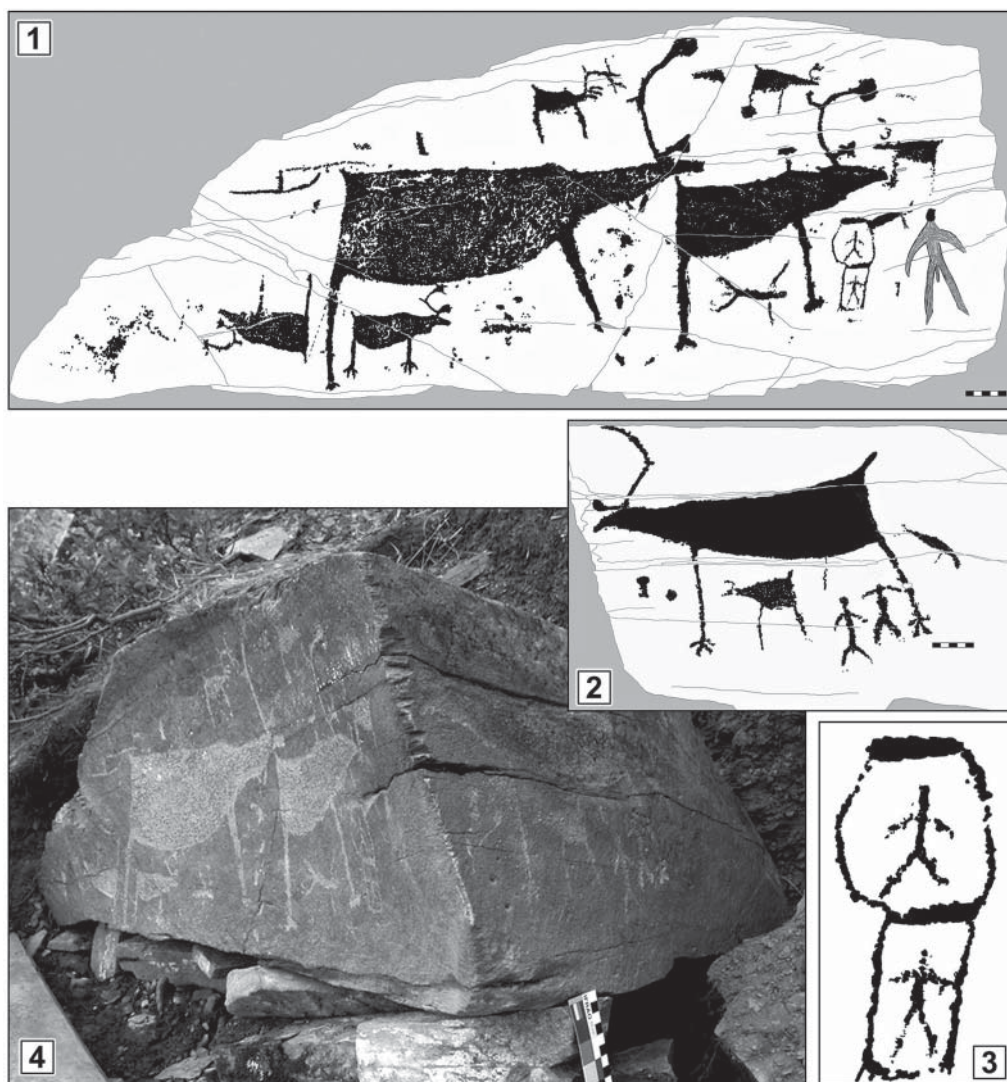

Рис. 9. Пегтымель. Камень из скопления 4 с петроглифами на двух гранях (1–4), среди них – изображение жилища, показанное в плане

В.Г Богораз указывает, что в «чукотских и эскимосских селеньях, расположенных на Тихоокеанском берегу, можно найти руины так называемых челюстных домов (wa'lkar, мн.ч. wa'lkarat). Эти руины, вероятно, очень древнего происхождения и представляют из себя либо круглые ямы, либо плоские насыпи с несколькими выдающимися стропилами и балками из китовой кости. В некоторых селеньях, например, Энмылын, обитатели уже успели забыть о точном расположении руин, так как селения с того времени неоднократно переносились. В Эунмыне и Вутээне подземные жилища, видневшиеся на плоском, песчаном

морском берегу, постепенно разрушились под воздействием атмосферы и рассыпались на мелкие части вместе с рядами камней, на которых они стояли. Но в некоторых местах, например в поселке Чечин и на мысе Чаплина, они сохранились рядом с существующими жилищами, и в начале XX в. жители еще помнили, каким семействам принадлежала большая часть этих развалин. Вероятно, эти подземные жилища вышли из употребления поколения четыре тому назад. Хупер, путешествовавший в 1848 г., видел уже современные ему типы жилищ, а подземные жилища – в полуразвалившемся состоянии. Подземные жилища (wa'lkag) приморских чукоч и эскимосов имеют остов из челюстных костей. Кости эти поставлены стоймя на некотором расстоянии друг от друга. Удерживаются они землей и камнями. В некоторых случаях наблюдается до 16 таких костяных опор, образующих правильный круг. Большие куски челюстных костей и китовые реберные кости накладываются в качестве стропил, и между ними вставляются такие же куски для того, чтобы сделать все строение более плотным. Пол, по крайней мере средняя часть его, выстилается гладкими кусками кости. Затем все сооружение покрывается дерном, толстый слой земли насыпается вокруг основания. Часто подземное жилище wa'lkag – просто яма, покрытая земляной крышей, и только кровля возвышается над поверхностью. Такая постройка имеет вид холмика с человеческим жилищем внутри. Из сохранившихся в начале XX столетия развалин подземных жилищ можно видеть, что здесь, подобно подземным жилищам других племен, имелось два входа. Один вход зимний, в виде длинного подземного прохода. В летнее время, при оттаивании грунта, он наполняется водой, но так как уровень его ниже уровня жилого помещения, то вода не попадает в жилое помещение. Другой вход в верхней части стены имеет вид круглого отверстия, закрываемого при помощи плечевой кости кита, – это летний вход, на зиму он забивается травой и плотно закрывается крышкой и камнями. ... Подземные дома строились с помощью всех соседей и укреплялись и расширялись в течение многих последующих лет. Они переходили от поколения к поколению, пока, наконец, скопление грязи и вони не изгоняло из него обитателей. По сообщениям туземцев, губительное влияние этих жилищ на здоровье послужило главной причиной того, что население оставило их навсегда и стало употреблять яранги, крытые шкурами. Туземцы селения Чибук на острове Св. Лаврентия, усвоившие азиатский тип жилища в других частях острова, которыми они пользуются в зимнее время при своих морских экспедициях»³⁷.

Этнографические изобразительные аналогии петроглифам представлены довольно обширно, но наибольший интерес представляет собой нарисованное на весле изображение приморского жилого поселка, относящееся предположительно к началу XX в., а также изображение на шкуре, где изображение стационарного жилища с коридором представлено также в профиль, но более выразительно показаны его конструктивные особенности, в частности, второй вход в верхней части сооружения.

В петроглифах Пегтымеля также выявлены необычные знаки, которые предположительно можно интерпретировать как изображения наземных жилищ (рис. 10. 2). Вместе с показанным в плане двухкамерным изображением жилища в 4

³⁷ Богораз 1991.

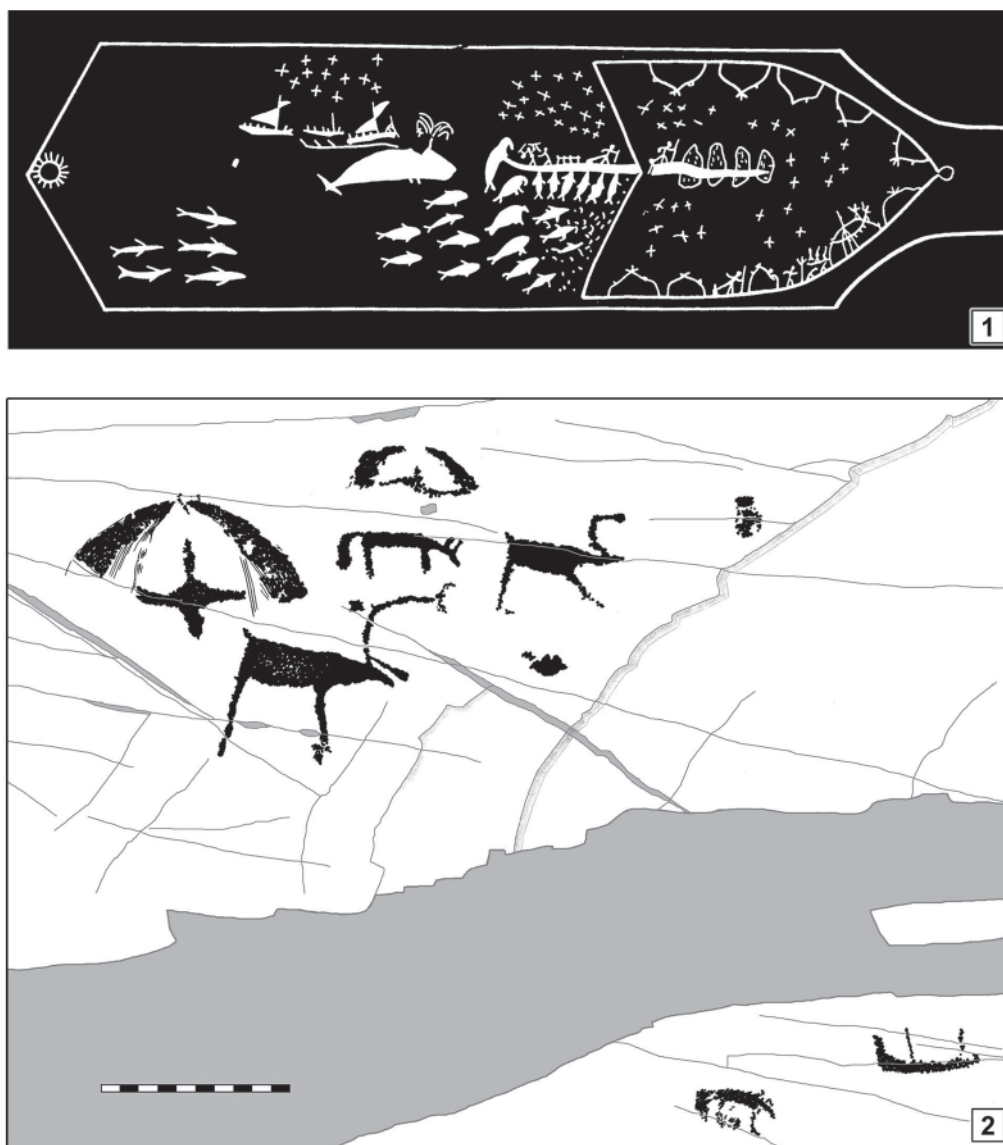

Рис. 10. 1 – Изображения на весле, начало XX в. (по С.В. Иванову, рис. 9. 1 – из колл. И.П. Лаврова, МАЭ); 2 – Пегтымель, плоскость из скопления 1 с изображением жилищ, показанных сбоку

скоплении Пегтымеля это, по-видимому, те немногие примеры петроглифов, изображающих конструкции бытового назначения, элементы преобразования ландшафта. Анализ сюжетов петроглифов Пегтымеля показывает, что на удаленном от побережья памятнике (расстояние от морского побережья составляет около 40 км) представлены как картины быта обитателей тундры, так и связанные с примор-

ским типом адаптации – сцены охоты на морского зверя и пр. Как и в современной мелкой пластике, тема тундры и моря неразрывно переплелась в искусстве петроглифов.

Форма кровли является самой характерной чертой в облике древнеэскимосского жилища. При общей лаконичности и вытекающей из этого необыкновенной точности сюжетных изображений на предметах обихода этнографического времени и знаменитых петроглифах Пегтымеля у древнего художника просто не было выбора. Изображая жилища морских зверобоев, он должен был предельно точно передать именно форму кровли. По крайней мере все дошедшие до нас изображения домов позволяют однозначно утверждать, что стационарные жилища были наземными и имели легкую шатровую кровлю из деревянных жердей и шкур животных. Археологические данные подтверждают это. Все полностью исследованные жилища древних эскимосов на Чукотке были сооружены на поверхности. Возведенные на склонах и чаще всего под склонами, такие постройки быстро разрушались и заносились смытым сверху почвенным материалом. Уже В.Г. Богораз, воспринимал жилища-нынлю как подземные или полуподземные сооружения. Жесткие дерновые кровли на горизонтальных лагах из костей и дерева иногда могли сооружаться над небольшими элементами построек – коридорными выходами. Перекрытие крупных объемов такой кровлей потребовало бы большого количества вертикальных опор не только вдоль стен, но и внутри помещения. Строительство же жилищ, заглубленных в землю, в условиях вечной мерзлоты не целесообразно и обычно не производилось.

Значение исследований на древнеэскимосских памятниках Чукотки для первобытной археологии в целом трудно переоценить. Несмотря на то что самые ранние слои поселений Эквен и Пайпельгак относятся к первым векам н.э., экономика, строительные приемы, культура и верования, а также климатические условия, в которых существовала древнеэскимосская культура, более всего сходны, как отмечали многие исследователи, с палеолитическими культурами ойкумены. В климате, сходном с климатом ледникового периода, создана культура, в основе жизни которой лежала коллективная охота на крупного зверя – кита и моржа. Природные условия арктической безлесной тундры вынуждали людей, так же, как и период оледенения, строить жилища из костей крупных животных, отапливаться жиром и костями этих животных. Конечно, каменные и костяные орудия древних эскимосов, адаптированные к морскому зверобойному промыслу, были совершеннее палеолитических, и они умели делать керамическую посуду, но в целом уровень развития культуры не выходит за рамки каменного века.

Древние морские зверобои Арктики всего 2 тыс. л.н. существовали в практически одинаковых природных и климатических условиях с палеолитическими охотниками на мамонтов приледниковой зоны Евразии. Принципиальные экономические законы развития древнего общества охотников на китов и на мамонтов идентичны. Огромные пищевые запасы океана предоставили обитателям в Арктике уникальный шанс благополучно существовать на протяжении длительного времени без глобальных изменений экономического уклада. Присваивающее охотничье хозяйство базировалось на каменных и костяных орудиях труда, и прогресс выражался в совершенствовании орудий охоты, а не в переходе к другим видам хозяйства. Древние эскимосы наряду с более совершенными неолитиче-

скими приемами обработки каменных орудий сохранили некоторые технологические элементы обработки камня, присущие древнему палеолиту. Изучение бытовых памятников эскимосов Берингова пролива и побережья Ледовитого океана, которые в значительной степени сохранили палеолитические черты, дает новую информацию для воссоздания ключевых характеристик культуры древних палеолитических племен Старого и Нового Света. Использовать кости крупных животных для строительства жилья люди начали именно в палеолите. Благодаря тому, что арктические сооружения значительно лучше сохранились, можно более полно воссоздать палеолитическую архитектуру. Бытовые предметы, изготовленные из таких органических материалов, как дерево, кость, олений рог, моржовый клык, кожа, китовый ус и т.д., могут сохраниться только в условиях вечной мерзлоты, и, конечно, на их состоянии сказывается и то, что они значительно моложе палеолитических. Специалистам, работающим в Арктике, по сути, предоставляется возможность изучать каменный век при уникальном для этой эпохи состоянии археологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

- Береговая, Н.А. 1954: Археологические находки на острове Четырехстолбовом. *СА XX*, 288–312.
- Богораз, В.Г. 1934: *Чукчи*. Т. 1. Л.
- Богораз, В.Г. 1991: *Материальная культура чукчей*. М.
- Бронштейн, М.М., Днепровский, К.А. 2001: Жилище морских зверобоев древней Чукотки. В сб.: *Альманах «Памятники культуры. Новые открытия 2000*. М., 587–619.
- Бронштейн, М.М., Днепровский, К.А., Сухорукова, Е.С. 2007: *Мир арктических зверобоев: Шаги в неизвестное. Каталог выставки*. М.–Анадырь.
- Головнев, А.В. 2000: Пространственный анализ петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.). В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Владивосток–Омск, 185–188.
- Гусев, С.В. 1995а: Новые материалы по истории древнеберингоморских культур. В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко*. Омск, 56–60.
- Гусев, С.В. 1995б: Раскопки поселения Канискак на Азиатском берегу Берингова пролива. *Археологические вести* 4, 25–32.
- Гусев, С.В. 2001: Радиоуглеродные даты и хронология памятников восточной Чукотки. В сб.: *Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова*. Магадан, 19–21.
- Гусев, С.В., Жилин, М.Г. 2000: Технология обработки кости в культурах морских зверобоев Берингова пролива. В сб.: *Вперед в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой*. Владивосток, 195–210.
- Давыдов, Г.И. 1810: *Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова*. СПб.
- Диков, Н.Н. 1969: Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов. В сб.: *Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции*. Вып. 1. Новосибирск, 67–80.
- Диков, Н.Н. 1971: *Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля*. М.
- Диков, Н.Н. 1992: Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки. В сб.: *Наскальные рисунки Евразии*. Новосибирск, 44–49.

- Днепровский, К.А. 2001: *Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пунука*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Днепровский, К.А. 2007: Древнеэскимосские жилища. В сб.: *Альманах «Чукотка в прошлом и настоящем. Наследие народов Российской Федерации»*. М., 238–256.
- Днепровский, К.А., Лопатин, Н.В. 2012: Методика исследования поселений в условиях вечной мерзлоты (по материалам древнеэскимосских памятников Чукотки Эквена и Пайпельгака). В сб.: *Вехи на мысах. К 80-летию С.А. Арутюнова*. М.
- Днепровский, К.А. 2016: Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки. В сб.: *Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы научно-практической конференции*. 1. М.–Анадырь, 22–38.
- Днепровский, К.А., Лопатин, Н.В. 2016: Археологические находки на территории Наукана. В сб.: *Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы научно-практической конференции*. 1. М.–Анадырь, 82–96.
- Дэвлет, Е.Г. 2012: Об изображениях северных оленей в наскальном искусстве Чукотки. *ПИФК* 1 (35), 153–157.
- Дэвлет, Е.Г. 2014: К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля. *РА* 3, 66–78.
- Дэвлет, Е.Г. 2015: О некоторых сюжетах и образах петроглифов Пегтымеля. В сб.: А.П. Дервянко, В.А. Тишков (ред.), *Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»*. М., 160–165, 580–592.
- Дэвлет, М.А. 2006: Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов). В сб.: *Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова*. М., 212–238.
- Загоруйко, А.В. 1999: Планировка эскимосских жилищ зоны Берингова пролива: этноархеологические аспекты. В сб.: *Интеграция археологических и этнографических исследований*. М., 195–199.
- Иванов, С.В. 1954: Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. *Труды Института этнографии. Нов. сер.* 22. М.–Л.
- Окладников, А.П., Береговая, Н.А. 1971: *Древние поселения Баранова мыса*. Новосибирск.
- Питулько, В.В. 2002: Пегтымельские петроглифы: датировка и события. В сб.: *II Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященные 70-летию Дальстроя*. Магадан, 408–415.
- Раушенбах, В.М. 1969: *Новые находки на Четырехстолбовом острове*. М.
- Руденко, С.И. 1947: *Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема*. М.
- Слободзян, М.Б. 2004: Петроглифы Пегтымеля (по результатам исследований последних лет). В сб.: *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии*. Барнаул, 467–470.
- Петроглифы Пегтымеля*. 2007. СПб.
- Членов, М.А., Крупник, И.И. 2016: Наукан: главы к истории. В сб.: *Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы научно-практической конференции*. 1. М.–Анадырь, 38–74.
- Blumer, R., Csonka, Y. 1997: Archaeology of Asian Shore of Bering Strate. In: *Swiss-Leichtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad, Jahresbericht*, 83–130.
- Collins, H.B. 1937: *Archaeological excavations at Bering Strait*. Washington.
- Devlet, E. 2008: Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World*. III. 120–137.
- Devlet, E. 2012: Rock art studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World*. IV. 124–148.

- Dikov, N.N. 1999: *Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel')*. Anchorage.
- Dneprovskiy, K.A. 2002: Ekven House H-18: A Birnirk- and Early Punuk- Period Site in Chukotka. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 166–207.
- Dneprovskiy, K. 2006: A Late Birnirk House at Paipelghak in Northern Chukotka: A preliminary Report Based on the Excavation from 2002–2004. *Alaska Journal of Anthropology* 1-2, 34–54.
- Ford, J. 1959: *Eskimo prehistory in the vicinity of point Barrow, Alaska*. New York.
- Gerlach, S.C., Mason, O.K. 1992: Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic. *Arctic Anthropology* 29 (1), 54–81.
- Giddings, J.L., Anderson, D.D. 1986: *Beach ridge archaeology of cape Krusenstern*. Washington.
- Larsen, H., Rainey, Fr. 1948: Ipiutak and the Arctic Whale hunting Culture. *Anthropological papers of the American Museum of Natural History* 42.
- Mason, A. 1930: Excavations of Eskimo Thule Culture Sites at Point Barrow. Alaska. In: 23th *International Congress of Americanists*. New York, 383–394.
- Moulin, B., Csonka, Y. 2002: The Erosion Front at Ekven: a Stratigraphic and Geoarchaeological Approach. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 227–261.
- Ray, P.H. 1884: *Report of international Polar expedition to point Barrow, Alaska. In response to the resolution of the House of Representatives of December 11*. Washington.
- Stanford, D. 1976: The Walakpa Site, Alaska: its place in the birnirk and Thule Cultures. *Smithsonian contribution to anthropology* 20. Washington.
- Stuiver, M., Braziunas, T.F. 1993: Modeling atmospheric 14C influences and 14C ages of marine samples to 10,000 BC. *Radiocarbon* 35 (1), 137–189.

REFERENCES

- Beregovaya, N.A. 1954: Arkheologicheskiye nakhodki na ostrove Chetyrehstolbovom [Archaeological finds on the Island of Four Pillars]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* XX, 288–312.
- Blumer, R., Csonka, Y. 1997: Archaeology of Asian Shore of Bering Strate. In: *Swiss-Leichtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad, Jahresbericht*, 83–130.
- Bogoraz, V.G. 1934: *Chukchi [Chukchi]*. Vol. 1. Leningrad.
- Bogoraz, V.G. 1991: *Materialnaya kultura chukchey [The Chukcha Material Culture]*. Moscow.
- Bronshteyn, M.M., Dneprovskiy, K.A. 2001: Zhilische morskikh zveroboev drevney Chukotki [Dwellings of Marine Mammals Hunters of Ancient Chukotka]. In: *Almanakh «Pamyatniki kultury. Novye otkryitiya 2000» [Almanac «Sites of culture. New findings, 2000»]*. Moscow, 587–619.
- Bronshteyn, M.M., Dneprovskiy, K.A., Suhorukova, E.S. 2007: *Mir arkticheskikh zveroboev: Shagi v nepoznannoe. Katalog vystavki [World of Ancient Maritime Hunters Step into Unknown. Exhibition's Catalogue]*. Moscow–Anadyr.
- Chlenov, M.A., Krupnik, I.I. 2016. Naukan: glavy k istorii [Naukan: Chapters to community history]. In: *Spasti i sokhranit: Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 1 [Safeguard and Ensure: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and prospects of Conservation: materials of the scientific conference I]*. Moscow–Anadyr, 38–74.
- Collins, H.B. 1937: *Archaeological excavations at Bering Strait*. Washington.

- Davydov, G.I. 1810: *Dvukratnoye puteshestviye v Ameriku morskikh ofitserov Khvostova i Davydova* [A Double Travel to America by Tmarine Officers Khvostov and Davidov]. Saint-Petersburg.
- Devlet, E. 2008: Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World* III, 120–137.
- Devlet, E. 2012: Rock art studies in Northern Russia and the Far East. *Rock Art Studies. News of the World* IV, 124–148.
- Devlet, E.G. 2012: Ob izobrazheniyakh severnykh oleney v naskalnom iskusstve Chukotki [On images of northern deer in rock art of Chukotka]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (35), 153–157.
- Devlet, E.G. 2014: K voprosu o tekhniko-tekhnologicheskikh osobennostyakh petroglifov Pegtymelya [On the Issue of Technique and Technological Aspects of Petroglyphs of Pegtymel]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 66–78.
- Devlet, E.G. 2015: O nekotorykh syuzhetakh i obrazakh petroglifov Pegtymelya [On Several Narratives and Imagery of Petroglyphs of Pegtymel] In: A.P. Derevyanko, V.A. Tishkov (eds.), *Traditsii i innovatsii v istorii i kulture: programma fundamentalnykh issledovaniy Prezidiuma RAN «Traditsii i innovatsii v istorii i kulture»* [Tradition and Innovation in History and Culture: the Programm of Fundamental Studies of the RAS Persidium «Tradition and Innovation in History and Culture»]. Moscow, 160–165, 580–592.
- Devlet, M.A. 2006: Drevniye zhilishcha narodov Severnoy i Tsentralnoy Azii (po materialam petroglifov) [Ancient Dwellings of the Natives of Northern and Central Asia (on Petroglyph Materials)]. In: *Miroponimaniye drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati V.N. Chernetsova* [The Understanding of the World of the Ancient and Traditional Societies of Eurasia. In Memoriam of V.N. Chernetsov]. Moscow, 212–238.
- Dikov, N.N. 1969: Problema etnicheskoy prinalozhnosti pegtymelskikh petroglifov [The Problem of Ethnicity of the Pegtymel Petroglyphs]. In: *Etnogenez narodov Severnoy Azii: materialy konferentsii Vyp. 1* [Ethnogenesis of the Natives of Central Asia: Materials of the Conference. Vol. I]. Novosibirsk, 67–80.
- Dikov, N.N. 1971: *Naskalnye zagadki drevney Chukotki. Petroglify Pegtymelya* [Ancient Mysteries of Ancient Chukotka. Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow.
- Dikov, N.N. 1992: Pegtymelskiye petroglify – unikalnyy arkheologicheskiy pamyatnik Zapolyarnoy Chukotki [The Pegtymel petroglyphs – a unique archaeological site of the Arctic Chukotka]. In: *Naskalnye risunki Evrazii* [Rock Art of Eurasia]. Novosibirsk, 44–49.
- Dikov, N.N. 1999: *Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel)*. Anchorage.
- Dneprovskiy, K.A. 2001: *Dinamika drevneeskimoskoy kultury Chukotki v epokhu birnirka i rannego punuka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Ancient Eskimo Culture of Chukotka in Birnirk and Early Punuk Time: Authors Abstract for the Dissertation of a PhD]. Moscow.
- Dneprovskiy, K.A. 2002: Ekven House H-18: A Birnirk- and Early Punuk- Period Site in Chukotka. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 166–207.
- Dneprovskiy, K. 2006: A Late Birnirk House at Paipelghak in Northern Chukotka: A preliminary Report Based on the Excavation from 2002–2004. *Alaska Journal of Anthropology* 1–2, 34–54.
- Dneprovskiy, K.A. 2007: Drevneeskimoskie zhilisha [Dwellings of Ancient Escimo]. In: *Almanakh «Chukotka v proshlom i nastoyaschem. Nasledie narodov Rossiyskoy Federatsii»* [Almanac «Chukotka in the Past and the Present. The Heritage of Native Peoples of the Russian Federation»]. Moscow, 238–256.

- Dneprovskiy, K.A. 2012: Metodika issledovaniya poseleniy v usloviyakh vechnoy merzloty (po materialam drevneeskimoskikh pamyatnikov Chukotki Ekvena i Paypelgaka) [Methodology of Surveying Archaeological Sites in the Permafrost Conditions (based upon the Ekven and Paypelghak ancient Eskimosites in Chukotka)]. In: *Vekhi na mysakh. K 80-letiyu S.A. Arutyunova* [Landmarks on the capes. Papers in Honor of Sergei A. Arutunov on his 80th Birthday]. Moscow.
- Dneprovskiy, K.A. 2016: Naukan: sovremennoe sostoyanie unikalnogo pamyatnika istorii i kultury Chukotki [Naukan: Chukotka's unique cultural and historical monument]. In: *Spasti i sokhranit: Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: materialy nauchnoy prakticheskoy konferentsii 1* [Safeguard and ensure: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects of Conservation: Materials of the Scientific Conference 1]. Moscow–Anadyr, 22–38.
- Dneprovskiy, K.A., Lopatin, N.V. 2016: Arkheologicheskie nakhodki na territorii Naukana [Archaeological Findings from the Naukan Village Site]. In: *Spasti i sokhranit: Kulturnoe nasledie Chukotki: problem i perspektivy sokhraneniya: materialy nauchnoy prakticheskoy konferentsii 1* [Safeguard and ensure: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects of Conservation: Materials of the Scientific Conference 1]. Moscow–Anadyr, 82–96.
- Ford, J. 1959: *Eskimo prehistory in the vicinity of point Barrow, Alaska*. New York.
- Gerlach, S.C., Mason, O.K. 1992: Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic. *Arctic Anthropology* 29 (1), 54–81.
- Giddings, J.L., Anderson, D.D. 1986: *Beach ridge archaeology of cape Krusenstern*. Washington.
- Golovnev, A.V. 2000: Prostranstvennyy analiz petroglifov Pegtymelya (po polevym nablyudeniya 1999 g.) [Spatial Analysis of the Petroglyphs of Pegtymel (Based on Field Study in 1999)]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Vladivostok–Omsk, 185–188.
- Gusev, S.V. 1995a: Novyye materialy po istorii drevneberingomorskikh kultur [New Materials on the History of Ancient Beringia Cultures]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: mat-ly III Vseros. nauch. seminara, posv. 110-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Rudenko* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies: Materials of the 3rd All-Russian Scientific Seminar Dedicated to the 110 Anniversary of S.I. Rudenko's Birthday]. Omsk, 56–60.
- Gusev, S.V. 1995b: Raskopki poseleniya Kaniskak na Aziatskom beregu Beringova proliva [Excavations of the Kanisak Asettlement on the Asian Shore of the Bering Strait]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archeological Notices] 4, 25–32.
- Gusev, S.V. 2001: Radiouglerodnyye daty i khronologiya pamyatnikov vostochnoy Chukotki [Radiocarbon dates and the chronology of the sites of Eastern Chukotka]. In: *Dikovskiy chteniye: mat-ly nauch.-prakt. konf., posv. 75-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN N.N. Dikova* [The Dikov Readings: Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of N.N. Dikov's Birthday]. Magadan, 19–21.
- Gusev, S.V., Zhilin, M.G. 2000: Tekhnologiya obrabotki kosti v kulturakh morskikh zveroboyev Beringova proliva [Technology of Processing of Bones in Cultures of Sea Mammal Hunters of the Bering Strait]. In: *Vpered v proshloye: K 70-letiyu Zh.V. Andreevoy* [Forward to the Past: To the 70th Anniversary of J.V. Andreeva]. Vladivostok, 195–210.
- Ivanov, S.V. 1954: Materialy po izobrazitelnomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [The Materials on Fine Arts of the Peoples of Siberia of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Trudy In-ta etnografii. Nov. ser.* [The Works of the Institute of Ethnography Nov. Ser.]. Vol. 22. Moscow–Leningrad.
- Larsen, H., Rainey, Fr. 1948: Ipiutak and the Arctic Whale hunting Culture. *Anthropological papers of the American Museum of Natural History* 42.

- Mason, A. 1930: Excavations of Eskimo Thule Culture Sites at Point Barrow. Alaska. In: *23th International Congress of Americanists*. New York, 383–394.
- Moulin, B., Csonka, Y. 2002: The Erosion Front at Ekven: a Stratigraphic and Geoarchaeological Approach. In: E.D. Dumond, R.L. Bland (eds.), *Archaeology in the Bering Strait Region. Research of two continents. University of Oregon Anthropological Papers* 59, 227–261.
- Okladnikov, A.P., Beregovaya, N.A. 1971: *Drevniye poseleniya Baranova mysa* [The ancient settlements of Cape Baranov]. Novosibirsk.
- Petroglify Pegtymelya [Petroglyphs of Pegtymel]. 2007. Saint-Petersburg.
- Pitulko, V.V. 2002: Pegtymelskiye petroglify: datirovka i sobytiya [Petroglyphs of Pegtymel: Dating and Research]. In: *II Dikovskiy chteniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posveshchenoy 70-letiyu Dalstroya* [The IInd Dikov Readings: Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 70-th Anniversary of Dalstroï]. Magadan, 408–415.
- Raushenbakh, V.M. 1969: *Novyye nakhodki na Chetyrekhtolbovom ostrove* [New Findings on the Island of Four Pillars]. Moscow.
- Ray, P.H. 1884: *Report of international Polar expedition to point Barrow, Alaska. In response to the resolution of the House of Representatives of December 11*. Washington.
- Rudenko, S.I. 1947: *Drevnyaya kultura Beringova morya i eskimosskaya problema* [The Ancient Culture of the Bering Sea and the Eskimo Problem]. Moscow.
- Slobodzyan, M.B. 2004: Petroglify Pegtymelya (po rezultatam issledovaniy poslednikh let) [Petroglyphs Pegtymel (by results of researches of the last years)]. In: *Kompleksnyye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [A Comprehensive Study of Ancient and Traditional Societies of Eurasia]. Barnaul.
- Stanford, D. 1976: The Walakpa Site, Alaska: its place in the birnirk and Thule Cultures. *Smithsonian contribution to anthropology* 20. Washington.
- Stuiver, M., Braziunas, T.F. 1993: Modeling atmospheric 14C influences and 14C ages of marine samples to 10,000 BC. *Radiocarbon* 35 (1), 137–189.
- Zagorulko, A.V. 1999: Planirovka eskimosskikh zhilishch zony Beringova proliva: etnoarkheologicheskiye aspekty [Eskimo Dwellings Planning Area of the Bering Strait: Ethnoarchaeological Aspects]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Moscow, 195–199.

ON THE SUBJECT OF STRUCTURAL FEATURES OF DWELLINGS OF THE ANCIENT ESCIMO IN CONSIDERATION WITH ARCHAEOLOGICAL MATERIALS, ETHNOGRAPHY AND ARTISTIC SOURCES

Kirill A. Dneprovsky*, Ekaterina G. Devlet**

* *State Museum of Oriental Art, Russia,*
dneprk@gmail.com

** *Institute of Archaeology RAS, Russia,*
eketek@yandex.ru

Abstract: Dwellings surface of the ancient Eskimos constructed with a frame made of whale bone and a drift wood are found in large variety on the coast of Chukotka, from Anadyrskiy Gulf to the mouth of the bride-price. From the ancient times they attracted the attention of travelers and researchers. The Chukotka archaeological expedition of the State Museum of Oriental Art lasted 1995 to 2015 and worked in the settlements Ekven and Paypelghak (North-East Chukotka). In the settlement Ekven researchers had the opportunity to fully understand the design

of the home N-18 with a frame made of whale bone and fin tip, turf walls and a light roof with platforms outside exterior walls. The N-18 dwelling refers to the birnirk – early punuk phase (chronology of archaeological cultures corrected for a «reservoir effect» in the Bering Sea: the Ancient Bering Sea – the 3rd/4th – 8th/9th centuries; Birnirk – 9th – 11th centuries; Punuk – 11th–13th centuries).

The Paypelghak settlement is the first residential and a well-stratified site in Chukotka. It occupies the top, the youngest stratigraphic level on the settlement housing of the birnirk phase and consists of two overlapping volumes connected by a pathway. The corridor exit was arranged in the larger room.

This dwelling blocked three residential structures (premises 4–6) related to the Old Bering Sea culture (the period of OBS-II and within the first half of the 1st Millennium) – it was a dwelling during seasonal hunting and similar of design: small area of about 6 sq m, with stone basements under the walls, vertical supports frame walls and high stone floors. One of the houses (No. 6) – consisted of two rooms.

Ancient Escimo dwellings served as a typological basis for the designs of traditional *yarangas* settlement of Naukan, which existed until the mid – 20th century. Light roof of the yarangas of Nayana made from wooden poles and walrus skin has allowed to confidently recreate a similar constructed of dwellings of the Old Bering Sea, Birnirk and early Punuk phase. The roof shape is the most characteristic feature of an ancient Escimo dwelling.

The article presents two Rock art panels from Pegtymel with images of stationary ground-based dwellings identified by the expedition IA RAS. These images allow the reconstruction of the light roof supported by wooden poles and made from animal skins. This conclusion is made on the basis of comparison with the archaeological data in dwellings of the lower layer of the Paypelghak village.

Considering the general brevity of the images primary with the materials from dwellings on household items of the ethnographic time and the petroglyphs Pegtymel the pictorial sources are extremely accurate – often in images of dwellings and sea mammal hunters the shape of the roof is prominently given.

All completely investigated dwellings of the ancient Eskimo in Chukotka were built on the surface. Built upon the slopes and even more often underneath the slopes, these buildings were intensively destroyed and were washed away with soil material from the top of the hill. Even V.G. Bogoraz considered the *nylny dwellings* to be underground or semi-underground structures.

On smaller elements of buildings – corridor exits – could be constructed with a hard sod roof with horizontal joists made of bone and wood. The large overlap of the volume of such a roof would require a large number of vertical supports, not only along the walls, but inside as well. The construction of dwellings buried in the ground in the permafrost was not advisable and usually not performed.

Key words: Chukotka, Ancient Eskimo, Ancient and traditional settlements, construction of the dwellings, imagery, petroglyphs

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 252–272
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 252–272
© Автор(ы) 2017

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В АБЗЕЛИЛОВСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В.К. Федоров*, Я.В. Рафикова**

* *Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа,*
post@vegu.ru

***Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа,*
rihl1@anrb.ru

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов раскопок трех курганов ранних кочевников, расположенных в зауральском Абзелиловском районе Республики Башкортостан. В природно-географическом отношении западная часть района является горной, восточная – степной. В обеих зонах имеются могильники ранних кочевников, отличающихся, прежде всего материалом насыпей. В горной части – каменные, в степной – земляные. Наиболее ранний из публикуемых памятников – каменный курган Чебаркуль-1 находится на вершине горы. Каменный курган Тупаково-2 локализуется у подножья хребта. Земляной курган 2 могильника Михайловка-2 расположен в открытой степи. Материалы кургана Чебаркуль-1 датируются V в. до н.э., на эту дату указывают, в частности, бусы «финикийского» стекла, обнаруженные в нем. Находки железного кельта и сосуда гафурийского типа в кургане Чебаркуль-1 свидетельствует о связях оставившего его населения с лесостепными северо-восточными районами. Курганы Тупаково-2 и Михайловка-2 датируются IV в. до н.э. В них найдены кинжалы «переходного» от савроматской к раннесарматской культуре типа, поздние типы бронзовых наконечников стрел. Об этом же свидетельствует южная ориентировка захороненных в них людей. В кургане Тупаково-2 обращает на себя внимание находка костяной ложечки, находившейся, по-видимому в колчане со стрелами. Завершает статью публикация двух предметов вооружения ранних кочевников, хранящихся в Абзелиловском музее. Кинжал с когтевидным навершием датируется концом VI–V вв. до н.э. Необычный предмет, представляющий собой комбинацию кинжала и копья, датируется III–I вв. до н.э.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Абзелиловский район, ранние кочевники, курганы, погребальный обряд, материальная культура

Абзелиловский район Республики Башкортостан – это северная периферия территории, занятой в Южном Зауралье ранними кочевниками. В природно-географическом отношении район относится к двум зонам – горной и степной.

Фёдоров Виталий Кимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин Восточной экономико-юридической гуманитарной академии.

Рафикова Янина Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ и республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16–11–02008/17–ОГОН «Курганы Южного Зауралья».

В степной части локализуются курганы ранних кочевников с земляными насыпями преимущественно средних и крупных размеров, в горной же и предгорной – сравнительно небольшие курганы с каменными насыпями. Могильники эпохи раннего железа исследованы здесь в обеих зонах, в горной и предгорной – Муракаево¹, Биккулово², Давлетшино, Мунтаево, Тепяново³, в степной – Альмухаметово, Булатово, Целинный, «Авласовские курганы»⁴. В степной же зоне находятся могильники в соседней Челябинской области – Агаповские Горы IV и Наваринка, в южных окрестностях г. Магнитогорска⁵.

Авторы вели раскопки в Абзелиловском районе в 1995, 1996, 1999 и 2000 гг. Были исследованы могильники Михайловка-2 (2 кургана), Селивановский-2 (3 кургана), одиночные каменные курганы Тупаково-2 и Чебаркуль-1. Из них первые два находятся в степной зоне, а вторые два – в предгорной. Все могильники локализуются в центральной части района, у северного побережья озера Чебаркуль, в 15 км к западу от г. Магнитогорска. Материалы раскопок, относящиеся к эпохе бронзы и поздним сарматам опубликованы⁶. В настоящей статье публикуются раннекочевнические материалы середины I тысячелетия до н.э.:

Тупаково-2, одиночный курган. В 1995 г. в Национальный музей Республики Башкортостан поступили сведения о самовольных раскопках, произведенных директором средней школы д. Тупаково А.И. Даминдаровым, в результате которых были найдены 77 бронзовых наконечников стрел. В 1996 году авторы выехали в Абзелиловский район для проверки этих сведений.

При встрече с А.И. Даминдаровым выяснилось, что им действительно в 1994 г. был раскопан курган в 2,5 км к юго-востоку от д. Тупаково в предгорьях хребта Ташты-Курятмас. Вместе с несколькими учениками он заложил шурф на вершине кургана, приведший к не потревоженному погребению. По словам А.И. Даминдарова, скелет находился на глубине «по грудь», лежал вытянуто на спине, головой к югу. Над костяком была найдена «береста», раскопщики извлекли из могилы глиняный сосуд в обломках, железный кинжал плохой сохранности, железный же колчаный крючок и вышеупомянутые 77 наконечников стрел. Ими же была предпринята попытка «исследовать» одиночный каменный курган Тупаково-1, находящийся в предгорьях того же хребта, но ближе к деревне, однако он оказался ограбленным в древности.

Курган Тупаково-2 был доисследован нами летом 1996 года. Видимый диаметр насыпи 8 м, высота по данным нивелировки 0,1-0,15 м. В центре насыпи свежая яма подквадратной формы размером примерно 3 x 3 м, глубиной до 0,5 м, вокруг нее – отвалы из материкового гравия и камней (рис. 1, 1).

¹ Это самый северный из могильников ранних кочевников в Зауралье: Мажитов, Пшеничнюк 1977. В Учалинском районе РБ, расположенном еще севернее известны лишь единичные случайные находки предметов вооружения и культа ранних кочевников: Матвеева 1972, 261, рис. 3, Исмагилов 2001, №№ 14, 55, Федоров 2010.

² Раскопки Н.А. Мажитова 1965 г.: НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. № 659. Л. 9.

³ Савельев 2000а.

⁴ Пшеничнюк 1983; Сиротин 2013.

⁵ Гуцалов, Боталов 2001.

⁶ Рафикова 2000; 2009; Федоров 2011.

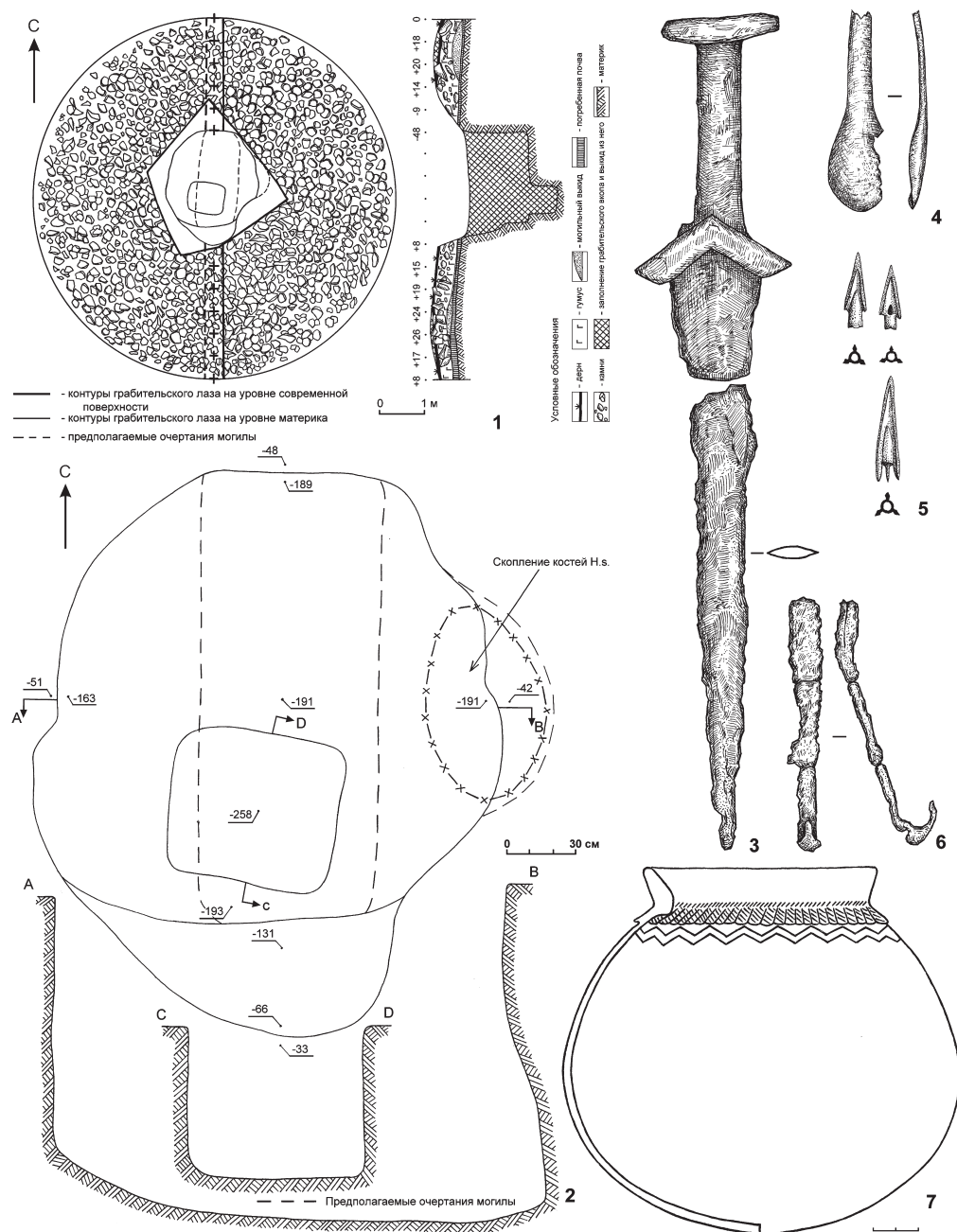

Рис. 1. Тупаково-2, одиночный курган. 1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль ямы в центре кургана; 3 – кинжал; 4 – ложка; 5 – наконечники стрел; 6 – колчаный крючок; 7 – сосуд. 3,6 – железо, 4 – кость, 5 – бронза, 7 – керамика

Раскопки велись вручную с оставлением одной меридиональной бровки шириной 0,4 м. Бровка разорвана вкопом на две части, стратиграфически они почти не отличаются друг от друга:

- дерн 0,05-0,1 м;
- гумус черный, насыщенный камнями 0,25-0,4 м;
- погребенная почва 0,05-0,15 м;
- материк, желтый гравий.

В толще обеих частей бровки, по сторонам от разрыва, зафиксированы линзы могильного выкида, состоящие из материкового гравия, лежащие на погребенной почве. С южной стороны линза выкида имеет длину 2,0 м, и мощность до 0,1 м, с северной стороны – длину 1,4 м, мощность до 0,2 м.

Поверх дерна с обеих сторон бровки зафиксирован слой материкового гравия мощностью 0,05-0,15 м. Это выкид из ямы «первоисследователей», здесь найдены 2 бронзовых наконечника стрел, не замеченных ими.

При вскрытии ямы в заполнении встречались немногочисленные кусочки обугленного дерева (березы) – очевидно, остатки перекрытия. Выяснилось, что тупаковские «раскопщики» уничтожили восточную и западную стенки могилы (северная и южная остались относительно целыми). Они также заложили подквадратный шурф в дне могилы. Кости скелета, принадлежавшие молодому мужчине (определение А.И. Нечвалоды) были свалены в кучу на дне ямы, преимущественно у восточной стенки. Среди костей найдены еще один бронзовый наконечник стрелы и костяная ложечка.

Очевидно, могила имела подпрямоугольную форму, была ориентирована по линии СЮ. Длина ее определяется точно, благодаря сохранившимся северной и южной стенкам – 2,0 м, а ширина лишь гипотетически, вероятно, около 0,8 м. Глубина 1,5 м в материк (рис. 1, 2).

Находки из «раскопок» А.И. Даминдарова были нами описаны и зарисованы⁷ в Тупаковской СШ, где они хранились на тот момент:

- кинжал с изогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным сломанным под тупым углом перекрестьем (рис. 1, 3);
- сосуд керамический с примесью талька в тесте (рис. 1, 7);
- крючок колчаный железный (рис. 1, 6);
- наконечники стрел бронзовые трехлопастные – 50 штук, 32 с выступающей втулкой и 18 с внутренней (рис. 2);

В наших раскопках:

- наконечники стрел — 3 штуки, 2 с выступающей втулкой и 1 с внутренней (рис. 1, 5);
- ложечка, вырезанная из плоской кости (лопатки?) животного, на поверхности зеленые пятна окислов меди (рис. 1, 4).

Чебаркуль-1, курган. Открыт разведкой Я.В. Рафиковой в 1996 г. Расположен на вершине г. Куркэс (высота 429,3), на северном берегу озера Чебаркуль.

Видимый диаметр 10 м, высота по данным нивелировки 0,4 м. В центре участок 2,25 x 2,25 м, лишенный дерна, с каменистой поверхностью. Вокруг него на площади размером 7,5 x 6 м насыпь задернована и поросла кустами чилиги, но из

⁷ Стрелы, которых оказалось только 50, из-за недостатка времени лишь сфотографированы.

дерна всюду торчат камни. За пределами этой площади – задернованная поверхность без камней и кустарника.

Курган раскапывался вручную с оставлением бровки, ориентированной по линии СЮ, шириной 0,5 м, проходящей через условный центр кургана. Был заложен круглый раскоп диаметром 12 м, т.е. несколько больший, чем видимый диаметр кургана. После освобождения насыпи от кустарника и дерна, расчистки и обнажения всех камней, выяснилось, что сплошная каменная насыпь имела округлую, слегка вытянутую по линии СВ-ЮЗ форму, размер примерно 9 x 8 м, однако и за пределами этой насыпи встречались группы камней и отдельные камни.

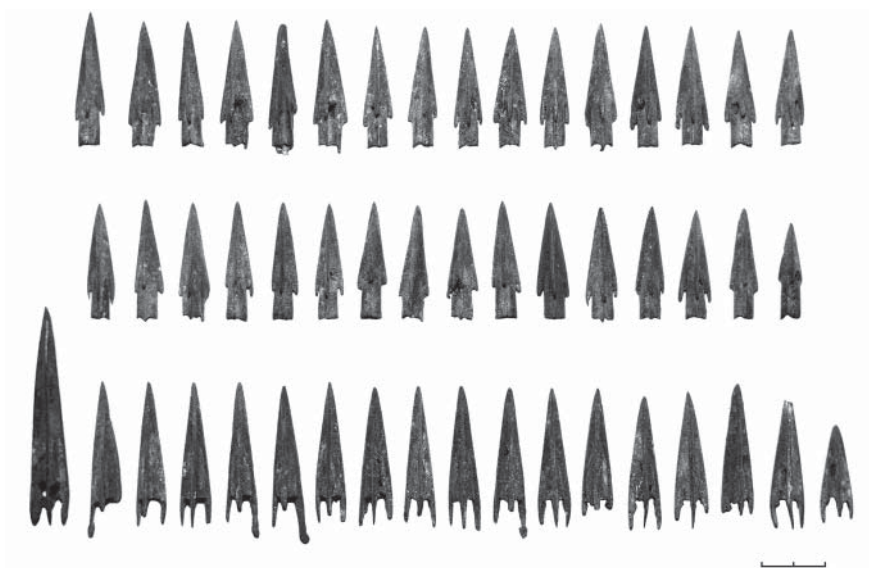

Рис. 2. Тупаково-2, одиночный курган. Наконечники стрел, бронза

Насыпь кургана (рис. 3, 1) цельнокаменная. Все камни примерно одинаковых размеров, не крупные, какой-либо видимой системы в их расположении нет. В разрезе насыпь имеет форму уплощенной вытянутой трапеции с несколько прогнувшейся центральной частью. Южный край насыпи на 0,37 м ниже северного за счет естественного уклона поверхности.

Стратиграфические наблюдения проводились с западной стороны бровки:

- дерн 0,1 м;
- камни с черноземом между ними 0,42-0,52 м;
- материк, желтый гравий с выходами скальных пород.

Находки в насыпи (рис. 3, 2). При разборе каменной кладки найдено большое количество древних предметов, почти все они группировались в западной поле. Предметы находились в толще насыпи, в черном гумусе между камнями:

- зеркало с плоским диском и цельнолитой короткой ручкой находилось среди камней в вертикальном положении, на расстоянии 2,3 м к западу от центра кургана, на диске – след от удара (вмятина, от которой идут трещины), распалось на фрагменты (рис. 4, 1);

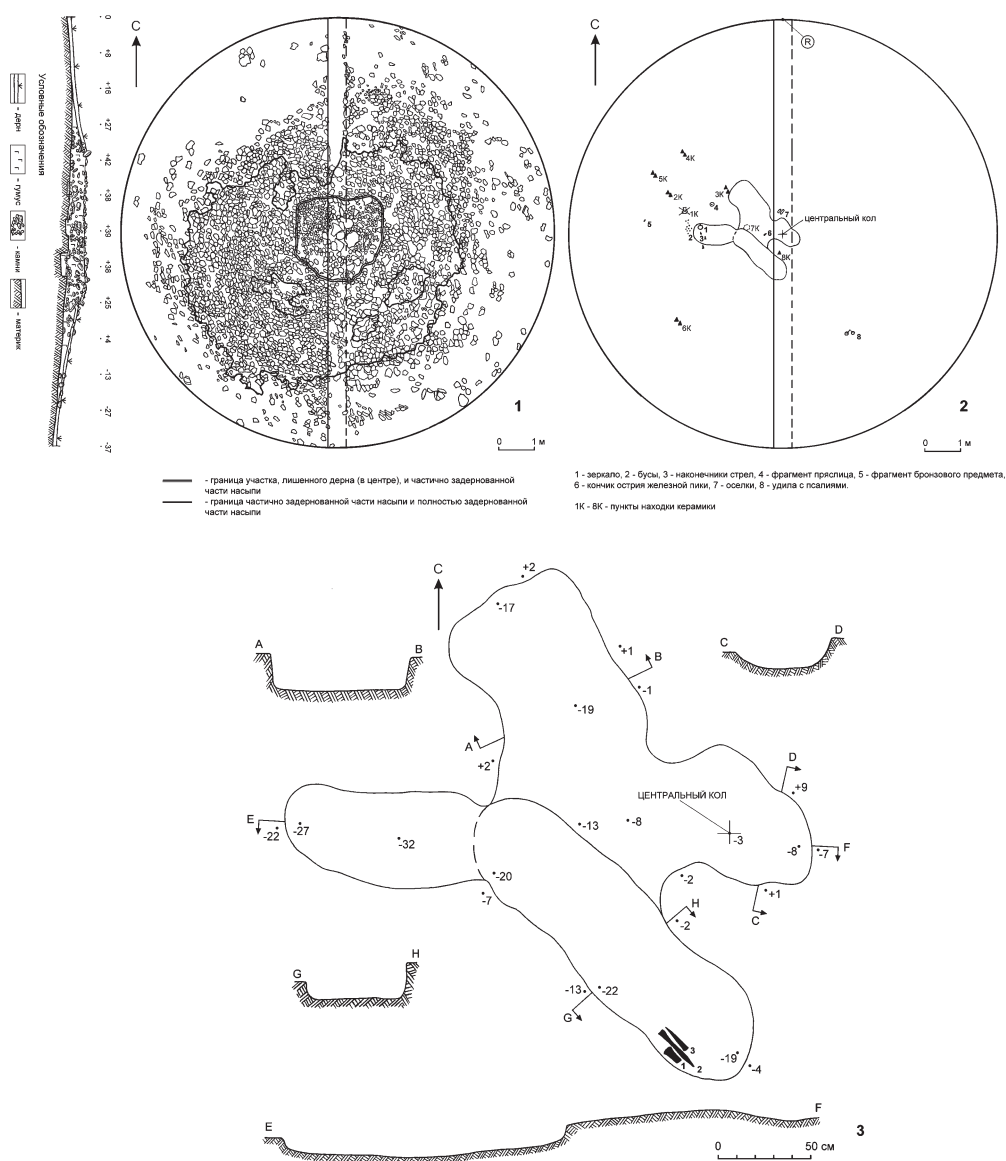

Рис. 3. Чебаркуль-1, одиночный курган. 1 – план и профиль кургана; 2 – план расположения находок под насыпью кургана; 3 – план и профили ямы в центре кургана

– бусы в количестве не менее чем 17 штук найдены на расстоянии 0,3 м к западу от зеркала, целыми удалось взять лишь 7 экземпляров, среди которых 6 т.н. «финикийского» стекла, уплощенные, подовальной формы, с цветными глазками и 1 круглая синего стекла (рис. 4, 2), остальные распались;

– наконечники стрел трехлопастные с внутренней втулкой, 3 штуки, найдены на расстоянии 0,15-0,2 м к югу от зеркала (рис.4, 3);

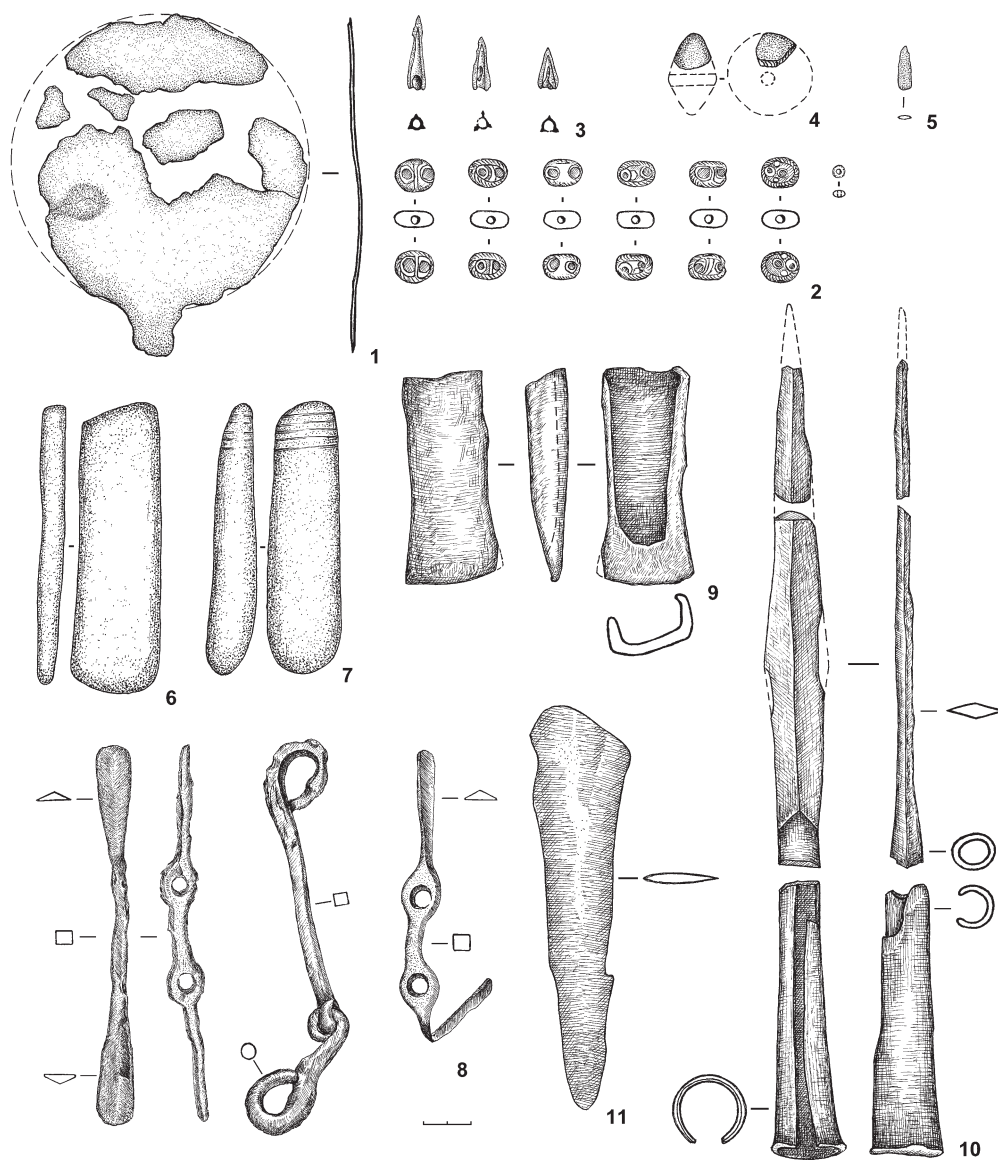

Рис. 4. Чебаркуль-1, одиночный курган. Находки из насыпи и могильной ямы. 1 – зеркало; 2 – бусы, 3 – наконечники стрел; 4 – пряслице; 5 – фрагмент острия; 6, 7 – оселки; 8 – удила и псалии; 9 – кельт; 10 – наконечник копья; 11 – клинок кинжала. 1, 3, 5 – бронза, 2 – стеклянная паста, 4 – керамика, 6, 7 – камень, 8-11 – железо

– пряслица керамического обломки найдены в 2,25 м к северу от центра кургана, имело биконическую форму, в глиняном тесте примесь шамота (рис. 4, 4);
 – острия бронзового фрагмента, найдены в 3,9 м к западу от центра кургана, сечение линзовидное (рис. 4, 5);

– обломок железного предмета, найден в 0,5 м к западу от центра кургана, оказался концом пики из ямы в центре кургана (рис. 4, 10 сверху);

– два каменных оселка, лежащие вместе, найдены в 0,6 м к северу от центра кургана (рис. 4, 6-7);

– удила железные, двусоставные, с псалиями, найдены в 3,25 м к юго-востоку от центра кургана, причем псалии не были вдеты в трензельные кольца, а лежали по обе стороны от удил, трензели разной длины, псалии одинаковой формы, двудырчатые, с уплощенными веслообразными окончаниями, у одного псалия конец согнут (рис. 4, 8).

Помимо этих предметов в насыпи найдены многочисленные фрагменты керамики, отдельными скоплениями, в 8 пунктах:

№ на плане	Описание	Местонахождение	№ рис.
1К.	Развал сосуда с примесью в тесте шамота и талька.	в 2,9 м к северо-западу от центра кургана	Рис. 5, 1
2К.	5 не орнаментированных фрагментов с примесью талька в тесте	в 3,45 м к северо-западу от центра кургана	–
3К.	85 фрагментов, среди них много мелких и мельчайших. Принадлежат 2-м сосудам: Сосуд 1 с примесью шамота в тесте – 83 фрагмента. Сосуд 2 с примесью талька в тесте – 2 орнаментированных фрагмента.	в 2 м к северо-западу от центра кургана	Рис. 5, 2-4
4К.	5 не орнаментированных фрагментов, с примесью дресвы кварца в тесте.	в 3,6 м к северо-западу от центра кургана	–
5К.	31 фрагмент с примесью талька в тесте. Принадлежат не менее чем 2-м сосудам: Сосуд 1 – представлен 5-ю фрагментами венчика, и 7-ю фрагментами орнаментированных стенок. Сосуд 2 – ему принадлежат 2 фрагмента венчика. 2 фрагмента принадлежат уплощенному днищу, еще 16 фрагментов – не орнаментированные стенки, нельзя с уверенностью отнести их к какому-либо сосуду.	в 4 м к северо-западу от центра кургана	Рис. 5, 5-15
6К.	14 фрагментов, принадлежащих одному сосуду, в тесте обильная примесь талька. На 3-х фрагментах имеются остатки орнамента.	в 3,75 м к юго-западу от центра кургана	Рис. 5, 16-18
7К.	Сосуд керамический, неполный, склеен из фрагментов. Внутренность сосуда была заполнена углями. Примесь в тесте – тальк.	в 1 м к северо-западу от центра кургана	Рис. 5, 19
8К.	Фрагмент венчика от сосуда из пункта 7К, не сохранился	в 0,55 м к югу от центра кургана	-

Яма в центре кургана (рис. 3, 3). Имеет Х-образные очертания. Северо-западная, западная и восточные «ветви» ямы имеют несколько аморфные границы, неустойчивую глубину и неровное дно. В их заполнении ничего не найдено. Юго-восточная «ветвь» представляет собой настоящую яму, по всей вероятности

Рис. 5. Чебаркуль-1, одиночный курган. Керамика из насыпи. 1 – сосуд (пункт 1); 2-4 – сосуд и орнаментированные фрагменты стенок (пункт 3); 3-15 – венчики, орнаментированные фрагменты стенок и фрагменты дна (пункт 5); 16-18 – орнаментированные фрагменты стенок (пункт 6); 19 – сосуд (пункт 8)

Рис. 5а. Чебаркуль-1, одиночный курган. Бусы «финикийского» стекла из насыпи

могильную. Она имеет вытянутую форму, закругленные окончания, ориентирована по линии «северо-запад – юго-восток», размеры 2,05 x 0,6 м, глубина в материк до 0,2 м, дно ровное. Костей человека не найдено. В южном конце ямы, у юго-восточной стенки, найдены лежащие вместе три железных предмета:

- кельт железный (рис. 4, 9);
- наконечник копья железный (типа пики) с длинной втулкой и длинным пером в виде вытянутого ромба, кончик найден рядом с ямой в насыпи (рис. 4, 10);
- клинок кинжала (рис. 4, 11).

Михайловка-2, курган 2. Могильник расположен в 1,3 км юго-западнее д. Михайловка на высокой террасе левого берега р. Янгельки. Нами раскопаны курганы 1 и 2. Курган 1 дал материал эпохи бронзы.

Курган 2 имел диаметр 12 м, высоту по данным нивелировки до 0,83 м (рис. 6, 1). Раскапывался вручную, с оставлением одной меридиональной бровки шириной 1 м. Стратиграфические наблюдения проводились с западной стороны бровки:

- дерн 0,1-0,25 м;
- гумус, смешанный с гравием, до 0,75 м;
- погребенная почва, 0,1-0,15 м;
- материк, желтый гравий.

В центральной части профиля кургана – линза материкового гравия длиной 3,25 м и мощностью до 0,3 м. Это выкид из центрального погребения 2.

Под насыпью 2 погребения, расположенные по обе стороны от бровки.

Погребение 1 (рис. 6, 2). Расположено в 2,75 м к востоку от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СЮ, размером 2,26 x 0,6 м. Глубина в материк 0,1 м. На дне могилы – костяк взрослого человека, лежащего на спине, вытянуто, головой к югу. Череп раздавлен, ребра почти полностью истлели. При погребенном найдены вещи:

- наконечники стрел бронзовые трехлопастные, 3 штуки, один с выступающей втулкой и два со скрытой; один найден в районе крестца, между крыльями таза, второй – с внешней стороны правого бедра, третий – у левой стопы (рис. 6, 4);
- железный коррозированный предмет, вместе с наконечником стрелы на крестце;

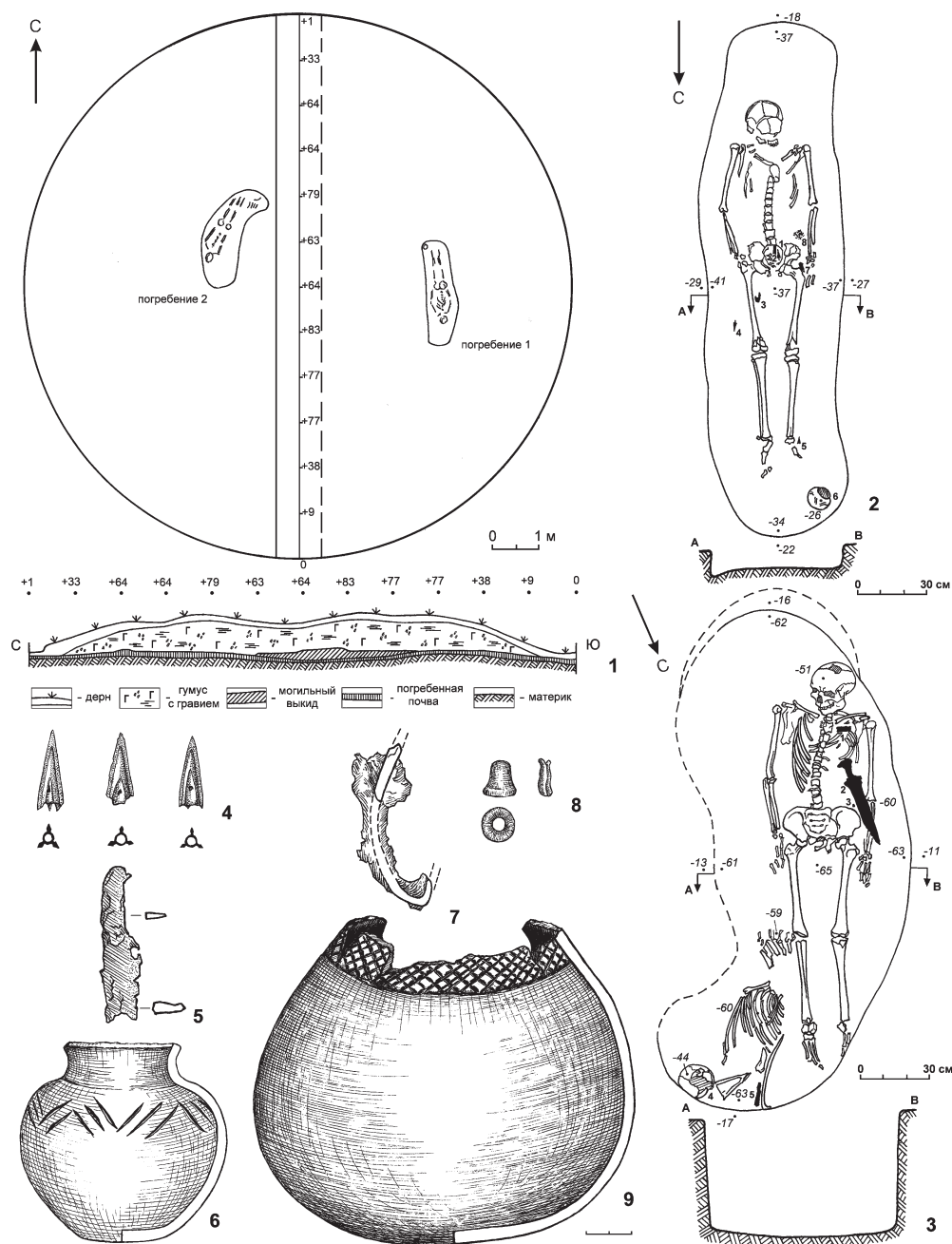

Рис. 6. Могильник Михайловка-2, курган 2. 1 – план и профиль кургана; 2 – погребение 1, план и профиль могильной ямы; 3 – погребение 3, план и профиль могильной ямы; 4-6 – инвентарь погребения 1 (4 – наконечники стрел, 5 – фрагмент ножа, 6 – сосуд); 7-9 – инвентарь погребения 2 (7 – крючок, 8 – ворворка, 9 – сосуд). 4,8 – бронза, 5,7 – железо, 6,9 – керамика

- железный колчаный крючок (распался от коррозии), с внутренней стороны правого бедра;
- сосудик плоскодонный, с раздутым туловом и сравнительно узким горлом, в глиняном тесте примесь шамота и песка (рис. 6, 6);
- железный нож, сильно коррозированный, сохранился не полностью, на верхушке левой бедренной кости (рис. 6, 5);
- пятно белого порошкообразного вещества, между левым предплечьем и левой подвздошной костью.

Вокруг наконечника стрелы, найденного в районе таза, был зафиксирован органический тлен, в виде серых пленочек. Исследованием, проведенным к.б.н. А.Р. Ишбирдиным установлено, что это остатки многослойной соединительнотканной капсулы (прижизненное новообразование, возникшее после ранения стрелой)⁸.

Погребение 2 (рис. 6, 3), вероятно, центральное. Расположено в западной поле, почти вплотную к бровке. Могильная яма в форме вытянутого овала ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, размер 2,25 x 0,9 м. Восточная стенка неровных очертаний, может быть, из-за обрушения, истинная ширина могилы, вероятно достигала 1,05 м. Глубина в материк до 0,54 м. На дне, ближе к западной стенке – костяк взрослого человека, лежащего вытянуто на спине, головой к ЮЮЗ, череп слегка развернут вправо. При погребенном найдено:

- сильно коррозированный железный предмет крючкообразной формы, на левой стороне груди, под ключицей (рис. 6, 7);
- кинжал железный сильно коррозированный, с изогнутым брусковидным навершием, широкое брусковидное, изогнутое, со слегка закругленными концами перекрестье очень сильно пострадало от коррозии, находился с левой стороны туловища, от середины грудной клетки до крыла таза, лежал поверх предплечья (рис. 7, 1);
- ворворка бронзовая с остатками двух кожаных ремешков внутри, находилась между клинком кинжала и левым крылом таза (рис. 6, 8);
- сосуд с примесью талька в тесте, венчик отсутствует, находился у короткой ССВ стенки могилы, в ногах погребенного (рис. 6, 9);
- части туши животного, от которых сохранились ребра, позвонки, лопатка, были уложены вдоль правой ноги погребенного от колена до короткой ССВ стенки могилы;
- здесь же лежал цельнометаллический железный нож с массивной рукоятью и тонким лезвием (рис. 7, 2).

Предметы вооружения из Абзелиловского музея. Тогда же в 1990-х гг. нами были зарисованы некоторые предметы археологии из фондов Абзелиловского историко-краеведческого музея в с.Аскарново.

1. Кинжал с когтевидным навершием и крыловидным перекрестьем. Поверхность сильно обработана напильником. Длина 38,5 см, из них рукоять – 13,5 см, клинок – 25 см. Место находки неизвестно (рис. 7, 3).

2. Кинжал с прямым перекрестьем, лишенный рукояти, к перекрестью прикреплена втулка от копья. Длина 38,0 см, втулка длиной 10,0 и шириной 3,5 см, перекрестье длиной 6,2 и шириной 0,7 см, клинок длиной 27,3 и шириной у перекрестья 3,8 см (рис. 7, 4).

⁸ Ишбирдин 1998, 164.

Хронология публикуемых памятников. Наиболее ранним является курган Чебаркуль-1. По всей вероятности, в нем мы имеем дело с погребением, в которое было совершено вторжение в древности. Вкоп был с северо-западной стороны, в эту же сторону выброшены почти все предметы инвентаря. Погребенный, кости которого не сохранились, лежал, очевидно, головой к северо-западу, так как бусы, локализовавшиеся, конечно, в области головы и груди, были выброшены в эту сторону, а железные предметы остались нетронутыми. Они находились, скорее всего, у правой ноги. Так, в погребении 3 кургана 4 Муракаевского могильника меч вместе с массивным наконечником копья лежали у коленного сустава погребенного⁹.

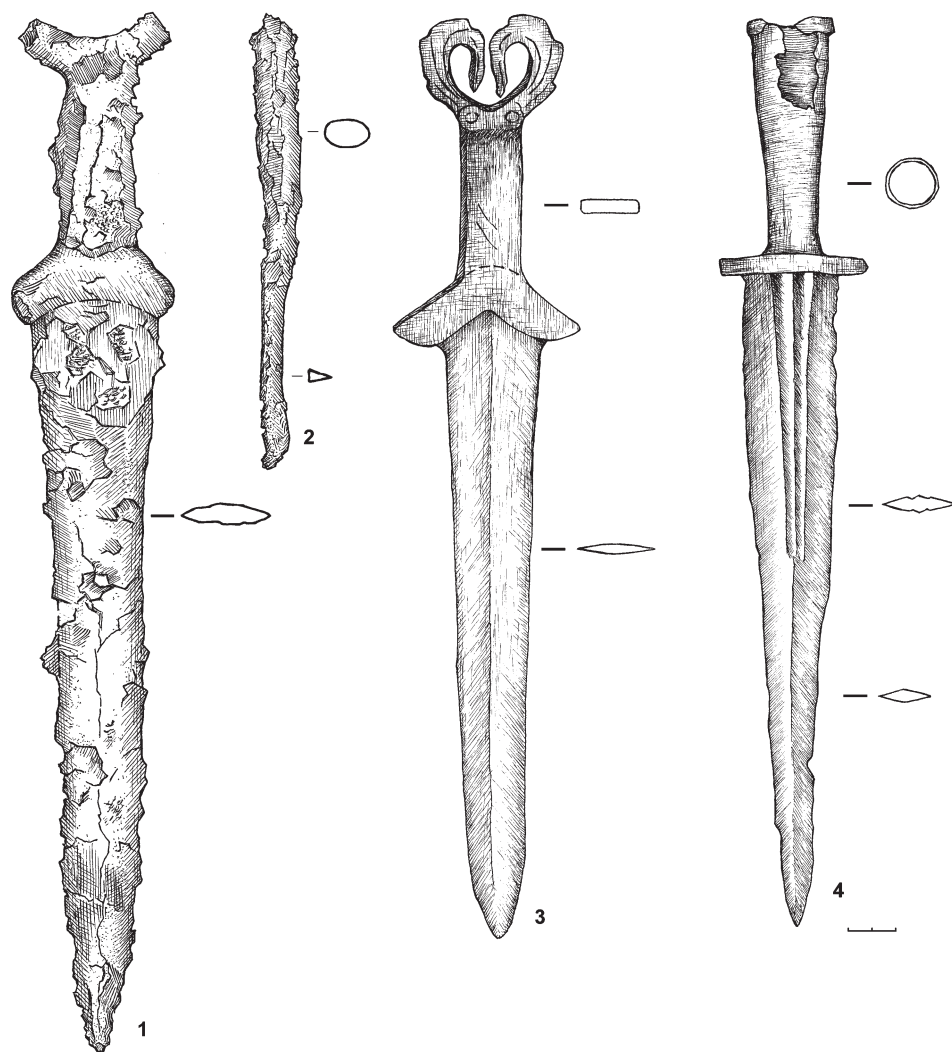

Рис. 7. Могильник Михайловка-2, курган 2, погребение 2. 1 – кинжал; 2 – нож. Абзелиловский музей. 3 – кинжал; 4 – «кинжал-копье». Железо

⁹ Мажитов, Пшеничнюк 1977, 59.

В то же время, находки ряда предметов в насыпи не могут быть объяснены тем, что их выбросили из могилы. Это, прежде всего, удила с псалиями, вынутыми, из трензельных колец. Они были аккуратно уложены в не рабочем состоянии в юго-восточной части насыпи. Помещение предметов сруи под насыпь кургана у ранних кочевников Южного Урала является обычным. Доминирующей является локализация их южном секторе¹⁰.

Скорее всего, не находились в могиле и почти все сосуды, кроме одного, развал которого найден в пункте 1 – он ближе всех к северо-западной оконечности могилы, и находится, фактически, в компактной группе выброшенных из могилы вещей – зеркала, бус, наконечников стрел, пряслица, к тому же сохранился полностью. Керамика из пунктов 2-6, скорее всего была помещена непосредственно на погребальную площадку, и при этом подверглась жесткой деструкции (растоптана)¹¹. Особое место занимал сосуд из пункта 7, наполненный углями, о котором ниже.

Чебаркульский курган относится к той, группе каменных курганов, которые располагаются на вершинах гор. Самый близкий ему памятник – Давлетшино, курган 2, в 15 км к югу. В нем также находилась единственная могила, ориентированная по линии СЗЗ-ЮВВ, среди материалов погребения – такое же зеркало, как в Чебаркуле, и бусы «финикийского» стекла, дата его – V в. до н.э.¹². Целый ряд прямых аналогий материалу из кургана найден в погребении 2 «степного» кургана Агаповские Горы IV – помимо бус «финикийского» стекла, биконическое керамическое пряслице и сосуд «колбообразной» формы с орнаментом в виде маленьких клиновидных наколов¹³, подобный сосуду из пункта 3 в насыпи Чебаркульского кургана. Бусы «финикийского» стекла найдены и в погребении кургана у с. Наваринка, также датированном авторами публикации V в. до н.э.¹⁴

Сосуд, найденный в пункте 5, пополнил серию гафурийских сосудов, происходящих из зауральских курганов ранних кочевников. Значительная часть их найдена в каменных курганах – в Тепяновском кургане найдено 4 сосуда, еще по одному в кургане 1 могильника Юмаш-Тау и одиночном кургане Манхар-1, причем, во всех случаях гафурийские сосуды не были помещены в могилу – в Тепяново вообще не было могилы, в Юмаш-Тау фрагменты сосуда найдены в западной поле кургана, а в Манхаре-1 – в южной¹⁵. Морфологически эти сосуды достаточно однородны, такие элементы, как массивный утолщенный венчик, орнаментированный по срезу, раздутое тонкостенное тулово, внутреннее ребро в месте соединения венчика с туловом, орнаментирование верхней части тулова «елочкой» и продолговатыми вдавлениями, а также обильная примесь талька в глиняном тесте, являются отличительными особенностями гафурийской керамики. Чебаркульский сосуд имеет, кроме того, небольшой валик в месте соединения венчика с туловом. Подобный валик, но не гладкий, а украшенный орнаментом

¹⁰ Мышкин 2012, 90.

¹¹ Фрагментированность сосудов такова, что поневоле согласишься с Н.С. Савельевым, объяснившего находку множества мелких фрагментов сосуда под насыпью кургана Манхар 1 тем, что он был растоптан: Савельев 2000б, 45.

¹² Савельев 2000а, 25.

¹³ Гуцалов, Боталов 2001, рис.2, 2,7,8.

¹⁴ Гуцалов, Боталов 2001, 152, рис.6, 10,11.

¹⁵ Савельев 2000а, рис. 7, 1-3,5; 2000б, рис.1, 4; рис.2, 1.

имеется у одного из тепяновских сосудов. Несмотря на то, что орнаментированных фрагментов тулова чебаркульского сосуда найдено всего 7, и те невелики, по ним все же можно судить, что тип орнамента был близкий тому, что представлен на сосуде из кургана Манхар-1. Основной пик распространения гафурийской посуды у зауральских кочевников, приходится, согласно Н.С. Савельеву, на V – начало IV в. до н.э.¹⁶ Предложенная нами в свое время датировка погребения в кургане 1 Яковлевского могильника, где найден большой гафурийский сосуд, «не ранее IV в. до н.э.»¹⁷, вероятно, несколько завышена. Находка в этой могиле бусины «финикийского» стекла, достаточно определенно указывает на V в. до н.э.

Значительные трудности представляла бы датировка комплекса железных предметов, найденных в юго-восточной части могилы, если бы не то обстоятельство, что часть вещей, найденных в насыпи, происходит из этой могилы. К сожалению из-за отсутствия рукояти не устанавливается тип кинжала. Наконечник копья также не дает возможности точно датировать его. Близких аналогий ему обнаружить не удалось. Это скорее пика с очень узким длинным пером. Из близлежащих памятников происходит наконечник копья, найденный под мечом в погребении 3 кургана 4 могильника Муракаево¹⁸. Соотношение длины втулки и пера у него примерно то же, но само перо значительно шире, и переход от втулки к перу резче, в то время, как у чебаркульского экземпляра втулка плавно «перетекает» в перо. Находка кельта в погребении раннего кочевника по меньшей мере необычна. Это такое же свидетельство связи с лесостепью, как и находка гафурийского сосуда. Так, в гороховской культуре орудия труда представлены «бронзовыми и железными кельтами-мотыгами»¹⁹. Датировка железных предметов из могилы та же, что и у происходящих из насыпи, в пределах V в. до н.э.

Из однородного в хронологическом плане материала, происходящего из чебаркульского кургана, «выбивается» круглодонный сосуд с полосой сетчатого орнамента в верхней части тулова. Подобных сосудов в погребениях ранних кочевников найдено много – в соседнем кургане 2 могильника Михайловка-2 идентичный сосуд найден в погребении 2 вместе с кинжалом «переходного» типа. В Исянбетово, кургане 1 такой же сосуд найден вместе с фрагментом зеркала типа «Скрипкин 5.3» и высокой цилиндрической каннелированной горловиной сосуда. Подобные сосуды вместе с клинками переходного типа и зеркалами «Скрипкин 5.3» входят в т. н. «раннепрохоровский» комплекс, выделенный В.Н. Васильевым, и датируемый им концом IV – началом III вв. до н.э.²⁰ Вместе с мечом переходного типа, сосуд с пояском сетчатого орнамента найден в погребении 1 кургана 16 Ново-Кумакского могильника²¹. В погребении 1 кургана 3 Яковлевского могильника точно такой же сосуд²² найден вместе с мечом, который, вероятно, является одним из первых экземпляров прохоровского оружия на Южном Урале, расцвет которого приходится на III–I вв. до н.э.

¹⁶ Савельев 2000б, 43.

¹⁷ Федоров, Васильев 1998, 74, рис. 5, 2.

¹⁸ Мажитов, Пшеничнюк 1977, рис.5, 13.

¹⁹ Таиров 2000, 82.

²⁰ Васильев 2004.

²¹ Мошкова 1962, рис. 12, 9.

²² Федоров, Васильев 1998, рис. 13, 2.

Все это говорит о более поздней дате чебаркульского сосуда с сетчатым орнаментом, нежели весь остальной происходящий из него вещевой комплекс. Условия его находки – в центре кургана, с углями внутри, позволяют предполагать, что его в каких-то особых целях (вероятно, поминальных) впустили в насыпь много позже совершения погребения, а также позже вкопа, уничтожившего его, поскольку он стоял над ямой, оставшейся от вторжения в погребение.

Курган Тупаково-2 хотя и имел насыпь, состоящую целиком из камня, но его локализация у подошвы хребта, а не на вершине горы, сразу же отдаляет его от основной группы каменных курганов. Его материалы также совсем не типичны для «вершинных» курганов. Здесь мы имеем представительный набор вооружения – кинжал и колчан с большим количеством стрел. Это сближает курган с памятниками степной зоны, часть которых, например Муракаевские курганы, «прижимаются» вплотную к горам. Таким образом, в случае с Тупаково-2 мы имеем дело с «синкретическим» горно-степным памятником. Разбор вещевых находок также приводит нас к выводу о более «степном» их характере. В каменных курганах горной зоны, не найдено костяных ложечек, очень мало в них предметов вооружения, зато керамика представлена обычно обильно, не одним, а несколькими сосудами.

Кинжал, не взирая на своеобразную форму перекрестья, должен быть отнесен к оружию т. н. «переходного» типа. Его перекрестье можно охарактеризовать как узкое бабочковидное, но в то же время и как сломанное под тупым углом, с закругленными концами. В первом случае это оружие финала савроматской эпохи, во втором – принадлежит уже к «переходным» клинкам. Навершие в виде слабо изогнутого бруска характерно для «переходного» оружия. Если простится такая тавтология, то это кинжал переходный от савроматского оружия к оружию «переходного» типа. Датироваться этот «переход к переходу», очевидно должен в рамках IV в. до н.э. В памятниках этого времени клинки с подобным перекрестьем изредка встречаются, например в кургане 6 Филипповки, но к сожалению, там у кинжала не сохранилось навершие²³.

Сосуд с шаровидным туловом и раструбообразным горлом имеет многочисленные аналогии в керамике ранних кочевников. Среди них обратим внимание на самую близкую как в морфологическом, так и в территориальном отношении – сосуд из погребения 5 кургана 2 Муракаевского могильника. В этом погребении найдено 3 сосуда этого типа, один из которых является почти абсолютной копией тупаковского (отсутствует только двойная зигзаговая линия под «воротничком»)²⁴. Датироваться Муракаевские курганы IV в. до н.э.²⁵

Наконечники стрел делятся на две группы: 34 с выступающей втулкой, относятся к типу IX по К.Ф. Смирнову, и 19 с внутренней – к типу XIII. Большинство наконечников типа IX К.Ф. Смирнов относит к IV в. до н.э., а тип XIII – к IV в. до н.э. «с переходом в III в. до н.э.», а в III-II вв. до н.э. по его мнению, этот тип становится преобладающим в колчанах ранних кочевников²⁶. В тупаковском колчане количественно преобладают наконечники IX типа, относительно более ранние,

²³ Пшеничнюк 2012, рис. 85, 6.

²⁴ Мажитов, Пшеничнюк 1977, рис. 3, 4.

²⁵ Мажитов, Пшеничнюк 1977, 65.

²⁶ Смирнов 1961, табл. 2.

нежели наконечники типа XIII, поэтому датировка колчанного набора тяготеет к нижней из приведенных дат, а именно – к IV в. до н.э.

Ложечка принадлежит типу II в типологии ложечек, предложенной М.Г. Мошковой²⁷ – это *лопаточка*, плоская ручка которых плавно переходит в лопасть. Данный тип становится господствующим в погребениях III–I вв до н.э., хотя появляется раньше – в IV в. до н.э. В близлежащих памятниках подобные экземпляры встречены неоднократно. В погребении 3 кургана 1 могильника Агаповские Горы IV две ложечки, одна из которых является точной копией тупаковской (да и вторая близка ей), судя по их расположению в могиле, находились в устьевой части колчана с 69-ю наконечниками стрел²⁸. В погребении 2 кургана 3 могильника «Авласовские курганы», две ложечки, также – точные копии тупаковской, найдены вместе с разнородными предметами, группирующимися вокруг зеркала. В погребении 1 того же кургана ложечка той же формы, но с более длинной рукоятью²⁹, находилась в колчане с 18-ю наконечниками стрел. Наконец, в засыпи погребения 5 кургана 5 могильника Муракаево был найден фрагмент ложечки, но тип ее не ясен³⁰. Можно практически не сомневаться в том, что в Тупаково-2 ложечка находилась в колчане. Зеленые окислы меди на ее поверхности могли появиться только от контакта со стрелами (других медных или бронзовых предметов в могиле не найдено). Ложечек этого типа найдено в колчанах ранних кочевников достаточно много³¹. Все комплексы, из которых они происходят, датируются IV–началом III вв. до н.э.

Датировка кургана Тупаково-2 периодом IV – начала III в. до н.э. сомнения не вызывает. Своеобразная форма перекрестья кинжала, тяготеющая к «савроматской», заставляет ограничиться в датировке пределами IV в. до н.э., вероятно, его второй половины.

Курган 2 могильника Михайловка-2 должен быть датирован тем же временем. Южная ориентировка погребенных, вкуче с кинжалом «переходного» типа (в котором наблюдаются еще некоторые «савроматские» черты), сосуд с полосой сетчатого орнамента, указывают на эту дату вполне определенно.

Что касается двух клинков из Абзелиловского музея, укажем, прежде всего на ближайшие аналогии им из Южного Зауралья. Кинжал второй половины VI – V вв. до н.э. из Аргаяшского района Челябинской области имеет очень близкое абзелиловскому когтевидное навершие с «глазами» и пышно украшенную рукоять³² (к сожалению, у абзелиловского кинжала вся поверхность обточена напильником, и от узоров на рукояти остались лишь едва уловимые следы). Оригинальный «кинжал-копье» уникален. В 2002 г. предмет был зарисован Г.Н. Гарустовичем и Н.С. Савельевым (наш рисунок выполнен с другой стороны предмета), опубликован в 2010 Р.Б. Исмагиловым. Можно согласиться с ним в том, что изделие представляет собой комбинацию ранне- или среднесарматского кинжала и втулки от

²⁷ Мошкова 1963, 40–41.

²⁸ Гуцалов, Боталов 2001, рис. 3.

²⁹ Сиротин 2013, рис. 2–3.

³⁰ Мажитов, Пшеничнюк 1977, 60, рис. 4, 12. О том, что эта ложечка также, может быть, первоначально находилась в колчане, см.: Федоров 1992, 101–103.

³¹ Федоров 2013, рис. 6.

³² Таиров 2000, рис. 49, 1.

«обычного сарматского копья»³³. В выборе версии о происхождении подобного «конструкта», Р.Б. Исмагилов как будто склонялся к той, что он не является современным «новоделом», а собран самими ранними кочевниками. У нас сложилось впечатление, что «сборка» предмета современная, к тому же он покрашен «серебряной» краской (конечно, в наши дни). Огромное большинство клинков с прямым перекрестьем происходит из Приуралья, но и в Зауралье они встречаются – 2 прохоровских кинжала найдены в соседнем Учалинском районе³⁴, находки кинжалов с прямым перекрестьем (с серповидными и кольцевыми навершиями) известны и в Челябинской области³⁵. Навершия у абзелиловской находки нет, но датировка ее раннесарматским временем почти несомненна. В среднесарматское время регион был заселен слабо³⁶, а клинки с кольцевым навершием, считающиеся характерными именно для средних сармат, появляются еще до рубежа эр, в прохоровскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев, В.Н. 2004: К хронологии раннепрохоровского комплекса. *УАВ* 5, 153–172.
- Гуцалов, С.Ю., Боталов, С.Г. 2001: Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска. *УАВ* 3, 148–161.
- Исмагилов, Р.Б. 2001: Клиновое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки). *УАВ* 3, 117–147.
- Исмагилов, Р.Б. 2010: Случайные находки наконечников копий с территории Южного Урала. В сб.: Г.Т. Обыденнова и др. (ред.), *XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология*. Уфа, 213–215.
- Ишбирдин, А.Р. 1998: О некоторых результатах исследования объектов органического происхождения из курганов эпохи бронзы и раннего железного века Южного Урала. *УАВ* 1, 162–164.
- Мажитов, Н.А., Пшеничнюк, А.Х. 1977: Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии. В сб.: Р.Г. Кузеев (ред.), *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа, 52–66.
- Матвеева, Г.И. 1972: Новые савроматские памятники в Башкирии. *СА* 1, 259–261.
- Мошкова, М.Г. 1962: Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. *МИА* 115, 204–241.
- Мошкова, М.Г. 1963: Памятники прохоровской культуры. *САИ* Д1-10, 56.
- Мышкин, В.Н. 2012: Конь и сбруя в курганах кочевников скифского времени на Южном Урале. *УАВ* 12, 81–96.
- Пшеничнюк, А.Х. 1983: *Культура ранних кочевников Южного Урала*. М.
- Пшеничнюк, А.Х. 2012: *Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале*. Уфа.
- Рафикова, Я.В. 2001: Курган алакульской культуры в башкирском Зауралье. *УАВ* 3, 104–112.
- Рафикова, Я.В. 2008: Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы. *РА* 4, 72–83.
- Савельев, Н.С. 2000а: Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры. *УАВ* 2, 17–48.

³³ Исмагилов 2010, 214–215, рис. 1, 7.

³⁴ Исмагилов 2001, табл. VI, 55, Федоров 2010, рис. 3, 2.

³⁵ Таиров 2000, рис. 64, 2-5.

³⁶ Таиров 2000, 204.

- Савельев, Н.С. 2000б: Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала. В сб.: В.Н. Мышкин (ред.), *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология*. Самара, 41–52.
- Сиротин, С.В. 2013: Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 11(37) II, 163–169.
- Смирнов, К.Ф. 1961: *Вооружение савроматов*. М.
- Таиров, А.Д. 2000: Ранний железный век. В кн.: Н.О. Иванова (ред.), *Древняя история Южного Зауралья. Том II. Ранний железный век и средневековье*. Челябинск, 3–205.
- Федоров, В.К. 1992: Савроматско-сарматские костяные ложечки: К вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры. *Башкирский край* 2, 80–113.
- Федоров, В.К. 2010: Случайные находки раннекочевнических кинжалов в Учалинском районе Республики Башкортостан. В сб.: М.М. Герасимова, В.Н. Малашев, М.Г. Мошкова (ред.), *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. М., 378–384.
- Федоров, В.К. 2011: Коленопреклоненные: необычное позднесарматское погребение из Южного Зауралья. В сб.: Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии*. Ростов-на-Дону, 212–216.
- Федоров, В.К. 2013: Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников. *РА* 2, 44–61.
- Федоров, В.К., Васильев, В.Н. 1998: Яковлевские курганы раннего железного века в башкирском Зауралье. *УАВ* 1, 62–96.

REFERENCES

- Vasilyev, V.N. 2004: K khronologii ranneprokhorovskogo kompleksa [Chronology of the Early Prokhorovsky Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [The Ufa Archaeological Bulletin]* 5, 153–172.
- Gutsalov, S.Yu., Botalov S.G. 2001: Kurgany prokhorovskoy kul'tury v rayone g. Magnitogorska [The Mounds of Prokhorovsky Culture in Magnitogorsk District]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [The Ufa Archaeological Bulletin]* 3, 148–161.
- Ismagilov, R.B. 2001: Klinkovoe oruzhie epokhi rannikh kochevnikov iz Yuzhnogo Zaural'ya (sluchaynye nakhodki) [Bladed Weapons of the Early Nomad Epoch in Southern Urals (Casual Finds)]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [The Ufa Archaeological Bulletin]* 3, 117–147.
- Ismagilov, R.B. 2010: Sluchaynye nakhodki nakonechnikov kopiy s territorii Yuzhnogo Urala [Chance finds of spearheads from Southern Urals]. In: G.T. Obydenнова (ed.), *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya [The 18th Ural Archaeological Conference: Cultural Spheres, Archaeological Cultures, Chronology]* Ufa, 213–215.
- Ishbirdin, A.R. 1998: O nekotorykh rezultatakh issledovaniya ob'ektov organicheskogo proishozhdeniya iz kurganov epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka Yuzhnogo Urala [Some Results of the Study of the Organic Finds from the Bronze and Early Iron Age Mounds in South Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [The Ufa Archaeological Bulletin]* 1, 162–164.
- Mazhitov, N.A., Pshenichnyuk, A.H. 1977: Kurgany rannesarmatskoy kul'tury v yuzhnoy i yugovostochnoy Bashkirii [Early Sarmatian Mounds in Southern and Southeastern Bashkiria]. In: R.G. Kuzeev (ed.), *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala [The Research on Archaeology of South Urals]*. Ufa, 52–66.

- Matveeva, G.I. 1972: Novye savromatskie pamyatniki Bashkirii [New Sauromatian Objects in Bashkiria]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 259–261.
- Moshkova, M.G. 1962: Novo-Kumakskiy kurgannyi mogil'nik bliz g. Orska [Novokumaksky Burial Mound near Orsk]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 115, 204–241.
- Moshkova, M.G. 1963: Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury [Monuments of the Prokhorovskiy Culture]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Code of Archaeological Sources] Д1-10, 56.
- Myshkin, V.N. 2012: Kon' i sbruya v kurganakh kochevnikov skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [Horse and Harness in the Nomad Mounds of Scythian Time in South Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Bulletin] 12, 81–96.
- Pshenichnyuk, A.H. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Early Nomad Culture of South Urals]. Moscow.
- Pshenichnyuk, A.H. 2012: *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Philippovka. Necropolis of Nomad Nobles of the 4th century B.C. in South Urals]. Ufa.
- Rafikova, Ya.V. 2001: Kurgan alakul'skoy kul'tury v bashkirskom Zaural'e [The Alakul Culture Mound in Bashkir Transurals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Bulletin] 3, 104–112.
- Rafikova, Ya.V. 2008: Srubno-alakul'skiy kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh pogrebeniy epokhi bronzy [Timber-Frame – Alakul Mound of Selivanovsky II Burial Mounds in South Urals and the Problem of Paired Burials of the Bronze Epoch]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 72–83.
- Savelyev, N.S. 2000a: Kamennye kurgany vostochnykh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prokhorovskoy kul'tury [Stone Mounds of the Eastern Foothills of South Urals and Some Problems of the Prokhorovskiy Culture Formation]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Bulletin] 2, 17–48.
- Savelyev, N.S. 2000b: Kurgany Baishevskoy doliny v kontekste kul'turogeneza rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Mounds of the Baishevsky Valley in the Context of Cultural Genesis of South Urals]. In: V.N. Myshkin (ed.), *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya* [Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology]. Samara, 41–52.
- Sirotnin, S.V. 2013: Katakombnye pogrebal'nye komplekсы IV v. do n.e. mogil'nika "Avlasovskie kurgany" iz Yuzhnogo Zaural'ya [Catacomb Burial Complexes of the 4th century B.C. of the "Avlasovsky Burial Mounds" in South Transurals]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophic, Political and Judicial Sciences, Cultural Science and Art Criticism. Problems of Theory and Practice] 11(37) II, 163–169.
- Smirnov, K.F. 1961: *Vooruzheniye savromatov* [Weapons of the Sauromatians]. Moscow.
- Tairov, A.D. 2000: Ranniy zheleznyy vek [Early Iron Age]. In: N.O. Ivanova (ed.), *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. Tom II. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e* [Early History of South Transurals. Vol. II. Early Iron Age and Middle Age]. Chelyabinsk, 3–205.
- Fedorov, V.K. 1992: Savromato-sarmatskie kostyanye lozhechki: K voprosu ob indoariyskikh kornyakh nekotorykh yavleniy savromato-sarmatskoy kul'tury [Sauromatian and Sarmatian Bone Spoons: about Some Indo-Aryan Roots of Some Cultural Phenomena of Sauromatian and Sarmatian Culture]. *Bashkirskiy kray* [Bashkir Krai (Territory)] 2, 80–113.
- Fedorov, V.K. 2010: Sluchaynye nakhodki rannekochevnicheskikh kinzhalov v Uchalinskom rayone Respubliki Bashkortostan [Casual Finds Of Early Nomad Daggers in Uchali District of the Republic of Bashkortostan]. In: M.M. Gerasimova, V.N. Malashev, M.G. Moshkova (eds.), *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy*

- riy [*Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories*]. Moscow, 378–384.
- Fedorov, V.K. 2011: Kolenopreklonennyye: neobychnoe pozdnesarmatskoe pogrebenie iz Yuzhnogo Zaural'ya [Kneeling: an Unusual Late Sarmatian Burial in South Urals]. In: L.T. Yablonskiy, S.I. Luk'yashko (eds.), *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [*Burial Rites of Early Eurasian Nomads*]. Rostov-on-Don, 212–216.
- Fedorov, V.K. 2013: Kostyanye lozhechki v kolchanakh rannikh kochevnikov [Bone Spoons in the Quivers of Early Nomads]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 44–61.
- Fedorov, V.K., Vasil'ev, V.N. 1998: Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v bashkirskom Zaural'e [Yakovlevsky Mounds of the Early Iron Age in Bashkir Transurals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [*The Ufa Archaeological Bulletin*]. 1, 62–96.

NEW MONUMENTS OF EARLY NOMADS IN THE ABZELILOVSKIY DISTRICT OF BASHKORTOSTAN

Vitaly K.Fedorov*, Yanina V. Rafikova**

* *Academy VEGU, Russia,*

post@vegu.ru

***Institute of History, Language and Literature, RAS,*

rihl@anrb.ru

Abstract. The article studies the materials of the excavations of three barrow mounds of early nomads. The barrows are located in Abzelilovo District in the Transurals, the Republic of Bashkortostan. From the geographical point of view, the western part of the District is mountainous; the eastern part is a steppe zone. The mounds of early nomads are located in both parts and differ in the material of the embankment. In the mountainous part the embankments are made of stone, in the steppe zone they are earthen. The earliest of the published mounds is Chebarkul-1 Stone Mound, which is on the top of the mountain. Tupakovo-2 Stone Mound is located at the foot of the mountain ridge. Earthen mound #2 of the Mikhailovka –2 mounds is in the open steppe. The materials of Chebarkul-1 Mound date from the 5th century BC., which is proved by beads from “Phoenician” glass found in it. A iron celt and a vessel of the Gafury type in Chebarkul-1 Mound testify to the connections of its population with the northeastern wooded steppe region. Tupakovo-2 and Mikhailovka-2 Mounds date from the 4th century BC. The daggers found in them belong to the transitional type from the Sauromatian to the Early Sarmatian cultures, and the bronze arrowheads are of the late type. Another proof is the southern orienting of the buried people. A small bone spoon, which had probably been kept in the quiver together with arrows, is of special interest. The spoon was found in Tupakovo-2 Mound. At the end of the article, the author tells about two finds of the early nomads' weapons kept in the Abzelilovo Museum. A dagger with a claw-like head dates from the end of the 6th – 5th century BC. An unusual type of weapon, which is a combination of a dagger and a spear, dates from the 3^d – 1st century BC.

Key words: South Transurals, Abzelilovo District, early nomads, barrows, burial rites, About the material culture

Мезоамерика

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 273–282
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 273–282
© Автор(ы) 2017

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРА ЮЖНОЙ АМЕРИКИ В ФОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД (IV–I ТЫС. до н.э.)

Е.С. Леванова

*Институт археологии РАН, Москва,
maraveriza@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития раннеземледельческих культур Промежуточной зоны (от Панамы до Эквадора). Появление оседлых обществ и формирование сложной экономики на севере Южной Америки связано с многофакторными процессами, которые необходимо изучать с учетом сведений о доместикации растений и об изменениях климатических условий в формативный период (IV–I тыс. до н.э.).

Ключевые слова: земледелие, оседлые общества, керамика, Южная Америка

Формативный период в археологии Южной Америки связан с переходом от охоты и собирательства к производящему хозяйству и появлению первых поселений. Единой хронологии для всего континента нет и быть не может в виду того, что процессы, которые привели к данным изменениям или были с ними связаны, шли дивергентно. В истории древней Колумбии и Эквадора формативный период условно датирован IV–I тыс. до н.э.¹

В данной статье речь пойдет о раннеформативных и формативных памятниках севера Южной Америки и Центральной Америки (т.н. Промежуточной зоны) – Колумбии, Эквадора и Панамы. Долгое время практически отсутствовали исследования ранних обществ данного региона, в которых зарождались основы

Леванова Елена Сергеевна – научный сотрудник Института археологии РАН.
Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 14-31-01294.

¹ Moore 2014; Табаров 2006.

социально-политического развития более позднего времени. Кроме того, в связи с фрагментарностью археологического изучения и плохой сохранностью материалов, целостная картина становления первых поселенческих памятников на макрорегиональном уровне до сих пор не сложилась.

На северо-западе Южной Америки (побережье Эквадора, провинция Санта-Элена) первые деревни появляются уже в IV тыс. до н.э., этим же временем датируются древнейшие полуседлые общества северной Колумбии. Речь идет в первом случае о памятниках культуры вальдивиа, а также о раннеформативных памятниках долины р. Магдалена в Колумбии (Сан-Хасинто, Пуэрто-Чачо и др.). На территории современной Панамы постоянные поселения появляются в середине III тыс. до н.э. (Серро-Манготе), а возможно и раньше, что же касается горных районов (Северные Анды) – там этот процесс «задерживается» на два тысячелетия².

В статье «Начальные этапы развития сложных обществ в Северной Колумбии (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)»³ автор уже обращался к проблеме становления обществ со сложной экономикой, в новом исследовании хотелось бы обратиться к вопросу об основных тенденциях развития раннеземледельческих культур с учетом сведений о процессе доместикации растений и изменении климатических условий.

В 1960-е гг. в южноамериканской археологии базовой была концепция распространения оседлого образа жизни и земледелия из Центральных Анд и Мезоамерики на периферию (в Северные и Южные Анды). Центральнопериуанское побережье и боливийское плоскогорье считались регионом первоначальной доместикации растений и животных (картофель, лама) и зарождения земледельческого уклада хозяйства, который позже проникает на территорию Колумбии и Эквадора. Однако со временем археологическое и палеоботаническое изучение памятников севера Южной Америки привело к изменению наших представлений о развитии ранних сложных обществ на континенте.

Основная заслуга в открытии и изучении раннеземледельческих колумбийских памятников принадлежит археологу и антропологу Херардо Райхель-Долматоффу (1912–1994 гг.). Проведенные им археологические исследования на карибском побережье впервые позволили датировать археологические находки на территории Колумбии поздним формативным периодом (II–I тыс. до н.э.). Именно его работы привлекли особое внимание к древностям севера Южной Америки и огромному потенциалу их археологического изучения. Райхель-Долматофф полагал, что карибское побережье Колумбии являлось важнейшим регионом, через который прошли все волны миграций между Северной Америкой, Карибским бассейном, Амазонией и Андами⁴.

Наиболее значимые археологические памятники региона располагаются на северо-западе Колумбии (устье и низовья р. Магдалена, западное побережье Атлантики) и севере региона, где спускаются к побережью Карибского моря склоны горной системы Сьерра-Невада-де-Санта-Марта. Экологические условия здесь многообразны: тропики, саванна, прибрежные долины и лагуны, высокогорные

² Raymond 2008, 79.

³ Острирова 2015.

⁴ Reichel-Dolmatoff 1986.

регионы, и невозможно выделить единую культурную традицию в силу различных способов адаптации древних обществ.

В Эквадоре первые поселенческие памятники локализуются на тихоокеанском побережье полуострова Санта-Элена и относятся к докерамической культуре лас-вегас (10840–6600 л.н., архаический период) и раннекерамической и раннеземледельческой культуре вальдивия (5500–3500 л.н.)⁵. Открытие и изучение этих традиций связано с именами американских и эквадорских археологов Б. Меггерс, Д. Лотропа, Х. Маркоса⁶.

Основные тенденции развития индейских обществ вышеназванных регионов в формативный период связаны с доместикацией растений, появлением оседлого образа жизни, керамического производства и становлением земледелия как базовой формы хозяйства. Для археологии Старого Света классической является концепция перехода от кочевого образа жизни к оседлому **с учетом наличия всех этих факторов**, однако в археологии Нового Света такая модель является лишь одной из возможных.

Доместикация (т.е. процесс мутации растений, к которой привело сознательное или несознательное селективное вмешательство человека⁷) и переход к земледельческому образу жизни – процессы разного времени и разного характера. Палеоботанические исследования показывают, что изменения ландшафта и растительности, связанные с переходом к земледелию как основной форме хозяйства, прослеживаются на севере Южной Америки, начиная с III тыс. до н.э. (территория тихоокеанского побережья Колумбии и Эквадора), и постепенно «смещаются» к востоку – в Северные Анды и амазонскую Колумбию. Однако одомашнивание растений в этом регионе началось значительно раньше.

Первые доместикация растения появляются в тропической зоне Центральной и Южной Америки в начале голоцена (11000–7600 т. л.н.), вскоре после климатических изменений, связанных с окончанием плейстоцена⁸. Экологические изменения снизили питательность еды охотников-собирателей в тех районах, где саванна сменилась тропическими лесами (исчезли те виды животных, на которых преимущественно велась охота). Однако благодаря повышению температуры и более обильным осадкам после 8000 лет до н. э., съедобных видов растений стало больше, и они стали разнообразнее. В результате поиска новых пищевых стратегий древний человек, вероятно, перешел к селекции растений, однако до сих пор ведутся дискуссии о роли природных и антропогенных причин их доместикации. В археологии Старого Света доминируют следующие гипотезы о причинах доместикации растений:

1. увеличение численности и плотности населения;
2. глобальное изменение климата в конце плейстоцена, ставшее крахом мира охотников и собирателей;
3. ритуальная деятельность⁹.

⁵ Табарев, Каномата 2015; Meggers, Evans, Estrada 1965; Marcos 2003.

⁶ Табарев 2006, 169–170.

⁷ Moore 2014, 131–132.

⁸ Piperno 2011.

⁹ Гончаров 2013.

Переход к освоению производящего хозяйства (земледелия) в Новом Свете в настоящее время понимается как появление нескольких очагов одомашнивания различных растений: трав, клубней, фруктов, деревьев и технических культур¹⁰.

Самые древние domesticiрованные растения в Новом Свете датированы 10000–9000 л.н. Речь идет о фитолитах тыквы-горлянки (*Cucurbita esuadorensis*) в Эквадоре (культура лас-вегас; 10130–9320 л.н.), одомашненной мускатной тыквы (*Cucurbita moschata*) на побережье Перу (долина р. Санья; ок. 9000 л.н.). Маранта (травянистое растение семейства марантовых с клубневидным корневищем) была, вероятно, одомашнена в зоне Истмо (Центральная Америка) около 10200 л.н. Фитолиты маниока в Панаме (пещера Куэва-де-Лас-Ладронес) датируются широким временным диапазоном – 10000–7000 л.н. Еще одной важной для южноамериканской раннеземледельческой диеты культурой являлась калатея (*Calathea allouia*, также травянистое растение семейства марантовых с клубневидным корневищем), возделывание которой началось на побережье Эквадора не позднее 9320 л.н.¹¹.

Эти данные показывают, что селекционирование, а затем и доместикация происходили в доземледельческих обществах, опирающихся на интенсивное присваивающее хозяйство (эксплуатация морских ресурсов и собирательство). Ранние следы появления или проникновения одомашненных растений не свидетельствуют о раннем переходе к земледелию как основной форме хозяйства в Южной и Центральной Америке. Переход к земледелию был довольно длительным и охватывал от одного до трех тысячелетий в разных регионах. О появлении полноценного сельскохозяйственного образа жизни говорят такие факторы, как антропогенное изменение ландшафта, появление подсечно-огневого хозяйства, больших поселений, а главное – данные о диете древних людей.

Исследования раннеформативных памятников колумбийской Амазонии показывают, что диета древнего человека в результате перехода от охоты и собирательства к возделыванию растений в этом регионе претерпевает изменения в период 5000–1500 л.н. (данные изотопного анализа костных останков)¹². Изотопные исследования, проводившиеся в центральной Колумбии (памятники Чекуа, Агуасуке) показывают, что потребление domesticiрованных растений, в том числе маиса и тыквы, становится важной частью диеты в период от 3500 л.н., однако охота наравне с земледелием продолжала обеспечивать диету древних жителей (основным источником протеинов было мясо оленя)¹³.

В долине р. Каука (центр и запад Колумбии) возделывание культурных растений начинается 9000 л.н., хотя вплоть до I тыс. до н.э. оно не являлось базовой формой хозяйства, дополняя охоту и собирательство. На памятниках этого региона (Ла-Эльвира, Эль-Дорадо) пыльца маиса была датирована 6690±230 л.н., 5150±180 л.н.¹⁴. Это одни из самых ранних датировок маиса (по пыльце) на территории всей Колумбии, однако следов поселенческих раннеземледельческих памятников в этом регионе не прослеживается вплоть до I тыс. до н.э. Видимо, на территории

¹⁰ Piperno, Pearsall 1998.

¹¹ Pearsall 2008; Piperno 2011; Pearsall 2008; Grobman, Bonavia, Dillehay, Piperno, Iriarte, Holst 2012.

¹² Langebaek 2011, 235.

¹³ Correal 1995, 256.

¹⁴ Langebaek 2011, 235.

центральной и западной Колумбии процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему интенсифицируется лишь в 1000–1500 гг. до н.э. Небольшие деревни по берегам рек в этом регионе появляются в I тыс. до н.э., но вплоть до VIII–IX вв. н.э. значительная часть стоянок и мастерских находилась под скальными навесами. Например, в долине Фукене (центральная Колумбия) существовали поселенческие памятники, расположенные на наиболее плодородных землях и по берегам рек, но также известны поселения (базовые лагеря) близ естественных укрытий – пещер и скальных навесов, что говорит о большой роли охоты¹⁵.

В археологии Южной Америки существуют примеры оседлых и полуоседлых обществ с разными пищевыми стратегиями, в том числе приморской адаптацией на тихоокеанском побережье, охотой и собирательством в условиях мангрового леса. Эти экосистемы особо богаты представителями тропической флоры и фауны и позволяли древним индейцам вести мобильный образ жизни в условиях ограниченной территории, где создавались логистические лагеря – полуоседлые поселения. Одним из таких памятников является Сан-Хасинто 1 (Колумбия, департамент Боливар, 85 км на юго-восток от г. Картахена на высоте 200–250 м над уровнем моря), где в конце 1980-х гг. проводили раскопки колумбийские археологи А. Ойюэла-Кайседо и Р. Бонзани¹⁶. В 1986 г. Ойюэла-Кайседо опубликовал предварительный анализ находок, который показал чередование слоев с культурными остатками и растительным углем и слоев, в которых отсутствуют какие-либо свидетельства культурной деятельности. Исходя из этого, была предложена гипотеза о временном, сезонном характере поселения в Сан-Хасинто 1 и о периодических возвращениях жителей на эту стоянку. Причиной этому могли быть периодические затопления поселения рекой. В 1986–1988 гг. археологические работы сосредоточились в основном на определении стратиграфии поселения. Радиоуглеродный анализ образцов керамики дал датировку 3750±430 г. до н.э.¹⁷.

В 1991–1992 гг. Ойюэла-Кайседо провел более детальное исследование поселения. Из 26 вскрытых слоев в 9 были зафиксированы следы человеческой деятельности. Слой 5 датируется более поздним заселением – между 2120±90 и 1750±80 л.н. Результаты радиоуглеродного анализа 13 образцов из остальных слоев показали даты между 5940±60 и 5190±40 л.н. (некалиброванные даты)¹⁸. В результате длительных и кропотливых исследований археологи пришли к выводу, что памятник Сан-Хасинто 1 представляет собой поселение специального назначения групп охотников-собирателей, которые ежегодно перемещались из базовых лагерей в так называемые логистические лагеря для собирания и обработки специализированных пищевых ресурсов в сухой период года. Древние обитатели Сан-Хасинто селились на отмели, которую покидали с апреля по ноябрь, когда шли дожди и была высока вероятность наводнения.

Археологи обнаружили 174 кострища, из которых 112 были определены как земляные печи. Такие кострища были распространены преимущественно в архаический период во время перехода от охоты и собирательства к частичному вы-

¹⁵ Langebaek 1995.

¹⁶ Oyuela-Caycedo, Bonzani 2005.

¹⁷ Oyuela-Caycedo 1987.

¹⁸ Oyuela-Caycedo, Bonzani 2005.

ращиванию одомашненных растений. Найденные артефакты включали в себя керамику, каменные орудия (145 метате, 102 манос, 93 ступки, 20 молотков), остатки фауны (в основном моллюски и черепахи, но также найдены кости игуан, кайманов, ягуаров, оленей, рыб), растительные остатки (карбонизированные семена, стебли, листья и другие части однодольных растений, относящихся к семейству злаковых).

Схожая картина сезонной мобильности представлена на близрасположенных, но более поздних памятниках Сан-Хасинто 2, Эль-Гуамо, Эль-Бонгаль и Букарелия (4,5–3,5 тыс. л.н.), однако данные местонахождения изучены значительно хуже.

Возникают вопросы: почему же древние обитатели сезонной саванны и мангровых лесов сменили уклад жизни с сезонных перемещений на более оседлый и когда это произошло? Одной из вероятных причин может быть изменение окружающей среды (аридизация), однако данные палеоэкологии не подтверждают эту гипотезу. Стратегия мобильности и сезонной мобильности была характерна не только для многих раннеформативных обществ севера Южной Америки, но и для более поздних культур. Ойюэла-Кайседо в своих исследованиях поселенческих памятников и стоянок северо-западной Колумбии обратился к теории Льюиса Бинфорда. В своих статьях 1980-х гг. Бинфорд выдвинул гипотезу о том, что высокая мобильность свойственна богатой экваториальной среде и снижается в обществах, живущих в менее влажном и жарком климате¹⁹. Однако степень мобильности и ограниченности территории миграций зависит также от характера присваивающего хозяйства. Если в результате адаптации к экосистеме группа преимущественно занимается собирательством, то удобно организовать базовый лагерь и отправлять небольшие «экспедиционные» группы людей, которые собирают и обрабатывают определенные виды продовольствия, а потом хранить добытое на базовой стоянке. Хранение запасов в одном месте, по мнению Бинфорда, впоследствии перерастает в оседлый образ жизни. Также базовые лагеря могут быть ритуальными центрами или местом встреч нескольких логистических групп, где проводились пиры и совершались обряды²⁰.

Исследование Сан-Хасинто 1 подтверждает данную гипотезу, так как на памятнике была найдена одна из древнейших в Новом Свете керамика, назначение которой было явно не утилитарным.

Проблема появления традиции производства керамики в Америке заключается в том, что единого центра не существовало и древнейшие образцы найдены как на стоянках охотников-собирателей Амазонии и Колумбии, так и на раннеземледельческих памятниках культуры вальдивиа²¹.

Колумбийские памятники, на которых были найдены образцы одной из наиболее древних керамических традиций в Южной Америке, находятся на территории современного департамента Боливар. Это поселения Монсу и Пуэрто-Ормига, Пуэрто-Чако, открытые Х. Райхель-Долматоффым, Барловенто, а также уже упомянутые Сан-Хасинто 1 и Сан-Хасинто 2.

¹⁹ Binford 1980.

²⁰ Binford 1980, 15.

²¹ Neves 2008.

В Сан-Хасинто 1 была найдена лепная керамика с растительными отошителями, для которой характерны зооморфные мотивы (моделированные налепы по венчику сосудов). Данная керамическая традиция бытовала более тысячелетия, что демонстрирует памятник Сан-Хасинто 2, где радиоуглеродные датировки относятся к IV тыс. до н.э.²². Остальные раннекерамические памятники данного региона – это раковинные кучи на побережье, также содержащие фрагменты лепной керамики с растительным отошителем. Недостаточно свидетельств, указывающих на использование ранней колумбийской керамики для приготовления пищи: нет следов копти и термического воздействия. Это говорит о том, что лепная посуда в Сан-Хасинто 1 появилась в результате взаимодействия между группами людей для обмена едой, для передачи еды на хранение, преподнесения еды в качестве подарка, возможных ритуальных действий.

Наиболее древние образцы керамики побережья Эквадора известны по раскопкам поселений культуры вальдивия (Реаль-Альто, Лома-Альто, Пунта-Консепсьон) – самой ранней керамической культуры на всем тихоокеанском побережье Южной Америки (в пределах 5600/5500–4650 л.н.)²³.

Гончарная традиция побережья Эквадора заметно отличается от колумбийской, хотя вполне возможно, что исследователи еще не открыли более раннюю, предшествовавшую вальдивии, или же начальные этапы производства посуды были связаны с иными материалами, несохранившимися в отличие от глины в условиях тропического климата. Для ранней керамики Эквадора характерно применение исключительно песчаного отошителя. Кроме того, керамика культуры вальдивия отличается разнообразием зооморфной и антропоморфной орнаментации и форм сосудов. Для керамики ранней вальдивии характерны устойчивые формы сосудов: широкие полусферические чаши с прямым венчиком и широкогорлые сосуды с наlepным или отогнутым венчиком²⁴. Эта традиция вполне согласуется с раннеземледельческим характером культуры, хотя вполне вероятно, что будет найдена более ранняя и менее совершенная по технологии посуда предшествующего периода (доземледельческого).

Основные тенденции развития земледельческих культур севера Южной Америки в формативный период связаны с социо-культурной адаптацией к изменяющимся условиям окружающей среды и различными пищевыми стратегиями древних обществ. Развитие земледелия не было необходимым в тех регионах, где сложилась устойчивая практика сезонной мобильности в условиях богатой экосистемы (Сан-Хасинто 1 и 2), также, как, например, в условиях приморской адаптации (центральноперуанское побережье)²⁵. Конечно, остро ощущается недостаток исследований памятников формативного периода, особенно демонстрирующих переход к постоянным земледельческим поселениям.

²² Oyuela-Caycedo, Bonzani 2005.

²³ Marcos 2003.

²⁴ Табаров 2011.

²⁵ Острирова 2015a, 248–249.

- Гончаров, Н.П. 2013: Доместикация растений. *Вавиловский журнал генетики и селекции* 17, 4/2, 884–899.
- Острирова, Е.С. 2015: Начальные этапы развития сложных обществ в северной Колумбии (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). *ПИФК* 2, 154–160.
- Острирова, Е.С. 2015 а: Теория морских оснований Андской цивилизации в современной историографии. В сб.: Г.Г. Ершова (отв. ред.), «Стены и мосты» — III: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 25–26 апреля 2014 г. М., 246–256.
- Табарев, А.В. 2006: Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье. Учебное пособие. Новосибирск.
- Табарев, А.В. 2011: Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка). *Тихоокеанская археология: Древности по обе стороны Великого океана* 21. Владивосток, 16–54.
- Табарев, А.В., Каномата, Й. 2015: «Тропический пакет»: особенности каменных индустрий древнейших культур тихоокеанского бассейна (на примере побережья Эквадора). *Археология, этнография и антропология Евразии* 3 (43), 64–76.
- Binford, L.R. 1980: Willow Smoke and Dog's Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation. *American Antiquity* 45 (1), 4–20.
- Correal, G. 1990: *Aguazuque. Evidencias de Cazadores, Recolectores y Plantadores en la Altiplanicie de la Cordillera Oriental*. Bogotá.
- Grobman, A., Bonavia, D., Dillehay, T.D., Piperno, D.R., Iriarte, J., Holst, I. 2012: Preceramic maize from Paredones and Huaca Prieta, Peru. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 109, 1755–1759.
- Langebaek, C.H. 1995: *Arqueología regional en el territorio muisca: estudio de los valles de Fúquene y Susa*. Pittsburgh–Bogotá.
- Langebaek, C.H. 2011: Preguntas sin respuestas y cuestiones sin preguntas: algunas notas sobre los procesos de ocupación humana en la Colombia prehispánica. In: *Arqueología en el Área Intermedia*. Bogotá, 223–282.
- Marcos, J.G. 2003: A Reassessment of the Ecuadorian Formative. In: *Archaeology of Formative Ecuador*. Dumbarton Oaks–Washington, 7–32.
- Meggers, B., Evans, C., Estrada, E. 1965: *The Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases*. Washington.
- Moore, J.D. 2014: *A Prehistory of South America. Ancient Cultural Diversity on the Least Known Continent*. University Press of Colorado.
- Neves, E.G. 2008: Ecology, Ceramic Chronology and Distribution, Long-term History, and Political Change in the Amazonian Floodplain. In: *The Handbook of South American Archaeology*. New York, 362–368.
- Oyuela-Caycedo, A. 1987: Dos sitios arqueológicos con desgrasante de fibra vegetal en la serranía de San Jacinto (departamento de Bolívar). *Boletín de Arqueología* 2 (1), 5–26.
- Oyuela-Caycedo, A., Bonzani, R.M. 2005: *San Jacinto 1: A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia*. Tuscaloosa.
- Pearsall, D.M. 2008: Plant Domestication and the Shift to Agriculture in the Andes. In: *The Handbook of South American Archaeology*. New York, 105–143.
- Piperno, D.R. 2011: The Origins of Plant Cultivation and Domestication in the New World Tropics: Patterns, Process, and New Developm. *Current Anthropology* 52 (4), 453–470.
- Piperno, D. R., Pearsall, D.M. 1998: *The Origins of Agriculture in the Lowland Tropics*. San Diego.

Raymond, J.S. 2008: The Process of Sedentism in Northwestern South America. In: *The Handbook of South American Archaeology*. New York, 79–92.

REFERENCES

- Binford, L.R. 1980: Willow Smoke and Dog's Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation. *American Antiquity* 45 (1), 4–20.
- Correal, G. 1990: *Aguazuque. Evidencias de Cazadores, Recolectores y Plantadores en la Altiplanicie de la Cordillera Oriental*. Bogotá.
- Goncharov, N.P. 2013: Domestikatsiya rasteniy [Domestication of Plants]. *Vavilovsky zhurnal genetiki i selekcii* [Vavilov Journal of Genetics and Selection] 17, 4/2, 884–899.
- Grobman, A., Bonavia, D., Dillehay, T.D., Piperno, D.R., Iriarte, J., Holst, I. 2012: Preceramic maize from Paredones and Huaca Prieta, Peru. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 109, 1755–1759.
- Langebaek, C.H. 1995: *Arqueología regional en el territorio muisca: estudio de los valles de Fúquene y Susa*. Pittsburgh–Bogotá.
- Langebaek, C.H. 2011: Preguntas sin respuestas y cuestiones sin preguntas: algunas notas sobre los procesos de ocupación humana en la Colombia prehispánica. In: *Arqueología en el Área Intermedia*. Bogotá, 223–282.
- Marcos, J.G. 2003: A Reassessment of the Ecuadorian Formative. In: *Archaeology of Formative Ecuador*. Dumbarton Oaks–Washington, 7–32.
- Meggers, B., Evans, C., Estrada, E. 1965: *The Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases*. Washington.
- Moore, J.D. 2014: *A Prehistory of South America. Ancient Cultural Diversity on the Least Known Continent*. University Press of Colorado.
- Neves, E.G. 2008: Ecology, Ceramic Chronology and Distribution, Long-term History, and Political Change in the Amazonian Floodplain. In: *The Handbook of South American Archaeology*. New York, 362–368.
- Ostrirova, E.S. 2015: Nachal'nye etapy razvitiya slozhnykh obshchestv v severnoy Kolumbii (I tys. do n.e. – I tys. n.e.) [Initial Stages in the Development of Complex Societies in Northern Colombia (The I millennium BC – I millennium AD)]. *Problemy istorii, filologii, kul'turi* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 154–160.
- Ostrirova, E.S. 2015a: Teoriya morskikh osnovaniy Andskoy tsivilizatsii v sovremennoy istoriografii [Theory of the sea bases of the Andean civilization in modern historiography]. In: G.G. Ershova (ed.), *Steny i mosty» — III: mezhdisciplinarnye i polidisciplinarnye issledovaniya v istorii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Moskva, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarny universitet, 25–26 aprelya 2014 g.* [“Walls and bridges” – III: interdisciplinary and polydisciplinary research in history: materials of the International Scientific Conference Moscow, Russian State University for the Humanities, April 25–26, 2014]. M., 246–256.
- Oyuela-Caycedo, A. 1987: Dos sitios arqueológicos con desgrasante de fibra vegetal en la serraña de San Jacinto (departamento de Bolívar). *Boletín de Arqueología* 2 (1), 5–26.
- Oyuela-Caycedo, A., Bonzani, R.M. 2005: *San Jacinto 1: A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia*. Tuscaloosa.
- Pearsall, D.M. 2008: Plant Domestication and the Shift to Agriculture in the Andes. In: *The Handbook of South American Archaeology*. New York, 105–143.
- Piperno, D. R., Pearsall, D.M. 1998: *The Origins of Agriculture in the Lowland Tropics*. San Diego.
- Piperno, D.R. 2011: The Origins of Plant Cultivation and Domestication in the New World Tropics: Patterns, Process, and New Developm. *Current Anthropology* 52 (4), 453–470.

- Raymond, J.S. 2008: The Process of Sedentism in Northwestern South America. In: *The Handbook of South American Archaeology*. New York, 79–92.
- Tabarev, A.V. 2006: *Vvedenie v arkheologiyu Yuzhnoy Ameriki. Andy i tikhookeanskoe poberezh'e. Uchebnoe posobie* [Introduction to the Archeology of South America. Andes and the Pacific coast. Tutorial]. Novosibirsk.
- Tabarev, A.V. 2011: Rannie keramicheskie traditsii v Pasifike (Yuzhnaya Amerika) [Early Ceramic Traditions in Pacific (South America)]. *Tikhookeanskaya arkheologiya: Drevnosti po obe storony Velikogo okeana* [Pacific archeology: Antiquities on both sides of the Great Ocean] 21. Vladivostok, 16-54.
- Tabarev, A.V., Kanomata, J. 2015: «Tropicheskiy paket»: osobennosti kamennykh industriy drevneyshikh kul'tur tikhookeanskogo basseyna (na primere poberezh'ya Ekvadora) [“Tropical package”: features of stone industries of the most ancient cultures of the Pacific basin (by the example of the coast of Ecuador)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 3 (43), 64–76.

BASIC TENDENCIES OF ARABLE FARMING DEVELOPMENT IN THE NORTH
OF SOUTH AMERICA DURING THE FORMATIVE PERIOD
(THE 4th – 1st MILLENNIUM BC)

Elena S. Levanova

Institute of Archaeology, Russia,
maraveriza@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the development of early farming cultures of the Intermediate Area (from Panama to Ecuador). The appearance of sedentary societies and the formation of a complex economy in the north of South America (Colombia, Ecuador) is associated with multifactor processes. It is necessary to study this processes and taking into account information about plants domestication and climatic changes during the formative period (4000–1000 BC).

Key words: Agriculture, sedentary societies, ceramic, South America

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ОЛЬМЕКСКОЙ ИКОНОГРАФИИ В МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ МЕКСИКИ И ГВАТЕМАЛЫ

С.А. Хохрякова*, А.И. Фахри**

**Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва,
s.viskanta@gmail.com*

***Институт археологии РАН, Москва,
fakhri.amina@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрены примеры наскальных росписей, выявленных на территории Мексики и Гватемалы, в иконографии которых отмечаются черты «ольмекского стиля». Рассматривается хронологическое и территориальное распространение росписей на скалах относительно ареала обитания ольмеков, а также каноничный набор элементов «ольмекского стиля». Памятник наскального искусства под открытым небом «Диабло-Рохо» на озере Аматитлан (Гватемала) соотнесен с изображениями из пещер Хуштлауака, Оштитлан и Какауасисики (штат Герреро, Мексика), отстоящих почти на 800 километров. Сопоставлены данные иконографии и радиоуглеродного датирования. Развитие иконографической традиции и формирование изобразительного канона прослеживаются на основе анализа наскальных росписей, которые воплотили в себе поиск средств художественной выразительности и важные мифологические сюжеты для носителей культур более чем трехтысячелетней древности. Среди рассматриваемых иконографических элементов: типы головных уборов, характерных для представителей культуры ольмеков, элементы изображений человеческого лица (разрез глаз, уголки рта, опущенные вниз); также анализируются наиболее распространенные в монументальной скульптуре ольмеков композиции с «предком в нише». Основной акцент в исследовании делается на наскальных изображениях с элементами ольмекской иконографии, которые встречаются за пределами ареала культуры ольмеков. Поднимается вопрос о причинах появления подобного рода памятников на территориях, отдаленных от исконно ольмекских земель. Одним из возможных путей передачи иконографических мотивов авторы статьи считают развитие торговых отношений между ольмеками и населением отдаленных регионов.

Ключевые слова: наскальное искусство, росписи, иконография, ольмеки, археология Мезоамерики

Традиция выполнения изображений на скалах, на открытых скальных плоскостях и валунах, на стенах гротов и пещер существует практически по всему миру и имеет древнейшие корни. Мезоамерика не стала исключением, здесь из-

Хохрякова Сандра Альгимантасовна – аспирантка Российского государственного гуманитарного университета.

Фахри Амина Ильгизовна – аспирант, младший научный сотрудник Института археологии РАН. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-31-01015 (a1).

вестны объекты, как в пещерах, так и под открытым небом – на скальных выходах и отельных камнях. Наскальное искусство Мезоамерики с точки зрения методики¹ исследований петроглифов и росписей представляет исключительный интерес возможностью соотнести иконографическую специфику изображений на скалах с другими обширными археологическими материалами местных самобытных культур ольмеков, майя и др., характеризующихся устойчивым своеобразием изобразительных традиций, в том числе воплощенных в произведениях монументального искусства из камня – стелах, изваяниях, колоссальных головах и пр. Жанровое разнообразие искусства представлено широким спектром сюжетов, начиная от отдельных иероглифов и календарных знаков, заканчивая многофигурными композициями и сложными сценами метаморфоз человека и животных. Мотивы местных изобразительных традиций характеризуются сложной стилистикой и символикой, устойчивым иконографическим каноном, отражают религиозные, мифологические и социальные стороны жизни носителей культур региона.

Культура ольмеков сложилась в период с 1500 до 400 гг. до н.э. на побережье Мексиканского залива с основными политическими центрами Сан-Лоренсо, Ла-Вента и Трес-Сапотес (территория современных штатов Веракрус и Табаско, Мексика)². Политическая структура ольмеков достигла сложного вождества, о чем свидетельствуют трехуровневая поселенческая иерархия, разделение элиты на социальные ранги, а также наличие изображений символов власти в произведениях монументального искусства. Первое сложное вождество ольмеков складывается в период 1150-900 гг. до н.э. с политическим центром в Сан-Лоренсо³.

Изобразительная традиция ольмеков наиболее полно воплотилась в монументальной каменной скульптуре, которая, в отсутствие монументальной архитектуры, заняла ее место в общественной идеологии⁴. Самыми характерными являются колоссальные головы из базальта, алтари, троны и мужские сидящие фигуры со знаками высокого статуса (пекторали, серьги, сложные головные уборы)⁵.

Известно, что в Мезоамерике украшения головы (диадемы, шлемы, текстильные повязки) служили показателем социального ранга, а головной убор, богато декорированный плюмажем из перьев кецаля и макао, зачастую был украшен знаками имени или династии правителя, а также титулами вождей. Эта традиция позднее наиболее полно выразилась в культуре майя⁶.

Колоссальные головы ольмеков изображали правящих в Сан-Лоренсо верховных вождей, головной убор в виде шлема был их обязательным атрибутом (рис. 1а). Они концентрируются исключительно на центральных поселениях, в сравнении с другими памятниками монументального искусства их число незначительно⁷. Каждая голова имеет индивидуальные черты, а также свой особый рисунок на шлеме, вероятно служивший отличительной чертой при жизни его владельца. На поселениях второго уровня находят алтари/троны и статуи сидящих мужчин в сложных головных уборах и со знаками высокого уровня (пекто-

¹ Дэвлет 2002.

² Беляев 2012б; Табарев 2005.

³ Гуляев 2014.

⁴ Cyphers 2004.

⁵ de la Fuente 1995, 20.

⁶ Houston et al. 2006, 62.

⁷ Гуляев 2014.

рали, ушные вставки). Такие алтари/троны, по всей видимости, были символами власти вождя, а барельеф «мужчина в нише» изображал других представителей элиты или предков правителя. Можно предполагать, что при жизни вождя алтарь/ трон использовался по назначению, а после смерти владельца становился почитаемым «портретом почившего правителя»⁸. Многофункциональная монументальная скульптура представлена в Ла-Вента. Ранее служившая массивным каменным тронем вождя, фронтальная часть которого была украшена высоким рельефом с изображением человека в позе полулотоса, появляющегося из полукруглого портала («ниши») (рис. 1b), каменная глыба превращалась в образ великого предка. Фигура в нише имела несколько вариантов: персонаж протягивает на руках карлика/ребенка, персонаж показан с прямыми руками, опирающимися на землю или держащими веревку.

Археологические данные указывают, что Сан-Лоренсо на побережье Мексиканского залива и центры Гватемальского нагорья имели развитые торговые связи. На юго-западе Гватемалы был обнаружен важный центр добычи обсидиана Эль-Чайяль, контроль за которым принадлежал городищу Каминальхуйю. Большое количество технологических отходов производства обсидиановых орудий свидетельствует об интенсивном развитии каменной индустрии на Гватемальском нагорье в начале I тыс. до н.э. По всей видимости, в Каминальхуйю происходила обработка вулканического стекла, поступившего из Эль-Чайяля. В мастерских городища и окрестностях озера Амаститлан были найдены призматические ножевидные пластины из обсидиана, которые транспортировались на север, на территорию Мексиканского залива⁹. По результатам, полученным с помощью портативного рентгено-флуоресцентного анализатора, было выявлено, что около четверти всех исследуемых образцов из Сан-Лоренсо происходили из Эль-Чайяля¹⁰.

Исследование Бишопа продемонстрировало наличие примеси вулканического пепла в керамике типа Сьерра-Рохо (Sierra Rojo) из Эль-Мирадора (Петен, Гватемала). Это указывает на то, что керамика попала в низменности из некоторых городов Гватемальского нагорья (Лос-Серритос, Абах-Такалик, Ла-Бланка, Куаутемок)¹¹. С помощью нейтронного анализа INAA образцов серой керамики в «ольмекском стиле» ранне- и среднеформативного периода (X–IV вв. до н.э.) в их составе было обнаружено высокое содержание хрома, что указывает на происхождение керамики из Сан-Лоренсо¹². На основании этих результатов Нельсон и Кларк относят формирование торгового союза, связывавшего Сан-Лоренсо, восток Оахаки (Мексика), Ла-Бланку (Гватемала) и Каминальхуйю в Гватемале, к началу среднеформативной фазы (X–IV вв. до н.э.)¹³. Благодаря торговым контактам происходила трансляция элементов удаленных иконографических традиций, этот процесс иллюстрирует такой памятник наскального искусства, как «Диабло-Рохо» (El Diablo rojo) (рис. 1c).

⁸ Porter 1989, 28; Cyphers 2007, 38.

⁹ Popenoe de Hatch et al. 2010; Clark 1987.

¹⁰ Ebert et al. 2014.

¹¹ Bishop 1984, 110.

¹² Neff, Glascock 2002; Gomez et al. 2011, 347.

¹³ Nelson, Clark 1998.

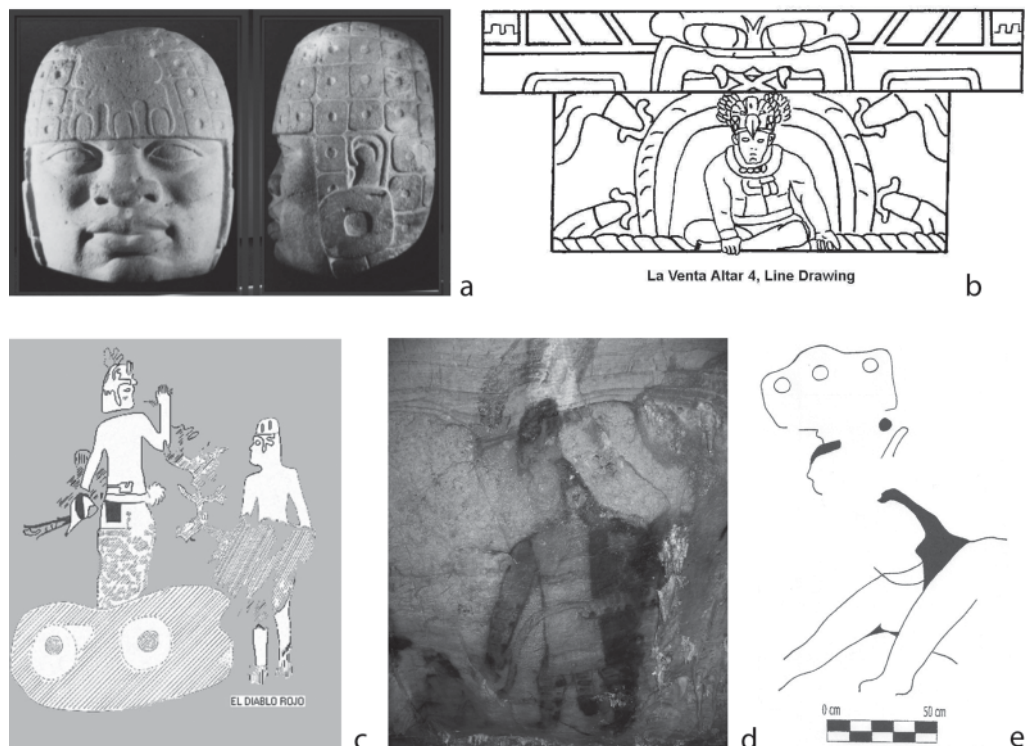

Рис. 1.

a. Колоссальная голова № 10, Сан-Лоренсо. Фото: Cyphers: 154–155;

b. Алтарь 4, Ла-Вента. Прорисовка: Grove 1973: 131;

c. «Диабло-Рохо», Аматитлан. Фото и прорисовка: Ericastilla;

d. Роспись 1, Хуштлауака. Фото: Lambert;

e. Фигура С, Хуштлауака. Прорисовка: Lambert

Находящийся к северу от озера Аматитлан на территории современной Гватемалы памятник наскального искусства под открытым небом «Диабло-Рохо» получил свое название из-за преобладания красных пигментов¹⁴. Композиция высотой до 1,88 м представлена на сложенном базальтом скальном выступе на высоте 12 метров, она полихромная, выполнена с использованием красного, желтого и оливково-зеленого. О сюжете судить сложно, поскольку центральная часть утрачена, однако сохранились две обращённые друг к другу фигуры: персонаж слева, вероятно, стоит на алтаре/троне, фигура справа показана в позе предстояния. Оба изображены в головных уборах, указывающих на их высокий статус, при этом фигура справа показана в характерном ольмекском шлеме, хотя в данном случае узнаваемый иконографический элемент документирован за пределами ареала распространения ольмекской культуры. Согласно радиоуглеродному анализу изображение может датироваться 3030±45 тыс. л.н., то есть относиться приблизи-

¹⁴ Mata 1998, 27.

тельно к 1020 г. до н.э., что хронологически соответствует периоду расцвета Сан-Лоренсо¹⁵.

Другие примеры наскальных изображений с чертами ольмекской иконографии выявлены в пещерах Хуштлилауака, Оштотитлан и Какауасисики на территории штата Герреро (Мексика). Подобно ранее рассмотренной группе близ Аматитлана, эти памятники расположены за пределами исконной территории распространения ольмекской культуры, связанной с побережьем штатов Веракрус и Табаско (Мексика). Скорее всего, пещеры контролировались местными высокогорными политиями Герреро и Морелос с центрами в Чалькацинго¹⁶ и Теопантекуанитлане¹⁷, которые имели контакты с населением побережья Мексиканского залива. Связь ольмеков с территорией Герреро объясняется наличием месторождений серпентина и жадеита – сырья для изготовления топоришков-кельтов, украшений и прочих ценимых изделий из зеленого камня¹⁸. Монументальная скульптура этих двух политий также подтверждает связь населения территории Морелос и Герреро с ольмеками. Некоторые сюжеты монументальной скульптуры Чалькацинго перекликаются с сюжетами ольмекского искусства. В Чалькацинго есть изображение пещеры в виде открытой пасти змеи (Монументы 1 и 5), изображение ягуара (Монумент 2), также представлен сюжет терзания хищником (ягуаром) человека (Монумент 4)¹⁹. В центральной части Теопантекуанитлана было обнаружено четыре однотипных монумента в ольмекском стиле (Монументы 1-4). На всех показан ягуар, рот и глаза которого имеют характерные черты ольмекской иконографии, на груди ягуара – пектораль с элементом креста (рис. 4).

Рассмотрим примеры росписей из пещеры Хуштлилауака, расположенной в 5 километрах от города Колотлипа (штат Герреро, Мексика). Это длинная пещера с километровыми ходами на разной глубине. Все наскальные изображения локализуются в самом нижнем коридоре. Полихромная Роспись 1 выполнена в красном, желтом и черном (рис. 1d). На ней представлен антропоморфный персонаж в облики ягуара: на руках и ногах черные точки, передающие рисунок шкуры ягуара, показан хвост. Он возвышается над сидящей небольшой фигурой персонажа с бородкой, на лице маска черного цвета. Возможно, это карлик, его поза типична для ольмекской скульптурной традиции: ноги скрещены в позе полулотоса, туловище наклонено вперед, он опирается на прямые в локтях вытянутые руки (рис. 1b). Оба персонажа имеют круглые ушные вставки и головные уборы, что указывает на их принадлежность к нобилитету. У персонажа справа головной убор украшен зелеными перьями, в руках показаны некие ритуальные предметы, на спине – накидка черного цвета. Рейли рассматривает эту сцену как видение предка, который явился сидящему в пещере²⁰. Другая интерпретация принадлежит Ко, который полагает, что это сцена жертвоприношения, и на основании сравнительного иконографического анализа относит изображение к раннеформативному периоду

¹⁵ Rowe, Steelman 2004, 1059.

¹⁶ Grove 1987.

¹⁷ Martinez 1985; 1994.

¹⁸ Дэвлет 2000; Robles, Schoenberg 2006.

¹⁹ Grove 1987.

²⁰ Reilly 2003.

(1200–900 до н.э.), предполагая, что это одно из самых ранних изображений ольмекского правителя²¹.

Помимо Росписи 1 на той же стене представлен человек с вытянутыми руками («Фигура С») (рис. 1е), сходный с показанным на алтаре 4 из Ла-Венты иконографическим мотивом «мужчины в нише» – появляющимся из портала антропоморфным изображением. Однако Фигура С сохранилась не полностью, уцелел только контур туловища, рук и головного убора. Далее по коридору расположен Рисунок 2 – стоящий антропоморфный персонаж в набедренной повязке (рис. 2а). Специфический разрез глаза, открытый рот и головной убор в виде шлема указывают на наличие ольмекского влияния на наскальные росписи штата Герреро, однако плохая сохранность препятствует более детальным выводам.

Оба примера из Хуштлауаки свидетельствуют о наличии устойчивого канона в изображении персонажа в богатом головном уборе, вылезающего из портала или пещеры. Мотив, который воплотился в высоком рельефе в монументальных памятниках Ла-Венты и Сан-Лоренсо, был достаточно широко распространен и находил свое воплощение в разных материалах, в данном случае в росписях на скалах. В росписях пещеры Хуштлауака для красных оттенков использована охра. В наскальном искусстве Мезоамерики применялся ограниченный набор красок: это в основном минеральные пигменты, к которым в качестве примесей могли добавляться древесный уголь или пережженная кость²².

Пожалуй, одно из наиболее известных наскальных изображений с элементами ольмекской иконографии – Панно 1 (Mural 1) (рис. 2а)²³ из пещеры Оштотитлан, расположенной в 500 км от Хуштлауаки близ города Чилапа (Герреро, Мексика). Это полихромная роспись с использованием красного, желтого, коричневого и нескольких оттенков зелено-голубого. Антропоморфный персонаж в костюме птицы сидит на троне, изображенном в виде разинутой пасти змеи с клыками, в глаза которой вписаны крестики. Подобное изображение змеи известно на алтаре 4 из Ла-Венты²⁴. Следует отметить, что главный персонаж алтаря 4 появляется из своеобразного портала в особом головном уборе в виде головы птицы, созвучном с птичьим обликом персонажа с Панно 1. Еще одной деталью, указывающей на распространение ольмекской иконографии, является прямоугольная пектораль с элементом косоугольного креста, выполненная на груди персонажа с Панно 1. Подобные пекторали встречаются повсеместно в ольмекской скульптуре, например, на монументе 77 из Ла-Венты (рис. 2с).

Еще одно изображение в ольмекской стилистике – Рисунок 1-d из Оштотитлана (рис. 2d). Черным показан мужчина с поднятой вверх правой рукой и ягуар. Изначально эта группа рассматривалась как единое целое, однако на основании иконографического анализа было установлено, что фигура ягуара была дорисована позднее²⁵. Можно утверждать, что стилистически изображения очень разные: ягуар выполнен в декоративной манере, все его туловище украшено завитками и точками, обозначающими пятна на шкуре, а персонаж слева в монохромном

²¹ Сое 1968.

²² Дэвлет, Грешников, Фахри 2015.

²³ Grove 1970.

²⁴ Taube 2004.

²⁵ Grove 1970.

Рис. 2.

- a. Роспись 2, Хуштлиауака. Прорисовка: Lambert;
- b. Панно 1, Оштотитлан. Прорисовка: Grove 1969: fig. 2;
- c. Монумент 77, Ла-Вента. Фото: Deihl 2004;
- d. Рисунок 1-d, Оштотитлан. Прорисовка: Grove 1970: fig. 13;
- e. Маска из жада. Фото: The Olmec World 1995: 266

исполнении нарисован сдержано. Изображение мужчины характеризуется типично ольмекскими элементами, такими, как форма глаза и опущенные вниз уголки рта (рис. 2е).

В 2017 г. были взяты образцы для радиоуглеродного датирования Панно 1. Получены две даты: 2200-1980 гг. до н.э. и 1510-1420 гг. до н.э. Первая дата отвергается как недостоверная, исследователи принимают лишь вторую – 1510-1420 гг. до н.э.²⁶, что позволяет отнести памятник к раннеформативному периоду. В то же время на основании стилистики росписи в пещере Оштотитлан относят к среднеформативному периоду (не ранее 900 г. до н.э.)²⁷.

Близ города Тлапа (Герреро, Мексика) известен скалистый навес Какауасики, отстоящий в западном направлении на 500 км от вышеописанных пещер.

²⁶ Russ et al. 2017.

²⁷ Stone 1995.

Наскальные росписи Какауасисики включают более ста простых схематичных и неопределенных фигур, однако Росписи 1 и 2, несомненно, обладают чертами «ольмекского стиля» (рис. 3). На Росписи 1 показан человек с поднятой рукой, что встречалось уже в Оштотитлане и Хуштлауаке, а его головной убор в виде шлема характерен для колоссальных голов из Сан-Лоренсо (рис. 1а). Роспись 2 – частично сохранившаяся фигура персонажа в головном уборе, декорированном символическими элементами. Изображение выполнено в желтом, белом и с небольшим добавлением красного цветов²⁸.

На примере описанных памятников можно выделить следующие общие черты для наскальных росписей с чертами «ольмекского стиля»: использование ярких цветов (желтый, красный, терракотовый, черный и несколько оттенков зелено-голубого), большой размер (Панно 1 из Оштотитлана имеет размеры 2,8 на 3,5 м.; одна из неоконченных фигур на Росписи 2 из Какауасисики в завершённом варианте превышала бы человеческий рост, а роспись «Диабло-Рохо» достигает 1,88 м). Тяга к монументальности типична для ольмекского искусства: колоссальные головы, стелы, скульптуры больше человеческого роста и объема. Характерный каноничный набор иконографических мотивов в «ольмекском стиле», как, например, изображение шлема, особого разреза глаз, опущенных вниз уголков рта, имитирующих пасть ягуара, а также своеобразные позы сидящих людей, нашли отражение и в наскальном искусстве.

Тем не менее, несмотря на выявленные характерные для ольмекской иконографии элементы, нельзя утверждать, что наскальные изображения создавались непосредственно носителями ольмекской культуры. Во всех случаях вместо типичных для ольмекской традиции каменных блоков используются скальные плоскости под открытым небом и стены пещер, а вместо техники высокого рельефа – роспись. Это указывает на местную трансформацию ольмекских традиций. Не имея возможности воплотить полюбившуюся иконографию в монументальной скульптуре, художники выбрали более доступный медиум, переработали систему

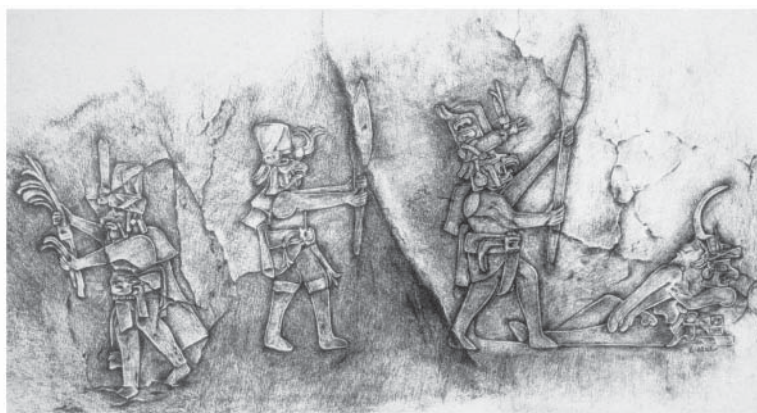

Рис. 3.

а. Роспись 1, Какауасисики;

б. Роспись 2, Какауасисики. Прорисовки: Villela 1989

²⁸ Villela, Samuel 1989, 37–48.

a

b

c

Рис. 4.

a. Монумент 2, Чалькацинго. Прорисовка: Grove 1968;

b. Монумент 1, Чалькацинго. Прорисовка: Grove 1968;

c. Монумент 1, Теопантекуанитлан. Прорисовка: Schele

образов и предпочли альтернативный вариант – наскальную роспись. Характерные элементы ольмекской иконографии в наскальной росписи получили название «ольмекского стиля». Потребность отразить и воплотить контакты с представителями ольмекской культуры именно на каменном носителе объясняется богатой многовековой традицией использования и почитания камня в культурах Мезоамерики и Центральной Америки²⁹.

На территории предгорья Гватемалы на рубеже веков складывалась собственная самобытная художественная система, которая в дальнейшем положит начало классическому искусству майя. Если принять радиоуглеродную дату росписи «Диабло-Рохо», можно предположить, что композиция создавалась на рубеже II и I тысячелетий до н.э. (примерно около 1020 г. до н.э.). В это время, по данным

²⁹ Фахри 2016.

археологии, на территории Гватемальского нагорья начинается демографический подъем, но фиксируются все еще небольшие деревни, а не политические центры³⁰. В непосредственной близости от «Диабло-Рохо» самым крупным политическим центром формативного периода был Каминальхуйю, а ранние слои этого памятника датируются не раньше рубежа XI–VIII вв. до н.э. (начало фазы Лас-Чаркас, 800–350 гг. до н.э.)³¹. Социальная иерархия на рубеже II и I тысячелетий до н.э. на этой территории не выявляется: отсутствуют различия в жилой застройке, монументальная скульптура и архитектура появляются лишь с 900 г. до н.э. Вне социальной стратификации общества цель создания такого масштабного и иконографически сложного памятника как «Диабло-Рохо» остается неясной. Однако он, несомненно, связан с влиянием культуры ольмеков: помимо рассмотренных стилистических черт, сама идея использования ярких красок, по-видимому, тоже была заимствована с севера.

Наскальные изображения с элементами ольмекского стиля в пещерах Герреро стилистически относят к среднеформативному периоду (не ранее чем к 900 г. до н.э.)³². Примерно в это же время в регионе появляется и монументальная скульптура, в которой в полной мере воплотился «ольмекский стиль». Появляются такие памятники, как Монументы 1 и 2 из Чалькацинго, а также Монументы 1–4 из Теопантекуанитлана (Герреро, Мексика) (рис. 4). В контексте тесных контактов Чалькацинго и Теопантекуанитлана с побережьем Мексиканского залива (на что указывает наличие керамики и мелкой пластики ольмеков на территории штатов Морелос и Герреро, а также наличие торговых связей между двумя областями) появление наскальных росписей с чертами ольмекского стиля кажется вполне закономерным.

Что касается данных по ¹⁴C для росписей штата Герреро, то Панно 1 из пещеры Оштититлан датируется 1510–1420 гг. до н.э., а данные стилистического анализа причисляют роспись к среднеформативному периоду (не ранее 900 г. до н.э.). Несмотря на то, что первые поселения в Чалькоцинго и Теопантекуанитлане появляются примерно с 1500 г. до н.э., стоит подчеркнуть, что это небольшие деревни, далекие до уровня вожеств, которые складываются здесь на рубеже II–I тысячелетий до н.э.³³ Появление изображения правителя на троне при отсутствии правящей элиты кажется маловероятным, что позволяет поставить под сомнение точность единичных радиоуглеродных дат. Гораздо более обоснованной кажется датировка, основанная на стилистическом анализе изображений и элементов «ольмекского стиля»³⁴.

Наличие торговых путей повлияло на распространение иконографических образов и традиции монументальной скульптуры ольмеков на отдаленные от Мексиканского залива территории. Однако в новой культурной среде иконографические образы ольмеков нашли новую форму для выражения – наскальную роспись.

³⁰ Беляев 2012а, 9.

³¹ Inomata 2014.

³² Stone 1995.

³³ Grove 1987; Martinez 1985.

³⁴ Coe 1968; Gay 1967; Grove 1969.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, Д.Д. 2012а: Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э. *Ойкумена*, 3, 8–22.
- Беляев, Д.Д. 2012б: Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской археологической культуры. *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции*, 3–29.
- Гуляев, В.И. 2014: Ольмеки в доколумбовой Мезоамерике: вождество или государство? *КСИА* 236, 378–282.
- Дэвлет, Е.Г., Грешников, Э.А., Фахри, А.И. 2015: Естественнаучные методы в изучении мезоамериканских пигментов доиспанского периода на скалах и в пещерной живописи. *Вестник Кемеровского государственного университета* 2 (62) Т. 6., 18–23.
- Дэвлет, Е.Г. 2000: *Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки*. М.
- Дэвлет, Е.Г. 2002: *Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование*. М.
- Табарев, А.В. 2005: *Древние ольмеки: история и проблематика исследований*. Новосибирск.
- Фахри, А.И. 2016: Традиция почитания камня и стелы майя. В сб.: В.В. Боброва (ред.), *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции*. Кемерово, 215–216.
- Bishop, R. 1984: El análisis por activación de neutrones de la cerámica de El Mirador. *Mesoamérica* 7. CIRMA, 103–110.
- Clark, J.E. 1987: *Politics, prismatic blades, and Mesoamerican Civilization, in The organization of core technology*. Westview Press, Boulder, CO, 259–284.
- Coe, M.D. 1968: *America's First Civilization. Discovering the Olmec*. New York.
- Сыфферс, А. 2004: *Escultura olmeca de San Lorenzo Tenochtitlan*. Mexico.
- Сыфферс, А. 2007: Surgimiento y decadencia de San Lorenzo, Veracruz. *Arqueología Mexicana*. XV (87), 36–42.
- Diehl, R.A. 2004: *The Olmecs: America's First Civilization*. London.
- De la Fuente, B. 1996: Homocentrism in Olmec Monumental Art. *Olmec Art of Ancient Mexico*, 41–49. Washington.
- Ebert, C.E., Dennison, M., Hirth, K.G., McClure, S.B., Kennett, D.J. 2014: *Formative Period Obsidian Exchange Along the Pacific Coast of Mesoamerica*. Oxford.
- Ericastilla, S. La Foto y el Calco de Diablo Rojo, <http://arterupestredeguatemala.blogspot.ru/2010/03/el-diablo-rojo-en-1985-gary-rex-walters.html>
- Gay, C. 1967: Oldest cave painting of the New World. *Natural History* 76 (4), 28–35.
- Gomez, J., Kennett, D. J., Neff, H., Glascock, M.D., 2011: Early Formative Pottery production, mobility, and exchange on the Pacific coast of southern Mexico. *Journal of Island and Coastal Archaeology* 6, 333–350.
- Grove, D.C. 1987: *Ancient Chalcatzingo*. Austin.
- Grove, D.C. 1967: Juxtlahuaca cave (Guerrero) revisited. *Katunob* 6 (2), 37–40.
- Grove, D.C. 1968: *Chalcatzingo, Morelos, Mexico: A Reappraisal of the Olmec Rock Carvings*. *American Antiquity* 33, №4, 486–491.
- Grove, D.C. 1969: *Olmec Cave Paintings: Discovery from Guerrero, Mexico*. *Science* 164, 421–423.
- Grove, D.C. 1970: The Olmec cave paintings of Oxtotitlán Cave, Guerrero, Mexico. *Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology* 6. Washington.
- Grove, D.C. 1973: Olmec Altars and Myths. *Archaeology* 26, 128–135.
- Griffin, G.G. 1967: Cave trip discloses earliest American art. *University* 34, 6–9.

- Houston, S. Stuart, D., Taube K. 2006: *The Memory of Bones. Body, Being, and Experience among the Classic Maya*. Austin.
- Inomata, T., Ortiz, R., Arroyo, B., Robinson, E.J. 2014: Chronological revision of preclassic Kaminaljuyú, Guatemala: Implications for social processes in the Southern Maya Area. *Latin American Antiquity* 25, № 4, 377–408.
- Lambert, A.F. *Juxtlahuaca Redux*, The Post Hole, Issue 26, http://www.theposthole.org/sites/theposthole.org/files/downloads/posthole_26_185.pdf
- Leicht, R. 1972: The Dos Peñas rock paintings: A local style from the Chilapa región, Guerrero. *Katunob* 8 (1), 58–69.
- Mata G. 1998: Reporte de una visita al pictograma del Cerro La Mariposa, conocido como “Diablo Rojo”. *Utz'ib* 2 (4), 27–29.
- Martinez, G. 1985: El sitio olmeca de Teopantecuanitlan en Guerrero. *Anales de Antropologia* 22, 215–226.
- Martinez, G. 1994: Los olmecas en el estado de Guerrero. *Los Olmecas en Mesoamérica*, 143–164.
- Neff, H., Glascock, M.D. 2002: *Instrumental neutron activation analysis of Olmec pottery*. Columbia.
- Nelson, F.W., Clark, J.E. 1998: Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica. *Rutas de intercambio en Mesoamérica. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera*, 277–333.
- Popenoe de Hatch, M., Galindo, A. 2010: Rutas comerciales del Preclásico entre el altiplano y la Costa Sur de Guatemala: Implicaciones Sociopolíticas. *Simposio XXIII de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 13–28.
- Porter, J.B. 1989: Olmec Colossal Heads as Recarved Thrones: “Mutilation,” Revolution, and Recarving”. *Ethnology RES: Anthropology and Aesthetics* (17/18), 22–29.
- Reilly, F.K., Garber, J.F. 2003: The Symbolic Representation of Warfare in Formative Period Mesoamerica. *Ancient Mesoamerican Warfare*, 127–148.
- Robles R., Ma., Schoenberg P. 2006: E estilo olmeca en Guerrero. *Arqueología Mexicana* XIV – Núm. 82, 38–41.
- Rowe, M., Steelman, K. 2004: El “Diablo Rojo” de Amatitlán: Aplicación de una técnica no destructiva de cronología por radiocarbono. *XVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 1059–1070.
- Schele, L. *The Linda Schele Drawings Collection*, http://research.famsi.org/schele_list.php?_allSearch=olmec
- Stone, A. 1995: *Images from the underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya caves painting*. Austin.
- Taube, K. 2004: *Pre-Columbian art at Dumbarton Oaks*. Washington.
- Villela, F., Samuel, L. 1989: Nuevo testimonio rupestre olmeca en el oriente de Guerrero. *Arqueología* 2, 37–48.

REFERENCES

- Belyaev, D.D. 2012a: Pod senyu Ptichego Bozhestva: formirovanie ideologii tsarskoy vlasti na Gvatemalskom nagor'e v I tyis. do n.e. [Under the aegis of the Principal Bird Deity: Ideology of royal power in the Guatemalan Highlands in the 1st mil. B.C.] *Oykumena [Oecumene]* 3, 8–22.
- Belyaev, D.D. 2012b: Esche raz k voprosu o sotsialno-politicheskoy organizatsii olmekskoy arkheologicheskoy kultury [Once More on the Issue of Socio-political Organization of the Olmec Archaeological Culture]. *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obschestv: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Political Anthropology in Traditional and Contemporary Societies: Materials of the International Conference]*, 3–29.

- Bishop, R. 1984: El análisis por activación de neutrones de la cerámica de El Mirador. *Mesoamérica* 7. CIRMA, 103–110.
- Clark, J.E. 1987: *Politics, prismatic blades, and Mesoamerican Civilization, in The organization of core technology*. Westview Press, Boulder, CO, 259–284.
- Coe, M.D. 1968: *America's First Civilization. Discovering the Olmec*. New York.
- Cyphers, A. 2004: *Escultura olmeca de San Lorenzo Tenochtitlan*. Mexico.
- Cyphers, A. 2007: Surgimiento y decadencia de San Lorenzo, Veracruz. *Arqueología Mexicana*. XV (87), 36–42.
- De la Fuente, B. 1996: Homocentrism in Olmec Monumental Art. *Olmec Art of Ancient Mexico*, 41–49. Washington.
- Devlet, E.G. 2000: *Khudozhestvennyye izdeliya iz kamnya indeytsev Tsentralnoy Ameriki* [Artefacts made from stone by native Central Americans]. Moscow.
- Devlet, E.G. 2002: *Pamyatniki naskalnogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispolzovanie* [Rock art sites: studies, conservation and management]. Moscow.
- Devlet, E.G., Greshnikov, E.A., Fakhri, A.I. 2015: Estestvennonauchnyye metody v izuchenii mezoamerikanskikh pigmentov doispanskogo perioda na skalakh i v peschernoy zhivopisi [Study of Mesoamerican pigments of the pre-columbian period in rock art and cave painting by the natural science methods]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerov State University Bulletin] 2 (62) T. 6., 18–23.
- Diehl, R.A. 2004: *The Olmecs: America's First Civilization*. London.
- Ebert, C.E., Dennison, M., Hirth, K.G., McClure, S.B., Kennett, D.J. 2014: *Formative Period Obsidian Exchange Along the Pacific Coast of Mesoamerica*. Oxford.
- Ericastilla, S. *La Foto y el Calco de Diablo Rojo*, <http://arterupestredeguatemala.blogspot.ru/2010/03/el-diablo-rojo-en-1985-gary-rex-walters.html>
- Fakhri, A.I. 2016: Traditsiya pochitaniya kamnya i stely mayya [The tradition of veneration of stone and the mayan stela]. In: V.V. Bobrova (red.), *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya): materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Archaeological Legacy of Siberia and Central Asia: Materials of the International Conference]. Kemerovo, 215–216.
- Gay, C. 1967: Oldest cave painting of the New World. *Natural History* 76 (4), 28–35.
- Gomez, J., Kennett, D.J., Neff, H., Glascock, M.D., 2011: Early Formative Pottery production, mobility, and exchange on the Pacific coast of southern Mexico. *Journal of Island and Coastal Archaeology* 6, 333–350.
- Griffin, G.G. 1967: Cave trip discloses earliest American art. *University* 34, 6–9.
- Grove, D.C. 1967: Juxtlahuaca cave (Guerrero) revisited. *Katunob* 6 (2), 37–40.
- Grove, D.C. 1968: *Chalcatzingo, Morelos, Mexico: A Reappraisal of the Olmec Rock Carvings*. American Antiquity 33, №4, 486–491.
- Grove, D.C. 1969: *Olmec Cave Paintings: Discovery from Guerrero, Mexico*. Science 164, 421–423.
- Grove, D.C. 1970: The Olmec cave paintings of Oxtotitlán Cave, Guerrero, Mexico. *Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology* 6. Washington.
- Grove, D.C. 1973: Olmec Altars and Myths. *Archaeology* 26, 128–135.
- Grove, D.C. 1987: *Ancient Chalcatzingo*. Austin.
- Gulyaev, V.I. 2014 Olmeki v dokolumbovoy Mezoamerike; vozhdstvo ili gosudarstvo? [Olmecs in pre-colombian Mesoamerica: chiefdom or state] *Kratkie soobsheniya instituta arkheologgii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 236, 378–282.
- Houston, S. Stuart, D., Taube, K. 2006: *The Memory of Bones. Body, Being, and Experience among the Classic Maya*. Austin.

- Inomata, T., Ortiz, R., Arroyo, B., Robinson, E.J. 2014: Chronological revision of preclassic Kaminaljuyú, Guatemala: Implications for social processes in the Southern Maya Area. *Latin American Antiquity* 25, № 4, 377–408.
- Lambert, A.F. *Juxtlahuaca Redux*, The Post Hole, Issue 26, http://www.theposthole.org/sites/theposthole.org/files/downloads/posthole_26_185.pdf
- Leicht, R. 1972: The Dos Peñas rock paintings: A local style from the Chilapa región, Guerrero. *Katunob* 8 (1), 58–69.
- Martínez, G. 1985: El sitio olmeca de Teopantecuanitlan en Guerrero. *Anales de Antropología* 22, 215–226.
- Martínez, G. 1994: Los olmecas en el estado de Guerrero. *Los Olmecas en Mesoamérica*, 143–164.
- Mata G. 1998: Reporte de una visita al pictograma del Cerro La Mariposa, conocido como “Diablo Rojo”. *Utz ib* 2 (4), 27–29.
- Neff, H., Glascock, M. D. 2002: *Instrumental neutron activation analysis of Olmec pottery*. Columbia.
- Nelson, F.W., Clark, J.E. 1998: Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica. *Rutas de intercambio en Mesoamérica. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera*, 277–333.
- Popenoe de Hatch, M., Galindo, A. 2010: Rutas comerciales del Preclásico entre el altiplano y la Costa Sur de Guatemala: Implicaciones Sociopolíticas. *Simposio XXIII de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 13–28.
- Porter, J.B. 1989: Olmec Colossal Heads as Recarved Thrones: “Mutilation,” Revolution, and Recarving”. *Ethnology RES: Anthropology and Aesthetics* (17/18), 22–29.
- Reilly, F.K., Garber, J.F. 2003: The Symbolic Representation of Warfare in Formative Period Mesoamerica. *Ancient Mesoamerican Warfare*, 127–148.
- Robles R., Ma., Schoenberg P. 2006: El estilo olmeca en Guerrero. *Arqueología Mexicana* XIV - Núm. 82, 38–41.
- Rowe, M., Steelman, K. 2004: El “Diablo Rojo” de Amatitlán: Aplicación de una técnica no destructiva de cronología por radiocarbono. *XVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 1059–1070.
- Schele, L. *The Linda Schele Drawings Collection*, http://research.famsi.org/schele_list.php?_allSearch=olmec
- Stone, A. 1995: *Images from the underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya caves painting*. Austin.
- Tabarev, A.V. 2005: *Drevnie olmeki: istoria i problematika issledovaniy* [Ancient Olmec: history and research topics: Syllabus]. Novosibirsk.
- Taube, K. 2004: *Pre-Columbian art at Dumbarton Oaks*. Washington.
- Villela, F., Samuel, L. 1989: Nuevo testimonio rupestre olmeca en el oriente de Guerrero. *Arqueología* 2, 37–48.

ON ELEMENTS OF OLMEC ICONOGRAPHY IN ROCK ART SITES IN MEXICO AND GUATEMALA

Sandra A. Khokhryakova*, Amina I. Fakhri**

*Russian State University for the Humanities, Russia,
s.viskanta@gmail.com

**Institute of Archaeology, RAS, Russia,
akhri.amina@gmail.com

Abstract. The article examines the examples of rock art surviving in Mexico and Guatemala where the iconography includes features of the ‘Olmec style’. The chronological and

geographical extension of these painted images on rock outcrops and inside caves, as well as the canonical set of elements of the “Olmec style” are considered. The open-air site “Diablo Rojo” on Lake Amatitlan (Guatemala) is compared with rock paintings from the caves of Juxtlahuaca, Oxtotitlan and Cacahuaziziqui (Guerrero, Mexico), located almost 800 kilometers. The article represents the results of comparing of the data of comparative iconographic and radiocarbon analysis. The development of the iconographic tradition and the formation of the drawing canon become evident in the analysis of rock paintings that have embodied the search for means of artistic expression and important mythological subjects for those who inhabited these lands more than three thousand years ago. Such iconographic motifs are under consideration as kinds of headdresses, typical for the Olmec culture, the elements of an image of a human face (the section of the eyes, the corners of the mouth, pointing downwards), and the most common type of monumental Olmec sculpture – ‘the man in the niche’. The focus of the study is rock art with elements of ‘Olmec iconography’ that are found outside the range of Olmec culture. The authors of the article question the reasons for the creation of such monuments in the territories so remote from the homeland of the Olmec. We argue that one of the possible ways of transferring iconographic motifs is the development of trade relations between the Olmec and remote regions of contemporary Guerrero and Amatitlan.

Key words: rock art, iconography, Olmec art, pre-Columbian archaeology, Mesoamerica

ТВОРЕНИЕ МЫСЛИ И РУК: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК МАЙЯ I тыс. н.э.

И.Ю. Демичева

*Нижегородский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического
университета, Нижний Новгород,
iudem@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные технологические особенности производства терракотовых статуэток майя классического периода. Выделяются особенности свойств глинистого материала на майяских территориях, анализируются процессы создания формовочной массы, специфика изготовления терракотовых статуэток, процесс декорирования и сушки, обжига и покраски, дается подробная характеристика всех этапов производства с учетом их специфики. Подробно характеризуются ручной способ изготовления, производство терракот с помощью форм и комбинированными способами, отмечено использование техник зашивов, вдавлений и налепов в процессе изготовления и декорирования. Представлена информация о разнообразных красителях, которые использовали мастера при покраске фигурок, изготавливаемых преимущественно из минералов и растений. Проанализированы их цветовые особенности и условия создания. Особое внимание уделено наиболее распространенным у майя и применяемым в большинстве областях изобразительного искусства голубому и синему пигментам, которые производились из глинистого материала палыгорскита и индиго.

Дается характеристика специализированных мастерских по изготовлению терракотового материала, где располагались места создания формовочной массы (шихты), рабочая зона, место для сушки и обжига. Последняя зона чаще выносилась за пределы домовладения. Описываются структура и строение мест для обжига (преимущественно костров), использованных майя в создании керамической продукции. Дается информация о социальном статусе изготовителя глиняных фигурок: профессиональных коропластах и простых общинниках.

Представлены последние научные данные зарубежных исследователей, полученные с учетом современных естественно-научных методов анализа археологического материала.

Ключевые слова: майя, глина, терракотовые статуэтки, технология производства

Майяская фигуративная пластика I тыс. н.э. по праву может считаться одним из интереснейших направлений в изучении археологического материала Мезоамерики. Всесторонний и детальный анализ данного источника позволяет значи-

Демичева Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Нижегородского института (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета.

тельно расширить и углубить информативную базу о динамике развития майяской культуры.

Характеристика терракотового материала в настоящее время не ограничивается исключительно методами описательного характера, которые, впрочем, позволяют отследить некоторые общие этапы технологического процесса. На ключевые позиции стали выходить современные естественнонаучные методы анализа, выводящие изучение технологических характеристик на новый качественный уровень. Детально исследуется текстура, химический состав формовочной массы, изменение свойств материала при изменении температурного режима и т.д.

В целом, технология производства фигурок довольно сложный и многоступенчатый процесс. При этом необходимо учитывать не только все этапы изготовления фигурок, но и навыки мастера изготовителя, условия, в которых терракота была произведена, особенности исходного материала.

Глина по праву считается одной из самых универсальных горных пород. В первую очередь это обуславливается ее уникальными свойствами. Наиболее значимые из них – пластичность, огнеупорность и низкая водопроницаемость. Немаловажное значение имеет и широкое повсеместное распространение глины. По условиям образования исследователи выделяют континентальные, лагунные и морские глинистые породы¹.

Процесс формирования глин, как и других осадочных пород, состоит из нескольких последовательных стадий, которые разделяются на два этапа: седиментогенез и литогенез. Первый включает в себя стадии мобилизации вещества, его переноса, или миграции, и накопления (седиментации). Второй – диагенез, катагенез и метакатагенез².

Работая с глинами Юкатана, Вэйн Айсфординг предполагает, что лагунные и морские глинистые породы образовались за счет прямой кристаллизации в лагунах и на морском мелководье в районе Юкатана с водой повышенной солености³. Процесс кристаллизации произошел в период миоцена. Морское течение перенесло часть потоков на частично затопленную в это время известковую платформу. В результате этого близ устьев рек образовались смектитовые и каолиновые глины⁴. Любая глинистая порода имеет трехфазную систему, которая включает в себя минеральный компонент, воду и газовую составляющую⁵. Минеральный компонент определяется основой минералогического состава глины, который разделяет глины на несколько групп. Наиболее распространенными минералами являются монтмориллонит (к которым относится сапонит, нонтронит, вермикулит), каолин (каолинит, накрит, галлаузит, диксит, аноксит, энделлит), гидрослюда (гидромусковит, иллит) и палыгорскит (сепиолит, аттапульгит, палыгорскит)⁶.

В районе Юкатана наиболее распространены глины, основным компонентом которых является палыгорскит и сепиолит⁷. Географически палыгорскит преоб-

¹ Гольдберг, Скворцов 1986, 7.

² Малиновский 2013, 17–18.

³ Isphording 1973, 396.

⁴ Isphording 1973, 396.

⁵ Гольдберг, Скворцов 1986, 9.

⁶ Котельников, Конюхов 1986.

⁷ Isphording 1973, 396.

ладает в северо-западной части полуострова⁸. Кроме того, периодически он встречается и в других районах Юкатана⁹. Сепиолитовые, монтмориллонитовые и каолиновые глины чаще располагаются в его южной части¹⁰.

Цвет глин во многом определяется их минеральным составом и наличием тех или иных примесей. Так, например, мономинеральные глины, как правило, имеют белую или светло-серую окраску с разными оттенками¹¹. А.А. Каздым, проводя работу по характерным особенностям глинистых пород, отмечает следующую взаимосвязь цвета глины от их составляющих: каолиновые и палыгорскитовые глины отличаются белым и светло-серым цветом. Последний может быть связан с присутствием карбоната кальция. Гидробиотит придает глинам желто-коричневый оттенок. В красный, красно-коричневый, желто-красный цвет глина окрашивается за счет наличия оксида и гидроксида железа. Остатки растений, углей, битумов и ряда других органических веществ придают глинам коричневый и темно-коричневый оттенок; серый, темно-серый и черный цвета она получает за счет наличия сульфата железа¹². Практически весь цветовой диапазон глин представлен и на некогда майяских территориях.

Такие глины могли располагаться линзами и слоями, толщина которых варьировалась от нескольких миллиметров до трех метров¹³. Широкая доступность данного природного материала позволяла мастерам развивать не только собственное гончарное производство, но изготовление мелкой глиняной фигуративной пластики. Исходя из этого, стоит отметить, что качество любого конечного продукта зависело не только от качества глинистого материала, но и от уровня мастерства ремесленника или изготовителя.

Применительно к классическому периоду развития цивилизации майя, допустимо говорить о том, что до появления узких специалистов коропластов, изготовлением фигурок параллельно с изготовлением бытовой керамики занимались женщины в рамках семьи и домашнего культа. Например, в Агуатеке (Петен, Гватемала) значительная масса терракот была выявлена вблизи мест проживания женщин и детей¹⁴.

Вероятно, что такая практика продолжала существовать и с выделением профессиональных гончаров-ремесленников, создающих высококачественный товар разного назначения, ориентированный в основном на рынок и на потребителей разного уровня достатка и различного статуса.

К сожалению, несмотря на интенсивные археологические раскопки майяских территорий, сведения о мастерских по изготовлению терракотовых статуэток до сих пор крайне фрагментарны и разрозненны. Есть упоминание о наличии их в районе Чонтальпы (штат Табаско, Мексика), в небольшом городе Тьера-Нуэва на острове Хайна¹⁵. В настоящий момент из-за небольшого количества данных сложно детально реконструировать их организационное устройство. Кроме того,

⁸ Fortoul 2009, 103.

⁹ Sánchez del Río, Suárez Barrios, García Romero 2009, 228.

¹⁰ Isphording 1973, 396.

¹¹ Коваль 2006, 71.

¹² Каздым 2015.

¹³ Isphording 1973, 398.

¹⁴ Triadan 2007, 285.

¹⁵ Гуляев 1979, 67.

одним из ключевых маркеров наличия производства являются сами фигурки и их формы, которые не являлись штучным товаром и выявлялись практически в каждом домохозяйстве. Тем не менее некоторые комплексы можно идентифицировать в качестве мест по производству терракот из-за большого количества найденных там форм для фигурок и самих фигурок. Так, например, в результате археологических раскопок с 1991 по 2003 гг. на территории Агуатеки (Петен, Гватемала) были обнаружены структуры К7-11 и М8-19, располагавшиеся на низких, трудно определяемых прямоугольных платформах. В строениях было выявлено около 31,72% всех фигурок и форм, обнаруженных за время раскопок с 1996 по 2003 гг.¹⁶ Остатки керамического производства находились в мусорных ямах в группе «С» в Мотуль-де-Сан-Хосе (Петен, Гватемала). Также там были найдены скопления вулканического пепла, обожженной глины, оксида железа (использованного для получения красителя) и костяная булавка с остатками красной краски на конце¹⁷, т. е. необходимые инструментарий и материалы, используемые на разных стадиях производства.

Идентификация специализированных мастерских усложняется тем, что их сложно вычленишь в целом ряде строений, явно связанных с изготовлением керамической продукции. Например, в Тикале мастера, проживавшие в строении 4Н-1, наряду с производством полихромной керамики изготавливали и терракотовые фигурки¹⁸.

Как отмечает Г. Фейнман, выделение любых форм ремесленной специализации на территории Мезоамерики изначально происходило на уровне общины и не носило автономный характер¹⁹. Кроме того, производство фигурок не находилось под контролем элит, так как следы производства выявляются и в строениях среднего статуса, и в не элитных архитектурных группах²⁰. М. Бекер, например, определяет мастеров по производству фигурок в отдельную профессиональную группу²¹.

Несмотря на разрозненность сведений, можно говорить о существовании производства фигурок в рамках домохозяйства и в рамках выделенных самостоятельных ремесленных мастерских. Несмотря на явные различия в уровне мастерства изготовителя, технологический процесс имел одну и ту же стадийность. В связи с этим места производства должны были быть «оснащены» «хранилищем» необходимого количества глины, запасом используемых примесей, рабочей зоной, местом сушки и, естественно, местом для обжига. Локализация зон не была типологически единой и определялась нуждами и возможностями конкретного домохозяйства²² (рис. 1). Несмотря на индивидуальные особенности, анализ изготовления фигурок можно охарактеризовать по следующим показателям: *формовочная масса, принцип лепки (включающий обработку и декорирование поверхности, сушку) и обжиг*. Региональные исследования тех или иных показателей

¹⁶ Halperin 2014, 177.

¹⁷ Halperin, Foias 2010, 398.

¹⁸ Becker 1983, 40.

¹⁹ Fainman 1999, 97.

²⁰ Halperin 2014, 175.

²¹ Becker 1983, 38.

²² Deal 2005.

проводились на материалах Мотуль-де-Сан-Хосе²³, Копана²⁴, горных районов Чиапаса (Мексика)²⁵, Алтарь-де-Сакрифисьюс²⁶, Агуатеки²⁷, о. Хайна²⁸, Кахаль-Печ (Белиз)²⁹. Учитывая репрезентативность региональных выборок, можно выстроить единую картину технологии изготовления фигурок майя I тыс. н.э.

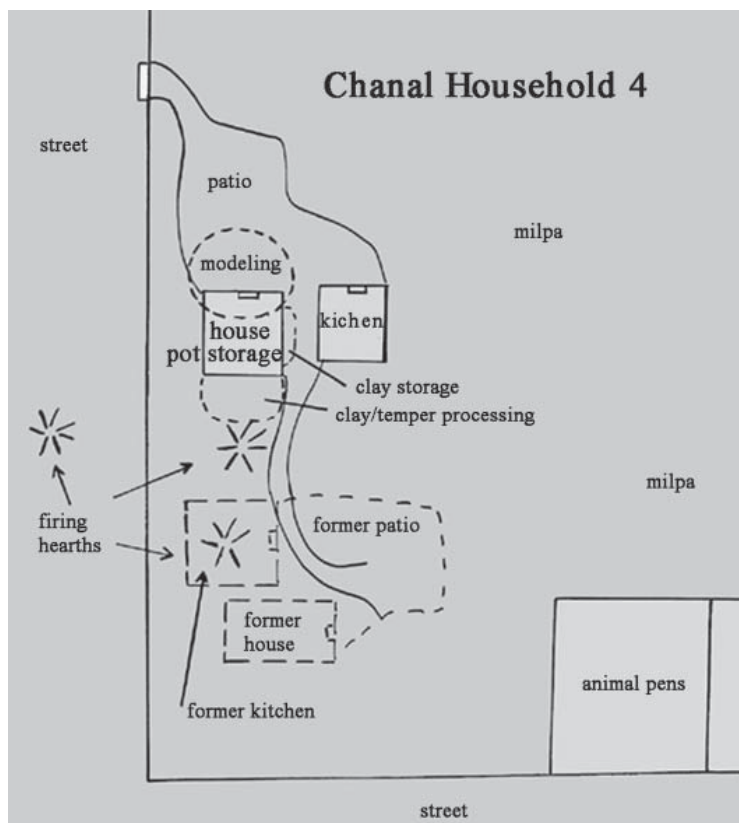

Рис. 1. Схема места производства керамической продукции (Ранее опубликовано: Deal, 2005)

Первым этапом в изготовлении фигурок может считаться выбор необходимой глины и создание формовочной массы или шихты, с которой впоследствии и будет работать коропласт. В каждом конкретном регионе использовалась наиболее доступная глина. Поэтому, учитывая специфические химические и физические свойства ряда глин, для достижения наилучшего качества изделия в глину помещали различные добавки.

²³ Halperin 2007, 109.

²⁴ Willey, Leventhal, Demarest and Fash 1994, 23, 43, 65.

²⁵ Bryant 1988, 30, 34, 40, 50.

²⁶ Willey 1972, 14.

²⁷ Triadan 2007.

²⁸ Piña 1968, 65; Tzadik 2014, 22–23.

²⁹ DeLance 2016, 140–144.

В настоящее время исследование *формовочной массы* не ограничивается рассмотрением и описанием шлифов с помощью бинокля. Используется оптическая, сканирующая электронная и атомно-силовая микроскопия (изучение текстуры материала), разные виды химического анализа (изучение химического состава формовочных масс), рентгенофазовый анализ для определения кристаллических фаз, петрографический анализ (для рассмотрения количественного и качественного соотношения между компонентами формовочной массы), всевозможные термические методы для изучения изменений свойств керамики при изменении температуры. К сожалению, эти исследования требуют хоть и незначительного, но все же повреждения источника, поэтому их невозможно проводить на целых фигурках или музейных экспонатах. Кроме того, для успешного результата необходима значительная выборка образцов, что часто сложно выполнимо.

Тем не менее такие исследования необходимы не только для собственно характеристики керамического источника, но и для более широкой интерпретации. Например, после изучения терракотовых статуэток, найденных в различных архитектурных группах Мотуль-де-Сан-Хосе посредством бинокля, петрографического анализа и INAA (ИНАА – Инструментальный Нейтронный Активационный Анализ), удалось выявить стабильное присутствие терракот с нехарактерной для этого региона формовочной массой. Данный факт еще раз подтверждает наличие широких торговых отношений³⁰. В связи с этим детальное изучение состава шихты представляет одно из перспективных направлений исследований при характеристике керамической продукции в целом и терракотовых статуэток в частности.

В целом формовочная глинистая масса была хорошо перемешана и вымучена. В качестве отошителей добавляли наиболее распространенный в этой местности материал. В Мотуль-де-Сан-Хосе чаще встречаются частицы вулканического пепла³¹. Кроме того, ссылаясь на исследования Элли Спенслей по сравнительному анализу формовочной массы терракот и полихромной, монокромной керамики данной территории, К. Хальперин упоминает, что в ряде случаев в качестве отошителей для терракот и керамики могли быть использованы одни и те же элементы (в частности вулканический пепел)³². Кроме того, он выполнял функцию противоусадочной добавки и способствовал упрочнению изделия.

На территории Копана, чаще всего использовались песок, пемза, фрагменты обожженной глины³³. Эти добавки отощают жирную глину, при этом уменьшая ее пластичность и уменьшая усадку изделия. При высыхании изделия, выполненные из слишком жирной глины, могут деформироваться и значительно терять в размере.

В горных районах Чиапаса (Мексика) наиболее популярны были вулканический пепел, кварцит, кальцит, биотит, гематит, железосодержащие примеси³⁴.

В Алтарь-де-Сакрифисьюс использовали в основном частицы кальцита и вулканический пепел³⁵. На территории Агуатеки выявлены статуэтки, формовочная

³⁰ Halperin 2014, 180–181.

³¹ Halperin 2007, 109.

³² Halperin 2007, 112.

³³ Willey, Leventhal, Demarest and Fash 1994, 23, 43, 65.

³⁴ Bryant 1988, 30, 34, 40, 50.

³⁵ Willey 1972, 14.

масса которых содержит карбонат и частицы железосодержащих руд³⁶. Коропласты с острова Хайна в качестве примесей чаще использовали песок, слюду и дробленую раковину³⁷.

Большое разнообразие добавляемых в шихту материалов свидетельствует о глубоких знаниях, связанных с производством керамической продукции. Создание качественной формовочной массы являлось одним из важных этапов в успешном изготовлении фигурки.

Затем следовала стадия собственно вылепливания изделия. Традиционно майя изготавливали фигурки тремя способами: вручную, с помощью форм и комбинируя эти две техники.

В майяской историографии способы изготовления фигурок исследователи характеризовали уже с момента обнаружения данного вида фигуративной пластики. И начиная с 30-х гг. XX века, когда собственно и были впервые определены эти способы, идет процесс их детального и всестороннего изучения.

О двух способах изготовления терракот вручную и в формах упоминает в своих работах М. Батлер³⁸. Она отмечает существование не только техники обжига статуэток, но и техники высушивания их на солнце³⁹. А. Рус Луилье дает обзорную характеристику изготовления терракот в формах⁴⁰, а А. Киддер касается ручного способа лепки предметов мелкой пластики⁴¹. М. Ко, характеризуя особенности развития низменных районов майя в предклассику, упоминает о фигурках, изготовленных вручную⁴². Р. Пинья Чан, анализируя терракотовые статуэтки острова Хайна, описывает все три способа изготовления терракот⁴³.

Терракоты, которые были вылеплены с использованием обеих техник, совмещали в себе разные вышеперечисленные признаки. В таких случаях туловище могло быть изготовлено более схематично, нежели голова. В статуэтке могли быть совмещены полые и цельные детали⁴⁴. Более подробно комбинированную технику изготовления статуэток характеризуют Р. Рэндс и Б. Рэндс⁴⁵. Разработанные в это время способы описания технологии изготовления фигурок напрямую были связаны с вопросами их группировки и типологизации. Зачастую способ изготовления брался за основу выделения разных типов терракот. Подобная практика используется и современными зарубежными исследователями керамической фигуративной пластики⁴⁶.

Несмотря на научные подходы, исследователи всецело отталкиваются от анализируемого материала. В вопросе изготовления фигурок принципиальных различий в подходах нет.

³⁶ Triadan 2007, 273.

³⁷ Piña 1968, 65.

³⁸ Butler, 1935.

³⁹ Butler 1935, 638.

⁴⁰ Ruz Lhuillier 1945.

⁴¹ Kidder, 1951.

⁴² Coe 1957, 16.

⁴³ Piña 1968.

⁴⁴ Piña 1968, 65.

⁴⁵ Rands and Rands, 1965.

⁴⁶ Halperin 2007, 116–117.

Ручной способ изготовления фигурок появился и широко использовался уже в доклассический период. Такие фигурки чаще были цельными, в редких случаях – частично полыми внутри⁴⁷. Ручной способ производства продолжал существовать и активно развиваться и в классический период. Он активно использовался и простыми общинниками, и появившимися к тому моменту профессиональными мастерами. Очевидно лишь, что качество фигурки, произведенной профессионалом, принципиально отличалось от простой статуэтки, изготовленной общинником. Фигурки, выполненные женщинами, чаще были зооморфными, изображали птиц или животных. Их вылепливание не требовало специальных навыков и художественного вкуса. Они делались для игры с детьми и в большинстве своем были выполнены в виде небольших свистулек⁴⁸, чаще всего были схематичны, детали прорисовывались редко. Из-за интенсивного использования они часто ломались и впоследствии выбрасывались. В связи с этим тщательность прорисовки и проработки деталей была просто нецелесообразной.

В отличие от таких фигурок терракоты, изготовленные штучно вручную и на заказ, были целыми произведениями искусства. Независимо от их использования (музыкальный инструмент, элемент погребального инвентаря и т.д.), они поражали своим портретным сходством. Коропласты показывали весь спектр человеческих эмоций, динамику движения, разворачивали целые сюжетные линии. Персонажи в их руках «оживали». Достижение такого поразительного результата требовало от мастеров не только детального знания всего технологического процесса, но и обладание широкими скульптурными и художественными навыками, которые они доводили до совершенства (рис. 2).

Постепенно шел процесс увеличения спроса на фигурки. Это привело к тому, что неспециализированные производители, работавшие в рамках семьи, не могли его удовлетворить. В связи с этим увеличилась нагрузка на профессиональных коропластов, которые в силу новых обстоятельств начали осваивать новый способ производства – *изготовление терракот с помощью форм*. Именно наличие форм является основным маркером идентификации мастерских по изготовлению фигурок.

Чаще всего формы были односторонними, изготавливались все из той же глины, затем просушивались и обжигались⁴⁹. Из-за недостаточности источниковой базы сложно сказать, как именно вылепливались детали и элементы самих форм. Вероятней всего это были слепки с изготовленной вручную фигурки, которые делались путем ее оттирка на сырой глине. Формы тыльных сторон статуэток пока не выявлены.

Коропластами использовались несколько вариантов форм: формы для изготовления статуэтки целиком (как антропоморфных, так и зооморфных), формы для изготовления отдельных частей фигурки (формы головы, рук, ног), и формы для оттирка предметного ряда, составляющего единую композицию с персонажем (троны и т.п.) (рис. 3). Односторонность форм косвенно указывает, что в процессе изготовления использовали способ оттирка, а не литья.

⁴⁷ Rands and Rands 1965, 536.

⁴⁸ Triadan 2007, 285; Halperin 2014, 157.

⁴⁹ Rands and Rands 1965, 539.

Рис. 2. Статуэтки разного качества изготовления (а – зооморфные и орнитоморфные фигурки (Ранее опубликовано: Halperin, 2014. Р. 156); б – антропоморфная фигурка (К 1503))

Большая часть статуэток, у которых передняя часть полностью выполнена в форме, были полыми внутри; часто по функциональному назначению это были свистульки. Одна и та же форма использовалась не один раз. Так, например, в Агуатеке были обнаружены статуэтки, изготовленные с помощью одной и той же формы⁵⁰. Пока сложно с уверенностью говорить о сроке их службы. Скорей всего, они были не долговечны, часто раскалывались и затем выбрасывались. В ряде случаев их обнаруживают вместе с другими «остатками» керамического производства в мусорных ямах. Хорошо сохранившиеся и мало поврежденные формы во время археологических раскопок находят нечасто. В основном они встречаются в районах жилых построек⁵¹ и ремесленных мастерских⁵². Их находят как в районе проживания местной элиты, так и на ее периферии. В равной степени они представлены в местах проживания простых ремесленников и общинников. Наиболее распространенными «центрами» обнаружения форм и их изучения являются Агуатека (Петен, Гватемала), Алтарь-де-Сакрифисьос (Петен, Гватемала), Копан (Гондурас), Эль-Чал (Петен, Гватемала) Икстонтон (Петен, Гватемала), Лагатеро (Чьяпас, Мексика), Лабаантун (Белиз), Мотуль-де-Сан-Хосе, Накум (Пе-

⁵⁰ Triadan 2007, 273.

⁵¹ Гуляев 1979, 151.

⁵² Гуляев 1984, 53–54.

тен, Гватемала), Паленке (Чьяпас, Мексика), Киригуа (Исабаль, Гватемала), Сейбаль (Петен, Гватемала), Тикаль (Эль-Петен, Гватемала), Шунантунич (Белиз)⁵³.

Формы для оттиска отдельных частей фигурок встречаются чаще, чем целые. В основном они использовались для изготовления фигурок *комбинированным способом*. В большинстве своем головы у таких фигурок делались с помощью формы, а туловище вручную. Антропоморфные и зооморфные формы голов часто использовались при изготовлении декоративных элементов музыкальных инструментов, в частности, флейт.

Формы отдельных частей тела (рук, ног) встречаются реже. Кроме того, их использование диктовалось необходимостью создания отстраненных друг от друга конечностей.

Существенно упрощали работу коропласта и формы для оттиска предметов, сопровождающих персонаж. Большею частью это были троны⁵⁴. В таких случаях фигурка могла быть сделана вручную, а предмет с помощью формы. Тем не менее, каким бы образом не делалась фигурка, она дорабатывалась руками. Если же размеры не позволяли изготовить изделие из монолитного куска глины, мастер по отдельности вылепливал ее детали и соединял впоследствии вместе. Следы стыков, соединений с последующим заглаживанием могут быть хорошо изучены с помощью методов рентгеноскопии. Это позволяет изучать объект без его повреждения, что в случае работы с музейными экспонатами является весьма актуальным.

Рис. 3. Формы для создания терракотовых статуэток. (музей Паленке, авторское фото Д.Д. Беляева)

⁵³ Haperin 2014, 175.

⁵⁴ Rands and Rands 1965, 542.

Независимо от способа изготовления в процессе лепки и для доработки деталей использовались техники зашипов, наклепов и вдавлений. У зооморфных фигурок животных зашипами могли делаться элементы морды, ушей, хвоста; у птиц – клюва, гребней, хвоста. У антропоморфных терракот их использовали реже. Иногда так прорабатывали черты лица, уши и элементы одежды персонажа. Налепы применяли для проработки деталей предпочтительно круглой или овальной форм: глаз, зрачков, пупков, сосков, элементов украшений.

Особое предпочтение в доработке облика фигурки отдавалось разным вдавлениям. Эта техника позволяла окончательно завершить полученную композицию, придавала персонажам аккуратность, акцентируя внимание на деталях. У зооморфных фигурок так прописывались линия панциря, шерсть, перья, гребни, чешуя и т.п. У антропоморфных круг использования вдавлений был намного шире: это собственно тело человека, его костюм, предметный ряд, животные-сопроводители и т.д. Например, длинные линейные и волнообразные вдавления широко использовались для прорисовки волос, причесок и головных уборов, короткие – для линий разделов губ, пальцев на руках и ногах. Круглыми вдавлениями могли прорисовываться зрачки, скарификация, пупок, элементы одежды и украшений и т.п. Достижение хорошего результата требовало использование соответствующих инструментов. Их находили в местах изготовления фигурок⁵⁵. Для таких целей могли применяться деревянные заостренные палочки. К сожалению, особенности культурного слоя не способствуют хорошей сохранности дерева. В отличие от него иногда находят костяные инструменты, с помощью которых фигурки окрашивали⁵⁶.

Использование различных вариантов техник определялось необходимостью и возможностями их применения. Если фигурка вылепливалась полностью вручную, разные техники отрабатывались на разных стадиях изготовления терракоты. Для создания примитивной птички на начальной стадии пользовались зашипами. Так определились местонахождение лап, хвоста, клюва, гребня. Круглыми наклепами делались глаза. Линейными или волнообразными вдавлениями дорабатывались клюв, перья. Определить стадиальность в использовании таких техник в изготовлении антропоморфных фигурок на настоящий момент проблематично.

Многие статуэтки в высоту достигают 20-30 см. Такие довольно крупные для мелкой пластики изделия могли делаться частями. В ряде случаев отдельно лепились предметы вооружения разного назначения, атрибутивные предметы, различные съемные детали, прорисовка и декорирование которых определялось «заказом», личными предпочтениями и художественными возможностями коропласта.

После лепки фигурки следовала стадия сушки. Невнимательное и халатное проведение этого процесса фактически могло свести на нет все предыдущие действия. В процессе сушки из глины выводится лишняя влага. Необходимо просушить не только внешние слои изделия, но и внутренние. Неравномерная просушка может привести к образованию трещин, мелкие наклепы могут просто отвалиться. Кроме того, влажная фигурка может взорваться при обжиге.

Сушка фигурок требует соблюдения некоторых условий. Необходимо уберечь изделие от попадания прямых солнечных лучей, открытого огня и сильных сквоз-

⁵⁵ Halperin 2014, 174.

⁵⁶ Halperin 2014, 177.

няков. Процесс в зависимости от размеров изделия мог занимать от двух до семи и более суток. В процессе сушки изделие может уменьшиться в размерах и стать более легким.

В период от предклассики к ранней классике глиняные фигурки в основном высушивались без последующего обжига. Несколько таких терракот было обнаружено в Британском Гондурасе (Белизе)⁵⁷. Тем не менее в классический период мастера предпочитали подвергать фигурки обжигу.

Обжиг – завершающая и, пожалуй, самая ответственная стадия в производстве терракот. Процессы, которые происходят с глиной под воздействием тепла, необратимы и превращают ее в керамику.

Самым явным из них является изменение цвета. Например, коричневая глина после обжига может стать красной или терракотовой. Черная кардинально меняет цвет и становится белой или кремовой. Это связано с выгоранием органических веществ, придающих ей темно-серый или черный цвет. Цветовой диапазон готовых майяских фигурок довольно широк. Например, анализируя цветовые особенности статуэток Мотуль-де-Сан-Хосе, К. Хальперин отмечает их значительное разнообразие. В фигурках, изготовленных из красной, красно-желтой и желто-красной глины выявлено большое количество содержания железа. Такие статуэтки при обжиге могут из красных становиться коричневыми и темно-коричневыми. Кроме того, в выборке представлены фигурки из светло-коричнево, желтой и розовой глины⁵⁸.

Независимо от цветовых особенностей изделие после обжига становится твердым, огнеупорным. Для достижения хорошего результата нужно было соблюдать определенные условия.

Следовало было учитывать необходимость плавного нагнетания температуры с последующим медленным остыванием. Как правило, первые два часа необходимо удерживать температуру на уровне 300-400°C с дальнейшим увеличением до 750-900°C. Дальнейшее поддержание температурного режима проходило от 8 часов до нескольких суток, что опять же определялось возможностями конкретного мастера. Критической температурной отметкой является 500°C, после которой процессы превращения глины в керамику необратимы.

Майя предпочитали производить обжиг на кострах. В обычном костре можно достичь 750°C, что вполне достаточно для обжига глиняной продукции. Традиционно выделяется два вида такого обжига: на костре и под кустом, когда высушенное изделие либо непосредственно контактирует с открытым пламенем, либо нет.

Характеризуя производство глиняной продукции в долине Улуа (север центрального Гондураса) 500-1000 гг. н.э. коллектив авторов (Р. Джойс, Дж. Хендон и Дж. Лопипейро) выделяет три основных типа конструкций для обжига керамики. Первый представлен круглым наземным «сооружением» меньше метра в диаметре с вертикальными стенами и открытым верхом⁵⁹. Похожее место для обжига было выявлено в Долине Нако (Гондурас) и описано Самуэлем Коннелом. Он упоминает об открытом пространстве 6х5 метров, огороженном в некоторых местах

⁵⁷ Butler 1935, 638.

⁵⁸ Halperin 2007, 107.

⁵⁹ Joyce, Hendon and Lopiparo 2014, 415.

камнями, со следами обожженной красно-коричневой земли⁶⁰. У второго типа конструкций отличительной особенностью является наличие каменного основания. Третий выполнен в виде ям различных форм и размеров⁶¹. Все это позволяет говорить о наличии глубоких познаний в области изготовления керамической продукции.

Кроме того, работая с фигурками о. Хайна, К. Тзадик упоминает о разных степенях их обжига. В частности, довольно часто встречаются слабообожженные терракоты⁶². Данная информация скорее свидетельствует об особенностях обжига на костре при относительно невысоких температурах.

После остывания и извлечения фигурок, их, вероятнее всего, проверяли на брак, который мог появиться на разных стадиях обжига. Затем при необходимости следовала стадия окрашивания изделия. В основном это делали профессиональные мастера, которые изготавливали статуэтки на заказ или на продажу.

Краски, которые майя использовали для покраски фигурок, не были уникальными. Те же красители использовались для росписи полихромной керамики, кодексов, фресок и т.п. Основным источником красителей были минералы и растения.

Современные физико-химические методы анализа (рентгеновская дифрактометрия, инфракрасная спектроскопия и т.д.) образцов красок значительно расширили представления ученых об источниках разных красителей и способах создания собственно готовой краски.

Красный краситель получали из коновари и гематита⁶³. Чаще всего красный пигмент получали из минерала гематита (α -Fe₂O₃) который давал красный цвет по системе Манселла диапазоном от 7,5R до 5R. Киноварь (сульфид ртути (HgS)) приходилось импортировать из горных районов, чтобы получать более насыщенный красный, более известный как вермилон⁶⁴. В целом диапазон красных оттенков был представлен светло- и темно-красным, кирпично-красным и фиолетовым. Кроме того, как отмечает коллектив авторов во главе с Роберто Гуистерро, красный и фиолетовый пигменты иногда получали путем тщательного размельчения, перемешивания и нагревания до 140°С в течении нескольких часов палыгорскита с 2% содержанием метила красного⁶⁵.

Зеленый пигмент добывали из хлорита⁶⁶, малахита, хризоколлы. В составе последних двух в том или ином виде присутствует медь – медная гидроокись карбоната и гидратированный медный силикат, которые чаще всего использовались для росписи фресок. Проведя исследование росписей объектов в Калакмуле (Петен, Гватемала), Гарсио Морено с коллегами выявил наличие в зеленой краске следов верцелиита, довольно редкого минерала, водным раствором которого (фосфат цинка и медь) и расписывали эти объекты⁶⁷.

⁶⁰ Connell 2002, 411.

⁶¹ Joyce, Hendon and Lopiparo 2014, 416.

⁶² Tzadik 2014, 90, 95, 101.

⁶³ Davis-Salazar 2003, 9.

⁶⁴ Quintana, Tiesler, Conde, Trejo-Tzab, Bolio, Alvarado-Gil and Aguilar 2015, 1045.

⁶⁵ Giustetto, Seenivasan, Pellerej, Ricchiardi 2012, 175.

⁶⁶ Davis-Salazar 2003, 9.

⁶⁷ Moreno, Mathis, Mazel, Dubus, Calligaro and Strivay 2008, 663.

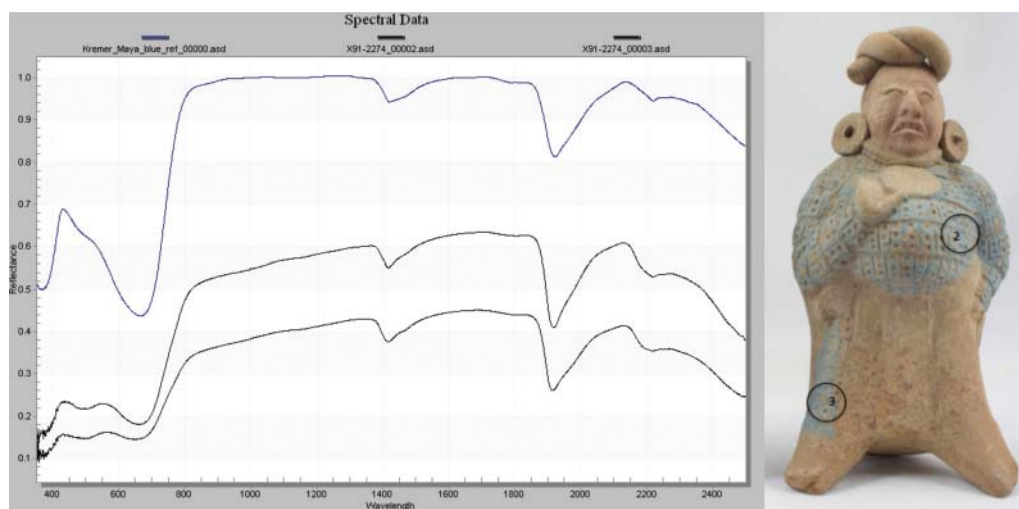

Рис. 4. Места расположения голубой краски из палыгорскита и индиго на фигурке. (Ранее опубликовано: Tzadic 2014, 35)

Желтый получали из ярозита, гетита, кварца⁶⁸. В живописи некоторые оттенки желтого готовили путем смешения палыгорскита и индиго⁶⁹.

Белый пигмент производили из кальцита и гипса⁷⁰, мусковита⁷¹, черный – из углерода⁷².

Больше всего исследований посвящено изучению голубого и синего пигментов. Как отмечают некоторые исследователи, майя не делали различий между оттенками синего, голубого и зеленого. Все эти цвета обозначались уах⁷³. Голубой пигмент получали из глинистого материала палыгорскита и растения индиго (*indigofera suffruticosa*), более известного как гватемальское индиго. Их использовали как самостоятельно, так и вместе. Иногда их смешивали в сухом виде, иногда добавляли воду с последующей термической обработкой при 120–180°C⁷⁴. В ряде случаев уменьшали содержание лейкоиндиго, причем в зависимости от температуры смесь меняла свой цвет от темно-синего до голубого⁷⁵. Интересны фигурки, при покраске которых одновременно использовали голубой пигмент из разного «исходного материала». Так, проведя анализ образца с фигурки X91.2274 (о. Хайна) с помощью инфракрасной Фурье-спектроскопии, ультрафиолетовой и видимой спектроскопии, Карин Тзадик выявила наличие голубого пигмента из палыгорскита на одной части фигурки и голубого из индиго на другой. При этом цветовая гамма у них была практически идентичной⁷⁶ (рис. 4). Кроме того, автор

⁶⁸ Davis-Salazar 2003, 9.

⁶⁹ Doménech, Doménech-Carbó and Agredos-Pascual 2011, 5743.

⁷⁰ Tzadic 2014, 32.

⁷¹ Tzadic 2014, 33.

⁷² Davis-Salazar 2003, 9.

⁷³ Moreno, Mathis, Mazel, Dubus, Calligaro and Strivay 2008, 658.

⁷⁴ Doménech, Doménech-Carbó and Vázquez de Agredos-Pascual 2011, 5741.

⁷⁵ Polette-Niewold, Manciu, Torres, Alvarado, Chianelli 2007, 1964–1965.

⁷⁶ Tzadic 2014, 35.

упоминает об использовании монтмориллонита в качестве голубого красителя на ряде терракот⁷⁷.

Стоит отметить, что майя искусно владели практикой получения оттенков необходимого цвета путем смешивания разных минералов. Так, например, коричнево-желтый получали путем соединения кварца и ярозита; желто-красный – смешавая киноварь, кварц, кальцит и ярозит; светло-коричневый – ярозит, киноварь, гетит, кварц, кальцит, глину; красно-коричневый – киноварь, ярозит, кварц и т.д.⁷⁸.

Сама покраска фигурки могла осуществляться одним или несколькими цветами, целиком или частично. Так, при выборке в 150 единиц одним цветом окрашено 29 фигурок, двумя – 60, тремя – 50, четырьмя только 11 (рис. 5). Например, встречаются фигурки, полностью окрашенные в белый цвет, в качестве двух цветов чаще использовали белый и голубой, трех – белый, голубой, красный или белый, голубой, серый. По частоте использования оттенков лидируют белый, красный, голубой и черный (темно-серый) (рис. 6). Более редки желтый, светло-серый, розовый, коричневый, оранжевый. В случаях, когда фигурку необходимо было окрасить в один цвет или сделать его базовым, могла применяться техника полного погружения в красильный «раствор», для проработки же мелких деталей использовали специальные инструменты в виде деревянных или костяных палочек, которые находят при раскопках мест производства керамики⁷⁹.

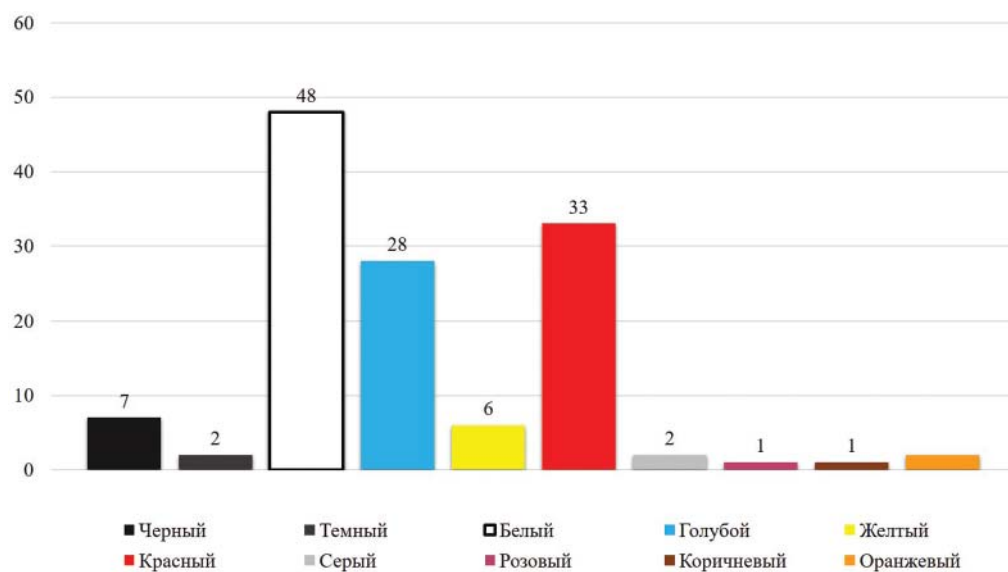

Рис. 5. Диаграмма 1. Частота одновременного использования разных цветов при покраске одной фигурки

⁷⁷ Tzadik 2014, 35.

⁷⁸ Davis-Salazar 2003, 16–18.

⁷⁹ Halperin 2014, 177.

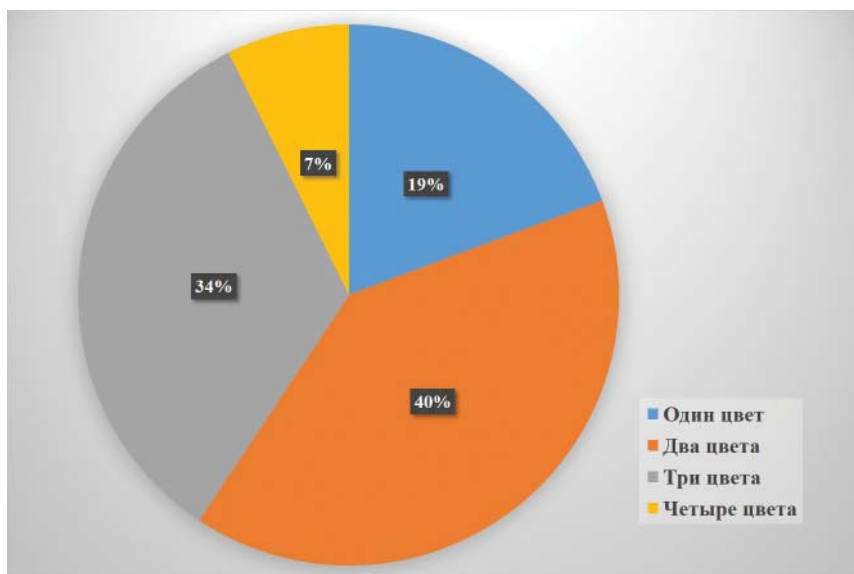

Рис. 6. Диаграмма 2. Частота использования цветовых оттенков на терракотах

В целом, покраска поверхности статуэтки тем или иным цветом зависела от следующих основных факторов. Во-первых, насколько точно окрашенные статуэтки отражают реальные образы. В случаях, когда фигурка была проработана детально, с сохранением анатомических особенностей изображенного субъекта, реалистично, цвета, как правило, отражали реальную цветовую гамму, свойственную прототипам окрашиваемых предметов. Во-вторых, покраска зависела от того, насколько распространена и доступна была использованная краска. В случае ее малодоступности, дороговизны и невозможности нахождения иного сырьевого аналога, желаемый цвет мог не использоваться вообще или заменяться другим. В таких случаях поверхность изделия могла быть вовсе не окрашена, а искусно обработана и залащена или окрашена в наличествующие у мастера цвета. В-третьих, окраска терракоты в ряде случаев могла быть связана с цветовой символикой. Большое значение имел сюжет изображения, для создания которого привлекалась соответствующая цветовая гамма. Так, часто фигурки божеств покрывали красными и голубыми цветами. В-четвертых, на окраску поверхности могли влиять определенные региональные стилистические особенности⁸⁰.

После многоэтапной покраски (вероятно, что изделие в процессе окрашивания нуждалось в периодической просушке) его отправляли на продажу. Если же фигурка изготавливалась простыми общинниками для личного пользования, то она передавалась будущему владельцу для последующего использования.

Таким образом, можно говорить о том, что создание фигурки, независимо от личности изготовителя, проходило одни и те же этапы: выбор глины, создание формовочной массы, лепка фигурки (включающая использование формы и/или ручную обработку заготовки, вылепливание статуэтки, доработку поверхности

⁸⁰ Butler 1935, 645.

и деталей, декорирование), сушка, обжиг и покраска. Естественно, что качество конечного продукта определялось не только умениями и навыками мастера, но и последующим назначением статуэтки. Немаловажным была и предполагаемая личность будущего владельца (игрушка для ребенка, музыкальный инструмент, элемент погребального инвентаря для человека высокого статуса и т.д.).

Несмотря на все сложности и особенности технологического процесса, неизбежные ошибки и неудачи производства, из-под рук мастеров выходили удивительные по красоте произведения искусства, будь то простая птичка с гребешком для игры ребенка или поражающая своим великолепием статуэтка правителя.

ЛИТЕРАТУРА

- Гольдберг, В.М., Скворцов, Н.П. 1986: *Проницаемость и фильтрация в глинах*. М.
- Гуляев, В.И. 1979: *Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе)*. М.
- Гуляев, В.И. 1984: *Забывшие города майя. Проблема искусства и архитектуры*. М.
- Каздым, А.А. 2015: *Эта обычная необычная глина...* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kuznetsov.viperson.ru/articles/aleksey-kazdym-eta-obychnaya-neobychnaya-glina>
- Котельников, Д.Д., Конюхов, А.И. 1986: *Глинистые минералы осадочных пород*. М.
- Коваль, И.К. 2006: *Промышленные типы неметаллических полезных ископаемых*. Воронеж.
- Малиновский, А.И. 2013: *Основы литологии*. Владивосток.
- Becker, M.J. 1983: Indications of Social Class Differences based on the Archeological Evidence for Occupational Specialization among the Classis Maya at Tikal, Guatemala. *Revista Española de Antropología Americana* 13, 29–46.
- Bryant, D.D. 1988: Excavations at House 1, Yerba Buena, Chiapas Central Highland. Mexico. *Papers of the New World Archaeological Foundation* 54. Provo–Utah.
- Butler, M. 1935: A Study of Maya Mouldmade Figurines. *American Anthropologist. New Series* 37. №4. Part 1. 636–672.
- Coe, M.D. 1957: “Pre-Classic Cultures in Mesoamerica: A Comparative Survey”. *The Kroeber Anthropological Society Papers* 17. Berkeley.
- Connell, S.V. 2002: Getting Closer to the Source: Using Ethnoarchaeology to Find Ancient Pottery Making in the Naco Valley, Honduras. *Latin American Antiquity* 13(4), 401–417.
- Davis-Salazar, K.L. 2003: *A Study of Early Classic Maya Ritual at Copán, Honduras*, <http://www.famsi.org/reports/01076/01076DavisSalazar01.pdf>
- Deal, M. 2005: Ethnoarchaeological perspectives on ceramic production and the formation of household ceramic assemblages. In: *Paper for the Electronic Symposium “Across the Great Divide: Ethnoarchaeological Perspectives on Ceramic Assemblage Formation.” Society for American Archaeology, 70th Annual Meeting, Salt Lake City, Utah, March 30–April 3, 2005*, <http://www.ucs.mun.ca/~mdeal/SAA2005/SAA2005web.htm>
- DeLance, L.L.V. 2016: *Enchaining kinship: figurines and state formation at Cahal Pech, Cayo, Belize. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of doctor of philosophy in anthropology*. University of California–Riverside.
- Doménech, A., Doménech-Carbó, M.T., Vázquez de Agredos-Pascual, M.L. 2011: From Maya Blue to “Maya Yellow”: A Connection between Ancient Nanostructured Materials from the Voltammetry of Microparticles. *Angewandte Chemie International Edition* 50, Issue 25 (14), 5741–5744.

- Feinman, M.G. 1999: Rethinking our assumptions: economic specialization at the household Scale in Ancient Ejutla, Oaxaca, Mexico. In: M.J. Skibo, M.G. Feinman (eds.), *Pottery and people. A dynamic interaction*. Salt Lake City.
- Fortoul, C.G.S. 2009: *Ceramics of Mayapan: a petrographic study. A Thesis Submitted to the Faculty of The Dorothy F. Schmidt College of Arts and Letters in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts*. Boca Raton.
- Giustetto, R., Seenivasan, K., Pellerej, D, Ricchiardi, G.B.S. 2012: Spectroscopic characterization and photo/thermal resistance of a hybrid palygorskite/methyl red Mayan pigment. *Microporous and Mesoporous Materials* 155, 167–176.
- Halperin, C.T. 2007: *Materiality, bodies, and practice: the political economy of Late Classic Maya figurines from Motul de San José, Peten, Guatemala. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of doctor of philosophy in anthropology*. Reverside.
- Halperin, C.T. 2014: *Maya figurines. Intersection between State and Household*. Austin.
- Halperin, C.T., Foias, A.E. 2010: Pottery politics: Late Classic Maya palace production at Motul de San José, Petén, Guatemala. *Journal of Anthropological Archaeology* 29, 392–411.
- Hendon, J.A. 2003: In the house: Maya nobility and their figurine-whist. *Expedition* 45 (3), 28–33.
- Isphording, W.C. 1973: Discussion of the occurrence and origin of sedimentary palygorskite-sepiolite deposits. *Clays and clay minerals* 21, 391–401.
- Joyce, R.A., Hendon J.A., Lopiparo, J. 2014: “Working with Clay.” *Ancient Mesoamerica* 25, 411–420.
- MacKinnon, J.J., Cofer, M., Dillinger, N. 1999: Classic period Maya clay extraction and pottery production sites on the Sennis river, Belize, Central America. *Mexicon* 21, 81–88.
- Moreno, R.G., Mathis, F., Mazel, V., Dubus, M., Calligaro, T., Strivay D. 2008: Discovery and characterization of an unknown blue-green Maya pigment: veszelyite. *Archaeometry* 50 (4), 658–667.
- Piña, R.C. 1968: *Jaina. La casa en el agua*. México.
- Polette-Niewold, L.A., Manciu, F.S., Torres, B., Alvarado M.Jr., Chianelli, R.R. 2007: Organic/inorganic complex pigments: Ancient colors Maya Blue. *Journal of Inorganic Biochemistry* 101, 1958–1973.
- Quintana, P., Tiesler, V., Conde, M., Trejo-Tzab, R., Bolio C., Alvarado-Gil, J. J. Aguilar, D. 2015: Spectrochemical characterization of red pigments used in classic period Maya funerary practices. *Archaeometry* 57 (6), 1045–1059.
- Sánchez del Río, Manuel y Suárez B., Mercedes y García R., Emilia 2009: The occurrence of palygorskite in the Yucatán peninsula: Ethno-historic and archaeological contexts. *Archaeometry* 51 (2), 214–230.
- Smith, A.L., Kidder, A.V. 1951: *Excavation at Nebaj, Guatemala. Carnegie Institution*. Washington.
- Rands, R., Rands, B.C. 1965: Pottery figurines of Maya Lowlands In *Archaeology of Southern Mesoamerica*. University of Texas.
- Ruz Lhuillier, A. 1945: Campeche en la Arqueología Maya. *Acta Antropológica* I (2-3), 7–123.
- Triadan, D. 2007: Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala. *Latin American Antiquity* 18(3), 269–293.
- Tzadik, C.C. 2014: *Jaina Figurines: The Survey, Characterization of Materials, And Treatment of Figures from the Fowler Museum Collection. A thesis submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Master of Arts in Conservation of Archaeological and Ethnographic Materials*. Los Angeles.

- Willey, G.R., Leventhal, R.M., Demarest, A.A., Fash, W.L.Jr. 1994: Ceramics and artifacts from excavation in the Copan Residential Zone. In *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University*. Vol. 80. Massachusetts.
- Willey, G.R. 1972: The artifacts of Altar de Sacrificios. In *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University*. Vol. 64. Massachusetts.

REFERENCES

- Becker, M.J. 1983: Indications of Social Class Differences based on the Archeological Evidence for Occupational Specialization among the Classis Maya at Tikal, Guatemala. *Revista Española de Antropología Americana* 13, 29–46.
- Bryant, D.D. 1988: Excavations at House 1, Yerba Buena, Chiapas Central Highland. Mexico. *Papers of the New World Archaeological Foundation* 54. Provo–Utah.
- Butler, M. 1935: A Study of Maya Mouldmade Figurines. *American Anthropologist. New Series* 37. №4. Part 1. 636–672.
- Coe, M.D. 1957: “Pre-Classic Cultures in Mesoamerica: A Comparative Survey”. *The Kroeber Anthropological Society Papers* 17. Berkeley.
- Connell, S.V. 2002: Getting Closer to the Source: Using Ethnoarchaeology to Find Ancient Pottery Making in the Naco Valley, Honduras. *Latin American Antiquity* 13(4), 401–417.
- Davis-Salazar, K.L. 2003: *A Study of Early Classic Maya Ritual at Copán, Honduras*, <http://www.famsi.org/reports/01076/01076DavisSalazar01.pdf>
- Deal, M. 2005: Ethnoarchaeological perspectives on ceramic production and the formation of household ceramic assemblages. In: *Paper for the Electronic Symposium “Across the Great Divide: Ethnoarchaeological Perspectives on Ceramic Assemblage Formation.” Society for American Archaeology, 70th Annual Meeting, Salt Lake City, Utah, March 30-April 3, 2005*, <http://www.ucs.mun.ca/~mdeal/SAA2005/SAA2005web.htm>
- DeLance, L.L.V. 2016: *Enchaining kinship: figurines and state formation at Cahal Pech, Cayo, Belize. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of doctor of philosophy in anthropology*. University of California–Riverside.
- Doménech, A., Doménech-Carbó, M.T., Vázquez de Agredos-Pascual, M.L. 2011: From Maya Blue to “Maya Yellow”: A Connection between Ancient Nanostructured Materials from the Voltammetry of Microparticles. *Angewandte Chemie International Edition* 50, Issue 25 (14), 5741–5744.
- Feinman, M.G. 1999: Rethinking our assumptions: economic specialization at the household Scale in Ancient Ejutla, Oaxaca, Mexico. In: M.J. Skibo, M.G. Feinman (eds.), *Pottery and people. A dynamic interaction*. Salt Lake City.
- Fortoul, C.G.S. 2009: *Ceramics of Mayapan: a petrographic study. A Thesis Submitted to the Faculty of The Dorothy F. Schmidt College of Arts and Letters in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts*. Boca Raton.
- Giustetto, R., Seenivasan, K., Pellerej, D., Ricchiardi, G.B.S. 2012: Spectroscopic characterization and photo/thermal resistance of a hybrid palygorskite/methyl red Mayan pigment. *Microporous and Mesoporous Materials* 155, 167–176.
- Gol'dberg, V.M., Skvortsov, N.P. 1986: *Pronitsaemost' i fil'tratsiia v glinakh [Permeability and Filtration in Clays]*. Moscow.
- Gulyaev, V.I. 1979: *Goroda-gosudarstva mayaia (struktura i funktsii goroda v ranneklassovom obshchestve) [Maya City-states (Structure and Function of the City in the Early Class Society)]*. Moscow.
- Gulyaev, V.I. 1984: *Zabytye goroda mayaia. Problema iskusstva i arkhitektury [The Forgotten Maya City. The Problem of Art and Architecture]*. Moscow.

- Halperin, C.T. 2007: *Materiality, bodies, and practice: the political economy of Late Classic Maya figurines from Motul de San José, Peten, Guatemala. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of doctor of philosophy in anthropology*. Riverside.
- Halperin, C.T. 2014: *Maya figurines. Intersection between State and Household*. Austin.
- Halperin, C.T., Foias, A.E. 2010: Pottery politics: Late Classic Maya palace production at Motul de San José, Petén, Guatemala. *Journal of Anthropological Archaeology* 29, 392–411.
- Hendon, J.A. 2003: In the house: Maya nobility and their figurine-whist. *Expedition* 45 (3), 28–33.
- Isphording, W.C. 1973: Discussion of the occurrence and origin of sedimentary palygorskite-sepiolite deposits. *Clays and clay minerals* 21, 391–401.
- Joyce, R.A., Hendon J.A., Lopiparo, J. 2014: “Working with Clay.” *Ancient Mesoamerica* 25, 411–420.
- Kazdym, A.A. 2015: *Eta obychnaia neobychnaia glina [This Usual Unusual Clay]*, <http://kuznetsov.viperson.ru/articles/aleksey-kazdym-eta-obychnaya-neobychnaya-glina>
- Kotelnikov, D.D., Koniukhov, A.I. 1986: *Glinistyie mineraly osadochnykh porod [Clay Minerals of Sedimentary Rocks]*. Moscow.
- Koval, I.K. 2006: *Promyshlennyye tipy nemetallicheskih poleznykh iskopaemykh. Uchebnoe posobie dlia vuzov [Industrial Types of Nonmetallic Minerals]*. Voronezh.
- MacKinnon, J.J., Cofer, M., Dillinger, N. 1999: Classic period Maya clay extraction and pottery production sites on the Sennis river, Belize, Central America. *Mexicon* 21, 81–88.
- Malinovskiy, A.I. 2013: *Osnovy litologii [Fundamentals of Lithology]*. Vladivostok.
- Moreno, R.G., Mathis, F., Mazel, V., Dubus, M., Calligaro, T., Strivay, D. 2008: Discovery and characterization of an unknown blue-green Maya pigment: veszelyite. *Archaeometry* 50 (4), 658–667.
- Piña, R.C. 1968: *Jaina. La casa en el agua*. México.
- Polette-Niewold, L.A., Manciu, F.S., Torres, B., Alvarado M.Jr., Chianelli, R.R. 2007: Organic/inorganic complex pigments: Ancient colors Maya Blue. *Journal of Inorganic Biochemistry* 101, 1958–1973.
- Quintana, P., Tiesler, V., Conde, M., Trejo-Tzab, R., Bolio C., Alvarado-Gil, J. J. Aguilar, D. 2015: Spectrochemical characterization of red pigments used in classic period Maya funerary practices. *Archaeometry* 57 (6), 1045–1059.
- Rands, R., Rands, B.C. 1965: Pottery figurines of Maya Lowlands In *Archaeology of Southern Mesoamerica*. University of Texas.
- Ruz Lhuillier, A. 1945: Campeche en la Arqueología Maya. *Acta Antropológica* I (2-3), 7–123.
- Sánchez del Río, Manuel y Suárez B., Mercedes y García R., Emilia 2009: The occurrence of palygorskite in the Yucatán peninsula: Ethno-historic and archaeological contexts. *Archaeometry* 51 (2), 214–230.
- Smith, A.L., Kidder, A.V. 1951: *Excavation at Nebaj, Guatemala. Carnegie Institution*. Washington.
- Triadan, D. 2007: Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala. *Latin American Antiquity* 18(3), 269–293.
- Tzadik, C.C. 2014: *Jaina Figurines: The Survey, Characterization of Materials, And Treatment of Figures from the Fowler Museum Collection. A thesis submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Master of Arts in Conservation of Archaeological and Ethnographic Materials*. Los Angeles.
- Wiley, G.R. 1972: The artifacts of Altar de Sacrificios. In *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University*. Vol. 64. Massachusetts.
- Wiley, G.R., Leventhal, R.M., Demarest, A.A., Fash, W.L.Jr. 1994: Ceramics and artifacts from excavation in the Copan Residential Zone. In *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University*. Vol. 80. Massachusetts.

THE TECHNOLOGICAL FEATURES OF THE PRODUCTION OF THE MAYA
TERRACOTTA FIGURINES DURING THE 1st MILLENNIUM AD

Irina J. Demicheva

*Nizhny Novgorod Institute (branch) of the Moscow Humanitarian-Economic University,
Russia,
iudem@mail.ru*

Abstract. In the article, the main technological features of production of the Maya terracotta figurines of the classical period are considered. The attention is paid to the features of qualities of clay in Mayan territories.

The author of the article describes the process of creating clay mixture, the specifics of production of terracotta figurines, the process of decorating and drying, firing and painting. There is a detailed description of all production stages taking into account their specifics. The manual method of production, production of terracotta by means of molds and combined method are characterized in detail. The attention is paid to the use of techniques of tucks, impression and sticks in the process of making and decorating. The article provides the information about the various pigments from minerals and plants that were used by the masters while painting figures. Their color features and conditions of creation are analyzed. The author focuses on blue and dark blue pigment- the most common among the Maya and used in the greater part of fields of art which was made from the palygorskite and Indigo.

In the work, there is a characteristic of the specialized workshops in which terracotta was made: a working zone, the place for drying and firing. The latter was more often taken out the household. The Maya used mainly fires for the firing of ceramic production.

The information about the social status of people who made clay figures is given: professional masters and ordinary community members.

The latest scientific data of foreign researchers on these issues received in accordance with the modern natural scientific methods of analysis of archaeological material are submitted.119

Key words: Maya clay, terracotta figurines, the technology of production

*Материалы семинара по проблемам античной нумизматики,
посвященного памяти Нины Андреевны Фроловой
(Магнитогорск, МГТУ им. Г.И. Носова, 20 октября 2017 г.)*

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 319–333
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 319–333
©Автор(ы) 2017

МОНЕТЫ ТОМИ С НАДЧЕКАНКОЙ ИСТРИИ

С.Ю. Сапрыкин

*Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Институт всеобщей истории РАН, Москва,
mithridates@mail.ru*

Аннотация. В статье разбираются причины надчеканки монет города Томи в Западном Причерноморье эмблемой монет Истрии. Автор дает новую датировку серии монет Томи с типами «голова Зевса в лавровом венке – скачущие протомы коней Диоскуров, звезды», которую он относит ко второй четверти III в. до н.э. Выдвигаются аргументы против датировки этих монет концом II в. до н.э. и контраргументы против предложенной в литературе даты их надчеканки Истрией в конце II – начале I в. до н.э. По мнению автора статьи, надчеканка этих монет ранней истрийской монетной эмблемой связана с расширением торгово-экономического влияния Истрии в Западном Понте в первой половине III в. до н.э., что привело к войне между Византием, Каллатисом и Истрией за монополию в Томи в середине этого столетия.

Ключевые слова: Томи, Истрия, Каллатис, Византий, монополия, Зевс, Диоскуры, протомы коней, звезды, пилосы, Митридат Евпатор, скифы, Добруджа

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Организация и проведение семинара по проблемам античной нумизматики, посвященного памяти Нины Андреевны Фроловой, а также публикация материалов осуществлены при поддержке РФФИ (Проект №17-01-14026).

Рис. 1. Т-1. Монета Томи типа «Зевс в лавровом венке/протомы коней Диоскуров» с надчеканкой Истрии из коллекции С.Топалова

В 2015 г. С. Топалов опубликовал монету западнопонтийского города Томи типа «Ав. голова бородатого Зевса в лавровом венке вправо в круге из точек, надчеканка в виде круга – колеса с четырьмя спицами, от которых отходят короткие радиальные лучи. Рев.: протомы двух коней вправо, над которыми две восьми-лучевые звезды – солнца, под ними легенда ТОМІ» (рис. 1). По его мнению, в надчеканке между спицами прочитывается сокращение $I/\Sigma/T/P$, в котором восстанавливается название Истрии – другого крупного греческого полиса на западном побережье Черного моря¹. Надчеканенную монету с такими изображениями упомянул еще Н. Мушмов, не указав, правда, тип надчеканки². Т. Герасимов опубликовал подобную монету, но ошибочно отнес ее надчеканку к Месембри³. Еще одна монета с надчеканкой имеется в коллекции В. Стэнкомба (рис. 2)⁴.

По сообщению С. Топалова, к настоящему времени известно десять монет такого типа с подобной надчеканкой. Он датировал их концом II – серединой I в до н.э. и предположил, что надчеканка появилась в связи с политической ситуацией в Западном Причерноморье после освобождения региона от власти Митридата Евпатора. В это время «на монетных дворах Одесса, Дионисополя, Каллатиса, Томи и Истрии чеканятся монеты скифских властителей из района Малой Скифии», которым понтийский царь пожаловал царские титулы и право выпускать свои монеты. С. Топалов считает, что «основные изображения на скифских царских монетах (Диоскуры, протомы и головы коней, звезды Диоскуров, их шапки-пилосы, украшенные звездами – С.С.) заимствованы с монетных типов Митридата VI и выпускавшихся в это время монет расположенных поблизости западнопонтийских городов». После освобождения от Митридата Евпатора, в результате приостановки союза с ним, города западного побережья Понта Эвксинского осуществили массовую надчеканку своих монет и тогда же Истрия «с пропагандистской целью ставила надчеканку колесо с четырьмя спицами и отходящими от колеса радиальными лучами на ходившие на ее рынке чужеземные монеты, отчеканенные во

¹ Топалов 2015, 445–450.

² Мушмов 1912, 98, № 1731.

³ Герасимов 1946, 62, 63.

⁴ SNG XI Stancomb, 280.

время протектората понтийского царя над Фракией». При этом Истрия использовала типологию своих ранних литых монет-«колесиков» и легенду $\text{I}\Sigma\text{TP}$ ⁵.

Монеты Томи с головой Зевса и протомами коней Диоскуров со звездами были известны и раньше. Б. Пик, К. Реглинг и Ф. Имхоф-Блумер отнесли серию монет типа «голова Зевса в лавровом венке/протомы коней, две звезды, ТОМІ » к автономному городскому чекану Томи и датировали ее не ранее середины II в. до н.э. и даже более поздним временем ⁶. Они отметили, что эти монеты подобны серии монет типа «голова Великого бога с бородой и в повязке в волосах – протомы двух скачущих вправо коней, над ними две 8-лучевые звезды, ТО вверху, внизу – сокращение имени магистрата» (рис. 3). Данная серия, по их мнению, относится к III – первой половине II в. до н.э. и по времени предшествует вышеописанной по следующим признакам: повязке на голове бога вместо лаврового венка, сокращением демотикона ТО вместо более полного ТОМІ , наличием имен магистратов, которые на первой серии монет отсутствуют ⁷. Предложенная германскими нумизматами датировка означенных монет принята большинством исследователей, которые относят начало автономного чекана Томи ко времени не ранее 260–250-х гг. до н.э., а окончание к 72 г. до н.э. ⁸. На этом, как видим, основана датировка С. Топаловым монет типа «Зевс/протомы коней Диоскуров, звезды».

Однако предложенная болгарским исследователем дата означенных монет и их надчеканки вызывает ряд вопросов. Во-первых, это утверждение, что монеты скифских царей Добруджи чеканены по типу митридатовских монет и монет западнотонтийских городов. Если в отношении городов левобережного Понта оно еще допустимо ⁹, то атрибутика Диоскуров на монетах Митридата Евпатора совершенно не соответствует типологии монет Малой Скифии и даже греческих

Рис. 2. Т-2. Монета Томи типа «Зевс в лавровом венке – протомы коней Диоскуров» с надчеканкой Истрии из коллекции В. Стэнкомба

⁵ Топалов 2015, 445–450; ср. 2009, 126.

⁶ Pick, Regling 1899, no. 2461–2464, Taf. V, 10; XXI, 4.

⁷ Pick, Regling 1899, 597, 642, Taf. V, 8. Монеты данной серии отчеканены в один хронологический период времени вместе с монетами Томи типа «голова Аполлона – треножник, ТОМІ » и «голова Великого бога с бородой и повязкой-тенью в волосах – орел, ТОМІ , имя магистрата» (ibid. 2406, 2407, 2414; BMC 1877, 54, no. 1–2), которые также якобы предшествуют монетам типа «Зевс в лавровом венке – протомы коней, ТОМІ ».

⁸ Pick, Regling 1899, 590; Блаватская 1952, 37: относит появление чекана в Томи к началу III в. до н.э.; Poenaru-Bordea 1997, 25: начало работы монетного двора в Томи датирует 260 г. до н.э.; Karagianni (ed.) 2014, 295: первые монеты Томи появились в III в. до н.э.

⁹ Герасимов 1946, 57; Jouroukova 1977, 112.

Рис. 3. Т-3. Монеты Томи типа «Зевс в повязке – протомы коней Диоскуров» из коллекции В. Стэнкомба

городов региона с аналогичными символами. Культовые символы Диоскуров встречаются только на медных монетах Амасии, Амиса, Синопы типа «голова юноши (Эрота?) с крылышками/рог изобилия между пилосами Диоскуров»¹⁰. Подобное изображение на монетах царей Малой Скифии отсутствует, нет его и на монетах Томи. На монетах скифских царей запечатлены головы братьев-близнецов Диоскуров и головы их коней¹¹, а не полуфигуры коней, как на монетах Томи. Среди изображений на автономных монетах этого города можно увидеть звезды Диоскуров, протомы двух скачущих вправо коней, а на более поздних монетах – скачущих на конях Диоскуров в шапках, украшенных звездами, пилосы Диоскуров, в том числе обрамляющих колос пшеницы¹². Пилосы со звездами и звезды этих богов-близнецов помещены и на тетрадрахмы Томи ок. 235–200 гг. до н.э. как символ этого полиса¹³. Из этого следует, что символика Диоскуров на монетах Томи появилась задолго до чекана монет с пилосами этих богов рядом городов царства Митридата Евпатора. При этом типология монет с атрибутами Диоскуров у скифских царей и на понтийских медных монетах совершенно разная. К тому же в настоящее время правление шести царей скифов в Добрудже относят к концу III – первой четверти II в. до н.э.¹⁴. Поэтому символы богов-близнецов Диоскуров на монетах царей Малой Скифии не связаны с культовой и религиозной политикой понтийского царя. Это обстоятельство ставит под сомнение вывод

¹⁰ WBR I², 1, 4, 36, 62, pl. VII, 28; XXVI, 10; SNG Aulock I, 15, 16; VII, 230, 231; SNG IX BM 1046, 1047, 1129-1133, 1520-1522; Ф. Имхоф-Блумер датировал их 120-111 гг. до н.э. (Imhoof-Blümer 1912, 170), Ф. де Каллатай – 110-100 гг. до н.э. (de Callatay 2007, 282), Дж. Прайс – 125-100 гг. до н.э. (SNG IX BM, pl. XLII).

¹¹ Jouroukova 1977, 117–119; Андрух 1995, рис. 11, 16; 12, 10-14, 17, 18.

¹² BMC 1877, 54, no. 3–4; SNG IX BM 305, 306; cf. Pick, Regling 1899, Taf. V, 10, 20, 29; XXI, 4.

¹³ Price 1991, 196, no. 1211-1213, pl. CLVII, 1213.

¹⁴ Манов 2015, 425.

С. Топалова о денонсации городами Западного Понта, включая и Томи, союза с Митридатом Евпатором путем надчеканок на монеты, которые повторяли типологию монет скифских царей Добруджи, союзников понтийского монарха, после его поражения в конце 70-х гг. до н.э.

Во-вторых, если следовать логике болгарского нумизмата, то встает законный вопрос – почему Истрия наложила надчеканку исключительно на монеты Томи с изображением Зевса в лавровом венке и протомы коней Диоскуров. Подобная надчеканка отсутствует на других монетах с символикой того же культа Диоскуров, выпущенных в III–II вв. до н.э. Это заставляет предполагать, что она не имеет отношения к прекращению или приостановке союза с Митридатом Евпатором и его ставленниками – правителями Малой Скифии в начале I в. до н.э., а появилась гораздо раньше. Из этого следует, что истрийская надчеканка томитанских монет вызвана каким-то другим событием в истории Томи и Истрии. Для того чтобы понять, какое это могло быть событие, следует рассмотреть правомерность датировки монет Томи типа «Зевс/протомы коней Диоскуров», предложенной более века назад Пиком – Реглингом – Имхоф-Блумером.

Датировка начала автономного чекана бронзовых монет в Томи серединой III в. до н.э. дала основание предполагать, что до этого времени Томи являлся не полисом, а эмпорием, основанным Истрией для утверждения своего влияния в Добрудже¹⁵. Однако в настоящее время доказано, что Томи был основан в конце VI или в V в. до н.э., скорее всего, колонистами из Милета, как типичная апойкия, которая быстро трансформировалась в земледельческий полис¹⁶. В таком случае трудно объяснить, почему Томи как полисная община не чеканил монету на протяжении трехсот лет своего существования. Это создает законное основание для передатировки начала монетной чеканки города. М. Прайс, например, продатировал II до н.э. монеты типа «Великий Бог в диадеме/орел вправо, ТОМI»¹⁷, которые ранее считались одними из самых ранних, выпущенными в середине – второй половине III в. до н.э. Предложенная английским исследователем датировка монет этой серии представляется справедливой, поскольку их типология во многом совпадает с монетами Птолемея III Евергета 246–221 гг. до н.э., на которых изображены голова Зевса-Аммона вправо в повязке-тении и орел¹⁸. Голова бородатого Зевса в диадеме вправо фигурирует также на медной монете вифинского царя Прусия I 228–183 гг. до н.э.¹⁹ На драхмах Эпира 238–168 гг. до н.э. изображена голова бородатого Зевса в венке вправо и орел вправо²⁰, что почти полностью (за исключением венка) повторяет изображения на соответствующей меди Томи. Если это так, то монеты Томи с Зевсом в повязке и орлом не могут предшествовать сериям монет с Зевсом в лавровом венке и полуфигурами коней Диоскуров и звездами.

¹⁵ См., например, Poenaru-Bordea 2004, 32, 33.

¹⁶ Stoian 1961, 239; Ehrhardt 1983, 67–70; Nawotka 1997, 18; Karagianni (ed.) 2014, 293–295; ср. Блаватская 1952, 28, 29: Томи – колония Милета, основанная в VI в. до н.э.

¹⁷ SNG IX BM 301–304; ср. SNG XI Stancomb 275: конец III – начало II в. до н.э.

¹⁸ Sboronos 1904, no. 924; SNG Copenhagen 227. Орел на монетах Томи не имеет отношения к Египту, это общий тип монет милетских колоний на Черном море (Hind 2007, 9–22).

¹⁹ WBR I, 2, 222, no. 12–15, pl. XXX, 7–9.

²⁰ Sear 1979, no. 1996.

По мнению Пика – Реглинга – Имхоф-Блумера, серия монет типа «Зевс с бородой в повязке-диадеме вправо/полуфигуры коней Диоскуров, звезды» по времени совпадает с чеканкой монет с Зевсом и орлом, но предшествует серии монет с Зевсом в лавровом венке – полуфигурами коней Диоскуров со звездами в поле круга оборотной стороны. Их выпуск в разные временные отрезки (разница между ними получается тогда почти около 100 лет) обосновывался несовпадением легенды-названия полиса ТО на первой серии и ТОМІ на более поздней серии с теми же изображениями. Однако общая типология этих двух серий монет с Зевсом и протомами коней вряд ли подразумевает длительный промежуток времени между их появлением в обращении. Они должны были быть отчеканены либо в одно время, либо последовательно друг за другом. Пик, Реглинг и Имхоф-Блумер подметили, что обе монетные серии связаны между собой общим сокращением имени монетария ME – MENE – MEN²¹, что доказывает близость этих монет по времени. Легенда ТОМІ на монетах с типом Зевса в лавровом венке не может служить доказательством их более позднего появления сравнительно с монетами серии «Зевс в повязке – полуфигуры коней, звезды, ТО». Аналогичное, почти полное название города фигурируется на монетах типа «Гермес/керикейон, ТОМІ, магистратское имя», «Аполлон/треножник» и «Великий бог/орел», которые, согласно немецким нумизматам, предшествуют монетной серии с Зевсом в лавровом венке²². Эти наблюдения за монетной чеканкой Томи в III в. до н.э. показывают, что монеты с Великим богом (Зевсом) и орлом были чеканены в конце III – самом начале II в. до н.э. позднее монет с Зевсом в повязке-диадеме и полуфигурами коней. Последняя серия монет близко связана с монетами типа «Зевс в лавровом венке вправо/полуфигуры коней, ТОМІ», поэтому можно предполагать и более раннее появление последних. Если же принять во внимание, что Зевс (или Великий бог) на монетах с орлом и Зевс (Великий бог) на монетах с полуфигурами коней Диоскуров объединяются друг с другом изображением повязки на голове бога, то в таком случае монеты с полуфигурами коней обеих серий по времени предшествуют монетам с Зевсом и орлом. Тогда монеты типа «Зевс в повязке/полуфигуры коней, ТО, имена монетариев» могут быть датированы серединой или третьей четвертью – началом четвертой четверти III в. до н.э. По времени они совпадают с серией монет с Гермесом или же немного им предшествуют. Когда же в таком случае могли быть отчеканены монеты типа «Зевс в лавровом венке/полуфигуры коней, звезды Диоскуров, ТОМІ»?

Близость этих монет к монетам с Зевсом в повязке и аналогичным типом оборотной стороны не вызывает сомнений. Лицевая сторона монет с Зевсом в лавровом венке повторяет изображение Зевса в лавровом венке на тетрадрахмах македонского царя Филиппа II чеканки Амфиополя 348–342 гг. до н.э. и 323–315 гг. до н.э. (посмертные выпуски)²³. Монеты Филиппа II имели широкое хождение во Фракии, в том числе в Гетике, где чеканили их подражания²⁴. Голова бородатого

²¹ Pick, Regling 1899, no. 2433, 2447, 2448, 2464.

²² Pick, Regling 1899, no. 2406, 2407, 2425, 2433. Гермес в петасе в виде надчеканки на аверсе монеты «Великий бог (Зевс) – орел» (SNG IX BM 302) может указывать на более позднее появление этих монет по сравнению с монетами типа «Гермес – керикейон, ТОМІ, имя магистрата» (Pick, Regling 1899, no. 2425–2439).

²³ Le Rider 1977, 44.20; 46.11 – 46.13; 46.18; Rutter 1983, 39, pl. 9, 1–2.

²⁴ Donoiu 1980, 14–75, fig. 1–62.

Зевса в лавровом венке вправо засвидетельствована на аверсе монеты царя Пто-нии Авдолеонта в 315–285 гг. до н.э. и на варварских подражаниях его монетам²⁵. Она явно скопирована с монет Филиппа II. На монетах Эпира, появившихся в об-ращении до 238 г. до н.э., фигурирует голова Зевса Додонского в венке вправо²⁶. В 238–168 гг. до н.э. Зевс вправо в венке на лицевой стороне драхм Эпира изо-бражался вместе с орлом вправо на оборотной стороне²⁷. Их типология совпадает с монетами Томи с типами Зевса и орла, что подтверждает предложенную выше дату последних. Любопытно, что голова бородатого Зевса в лавровом венке вправо и орел встречаются на монетных выпусках Птолемея II Филадельфа между 285–246 гг. до н.э., когда Египет добивался расширения влияния в районе Эвксинского Понта²⁸. Следовательно, изображение бородатого Зевса в лавровом венке могло попасть на монеты Томи через Македонию и ее соседей на севере Балкан и в По-дунавье, которые находились в сфере интересов македонских правителей. Нельзя исключать и воздействия монетного дела Птолемеев на выбор Томи типологии своих монет, так как оба типа – голова бородатого Зевса и орел – присутствуют в монетном деле этого города в конце III в. до н.э.

Для датировки монет Томи с Зевсом в лавровом венке большую важность представляют изображения протом коней. Полуфигуры животных – льва, пан-теры, быка, вепря, оленя, коня – на монетах греческих государств характерны в основном для раннего времени²⁹. Одни из наиболее ранних изображений – про-томы льва на статерах Кари и коня на монетах островов Эгейды ок. 530–520 гг. до н.э.³⁰, протома коня вправо на драхмах города Скотусса в 450–400 гг. до н.э. и гемидрахмах города Трикка ок. 400 г. до н.э. в Фессалии³¹, полуфигура быка на монетах Самоса середины V в. до н.э.³² и монетах сицилийской Гелы в первой половине – середине V в. до н.э.³³ Полуфигуры животных становятся наиболее распространенным изображением на монетах в IV – первой половине III в. до н.э. Протома волка, например, засвидетельствована на монетах Ларанды в Ликаонии, оболых киликийского Тарса, тетраболах Аргоса 361–334 гг. до н.э.³⁴, протома ве-пря – на монетах Пестума в Лукании 268–89 гг. до н.э.³⁵, полуфигура пантеры вправо – на монетах царя Пеонии Леона после 306 г. до н.э.³⁶ Полуфигура льва вправо присутствует на гемидрахмах Херсонеса Фракийского в 330–300 гг. до н.э.³⁷, а быка – на монетах Херсонеса Таврического 370–364 гг. до н.э.³⁸ Протома крылатого коня Пегаса вправо известна на золотых статерах Лампсака середины

²⁵ Pick, Regling 1906, Taf. XXXVIII, 7.

²⁶ SNG Copenhagen 106v.

²⁷ Sear 1979, no. 1996.

²⁸ Sboronos 1904, 610; SNG Copenhagen 114, 125, 129.

²⁹ Kenneth F. Kitchell 2014, 20 suiv.

³⁰ Carradice, Price 1988, pl. 2, 20, 22.

³¹ SNG Copenhagen 250var.; Numizmatik Lanz München. Auktion 144, no. 169.

³² Carradice, Price 1988, pl. 9, 119.

³³ Numizmatik Lanz München. Auktion 144, no. 52, 53.

³⁴ Rovithis – Livaniou, Rovithis 2012, 80–85, fig. 7 d–e, 15 b, 19 b, 20 e.

³⁵ SNG ANS 576.

³⁶ Pick, Regling 1906, 206. Taf. II. 8.

³⁷ BMC Thrace, 8, 11; SNG Copenhagen 815; Numizmatik Lanz München. Auktion 144, no. 91–97.

³⁸ Анохин 1977, №. 24, 25.

IV в. до н.э.³⁹ Полуфигура коня часто встречается на монетах Танагры в Беотии в 387–374 гг. до н.э.⁴⁰, эолийского города Кимы в 350–250 гг. до н.э.⁴¹, ионийского Колофона в 360–300 гг. до н.э.⁴², сицилийского города Панорма в 336 г. до н.э.⁴³ Эволюция фигуры оленя от изображения в виде протомы до стоящего во весь рост хорошо прослеживается по монетам Эфеса. Его полуфигура с поджатыми передними ногами впервые появляется на монетах города в эпоху архаики, затем чеканится с 387 г. до 202 г. до н.э. (в 280–258 гг. до н.э. чередуется с фигурой стоящего оленя). После 133 г. до н.э. оленя изображали уже стоящим и только в 48–27 гг. до н.э. снова стали изображать в виде полуфигуры⁴⁴. Изложенное показывает, что полуфигуры животных, включая коней, наиболее активно воспроизводились на монетах греческих государств приблизительно до середины III в. до н.э. После этого животных чаще изображали в полный рост за некоторыми редкими исключениями⁴⁵. Если принять во внимание, что голова Зевса в лавровом венке на монетах Томи может быть сопоставлена с аналогичным изображением бога на монетах IV – начала III в. до н.э., и если еще присовокупить к этому популярность изображений протом животных до середины III в. до н.э., то можно высказать предположение о возможности чекана монет Томи типа «Зевс в лавровом венке/протомы коней» во второй четверти III в. до н.э. ближе к ее окончанию. В таком случае эти монеты появились в обращении незадолго до серии монет с аналогичными протомами коней и Зевсом в повязке-диадеме, которые относятся к середине – третьей четверти III в. до н.э. Немного позднее или приблизительно одновременно с их последними выпусками появились монеты типа «Гермес/керикейон», а ближе к концу III – началу II в. до н.э. – монеты типа «Зевс/орел». Большая часть других монет с символикой Диоскуров, скорее всего, относится уже ко II в. до н.э.⁴⁶

Если монеты Томи типа «Зевс в лавровом венке/протомы коней Диоскуров и звезды» действительно появились в обращении в первой половине III в. до н.э., то их надчеканка Истрией могла производиться ближе к середине столетия в связи с тем, что этот полис имел собственные экономические и торговые интересы в регионе. Г. Поэнару-Бордеа отмечает, что бронзовые монеты Истрии типа «колесика», которые датируются концом V в. до н.э.⁴⁷, в большом количестве поступали в Томи, Оргам и Никоний, которые уже с VI в. до н.э. находились в сфере торговых интересов истрийцев. Распространение торгового влияния и монет Истрии в Западном Причерноморье, в частности на территории Томи, в последующее вре-

³⁹ Carradice, Price 1988, pl. 9, 119; 11, 153.

⁴⁰ BMC Boeotia 29, 34; SNG Copenhagen 224var – 226, 229, 232.

⁴¹ Imhoof-Blümer 1897, 254–288, no. 5; BMC Aeolis, 14var, 21, 22; SNG Copenhagen 40.

⁴² Milne 1941, no. 104v; BMC Ionia, 23var; SNG München, 548var.

⁴³ Numismatik Lanz München. Auktion 144 no. 62.

⁴⁴ Head 1873, 10, периоды VII–IX: 288–202 гг. до н.э.; BMC Ionia, 26–52, 58–67, 72–74, 78, 79, 86–120; SNG Aulock 1968, 7822, 7823: 387–295 гг. до н.э., 7855, 7859: 48–27 гг. до н.э.

⁴⁵ См., например, монеты Пантикапея 150–140 гг. до н.э. типа «голова Аполлона в венке вправо – протома скачущего коня вправо» (Анохин 1986, № 167; SNG Stancomb 571, 572).

⁴⁶ Например, монеты с изображением пилосов Диоскуров (Pick, Regling 1899, Taf. V, 20, 29; VI, 2) и выпуски со звездами Диоскуров датируются II в. до н.э. (SNG IX BM 305, 306), так как пилосы этих богов встречаются в конце III – II вв. до н.э. на монетах города Сола в Киликии и фригийского города Синнада (Sear 1979, 471, 511, no. 5177, 5624).

⁴⁷ SNG IX BM 220–224.

мя только возрастало, достигнув своего пика к 280 г. до н.э.⁴⁸ Чтобы закрепить монопольное влияние Истрии в Томи в первой половине III в. до н.э., очевидно, приблизительно между 280 и 260 гг. до н.э. серия томитанских монет, отчеканенных около этого времени, была надчеканена истрийской монетной символикой. Это обеспечивало их хождение на внутреннем рынке Томи и ее хоры от имени Истрии и монет Томи в Истрии для поступления доходов от торговли в истрийскую казну. Монетная политика Истрии была связана с вывозом хлеба и необходимостью платить дань галатам. Богатства города возрастали и ок. 250 г. до н.э. Истрия выпустила золотые статеры с типами Александра⁴⁹. Соседний Каллатис еще до 281 г. до н.э. чеканил царские монеты с символикой Лисимаха, а в 280-250 гг. до н.э. стал выпускать серебряные драхмы и гемидрахмы персидского стандарта, которые предшествовали первым золотым статерам этого полиса с типами Александра Македонского, поступившим в обращение во второй четверти III в. до н.э. Одновременно город перечеканивал серебро Лисимаха, которое обращалось в Западном Причерноморье до середины III в. до н.э.⁵⁰ Эти монеты активно участвовали во внешней торговле полиса и обращались в Западном Причерноморье среди местного населения⁵¹. Торговая активность Каллатиса и Истрии в Подунавье, в которой значительная роль отводилась городу Томи, имевшему превосходную гавань, наносила серьезный урон экономическим интересам Византия. Этот крупный центр международной торговли, наживавшийся на вывозе зерна из Причерноморья через подконтрольные ему проливы, имел собственные торговые амбиции в Западном Причерноморье, которые реализовывал при содействии его бывшей апойкии Месембрии. В результате противоречий между Византием и набиравшими экономический вес в Западном Понте Каллатисом и Истрией вспыхнул вооруженный конфликт. Его датируют периодом между 262 и 247 гг. до н.э., однако, согласно наиболее популярной точке зрения, он имел место в 250-х гг. до н.э.⁵²

Об этой войне сохранилось лаконичное свидетельство Мемнона (XXI), из которого следует, что вооруженное столкновение полисов произошло вследствие намерения византийцев установить свою «монополию» (τὸ μονοπώλιον) над гаванью или эмпорием Томи. В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о причинах, ходе и последствиях этой войны. В нашу задачу здесь не входит подробно разбирать все эти нюансы, о чем подробно говорилось в науке. Мы лишь подчеркнем, что причины конфликта лежали в экономической плоскости. Это были, главным образом, торговые противоречия между Византием и Каллатисом, на помощь которому пришла Истрия. Борьба за «монополию» над гаванью или портом – эмпорием Томи – означала стремление поставить под контроль «рынок монопольной торговли» или «право монополии» одного полиса, в данном случае Византия, для извлечения доходов от экспортной торговли, главным образом зернового хлеба. Война велась за то, чтобы валюта Византия в торговле

⁴⁸ Peonaru-Bordea 2004, 32–38, 69.

⁴⁹ Price 1991, II, no. 961-969, pl. IV, 965, 969.

⁵⁰ Pick, Regling 1899, 91, 92, 105, 106, 146, 148, 531, 590, 591, 606-653; Severeanu 1930/1931, 7–11; Le Rider, Olcay 1987, 22-34, no. 1-6; Price 1991, 173, 175, 176.

⁵¹ Peonaru-Bordea 1974, 103–125.

⁵² Pippidi 1953, 488; 1959, 120; 1984, 167; ср. Блаватская 1952, 114, 115; Newskaja 1955, 150, 151; Vinogradov 1987, 47–49; Сапрыкин 1995, 137–139.

с Западным Понтом была бы единственно приемлемой для торговых и денежных расчетов в экспортной торговле. Это делалось ради того, чтобы доходы от торговой деятельности Византии превышали бы доходы прежних монополистов в регионе – Каллатиса и Истрии. В результате победы в войне Византий ок. 235 г. до н.э. приступил к выпуску посмертных статеров Лисимаха, ставших основным платежным средством в международной торговле в Причерноморье. Одесс и Мессембрия начали в это время чекан посмертных статеров Лисимаха, получивших сразу большое распространение во Фракии. В последней четверти III в. до н.э. Дионисополь чеканил монеты по типу Александра, а в середине столетия чеканку золотых статеров осуществила Тира⁵³. В 235–200 гг. до н.э. там начали выпускать тетрадрахмы псевдо-лисимаховского типа⁵⁴, что свидетельствует об экономическом подъеме города после поражения Каллатиса и Истрии в конкурентной войне за право контролировать доходы этого полиса от торговой деятельности. Истрия и Каллатис, напротив, сократили объем прежнего чекана и смогли оправиться от поражения только к последней четверти II в. до н.э.⁵⁵ Это говорит о развитии экономики и торговли в Западном Причерноморье после устранения монополии в торговой деятельности в регионе, которую ранее до войны с Византием имели Истрия и Каллатис.

Таким образом, можно предположить, что надчеканка Истрией медных монет Томи в конце второй четверти III в. до н.э. свидетельствует о монопольном захвате этим полисом денежного рынка Томи и его окрестностей. В результате все доходы от торговой деятельности поступали в казну Истрии и ее союзника – Каллатиса. Отсутствие истрийской надчеканки на серии монет Томи, которые были выпущены после войны с Византием, говорит об изменениях на денежном рынке Западного Причерноморья. Вследствие устранения монополии Каллатиса и Истрии в торговле хлебом Византий и его союзники получили возможность активно участвовать в причерноморской торговле. Это позволило некоторым полисам Западного Понта, включая Томи, расширить собственный экономический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух, С.И. 1995: *Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э.* Запорожье.
 Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса.* Киев.
 Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора.* Киев.
 Блаватская, Т.В. 1952: *Западнопонтийские города в VII–I веках до нашей эры.* М.
 Герасимов, Т. 1946: Античные монеты с контрамарки от Долна Мизия и Тракия. *ИБАИ* 15, 51–81.
 Манов, М. 2015: Скифские цари в Добрудже. В кн.: М.Д. Бухарин (ред.), *Scripta Antiqua* IV, 424–436.
 Мушмов, Н. 1912: Античные монеты на Балканский полуостров и монетите на българските царе. София.
 Сапрыкин, С.Ю. 1995: Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI–II вв. до н.э. Государственная политика или частная инициатива? В кн.: М.И. Золотарев (ред.), *Античные полисы и местное население Причерноморья.* Севастополь, 129–142.

⁵³ Price 1991, 179, 196.

⁵⁴ Price 1991, 196, no. 1211–1213, pl. CLVII, 1213; cf. Seyrig 1958, 623, 624; Petac, Vilcu 2016, 499–505.

⁵⁵ Сапрыкин 1995, 137–139.

- Топалов, С. 2009: *Приноси към проучване монетосеченето и историята в земите на Тракия от II в. пр. н.е. до средата на I в. от н.е.* София.
- Топалов, С. 2015: О принадлежности используемой в I в. до н.э. в районе западнопонтийского побережья круглой надчеканки «колесо со спицами и зубцами». В кн.: М.Д. Бухарин (ред.), *Scripta antiqua* IV, 445–450.
- BMC Thrace, 1877: Head B.V., Gardner P. *Catalogue of Greek Coins: The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace*. London.
- BMC Aeolis, 1894: Warwick W. *Catalogue of the Greek Coins in the British Museum*. Vol. 17: *Troas, Aeolis and Lesbos*. London.
- BMC Boeotia, 1884: *Catalogue of the Greek Coins in the British Museum: Central Greece (Locris, Phocis, Boeotia and Euboea)*. London.
- BMC Ionia, 1892: Head B.V. *Catalogue of the Greek Coins of Ionia*. London.
- Callatay, F. de 2007: La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 271–308.
- Carradice, I., Price, M. 1988: *Coinage in the Greek World*. London.
- Donoiu, I. 1980: *Monede daco-getice și efigii romane*. București.
- Ehrhardt, N. 1983: *Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt am Main.
- Head, B.V. 1873: *The Greek Autonomous Coins*. London.
- Hind, J. F. 2007: City Heads/Personifications and Omens from Zeus: The Coins of Sinope, Istria and Olbia V-IV Centuries BC, *NC* 167, 9–22.
- Imhoof-Blümer, F. 1897: Zur Münzkunde des Pontos von Paphlagonia, Tenedos, Aiolis und Lesbos, *ZfN* XX, 254–288.
- Imhoof-Blümer, F. 1912: Die Kupferprägung des Mithradatischen Reichs und anderen Münzen des Pontus und Paphlagoniens. *NZ* 45, 2, 169–192.
- Jouroukova, J. 1977: Nouvelles données sur la chronologie des rois scythes en Dobrudža, *Thracia* 4, 105–122.
- Karagianni, F. (ed.). 2014: *40 Medieval City-Ports in North Aegean and the Black Sea. A Cultural Guide*. Thessalonike.
- Kenneth F. Kitchell Jr., 2014: *Animals in the Ancient World from A to Z*. New York.
- Le Rider, G. 1977: *Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294*. Paris.
- Le Rider, G., Olcay, V. 1988: Le trésor de Kirazli (près d'Amasya) IGCH 1369, In: *Anatolia Antiqua. Eski Anadolu I*. Istanbul–Paris, 22–34.
- Milne, J.G. 1941: *Kolophon and Its Coinage. A Study*. New York.
- Nawotka, K. 1997: *The Western Pontic Cities. History and Political Organization*. Amsterdam.
- Newschaja, W.P. 1955: *Byzance in der Klassischen und Hellenistischen Epoche*. Leipzig.
- Numismatik Lanz München. Auktion 144. *Numismatische Raritäten*. 24. 11. 2008. München.
- Petac, E., Vîlcu, A. 2015/2016: About the Early Hellenistic Gold and Silver Coinage from Tomis, *Pontica* 48/49, 499–505.
- Pick, B., Regling, K. 1899: *Die Antike Münzen Nordgriechenlands*. Bd. I. Berlin.
- Pick, B., Regling, K. 1906: *Die Antike Münzen Nordgriechenlands*. Bd III: *Makedonia und Paionia*. Berlin.
- Pippidi, D.M. 1953: Histria și Callatis în secolele III-II î.e.n. cu prilejul unei inscripții inedite. *SCIV* IV, 3-4, 487–512.
- Pippidi, D.M. 1959: Zur Geschichte Histrias im III bis II Jh. v. u. Z., *Klio* 37, 119–134.
- Pippidi, D.M. 1984: *Parerga*. București–Paris.

- Poenaru-Bordea, G. 1974: Le trésor de Mărăsești. Les statères en or des cites du Pont gauche et la problème des relations avec le monde grec et les populations locales aux IV-I siècles av. n.è., *Dacia* 18, 103–125.
- Poenaru-Bordea, G. 1997: *Emisinnile monetare ale atelierelor grecești de pe litoralul românesc al Marii Negre (sec. VI î. Hr – III). Un stadeu al problemei*. București.
- Poenaru-Bordea, G. 2004: La diffusion des monnaies d'Istros, Callatis et Tomi du VIe au Ier siècle av. j.-c. dans leurs territoires, zones d'influence et ailleurs. In: *Presenza e funzioni della moneta nelle chora delle colonie greche dall'Iberia al Mar Nero*. Roma, 27–70.
- Price, M. J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue*. Vol. I. Zurich–London.
- Rovithis-Livaniou, E., Rovithis, F. 2012: Stellar Symbols on Ancient Greek Coins II, *Rom. Astron.* 22, 1. Bucharest, 77–92.
- Rutter, N. K. 1983: *Greek Coinage*. Aylesbury.
- Sboronos, I. N. 1904: *Ta Nomismata tou kratou ton Ptolemaion*. Athena.
- Sear, D.R. 1979: *Greek Coins and Their Values*. Vol. I-II. L.
- Severeanu, G. 1930/1931: Considerations asupra tetradrachmelor batute en Kallatis, In: *Buletinul Societății Numismatice Române* 25/26, 7–11.
- Seyrig, H. 1958: Parion au 3e siècle avant notre ère, in: *Centennial Publication of the American Numismatic Society*. New York, 609–624.
- SNG Copenhagen, 1946: *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. The Danish National Museum*. Copenhagen.
- SNG Aulock, 1960/1968: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschlands. Sammlung von Aulock. Ionien, Kilikien*. Berlin.
- SNG IX BM, 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. IX. *The British Museum. 1. The Black Sea*. London.
- SNG XI Stancomb, 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. XI Oxford.
- SNG ANS, 1969: *Sylloge Nummorum Graecorum. The Collection of the American Numismatic Society*. New York.
- SNG München, 1968: *Sylloge Nummorum Graecorum. Staatliche Münzsammlung München*. München.
- Stoian, I. 1961: La città pontica di Tomis. Capitolo introduttivo allo studio Tomitane, *Dacia* 5, 233–274.
- Vinogradov, Ju. G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, oekonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik, In: *Acta Centri Historiae „Terra Antiqua Balcanica“* 11, Trinovi, 9–77.
- WBR I²: Waddington, W., Babelon, E., Reinach, T. 1925: *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. T. 1, f. 1. Ed. 2. Paris.
- WBR I: Waddington, W., Babelon, E., Reinach, T. 1908: *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. T. 1, f. 2. Paris.

REFERENCES

- Andrukh, S.I 1995: *Nizhnedunayskaya Skifiya v VI – nachale I v.do n.e.* [Lower Danubian Scythia in the 6th – Beginning of the 1st Century. BC]. Zaporozhye.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa* [The Coinage of Chersonese]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of the Bosphorus]. Kiev.
- Blavatskaya, T.V. 1952: *Zapadnopontiyskie goroda v 7th – 1st vekakh do naschey ery* [West-Pontian Cities in the VII–I Centuries BC]. Moscow.
- BMC Aeolis, 1894: Warwick W. *Catalogue of the Greek Coins in the British Museum*. Vol. 17: *Troas, Aeolis and Lesbos*. London.

- BMC Boeotia, 1884: *Catalogue of the Greek Coins in the British Museum: Central Greece (Locris, Phocis, Boeotia and Euboea)*. London.
- BMC Ionia, 1892: Head B.V. *Catalogue of the Greek Coins of Ionia*. London.
- BMC Thrace, 1877: Head B.V., Gardner P. *Catalogue of Greek Coins: The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace*. London.
- Callatay, F. de 2007: La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 271–308.
- Carradice, I., Price, M. 1988: *Coinage in the Greek World*. London.
- Donoiu, I. 1980: *Monede daco-getice și efigii romane*. București.
- Ehrhardt, N. 1983: *Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt am Main.
- Gerasimov, T. 1946: Antichni moneti s kontramarki ot Dolna Mizia i Trakiya [*Antique coins with a Counter from Dolna Mizia and Trakia*]. *Izvestiya na Bolgarski Arkheologicheski Institut* 15, 51–81.
- Head, B.V. 1873: *The Greek Autonomous Coins*. London.
- Hind, J. F. 2007: City Heads/Personifications and Omens from Zeus: The Coins of Sinope, Istria and Olbia V-IV Centuries BC, *NC* 167, 9–22.
- Imhoof-Blümer, F. 1897: Zur Münzkunde des Pontos von Paphlagonia, Tenedos, Aiolis und Lesbos, *ZfN* XX, 254–288.
- Imhoof-Blümer, F. 1912: Die Kupferprägung des Mithradatischen Reichs und anderen Münzen des Pontus und Paphlagoniens. *NZ* 45, 2, 169–192.
- Jouroukova, J. 1977: Nouvelles données sur la chronologie des rois scythes en Dobrudža, *Thracia* 4, 105–122.
- Karagianni, F. (ed.). 2014: *40 Medieval City-Ports in North Aegean and the Black Sea. A Cultural Guide*. Thessalonike.
- Kenneth F. Kitchell Jr., 2014: *Animals in the Ancient World from A to Z*. New York.
- Le Rider, G. 1977: *Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294*. Paris.
- Le Rider, G., Olcay, V. 1988: Le trésor de Kirazli (près d'Amasya) IGCH 1369, In: *Anatolia Antiqua. Eski Anadolu I*. Istanbul–Paris, 22–34.
- Manov, M. 2015: Skifskie tsari v Dobrudzhe [Skifsky is Reigning in Dobroudje]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Scripta antiqua IV*. Moscow, 424–436.
- Milne, J.G. 1941: *Kolophon and Its Coinage. A Study*. New York.
- Muschnov, N. 1912: *Antichnite moneti na Balkanskiya poluostrov b monetite na b'lgarskite tsare* [*The Ancient Coins of the Balkan Peninsula and the Coins of the Bulgarian kings*]. Sofia.
- Nawotka, K. 1997: *The Western Pontic Cities. History and Political Organization*. Amsterdam.
- Newschaja, W.P. 1955: *Byzance in der Klassischen und Hellenistischen Epoche*. Leipzig.
- Numismatik Lanz München. Auktion 144. Numismatische Raritäten. 24. 11. 2008. München.
- Petac, E., Vîlcu, A. 2015/2016: About the Early Hellenistic Gold and Silver Coinage from Tomis, *Pontica* 48/49, 499–505.
- Pick, B., Regling, K. 1899: *Die Antike Münzen Nordgriechenlands*. Bd. I. Berlin.
- Pick, B., Regling, K. 1906: *Die Antike Münzen Nordgriechenlands*. Bd III: *Makedonia und Paionia*. Berlin.
- Pippidi, D.M. 1953: Histria și Callatis in secolele III-II î.e.n. cu prilejul unei inscripții inedite. *SCIV* IV, 3–4, 487–512.
- Pippidi, D.M. 1959: Zur Geschichte Histrias im III bis II Jh. v. u. Z., *Klio* 37, 119–134.
- Pippidi, D.M. 1984: *Parerga*. București–Paris.

- Poenaru-Bordea, G. 1974: Le trésor de Mărăsești. Les statères en or des cites du Pont gauche et la problème des relations avec le monde grec et les populations locales aux IV–I siècles av. n.è., *Dacia* 18, 103–125.
- Poenaru-Bordea, G. 1997: *Emisinnile monetare ale atelierelor grecești de pe litoralul românesc al Marii Negre (sec. VI î. Hr – III). Un stadeu al problemei*. București.
- Poenaru-Bordea, G. 2004: La diffusion des monnaies d'Istros, Callatis et Tomi du VIe au Ier siècle av. j.-c. dans leurs territoires, zones d'influence et ailleurs. In: *Presenza e funzioni della moneta nelle chora delle colonie greche dall'Iberia al Mar Nero*. Roma, 27–70.
- Price, M. J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue*. Vol. I. Zurich–London.
- Rovithis-Livaniou, E., Rovithis, F. 2012: Stellar Symbols on Ancient Greek Coins II, *Rom. As-tron*. 22, 1. Bucharest, 77–92.
- Rutter, N. K. 1983: *Greek Coinage*. Aylesbury.
- Saprykin, S., Yu. 1995: Bor'ba za ekonomicheskije zony vliyaniya na Ponte v VI-II vv. do n.e. Gosudarstvennaya politika ili chastnaya initsiativa? [The Struggle for Economic Zones of Influence on the Ponte in the VI–II Centuries. BC. Public Policy or Private Initiative?] In: M.I. Zolotarev (ed.), *Antichnye polisy i mestnoe naselenie Prichernomor'ya* [Ancient Polis and the Local Population of the Black Sea Region]. Sevastopol, 129–142.
- Sboronos, I. N. 1904: *Ta Nomismata tou kratou ton Ptolemaion*. Athena.
- Sear, D.R. 1979: *Greek Coins and Their Values*. Vol. I–II. London.
- Severeanu, G. 1930/1931: Considerations asupra tetradrachmelor batute en Kallatis, In: *Buletinul Societății Numismatice Române* 25/26, 7–11.
- Seyrig, H. 1958: Parion au 3e siècle avant notre ère, in: *Centennial Publication of the American Numismatic Society*. New York, 609–624.
- SNG ANS, 1969: *Sylloge Nummorum Graecorum. The Collection of the American Numismatic Society*. New York.
- SNG Aulock, 1960/1968: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschlands. Sammlung von Aulock. Ionien, Kilikien*. Berlin.
- SNG Copenhagen, 1946: *Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. The Danish National Museum*. Copenhagen.
- SNG IX BM, 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. IX. *The British Museum. 1. The Black Sea*. London.
- SNG München, 1968: *Sylloge Nummorum Graecorum. Staatliche Münzsammlung München*. München.
- SNG XI Stancomb, 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. XI Oxford.
- Stoian, I. 1961: La città pontica di Tomis. Capitolo introduttivo allo studio Tomitane, *Dacia* 5, 233–274.
- Topalov, S. 2009: *Prinosi k'm prouchvane monetosecheneto i istoriyata v zemite na Trakiya ot II v. pr. n.e. do sredata na I v. ot n.e.* [Contributions to the Study of Coinage and History in the Lands of Thrace dating Back to the 2nd c. Until the Middle of the 1st Century AD]. Sofia.
- Topalov, S. 2015: O prinadlezhnosti ispol'zuemoy v I v. do n.e. v rayone zapadnopontiyskogo poberezh'ya krugloy nadchekanki "koleso so spitsami i zubtsami" [About Belonging Used in I in. BC. in the Region of the West-Baltic Coast of the Round over-the-top „Wheel with Knitting Needles and Teeth“]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Scripta antiqua* IV. Moscow, 445–450.
- Vinogradov, Ju. G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, oekonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik, In: *Acta Centri Historiae „Terra Antiqua Balcanica“* 11, Trinovi, 9–77.
- WBR I: Waddington, W., Babelon, E., Reinach, T. 1908: *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. T. 1, f. 2. Paris.

WBR I²: Waddington, W., Babelon, E., Reinach, T. 1925: *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. T. 1, f. 1. Ed. 2. Paris.

COINS OF TOMI WITH ISTRUS' COUNTERMARK

Sergey Yu. Saprykin

Lomonosov Moscow State University, Russia,
mithridates@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the series of Tomi bronze coins with “laureate head of Zeus/two horse foreparts and stars” supplied with Istrus’ countermark. Studying the reasons for the appearance of Istrus’ early countermark on the coins of Tomi, the author argues a new date for the Tomi’s countermarked coins. He dates it to the second quarter of the 3rd c. BC. Also he puts forward several arguments against the minting of these coins in the second half of the 2nd c. BC and the dating of the Istrus’ countermark to the late 2nd – early 1st c. BC as a result of the Greek poleis’ policy towards Mithridates Eupator and the Scythian kings of Dobruja. The author supposes that the Istrus’ countermark on the coins of Tomi could appear in the second quarter of the 3rd c. BC as a result of Istrus’ economic and commercial activity in the West Pontic Region and its predominance in the area of Tomi at that period. Such economic expansion caused a war between Byzantium, Callatis and Istrus for the “monopoly” in Tomi, happened about the mid-3rd c. BC.

Key words: Tomi, Istrus, Callatis, Byzantium, Zeus, Dioscuri, Mithridates Eupator, the Scythians, Dobruja

О НОВОМ МОНЕТНОМ ТИПЕ И ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V В. ДО Н.Э.

А.Е. Терещенко

*Государственный Русский музей, Санкт-Петербург,
andrtereshhen@yandex.ru*

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается новый тип самых мелких серебряных пантикапейских монет (тетартемориев), которые датируются начальным периодом правления Спартока I. Проводится типологический анализ сюжетов, обращается внимание на оригинальность передачи изображения на лицевой стороне исследуемых экземпляров. Далее проводится привязка этих монет к серии «голова Аполлона в лавровом венке вправо – вдавленный квадрат, в центре голова барана вправо, сверху надпись ПАНТИ». В кратком историческом очерке рассматриваются различные объяснения появления так называемой «аполлонийской» серии в период перехода власти от династии Археанактидов в руки нового правителя Спартока I; показаны различия между «археанактидовской» и «спартокидовской» чеканкой. Ключевым образом для интерпретации изображения на разбираемых монетах «спартокидовской» серии оказывается голова барана; иконографические, в особенности нумизматические данные убедительно подтверждают, что среди разнообразных божеств греческого пантеона, спутником которых может выступать баран, Аполлон оказывается одним из наиболее востребованных. Отдельно указывается возможная семантическая близость образа барана с понятием фарна – «эманации солнца, небесного огня, светящейся жизненной силы», одной из главнейших установок иранского сакрального мировоззрения. Кроме того, поскольку голова барана может представлять собой потенциальную личную эмблему царя Спартока, выявляется еще одно косвенное подтверждение для концепции, согласно которой династия Спартокидов имела не фракийское, а скифское происхождение, так как вышеприведенное подразумевает непосредственную, возможно, даже родственную связь боспорского правителя со скифской элитой Причерноморья.

Ключевые слова: античные монеты, эмиссия Пантикапея, династия Спартокидов

В 2005 г. О.Н. Мельниковым была опубликована серебряная пантикапейская монетка неизвестного ранее типа «верхняя часть головы льва с развивающейся гривой вправо/вдавленный квадрат, в центре голова барана вправо, сверху надпись ПАНТИ». Вес – 0,17 г, размер – 5,3×5,5 мм. Автор определил ее номинал как тетартеморий и датировал периодом между 433 и 432 гг. до н.э.¹

Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов, Государственный Русский музей.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

¹ Мельников 2005, 344, № 46, рис. 46; см. таб. I, 1.

Таблица I

Рис. 1–3. Пантикапей. Серебро. Тетартемории (увеличены). *Предположительно 429/28 г. до н.э.* Пантикапей. «Аполлонийская» серия. *Первая половина – начало второй половины третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 442–438/7 гг. до н.э.).*: Серебро. Рис. 4 – диобол. Рис. 5 – обол(?). Рис. 6 – гемиобол. Рис. 7 – тетартеморий.

Пантикапей. Серебро. 438/37 – 429/28 гг. до н.э.: Рис. 8 – диобол. Рис. 9 – гемиобол. Рис. 10 – тетартеморий.

Пантикапей. *Предположительно 429/28 г. до н.э.*: Серебро. Рис. 11 – диобол. Рис. 12 – обол(?). Рис. 13 – гемиобол. Рис. 14 – тетартеморий.

Пантикапей. 428 г. до н.э. – перед 410/405 гг. до н.э. (т.е., незадолго до аннексии Нимфея): Серебро. Рис. 15 – диобол. Рис. 16 – обол(?). Рис. 17 – гемиобол. Рис. 18 – тетартеморий.

Пантикапей. Серебро. Рис. 19 – диобол. *Последнее десятилетие V в. до н.э. (410 – 405 г. до н.э., т.е., незадолго до, и в момент присоединения Нимфея).*

Рис. 20 – диобол. 405 гг. до н.э. – начало IV в. до н.э. Рис. 21 – диобол. *Начало IV в. до н.э. – не позже 393/2 или 389/8 гг. до н.э.* Рис. 22 – диобол. 393/2 или 389/8 г. до н.э. – первая половина или начало второй половины 80-х годов IV в. до н.э. (может быть, 393/2 или 389/8–387 или 384 гг.).

Пантикапей. Рис. 23. Гемидрахма, серебро. *Первая половина/начало второй половины 80-х – начало 70-х годов IV в. до н.э. (может быть, 387 г. или 384–378 гг.).*

Пантикапей. Рис. 24. Лепта (?), медь. *Первая половина/начало второй половины 80-х – начало 70-х годов IV в. до н.э. (может быть, 387 г. или 384–378 гг.).*

На сегодняшний день стало известно о существовании еще двух подобных экземпляров из частных коллекций (вес 0,12 и 0,16 г), благодаря чему удалось более точно определить аверсный рисунок. Как видим, на них достаточно отчетливо читается голова льва с оскаленной пастью, в повороте вправо (см. таб. I, 2, 3²).

Правда, характер рисунка очень сильно выбивается из стилистической традиции пантикапейского монетного дела. Это вызывает некоторое недоумение и даже заставляет считать подобные монеты подделкой позднейшего времени.

Попробуем сказать несколько слов в защиту подлинности данного типа.

В первую очередь отметим, что специфика сюжета на лицевой стороне сама по себе может служить подтверждением подлинности. Анэпиграфные монеты с профильным изображением львиной головы (см. таб. II, 1–5³) неоднократно попадались на территории Крымского и Таманского полуостровов: на данный момент обнаружено около двух десятков экземпляров подобных типов. Для объяснения сравнительной регулярности таких находок предлагалось, например, считать эти монетки продукцией некоего еще неопределенного боспорского центра⁴. О.Н. Мельников сделал еще более смелое предположение, трактуя эти и некоторые другие типы монет как эмиссию боспорского межполисного монетного союза, «вероятным центром которого выступал храм Аполлона в Пантикапее»⁵.

Однако М.Г. Абрамзон вполне резонно счел подобные гипотезы абсолютно бездоказательными. В свою очередь он приводит в качестве примера клад 1867 г. из Ориоля (Auriol)⁶, который содержал среди прочего около 2000 мелких монет аналогичных типов. Эти монеты были признаны эмиссией нелокализованного *ионийского* полиса [IGCH 2352]. Согласно датировке Э. Бабелона, их выпуск приходится на 480–470 гг. до н.э.⁷

Таким образом, ориольский клад служит ярким свидетельством широкого распространения образцов ионийской монетной продукции по всему эллинскому миру. Поэтому нет ничего необычного в том, что мелкое серебро этого вида появляется на территории Северного Причерноморья и, следовательно, уже в первой половине V в. до н.э. как пантикапейские специалисты-монетарии, так и вообще греческое население Боспора имели возможность познакомиться с сюжетом «голова льва в профиль», не покидая родных пределов.

Необходимо добавить, что подобное оформление монет применялось множеством греческих полисов по всей Ойкумене с конца VI в. до н.э. (см. таб. II, 6–17). Однако наиболее полная аналогия нашим тетартемориям представлена серебряными монетами Самоса, Кизика и неидентифицированного полиса в Ка-

² Фотографии и информация о большинстве монет пантикапейской чеканки взяты с сайта «Монеты Боспора. Каталог архив» (<http://bosporan-kingdom.com/000-2149/>)

³ Таб. II, 1 – диобол, найден в Темрюкском р-не (<http://bosporan-kingdom.com/000-1053/2.html>). Таб. II, 2 – гемиобол, найден при раскопках Фанагории [Абрамзон 2013, 66, рис. 4, 105]. Таб. II, 3 – гемиобол, найден на поселении Голубицкая 2 [Строкин 2010, 452, рис. 1, 2]. Таб. II, 4 – гемиобол, найден в окрестностях Керчи (<http://bosporan-kingdom.com/000-1148/>). Таб. II, 5 – гемиобол, найден в окрестностях Керчи (<http://bosporan-kingdom.com/000-2124/1.html>).

⁴ Строкин 2009, 367, рис. 2, 10–13, с. 384, прим. 49; 2010, 455.

⁵ Мельников 2014, 79, таб. II, 43, 44, таб. III, 45–57.

⁶ Абрамзон 2010, 482, таб. II, 2–4; 2013, 66.

⁷ Babelon 1907, 1591–1592.

Таблица II

Иония, неизвестный центр. Серебро. 480–460 гг. до н.э.: Рис. 1 – диобол. Рис. 2 – гемиобол. Рис. 3 – гемиобол. Рис. 4 – гемиобол. Рис. 5 – гемиобол.

Рис. 6. Милет (Иония). Тетартеморий, серебро. VI–V вв. до н.э. Рис. 7. Милет (Иония). Диобол, серебро. V вв. до н.э. Рис. 8. Македония, неизвестный центр. Тетробол, серебро. Ок. 500 г. до н.э. Рис. 9. Малая Азия, неизвестный центр. Тетартеморий, серебро. Ок. 500 г. до н.э. Рис. 10. Магнесия на Меандре (Иония). Тетартеморий, серебро. Первая половина V в. до н.э. Рис. 11. Самос. Диобол, серебро. 460–430 гг. до н.э. Рис. 12. Самос. Гемидрахма, серебро. 439–394 гг. до н.э. Рис. 13. Кизик (Мизия). Тригемиобол, серебро. 450–400 гг. до н.э. Рис. 14. Кария, неизвестный центр. Тетартеморий, серебро. 420–350 гг. до н.э. Рис. 15. Леонтины (Сицилия). Тетрадрахма, серебро. 450–440 гг. до н.э. Рис. 16. Леонтины (Сицилия). Тетрадрахма, серебро. 430–425 гг. до н.э. Рис. 17. Нимфей. Диобол, серебро. 410/9 (405?) – 405 (403?) гг. до н.э. Рис. 18. Фессалия. Трихалк, бронза. Ок. 350 г. до н.э. Рис. 19. Олимпия/Элис (Пелопоннес). Статер, серебро. 340 г. до н.э. Рис. 20. Неизвестный монетный двор (Лидия). Тетартеморий, серебро. V вв. до н.э. Рис. 21. Клазомены (Иония). Медь. IV в. до н.э. Рис. 22. Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 454–427 гг. до н.э.

рии, которые датируются второй половиной V – первой половиной IV вв. до н.э. (см. таб. II, 11, 13, 14).

Тем не менее пантикапейские монеты резко выделяются оригинальным стилем аверсного рисунка. Затылочные пряди львиной гривы изломаны, их концы подвиваются вверх, а пряди на верхней части головы, как будто под напором ветра, вздымаются ввысь и вперед (см. таб. I, 1, 3).

Заметим, что подобная трактовка более нигде не встречается, за исключением пантикапейских же гемидрахм, которые выпускались с первой половины / середины 80-х до начала 70-х гг. IV в. до н.э. (предположительно 387 или 384 – 378 гг. до н.э.⁸). Хотя рисунок на гемидрахмах уже далеко не столь экспрессивен (см. таб. I, 23), но определенное сходство в передаче образа отчетливо видно. В результате представляется вполне оправданным считать изображение на лицевой стороне рассматриваемых нами тетартемориев первой – и полностью самостоятельной – попыткой пантикапейских резчиков воспроизвести данный сюжет в своей особой стилистике.

В какую серию можно включить вновь открытый монетный тип? Присутствие на реверсе головы барана однозначно указывает, что эти экземпляры относятся к достаточно обширной группе пантикапейских монет с аналогичным изображением (см. таб. I, 11–22), выпуск которых приходится на период с конца третьей четверти V в. до н.э. по конец первой четверти IV в. до н.э. В то же время единственное вакантное место для такого номинала, как тетартеморий, имеется только в серии «голова Аполлона в лавровом венке вправо – вдавленный квадрат, в центре голова барана вправо, сверху надпись ΠΑΝΤΙ» (см. таб. I, 11–13).

На сегодняшний день указанный тип представлен несколькими монетами различного достоинства: диобол (зафиксирован 1 экз., вес – 1,30 г), обол (зафиксирован 1 экз., вес – 0,75 г) и гемиобол (зафиксировано 3 экз., вес – 0,25 г). По мнению В.А. Анохина, эти монеты чеканились под эгидой храма Аполлона в 413–403 гг. до н.э.⁹ или 410–400 гг. до н.э.¹⁰

Представляется, что предложенная датировка совершенно не соответствует действительности¹¹. Однако прежде чем углубляться в вопросы хронологии, необходимо кратко проанализировать историю монетного дела на Боспоре в третьей четверти V в. до н.э.

В первую очередь необходимо отметить, что именно на данный период приходится завершение выпуска последней серии археанактидовской чеканки типа «голова льва в фас / муравей – вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в отсеках буквы Α-Π-Ο-Λ» (см. таб. I, 4–7). Датировки, предлагаемые исследователями для этой серии, весьма расплывчаты: вторая четверть V в. до н.э.¹², конец 460-х – конец 440-х гг. до н.э.¹³, первая половина – начало второй половины

⁸ Терещенко 2013, 110, таб. I, 3; см. таб. I, 23.

⁹ Анохин 1986, 138, таб. 2, 57–58.

¹⁰ Анохин 1999, 40, рис. 5, 7.

¹¹ С момента публикации указанных работ были обнаружены новые, ранее неизвестные типы пантикапейских монет.

¹² Шелов 1956, 212, № 14.

¹³ Мельников 2009, 211, №№ 115–130.

третьей четверти V в. до н.э. (м. б., 442–438/7 гг. до н.э.¹⁴), 423–413 гг. до н.э.¹⁵, последняя четверть V в. до н.э.¹⁶

Наша датировка основана на предположении, что на базе симмахии-амфикионии боспорских городов, сложившейся к 480/479 гг. до н.э.¹⁷, Археанактиды предприняли попытку создать новое государственное образование, которое объединялось бы главным образом за счет общих религиозных воззрений, конкретно – культа Аполлона. При этом важнейшую роль для утверждения новой власти должен был сыграть выпуск новых монет (с легендой «А-П» и «АПОЛ»), поскольку пантикапейскую полисную монету сменила бы новая, «аполлонийская».

Насколько можно судить, Археанактиды не проявляли особенной заботы об интересах самого Пантикапея, широко используя ресурсы города и не предоставляя ему при этом никаких привилегий в сравнении с другими боспорскими полисами¹⁸. Такая политика сдерживания амбиций Пантикапея в любых проявлениях – в том числе в области монетного дела – привела в конце концов к закономерному итогу. Династия Археанактидов была свергнута, и к власти пришел Спарток I (438/437–433/432).

Е.А. Молев предполагает, что прекращение чеканки монет с легендой «АПОЛ» могло быть связано не только с антиархеанактидовскими мерами, которые в рамках своей политической программы должен был последовательно проводить Спарток, но и с тем, что сама идея амфикионии, от имени которой выпускались эти монеты и как воплощение которой воспринимались, уже была безнадежно дискредитирована в глазах населения¹⁹.

Так или иначе, понятно, что любые значимые изменения в жизни общества, тем более событие такого масштаба, как смена правящей династии, оказываются неизбежно отражены на монетах. Именно это мы наблюдаем в разбираемом случае²⁰: первый же монетный выпуск основателя новой династии принципиально отличается от чеканки предыдущего периода.

Первая серия спартокидовской эмиссии включает два типа монет:

I) Л. с. – голова Аполлона в лавровом венке вправо. О. с. – вдавленный квадрат, разделенный на четыре сектора, с прерывающимся в центре перекрестьем, в секторах надпись ΠΑΝΤ²¹. Серебро. Диоболы (зафиксировано 18 шт.; вес от 1,15 до 1,69 г, D от 11 до 13 мм) и гемиболы (зафиксировано 8 шт.; вес от 0,25 до 0,43 г, D от 7 до 9 мм).

II) Л. с. – изображение птицы (ворон). О. с. – то же²². Серебро. Тетартемории (зафиксировано 5 шт.; вес от 0,13 до 0,57 г, D от 6 до 8 мм).

Сразу бросается в глаза радикальная смена монетной типологии.

¹⁴ Терещенко 2004, 13.

¹⁵ Анохин 1986, 138, №№ 48–50.

¹⁶ Фролова 1996, 67.

¹⁷ Виноградов 1983, 349; Шелов-Коведяев 1985, 63; Толстиков 1992, 77; Виноградов 2002, 16.

¹⁸ Подробнее см.: Терещенко 2013а, 49–50.

¹⁹ Молев 1999, 32. Впрочем, там же он оговаривается: столь же вероятно, что окончание монетных выпусков всего лишь ознаменовывало завершение строительства пресловутого храма Аполлона.

²⁰ Мельников 2001, 428, прим. 22.

²¹ Бурачков 1884, таб. XIX, 24; Мельников 2005, 343, рис. 42–44; см. таб. I, 8, 9.

²² Мельников 2005, 343, рис. 45; см. таб. I, 10.

По мнению О.Н. Мельникова, выпуск этой серии приходится на 438 – ок. 433 гг. до н.э.²³ Эту датировку активно поддержал В.Л. Строкин, опубликовавший несколько подобных монеток²⁴.

Рассмотрим подробнее внешний вид только что описанных экземпляров. В частности, оригинально написание монетной легенды: две нижние буквы (Π и Α) расположены в строчку, а верхние буквы повернуты по отношению к нижним: Ν – на 90°, а Τ – на 180°. Начертание Ν необычно само по себе: больше всего буква напоминает зигзаг.

Приведем для сравнения тетартеморий из коллекции Государственного Эрмитажа (№ ГЭ 26524) с рисунком «муравей – буквы Π-Α-Ν-Τ в четырехчастном квадрате», описанный Н.А. Фроловой и трактуемый ею как «особый монетный тип»²⁵: буквы в надписи расположены в таком же порядке, как и на наших монетах; совпадает и способ их начертания. Рисунок же на лицевой стороне эрмитажного экземпляра, определяемый Н.А. Фроловой как изображение муравья, в действительности представляет собой не более чем две черточки у края реверсного поля (скорее всего – не что иное, как птичьи лапки). Подобный курьез, несомненно, вызван смещением аверсного штампея.

Еще один аналогичный экземпляр упоминается Н.А. Фроловой как хранившийся в коллекции Ф. Прове. К сожалению, аверсный рисунок этой монеты в точности не известен, но, по мнению Н.А. Фроловой, там тоже изображен муравей²⁶. Однако наличие на оборотной стороне монеты легенды «ΠΑΝΤ» в характерном написании позволяет отнести и этот экземпляр к рассматриваемому типу.

Идентифицировать изображенную на монетах птицу с вороном предложил О.Н. Мельников²⁷. Ворон, действительно, один из постоянных спутников Аполлона: пожалуй, он занимает второе место после лебедя²⁸; кроме того, и сам бог, и его слуги нередко принимали вороново обличье – вспомним пассаж Каллимаха, который приводит В.Л. Строкин (*Callim. Hymn. II. 65–68*: Аполлон в ипостаси ворона указывает скитальцам путь и место для будущего города), или рассказ Геродота о пророке Аристее, который до того, как стать человеком, был вороном и в таком виде сопровождал Аполлона (*Hdt. IV, 15*).

Поэтому нет ничего удивительного, что ворон и ворона регулярно появляются рядом с Аполлоном как в литературной²⁹, так и в изобразительной традиции, в

²³ Мельников 2005, 344, №№ 42–43, 45.

²⁴ Строкин 2007, 334, рис. 1, 2–5, 7, 10.

²⁵ Фролова 1996, 64, таб. IX, 32.

²⁶ Frolova 2004, 37, № 463/4.

²⁷ Мельников 2001, 428, прим. 22. Консультация с сотрудниками Отделения орнитологии Зоологического института РАН (гл. науч. сотр., д. б. н. В.А. Паевский и ст. науч. сотр., к. б. н. В.М. Храбрый) подтвердила, что на монетах изображен именно ворон.

²⁸ Lambrinudakis 1984, 228–229. О. Келлер предлагает остроумное объяснение этимологического мифа об Аполлоне, нимфе Корониде, матери Асклепия, и вороне, в котором объясняется, почему у воронов такие перья (Аполлон, узнав от болтливой вороны об измене возлюбленной, разгневавшись, превратил ее белоснежное оперение в угольно-черное: см.: Hes. *Fr. 60* Merkelbach – West, [Apollod.] III, 10, 3 etc.): для восприятия древних, пишет он, странно было связывать ослепительного бога солнца с черной птицей; так вороны стали белыми хотя бы в анамнезе [Keller 1913, 102–103].

²⁹ Непрерывность традиции очевидна: помимо упомянутых нами эпизодов, литературные свидетельства об Аполлоне и воронах весьма многочисленны [см.: Thompson 1895, 92]: впервые ворон назван «вестником Аполлона» у Гесиода (*Ibid.*); в шутовском стихотворении *Korônisma* поэт III в. до н. э. Феникс из Колофона говорит – правда, не о вороне, а о вороне – даже как о «дитяти Апол-

том числе и на нумизматическом материале³⁰. О. Келлер замечает, что ворон появляется на монетах почти всех городов греческого мира – от Ликий до Великой Греции, – посвященных Аполлону³¹.

Так вкратце обозначив семантику образа ворона, обратим также внимание на следующие аспекты, чрезвычайно важные для понимания характера рассматриваемых монет «аполлонийской» чеканки.

Внешний вид последней «аполлонийской» серии демонстрирует сочетание двух маркирующих признаков: 1) голова льва в фас / муравей; и 2) легенда АПОΛ (см. таб. I, 4–7). Учитывая устойчивую традицию пантикапейской чеканки, в которой фронтальное изображение головы льва (на младших номиналах – изображение муравья) многие десятилетия являлось неизменным аверсным сюжетом, можно предположить, что лицевая сторона «аполлонийских» монет, помимо основного, пока еще малопонятного нам смыслового содержания, содержит также указание на место изготовления монеты. Реверсная же легенда, что вполне понятно, обозначает эмитента.

Таким образом, перед нами (как некогда перед коренными жителями Боспора и иноземными посетителями боспорских рынков) предстает монета некоего центра, носящего имя Аполлона (храма Аполлона? полиса? конфедеративного государства? правителя?), отчеканенная, *возможно*, в Пантикапее. Отметим, что в любом случае само божество здесь отходит уже на второй план³².

Приходится констатировать, что характер сюжетов «аполлонийской» монеты чрезвычайно расплывчат и допускает массу толкований и интерпретаций, в том числе относительно эмиссионного центра.

Чеканка Спартока I, напротив, в высшей степени конкретна. Полис-эмитент – Пантикапей – обозначен вполне однозначно; благодаря этому подтверждается полисный статус монеты. Практически каноническое изображение головы бога столь же однозначно указывает на небесного покровителя, и, соответственно, сообщает о почитании Аполлона на городском уровне.

Не исключено, что столь демонстративная апелляция к божественному патрону, кроме всего прочего, имела своей целью смягчить противодействие той части населения³³, которая воспринимала нового правителя как узурпатора.

В качестве дополнения уместно вспомнить соображение И.Ю. Шауба: «Верховным богом столицы Боспора был Аполлон, при Спартокидах – Аполлон Врач; жрецами этого бога, храмы которого находились, кроме Пантикапея, также в Гер-

лона» (Phoen. Iamb. Fr. 2 Diehl: τῆι παιδὶ τοῦ Ἀπόλλωνος); то же переходит позднее и в латинскую литературу.

³⁰ Так, в дельфийской чеканке встречается изображение ворона с лавровым венком [Thompson 1895, 92]; вполне возможно, что это символическое изображение бога, принявшего образ птицы [другие параллели см. также: Lambrinudakis 1984, №№ 358, 454 etc.]

³¹ Keller 1913, 103.

³² В качестве наиболее показательного примера можно привести довольно экзотическую гипотезу, согласно которой легенда «АПОΛ» может обозначать название «области (территории) на которой находились города, главным культовым символом которых был Аполлон <...> Не называлась ли вся область в районе Пантикапея (Аполлонии?) <...> “Аполлонией Гиперборейской” или “Аполлонией Киммерийской”?» [Масленников, Смекалова 2005, 279–280; Смекалова 2005, 252].

³³ Как считает О.Н. Мельников, здесь прослеживается «настойчивое желание смягчить или нейтрализовать политический аспект прекращения храмовой чеканки (т.е. монет с надписью АПОΛ – А. Т.)» [Мельников 2003, 179].

монассе и Фанагории, были представители высшей аристократии и даже члены правящей династии»³⁴.

Таким образом, принимая во внимание декларативный характер чеканки Спартока I, можем предположить, что основатель новой династии был одним из таких жрецов и изначально имел мощную поддержку со стороны пантикапейской общины.

Дабы завершить анализ монет типа «голова Аполлона в лавровом венке вправо / изображение птицы (ворон) – вдавленный квадрат, разделенный на четыре сектора, в секторах буквы Π–Α–Ν–Τ», нужно сказать следующее: при колоссальном различии в облике последнего «аполлонийского» и первого «спартокидовского» выпусков их объединяет форма монетной легенды (надпись из четырех букв) и принцип ее размещения, что свидетельствует о временной близости их чеканки. Благодаря этому серию «голова Аполлона / ворон – ΠΑΝΤ» можно датировать временем правления Спартока I (т. е. 438/437–433/432). Как представляется, перед нами один из тех редких случаев, когда возможно определить время выпуска ранней античной монеты с максимальной точностью³⁵.

Продолжением эмиссионной деятельности новой династии стали монеты типа «голова Аполлона вправо / голова льва вправо – голова барана, ΠΑΝΤΙ»; это подтверждается сохранением сюжета лицевой стороны «голова Аполлона». Отметим, что в чеканке Спартока I, как и в последующей чеканке Сатира I, соблюден один из основных принципов пантикапейского монетного дела: самые мелкие счетные подразделения имеют аверсный рисунок, отличный от прочих номиналов серии; изображение же на реверсе остается общим для всех.

Появление нового символа «голова барана» прямо указывает на какое-то важное событие в политической жизни Пантикапея. Едва ли могут быть сомнения в том, что эти изменения связаны с кончиной Спартока I и перехода властных полномочий к его наследникам. Вот что по этому поводу пишет И.Ю. Шауб: «Появление на монетах Пантикапея в конце V в. до н.э. нового изображения – головы барана – является единственным указанием в нумизматике на смену власти на Боспоре»³⁶. Конечно, пассаж о «единственном указании» – явное преувеличение, однако оценка сути изменений в монетной типологии совершенно справедлива.

Ничтожное количество дошедших до нас экземпляров этой серии говорит о непродолжительности выпуска. Поэтому наиболее корректно будет отнести их чеканку на краткий период соправления Селевка и Сатира I³⁷, т. е. на 432/431–429/428 гг. до н.э.

³⁴ Шауб 2010, 25–26.

³⁵ Diod. XII, 31, 1: οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι, ἤρξαν ἐτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα: διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἤρξεν ἐτη ἑπτὰ [те, кто правили Боспором Киммерийским и прозывались Археанактиды, у власти находились сорок лет и еще два; а потом власть получил Спарток и царствовал семь лет (пер. В.Г. Измайловой)].

³⁶ Шауб 2007, 363.

³⁷ Такого же мнения придерживается и О.Н. Мельников: «Уход Спартока I и начало соправления Селевка с Сатиром I в 432 г. можно связать с завершением выпуска серебра серии “Аполлон / ворон / ΠΑΝΤ” <...> и краткой попыткой (в пределах года) сохранения “головой Аполлона” на л. с. монет в сочетании с “головой барана” на о. с. К этой же серии принадлежит первый ввод на монетах собственно Пантикапея “головой льва в профиль (вправо)”». Этот вывод содержится в еще не опубликованной работе, любезно предоставленной автором.

Попробуем определить смысловое значение реверсного сюжета «голова барана», образа достаточно сложного и многогранного.

Трудно однозначно определить бога, спутником которого является баран. Будучи в некотором смысле воплощением представления о плодородии и похоти, баран, безусловно, был связан с Афродитой. Нередко богиню любви изображали сидящей на баране³⁸. Ф. Орт в своем обзоре культов, где так или иначе возникает образ этого животного³⁹, сообщает о том, что такое представление было достаточно распространено в Малой Азии и Сирии, а также на Кипре⁴⁰. Однако он же подробно останавливается на том, что баран был одним из наиболее «удобных» (для разведения и содержания) и популярных из-за этого жертвенных животных: едва ли не каждый бог из греческого пантеона получал подобные приношения⁴¹.

Тем не менее на монетах, как правило, с бараном соседствуют Зевс (см. таб. II, 18, 19), Афина (см. таб. II, 20, 21), Силен / сатир? (см. таб. II, 22), Гермес (см. таб. III, 1, 2), Геракл (см. таб. III, 3). Наиболее же распространена пара «Аполлон – баран» (см. таб. III, 4–9).

Что касается типологии боспорских монет, то Д.Б. Шеллов вслед за А.Н. Зографом, уверенно относил образ барана к аполлонийскому кругу, предполагая, что он, как и лев, являлся символом главного божества Пантикапея⁴². Сам же А.Н. Зограф писал: «связь его (т. е. барана – *A. T.*) с культом Аполлона, как покровителя стад, едва ли подлежит сомнению»⁴³.

В принципе, хотя такое заключение и соответствует нашим знаниям о предмете, однако предложенное объяснение (сакральная связь бога и посвященного ему животного) представляется чрезмерно упрощенным.

Дело в том, что еще в конце прошлого века В.А. Анохин отметил любопытный факт, на первый взгляд лежавший на поверхности, но долгое время оставав-

³⁸ См. также: Delivortias [et al.] 1984. №№ 973–974 etc.

³⁹ Orth 1923, 391–394.

⁴⁰ Всесторонний анализ у Л. Стефани [Stephani 1870, 57–58, 90 et passim]. Об особой связи Афродиты с бараном см. также: Gerhard 1862, 304–306; Idem 1854, 273–276.

⁴¹ «Ассортимент» божеств, символом которых можно считать барана, действительно исключительно широк. Так, в схолиях к комедии Аристофана «Птицы» со ссылками на историков Гелланика Лесбосского и Евфрония и на поэта Каллимаха приведен этиологический миф, объясняющий эпитет Артемиды *Κολαίvis*: Агамемнон принес однажды Артемиде негодную жертву – безрогую барана (*θῦσαι αὐτῇ <...> κριὸν κόλον*), за что она и получила это прозвище (Schol. ad Arph. Av. 873). Гермес выступал как хранитель стад (это явствует из его эпитетов *Ἐπιμήλιος*, «покровитель скота» [Paus. IX, 34, 3], и *Μηλοσώβος*, «спаситель скота» [AP. VI, 334, 3] и из многочисленных изображений на краснофигурных вазах, где он гонит перед собой баранью отару). Такое же прозвание (*Ἐπιμήλιος*) имел и Аполлон в своей ипостаси бога-пастуха – наряду с эпитетами *Ἰσχυρὸν μῆλιν* («спутник стад», Pind. Pyth. IX, 64a) и *Ἀρνόκομος* («с кудрявыми, как у ягненка, волосами», Macr. Sat. I, 17, 45); многочисленны также упоминания (например, в уже названном выше гимне Каллимаха к Аполлону – Callim. Hymn. II, 71 ff.) об Аполлоне по прозвищу *Κάρνειος*, «Бараний», которого почитали в Спарте, на одноименном празднике, и символом которого также являлся овен. В «Илиаде» (Hom. II. III, 173) торжественное предложение Менелая о прекращении военных действий и единоборстве между ним и Парисом сопровождается предложением принести в жертву Гелиосу белого барана, а Гее – черную овцу (заметьте, что на рельефе из Карфагена, посвященном Гее Коуротрофос, «вскармливающей чад», также изображен пасущийся у ног богини баран, что заставляет думать о более широкой возможности к толкованию семантики образа – акцент здесь делается скорее на плодovitости, нежели на похотливости животного).

⁴² Шеллов 1956, 22.

⁴³ Зограф 1951, 167.

шийся вне поля зрения исследователей. Изображение головы барана присутствует *исключительно* на монетах периода соправления Селевка и Сатира I, в чеканке Сатира I и в двух первых сериях эмиссии Левкона I, после чего *бесследно исчезает* из монетной типологии Боспора. В результате автор приходит к единственно возможному объяснению: этот символ был «теснейшим образом связан с личностью самого Сатира⁴⁴».

Возьмем на себя смелость прокомментировать предложенный тезис.

Надо сказать, что данный символ сам по себе (т. е. без указания на какое-либо божество) был достаточно широко востребован в греческом монетном деле уже с VI в. до н.э. (см. таб. III, 10–20). Тем не менее, если взглянуть на карту, то легко заметить, что изображение барана на монетах появлялось, как правило, в тех краях, которые или граничили с ареалом обитания иранских и балканских племен, или непосредственно находились на их территории⁴⁵.

В иранском мире баран был одним из главных воплощений фарна – «эманации солнца, небесного огня, светящейся жизненной силы, передающейся человеку, многогранной божественной благодати, тесно связанной с идеологией сакральной царской власти⁴⁶». И.Ю. Шауб указывает, что у скифов, как у ираноязычного народа, с представлениями о фарне могли ассоциироваться различные животные, но в первую очередь – баран⁴⁷. Подтверждением тому служат его многочисленные изображения (в том или ином виде), в изобилии обнаруженные в варварских курганах Боспора⁴⁸. Правда, говоря о пантикапейских монетах с головой барана, автор изначально предпочитал увязывать этот сюжет с культом Гермеса – в подтверждение версии о фракийских корнях Спартокидов⁴⁹. Позднее, однако, он склонился к мнению, что в монетной типологии Пантикапея данный образ тяготеет скорее к кругу скифского / иранского сакрального мировоззрения, что, в свою очередь, свидетельствует в пользу скифского происхождения новой династии⁵⁰.

На Киммерийском Боспоре иранское влияние на жизнь греческой элиты весьма заметно по многим признакам – начиная от имени «Перисад», которое носили многие боспорские цари и частные лица⁵¹, до пышной титулатуры Спартокидов, образцом для которой послужила не менее пышная титулатура персидских владык⁵². Конечно, очарование самой мощной и блистательной империи того времени играло определенную роль – однако совершенно справедливым представляется

⁴⁴ Анохин 1999, 40, рис. 5, 7.

⁴⁵ Терещенко 2012, 119.

⁴⁶ Шауб 2007, 123.

⁴⁷ В качестве параллели можно привести наблюдение, сделанное Ф. Ортом: верховный бог греческого пантеона, громовержец и властитель небесного свода, также получал жертвы в виде баранов [Orth 1923, 391] – любопытно, что это происходило в основном в горной местности. Как кажется, удовлетворительное объяснение этой закономерности предложено О. Келлером [Keller 1909, 325 f.]. Комментируя изображение барана, перепрыгивающего некий храм, на одной монете из г. Кира (греч. Κύρρος, Сирия), Келлер предполагает, что, поскольку азиатский Зевс-Ваал-Громовержец ассоциировался в народном сознании с бараном, перед нами то ли воплощение самого бога, то ли его животное-спутник.

⁴⁸ Подробнее см.: Шауб 2007, 123–127.

⁴⁹ Шауб 2007, 363.

⁵⁰ Высказано в ходе частной беседы.

⁵¹ Грантовский 1970, 195–208.

⁵² Тохтасьев 2001, 163–164.

Таблица III

Рис. 1. Фенеос (Пелопоннес). Гемистатер, серебро. 480–470 гг. до н.э. Рис. 2. Фенеос (Пелопоннес). Обол, серебро. 370–340 гг. до н.э. Рис. 3. Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 521–478 гг. до н.э. Рис. 4. Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 454–427 гг. до н.э. Рис. 5. Кебрен (Троада). Обол, серебро. V в. до н.э. Рис. 6. Неандрия (Троада). Обол, серебро. V в. до н.э. Рис. 7. Клазомены (Иония). Медь. 386–301 гг. до н.э. Рис. 8. Гаргара (Троада). Гемииобол, серебро. IV в. до н.э. Рис. 9. Пеленна (Ахайя). Медь. IV в. до н.э. Рис. 10. Малая Азия. Лидийско-милетский стандарт. Трите, электр. Середина VI в. до н.э. Рис. 11. Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 521–478 гг. до н.э. Рис. 12. Троада, неопределённый центр. Обол, серебро. Конец VI – начало V вв. до н.э. Рис. 13. Дельфы. Тригемииобол, серебро. Последняя четверть VI в. до н.э. Рис. 14. Барса (Киренаика). Дидрахма, серебро. Ок. 480 г. до н.э. Рис. 15. Кебрен (Троада). Гемииобол, серебро. V в. до н.э. Рис. 16. Фрако-македонский регион, неопределённый центр. Гемииобол, серебро. 500–450 гг. до н.э. Рис. 17. Самос. Обол, серебро. 480–439 гг. до н.э. Рис. 18. Иония, неопределённый центр. Гемииобол, серебро. V в. до н.э. Рис. 19. Саламис (Кипр). Тетрадрахма, серебро. Середина V в. до н.э. Рис. 20. Абдера (Фракия). Обол, серебро. 411–385 гг. до н.э.

ся тезис о существовании собственных глубоких иранских корней на территории Боспора⁵³.

Весомым подтверждением «иранского следа» выступают и вещественные источники: например, золотой «шлем» из погребения воина в кургане на мысе Ак-Бурун (курганный некрополь Юз-Обы). В его орнаментации присутствует такой элемент, как круто закрученные волноты, «в которых, по предположению <...> О.В. Шарова, допустимо видеть воспроизведение бараньих рогов <...> Бараньи рога были символом богоизбранности (фарна), а значит, мощи, военной доблести и, разумеется, магической силы⁵⁴». Само погребение, с учетом особенностей обряда, и сопровождающий инвентарь, по мнению авторов, относится к кругу меото-сарматских древностей⁵⁵. Датируется шлем последней четвертью IV в. до н.э.⁵⁶; однако, насколько можно судить, такого рода вещи имеют гораздо более древнюю историю.

В целом у нас есть основания предполагать не только активное греческое влияние на культуру варварских элит Боспора, но и встречный процесс (который в ряде своих работ о варварских влияниях в боспорских верованиях и культах продемонстрировал И.Ю. Шауб [2007; 2011; 2013]).

В качестве примера такого сотрудничества эллинов и варваров можно привести эпизод времени боспоро-гераклеийской войны, связанный с Левконом I: рассказ Полиэна о том, как в ходе не слишком успешного на первых порах противостояния морским десантам гераклеотов Левкон поручил скифам выступить в роли заградотрядов [Polyaen. Strateg. VI, 9, 4]. Пусть это не самое почетное задание для воина, однако вряд ли стоит оспаривать тот факт, что скифы участвовали в этом конфликте в качестве именно *союзников*, а не наемников, и основы этого содружества были заложены при Сатире I (а может быть, и еще раньше).

Можно предположить, что изначально этот союз основывался не только на договорных, но и на родственных отношениях: хотя бы из хрестоматийной новеллы Геродота о царе Скиле [Hdt. IV, 78–79] нам известно о случаях смешанных браков в среде скифской элиты.

Пусть это не более чем гипотеза, но весьма вероятно, что изображение головы барана на пантикапейских монетах являлось совершенно однозначным (и потому понятным для современников) указанием на особую связь между Сатиром I и скифской элитой.

В свете этого рассуждения особенно интересным оказывается замечание Е.А. Молева относительно некоего Сопея, которого упоминает Исократ [*Isocr.* XVII, 3 ff.] и который в период правления Сатира I якобы занимался подготовкой государственного переворота на Боспоре: «...судя по имени, <Сопей> явно был эллинизированным варваром. Вероятно, именно фактор варварского происхождения играл определенную (и, видимо, немалую) роль в борьбе за власть на Боспоре в то время⁵⁷».

⁵³ Фролова 2014, 33.

⁵⁴ Бутягин, Виноградов 2014, 82, 85.

⁵⁵ Бутягин, Виноградов 2014, 107.

⁵⁶ Бутягин, Виноградов 2014, 84.

⁵⁷ Молев 1999, 31.

В данном случае весьма симптоматично, что в начале работы автор, говоря о боспорском правителе, несколько демонстративно определяет имя царя «Спарток» как фракийское⁵⁸, предполагая, таким образом, соответствующее происхождение династии. В дальнейшем эта формулировка смазывается, и речь идет о просто «варварском», т. е. автохтонном происхождении этой исторической фигуры.

Чрезвычайно показателен выпуск Левконом I двух типов монет с головой барана в сочетании с изображением головы Сатира на аверсе (см. таб. I, 22, 24). По заключению А.Н. Зографа, рисунок лицевой стороны представлял собой «говорящую эмблему правителя»⁵⁹. Таким образом, мы можем интерпретировать предлагаемые сюжеты как сакрализацию ушедшего в мир иной владыки, чему способствует мощный пласт понятий о богоизбранности, олицетворением чего выступает образ барана. При этом собственно аполлонийская составляющая символики этого священного животного также полностью сохранялась.

Подводя краткий итог вышесказанному, можем заключить следующее:

1) монеты типа «голова льва с оскаленной пастью, в повороте вправо – вдавленный квадрат, в центре голова барана вправо, сверху надпись ПАНТИ» (см. таб. I, 2, 3) являются тетартемориями (самый мелкий номинал пантикапейской чеканки VI–V вв. до н.э.) серии «голова Аполлона в лавровом венке вправо – вдавленный квадрат, в центре голова барана вправо, сверху надпись ПАНТИ» (см. таб. I, 11–13). Датировать эту серию мы предлагаем периодом соправления Селевка и Сатира I: 432/431–429/428 гг. до н.э.;

2) реверсный рисунок «голова барана» на монетах пантикапейской чеканки, как верно указал В.А. Анохин⁶⁰, должен ассоциироваться исключительно с фигурой Сатира I. Возможно, это личная эмблема, подчеркивающая близкие связи царя со скифской элитой, поскольку, как было показано, этот символ является одним из базовых в религиозной концепции скифов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2010: Экономические связи Боспора в VI в. до н. э. – III в. н. э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1 (27), 477–521.
- Абрамзон, М.Г. 2013: Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория: результаты археологических исследований*. Т. 1. М., 61–107.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Бутягин, А.М., Виноградов, Ю.А., 2014: *Курганы на мысе Ак-Бурун*. Симферополь–Керчь.
- Бурачков, П.О. 1884: *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Ч. 1. Одесса.
- Виноградов, Ю.А. 2002. *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху*. Автореф. дис... докт. ист. наук. СПб.
- Виноградов, Ю.Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Античная Греция*. Т. 1. М., 394–420.
- Грантовский, Э.А. 1970: *Ранняя история персидских племен Передней Азии*. М.

⁵⁸ Молев 1999, 30.

⁵⁹ Зограф 1951, 172.

⁶⁰ Анохин 1999, 40.

- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. М.
- Масленников, А.А., Смекалова, Т.Н. 2005: Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора (Введение в тему). *ДБ* 8, 276–307.
- Мельников, О.Н. 2001: Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона». *МАИЭТ VIII*, 410–435.
- Мельников, О.Н. 2003: Боспорская государственность VI – начала IV вв. до н. э. по данным нумизматики. В сб.: В.Н. Зинько и др. (ред.), *Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений*. Керчь, 174–183.
- Мельников, О.Н. 2005: Метрология монет Боспора второй половины VI – начала IV вв. до н. э. *Stratum plus* 6, 320–355.
- Мельников, О.Н. 2009: Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского. *Stratum plus* 6, 174–234.
- Мельников, О.Н. 2014: Эмитентные типы в аполлонийском монетном союзе боспорских полисов. *Таврические студии* 6, 74–80.
- Молев, Е.А. 1999: Спарток и первые Спартокиды на Боспоре. *Античный мир и археология* 10, 30–35.
- Монеты Боспора. Каталог-архив*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bosporan-kingdom.com>
- Смекалова, Т.Н. 2005: Международная торговля зерном и появление первых монет на Боспоре. В сб.: В.Н. Зинько (ред.-сост.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф*. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 248–256.
- Строкин, В.Л. 2007: АПОΛ[лония] Боспорская или [храм] АПОΛ[лона]? *ДБ* 11, 30–377.
- Строкин, В.Л. 2009: Нимфей – Сама (?) – Нимфей. *ДБ* 13, 359–392.
- Строкин, В.Л. 2010: Монеты с поселения Голубицкая 2. *ДБ* 14, 451–467.
- Терещенко, А.Е. 2004: *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н. э.*: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.
- Терещенко, А.Е. 2012: Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи. *Stratum plus* 6, 119–170.
- Терещенко, А.Е. 2013: Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. *ВДИ* 2, 102–127.
- Терещенко, А.Е. 2013а: «Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках эмитента. В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции*. СПб., 44–52.
- Толстиков, В.П. 1992: Пантикапей – столица Боспора. В кн.: Г.А. Кошеленко (отв. ред.). *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 45–99.
- Тохтасьев, С.Р. 2001: Происхождение титулатуры Спартокидов. В сб.: В.Н. Зинько и др. (ред.), *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений*. Керчь, 161–164.
- Фролова, Н.А. 1996: Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н. э. *РА* 2, 34–69.
- Фролова, Н.А. 2014: Монеты Боспора – источник по вопросу о происхождении основателя династии Спартокидов – Спартока (438 г. до н. э.). В кн.: И.В. Бруяко (отв. ред.), *Записки отдела нумизматики и торетики Одесского археологического музея*. Вып. II. Одесса, 29–41.
- Шауб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э.* СПб.
- Шауб, И.Ю. 2010: *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.)*: автореф. дис.... докт. ист. наук. СПб.

- Шайб, И.Ю. 2013: Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели. В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции*. СПб., 78–82.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э.* М.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н. э. В кн.: А.П. Новосельцев (отв. ред.), *Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования*. М., 5–187.
- Babelon, E. 1907: *Traité des monnaies grecques et romaines*. Paris.
- Delivorrias, A., Berger-Doer, G., Kossatz-Deissmann, A. 1984: Aphrodite. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. II. München – Zürich, 1–150.
- Frolova, N.A. 2004: *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.* Berlin.
- Gerhard, F.W.E. 1854: Aphrodite Pandemos-Epitragia. *Archäologische Zeitung* 12, 273–276.
- Gerhard, F.W.E. 1862: Aphrodite als Widdergottheit. *Archäologische Zeitung* 20, 304–306.
- Keller, O. 1909: *Die antike Tierwelt. Bd I: Säugetiere*. Leipzig.
- Keller, O. 1913: *Die antike Tierwelt. Bd II: Vögel, Reptilien, Fische, Insekten, Spinnentiere, Tausendfüßler, Krebstiere, Würmer, Weichtiere, Stachelhäuter, Schlauchtiere*. Leipzig.
- Lambrinudakis, W. 1984: Apollo. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. II. München – Zürich, 183–327.
- Orth, F. 1923: Schaff. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hlbd 2A. Stuttgart, 373–399.
- Stephani, L. 1870: *Compte rendu de la Commission Impériale Archéologique: pour l'année 1869*. Saint-Petersburg.
- Thompson, d'Arcy W. 1895 : *A Glossary of Greek birds*. Oxford.
- Thompson, M., Mørkholm, O, Kraay, C. M. (eds.) 1973: *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2010: Ekonomicheskie svyazi Bospora v VI v. do n. e. – III v. n. e.: grecheskie monety v denezhnom obrashchenii [Bosporan economic relations in 5th century BC – 3rd century AD: Greek coins circulation]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies] 1 (27), 477–521.
- Abramzon, M.G. 2013: Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii [Ancient foreign coins from excavations at Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya: rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy* [Phanagoria. Results of Archaeological Studies]. T. 1. Moscow, 61–107.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosporan Kingdom]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [A History of Cimmerian Bosporus]. Kiev.
- Babelon, E. 1907: *Traité des monnaies grecques et romaines*. Paris.
- Burachkov, P.O. 1884: *Obshchiy katalog monet, prinallezhashchikh ellinskim koloniyam, su-shchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya* [General catalogue of coins of ancient Greek colonies on the Northern coast of the Black sea]. Pt. 1. Odessa.
- Butyagin, A.M., Vinogradov, Yu.A. 2014: *Kurgany na myse Ak-Burun* [Ak-Burun Cape mounds]. Simferopol' – Kerch'.
- Delivorrias, A., Berger-Doer, G., Kossatz-Deissmann, A. 1984: Aphrodite. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *LIMC*. Vol. II. München – Zürich, 1–150.
- Frolova, N.A. 1996: Monetnoe delo Bospora serediny VI–V vv. do n. e. [Bosporan coinage in mid 6th–5th century BC]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 34–69.

- Frolova, N.A. 2004: *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.* Berlin.
- Frolova, N.A. 2014: Monety Bospora – istochnik po voprosu o proiskhozhdenii osnovatelya dinastii Spartokidov – Spartoka (438 g. do n. e.) [Bosporan coins as a source of information for the origin of Spartokos, the founder of Spartokid dynasty]. In: I.V. Bruyako (ed.), *Zapiski otdela numizmatiki i torevniki Odesskogo arkheologicheskogo muzeya* [Proceedings of the Department of Numismatics of Toreutics of Odessa Archaeological Museum]. Vyp. II. Odessa, 29–41.
- Gerhard, F.W.E. 1854: Aphrodite Pandemos-Epitrugia. *Archäologische Zeitung* 12, 273–276.
- Gerhard, F.W.E. 1862: Aphrodite als Widdergottheit. *Archäologische Zeitung* 20, 304–306.
- Grantovskiy, E.A. 1970: *Rannyya istoriya persidskikh plemen Peredney Azii* [An early history of the Persian ethnic groups of Western Asia]. Moscow
- Keller, O. 1909: *Die antike Tierwelt*. Bd I. Säugetiere. Leipzig.
- Keller, O. 1913: *Die antike Tierwelt*. Bd II: Vögel, Reptilien, Fische, Insekten, Spinnentiere, Tausendfüßler, Krebstiere, Würmer, Weichtiere, Stachelhäuter, Schlauchtiere. Leipzig.
- Lambrinoudakis, W. 1984: Apollo. In: H.C. Ackermann et al. (ed.), *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. II. München – Zürich, 183–327.
- Maslennikov, A.A., Smekalova, T.N. 2005: Sledy drevnego zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya na khrore Evropeyskogo Bospora (Vvedenie v temu) [Evidence of ancient land owning and land use in the rural territory of the European Bosporus. An introduction]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 8, 276–307.
- Melnikov, O.N. 2001: Nimfey, skifskiy vozhd' Sammak i «izmena Gilona» [The polis of Nymphaion, Sammak, chief of the Scythians, and the “betrayal of Gylon”]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials for archaeology, history, and ethnography of Taurica] VIII, 410–435.
- Melnikov, O.N. 2003: Bosporskaya gosudarstvennost' VI – nachala IV vv. do n. e. po dannym numizmatiki [Bosporan statehood of 6th – early 5th century BC]. In: V.N. Zin'ko et al. (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy. Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Materialy IV Bosporskikh chteniy* [The Cimmerian Bosporus and the barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. 10th Bosporan Readings]. Kerch', 174–183.
- Melnikov, O.N. 2005: Metrologiya monet Bospora vtoroy poloviny VI – nachala IV vv. do n. e. [A metrological study of Bosporan coins of late 6th – early 4th century BC]. *Stratum plus* 6, 320–355.
- Melnikov, O.N. 2009: Arkhaicheskiy period i etap ranney klassiki v numizmatike Bospora Kimmeriyskogo [Bosporan Numismatics of Archaic and Early Classical Periods]. *Stratum plus* 6, 174–234.
- Melnikov, O.N. 2014: Emitentnye tipy v apolloniyskom monetnom soyuze bosporskikh polisov. *Tavrisheskie studii* [Taurica Studies] 6, 74–80.
- Molev, E.A. 1999: Spartok i pervye Spartokidy na Bospore [Spartokus the king and the first kings of Spartokid dynasty at Bosporus]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient world and archaeology] 10, 30–35.
- Monety Bospora. Katalog-arkhriv* [The Coins of Bosporan Kingdom], <http://bosporan-kingdom.com>
- Orth, F. 1923: Schaff. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hlbd 2A. Stuttgart, 373–399.
- Shaub, I.Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. e.* [Myth, cult, and ritual in the in the Northern Black Sea region in 7th–4th century BC]. Saint-Petersburg.
- Shaub, I.Yu. 2010: *Ellinskie traditsii i varvarskie vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI–IV vv. do n. e.)* [Greek traditions and barbarian

- influence upon the religious life of Greek colonies of Northern Black Sea Area (the 6th – 4th cc. BC)*. Saint-Petersburg.
- Shaub, I.Yu. 2013: Priobshchenie k Velikoy bogine kak kul'minatsiya zagrobnykh upovaniy bosporskoy elity: kul'turno-istoricheskie paralleli [Communion with the Great Mother Goddess as a supreme reward of holy expectations of the Bosporan elite. Historical and cultural parallels]. In: M.Yu. Vahrtnina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: greki i varvary na evraziyskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Phenomenon of the Bosporan Kingdom: The Greeks and the barbarians at the crossroads between Asia and Europe. Proceedings of the International Conference]. Saint-Petersburg, 78–82.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e.* [The coinage of Bosporan Kingdom in 6th–3rd centuries BC]. Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 1985: Istoriya Bospora v VI–IV vv. do n. e. [A history of Bosporus in 6th–4th centuries BC] In: A.P. Novosel'tsev (ed.), *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: materialy i issledovaniya* [Ancient States in the territory of the USSR: Materials and Studies]. Moscow, 5–187.
- Smekalova, T.N. 2005: Mezhdunarodnaya trgovlya zernom i poyavlenie pervykh monet na Bospore. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizatsii, katastrof. Materialy VI Bosporskikh chteniy* [The Cimmerian Bosporus and the barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. Destabilization and catastrophes period. 6th Bosporan Readings]. Kerch', 248–256.
- Stephani, L. 1870: *Compte rendu de la Commission Impériale Archéologique: pour l'année 1869*. Saint-Petersburg.
- Strokin, V.L. 2007: АΠΟΛ[lonia] Bosporskaya ili [khram] АΠΟΛ[lonia]? [ΑΠΟΛ[lonia] of Bosporus or temple of ΑΠΟΛ[lo]?]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 11, 30–377.
- Strokin, V.L. 2009: Nimfej – Sama (?) – Nimfey [Nymphaion – Sama (?) – Nymphaion]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 13, 359–392.
- Strokin, V.L. 2010: Monety s poseleniya Golubitskaya 2 [The coins discovered at the Golubitskaya 2 settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 14, 451–467.
- Tereshchenko, A.E. 2004: *Avtonomnaya chekanka polisov Bospora Kimmeriyskogo VI–V vv. do n. e.* [Autonomic coinage of the Cimmerian Bosporus]. Saint-Petersburg.
- Tereshchenko, A.E. 2012: Apolloniysko-dionisiyskie motivy v syuzhetakh monet pantikapeyskoy chekanki domitridatovskoy epokhi [The Apollonian and the Dionysian motives in the Panticapaeian coins subjects before Mithridates]. *Stratum plus* 6, 119–170.
- Tereshchenko, A.E. 2013: Monetnoe delo Pantikapeya v IV v. do n. e. [The coinage of Panticapaeum in 4th century BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 102–127.
- Tereshchenko, A.E. 2013a: «Apolloniyskaya» chekanka na Bospore Kimmeriyskom. V poiskakh emitenta [The possible issuer of so-called “Apollonian” coins in the Cimmerian Bosporus]. In: M.Yu. Vahrtnina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: greki i varvary na evraziyskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Phenomenon of the Bosporan Kingdom: The Greeks and the barbarians at the crossroads between Asia and Europe. Proceedings of the International Conference]. Saint-Petersburg, 44–52.
- Thompson, d'Arcy W. 1895: *A Glossary of Greek birds*. Oxford.
- Thompson, M., Mørkholm, O., Kraay, C. M. (eds.) 1973: *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York.
- Tokhtasyev, S.R. 2001: Proiskhozhdenie titulatury Spartokidov [The origin of royal titles of the Spartocids]. In: V.N. Zin'ko et al. (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i Pont v period antichnosti i srednevekov'ya. Materialy II Bosporskikh chteniy* [The Cimmerian Bosporus and the

-
- Barbarian World in the Period of Antiquity and Middle Ages. 2nd Bosporan Readings*]. Kerch', 161–164.
- Tolstikov, V.P. 1992: Pantikapey – stolitsa Bospora [Panticapaeum, the capital of the Bosporan Kingdom]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [*Studies for Bosporan Archaeology and History*]. Moscow, 45–99.
- Vinogradov, Yu.A. 2002. *Greki i varvary na Bospore Kimmeriyskom v dorimskuyu epokhu* [*Greeks and barbarians at the Cimmerian Bosporus in pre-Roman period*]. Saint-Petersburg
- Vinogradov, Yu.G. 1983: Polis v Severnom Prichernomor'e [Polis in the Northern Black Sea region]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia* [*Ancient Greece*]. T. 1. Moscow, 394–420.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient coins*]. Moscow.

A NEW BOSPORAN COIN TYPE AND PANTICAPAEUM COINAGE IN THE MID 6th – AND LATE 5th CENTURY BC

Andrey E. Tereshchenko

The State Russian Museum, Russia,
andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The article deals with a new type of tetartemorion (the small silver denomination in Panticapaeum) dating back to the early years of the rule of Spartokos I. The proposed typological analysis of the discussed coins allows us to attribute those tetartemoria to the series with “laureate head of Apollo / quadratum incusum with a ram head to the right in the center, ΠΑΝΤΙ”. Further, on, the exact meaning of iconographic symbolism of a ram head is under consideration: it seems likely to be explained as the Spartokos’ emblem. It is specially pointed that a ram was used in close association with a concept of Khvarenah – a divine mystical vital power, celestial fire, and even an emanation of the sun itself, i. e. one of the most important elements of Indo-Iranic sacral paradigm. Therefore, the whole idea implies close relationship between the Bosporan king and Scythian elite of the North Pontic area.

Key words: ancient coins, Panticapaeum, the Spartokids dynasty

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ТАМАНЬ-16 В 2016 г.

М.Г. Абрамзон*, Н.И. Сударев**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
abramzon-m@mail.ru*
** *Институт археологии РАН, Москва,
sudarev@list.ru*

Аннотация. В статье публикуется нумизматический материал из раскопок поселения Тамань-16 (в ближайшей округе городища Гермонассы-Таматархи) в 2016 г. Найдено более сотни монет – античных и средневековых, в том числе комплекс позднебоспорских статеров из общественного здания (храма?) – 43 экз. Абсолютное большинство составляют боспорские монеты, датируемые временем от последней трети IV в. до н.э. по первую треть IV в. н.э. Из 49 единичных монет 31 приходится на I – начало III в. н.э., причем самая большая группа из них охватывает время с конца I по середину II в. н.э. По-видимому, именно в этот момент поселение Тамань-16 переживает наивысший расцвет, а затем постепенно деградирует. С начала III в. н.э. жизнь на нем замирает (о чем свидетельствует отсутствие в материалах монет до правления Фофорса) и вновь активизируется в конце столетия – первой трети IV в. н.э. только в южной части поселения, где открыт храм (?). Позднейший статер Рескупорида VI из клада, найденного при входе в храм (?), определяет дату гибели поселения – около 328/329 г. н.э.

Небольшую группу составляют средневековые монеты – византийские и восточные (6 экз.). Находки византийских монет X в. и их имитаций свидетельствуют о возрождении жизни на поселении в конце раннесредневекового периода и тесных связях Тмутаракани с Византией, включая Херсон. Публикуемый нумизматический материал полностью подтверждает предложенную археологическую хронологию и уточняет датировку памятника Тамань-16.

Ключевые слова: археология, Боспор, поселение Тамань-16, Гермонасса, Таматарха, античные и средневековые монеты, денежное обращение

В 2016 г. отряд Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН проводил исследования на античном поселении Тамань-16. Работы велись в связи

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Сударев Николай Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, начальник Восточно-Боспорской археологической экспедиции.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

© IA RAS, NMSTU, JNPhCS, 2017| DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-353–371

со строительством подъездных путей к мосту Крым-Тамань, что и определило участки под исследования.

Поселение Тамань-16 локализуется в глубокой балке на расстоянии 3 км к юго-юго-востоку от городища Гермонассы-Таматархи и северной окраины станицы Тамань (Темрюкский р-н Краснодарского края). Площадь поселения составляет около 38 га. Регулярное исследование памятника ведется с 2007 г. силами Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН и Таманского археологического музея.

Наиболее ранние следы жизнедеятельности на территории памятника относятся к эпохе раннего железного века. Поселение интенсивно функционирует в IV–III вв. до н.э., а пик его жизнедеятельности приходится на I–II вв. н.э. Затем его территория сокращается, и жизнь продолжается только в южной части. В это время поселение представляет собой группу отдельно стоящих усадеб с примыкающей приусадебной хозяйственной зоной и большим количеством крупных хозяйственных ям, возможно используемых для хранения зерна. В IV в. н.э. жизнь на территории поселения прекращается и возобновляется только в X–XI вв. На последнем этапе поселение также представляло собой несколько отдельных усадеб с приусадебным хозяйством. Эту динамику четко отражает и публикуемый нумизматический материал.

В ходе работ 2016 г. всего было найдено 107 монет, из которых 64 экз. – единичные находки, а 43 – составляют комплекс позднебоспорских статеров (клад (?) и россыпь) из общественного здания. Монеты не подвергались чистке; 15 единичных монет пока не поддаются определению. Абсолютное большинство монет – боспорские типы. Небольшую группу образуют средневековые монеты (6 экз.). Нумизматический материал распределяется следующим образом:

Группа I. Античные монеты

А. Боспор

1. Пантикапей, IV–I вв. до н.э.	7
2. Фанагория, II в. до н.э.	1
3. Аспург (14/15–37/38 гг.)	5
4. Гепеирия (37/38–38/39 гг.)	1
5. Котис I (45/46–68/69 гг.)	5
6. Рескупорид II (68/69–91/92 гг.)	1
7. Савромат I (93/94–123/124 гг.)	11
8. Котис II (123/124–132/133 гг.)	1
9. Реметалк (131/132–153/154 гг.)	5
10. Савромат II (174/175–210/211 гг.)	1
11. Рескупорид III (211/212–226/227 гг.)	1
12. Фофорс (285/286–309/310 гг.)	16
13. Радамсад (309/310–322/323 гг.)	4
14. Рескупорид VI (314/315–341/342 гг.)	23
15. Не определенные (Савромат I?)	1

Б. Понт

16. Амис, 100–65 гг. до н.э.	2

В. Римская империя

17. Феодосий I (379–395 гг.) 1

Группа II. Средневековые монеты**А. Византийские монеты и их имитации**

18. Херсон, Роман II (959–963 гг.) 1

19. Константин X Дука и Евдокия (1059–1067 гг.) 1

20. Имитация милиарисия Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) 2

Б. Исламские

21. Восточные, не определенные 2

- Не определенные 15

1. АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ**1.1. ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ**

Самые ранние из найденных монет – пантикапейские дихалки типа «голова сатира/Пегас, ПАН»¹, относящиеся ко времени около 330–315 гг. до н.э. (№ 13, 26; рис. 1, 13). Далее в хронологическом порядке следует пара монет периода денежного кризиса III в. до н.э.² (№ 1, 4; рис. 1, 4). Боспорская чеканка II в. до н.э. представлена только фанагорийской медью с сатиром и луком со стрелой³ (№ 37). Митридатовскому времени принадлежат пантикапейский тип «треножник/звезда, ПАНТИКАП»⁴ (№ 45, 47) начала I в. до н.э. и тетрагалки Амиса типа «Арес/меч»⁵ (№ 15; рис. 1, 15) (100–85 гг. до н.э.) и «Зевс/орел»⁶ (№ 49) (85–65 гг. до н.э.). В публикуемых нумизматических материалах автономную чеканку боспорских городов завершает единственная монета от имени Кесарии⁷ (Пантикапея), датируемая 17/16–13 или 13–12 гг. до н.э.⁸ (№ 43; рис. 1, 43).

Боспорскую царскую чеканку I – начала III в. н.э. открывают асссы Аспурга (№ 20, 23, 32, 33, 46), среди которых традиционно преобладают монеты с портретом Калигулы на о.с.⁹ (№ 20, 23, 32), выпущенные после вступления того на престол 18 марта 37 г. н.э.; старые асссы Аспурга с портретом Тиберия¹⁰, чеканившиеся в 14–37 гг. н.э., составляют меньшую часть (№ 33, 46). Чекану Гепеирии принадлежит одна монета (№ 24). Асссы Митридата III (VIII), обычно встречающихся вместе с ассами его родителей, в публикуемых материалах отсутствуют.

¹ Анохин 1986, 112; SNG BM I 873.

² 1) Шелов 1956, 67; SNG BM I 898; 2) Анохин 1986, 145.

³ Анохин 1986, 147; SNG BM I 990–994.

⁴ Анохин 1986, 203; SNG BM I 941–944.

⁵ SNG BM I 1147–1149; SNG Stancomb 676.

⁶ SNG BM I 1220?

⁷ Анохин 1986, 322a; SNG Stancomb 614–615; Frolova, Ireland 2002, pl. XXXI, 1–29; XXXII, 1–7.

⁸ Фролова 1997/1, 32–38, 41.

⁹ RPC I 1904.

¹⁰ SNG Stancomb 966–967.

Ко времени правления Котиса I относятся пять монет: ассы с портретами Британника (?) (№ 19) и Агриппины (№ 7–8) на о.с., сестерций с портретом Нерона на л.с. и венком на о.с.¹¹ (63–68 гг. н.э.) (№ 6; рис. 1, б) и плохо сохранившийся дупондий с типом храма на о.с.¹² (68–69 гг. н.э.) (№ 36). Затем следует сестерций Рескупорида II типа «царь, попирающий пленника, и трофей/головы царя и Афродиты Урании» из серии 80–92 гг. н.э.¹³ (№ 48).

Самую большую группу единичных монетных находок составляют сестерции Савромата I – 11 экз. Они представлены тремя типами: 1) курульное кресло/венки (№ 17, 30, 40, 42; рис. 1, 17, 42); 2) портрет царя/Ника (№ 27); 3) портрет царя/венки (№ 11, 12, 28, 31, 44; рис. 1, 11, 29). Половина найденных сестерциев выпущена в 108/109–115/116 гг. н.э. (№ 11, 12, 28, 31, 44); все они относятся к типу с венком на о.с. На остальные периоды чеканки этого царя приходится по одному экземпляру.

Чеканка его преемника Котиса II представлена сестерцием с типом скачущего всадника на о.с.¹⁴ (№ 35; рис. 1, 35), выпущенным в 129–130 гг. н.э.

Заметную группу составляют пять сестерциев Реметалка, все – с типом венка на о.с. (№ 3, 16, 21, 22, 39; рис. 1, 3, 21, 22).

Чекан Савромата II представлен драхмой¹⁵ (тройным сестерцием), выпущенной около 180–192 гг. н.э. (№ 2; рис. 2, 2); чеканка Рескупорида III – редким типом денария с дифферентом в виде головы императора на о.с. (№ 5; рис. 2, 5). Далее в нумизматическом материале следует лакуна до времени правлений Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, подтверждающая отмеченный ранее факт сокращения интенсивности жизнедеятельности поселения Тамань-16 в III в. н.э. Монеты последних царей найдены только при расчистке общественного здания и примыкающей зоны (см. ниже).

Привозные античные монеты представлены упомянутой понтийской медью митридатского периода (№ 15, 49), циркулирующей на Боспоре как результат унификации денежного обращения с Понтом, и римской бронзовой монетой (№ 34), отчеканенной от имени Феодосия I в 383–388 гг. н.э. на монетном дворе Гераклеи (?)¹⁶ (Кизика или Никомедии). Последняя имеет отверстие для ношения, так же как многие другие позднеримские монеты (включая точно такие же выпуски Феодосия I), происходящие из некрополей и городищ Крыма и Тамани (например, Нейзац и Дружное¹⁷, Фанагория). Подобные находки просверленных монет свидетельствуют о демонетизации части римской меди и использовании их в качестве украшений¹⁸.

¹¹ Анохин 1986, 352; Фролова 1997/1, XXVII, 9–17.

¹² Монограмма на л.с. стерта. Ср. Анохин 1986, 370–372.

¹³ Фролова 1997/1, 1–8; Анохин 1986, 382.

¹⁴ Анохин 1986, 501; Фролова 1997/1, LV, 12–13.

¹⁵ Фролова 1997/1, XCI, 1–3.

¹⁶ RIC IX, 197, no. 24 (b).

¹⁷ Храпунов 2009, 70–71.

¹⁸ Так, в 2010 г. в погребении № 142 Восточного некрополя Фанагории среди бус на костяке найдены две просверленные медные монеты Феодосия I. На раскопе «Верхний город» в 2011 г. найдена просверленная медная монета Флаккилла, супруги Феодосия I. См. Абрамзон 2013, 78, рис. 5, 148–149 (Феодосий I), 151 (Флаккилла).

Рис. 1. Монеты из раскопок поселения Тамань-16

1.2. КОМПЛЕКС ПОЗДНЕБОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ ИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ¹⁹

В 2016 г., в юго-восточной части поселения были открыты остатки каменного фундамента крупного, по-видимому, сырцового здания. Прямоугольная постройка размерами 9 x 5 м ориентирована точно по линии запад-восток, входом на запад. Стены сильно пострадали от многолетней распашки. Здание построено не ранее III в. н.э., о чем свидетельствуют как присутствие керамического материала второй половины II – III в. н.э. под стенами²⁰, так и находки фрагментов красноглиняных широкогорлых амфор²¹ в забутовке стен сооружения. Здание функционировало также и в IV в., что подтверждают находки фрагментов амфор IV в. н.э. типов «Делакеу», М. 273 и других²², а также боспорские статеры 294/295–327/328 гг. н.э.

Вопрос о функциональном назначении данного сооружения остается открытым. Ориентировка здания входом строго на запад, каменное сооружение прямоугольной формы внутри него (алтарь?), свободное от застройки пространство вокруг здания позволяют предполагать позднеантичный храм или святилище. Однако недостаток иных надежных аргументов заставляет нас оставить для сооружения более широкое определение его как здания общественного назначения.

Здание, как и все поселение, прекратило свое существование внезапно в 328 или 329 г. н.э. О внезапности гибели поселения говорят следы крупного пожара, выявленные в разных частях раскопа. Здание же не было повреждено огнем, но оно было оставлено в спешке, о чем свидетельствуют в частности, деньги, рассыпанные по полу помещения и скопление статеров (клад или кошелек?), найденное на расстоянии около 1 м к северо-западу от северо-западного угла вымостки перед входом в здание. Последнее включает 31 статер трех боспорских царей: Фофорса (285/286–308/309) – 13 экз. (№ 1–13), Радамсада (309/310–322/323) – 3 экз. (№ 14–16) и Рескупорида VI (314/315–341/342) – 15 экз. (№ 17–31).

Самым ранним в кладе является статер Фофорса 583 г. б.э. = 286/287 г. н.э. (рис. 2, Б, 1), стоящий особняком от остальной компактной группы его статеров, объединяющей выпуски без перерыва с 592 по 600 гг. б.э. (295/296–303/304 гг. н.э.). Клад включает статеры Радамсада 613, 614 и 615 гг. б.э. и полтора десятка статеров Рескупорида VI – 611, 616, 619, 620–621, 623–625 гг. б.э.

Кроме клада вне здания, на полу помещения и соседних квадратах были найдены еще 12 статеров, из которых 3 экз. принадлежат Фофорсу, 1 – Радамсаду, 8 – Рескупориду VI. Этот материал охватывает те же хронологические рамки, что и клад, и дополняет картину; монеты из клада и здания часто биты общими парами штемпелей. Полагаем, это не случайно; вся эта масса образует единый комплекс. По-видимому, деньги были собраны в спешке в момент опасности, часть их рассыпалась по полу «наоса» и «пронаоса» (?), остальные, положенные в мешочки или просто завернутые в ткань, были вынесены наружу и спрятаны или обронены.

¹⁹ Авторы статьи готовят детальную публикацию комплекса в журнале «Российская археология».

²⁰ Абрамов 1994, № 6.18, 6.21, 6.23, 6.34, 6.8.

²¹ Абрамов 1994, № 7.21.

²² Robinson 1959, no. M.273; Абрамов 1994, № 7.1, 7.29.

Рис. 2. Монеты из раскопок поселения Тамань-16: А – Савромат II и Рескупорид III; Б – статеры Фофорса, Радамсада, Рескупорида VI из клада из общественного здания; В – средневековые монеты

Публикуемый клад входит в первую подгруппу кладов с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида V, связанную с неизвестными рейдами сарматов, аланов и готов в 327/328–328/329 гг.²³ Набеги варваров в эти годы привели к тезаврации кладов в западных приграничных областях Боспорского царства (клады из Мало-го Таракташа 1908 г.²⁴ и Феодосии 1927 г.²⁵) и столицы (Керченские клады 1961 и 1999 гг.²⁶). Одновременно варвары переправились на Таманский полуостров и разорили укрепления, контролирующие северный вход в Керченский пролив. Об этом свидетельствуют как дата клада с Ильичевского городища 1977 г.²⁷, так и синхронный нумизматический материал из слоя пожара «батарейки» у западной оконечности Фонталовского полуострова, где в 1964 г. был открыт разгромленный и сгоревший дом, позднейшими монетами из которого являлись статеры Рескупорида VI 327/328 г. н.э.²⁸ Затем варвары отправились к Гермонассе, напротив южного входа в Керченский пролив, и сожгли поселения на ее хоре, в частности, Тамань 16. О дате гибели последнего поселения свидетельствует позднейшая монета из клада – статер 625 г. б.э. = 328/329 г. н.э. (рис. 2, Б, 31). Поскольку статеры с датой ЕКХ чеканились с сентября-октября 328 по август-сентябрь 329 г. н.э., рейд варваров под Гермонассу мог состояться не ранее осени 328 г. н.э.

2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ

Небольшая группа средневековых монет включает 2 византийских монеты, 2 подражания, а также 2 исламские (№ 18, 25), которые нам не удалось определить. Самая ранняя из средневековых монет – херсонская литая монета времени Романа II (959–963 гг.)²⁹ (№ 41; рис. 2, 41). Такая же монета зарегистрирована в Таматархе–Тмутаракани³⁰.

Одна бронзовая монета плохой сохранности принадлежит чекану Константина X Дуки и Евдокии (1059–1067 гг.)³¹ (№ 9; рис. 2, 9).

Среди раннесредневековых монет присутствуют два подражания типу серебра Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.)³², одно из которых имеет два отверстия для шнура (№ 10, 38; рис. 2, 10, 38). Оба подражания имитируют тип л.с. серебра с изображением креста (*cross crosslet*) между бюстами этих императоров; на о.с. подражаний изображение отсутствует. «Варварские подражания» милиарисию Василия II и Константина VIII получили широкое распространение в Таматархе и стали основной денежной единицей Тмутараканского княжества³³. Отмечено, что византийские монеты из Таматархи (на окраине которой и располагается поселение Тамань-16 – М.А., Н.С.) выступают важнейшим показателем

²³ Абрамзон, Молев 2016, 387–409.

²⁴ Стевен 1909, 99–101; Харко 1968, 284–295; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 518–521.

²⁵ Фасмер 1929, 285, по. 285; Ное 1937, № 713; Шелов 1950, 134–139.

²⁶ Голенко 1967, 268–272; Абрамзон 2011, 35–40.

²⁷ Фролова 1983, 16–17.

²⁸ Голенко, Сокольский 1968, 87.

²⁹ Анохин 1986, 409; Туровский, Горбатов 2013, 405.

³⁰ Чхаидзе 2008, 235, рис. 133, 12.

³¹ Wroth 1908/2, 517, no. 18, pl. LXI, 7.

³² Wroth 1908/2, 487, nos. 14–20, pl. LVI, 11; DOC III/2, 628, nos. 17a.1–3 или 630, nos. 18a.1, etc., pl. XLVI.

³³ См. Чхаидзе 2008, 11, прим. 3 и 4 (с библиографией).

товарно-обменных связей Таматархи с Византийской империей (в том числе с византийским Херсоном)³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, публикуемый нумизматический материал не только отражает денежное обращение на поселении Тамань-16, но и полностью подтверждает предложенную археологическую хронологию и датировку памятника со всеми наблюдаемыми пиками интенсивности жизнедеятельности поселения и периодами затухания и возрождений. Античные монеты охватывают отрезок времени от последней трети IV в. до н.э. по первую треть IV в. н.э. Из 49 определенных единичных монет 31 приходится на I – начало III в. н.э., причем самая большая группа из них (16 экз.) охватывает время от Савромата I до Реметалка, т.е. с конца I по середину II в. н.э. По-видимому, именно в этот момент поселение Тамань-16 переживает наивысший расцвет, а затем постепенно деградирует – от второй половины II – начала III в. н.э. в нумизматических материалах дошло всего 2 монеты (Савромата II и Рескупорида III). Далее жизнь на нем замирает (о чем свидетельствует отсутствие в материалах монет до правления Фофорса) и вновь активизируется в конце столетия – первой трети IV в. н.э. только в южной его части, где открыт храм (?). Позднейшая монета из клада определяет дату гибели поселения – 328/329 г. н.э.

Находки византийских монет X в. и их имитаций свидетельствуют о возрождении жизни на поселении в конце раннесредневекового периода и тесных связях Тмутаракани с Византией. Здесь же найдены и гораздо более поздние восточные монеты.

³⁴ Чхаидзе 2008, 239.

КАТАЛОГ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК 2016 г.

1. Единичные находки

№ п/п	Инв. № описи инд. наход.	Определение	Датировка	Издание монеты	Вес, г	Диаметр, мм	Металл	Место находки
1	23	Пантикапей, перечежанка	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	4.4	21	АЕ	Р-1, кв. Г-15, шт. 3, оп. 15-3/8
2	41	Савромат II, драхма	Ок. 180–192 гг.	Фролова 1997/1, XCI, 1–3	10.4	28	АЕ	Р-1, кв. Г-10, шт. 5, оп. 10-5/1
3	69	Реметалк, сестерций	131/132–153/154 гг. н.э.	Анохин 1986, 522	7.6	23	АЕ	Р-1, кв. Д-5, шт. 2, оп. 5-2/9
4	75	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 145	2.1	17	АЕ	Р-1, кв. Г-7, шт. 5, оп. 7-5/3
5	80	Рескупорид III, ланарий	Ок. 211/212 г. н.э.	https://bosporan-kingdom.com/000-4143/1.html	10.9	27	АЕ	Р-2, кв. В-8, шт. 3, оп. 8-3/1
6	81	Котис I, сестерций	63–68 гг.	Анохин 1986, 352; Фролова 1997/1, XXVII, 9–17	12.3	29	АЕ	Р-2, кв. В-13, шт. 2, оп. 13-2/1
7	105	Котис I, асс	49–54 гг.	Анохин 1986, 349	5.1	21	АЕ	Р-1, кв. Д-2, шт. 3, оп. 2-3/10
8	111	Котис I, асс	49–54 гг.	Анохин 1986, 348 или 349	5.0	21	АЕ	Р-1, кв. Д-4, шт. 3, оп. 4-3/2
9	119	Византийская империя, Константин X Дука и Евдокия (1059–1067)	1059–1067 гг.	Wroth 1908/2, 517, no. 18, pl. LXI, 7	4.1	27	АЕ	Р-1, кв. Д-6, шт. 2, оп. 6-2/35
10	127	Имитация (?) серебряной монеты Василия II и Константина VIII (976–1025), с двумя отверстиями	977–989 гг.	Тип: Wroth 1908/2, 487, nos. 14–20, pl. LVI, 11; DOC III/2, 628, nos. 17a, 1–3 или 630, nos. 18a, 1, etc., pl. XLVI	1.00	20	АЕ	Р-1, кв. Г-15, объект 1, оп. 15-1/10
11	130	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 7	11.7	26	АЕ	Р-1, кв. В-5, шт. 2, оп. 5-2/1
12	131	Савромат I, Сестерций, фрагмент.	108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 11–15	7.7		АЕ	Р-1, кв. В-5, шт. 2, оп. 5-2/2

13	132	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.8	14	АЕ	Р-2, кв. В-5, шт.2, оп. 5-2/5
14	137	Боспорское царство, сестерций	I–II вв. н.э.		11.7	25	АЕ	Р-2, кв. В-10, шт.3, оп. 10-3/4
15	140	Амис	Ок. 100–85 гг. до н.э.	SNG BM I 1147–1149	4.6	17	АЕ	Р-2, кв. В-13, шт.3, оп. 13-3/7
16	163	Реметалк, сестерций	131/132–153/154 гг.	Анохин 1986, 522	9.9	23	АЕ	Р-1, кв. Д-6, шт. 3, оп. 6-3/18
17	168	Савромат I, сестерций	98/99–103/104 гг.	Фролова 1997/1, XLII, 1–12	5.3	26	АЕ	Р-1, кв. Д-6, объект 1, оп. 6-1/11
18	171	Исламская, средне- вековая			1.2	19	?	Подъемный материал
19	172	Не определенная, Котис I (?), муж. голова впр. / муж. голова впр.	45–50 гг. (?)	Фролова 1997/1, XXIV, 8 (?)	4.9	20	АЕ	Подъемный материал
20	178	Аспург, асс	37–38 гг.	Анохин 1986, 320; Frolova, Ire- land 2002, XLIV, 14–20, XLV, 1–21; XVI, 1–7	7.0	21	АЕ	Р-1, кв. Е-5, шт. 3, оп. 5-3/19
21	179	Реметалк, сестерций	131/132–153/154 гг.	Анохин 1986, 522	9.5	25	АЕ	Р-1, кв. Е-7, шт. 2, оп. 7-2/14
22	180	Реметалк, сестерций	131/132–153/154 гг.	Анохин 1986, 522	4.4	24	АЕ	Р-1, кв. Е-7, шт. 2, оп. 7-2/15
23	181	Аспург, асс	37–38 гг.	Анохин 1986, 320; Frolova, Ire- land 2002, XLIV, 14–20, XLV, 1–21; XVI, 1–7	8.6	21	АЕ	Р-1, кв. Е-3, шт. 2, оп. 3-2/11
24	184	Гепепирия, асс	37/38–38/39 гг.	Анохин 1986, 326; RPC I 1907; Frolova, Ireland 2002, XLVII, 1–18; XLVIII, 1–4	5.8	20	АЕ	Р-1, кв. Е-1, шт. 4, оп. 1-4/1
25	187	Исламская, средне- вековая			1.4	17	?	Р-1, кв. Е-17, шт. 2, оп. 17-2/1
26	191	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.90	14	АЕ	Р-1, кв. Е-2, шт. 1, оп. 2-1/1
27	238	Савромат I, сестерций	115/116–118/119 гг.	Фролова 1997/1, XLVII, 17	10.5	26	АЕ	Подъемный материал

28	258	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 4	8.9	24	AE	P-1, кв. Ж-4, шт. 1, оп. 4-1/1
29	259	Савромат I, сестерций	103/104–108/109 гг.	Фролова 1997/1, XLIV, 10–13	14.1	27	AE	P-1, кв. Ж-8, шт. 1, оп. 8-1/3
30	260	Савромат I, сестерций курульное кресло/венюк			8.7	22	AE	P-1, кв. Ж-9, шт. 1, оп. 9-1/1
31	268	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг. (?)	Фролова 1997/1, XLVI, 16 (?)	12.0	24	AE	P-1, кв. Б-4, шт. 3, оп. 4-3/2
32	341	Аспург, асс	37–38 гг.	Фролова 1997/1, XVI, 16	3.20	20	AE	P-1, кв. 3-6, шт. 2, оп. 6-2/16
33	352	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Анохин 1986, 319	6.20	19	AE	P-1, кв. 3-8, шт. 3, оп. 8-3/9
34	354	Римская империя, Феодосий I (379–395), Гераклея (?), Кизик или Нико-медия, номинал AE 2	383–388 гг.	RIC IX, 197, no. 24 (b)	2.1	20	AE	P-1, кв. 3-17, объект 1, оп. 17-1/1
35	355	Котис II, асс	129/130–130/131 гг.	Анохин 1986, 501; Фролова 1997/1, LV, 12–13	6.50	23	AE	P-1, кв. Л-4, шт. 3, оп. 4-3/2
36	280	Котис I, дупондий	68–69 гг.	Анохин 1986, 370–372	3.30	20	AE	P-1, кв. Ж-8, шт. 1, оп. 8-1/5
37	281	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.10	12	AE	P-1, кв. Ж-8, шт. 1, оп. 8-1/5
38	284	Имитация серебряной монеты Василия II и Константина VIII	977–989 гг.	Тип: Wroth 1908/2, 487, nos. 14–20, pl. LVI, 11; DOC III/2, 628, nos. 17a, 1–3 или 630, nos. 18a, 1, etc., pl. XLVI	1.20	22	AE	P-1, кв. К-15, шт. 1, оп. 15-1/1
39	290	Реметалк (?), сестерций	Ок. 132 г. н.э. (?)	Фролова 1997/1, LX, 20 (?)	8.80	25	AE	P-1, кв. Л-11, шт. 1, оп. 11-1/1
40	330	Савромат I, сестерций, сестерций курульное кресло/венюк	117/118–123/124 гг.	Фролова 1997/1, L, 11	8.40	22	AE	P-1, кв. 3-5, шт. 2, оп. 5-2/12
41	282	Херсон, Роман II	959–963 гг.	Анохин 1977, 413 или 416	3.10	18	AE	P-1, кв. Ж-12, шт. 2, оп. 12-2/1

42	344	Савромат I, сестерций, курульное кресло/венчик	117/118–123/124 гг.	Фролова 1997/1, L, 12–13	6.7	26	AE	P-1, кв. 3-7, шт. 1, оп. 7-1/1
43	333	Пантикапей как Ке-сария	13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 322a-б	6.3	18	AE	P-1, кв. 3-4, шт. 2, оп. 4-2/10
44	320	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 17–19	9.3	26	AE	P-1, кв. 3-9, шт. 3, оп. 9-3/4
45	342	Пантикапей	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	1.9	14	AE	P-1, кв. 3-2, шт. 4, оп. 2-4/1
46	294	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Анохин 1986, 319	7.60	21	AE	P-1, кв. К-2, шт. 2, оп. 2-2/2
47	124	Пантикапей, перечекан на типе «сатир/лук и стрела»	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	2.00	16	AE	P-1, кв. Д-14, шт. 2, оп. 14-2/4
48	332	Рескупорид II	80–92 гг.	Фролова 1997/1, 1–8; Анохин 1986, 382	7.80	25	AE	P-1, кв. 3-4, шт. 2, оп. 4-2/9
49	291	Понт, Амис? Зевс/орел	85–65 гг. до н.э.	SNG BM I 1220?	4.60	19	AE	P-1, кв. Ж-1, шт. 2, оп. 1-2/1
2. Позднебоспорские статеры из здания (?)								
1	292	Фофорс	294/295 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXI, 15–16	7.56	19	AE	P-1, кв. М-6, шт. 1, оп. 6-1/1
2	106	Фофорс	298/299 г. н.э.	Голенко 1960, III, 77; Фролова 1997/2, LXXV, 20	7.83	19	AE	P-1, кв. Д-4, шт. 2, оп. 4-2/20
3	107	Фофорс	300/301 г. н.э.	Анохин 1986, 745б; http://bosporan-kingdom.com/745-4732/6.html	7.08	19	AE	P-1, кв. Д-4, шт. 2, оп. 4-2/21
4	2	Радамсад	316/317 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXXIII, 12	7.43	18	AE	P-1, кв. Г-9, шт. 2, Оп. 9-2/17
5	293	Рескупорид VI	323/324 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/769-4181/43.html	8.01	20	AE	P-1, кв. Л-4, шт. 3, оп. 4-3/1

6	116	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Нет в публикации? О.с. Ср. Голенко, Сокольский 1968, XII, 524; http://bosporan-kingdom.com/769-4181/8.html ; Фролова 1997/2, XCVIII, 15	7.23	20	AE	P-1, кв. Д-5, шт. 4, оп. 5-4/10
7	271	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Голенко, Сокольский 1968, XI, 489	7.75	20	AE	P-1, кв. Е-7, шт. 3, оп. 7-3/12
8	118	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Нет в публикации. Ср. http://bosporan-kingdom.com/770-4403/14.html	7.11	20	AE	P-1, кв. Д-6, шт. 2, оп. 6-2/34
9	273	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Нет в публикации. Ср. Фролова 1997/2, CI, 19	7.44	20	AE	P-1, кв. Ж-6, шт. 2, оп. 6-2/6
10	108	Рескупорид VI	325/326 г. н.э.	Нет в публикации. Ср. Фролова, 1997/2, CII, 9	7.44	20	AE	P-1, кв. Д-4, шт. 2, оп. 4-2/22
11	74	Рескупорид VI	326/327 г. н.э.	Голенко 1960, XI, 359; Фролова 1997/2, CVIII, 1	7.38	19	AE	P-1, кв. Д-3, шт. 3, оп. 3-3/1
12	112	Рескупорид VI	327/328 г. н.э.	Фролова 1997/2, CIX, 9	6.75	19	AE	P-1, кв. Д-4, шт. 3, оп. 4-3/3

3. Клад (кошелек?) перед входом в общественное здание								
1	213	Фофорс	286/287 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXVIII, 17	7.06	21	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 1,
2	206	Фофорс	295/296 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXIII, 26-27	7.28	20	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/15
3	220	Фофорс	296/297 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/741-4578/10.html	6.86	20	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/18
4	221	Фофорс	297/298 г. н.э.	Голенко 1960, II, 61	7.94	19	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/19
5	222	Фофорс	297/298 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/742-4407/5.html	7.85	20	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/20
6	194	Фофорс	297/298 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXV, 1; Сидоренко 2011, рис. 5/7, 135	7.34	19	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/2
7	210	Фофорс	297/298 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXIV, 19; LXXV, 2	7.49	19	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/19
8	219	Фофорс	298/299 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/743-4545/4.html	8.03	21	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/17
9	207	Фофорс	299/300 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXVII, 11-13	8.57	19	AE	P-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/16

10	223	Фофоре	300/301 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/745-4505/4.html	7.20	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/21
11	216	Фофоре	301/302 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXVIII, 18; Анохин 1986. № 746а	7.67	18	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/14
12	236	Фофоре	302/303 г. н.э.	Фролова, 1997. LXXIX, 15	7.28	18	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 3, оп. 4-3/1
13	237	Фофоре	303/304 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/748-4620/2.html	7.07	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 4, оп. 4-4/1
14	196	Радамсад	316/317 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXXIII, 12.	7.46	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/4
15	261	Радамсад	317/318 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/762-4410/1.html	7.56	21	АЕ	Р-1, кв. Е-7, шт. 2, оп. 7-2/16
16	217	Радамсад	318/319 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/763-4511/7.html	7.56	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/15
17	208	Рескупорид VI	314/315 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXXVI, 20-21.	7.42	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/17
18	224	Рескупорид VI	319/320 г. н.э.	Фролова, 1997. LXXXVII, 8;	7.15	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/20
19	214	Рескупорид VI	319/320 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXXVII, 26; LXXXIX, 1	7.24	21	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/12
20	225	Рескупорид VI	321/322 г. н.э.	Нет в публикации. Лс.: ср. Фролова, 1997. XCI, 27-28; XCI, 1-5	6.24	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/21
21	193	Рескупорид VI	323/324 г. н.э.	Сидоренко 2011, рис. 5/27, 549	8.70	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/1
22	212	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Голенко, Сокольский 1968, XI, 515	7.18	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/2
23	203	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Фролова 1997/2, XCIX, 4?	8.02	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/12
24	211	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Фролова 1997/2, XCIX, 4?	8.15	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/1
25	197	Рескупорид VI	326/327 г. н.э.	Фролова 1997/2, CV, 26	7.45	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/5
26	205	Рескупорид VI	326/327 г. н.э.	Фролова 1997/2, CVI, 21-22	7.52	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/14
27	215	Рескупорид VI	326/327 г. н.э.	Фролова 1997/2, CVI, 9	8.03	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/13
28	218	Рескупорид VI	326/327 г. н.э.	Анохин 1986, № 772в	7.10	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 2, оп. 4-2/16
29	195	Рескупорид VI	327/328 г. н.э.	Голенко 1960, XI, 373	7.46	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/3
30	209	Рескупорид VI	327/328 г. н.э.	Фролова 1997/2, CVIII, 23-24	7.46	19	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/18
31	198	Рескупорид VI	328/329 г. н.э.	Фролова 1997/2, CXI, 8	6.84	20	АЕ	Р-1, кв. Е-4, шт. 1, оп. 4-1/6

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2011: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.)* (БИ. Suppl. 7). Симферополь–Керчь.
- Абрамзон, М.Г. 2013: Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории. В кн.: Кузнецов В.Д. (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 61–107.
- Абрамзон, М.Г., Молев, Е.А. 2016: Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.). *ВДИ* 2, 387–409.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005 гг.)* (БИ. Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Абрамов, А.П. 1993: Античные амфоры. Периодизация и хронология. *БС* 3, 4–135.
- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.)*. Киев.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Голенко, К.В. 1960: Второй Патрэйский клад монет (1951 г.). *НЭ* I, 223–289.
- Голенко, К.В. 1967: Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. *ВВ* 27, 268–272.
- Голенко, К.В., Сокольский, Н.И. 1968: Клад 1962 г. из Кеп. *НЭ* VII, 72–126.
- Сидоренко, В.А. 2011: Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров. *МАИЭТ* XVII, 458–569.
- Стевен, А. 1909: Таракташский клад. *ИТУАК* 43, 99–101.
- Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. 2013: *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель*. Симферополь.
- Фасмер, Р.Р. 1929: Список монетных находок. II. *СТАИМК* II, 281–324.
- Фролова, Н.А. 1983: Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. В кн.: Каменцева Е.И. (ред.), *Нумизматические памятники Исторического музея. Нумизматический сборник. Ч. 8* (Труды ГИМ. 57). М., 3–23.
- Фролова, Н.А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Т. I–II. М.
- Харко, Л.П. 1968: Монеты из Таракташского клада 1908 г. В кн.: Гайдукевич В.Ф. (ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелева*. Л., 284–295.
- Храпунов, Н.И. 2009: Монеты из могильника Нейзац. *ПИФК* 3, 55–82.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Шелов, Д.Б. 1950: Феодосийский клад боспорских статеров. *ВДИ* 2, 134–139.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора (VI–II вв. до н.э.)*. М.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD* (BAR International Series. 1102). Oxford.
- Noe, S.P. 1937: *A Bibliography of Greek coin hoards* (Numismatic Notes and Monographs. 78). New York.
- Robinson, H.S. 1959: *Pottery of the Roman Period. Chronology* (The Athenian Agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies. V.). Princeton.
- Wroth, W. 1908: *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. I–II*. London.

REFERENCES

- Abramov, A.P. 1993: Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya [Antique amphorae. Periodization and chronology]. *Bosporiskii sbornik [Bosporan Collection]* 3. Moscow, 4–135.

- Abramzon, M.G. 2011: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. II. *Klady iz novykh postupleniy v Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik (2009-2010 gg.)* [*A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. II. Hoards from new arrivals in the Kerch Historical and Cultural Reserve (2009-2010)*] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 7). Simferopol-Kerch.
- Abramzon, M.G. 2013: Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii [Ancient foreign coins from excavations at Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. 1 (Fanagoriya. I) [*Materials to the archaeology and history of Phanagoria (Phanagoria. I)*]. Moscow, 61-107.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007-2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. I. (1834-2005 gg.) [*A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. I. (1834-2005)*] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 2). Simferopol-Kerch.
- Abramzon, M.G., Molev, E.A. 2016: Klad pozdnebosporiskikh staterov iz Kiteya (2012 g.) [A hoard of Late Bosporan staters from Kytaion (2012)]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 387-409.
- Anokhin, V.A.: *Monetnoye delo Khersonesa (IV v. do n. e. - XII v. n. e.)* [*The Coinage of Chersonese (the 4th Century BC - the 12th Century AD)*]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoye delo Bospora* [*The Coinage of the Bosporus*]. Kiev.
- Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamartarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove* [*Tamartarcha. Early Medieval Town in the Taman Peninsula*]. Moscow.
- Fasmer, R.R., 1929: Spisok monetnykh nakhodok [A list of coin finds]. II. In: *Soobscheniya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noi kul'tury* [*Proceedings of the State Academy of Material Culture History*]. II. Leningrad, 281-324.
- Frolova, N.A. 1983: Klady pozdnebosporiskikh monet kak istochnik po istorii Bospora III v. n.e. [Hoard of the Late Bosporan coins as a source on the Bosporan history of the 3rd century AD]. In: E.I. Kameneva (ed.), *Numismaticheskie pamyatniki Istoricheskogo muzeya. Numismaticheskii sbornik. Ch. 8* [*Numismatics monuments in the Historical Museum. Numismatic collection. Pt. 8*] (*Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [Transaction of the State Historical Museum] 57), 3-23.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. - seredina IV v. n.e.)* [*The Bosporan coinage (the mid-1st century BC - mid-4th century AD)*]. Vol. I-II. Moscow.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD* (BAR International Series. 1102). Oxford.
- Golenko, K.V. 1960: Vtoroy Patreyskiy klad monet (1951 g.) [The Second Patraeos hoard of coins (1951)]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] I, 223-289.
- Golenko, K.V. 1967: Klad pozdnebosporiskikh monet, naydenny v Kerchi v 1961 g. [A hoard of the Late Bosporan coins found in Kerch in 1961]. *Vizantiyskiy vremennik* [*Byzantine Chronicle*] XXVII, 268-272.
- Golenko, K.V., Sokol'skiy, N.I. 1968: Klad 1962 g. iz Kep [The 1962 hoard from Kepoy]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] VII, 72-126.
- Kharko, L.P. 1968: Monety iz Taraktashskogo klada 1908 g. [Coins from the 1908 Taraktash hoard]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. S.A. Zhebeleva* [*Antique history of the Mediterranean and the Northern Black Sea. To the 100th anniversary from the birth of academician S.A. Zhebelyov*]. Leningrad, 284-295.
- Khrapunov, N.I. 2009: Monety iz mogil'nika Neyzats [Coins from Neyzats' necropolis]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 55-82.
- Noe, S.P. 1937: *A Bibliography of Greek coin hoards* (Numismatic Notes and Monographs. 78). New York.

- Robinson, H.S. 1959: *Pottery of the Roman Period. Chronology* (The Athenian Agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies. V.). Princeton.
- Shelov, D.B. 1950: Feodosiyskiy klad bosporskikh staterov [A hoard of Bosporan staters from Theodosia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 134–139.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora (VI–II vv. do n.e.)* [The Coinage of the Bosporus (the 6th – 2nd centuries BC)]. Moscow.
- Sidorenko, V.A. 2011: Kerchenskiy klad 2009 g. degradirovannykh bosporskikh staterov [The 2009 Kerch hoard of degraded Bosporan staters]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials of the Archaeology, History and Ethnography of Taurii] XVII. Simferopol, 458–569.
- Steven, A. 1909: Taraktashskiy klad [The Taraktash hoard]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy arkhivnoy komissii* [Transactions of Tauric Scientific Archival Commission] 43, 99–101.
- Turovskiy, E.Ya., Gorbato, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa* [Coins of ancient and medieval Chersonese. Catalogue – Identification Guide]. Simferopol.
- Wroth, W. 1908: Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. I–II. London.

EXCAVATION COINS FROM THE TAMAN-16 SETTLEMENT FOUND IN 2016

Mikhail G. Abramzon, Nikolay I. Sudarev

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
abramzon-m@mail.ru

** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
sudarev@list.ru

Abstract. The purpose of the article is to record a numismatic material from the excavations of the Taman-16 Settlement in the outskirts of Hermonassa–Tamataarcha in 2016. Over a hundred ancient and medieval coins have been found, including an assemblage of late Bosporan staters from the public building (a temple?) – 43 specimens. The absolute majority consists of Bosporan coins dating from the last third of the 4th century BC to the first third of the 4th century AD. Of the 48 isolated coins, 30 fall on the 1st c. – early 3rd century AD. A large group of them covers the time from the end of the 1st century to the mid-2nd century AD. Apparently, at that very moment, the settlement Taman-16 is experiencing its highest flowering, and then it gradually degrades. Since the beginning of the 3rd century AD the life on it freezes (as evidenced by the absence of coins issued before the rule of Thothorses) and again activated at the end of the century to the first third of the 4th century AD only in the southern part of the settlement, where the temple (?) is discovered. The latest Rhescuporis VI' stater in the hoard found near the temple entrance determines the date of the death of the settlement – about AD 328/329.

A small group consists of medieval coins – Byzantine and Islamic (6 specimens). Finds of the 10th century Byzantine coins and their imitations testify to the revival of life in the settlement at the end of the early medieval period and to the close contacts between Tmutarakan with Byzantine Empire, including Cherson. The published numismatic material fully confirms the proposed archaeological chronology and specifies the dating of the Taman-16.

Key words: archaeology, Bosporus, Taman-16 Settlement, Hermonassa, Tamataarcha, ancient and medieval coins, currency

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 371–391
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 371–391
©Автор(ы) 2017

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ВИНОГРАДНЫЙ 7 (2016 г.)

М.Г. Абрамзон*, Н.И. Сударев**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
abramzon-m@mail.ru*
** *Институт археологии РАН, Москва,
sudarev@list.ru*

Аннотация. В статье публикуется нумизматический материал из раскопок поселения Виноградный 7 (в окрестностях Фанагории) в 2016 г. Данное поселение находилось у древней дороги, которая проходила через всю Тамань – от мыса Панагия через Фанагорию до северо-западного берега Кизилташского лимана, имеющего выход в Черное море. Найдено более 360 монет – античных и средневековых, в том числе и часть клада или кошелька с пантикапейскими медными монетами начала III в. до н.э.

Наибольшую группу публикуемых материалов составляют боспорские монеты, датируемые временем от последней трети IV в. до н.э. по первую треть IV в. н.э. 92 из 125 идентифицированных монет принадлежат Пантикапею (69) и Фанагории (24); 18 монет – боспорским царям от Аспурга до Рескупорида VI. Важную и редкую находку представляет серебряный диобол Фанагории типа «голова Аполлона/роза», отражающий ее политическую ориентацию на Родос в условиях слабеющей державы Спартокидов.

В погребениях встречаются золотые византийские монеты и «варварские» подражания солидам и милиарисиям. Среди них – номисма Романа IV Диогена, имитации солида Иоанна Цимисхия и милиарисиев Василия II и Константина VIII. Редчайшую находку на Тамани представляет серебряник князя Владимира (II тип), превращенный в украшение. Находки византийских монет X–XI вв. и их имитаций свидетельствуют о тесных связях Тмутаракани с Византией, а также маркируют путь, по которому монеты поступали в хазарскую Фанагорию и Таматарху. На поселении найдены также монеты Крымского ханства XVI–XVIII вв. Публикуемый нумизматический материал позволяет уточнить датировку бытования поселения Виноградный 7.

Ключевые слова: археология, Боспор, поселение Виноградный 7, Фанагория, античные и средневековые монеты, денежное обращение, Византийская империя, Древняя Русь, Тмутаракань, Крымское ханство

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Сударев Николай Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, начальник Восточно-Боспорской археологической экспедиции.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

© IA RAS, NMSTU, JHPhCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-371–391

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Поселение и некрополь Виноградный 7 расположены в 4,8 км к северо-западу от ст. Вышестеблиевская, в 3,8 км к северо-востоку от пос. Виноградный и в 3,5 км к югу от пос. Приморский. Данное поселение находилось у древней дороги, которая соединяла Фанагорию с поселением Виноградный 1 и северо-западной оконечностью Кизилташского Лимана¹ – крупнейшего лимана дельты Кубани, имеющего выход в Черное море². По мнению Я.М. Паромова, эта дорога была одной из трех основных дорог Таманского полуострова и проходила от Голубицкого о-ва через Фанагорию до мыса Панагия³. В районе поселения Виноградный 7 от основной древней дороги, в юго-западном направлении, в сторону поселения, отходит еще одна, меньших размеров, которая далее продолжается в западном направлении и маркируется цепочкой курганов и поселений. Вероятно, существовали еще ответвления в восточном направлении, в сторону поселений Вышестеблиевская 16 и 10, а также в юго-восточном – в сторону поселения Вышестеблиевская 9. Судя по наличию в курганах, маркирующих эти дороги, погребений эпохи бронзы и раннежелезного века, можно предположить, что дороги возникли ещё в догреческий период⁴, скорее всего в эпоху ранней бронзы, и функционировали к моменту греческой колонизации региона. Из примечательных особенностей следует отметить, что поселение расположено в долине между естественными возвышенностями, на которых находятся с восточной стороны курганы Большая и Малая Близницы⁵, а с западной – Васюринский курган.

Впервые поселение Виноградный 7 было отмечено, как «следы античной культуры», на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1925–1927 гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект, как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместив его под № 32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930–1931 гг. В 1984 г. памятник был обследован разведочным отрядом Института археологии АН СССР под руководством Я.М. Паромова, который и дал ему современное название, поместив на составленной им археологической карте Таманского полуострова под номером 166⁶. Исследователь определил это поселение как сельское, с чем, однако, трудно согласиться. Против этого говорит, как наличие перекрестка нескольких дорог, что делает его стратегическим пунктом, так и наличие обширного и насыщенного некрополя, находки архитектурных деталей от разнообразных каменных строений, в том числе фрагменты антаблемента эллинистического храма дорического ордера, архитрава с двустрочной надписью и т.д.

Предварительно поселение было датировано VI в. до н.э. – I в. н.э. Впоследствии данная датировка была уточнена. Отдельные ямы и комплексы на данном па-

¹ В настоящее время эта часть называется Цукурский лиман

² До начала XX века именно в этот лиман вливалась большая часть вод Кубани.

³ Паромов 1998, 219–220, рис. 2

⁴ На этих дорогах расположены также поселения от IX–VII вв. до н.э. до эпохи средневековья включительно.

⁵ Немного восточнее расположен один из самых значительных на Тамани курганов – Баюр-Гора (Буерова Могила)

⁶ Паромов 1992, 535.

мятнике датируются IX–VII вв. до н.э., однако преемственность между ними и возникшим на этом месте греческим поселением не прослеживается. Наиболее ранние из встреченных при раскопках фрагментов керамики датируются в пределах первой половины V в. до н.э.⁷, а наиболее поздний массовый материал – X–XII вв. н.э.

Раскопки на данном поселении и его некрополе велись с 1993 г. в течении шести полевых сезонов⁸ экспедицией КубГУ под руководством И.И. Марченко. В этот период исследовалась в основном его северо-западная часть, где помимо курганов был выявлен и частично исследован участок поселения раннесредневекового и средневекового времени, а также синхронный ему грунтовый некрополь (80 погребений). В дальнейшем этот участок был выделен в отдельное поселение и ему присвоено имя «Гора «Чиркова 1». Под этим наименованием оно исследовалось в 2015 и 2016 гг.⁹

В 2015–2016 гг. на поселении и некрополе Виноградный 7 исследуется более 100 000 м². Одновременно на территории поселения Гора Чирково 1 исследуется более 40 000 м². В результате исследований установлено, что поселение и некрополи средневекового времени занимают значительно большую площадь, нежели это представлялось ранее. Помимо некрополя, раскопанного в северо-восточной части поселения экспедицией КубГУ, был выявлен еще один некрополь средневекового времени, расположенный к востоку от средневекового поселения. В 2016 г. на его территории было открыто 90 погребений. Погребения совершены в простых могильных ямах, ямах с заплечиками и деревянными перекрытиями и в каменных ящиках. Инвентарь довольно бедный, в основном представлены ножи, кресала, режы – украшения, сосудов практически не встречено. Однако во многих погребениях присутствовали монеты, в том числе местные подражания византийским монетам.

Кроме того, во время предыдущих исследований территории некрополя Виноградный 7 восточная часть участка была определена как самостоятельный памятник – курганный некрополь Вышестеблиевская 21. Однако, в процессе работы было выяснено, что это не курганы, а естественные возвышенности в восточной части грунтового некрополя поселения Виноградный 7 и данные памятники были объединены в один – «Виноградный 7».

2. НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Монеты с поселения и некрополя Виноградный 7 часто имеют плохую сохранность. Из 363 зафиксированных монетных находок определению поддаются на данный момент 129 экз., которые распределяются следующим образом:

ГРУППА I. Античные монеты

А. Боспор

1. Городские монеты

1. Пантикапей, IV–I вв. до н.э. 68

⁷ Что на наш взгляд не исключает возможность появления поселения уже в конце VI в. до н.э.

⁸ В 1993 (Лимберис Н.Ю.), 2001 (Лимберис Н.Ю.), 2002 (Бочковой В.В.), 2004 и 2005 (Кононов В.Ю.) и в 2006 (Бочковой В.В.)

⁹ Раскоп 2. В каталоге обозначение Р-2.

2. Фанагория, II в. до н.э.	25
2. Царские монеты	
3. Неизвестный династ ΒΑΕ	1
4. Аспург (14/15–37/38 гг.)	1
5. Митридат III (VIII) (39/40–45/46 гг.)	1
6. Савромат I (93/94–123/124 гг.)	3
7. Савромат II (174/175–210/211 гг.)	4
8. Рескупорид III (211/212–226/227 гг.)	2
9. Рескупорид V (242/243–276/277)	1
10. Котис III (227/228–233/234)	2
11. Савромат III (229/230–231/232)	1
12. Ининфимей (234/235–238/239 гг.) (?)	1
13. Тейран (266/267, 275/276–278/279 гг.)	1
14. Фофорс (285/286–309/310 гг.)	1
15. Рескупорид VI (314/315–341/342 гг.)	1

ГРУППА II. Средневековые монеты

А. Киевская Русь

16. Владимир (978–1015 гг.)	1

Б. Византийские монеты и их имитации

17. Подражание солиду Иоанна Цимисхея (969–976 гг.)	1
18. Подражания милиарисию Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.)	5
19. Не определенное подражание	1
20. Византийская империя, Роман IV Диоген. Соправители: Евдокия, Михаил VII, Андроник и Константин (1068–1071 гг.)	1

В. Крымское ханство

21. Давлет Гирей I бен Давлет Гирей (1550–1577 гг.)	2
22. Джанибек Гирей II бен Мубарек Гирей (1610–1623, 1627–1635) ..	1
23. Фатх Гирей II бен Девлет Гирей (1736–1737 гг.)	1
24. Не определенная	1

2.1. АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ

Большую часть в данной выборке (92 из 125 экз.) составляют монеты Пантикапея и Фанагории. Чеканка Пантикапея охватывает IV–I вв. до н.э. Самые ранние монеты относятся к серии пантикапейской меди, датированной Д.Б. Шеловым временем около 330–315 гг. до н.э. Представлены номиналы: тетрагалк¹⁰ (№ 102, рис. 1, 102), дихалки¹¹ (№ 28, 56, 74, рис. 1, 28, 74) и халки¹² (№ 53, 112).

¹⁰ Анохин 1986, 111.

¹¹ Анохин 1985, 112.

¹² Анохин 1986, 113.

Рис. 1. Монеты IV-I вв. до н.э. из раскопок поселения и некрополя Виноградный 7 (Пантикапей и Фанагория)

Эти монеты встречаются как в погребениях в качестве «обола Харона», так и среди подъемных материалов.

Далее следуют тетрагалки с головой льва и осетром на о.с.¹³ из серии около 315–300 гг. до н.э. (№ 97. рис. 1, 97). В начале III в. до н.э. эти монеты в массовом порядке надчеканивались клеймами со звездой и горитом (№ 35, 51. рис. 1, 35, 51). Из Раскопа 4 происходит часть клада таких надчеканенных монет – 4 экземпляра, найденных вместе (рис. 2), на которых в местах коррозии сохранились следы текстиля. Монеты были либо завернуты в ткань, либо хранились в холщовом кошельке. Возможно, к этому кладу принадлежат еще две таких же монеты с соседних квадратов (№ 35, 51. рис. 1, 35, 51).

К началу III в. до н.э. относятся пантикапейские дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$ (рис. 1, 29, 39)¹⁴, к периоду денежного кризиса – деградированная медь (13 экз.) (рис. 1, 42, 61, 67), в том числе и с надчеканкой в виде треножника¹⁵ (№ 103, 118). Последней четвертью столетия датируются крупные пантикапейские монеты с головой Посейдона и пророй с надчеканками в виде голов сатира и Афины¹⁶ (№ 84. рис. 1, 84) и тип «крыло/треножник»¹⁷ (№ 71).

Боспорская чеканка II в. до н.э. представлена многочисленными пантикапейскими монетками с головой Аполлона и горитом (рис. 1, 11, 14, 63), а также фанагорийской медью с сатиром и луком со стрелой¹⁸ – 21 экз. (рис. 1, 12, 54).

Важную и редкую находку представляет анэпиграфный серебряный диобол типа «голова Аполлона / роза»¹⁹ (№ 2. рис. 1, 2), датируемый, возможно, периодом около 125–110 гг. до н.э. (?). В.А. Анохин справедливо относит эти монеты к чекану Фанагории, при этом предложенная исследователем датировка их временем около 165–155 гг. ничем не аргументируется. Диоболы по-видимому синхронны фанагорийским тетроболам с розой на о.с., которые Д.Б. Шелов датирует последним десятилетием правления Спартокидов – около 120–110 гг. до н.э.²⁰, а В.А. Анохин – 107–100 гг. до н.э.²¹ В электронном каталоге-архиве «Монеты Боспора» диоболы и тетроболы датируются одним временем – 109–100 гг. до н.э.²² Мы также полагаем, что оба выпуска не могут быть разделены сколько-нибудь заметным промежутком времени и скорее всего составляют одну серию, будучи связаны общим типом о.с., имитирующим реверс родосских монет. Возрождение фанагорийской серебряной чеканки в конце столетия отражает подъем экономики полиса во II в. до н.э. и новый рост значения городских органов власти, совпадающий со временем ослабления Спартокидов²³. Выбор Фанагорией (и Горгиипой) родосских монетных типов для чеканки своего серебра не случаен и, по мнению Д.Б. Шелова, свидетельствует о возможной политической ориентации Фанагории

¹³ Анохин 1986, 125.

¹⁴ Анохин 1986, 132.

¹⁵ Анохин 1986, 139.

¹⁶ Анохин 2011, 1058; SNG BM I 912.

¹⁷ Анохин 1986, 142.

¹⁸ Анохин 1986, 147; SNG BM I 990–994.

¹⁹ Анохин 2011, 1167.

²⁰ Шелов 1956, табл. IX, 114.

²¹ Анохин 2011, 1171.

²² <https://bosporan-kingdom.com/000-3134/1.html>.

²³ Зограф 1951, 181.

Рис. 2. Пантикапейские монеты нач. III в. до н.э. из клада или кошелька с поселения Виноградный 7

(и Горгииппии) в условиях прогрессирующего социально-политического кризиса в государстве Спартокидов на Родос – могущественную морскую державу того времени²⁴.

К настоящему моменту электронным каталогом-архивом «Монеты Боспора» зарегистрировано 26 экз. диоболов, найденных на Тамани²⁵. Ближайшие находки двух таких монет происходят непосредственно из самой Фанагории (раскопки 1986 и 1996 гг.²⁶).

Конец чеканки Спартокидов маркирует пантикапейский тип «голова Афины/прора, ПАН»²⁷ (№ 18) из серии около 110 г. до н.э.

Митридатовскому времени принадлежат пантикапейские типы «треножник/звезда, ПАНТИКАП»²⁸ начала I в. до н.э. (№ 5, 99, 115. рис. 1, 5), «голова Диониса/треножник, ПАНТИКАП»²⁹ 90–80 х гг. до н.э. (№ 91, 117), а также фанагорийский тетрахалк с лежащей ланью на реверсе³⁰.

Автономную чеканку боспорских городов завершают монеты от имени Агриппии³¹ (Фанагории), выпущенные в 13–12 гг. до н.э.³² (№ 81, 92; рис. 1, 81).

²⁴ Шелов 1956а, 176, 201–203.

²⁵ <https://bosporan-kingdom.com/000-3134/1.html>. и т.д.

²⁶ Р. Эштон, опубликовавший эти монеты (Ashton 2003, 384, no. 53; pl. 48, 53, A), принял их за родосские медные монеты типа «голова Гелиоса в лучевой короне/роза», выпущенные около 200 г. до н.э. Следуя определению Р. Эштона, мы также издавали их как родосские медные монеты (Абрамзон, Кузнецов 2015, 78, рис. 29, 1). Однако на обеих монетах изображена голова Аполлона. Анализ обеих монет по методу РФА выявил, что обе монеты изготовлены из биллона: 1) инв. № Ф-86-5: 36.67% - серебро, 62.72% - медь; 2) инв. № Ф-96-38: 45.33% - серебро, 53.39% - медь. Авторы выражают искреннюю благодарность начальнику отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» О.Л. Гунчиной за проведенные исследования.

²⁷ Анохин 1986, 183.

²⁸ Анохин 1986, 203; SNG BM I 941–944.

²⁹ Анохин 1986, 202, 202а.

³⁰ Анохин 2011, 1173.

³¹ Анохин 1986, 323; SNG Stancomb 631.

³² Фролова 1997/1, 32–38, 41.

Рис. 3. Монеты Боспорского царства I–III вв. н.э. из раскопок поселения Виноградный 7.

Боспорская царская чеканка представлена единичными экземплярами монет от неизвестного династа ΒΑΕ (№ 124) (конец I в. до н.э.) и Аспурга (№ 83) до Рескупорида VI (№ 87). Из 19 монет этой группы всего 2 относятся к I в. н.э.; 5 экз. — ко II в. н.э.: сестерций Савромата I (рис. 3, 52), сестерции и двойной денарий Савромата II (рис. 3, 55, 64, 82, 108). Ровно половина монет приходится на III в. н.э.: денарий Рескупорида III (№ 77), двойные денарии Котиса III (рис. 3, 80, 85), Савромата III (рис. 3, 93), Инифимея (№ 116); статеры Рескупорида V (№ 120), Тейрана (рис. 3, 50) и Фофорса (рис. 3, 79).

2.2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ

Группа средневековых монет из публикуемых материалов представляет особый интерес. Большая часть их происходит из погребений и отражает денежное обращение Тмутараканского княжества в X–XI вв., а также маркирует путь, по которому византийские монеты поступали в Фанагорию и далее на Тамань или в Крым.

Очень редкая находка – сребреник Владимира из низкопробного серебра³³, относящийся ко II типу³⁴ (№ 121. рис. 4, 121). Монета найдена при раскопках кургана № 8 у поселения Вышестеблиевская 21. Сребреник пробит в нижней части и использовался в качестве украшения. Отмечено, что в курганных находках сребреники Владимира (как Ярослава и Святополка) оказываются уже превращенными в украшения с пробитыми отверстиями или приклепанными ушками. Из сребреников Владимира и Святополка делались украшения на всем протяжении Днепра. Превращение в украшения владимировых сребреников II–IV типа свидетельствует об их чеканке в самом конце правления Владимира и было следствием чрезвычайно низкого содержания в них серебра³⁵. Выпуск сребреников II типа датируется 1000–1015 гг.³⁶

Находки сребреников Владимира II и III типов хорошо известны на территории Краснодарского края, в первую очередь на Таманском п-ове. Сребреник II типа с отверстием найден в районе с. Гай-Кодзор (рядом с Анапой). Около пос. Веселовка найден сребреник III типа³⁷. На Тамани зарегистрированы также еще один сребреник Владимира III типа³⁸ и сребреник Святополка³⁹, обе монеты имеют парные отверстия для нашивания на одежду. Таким образом, абсолютное большинство известных находок древнерусских сребреников в Краснодарском крае происходит с Тамани – территории Тмутараканского княжества.

Публикуемый нами сребреник в контексте присутствия синхронных византийских монет и подражаний им в курганах исследуемого некрополя демонстрирует, что древняя дорога, проходящая через Фанагорию, разрушенную к тому времени, по-видимому, русскими князьями, и поселение Виноградный 7, была частью пути, связывающего Древнюю Русь с Византией. Находка сребреника отражает активизацию византийско-причерноморского направления внешней политики Владимира, одним из эпизодов которой была передача Тмутаракани под власть Мстислава Владимировича. Последний же ведет чеканку подражаний милиарисиям Василия II и Константина VIII, игравшим роль международной валюты⁴⁰. Такие монеты найдены и в некрополе Виноградный 7.

³³ Состав: Ag – 57,06%, Cu – 40,49%, Sn – 0,90%, Pb – 1,55%. Авторы выражают искреннюю благодарность О.Л. Гунчиной, начальнику отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» за исследование химического состава металла методом РФА. Исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker).

³⁴ Сотникова, Спасский 1983, 147, № 71-3 (?).

³⁵ Сотникова, Спасский 1983, 52–53.

³⁶ Сотникова, Спасский 1983, 72–73.

³⁷ Новичихин 2016, 188–191.

³⁸ Завьялов, Пьянков 2011, 37–39; Новичихин 2016, 189.

³⁹ Завьялов, Пьянков 2004, 132; Новичихин 2016, 189.

⁴⁰ Библиографию о подражаниях см. Чхаидзе 2008, 11, прим. 3 и 4. См. также Бабаев 2009.

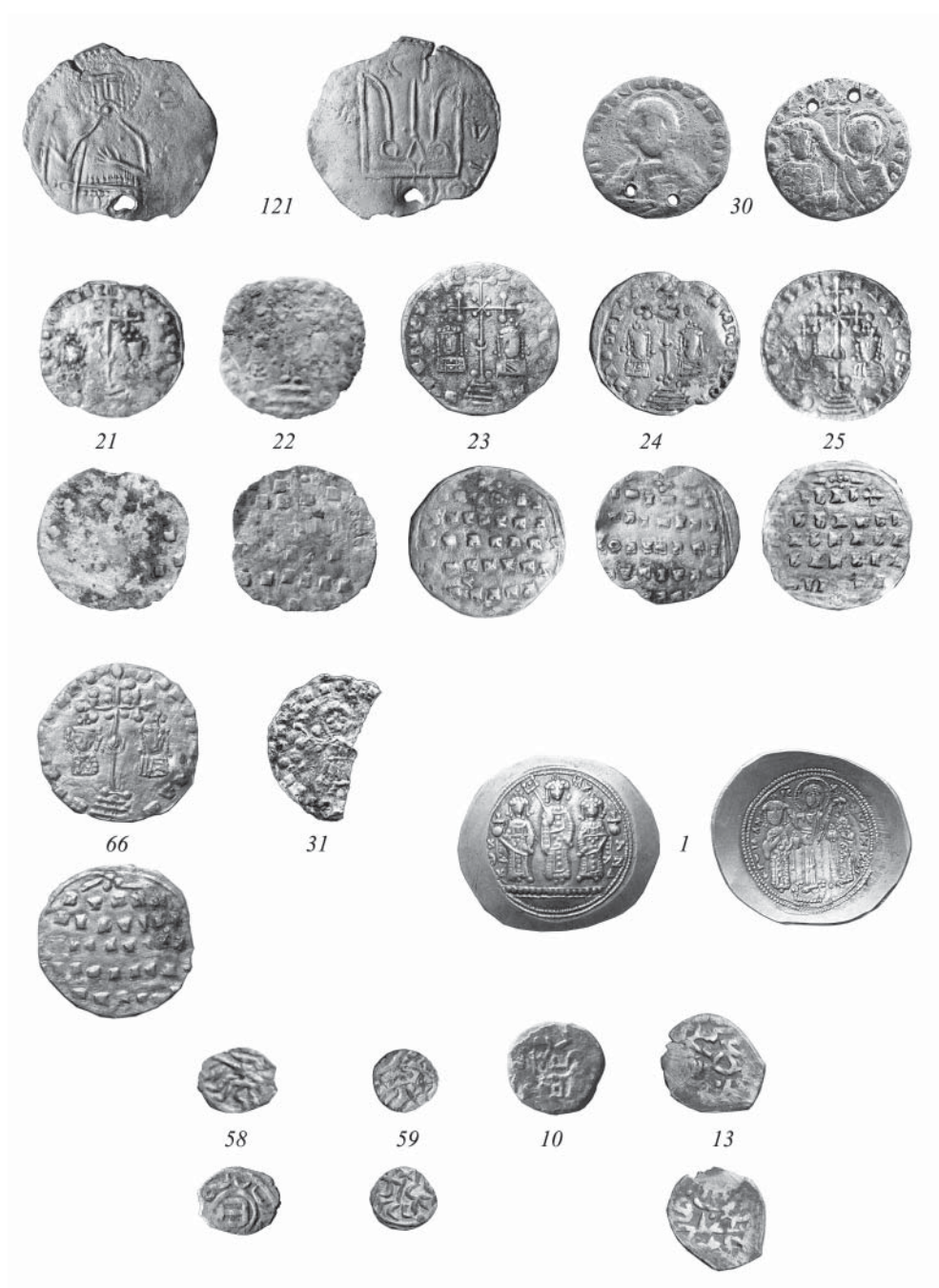

Рис. 4. Средневековые монеты из раскопок поселения и некрополя Виноградный 7

Так, из погребений № 64 и 66 (рис. 4, 21, 22) происходит по одному «варварскому» подражанию милиарисию Василия II и Константина VIII, а из погребения № 71 – сразу три такие монеты (№ 23–25. рис. 4, 23–25). Публикуемые экземпляры относятся к разным группам подражаний серебру Василия II и Константина VIII: на № 21 (биллон) и 22 (медь) имитация легенды передана виде квадратики, № 23–25 изготовлены из хорошего серебра и близки по стилю к оригинальным милиариси-ям.

В погребении № 119 найден другой тип подражания византийскому серебру (№ 31. рис. 4, 31). Монета – серебряная, разломана пополам, фрагмент утерян. На л.с. – фигура императора в рост с крестом на сфере в правой руке, по кругу имитация букв легенды в виде квадратики⁴¹.

Ближайшие находки подражаний серебру Василия II и Константина VIII зарегистрированы в Фанагории, рядом с которой и расположено исследуемое поселение. Подобные подражания получили широкое распространение на Тамани и Керченском полуострове, а единичные экземпляры найдены на территории Киевской Руси. Они чеканились в Тмутараканском княжестве в конце X – первых двух десятилетиях XI в. и являлись основным средством денежного обращения⁴².

В погребении № 89 некрополя Виноградный 7 найдено позолоченное подражание солиду Иоанна Цимисхия⁴³ (№ 30. рис. 4, 30). Монета имеет два отверстия и использовалась в качестве украшения. Подобные плакированные имитации византийских солидов V в. – 70-х гг. XI в. нередко встречаются на Тамани и в Крыму. Многие экземпляры имеют одно-два отверстия и использовались в качестве амулетов на шею и нашивок на одежду или головной убор. Замечено, что заготовки для плакировок были чеканенными, а штемпеля близки к оригинальным. Это наблюдение привело к предположению, что византийская администрация специально чеканила плакированные монеты для населения горного Крыма и Таманского полуострова, имевшего торговые отношения с Византией, причем наиболее качественные экземпляры производились в столице, а другая часть, безусловно, имеет местное северопричерноморское происхождение⁴⁴.

Предполагается также, что часто встречающиеся в погребениях византийской периферии (Крым⁴⁵) позолоченные монеты из серебра или недорогих металлов, внешне соответствующие золотым, чеканились либо подлинными штемпелями, либо их точными копиями. Возможно, они были изготовлены намеренно для погребального обряда в условиях дефицита золотых монет в Крыму⁴⁶ (и на Тамани – М.А., Н.С.).

В погребении № 145 некрополя Виноградный 7 обнаружена скифатная электрова византийская монета – номисма Романа IV Диогена (1068–1071 гг.) и его соправителей (Евдокия, Михаил VII, Андроник и Константин)⁴⁷ (рис. 4, 1). Погребение было совершено в простой могильной яме прямоугольной формы размерами 1,86 х 0,6 м и выявленной глубиной 1 м. Кроме того, в погребении был отме-

⁴¹ Тип аверса см. Wroth 1908/2, pl. L, 11 (солид Василия I 867–868 гг.).

⁴² Чхаидзе, Атавин 2005, 351–352; Бабаев 2009.

⁴³ Тип: Ср. DOC 3/2, pl. XLII, 1b, 1c, 2.1, 3.2 и т.д.

⁴⁴ Корщенко 1999, 36–38.

⁴⁵ И, естественно. Тамань (примеч. авторов).

⁴⁶ Гурулева 2013, 31–34.

⁴⁷ DOC 3/2, 790, nos. 2.3, 2.4, pl. LXV, 2.4.

чен тлен и гвозди от деревянного гроба. Костяк сохранился крайне плохо, однако можно утверждать, что погребенный был положен вытянуто на спине, головой на запад. Монета находилась на месте черепа. Инвентарь представлен только кресалом и кремневым отщепом.

Наконец, на поселении найдено пять монет Крымского ханства⁴⁸. Две из них являются *акче* (?), отчеканенными в г. Крым в правление хана Давлета Гирея I (1550–1577 гг.) (рис. 4, 58, 59)⁴⁹. Одна монета принадлежит чекану Джанибека Гирея II (1610–1623, 1627–1635) (рис. 4, 10), еще одна (рис. 4, 13) представляет *беишлык* бахчисарайского чекана Фатха Гирея II (1736–1737 гг.). Одну серебряную монету определить не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нумизматические материалы уточняют датировку функционирования поселения Виноградный 7 в античный и средневековый периоды. Набор типов античных монет отражает особенности денежного обращения на поселении Виноградный 7 с последней трети IV в. до н.э. по первую треть IV в. н.э., определяемые близостью денежного рынка Фанагории. Неслучайно, три четверти всех монетных находок составляют типы Пантикапея и Фанагории, вплоть до времени переименования последней в Агриппию. При этом чеканы Пантикапея и Фанагории распределяются в пропорции 3:1, что наблюдается и в слоях Фанагории. Доминируют традиционно пантикапейские монетки типа «голова Аполлона/горит» и фанагорийская медь с луком со стрелой. Редкий фанагорийский серебряный диобол с типом розы на реверсе примыкает к ряду ближайших находок таких монет из Фанагории и ряда сельских поселений Тамани.

Все раннесредневековые монеты происходят из некрополя и отражают денежное обращение Тмутараканского княжества. Находка сребреника Владимира и византийских монет в некрополе на важнейшем торговом пути, пересекавшем все Тмутараканское княжество и ведущем в Византию, говорит об активизации внешней политики Древней Руси в Причерноморье.

⁴⁸ Авторы выражают искреннюю благодарность Валентину Петровичу Лебедеву за определение монет Гиреев.

⁴⁹ Год чеканки не поместился на поле монет.

КАТАЛОГ⁵⁰

1. Единичные находки

№ п/п	Инв.№ описи инд. наход.	Определение	Датировка	Издание монеты	Вес, г	Диаметр, мм	Металл	Место находки
1	709	Византийская империя, Роман IV Диоген. Со-правители: Евдокия, Михаил VII, Андроник и Константин.	1068–1071 гг.	DOC 3/2, 790, nos. 2.3-2.4, pl. LXV, 2.4	4.35	28	AV	P-2, кв. O-66, погр. 145, оп. 145/1
2	806	Номисма Фанагория, диобол	Ок. 120–110 гг. до н.э.?	Анохин 2011, 1167		12	AR	P-2, кв. Л-63, шт. 2, оп. 63-2/1
3	810	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169		11	AE	P-2, кв. М-31, шт. 2, оп. 31-2/4
4	811	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169		11	AE	P-2, кв. М-31, шт. 2, оп. 31-2/5
5	6	Пантикапей	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	1.2	13	AE	P-3, кв. Б-20, шт. 1, оп. 20-1/1
6	9	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.3	11	AE	P-3, кв. Б-24, шт. 4, оп. 24-4/1
7	10	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.19	11	AE	P-3, кв. Б-26, шт. 4, оп. 26-4/1
8	11	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.7	11	AE	P-3, кв. Б-26, шт. 4, оп. 26-4/2
9	13	Фанагория, перечеканка	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.9	11	AE	P-3, кв. Б-27, шт. 2, оп. 27-2/1
10	18	Крымское ханство, Джанибек Гирей II	1610–1623, 1627–1635 гг.	Определение В.П. Лебедева	1.8	13	AE	P-3, кв. Б-32, шт. 4, оп. 32-4/1
11	22	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.0	11	AE	P-3, кв. Д-37, шт. 3, оп. 37-3/2
12	23	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.4	12	AE	P-3, кв. Д-37, шт. 3, оп. 37-3/3
13	25	Крымское ханство, Бахчисарайский чекан Фатха Гирея II. Воз-можно, бешлык	1736–1737 гг.	Определение В.П. Лебедева	0.57	14	AR	P-3, кв. Е-42, шт. 2, оп. 42-2/3
14	31	Пантикапей	Ок. 200–20 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	3.3	12	AE	P-3, подъемный материал, оп. 5
15	33	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.4	11	AE	P-3, подъемный материал, оп. 11
16	34	Фанагория	III в. до н.э.	Анохин 1986, 147		13	AE	P-3, подъемный материал, оп. 7
17	35	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.2	13	AE	P-3, подъемный материал, оп. 8
18	36	Пантикапей	Ок. 110 г. до н.э.	Анохин 1986, 183	1.8	12	AE	P-3, подъемный материал, оп. 9
19	45	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.9	11	AE	P-3, кв. Б-1, погр. 62, оп. 1-62/1

⁵⁰ Порядковым номерам каталога соответствуют номера монет в таблицах.

20	103	Монета во вторичном использовании в качестве подвески, Котис I, асс Варварское подражание милиарисио Василия II и Константина VIII	Ок. 50–54, 63 гг. до н.э.	Анохин 1986, 349–351	5.15	22	AE	P-3, кв. В-11, шт. 4, оп. 11-4/2
21	127	Котис I, асс Варварское подражание милиарисио Василия II и Константина VIII	Кон. 10 в. – 20-е гг. 11 в.	Тип: Ср. DOC 3/2, 629–630, pos. 17.b.4, 18.a.2, pl. XLVI, 17.b.4, 18.a.2, 18b и т.д. Подражание – Чхаидзе 2012, 529, рис. 129, 4 То же	0.94	21	BI	P-3, кв. В-1, погр. 66, оп. 66/1
22	132	Варварское подражание милиарисио Василия II и Константина VIII	Кон. 10 в. – 20-е гг. 11 в.	То же	0.98	20	AE	P-3, кв. Б-2, погр. 64, 64/1
23	133	Варварское подражание милиарисио Василия II и Константина VIII	Кон. 10 в. – 20-е гг. 11 в.	То же	1.47	22	AR	P-3, кв. В-6, погр. 71, оп. 71/1
24	134	Варварское подражание милиарисио Василия II и Константина VIII	Кон. 10 в. – 20-е гг. 11 в.	То же	0.99	20	AR	P-3, кв. В-6, погр. 71, оп. 71/2
25	135	Византийская империя, Василий II и Константин VIII	Кон. 10 в. – 20-е гг. 11 в.	То же	1.09	21	AR	P-3, кв. В-6, погр. 71, оп. 71/3
26	146	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66		16	AE	P-3, подъемный материал, оп. 14
27	253	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112		16	AE	P-4, кв. Д-9, погр. 31, оп. 31/17
28	254	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112		16	AE	P-4, кв. 3-21, погр. 2, оп. 2/7
29	256	Пантикапей	Ок. 300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132		18	AE	P-4, кв. Е-9, погр. 27, оп. 27/1
30	281	Варварское подражание солиду Иоанна Цимисхия	969–976 гг.	Тип: Ср. DOC 3/2, XLII, 1b, 1c, 2.1, 3.2 и т.д.	2.33	20	позолота	P-3, кв. Е-5, погр. 89, оп. 89/1
31	282	Варварское подражание милиарисио Константина X Дуки (?), фрагмент.	11 в.			20	AR	P-3, кв. Е-16, погр. 119, оп. 119/1
32	305	Фанагория	II вв. до н.э.	Анохин 1986, 147		13	AE	P-3, кв. А-54, шт. 3, оп. 54-3/1
33	308	Пантикапей, отверстие	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 131?		19	AE	P-3, кв. А-64, шт. 2, оп. 64-2/1

34	312	Пантикапей или Фанагория, лук и стрела вправо.	III–II вв. до н.э.	Анохин 1986, 146-147?		13	АЕ	Р-3, кв. Б-66, шт. 2, оп. 66-2/2
35	323	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	4.49	20	АЕ	Р-3, кв. Е-63, шт. 2, оп. 63-2/8
36	324	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.47	14	АЕ	Р-3
37	325	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.24	11	АЕ	Р-4, кв. Е-12, шт. 2, оп. 12-2/1
38	328	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.73	13	АЕ	Р-4, кв. Е-24, шт. 4, оп. 24-4/3
39	336	Пантикапей	Ок. 300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	3.41	16	АЕ	Р-4, кв. Ж-23, шт. 3, оп. 23-3/1
40	338	Пантикапей, перечеканка	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.69	12	АЕ	Р-4, кв. Ж-26, шт. 4, оп. 26-4/3
41	339	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	5.46	19	АЕ	Р-4, кв. Ж-26, шт. 4, оп. 26-4/4
42	341	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	2.13	15	АЕ	Р-4, кв. Ж-27, шт. 5, оп. 27-5/6
43	347	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	2.05	13	АЕ	Р-4, кв. 3-12, шт. 2, оп. 12-2/1
44	349	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.60	16	АЕ	Р-4, кв. 3-32, шт. 5, оп. 32-5/2
45	358	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	2.85	18	АЕ	Р-4, кв. Л-2, шт. 3, оп. 2-3/2
46	360	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.84	13	АЕ	Р-4, кв. Л-2, шт. 4, оп. 2-4/6
47	361	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.71	12	АЕ	Р-4, кв. Л-2, шт. 4, оп. 2-4/7
48	371	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147		13	АЕ	Р-3, подъемный материал, оп. пм 25
49	372	Пантикапей.	Ок. 200–150 гг. до н.э.?	Анохин 1986, 146?		13	АЕ	Р-3, подъемный материал, оп. пм 26
50	373	Тейран	278/279 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXVII, 12–15	5.53	20	АЕ	Р-3, подъемный материал, оп. пм 27
51	376	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	6.02	20	АЕ	Р-4, подъемный материал, оп. пм 2
52	377	Савромат I, сестерций,	Ок. 108/109–115/116 гг.	Анохин 1986, 458; Фролова 1997/1, LXVII, 13.	10.80	28	АЕ	Р-4, кв. Е-19, шт. 4, оп. 19-4/1
53	414	л.с. круглое клеймо	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113		13	АЕ	Р-4, кв. Д-25, погр. 43, оп. 43/1
54	495	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.56	11	АЕ	Р-4, кв. Д-25, шт. 4, оп. 25-4/1
55	526	Савромат II, сестерций	Ок. 174–180 гг.	Фролова 1997/1, LXXXII, 21-22.	8.61	24	АЕ	Р-4, кв. Ж-18, объект 1, оп. 18-1/2
56	529	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.40	17	АЕ	Р-4, подъемный материал, оп. пм-4
57	582	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.59	13	АЕ	Р-4, кв. Г-19, шт. 5, 19-5/1
58	608	Крымское ханство, чекан г. Крым от имени хана Давлет Гирея I, акче	1550–1577 гг.	Определение В.П. Лебедева	0.45	13	АР	Р-4, кв. В-23, шт. 2, оп. 23-2/1

59	Крымское ханство, чечан. г. Крым от имени хана Давлет Гирея I, акче	1550–1577 гг.	Определение В.П. Лебедева	0.49	11	AR	P-4, кв. B-24, шт. 2, оп. 24-2/1
60	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.37	12	AE	P-4, кв. B-21, шт. 2, оп. 21-2/1
61	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.59	13	AE	P-4, кв. K-21, шт. 2, оп. 21-2/1
62	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.25	12	AE	P-4, кв. B-15, шт. 2, оп. 15-2/1
63	Пантикапей, перчеканка	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.97	13	AE	P-4, кв. B-15, шт. 2, оп. 15-2/3
64	Савромат II, двойной денарий	Ок. 180–196 гг.	Фролова 1997/1, LXXXIV, 6	12.24	25	AE	P-4, кв. JI-33, шт. 4, оп. 33-4/1
65	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.65	12	AE	P-4, кв. B-14, шт. 2, оп. 14-2/1
66	Варварское подражание милиарисио Василия II и Константина VIII	976–1025 гг.	Тип: Cr. DOC 3/2, 629-630, pos. 17.b.4, 18.a.2, pl. XLVI, 17.b.4, 18.a.2, 18b и т.д. Подражание – Чхаидзе 2012, 529, рис. 129, 4.	0.90	22	AR	P-3, кв. B-4, погр. 69, оп. 69/1
67	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	0.94	13	AE	P-4, кв. A-11, шт. 2, оп. 11-2/1
68	Пантикапей	Ок. 200–150 гг. до н.э.	Анохин 1986, 146		14	AE	P-4, кв. Г-17, шт. 3, оп. 17-3/1
69	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.97	15	AE	P-4, кв. Г-17, шт. 4, оп. 17-4/1
70	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66		14	AE	P-4, кв. Г-17, погр. 81, оп. 81/3
71	Пантикапей	Ок. 225–200 гг. до н.э.	Анохин 1986, 142	0.62	9	AE	P-3, кв. B-31, 32, ров, оп. 31,32 ров/5
72	Пантикапей, перчеканка	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986,	2.83	19	AE	P-4, кв. K-14, объект 1, оп. 14-1/1
73	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.57	14	AE	P-4, подъемный материал, оп. 10
74	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	2.41	16	AE	P-4, кв. П-32, шт. 2, оп. 32-2/1,
75	Крымское ханство, акче	XIV-XVII вв.		1.13	18	AR	P-4, подъемный материал, оп. 12
76	Бостор, сестерций, о.с. венок.	II - нач. III вв. н.э.		9.58	23	AE	P-4, кв. M-3, шт. 5, оп. 3-5/3
77	Рескупорид III, денарий	Ок. 219 г. н.э.	Фролова 1997/2, XVI, 21	7.64	26	AE	P-4, кв. M-4, шт. 3, оп. 4-3/1
78	Бостор, сестерций, о.с. венок	I–II вв. н.э.		9.68	25	AE	P-4, кв. M-4, шт. 4, оп. 4-4/2
79	Фофорс	297/298 г. н.э.	Л.с.: Голенко 1960, II, 60. О.с.: http://bosporan-kingdom.com/742-4530/11.html .	7.82	19	AE	P-4, кв. M-1, шт. 2, оп. 1-2/2

80	911	Котис III, двойной денарий, о.с. клеймо	227/228–233/234 гг.	Фролова 1997/2, XXVI, 11; XXVII, 5	9.04	22	AE	P-4, кв. М-1, шт. 3, оп. 1-3/1
81	913	Фанагория как Агриппия	13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 323; SNG Stanc. 631	4.91	20	AE	P-4, кв. М-1, шт. 4, оп. 1-4/1
82	914	Савромат II, сестерций	Ок. 174–180 гг.	Фролова 1997/1, LXXXII, 16	8.17	23	AE	P-4, кв. М-3, шт. 2, оп. 3-2/1
83	920	Аспург	37–38 гг.	Фролова 1997/1, XVII, 3	6.58	22	AE	P-4, кв. М-1, шт. 6, оп. 1-6/1
84	921	Пантикапей, Л.с. Надчеканка – голова Афины. О.с. Надчеканка – сатир.	Ок. 225–200 гг. до н.э.	Анохин 2011, 1058; SNG BM I 912	5.12	24	AE	P-4, кв. М-1, шт. 6, оп. 1-6/2
85	922	Котис III, двойной денарий, о.с. Клеймо	227/228–233/234 гг.	Анохин 1986, 664	10.14	23	AE	P-4, кв. М-1, шт. 7, оп. 1-7/1
86	923	Боспор, сестерций, Л.с. Курульное кресло/ Ника.	I – кон. II в. н.э.		6.55	23	AE	P-4, кв. М-1, шт. 7, оп. 1-7/2
87	924	сестерций, Л.с. Курульное кресло. О.с. Венок.	Год не ясен		6.16	18	AE	P-4, кв. М-10, шт. 5, оп. 10-5/1
88	925	Рескупорид VI	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.46	20	AE	P-4, подъемный материал, оп. 18
89	932	Пантикапей Савромат I, сестерций, курульное кресло/ Ника.	93/94–123/124 гг.	Анохин 1986, 451, 455	10.52	28	AE	P-4, подъемный материал, оп. 21
90	941	Фанагория, перечеканка	III–II вв. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.72	13	AE	P-4, подъемный материал, оп. 28
91	942	Пантикапей, перечеканка	Ок. 90–80 гг. до н.э.	Ср. Анохин 1986, 202	7.12	22	AE	P-4, подъемный материал, оп. 29
92	944	Фанагория как Агриппия	13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 323; SNG Stanc. 631	4.82	22	AE	P-4, подъемный материал, оп. 30
93	945	Савромат III	229/230–231/232 гг.	Фролова 1997/2, XXIX, 4-5	10.10	23	AE	P-4, подъемный материал, оп. 32
94	952	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.26	13	AE	P-4, подъемный материал, оп. 36
95	953	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.03	13	AE	P-4, подъемный материал, оп. 37
96	984	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	2.65	12	AE	P-4, кв. М-4, шт. 5, оп. 4-5/3
97	985	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	4.85	19	AE	P-4, кв. М-4, шт. 5, оп. 4-5/4
98	988	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.93	13	AE	P-4, подъемный материал, оп. 39
99	1012	Пантикапей	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	2.39	12	AE	P-4, кв. М-4, шт. 8, оп. 4-8/1
100	1022	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	2.19	13	AE	P-4, кв. М-4, шт. 9, оп. 4-9/1
101	1023	Фанагория, перечеканка	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	0.84	11	AE	P-4, кв. М-4, шт. 9, оп. 4-9/2

102	Пантикапей	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	5.49	21	AE	P-4, кв. М-4, шт. 10, оп. 4-10/2
103	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 141	1.36	13	AE	P-4, кв. О-22, шт. 2, 22-2/1
104	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	3.99	19	AE	P-4, подъемный материал, оп. 42
105	Фанагория	II вв. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.58	12	AE	P-4, подъемный материал, оп. 52
106	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.69	12	AE	P-4, кв. Н-8, шт. 4, оп. 8-4/1
107	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	1.21	12	AE	P-4, подъемный материал, оп. 54
108	Савромат II	Ок. 174–180 гг.	Фролова 1997/1, LXXXII, 16	8.25	23	AE	P-4, подъемный материал, оп. 59
109	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	2.57	18	AE	P-4, подъемный материал, оп. 60
110	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169		13	AE	P-4, подъемный материал, оп. 61
111	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.78	12	AE	P-4, подъемный материал, оп. 71
112	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113	2.19	13	AE	P-4, подъемный материал, оп. 72
113	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	1.40	12	AE	P-4, подъемный материал, оп. 73
114	Митридат III	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330		25	AE	Вышестеблиевская 21, курган 5, подъемный материал, оп. 1
115	Пантикапей	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203		14	AE	Вышестеблиевская 21, курган 6, погр. 13, оп. 13/5
116	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	1.06	13	AE	P-4, кв. Ж-12, оп. 12-1/1
117	Пантикапей	Ок. 90–80 гг. до н.э.	Анохин 1986, 202, 202a		20	AE	Вышестеблиевская 21, курган 6, подъемный материал, оп. 25
118	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139		18	AE	Вышестеблиевская 21, курган 6, подъемный материал, оп. 27
119	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66		14	AE	Вышестеблиевская 21, курган 6, погребение 50, оп. 50/1
120	Рескупорид V	252/253 г. н.э.	Ср. http://bosporan-kingdom.com/700-4218/8.html .		19	BI	Вышестеблиевская 21, курган 8, подъемный материал, оп. 64
121	Древнерусское государство Владимир, сребреник II типа	1000–1015 гг.	Сотникова, Спаский 1983, 147, № 71-3 (?)	2.19	27	AR	Вышестеблиевская 21, курган 8, подъемный материал, оп. 21
122	Пантикапей	Ок. 300–270 гг. до н.э.	Шелов 1956, 65	4.08	18	AE	P-4, подъемный материал, оп. 68
123	Фанагория	Ок. 90–70 гг. до н.э.	Анохин 2011, 1173	6.76	23	AE	P-4, подъемный материал, оп. 38
124	Боспор. неизвестный династ ВAE	Кон. I в. до н.э. (после 12 г. до н.э.)	Анохин 2011, 1354	4.79	20	AE	P-4, подъемный материал, оп. 35
125	Савромат I (?), Л.с. Бюст, клеймо. О.с. венки	.		10.96	26	AE	P-4, кв. М-1, шт. 7, оп. 1-7/13

2. Клад или кошелек с пантикапейскими монетами нач. III в. до н.э.

1	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	7.83	20	AE	P-4, кв. И-30, шт. 6, оп. 30-6/1
2	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	6.07	20	AE	P-4, кв. И-30, шт. 6, оп. 30-6/2
3	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	7.33	20	AE	P-4, кв. И-30, шт. 6, оп. 30-6/3
4	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	6.45	21	AE	P-4, кв. И-30, шт. 6, оп. 30-6/4

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2015: *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Кузнецов, В.Д. (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 3). М.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев.
- Бабаев, К.В. 2009: *Монеты Тмутараканского княжества*. М.
- Голенко, К.В. 1960: Второй Патрэйский клад монет (1951 г.). *НЭ* I, 223–289.
- Гурулева, В.В. 2013: Византийские «субэратные» монеты. В сб.: *Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва-Пуццино, 22–26 апреля 2013 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 31–34.
- Завьялов, С.Л., Пьянков, А.В. 2004: О находках древнерусских монет на территории Таманского полуострова. В сб.: *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 132.
- Завьялов, С.Л., Пьянков, А.В. 2011: О находке сребреника князя Владимира на Таманском полуострове. В сб.: *Фелицианские чтения (XIII). Ч. II. Памяти Виталия Петровича Бардадыма. Материалы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 23 ноября 2011 г.)*. Краснодар, 37–38.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.; Л.
- Коршенко, А.Н. 1999: Медное «золото» Крыма и Тамани. В сб.: *Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 36–38.
- Новичихин, А.М. 2016: Новые находки древнерусских монет в Краснодарском крае. В сб.: *VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.)*. Краснодар, 188–191.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. Депон. в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. М.
- Паромов, Я.М. 1998: Главные дороги Таманского полуострова в античное время, *ДБ* 1, 216–225.
- Сотникова, М.П., Спасский, И.Г. 1983: *Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков*. Л.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Т. I–II. М.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Чхаидзе, В.Н., Атавин, А.Г. 2005: Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.). *МИАК* 5, 348–358.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Ashton, R. 2003. Excavation Coins from Phanagoreia. *NC* 163, 379–385.
- Wroth, W. 1908: *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mitridata VI Eupatora s khory Fanagorii* [Coin Hoards at the Time of Mithradates VI Eupator from the Chora of Phanagoria] (V.D. Kuznetsov (ed.), Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 3 [Phanagoria. Results of Archaeological Survey. Vol. 3]. Moscow.

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*The Coinage of the Bosporus*]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient Coins of the North Black Sea Region*]. Kiev.
- Ashton, R. 2003. Excavation Coins from Phanagoreia. *NC* 163, 379–385.
- Babaev, K.V. 2009: *Monety Tmutarakanskogo knyazhestva* [*Coins of Tmutarakan Princedom*]. Moscow.
- Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove* [*Tamarkha. Early Medieval Town in the Taman Peninsula*]. Moscow.
- Ckhaidze, V.N., Atavin, A.G., 2005: Srednevekovye monety iz Fanagorii (k voprosu o bytovanii gorodischa v X–XVIII vv.) [Medieval coins from Phanagoria (on the issue of the settlement life in 10th – 11th cc.)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and Studies on the Archaeology of the Northern Caucasus*] 5, 348–358.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [*The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)*]. Vol. I–II. Moscow.
- Golenko, K.V. 1960: Vtoroy Patreyskiy klad monet (1951 g.) [The Second Patraeos hoard of coins (1951)]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] I, 223–289.
- Guruleva, V.V. 2013: Vizantiyskie “suberatnye” monety [Byzantine “subaerati” coins]. In: *Semnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva–Puschino, 22–26 aprelya 2013 g. Tezisy dokladov i soobscheniy* [Seventeenth All-Russian numismatic conference. Moscow–Puschino, 22nd – 26th April 2013. Abstracts and papers]. Moscow, 31–34.
- Korshenko, A.N. 1999: Mednoe “zoloto” Kryma i Tamani [Copper “gold” of the Crimea and Taman]. In: *Sed'maya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Yaroslavl, 19–23 aprelya 1999 g. Tezisy dokladov i soobscheniy* [Seventh All-Russian numismatic conference. Yaroslavl, 19th – 23rd April 1999. Abstracts and papers]. Moscow, 36–38.
- Novichikhin, A.M. 2016: Novye nakhodki drevnerusskikh monet v Krasnodarskom krae [New finds of the Old Russian coins in the Krasnodar Territory]. In: *VI “Anfimovskie chteniya” po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy izucheniya pogrebal'nogo obryada narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (Krasnodar, 31 maya – 2 iyunya 2016 g.)* [The Sixth “Anfimov's Reading” on the archaeology of the Western Caucasus. Problems of the study of death customs of peoples of the Western Caucasus. Proceedings of the International Archaeological Conference (Krasnodar, 31 May – 2 June, 2016)]. Krasnodar, 188–191.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological Map of the Taman Peninsula]. Depon. v INION RAN. № 47103 ot 01.10.1992 g. [Deposited in the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. No. 47103. 01.10.1992.]. Moscow.
- Paromov, Ya.M. 1998: Glavnye dorogi Tamanskogo poluostova v antichnoe vremya [Main routs of the Taman Peninsula at the ancient time], *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 1, 216–225.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [*The Coinage of the Bosporus in the 6th – 2nd cc. BC*]. Moscow.
- Sotnikova, M.P., Spasskiy, I.G. 1983. *Tysyacheletie dreveyshikh monet Rosii. Svodnyy katalog russkikh monet X–XI vekov* [*A Thousandth Anniversary of Russian Ancient Coins. A Master Catalogue of the 10th–11th Centuries Russian Coins*]. Leningrad.
- Wroth, W. 1908: *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London.
- Zav'alov, S.L., P'yankov, A.V. 2004: O nakhodkakh drevnerusskikh monet na territorii Tamanskogo poluostrova [Finds of Old Russian coins in the territory of the Taman Peninsula]. In: *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Moskva, 19–24 aprelya*

- 2004 g. *Tezisy докладov i soobscheniy* [The Twelfth All-Russian Numismatic Conference. Moscow, 19–25 April, 2004. Papers and abstracts]. Moscow, 132.
- Zav'alog, S.L., P'yankov, A.V. 2011: O nakhodke srebrenika knyazya Vladimira na Tamanskom poluostrove [Find of the Prince Vladimir's *srebrenik* in the Taman Peninsula]. In: *Felitsinskie chteniya (XIII)*. Ch. II. *Pamyati Vitaliya Petrovicha Bardadyma. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Krasnodar, 23 noyabrya 2011 g.)* [Felitsyn's Reading (XIII). Pt II. In Memory of Vitaliy Petrovich Bardadym. Proceedings of the Interregional Scientific Conference (Krasnodar, 23 November, 2011)]. Krasnodar, 37–38.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [Ancient Coins] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 16 [Materials and Studies on the Archaeology of USSR 16]). Moscow–Leningrad.

COINS FROM THE 2016 EXCAVATIONS AT THE SITE OF VINOGRADNY 7 (TAMAN PENINSULA)

Mikhail G. Abramzon, Nikolay I. Sudarev

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
abramzon-m@mail.ru

** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
sudarev@list.ru

Abstract. The authors publish 129 excavation coins from the Site of Vinogradny 7 (nearby Phanagoria) found in 2016. This settlement is located along the ancient road crossing the whole Taman Peninsula, from the Cape Panagia via Phanagoria to the northwestern shore of the Kiziltash Estuary connected with the Black Sea. Over 360 ancient and medieval coins were found, including part of a hoard or purse with Pantikapaion copper coins of the early 3rd century BC.

The largest group consists of 90 Bosporan coins dating from the last third of the 4th century BC to the first third of the 4th century AD. For the Hellenistic period, there is a preponderance of coins of Panticapaeum (69 pieces) and Phanagoria (23 pieces). Nineteen coins came from the Roman period, belonging to the Bosporan Kings from Aspurgus to Rheskuporis VI.

Dating to ca. 120–110 BC, a silver Phanagorian diobol with Apollo and rose is of great interest, being an important evidence for the political orientation of Phanagoria on Rhodes.

A few Byzantine gold coins and “barbarian” imitations of solidi and silver were recovered among grave goods in the burials. They are Roman IV Diogenes' *nomisma* and imitations of the John I Tzimiskes' solidus and miliarenses of Basil II and Constantine VIII, etc. A *srebrenik* of Vladimir (type II) is also the very rare find on the Taman Peninsula. It was pierced to be an amulet. Finds of the 10th – 11th centuries Byzantine coins and imitations testify to the close ties between the Tmutarakan Princedom and the Byzantine Empire and mark the way these coins penetrated in Phanagoria and Tamatarha. Four coins of the Crimean khanate were found in the settlement, dating from 16th – 18th centuries. Therefore, the published numismatic material clarifies the dating of the Site of Vinogradny 7.

Key words: archaeology, Bosphorus, site of Vinogradny 7, Phanagoria, ancient and medieval coins, currency, Byzantine Empire, Kiev Rus', Tmutarakan

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 392–430
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 392–430
© Автор(ы) 2017

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ ИЛЬИЧЕВКА В 2015–2016 гг.

М.Г. Абрамзон*, А.В. Бонин**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
abramzon-m@mail.ru*
** *Институт археологии РАН, Москва,
bonin_a80@mail.ru*

Аннотация. В статье публикуются монеты из раскопок городища и поселения Ильичевка, проводившихся в 2015–2016 гг. экспедицией Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН совместно с рядом других учреждений. В ходе работ обнаружено около полутысячи античных монет. Абсолютное большинство монет – боспорские (440). Более половины всей находок (255) относится к автономной чеканке Пантикапея последней трети IV–I в. до н.э. Чекану Фанагории принадлежат 22 монеты, Горгиппии – 2. Самую крупную группу образуют пантикапейские монеты последней трети IV в. до н.э. (115) и периода денежного кризиса III в. до н.э. (84), что. Гораздо меньше монет относится ко II в. до н.э. – 44 экз., и всего 24 экз. – к I до н.э. Коллекция включает также 160 монет боспорских правителей: Левкона II – 4, Асандра – 1, неизвестного правителя $\overline{\text{BAE}}$ – 2, царей от Аспурга до Рескупорида VI – 150. Небольшая группа монет небоспорского происхождения состоит из меди Амиса и Синопы митридатовского времени (5) и тетрассария Херсонеса II в. н.э.

Подавляющая масса монет IV в. до н.э. – первой трети II в. н.э. концентрируется на сравнительно небольшом участке Раскопа 3 – в овраге, который во время функционирования поселения (II–IV вв. н.э.) был занят мусорной свалкой. Отсутствие нумизматических и прочих материалов эллинистического и раннеримского времени в других местах поселения и распределение монет по конкретным хронологическим группам заставляет нас интерпретировать эти группы монет как клады, разрушенные в результате сползания грунта по склону оврага. Авторы предлагают реконструкцию четырех кладов, спрятанных в балке.

Кроме того, в материалах выделяются еще 20 монет из комплекса (кошелька?), видимо, связанного с одним из погребений в части некрополя, вскрытой Раскопом 3. В состав входят монеты Рескупорида III – 7, Котиса III – 3, Савромата III – 1, Ининфия – 9.

Ключевые слова: Боспор, городище и поселение Ильичевка, античные монеты, денежное обращение

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Бонин Александр Викторович – младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

© IA RAS, NMSTU, JHPhCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-392-430

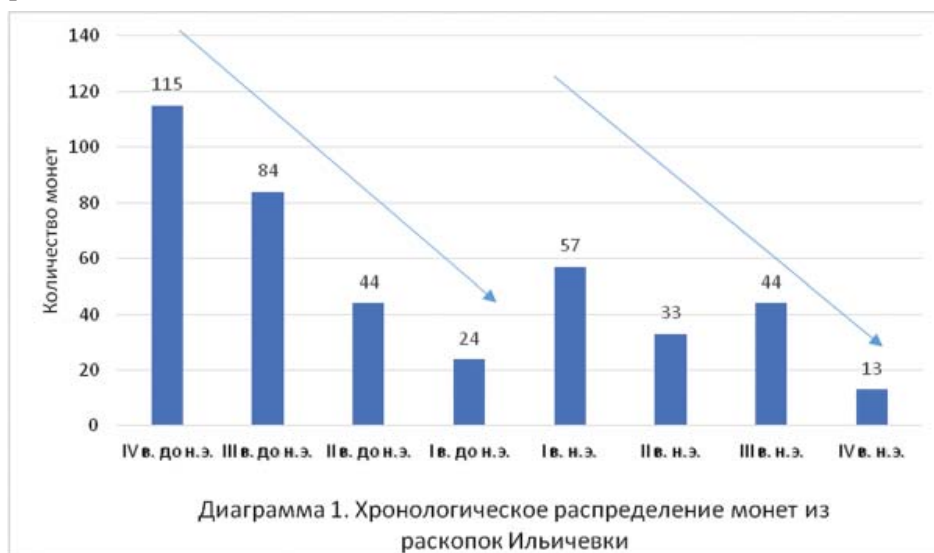
1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В 2015–2016 гг. экспедицией Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН совместно с Отделом истории античной культуры ИИМК РАН и рядом других учреждений проводились спасательные археологические раскопки на территории городища и поселения Ильичевка, западнее крепости-батареи и ее вала¹.

Общая площадь раскопок 2015–2016 гг. составила около 3 га. На Раскопе 1 (площадь 2130 м²), разбитом в 100–150 м к Ю–В от крепости, был обследован многослойный хозяйственный комплекс: расчищены каменные фундаменты стен, исследованы многочисленные хозяйственные ямы и пифосы (около 200 объектов), которые предварительно датируются II – началом IV в. н. э. Среди наиболее примечательных находок – фрагмент мраморной плиты с посвятельной надписью конца I – начала II в. н. э.² В вышележащих слоях выявлены остатки строений и фрагменты серолощенной керамики салтово-маяцкой культуры VII–VIII вв. н. э.

Раскоп 2 (площадь 11268 м²) заложен в 200 м северо-западнее укрепления. В юго-восточном его секторе вскрыта зольно-мусорная свалка II–III вв. н. э., севернее найдены ямы с материалом эпохи поздней бронзы.

Раскоп 3 (площадь 11520 м²) разбит в 200 м к западу от батареи. Его северную часть пересекает балка, засыпанная мусорными сбросами, содержащими многочисленные фрагменты керамики II–III вв. н. э. Мощность слоя на этом участке раскопа превышала 2,5 м. Южнее зольной свалки найдены погребения позднеримского и, возможно, раннесредневекового времени. В северо-западной части раскопа найдена винодельня (объект 5), восточнее нее и к северу от зольной свалки исследованы остатки хозяйственного комплекса с ямами и вкопанными пифосами.

¹ Бонин 2017.

² Бонин, Завойкина 2016, 68–74.

Основными датированными типами тарной керамики для всех трех раскопов являются светлоглиняные узкогорлые амфоры (типы «С» «D» «E» и «F» по Д.Б. Шелову³), розовоглиняные широкогорлые амфоры боспорского производства (типа 83–89 по И.Б. Зеест⁴, оранжевоглиняные и красноглиняные амфоры II–III вв. н.э. (типы 68, 73, 76–77 по И.Б. Зеест), светлоглиняные с воронковидным горлом (тип 90 по И.Б. Зеест), коричневоглиняные колхидские амфоры Кх I по С.Ю. Внукову⁵, светлоглиняные южнопонтские амфоры типов Син II, Син III и С I. Более редкие находки профильных частей импортных сосудов могут датироваться IV–V вв. н.э. (тип 100 по И.Б. Зеест). Столовая краснолаковая посуда представлена преимущественно формами сосудов, распространенных в II–III вв. н.э. Это формы I, II, VI Pontic Sigillata по Дж. Хейсу⁶. Упомянем и краснолаковые глубокие миски, относящиеся к типу I по И.С. Каменецкому⁷.

Судя по датировкам массового керамического материала, основное время жизнедеятельности неукрепленной части Ильичевского поселения относится ко II – началу IV в. н.э., о чем свидетельствуют также и находки монет боспорских царей этого времени⁸. Между тем клад 1975 г. из слоя пожара городища, в котором статеры боспорских царей встретились с солидами Юстиниана I, подтверждает, что сама Ильичевская крепость, возникшая в конце I в. до н.э.⁹, просуществовала почти без перерыва вплоть до третьей четверти VI в. н.э.¹⁰

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В Раскопах 1, 2 и 3 обнаружено более 500 монет, из которых оказалось возможным определить 446 экз. Все монеты относятся к античному периоду. Помимо группы единичных находок (426 экз.) в материалах выделяются еще 20 монет из небольшого комплекса (кладика или кошелька?), найденного в Раскопе 3 (кв. 145, сл. 2), где вскрыта часть некрополя позднеримского и раннесредневекового времени. Единичные находки тоже в основном, по-видимому, связаны с разрушенными кладами (см. ниже), будучи сосредоточены на относительно небольшом пространстве – заполнении оврага и его склонах.

Абсолютное большинство монет (440 экз.) – боспорские. Более половины всей находок (255 экз.) относится к автономной чеканке Пантикапея последней трети IV – I в. до н.э. Чекану Фанагории принадлежат 22 монеты, Горгииппии – 2. Группа монет небоспорского происхождения включает пять понтских тетрахапков митридатского времени и херсонесский тетрассарий середины – второй половины II в. н.э. Все остальные монеты (160 экз.) принадлежат боспорской царской чеканке. По центрам чеканки и правителям Боспора все нумизматические материалы (включая монеты из кошелька(?)) распределяются следующим образом:

³ Шелов 1978, 16–21.

⁴ Зеест 1960.

⁵ Внуков 2003; 2013, 21–54.

⁶ Hayes 1985.

⁷ Каменецкий 1993.

⁸ Бонин 2014, 85. На городище были найдены два клада – I в 1975 и 1977 гг. См. Фролова, Николаева 1978, 173–179; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 468–470.

⁹ Шелов 1951, 228–230.

¹⁰ Фролова, Николаева 1978, 173–179; Фролова 1997/2, 174–178.

Группа I. Боспорские монеты

1. Городские

Пантикапей, IV–I вв. до н.э.	255
Фанагория, II–I вв. до н.э.	22
Горгиппия, 90–80-е гг. до н.э.	2
Не определяемый тетрахалк этих центров	1

2. Царские

Левкон II (Ок. 240–220 гг. до н.э.)	4
Асандр (49/48–21/20 гг. до н.э.)	1
Неизвестный династ ΒΑΣΙΛΕΥΣ , конец I в. до н.э.	2
Аспург (14/15–37/38 гг.)	17
Гепеирия (37/38–38/39 гг.)	6
Митридат III (VIII) (39/40–45/46 гг.)	13
Котис I (45/46–68/69 гг.)	13
Рескупорид II (68/69–91/92 гг.)	6
Савромат I (93/94–123/124 гг.)	16
Котис II (123/124–132/133 гг.)	1
Реметалк (131/132–153/154 гг.)	9
Евпатор (154/155–170/171 гг.)	1
Савромат II (174/175–210/211 гг.)	5
Рескупорид III (211/212–226/227 гг.)	9
Котис III (227/228–233/234 гг.)	3
Савромат III (229/230–231/232 гг.)	1
Инифимей (234/235–238/239 гг.)	11
Рескупорид V (242/243–276/277 гг.)	10
Тейран (266/267, 275/276–278/279 гг.)	1
Фофорс (285/286–309/310 гг.)	13
Радамсад (309/310–322/323 гг.)	1
Рескупорид VI (314/315–341/342 гг.)	8
Сестерции боспорских царей, точно не определяемые	3
Статеры боспорских царей, точно не определяемые	1

Группа II. Небоспорские монеты

1. Северное Причерноморье

Херсонес, ок. 150–200 гг. н.э.	1

2. Понт и Пафлагония

Амис, ок. 100–65 гг. до н.э.	3
Синопа, ок. 85–65 гг. до н.э.	1
Не определяемые понтийские	1

Рис. 1. Монеты из раскопок поселения Ильичевка. Ок. 330–300 гг. до н.э.

Самые ранние монеты из слоев Ильичевки принадлежат серии пантикапейской меди, датированной Д.Б. Шеловым временем около 330–315 гг. до н.э.¹¹ Это оболы (№ 121, 216), тетраخالки¹² (рис. 1, 6, 63, 210), дихалки¹³ (рис. 1, 243) и халки¹⁴ (рис. 1, 69) – всего 23 экз.

Наибольшую группу монет в слоях поселения составляют тетраخالки типа «голова сатира/голова льва, осетр»¹⁵ из следующей серии, датированной временем около 315–300 гг. до н.э. Монеты данного типа решительно доминируют среди нумизматических материалов из раскопок Ильичевки – 91 экз. (рис. 1). К ним присоединяется обол той же серии¹⁶ (№ 260). Далее следуют 15 тетраخالков с головой льва и осетром, надчеканенные в начале III в. до н.э. клеймами в виде звезды и горита (рис. 2, 254), и 6 тех же тетраخالков с надчеканками, перечеканенные новым типом «голова сатира/лук и стрела»¹⁷ (рис. 2, 416). Эти надчеканенные монеты и перечеканки из них свидетельствуют о начале денежного кризиса на Боспоре.

Крупную группу образуют другие монеты периода денежного кризиса первой половины III в. до н.э., представленные в основном типом «голова сатира/лук и стрела» (большей частью деградировавшая медь со следами отрубав литников)¹⁸ (рис. 2, 185, 374, 103, 135) – 63 экз. Встречаются также дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$ – 5 экз. (рис. 2, 312), чеканка которых относится, по-видимому, к первому десятилетию III в. до н.э.¹⁹ Они тоже быстро деградируют и исчезают из обращения, уступая место массе обесцененной меди. К середине III в. до н.э. относятся монеты с типом треножника на о.с.²⁰ (№ 44) или с надчеканкой в виде треножника²¹ (№ 45–46, 53, 55, 59, 61, 420), а также новые типы с головой бородатого сатира на аверсе²² (№ 78, 198, 235, 364). За ними следуют монеты Левкона II (см. ниже) и пантикапейский тип «голова Посейдона/прора, ПАНТИ»²³ последней четверти III в. до н.э. (рис. 2, 71).

Пантикапейская чеканка II в. до н.э. представлена типами «голова Аполлона/горит»²⁴ – 16 экз., «голова быка/плуг, колос»²⁵ – 3 экз. (рис. 2, 81), «голова сатира/рог изобилия между шапками Диоскуров»²⁶ – 6 экз. (рис. 2, 423). В целом, пантикапейские монеты II в. до н.э. численно почти в 2 раза уступают монетам предыдущего столетия и в 3 раза – монетам IV в. до н.э. В литературе уже отмечался факт преобладания в слоях боспорских городов пантикапейских монет III в. до н.э., главным образом периода денежного кризиса, и то что монеты II в. до н.э. численно им уступают²⁷.

¹¹ Шелов 1956, № 54–57.

¹² Анохин 1986, № 111.

¹³ Анохин 1985, № 112.

¹⁴ Анохин 1986, № 113.

¹⁵ Анохин 1986, № 125.

¹⁶ Анохин 1986, № 124.

¹⁷ Шелов 1956, № 67.

¹⁸ Шелов 1956, № 65–66.

¹⁹ Анохин 1986, № 132.

²⁰ Анохин, 1986, 141.

²¹ Анохин, 1986, 139, 143.

²² Шелов 1956, № 72–73; Анохин 1986, № 145.

²³ Анохин 1985, № 144.

²⁴ Анохин 1985, № 169.

²⁵ Анохин 1985, № 165.

²⁶ Анохин 1985, № 175.

²⁷ Шелов 1962, 61.

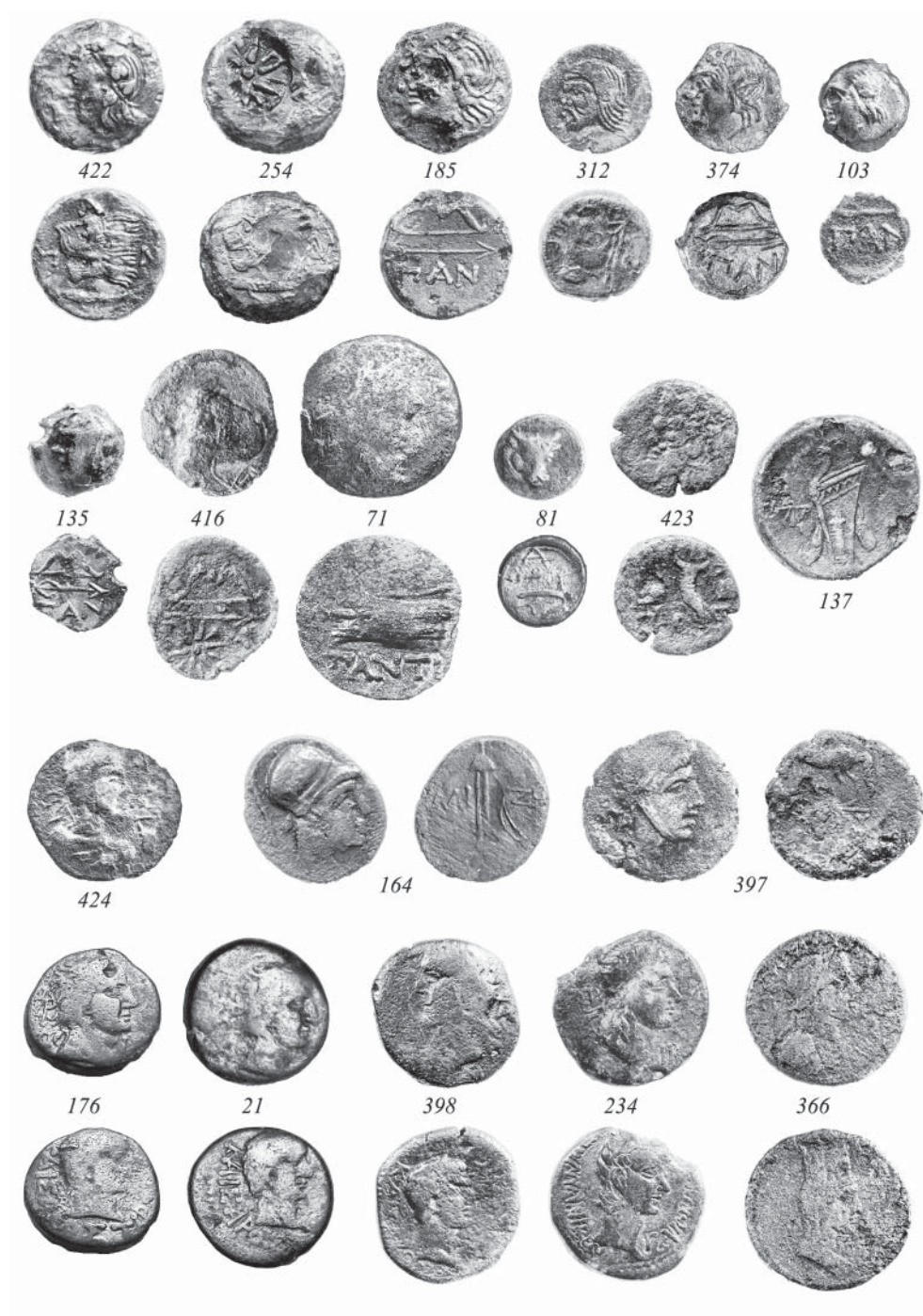

Рис. 2. Монеты из раскопок поселения Ильичевка. IV в. до н.э. – I в. н.э.

Число фанагорийских медных монет II в. до н.э. с изображением лука и стрелы²⁸ немного уступает синхронным пантикапейским монетам – 16 экз.

Боспорских монет I в. до н.э. найдено сравнительно немного. Митридатовской эпохой датируются боспорские анонимные оболы²⁹ – 3 экз. (№ 36, 136–137. рис. 2, 137), фанагорийская медь с лежащей ланью на о.с.³⁰ (№ 131), тетраخالки типа «Дионис/тирс и треножник» с названиями Пантикапея (№ 122, 392), Горгииппии (№ 247, 355) и, возможно, Фанагории (№ 304)³¹. Затем следуют пантикапейский обол времени Фарнака³² (63–51/50 гг. до н.э.) (№ 178) и фанагорийский тетраخالк эпохи правления Асандра³³ (№ 51).

Конец автономной чеканки маркирует городская медь, выпускавшаяся около 13–12 гг. до н.э. от имени Кесарии (Пантикапея)³⁴ – 5 экз. (№ 117, 167, 208, 236, 405) и Агриппии (Фанагории)³⁵ – 4 экз. (№ 118, 213, 257, 300).

Монет боспорских царей в коллекции насчитывается 160 экз. Самыми ранними из них являются четыре монеты Левкона II. Представлены два номинала: оболы с изображениями головы Геракла и лука с палицей³⁶ – 3 экз. (№ 130, 165, 350) и тетраخالк с изображениями головы Афины и молнии³⁷ (№ 196).

Следующая группа боспорских царских монет относится ко второй половине и концу I в. до н.э. Она включает тетраخالк архонта Асандра³⁸ (№ 284), выпущенный около 49/48–46/45(?) гг. до н.э., и медь двух типов с монограммой неизвестного династа ΒΑΕ³⁹ (№ 27, 371).

Монеты боспорских царей I–IV вв. н.э. (рис. 3–4) представляют обычные типы и варианты и почти не требуют особых комментариев. Все они – медные, за исключением четырех биллонных статеров, три из которых принадлежат Рескупориду V – 251/252 (№ 102), 260/261 (№ 34), 266/267 (№ 28) гг. н.э., один – Тейрану – 275/276 г. н.э. (№ 12). Отметим, что самые большие группы царских монет образуют ассы Митридата III и его родителей Аспурга и Гепеппии – всего 36 экз., ассы и дупондии Котиса I – 13 экз., сестерции Савромата I – 16 экз. и Реметалка – 9 экз., а также статеры Фофорса – 13 экз.

Обращает внимание на себя тот факт, что 5 статеров Фофорса найдены компактно в Раскопе 3 при расчистке упомянутой выше винодельни (объект 5) (№ 83–88), еще один статер (№ 90) – рядом, в том же кв. 16. Четыре статера несут даты подряд с 296/297 по 300/301 гг. н.э., два отчеканены в 289/290 и 304/305 гг. н.э. Безусловно, находка представляет собой закрытый комплекс из винодельни, дающий абсолютную датировку.

²⁸ Анохин 1985, № 147.

²⁹ Анохин 1985, № 212.

³⁰ Анохин 1985, № 194.

³¹ Анохин 1985, № 202 (Пантикапей), 208а (Фанагория), 211 (Горгииппия).

³² Анохин 1986, № 214.

³³ Анохин 1986, № 227.

³⁴ Анохин 1986, № 322.

³⁵ Анохин 1986, № 323.

³⁶ Анохин 1986, № 134.

³⁷ Анохин 1986, № 135.

³⁸ Анохин 1986, № 225. Медь Асандра с царским титулом неизвестна; монеты с титулом архонта выпускались в первые три-четыре года его правления, до получения им царского титула в 45/44 г. до н.э. См. Фролова 1997/1, 23.

³⁹ Анохин 1986, № 281, 286.

Рис. 3. Монеты из раскопок поселения Ильичевка. I-II вв. н.э.

Рис. 4. Монеты из раскопок поселения Ильичевка. II–IV вв. н.э.

Наиболее поздние монеты из раскопок Ильичевки – статеры Рескупорида VI 321/322 (№ 2, 9, 15), 322/323 (№ 23) и 324/325 (№ 24) гг. н.э.

Группа монет небоспорского происхождения представлена понтийской медью митридатовского времени и херсонесским тетрассарием второй половины II в. н.э. Медь городов Понта и Пафлагонии играла большую роль в денежном обращении Боспора вследствие унификации денежного обращения в державе Митридата VI Евпатора. В слоях Ильичевки найдены монеты Амиса типов «голова Ареса/меч»⁴⁰ ок. 100–85 гг. до н.э. (№ 164, 373) и «голова Персея/Пегас»⁴¹ ок. 85–65 гг. до н.э. (№ 397), синопский тетрахапс типа «голова Зевса/орел»⁴² ок. 85–65 гг. до н.э. (№ 295), тип «эгида/Ника» не определяемого центра того же времени (№ 194).

Монеты Херсонеса достаточно редко встречаются на Боспоре⁴³; близкий вариант тетрассария типа «бюст Херсонас, лира/Дева с ланью»⁴⁴ (№ 424) найден в Китее⁴⁵.

2.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА КЛАДОВ МОНЕТ IV в. до н.э. – ПЕРВОЙ ТРЕТИ II в. до н.э. ИЗ ОВРАГА

Необходимо отметить, что подавляющее большинство (более 90%) монет IV–II вв. до н.э. обнаружено на сравнительно небольшом (20 x 20 м) участке Раскопа 3 – в овраге, который во время функционирования поселения был занят мусорной свалкой. Возможно, то же самое касается и монет I в. до – I в. н.э. Судя по находкам керамики (как тарной, так и столовой), свалка синхронна времени существования поселения (II – начало IV в. н.э.). Отметим, что другие категории материала эллинистического и раннеримского времени, кроме большого количества охарактеризованных выше монет, здесь (как, впрочем, и на остальной площади всех трех раскопов) найдены не были.

Такая ситуация заставляет нас интерпретировать монеты эллинистического и римского времени как клад, разрушенный в результате сползания грунта по склону оврага. Стратиграфия заполнения оврага демонстрирует, как происходил этот процесс: прослойки зольной свалки, в которых найдены монеты, идут наклонно. Достаточно скудный набор монетных типов позволяет провести сравнение с аналогичными синхронными комплексами. Клады периода эллинизма могли спрятать в овраге обитатели поселения, расположенного западнее Ильича, у пролива, и сейчас уже полностью ушедшего в море, в котором А.А. Завойкин, Г.П. Гарбузов и Н.И. Сударев предполагают Ахиллий⁴⁶, или же усадеб I в. до н.э., открытых в прибрежной части памятника на раскопах Берег I (1993 г.), Берег 3 (1996–1997 гг.) и Раскопе 4 (2015–2016 гг.)⁴⁷. Клад римского времени следует связать с Ильичевским городищем, цитадель и вал которого были построены в конце

⁴⁰ SNG BM I 1147–1149.

⁴¹ SNG BM I 1212–1217.

⁴² SNG BM I 1543–1549.

⁴³ Список находок монет Херсонеса на Боспоре см. Абрамзон 2010, 504–505, № 100–113.

⁴⁴ Фролова, Абрамзон 2015, № 863.

⁴⁵ Молев, Молева 1996, 79, № 56.

⁴⁶ Завойкин 1999, 227; Гарбузов, Сударев 2015, 137–142.

⁴⁷ Николаева, Устаева 1993, 25–33; Завойкин 1996, 2–9; 1997, 2–11; Бонин, Шаров 2016, 60–61.

I в. до н.э.⁴⁸ или в начале I в. н. э. Сколько кладов было, сказать сложно, но можно предположить их примерные составы.

1. **Клад А.** Явно относится к самому концу IV или началу III в. до н.э. Его основу составляют пантикапейские тетраخالки типа «голова сатира/голова льва, осетр»⁴⁹, выпущенные около 315–300 гг. до н.э. – около 90 экз. С ними могут сочетаться тетраخالки предыдущей серии со протомой Пегаса на реверсе⁵⁰ – 13 экз. подобная композиция встречается, например, в кладе из окрестностей Тамани (1980 г.)⁵¹. В таком случае, клад А содержал около 115 монет. Известны клады (например, Нимфейский 1954 г.)⁵², в которых тетраخالки с протомой Пегаса сочетаются с тетраخالками «сатир/голова льва, осетр» с надчеканками и дихалками с головой быка в $\frac{3}{4}$ ⁵³. Тогда размер клада А увеличивается до 140 монет, а если в него входили тяжелые тетраخالки с луком и стрелой⁵⁴ (в том числе перечеканенные из надчеканенных монет со львом и осетром⁵⁵), – то до полутора сотен или чуть более монет⁵⁶. Аналогии: клад из Керчи (1869 г.)⁵⁷, Сенной (1879 г.)⁵⁸, Нимфея (1951 г.)⁵⁹ и т.д.

2. **Клад Б.** Возможно, зарыт в начале последней четверти III в. до н.э. Основу составляет пантикапейская деградированная медь 275–250 гг. до н.э. – более 60 экз. По аналогии с другими кладами, в него могли входить пантикапейские дихалки и халки серии около 330–315 гг. до н.э., типы середины столетия с надчеканками в виде треножника и без них, медь Левкона II и пантикапейский тип «голова Посейдона/прора, ПАНТИ»⁶⁰ последней четверти столетия. Предполагаемый размер клада – около сотни монет. Аналогии – например, Анапский клад 1954 г.⁶¹ и Куматырский клад 2004 г.⁶²

3. **Клад В.** Комплекс митридатовской эпохи или времени Асандра. Возможный состав – обол, халки и дихалки 330–315 гг. до н.э., оболочки 315–300 гг. до н.э., типы периода денежного кризиса, пантикапейская и фанагорийская медь II в. до н.э., анонимные оболочки, тетраخالки Горгииппии, Пантикапея, Фанагории и понтийская медь митридатовского периода, обол Фарнака и медь Асандра. Аналогичный состав имел Керченский клад 1897 г.⁶³ Размер – около сотни монет?

⁴⁸ Фролова, Николаева 1978, 173.

⁴⁹ Анохин 1986, № 125.

⁵⁰ Анохин 1986, № 111.

⁵¹ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 104.

⁵² Абрамзон, Фролова 2007–2008, 108–109.

⁵³ Анохин 1986, № 132.

⁵⁴ Анохин 1986, № 133.

⁵⁵ Шелов 1956, № 67.

⁵⁶ Отметим компактные скопления монет, например, IV – нач. III в. до н.э. – кв. 143: тетраخالков со львом и осетром – 10 экз., тетраخالков с протомой Пегаса – 2; кв. 145–146: тетраخالков со львом и осетром – 6; кв. 147: тетраخالков со львом и осетром – 20, тетраخالков с протомой Пегаса – 1, дихалков 300–290 гг. до н.э. – 1; кв. 149: тетраخالков со львом и осетром – 4, тетраخالков с протомой Пегаса – 2, и т.д.

⁵⁷ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 124–125.

⁵⁸ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 126.

⁵⁹ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 127.

⁶⁰ Анохин 1985, № 144.

⁶¹ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 164.

⁶² Абрамзон, Фролова 2007–2008, 155–162.

⁶³ ОАК за 1897, 72–73; IGCH 1144.

4. **Клад Г.** Клад монет конца I в. до н.э. – первой трети II в. н.э.⁶⁴ Состав: Кесария, Агриппия, медь Б^ΑΕ, Аспург, Гепепирия, Митридат III, Котис I, Рескупорид II, Савромат I, Котис II. Аналогии: клады из Сукко и Горгииппии⁶⁵.

Еще раз подчеркнем данные реконструкции предложены исходя из концентрации тех или иных значительных хронологических групп монет на компактной площади.

2.2. КОШЕЛЕК (?) С МЕДНЫМИ МОНЕТАМИ III в. н.э.

При работах на Раскопе 3 (кв. 145, сл. 2) обнаружено компактное скопление 20 бронзовых монет (рис. 5), оказавшихся денариями и двойными денариями первой – второй четвертей III в. н.э. Археологический контекст свидетельствует в большей мере о связи комплекса с одним из четырех погребений, выявленных в данном квадрате. В таком случае, комплекс может представлять собой кошелек погребенного. В состав входят монеты следующих царей: 1) Рескупорид III – 7 экз. (№ 1–7); 2) Котис III – 3 экз. (№ 8–10); 3) Савромат III – 1 экз. (№ 11); 4) Ининфимей – 9 экз. (№ 12–20). Вместе с публикуемым кошельком (?) на известно пять монетных комплексов, зарытых в правление Ининфимея:

1. Клад из окрестностей Пантикапея (1863 г.)⁶⁶.
2. Клад из Горгииппии (1984 г.)⁶⁷.
3. Клад из Горгииппии (1987 г.)⁶⁸.
4. Клад из Пантикапея, г. Митридат (2009 г.)⁶⁹.
5. Кошелек (?) из Ильичевки (2016 г.).

Денарии Рескупорида III представлены в публикуемом комплексе двумя типами: «бюст царя/богиня на троне» – 5 экз. (рис. 5, 1–5), «бюст царя/царь на коне» – 2 экз. (№ 6–7), медная чеканка Котиса III – двойными денариями (рис. 5, 8–10), Савромата III – денарием (рис. 5, 11). Все остальные монеты – двойные денарии Ининфимея типа «бюсты царя и богини/богиня на троне» (рис. 5, 12–20).

Публикуемый комплекс, подобнокладам из Горгииппии 1984 г. и Пантикапея 2009 г., представляет выборку из денежного обращения только медяков, отличаясь от этих кладов лишь более узким отрезком времени – с 218/219–223/224 по 234/235–238/239 гг. н.э. По-видимому, все эти комплексы были зарыты около 238/239 гг. н.э. вследствие варварского нашествия, вызвавшего затем перерыв в боспорской чеканке до 242 г. н.э.⁷⁰

Однако вопрос датировки комплекса остается открытым, поскольку рядом с перечисленными монетами были найдены три двойных денария Рескупорида V, один из которых датируется 242/243–251/252 гг. н.э. (№ 294), два других (№ 292–293) – примерно 267/268 г. н.э. Если эти медяки входят в состав данного

⁶⁴ Заметная группа монет конца I – начала II в. н.э. сосредоточена в кв. 132–138: Кесария – 2, Агриппия – 2, Аспург – 5, Гепепирия – 2, Митридат III – 7, Котис I – 9, Рескупорид II – 2, Савромат I – 9.

⁶⁵ Abramzon, Frolova, Gorlov 2001, 287–303.

⁶⁶ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 333–334.

⁶⁷ Абрамзон, Фролова 2007–2008, 334–352.

⁶⁸ Frolova, Ireland 1995, 21–42.

⁶⁹ Абрамзон, Федосеев 2015, 451–492; Абрамзон 2011, 147–156.

⁷⁰ Фролова 1997/1, 200–202.

Рис. 5. Ильичевка. Кошелек с медными монетами III в. н.э. из погребения

комплекса, то его следует датировать 267/268 г. н.э. и связывать с синхронными кладами статеров из Семеновки (1957 г.)⁷¹, Илурата (1976 г.)⁷² и поселения на Темир-Горе (2009 г.). С другой стороны, нам представляется более предпочтительным связывать его с однородными кладами меди, зарытыми в конце правления Ининфимея, чем с кладами биллонных статеров 267/268 г. н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, состав нумизматической коллекции из раскопок Ильичевки отражает денежное обращение на памятнике с последней трети IV в. до н.э. по первую треть IV в. н.э. Подавляющее большинство монет IV – первой трети II в. до н.э. концентрируется на сравнительно небольшом участке Раскопа 3 – в овраге, который во время функционирования поселения (II–IV вв. н.э.) был занят зольником. В определенных квадратах раскопа наблюдаются скопления монет конкретных хронологических групп. Это заставило нас интерпретировать данные группы монет эллинистического и римского времени как четыре клада, спрятанные в данной балке и разрушенные вследствие сползания грунта по склону оврага, и предложить реконструкцию их состава.

От трех последних боспорских царей, чеканивших статеры, – Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, чьи деньги обычно изобилуют в слоях боспорских поселений, дошло всего 22 монеты. Наиболее поздний статер Рескупорида VI из публикуемых материалов относится к эмиссии 324//325 г. н.э. Отметим, что уже в 327 г. н.э. Ильичевское городище и ближайшие укрепления в районе современного пос. Ильичевка переживаю набег варваров, форсировавших Керченский пролив. Об этом свидетельствуют как дата клада с Ильичевского городища 1977 г., так и нумизматический материал из слоя пожара расположенной рядом «батареи», где был открыт разгромленный и сгоревший дом, позднейшими монетами из которого были статеры Рескупорида VI 327/328 г. н.э.⁷³

⁷¹ Кругликова 1958, 134–143.

⁷² Фролова, Шургая 1982, 91–97; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 401–404.

⁷³ Голенко, Сокольский 1968, 87; Абрамзон, Молев 1916, 397.

СПИСОК МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИЛЬИЧЕВКА (2015–2016 гг.)⁷⁴

№ п/п	№ описи	Определение	Датировка	Литература	Диаметр, мм	Металл	Место находки
1. Единичные находки							
1.	1561	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	17	AE	P–1, кв. 11, сл. 3
2.	2647	Рескупорид VI	321/322 г. н.э.	Фролова 1997/2, XC, 16	21	AE	P–1, кв. 20, сл. 2
3.	2746	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	19	AE	P–1, кв. 30, сл. 1
4.	2760	Фанагория, перечеканка из типа Анохин 1986, 169	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	AE	P–1, кв. 32, сл. 1
5.	2990	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	22	AE	P–1, кв. 38, сл. 2
6.	3255	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	21	AE	P–1, кв. 17, сл. 2
7.	3313	Котис III или Инифимей (?), денарий	227/228–238/239 гг.?		24	AE	P–1, кв. 26, сл. 2
8.	3314	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	AE	P–1, кв. 26, сл. 2
9.	3315	Рескупорид VI	321/322 г. н.э.	Анохин 1986, 767a; Фролова 1997/2, XC, 29	17	AE	P–1, кв. 26, сл. 2
10.	3498	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	14	AE	P–1, кв. 40, сл. 2
11.	3919	Котис I, асс	49–54 гг.	Анохин 1986, 344; Фролова 1997/1, XXIV, 11–23	18	AE	P–1, кв. 65, сл. 2
12.	3920	Тейран, стагер	275/276 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXV, 22?	20	BiI	P–1, кв. 65, сл. 2
13.	4042	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	22	AE	P–1, кв. 66, сл. 2
14.	4044	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	13	AE	P–1, кв. 66, сл. 2
15.	4046	Рескупорид VI	321/322 г. н.э.	Фролова 1997/2, XCI, 4–9	18	AE	P–1, кв. 66, сл. 2
16.	4052	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	24	AE	P–1, кв. 66, сл. 2
17.	4153	Реметалк, сестерций	Ок. 133–134 гг.	Фролова 1997/1, LXII, 18	24	AE	P–1, кв. 68, сл. 2
18.	4558	Котис I, дупондий	68–69 гг.	Анохин 1986, 370, или 371, 372	22	AE	P–1, кв. 73–74, сл. 1
19.	4728	Рескупорид V двойной денарий	250/251–251/252 гг.	Анохин 1986, 719; Фролова 1997/2, LIX, 1, 36 76 15–20	20	AE	P–1, кв. 59–60, сл. 2
20.	5619	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	23	AE	P–1, кв. 38/40, бровка
21.	5794	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Фролова 1997/1, XIII, 19	21	AE	P–1, прирезка 3, сл. 2

⁷⁴ Порядковым номерам каталога соответствуют номера монет в таблицах.

22.	6023	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	AE	P–1, прирезка 3, сл. 2, отвал
23.	6160	Рескупорид VI	322/323 г. н.э.	Фролова 1997/2, XCIII, 1a	18	AE	P–1, кв. 51, сл. 2
24.	6352	Рескупорид VI	324/325 г. н.э.	Фролова 1997/2, XCIX, 12	18	AE	P–1, прирезка 5 к кв. 30, сл. 2
25.	7186	Рескупорид VI	Год не ясен		20	AE	P–1, объект 14, кв. 54
26.	7479	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	23	AE	P–1, объект 40, кв. 29
27.	7593	Боспор, неизвестный династ BAE	Кон. I в. до н.э. (после 12 г. до н.э.)	Анохин 1986, 281	19	AE	P–1, объект 45, кв. 35/37
28.	8164	Рескупорид V, статер	266/267 г. н.э.	Фролова 1997/2, LVII, 9	20	Bil	P–1, объект 71, кв. 45
29.	9052	Фофорс	302/303 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXIX, 15	18	AE	P–1, объект 149, кв. 50
30.	9229	Фофорс	286/287 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXVIII, 2–4	19	AE	P–1, объект 161, кв. 36/38
31.	9727	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	AE	P–1, объект 199, кв. 42
32.	472	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 131	19	AE	P–2, кв. 16, сл. 2
33.	875	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	КБКAM I, табл. 40, 155	18	AE	P–2, кв. 7, сл. 1
34.	876	Рескупорид V	260/261 г. н.э.	Брабич 1967, XIII, 706	17	Bil	P–2, кв. 7, сл. 1
35.	984	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–2, кв. 8, сл. 1
36.	985	Боспор, анонимный обол, монограмма не видна	Кон. II в. – 63 г. до н.э.	Анохин 1986, 212 и т.д.	25	AE	P–2, кв. 8, сл. 1
37.	1067	Савромат I, сестерций	Ок. 108/109–115/116 гг.	Анохин 1986, 454; Фролова 1997/1, XLVI, 1	26	AE	P–2, кв. 9, сл. 1
38.	1068	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–2, кв. 9, сл. 1
39.	1156	Пантикапей	Ок. 300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	16	AE	P–2, кв. 24, сл. 2
40.	1157	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–2, кв. 24, сл. 2
41.	1188	Фанагория, перечеканка из типа Шелов 1956, 66	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	14	AE	P–2, кв. 25, сл. 1
42.	1189	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P–2, кв. 25, сл. 1
43.	1276	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P–2, кв. 26, сл. 1

44.	1278	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин, 1986, 141; SNG BM I 908.	14	AE	P-2, кв. 26, сл. 1
45.	1355	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин, 1986, 139	14	AE	P-2, кв. 25, сл. 2, от-вал.
46.	1356	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин, 1986, 143	16	AE	P-2, кв. 25, сл. 2
47.	1357	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	16	AE	P-2, кв. 25, сл. 2
48.	1358	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-2, кв. 25, сл. 2, от-вал.
49.	1359	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	16	AE	P-2, кв. 25, сл. 2, от-вал.
50.	1426	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	AE	P-2, кв. 34, сл. 1 (пашня).
51.	1452	Фанагория	49/48–21/20 гг. до н.э.	Анохин 1986, 227; Frolova, Ireland 2002, XXX, 1	14 x 12	AE	P-2, кв. 34, сл. 2
52.	1607	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-2, кв. 297, сл. 1
53.	1760	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин, 1986, 139	12	AE	P-2, кв. 195, 224–226, 55, 197, 227–229, 64, сл. 1
54.	1996	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	20	AE	P-2, кв. 297, сл. 1
55.	2490	Пантикапей	Ок. 250 гг. до н.э.	Анохин 1986, 139	14	AE	P-2, кв. 16, сл. 2
56.	2539	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 145	13	AE	P-2, кв. 15, сл. 1
57.	3043	Котис I, асс	50–63 гг.	Анохин 1986, 349–351	20	AE	P-2, кв. 23, сл. 1
58.	3212	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	15	AE	P-2, кв. 24, сл. 2
59.	3321	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин, 1986, 139	14	AE	P-2, кв. 24, бровки
60.	3509	Боспор, статур, отверстие	III в. н.э.		12	?	P-2, кв. 25, сл. 2
61.	3511	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин, 1986, 139	16	AE	P-2, кв. 25, сл. 2
62.	3565	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P-2, кв. 25, сл. 2, юж. бровка
63.	3771	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	21	AE	P-2, кв. 26, сл. 2
64.	3773	Савромат I, сестерций	Ок. 108/109–115/116 гг.	Анохин 1986, 454; Фролова 1997/1, XLVI, 1	23	AE	P-2, кв. 26, сл. 2
65.	4736	Пантикапей	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	13	AE	P-2, кв. 26, сл. 2
66.	4737	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	19	AE	P-2, кв. 26, сл. 2
67.	4742	Савромат I, сестерций	Ок. 108/109–115/116 гг.	Анохин 1986, 454; Фролова 1997/1, XLVI, 1	23	AE	P-2, кв. 96–101, сл. 2

68.	4743	Фофорс	286/287 г. н.э.	Брабич 1967, XXI, 2058; Фролова 1997/2, LXVI, 2	20	АЕ	Р-2, кв. 96–101, сл. 2
69.	4744	Пантикапей	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113	13	АЕ	Р-2, кв. 96–101, сл. 2
70.	4746	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	АЕ	Р-2, кв. 122
71.	4748	Пантикапей	Ок. 225–200 гг. до н.э.	Анохин 1986, 144	23	АЕ	Р-2, кв. 232, сл. 1
72.	530	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	10	АЕ	Р-2, объект 51, кв. 13–17, 21–26, 30–35, 39–43, 48–49
73.	533	Савромаг I, сестерций	Ок. 98/99–103/104 гг.	Анохин 1986, 425; Фролова 1997/1, XLIII, 16	25	АЕ	Там же.
74.	535	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	АЕ	Там же.
75.	536	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 65–66	14	АЕ	Там же.
76.	537	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	АЕ	Там же.
77.	540	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	АЕ	Там же.
78.	651	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 145	15	АЕ	Р-2, объект 56, кв. 9 (яма)
79.	688	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	АЕ	Р-2, объект 58, кв. 38 (яма)
80.	133	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	13	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19
81.	134	Пантикапей, перечеканка из Анохин 1986, 169	Ок. 200–175 гг. до н.э.	Анохин 1986, 165	13	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19
82.	135	Фофорс	300/301 г. н.э.	https://bosporan-kingdom.com/745-4723/2.html	18	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19
83.	138	Фофорс	304/305 г. н.э.	https://bosporan-kingdom.com/749-4857/4.html	18	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19
84.	139	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	21	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19
85.	140	Фофорс	297/298 г. н.э.?	Анохин 1986, 742в?	17	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19
86.	141	Фофорс	299/300 г. н.э.	Абрамзон, Кузнецов 2017, табл. 215, 3219	17	АЕ	Р-3, объект 5, кв. 16, 19

87.	142	Фофорс	297/298 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXI, 29	20	AE	P–3, объект 5, кв. 16, 19
88.	143	Фофорс	289/290 г. н.э.	https://bosporan-kingdom.com/735-4182/3.html	20	AE	P–3, объект 5, кв. 16, 19
89.	543	Рескупорид II?, дупондий?		Анохин 1986, 386?	25	AE	P–3, кв. 111, около восточного борта
90.	561	Фофорс	296/297 г. н.э.	https://bosporan-kingdom.com/741-4569/12.html	19	AE	P–3, кв. 16, сл. 2
91.	607	Рескупорид III, денарий, о.с. – клеймо		Фролова 1997/2, XIV, 12, 18; XV, 4, 6, 8	23	AE	P–3, кв. 22, сл. 2
92.	628	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 28, сл. 2
93.	629	Рескупорид II, сестерций	80–92 гг.	Фролова 1997/1, 1–8; Анохин 1986, 382	28	AE	P–3, кв. 28, сл. 2
94.	635	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	AE	P–3, кв. 31, сл. 1
95.	636	Савромат II, двойной денарий?	180–196 гг. ?	Анохин 1986, 605?	26	AE	P–3, кв. 31, сл. 1
96.	854	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 37, сл. 2
97.	855	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	19	AE	P–3, кв. 37, сл. 2
98.	856	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 37, сл. 2
99.	1076	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	17	AE	P–3, кв. 42, сл. 3
100.	1077	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 131	19	AE	P–3, кв. 42, сл. 3
101.	1094	Боспорское царство, сестерций с венком, Савромат I или Реметалк?	II в. н.э.		24	AE	P–3, объект 89, кв. 181, 182
102.	1186	Рескупорид V, стагер	251/252 г. н.э.	Брабич 1967, VII, 329; Фролова 1997, XLIV, 30	19	BI	P–3, объект 108, кв. 108
103.	1205	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	SNG BM I 901–905	13	AE	P–3, кв. 44–45, сл. 2
104.	1206	Пантикапей	275–250 или 200–150 гг. до н.э.	SNG BM I 901–905 или Анохин 1986, 146	11	AE	P–3, кв. 44–45, сл. 2
105.	1276	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	AE	P–3, кв. 91, сл. 1
106.	2034	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, погр. 28, кв. 155

107.	2043	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	AE	P-3, объект 26, кв. 96-97
108.	2044	Реметалк, сестерций	Ок. 131-132 гг.	Фролова 1997/1, LX, 12	25	AE	P-3, объект 26, кв. 96-97
109.	2324	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 112, сл. 2
110.	2325	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 112, сл. 2
111.	2402	Пантикапей	Ок. 275-250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P-3, кв. 116, сл. 2
112.	2403	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	25	AE	P-3, кв. 116, сл. 2
113.	2435	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 117, сл. 1
114.	2558	Пантикапей	Ок. 200-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	AE	P-3, кв. 118, сл. 2
115.	2626	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 126, сл. 2
116.	2627	Рескупорид II	Ок. 90/91-91/92 гг.	Анохин 1986, 384	25	AE	P-3, кв. 126, сл. 2
117.	2631	Пантикапей как Кесария	Ок. 13-12 гг. до н.э.	Фролова 1997/1, II, 13	19	AE	P-3, кв. 126, сл. 3
118.	2782	Фанагория как Агриппия	Ок. 13-12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 323	19	AE	P-3, кв. 131-132, бровка
119.	2909	Фофорс	287/288 г. н.э.	http://bosporan-kingdom.com/733-4575/10.html	19	AE	P-3, кв. 154, сл. 2
120.	3000	Савромат I (?), сестерций курульное кресло/венок	Ок. 108/109-115/116 гг.?	Анохин 1986, 450?	24	AE	P-3, кв. 157, сл. 2
121.	3290	Пантикапей, обол	Ок. 330-315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 110	25	AE	P-3, кв. 173, сл. 2
122.	3329	Пантикапей, тетрахалк	Ок. 90-80-х гг. до н.э.	Анохин 1986, 202, 202a	21	AE	P-3, кв. 177, сл. 2
123.	3330	Савромат I, сестерций курульное кресло/венок	117/118-123/124 гг.	Фролова 1997/1, I, 1	24	AE	P-3, кв. 177, сл. 2
124.	3340	Пантикапей	Ок. 120-110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	17	AE	P-3, кв. 181, сл. 1
125.	3455	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	10	AE	P-3, кв. 132, сл. 2
126.	3456	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	11	AE	P-3, кв. 132, сл. 2
127.	3458	Котис I	49-54 гг.	Анохин 1986, 344; Фролова 1997/1, XXIV, 11-23	22	AE	P-3, кв. 132, сл. 2
128.	3463	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	21	AE	P-3, кв. 132, сл. 2

129.	3464	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	20	AE	P–3, кв. 132, сл. 2
130.	3465	Левкон II, обол	Ок. 240–220 гг. до н.э.	Анохин 1986, 134	21	AE	P–3, кв. 132, сл. 2
131.	3656	Фанагория	Ок. 100–75 гг. до н.э.	Анохин 1986, 194	21	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
132.	3657	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
133.	3658	Пантикапей, тетрахалк	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	21	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
134.	3660	Пантикапей	Ок. 200–175 гг. до н.э.	Анохин 1986, 165	12	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
135.	3662	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
136.	3665	Боспор, анонимный обол	Кон. II в. – 63 г. до н.э.	Анохин 1986, 212 и т.д.	24	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
137.	3666	Боспор, анонимный обол	Кон. II в. – 63 г. до н.э.	Анохин 1986, 212	24	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
138.	3667	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг.	Анохин 1986, 459; Фролова XLVII, 10–12	27	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
139.	3672	Инифимей, двойной денарий, о.с. клеймо	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/1, XXXIII, 20	24	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
140.	3674	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
141.	3675	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	16	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
142.	3676	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
143.	3678	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
144.	3679	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
145.	3680	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
146.	3681	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	16	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
147.	3683	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	24	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
148.	3684	Пантикапей, тетрахалк	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	20	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
149.	3687	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
150.	3689	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	21	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
151.	3697	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 133, сл. 2
152.	3698	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P–3, кв. 133, сл. 2

153.	3699	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
154.	3701	Пантикапей, дихалк	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	13	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
155.	3704	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Фролова 1997/1, XIII, 19	23	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
156.	3705	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	24	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
157.	3706	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг.	Анохин 1986, 459; Фролова 1997/1, XLV, 10–12	26	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
158.	3707	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	18	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
159.	3708	Пантикапей	Ок. 300–290 г. до н.э.	Анохин 1986, 132	25	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
160.	3974	Савромат I, сестерций курульное кресло/венюк	108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLV, 11	25	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
161.	3989	Пантикапей	Ок. 300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	16	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
162.	3990	Пантикапей	Ок. 300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	16	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
163.	3991	Пантикапей	Ок. 300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	19	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
164.	3992	Амис, Арес/меч	Ок. 100–85 гг. до н.э.	SNG BM I 1147–1149	16	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
165.	3994	Левкон II, обол	Ок. 240–220 гг. до н.э.	Анохин 1986, 134	20	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
166.	3996	Савромат I, сестерций	108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 15	25	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
167.	3998	Пантикапей как Кесария	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Фролова 1997/1, II, 13	20	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
168.	4000	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Фролова 1997/1, XIII, 19	21	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
169.	4001	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Фролова 1997/1, XIII, 19	19	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
170.	4002	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	17	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 2
171.	4003	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
172.	4004	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	7	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
173.	4014	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	АЕ	Р-3, кв. 133, сл. 2
174.	4063	Пантикапей	300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 65–66	14	АЕ	Р-3, кв. 132, бровки
175.	4193	Пантикапей	Ок. 200–175 гг. до н.э.	Анохин 1986, 165	13	АЕ	Р-3, кв. 134, сл. 3
176.	4288	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Фролова 1997/1, XIII, 19	19	АЕ	Р-3, кв. 135, сл. 1
177.	4289	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	АЕ	Р-3, кв. 135, сл. 1

178.	4367	Пантикапей. обол	63–51/50 гг. до н.э.	Анохин 1986, 214	26	AE	P–3, кв. 136, сл. 1
179.	4369	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
180.	4370	Котис I	49–54 гг.	Анохин 1986, 344?	24	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
181.	4372	Реметалк, сестерций	Ок. 131–133 гг.	Фролова 1997/1, LX, 9	24	AE	P–3, кв. 136, сл. 1
182.	4374	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P–3, кв. 136, сл. 1
183.	4376	Котис I	49–54 гг.	Анохин 1986, 349	20	AE	P–3, кв. 136, сл. 1
184.	4460	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130–131	16	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
185.	4462	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	19	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
186.	4464	Котис I	68–69 гг.	Анохин 1986, 370–372	23	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
187.	4466	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	19	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
188.	4467	Котис I	49–54 гг.	Анохин 1986, 348	24	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
189.	4468	Котис I	68–69 гг.	Анохин 1986, 370	23	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
190.	4470	Котис I	49–54 гг.	Анохин 1986, 348	24	AE	P–3, кв. 136, сл. 2
191.	4494	Аспург, асс	37–38/39 гг.	Анохин 1986, 320	26	AE	P–3, кв. 137, сл. 1
192.	4495	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	18	AE	P–3, кв. 137, сл. 1
193.	4610	Аспург, асс	37–38/39 гг.	Анохин 1986, 320	21	AE	P–3, кв. 137, сл. 2
194.	4611	Понт, тетрахалк эгида/ Ника	85–65 гг. до н.э.		22	AE	P–3, кв. 137, сл. 2
195.	4612	Котис I	63 г. н.э.	Анохин 1986, 351	20	AE	P–3, кв. 137, сл. 2
196.	4613	Левкон II, тетрахалк	Ок. 240–220 гг. до н.э.	Анохин 1986, 135	16	AE	P–3, кв. 137, сл. 2
197.	4687	Рескупорид II, сестерций, царь, попирающий плен- ника/городские ворота	Ок. 86–92 гг.	Анохин 1986, 381	24	AE	P–3, кв. 138, сл. 1
198.	4823	Пантикапей, перечеканка на типе сатир/лук и стре- ла, ПАН (Шелов 1956, 66), надчеканенном клей- мом «треножник, справа ПАН».	Ок. 250 г. до н.э.	Шелов 1956, 73	14	AE	P–3, кв. 138, сл. 2

199.	4825	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	17	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
200.	4827	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
201.	4829	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	12	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
202.	4831	Гелепирия	38/39–39/40 гг.	Анохин 1986, 326	23	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
203.	4832	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
204.	4833	Пантикапей	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	12	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
205.	4835	Савромаг I, сестерций курульное кресло/венюк	117/118–123/124 гг.	Фролова 1997/1, L, 1	23	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
206.	4838	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
207.	4839	Гелепирия	38/39–39/40 гг.	Анохин 1986, 326	24	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
208.	4841	Пантикапей как Кесария	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Фролова 1997/1, II, 13	21	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
209.	4842	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
210.	4843	Пантикапей, тетрахапк	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	21	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
211.	4844	Пантикапей, тетрахапк	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	20	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
212.	4849	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	21	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
213.	4850	Фанагория как Агриппия	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 3236	22	AE	P-3, кв. 138, сл. 2
214.	4906	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	21	AE	P-3, кв. 139, сл. 1
215.	4907	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, кв. 139, сл. 1
216.	5018	Пантикапей, обол	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 110	24	AE	P-3, кв. 139, сл. 2
217.	5024	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	13	AE	P-3, кв. 139, сл. 2
218.	5026	Рескупорид II, сестерций курульное кресло/венюк	Ок. 80–93 гг.	Фролова 1997/1, XXXI, 11	22	AE	P-3, кв. 139, сл. 2
219.	5027	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P-3, кв. 139, сл. 2
220.	5031	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, кв. 139, сл. 2
221.	5032	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	AE	P-3, кв. 139, сл. 2
222.	5097	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	18	AE	P-3, кв. 139, сл. 3

223.	5098	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
224.	5101	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	17	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
225.	5135	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 138, вост. бровка
226.	5136	Боспорское царство, се-стерций	II в. н.э.		26	AE	P–3, кв. 138, вост. бровка
227.	5203	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
228.	5207	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
229.	5208	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
230.	5209	Пантикапей	Ок. 300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	21	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
231.	5210	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 139, сл. 3
232.	5345	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P–3, кв. 339, сл. 2
233.	5385	Радамсад	318/319 г. н.э.	bosporan-kingdom.com/763–4511/36.html	20	AE	P–3, кв. 339', сл. 1
234.	5386	Аспург, асс	37–38/39 гг.	Анохин 1986, 320	21	AE	P–3, кв. 339', сл. 1
235.	5413	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 145	16	AE	P–3, кв. 339', сл. 2
236.	5674	Пантикапей как Кесария	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Фролова 1997/1, II, 13	21	AE	P–3, кв. 368, 369, сл. 2
237.	5792	Боспорское царство, се-стерций	II в. н.э.		24	AE	P–3, кв. 405–407, сл. 1
238.	5834	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	AE	P–3, кв. 408–410, сл. 1
239.	5896	Савромат II, двойной де-нарий	180–192 гг.	Фролова 1997/1, LXXXIX, 5; Ано-хин 1986, 616	29	AE	P–3, кв. 139, вост. бровка
240.	5953	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	10	AE	P–3, кв. 134, сев. и вост. бровки
241.	6094	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
242.	6095	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
243.	6097	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	15	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2

244.	6100	Савромаг II, драхма	Ок. 180–192 гг.	Анохин 1986, 618a	25	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
245.	6101	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	14	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
246.	6102	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	20	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
247.	6103	Гортипия, тетракалк	Ок. 90–80–х гг. до н.э.	Анохин 1986, 211, 211a–б	20	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
248.	6104	Котис I	49–54 гг.	Анохин 1986, 349	20	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
249.	6105	Пантикапей, обол	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 110	25	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
250.	6106	Савромаг I, сестерций	Ок. 108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVII, 4	25	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
251.	6111	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	12	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
252.	6112	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
253.	6113	Аспург, асс	14/15–37 гг.	Фролова 1997/1, XIV, 5	20	AE	P–3, кв. 131–133, 136–138, сл. 2
254.	6125	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	20	AE	P–3, кв. 140, сл. 1
255.	6204	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	AE	P–3, кв. 140, сл. 2
256.	6240	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 140, юж. бровка
257.	6323	Фанагория как Агриппия	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 323	21	AE	P–3, кв. 134, сл. 3
258.	6324	Пантикапей	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	15	AE	P–3, кв. 134, сл. 3
259.	6326	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	22	AE	P–3, кв. 134, сл. 3
260.	6327	Пантикапей, обол	Ок. 315–300 гг.	Анохин 1986, 124	26	AE	P–3, кв. 134, сл. 3
261.	6328	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 134, сл. 3
262.	6329	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	13	AE	P–3, кв. 134, сл. 3
263.	6331	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	12	AE	P–3, кв. 134, сл. 3

264.	6332	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	16	AE	P-3, кв. 134, сл. 3
265.	6336	Савромат I, сестерций	Ок. 108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVII, 4	26	AE	P-3, кв. 134, сл. 3
266.	6480	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 142, сл. 1
267.	6482	Рескупорид V, двойной денарий	242/243–251/252 гг.	Фролова 1997/2, LIX, 26	18	AE	P-3, кв. 142, сл. 1
268.	6483	Пантикапей, ПАИ вместо PAN	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 142, сл. 1
269.	6484	Евпатор	154/155–160/161 гг.	Анохин 1986, 547–548	24	AE	P-3, кв. 142, сл. 1
270.	6485	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 142, сл. 1
271.	6490	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	21	AE	P-3, кв. 142, отвал
272.	6491	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 142, отвал
273.	6649	Рескупорид II, дулондий	68–80 гг.	Анохин 1986, 374; Фролова 1997/1, XXX, 22	20	AE	P-3, кв. 142, сл. 2
274.	6807	Савромат I, сестерций, о.с. Ника	Ок. 108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLV, 18–19	24	AE	P-3, кв. 143, сл. 1
275.	6886	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	19	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
276.	6887	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
277.	6888	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
278.	6889	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
279.	6890	Котис I	63 г. н.э.	Анохин 1986, 351	22	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
280.	6891	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
281.	6892	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
282.	6893	Савромат II, драхма	196/197–210/211 гг.	Фролова 1997/1, XCVI, 3	24	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
283.	6894	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	17	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
284.	6895	Асандр, тетрахалк	49/48–46/45 (?) до н.э.	Анохин 1986, 225	22	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
285.	6896	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 143, сл. 2
286.	6898	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	17	AE	P-3, кв. 143, сл. 2

287.	6899	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 143, сл. 2
288.	6987	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	20	AE	P–3, кв. 143, сл. 3
289.	6988	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 143, сл. 3
290.	7117	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	18	AE	P–3, кв. 144, сл. 2
291.	7368	Фофорс	298/299 г. н.э.	Абрамзон, Кузнецов 2017, 3106	20	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
292.	7217	Рескупорид V, двойной денарий	Ок. 267/268 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXI, 24	14	AE	P–3, кв. 145, сл. 1
293.	7381	Рескупорид V, двойной денарий	Ок. 267/268 г. н.э.	Фролова 1997/2, LX, 7, 12	19	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
294.	7372	Рескупорид V, денарий	Ок. 242/243–251/252 гг.	О.с.: https://bosporan-kingdom.com/719-4089/2.html	18	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
295.	7392	Синоп, Зевс/орел	85–65 гг. до н.э.	SNG BM I 1543–1549	19	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
296.	7393	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	21	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
297.	7394	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
298.	7426	Реметалк, сестерций	Ок. 133–134 гг.	Анохин 1986, 522	25	AE	P–3, кв. 145, отвал
299.	7462	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
300.	7463	Фанагория как Агриппия	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 323	21	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
301.	7464	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
302.	7465	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
303.	7466	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
304.	7467	Пантикапей, или Фанагория или Горгиппия, тетрахалк	Ок. 90–80–х гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	21	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
305.	7468	Гелепирия	38/39–39/40 гг.	Анохин 1986, 326	24	AE	P–3, кв. 146, сл. 1
306.	7679	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 147, сл. 2
307.	7680	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 147, сл. 2
308.	7681	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 147, сл. 2

309.	7682	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
310.	7684	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
311.	7685	Савромат I (?) или Котис II (?), сестерций с венком		Фролова 1997/1, XLVIII, 14–16?	24	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
312.	7686	Пантикапей	Ок. 300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	16	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
313.	7687	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
314.	7752	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	17	AE	P-3, кв. 148, сл. 1
315.	7787	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
316.	7789	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	10	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
317.	7790	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
318.	7791	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
319.	7792	Савромат I, сестерций курульное кресло/венки		Анохин 1986, 450?	23	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
320.	7793	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	17	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
321.	7794	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	21	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
322.	7795	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
323.	7796	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
324.	7797	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
325.	7798	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
326.	7799	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
327.	7800	Пантикапей	Ок. 300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	21	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
328.	7801	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
329.	7802	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	20	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
330.	7803	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
331.	7804	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 147, сл. 2
332.	7805	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, кв. 147, сл. 2

333.	7806	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 147, сл. 2
334.	7807	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 147, сл. 2
335.	7808	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 147, сл. 2
336.	7918	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	18	AE	P–3, кв. 149, сл. 1
337.	7997	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
338.	7998	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	21x15	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
339.	7999	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
340.	8126	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
341.	8127	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	20	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
342.	8129	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
343.	8130	Реметалк, сестерций, л.с. клеймо	Ок. 133–134 гг.	Фролова 1997/1, LXII, 6, 9	23	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
344.	8131	Реметалк, сестерций	Ок. 133–134 гг.	Анохин 1986, 522	26	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
345.	8132	Реметалк, сестерций	Ок. 136 г. н.э.	Фролова 1997/1, LXIV, 2, 3	25	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
346.	8133	Аспург, асс	37–38/39 гг.	Анохин 1986, 320	20	AE	P–3, кв. 149, сл. 2
347.	8349	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 152, сл. 3
348.	8378	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 152, сл. 1
349.	8501	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 156, сл. 2
350.	8502	Левкон II, обол	Ок. 240–220 гг. до н.э.	Анохин 1986, 134	21	AE	P–3, кв. 156, сл. 2
351.	8515	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	19	AE	P–3, кв. 158, сл. 1
352.	8534	Пантикапей	Ок. 300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	21	AE	P–3, кв. 158, сл. 2
353.	8671	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 151, зап. бровка
354.	8701	Савромаг II, драхма	180–192 гг.	Фролова 1997/1, XCI, 1–2; XCI, 8	24	AE	P–3, кв. 162, сл. 2
355.	9302	Гортипия, тетрахалк	Ок. 90–80-х гг. до н.э.	Анохин 1986, 211, 211a–б	21	AE	P–3, кв. 187, сл. 2

356.	9421	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 340, сл. 2
357.	9430	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	13	AE	P–3, кв. 346–350, сл. 1
358.	9439	Пантикапей	Ок. 200–120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	10	AE	P–3, кв. 351–353, сл. 1
359.	9455	Рескупорид VI	Год не ясен		19	AE	P–3, кв. 359–363, сл. 1
360.	9474	Рескупорид III, денарий	Ок. 224/225 г.	Фролова 1997/2, XX, 3	22	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
361.	9475	Рескупорид VI	314/315 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXXVI, 24	18	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
362.	9476	Рескупорид V (?), двойной денарий			18	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
363.	9477	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
364.	9478	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 145	14	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
365.	9479	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
366.	9480	Гелепирия	38/39–39/40 гг.	Анохин 1986, 326	23	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2, зольник
367.	9481	Аспург, асс	14/15–37/38 гг.	Анохин 1986, 319–320	20	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2, зольник
368.	9482	Аспург, асс	37–38 гг.	Анохин 1986, 320	22	AE	P–3, кв. 364–379, сл. 2
369.	9510	Рескупорид V, двойной денарий	242/243–251/252 гг.	Фролова 1997/2, LIX, 14–18	19	AE	P–3, кв. 367, сл. 2
370.	9527	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	13	AE	P–3, кв. 365, сл. 2 (зольник)
371.	9548	Боспор. неизвестный ди- наст BAE	Кон. I в. до н. э. (после 12 г. до н. э.)	Анохин 1986, 286	21	AE	P–3, кв. 379–382, сл. 1
372.	9582	Реметалк, сестерций	131/132–153/154 гг.	Анохин 1986, 522?	22	AE	P–3, кв. 384, сл. 2
373.	9583	Амис, Арес/меч	100–85 гг. до н.э.	SNG BM I 1147–1149; SNG Stanc. 676	20	AE	P–3, кв. 384, сл. 2
374.	9585	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	16	AE	P–3, кв. 385, сл. 2
375.	9849	Реметалк, сестерций	131/132–153/154 гг.	Анохин 1986, 519	24	AE	P–3, кв. 113, сл. 1
376.	9876	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P–3, кв. 113, сл. 2
377.	9882	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P–3, кв. 105, сл. 1

378.	9932	Фофорс	304/305 г. н.э.	Фролова 1997/2, LXXX, 3-4	18	AE	P-3, кв. 119, сл. 2
379.	9933	Митридат III, асс	39/40-45/46 гг.	Анохин 1986, 330	24	AE	P-3, кв. 119, сл. 2
380.	9934	Пантикапей	Ок. 275-250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, кв. 119, сл. 2
381.	10000	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	18	AE	P-3, кв. 128, сл. 2
382.	10001	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 128, сл. 2
383.	10002	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, кв. 128, сл. 2
384.	10003	Пантикапей	Ок. 275-250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	17	AE	P-3, кв. 128, сл. 2
385.	10077	Пантикапей	Ок. 275-250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, общ. отвал
386.	10078	Гелепирия	38/39-39/40 гг.	Анохин 1986, 326	21	AE	P-3, общ. отвал
387.	10079	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, общ. отвал
388.	10080	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, общ. отвал
389.	10081	Боспорское царство, се- стерций с венком	II в. н.э.		24	AE	P-3, общ. отвал
390.	10082	Аспург, асс	37-38/39 гг.	Анохин 1986, 320	25	AE	P-3, общ. отвал
391.	10083	Аспург, асс	37-38/39 гг.	Анохин 1986, 320	22	AE	P-3, общ. отвал
392.	10084	Пантикапей	Ок. 90-80-х гг. до н.э.	Анохин 1986, 202	20	AE	P-3, общ. отвал
393.	10086	Аспург, асс	37-38/39 гг.	Анохин 1986, 320	23	AE	P-3, общ. отвал
394.	10087	Гелепирия	38/39-39/40 гг.	Анохин 1986, 326	20	AE	P-3, общ. отвал
395.	10088	Пантикапей	Ок. 315-300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	19	AE	P-3, общ. отвал
396.	10089	Пантикапей	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	19	AE	P-3, общ. отвал
397.	10090	Амис, Персей/Пегас	Ок. 85-65 гг. до н.э.	SNG BM I 1212-1217	22	AE	P-3, общ. отвал
398.	10091	Аспург, асс	14/15-37 гг.	Фролова 1997/1, XV, 9-13	21	AE	P-3, общ. отвал
399.	10092	Котис II, сестерций царь/ оружие	Ок. 126/127 г. н.э.	Фролова 1997/1, LIV, 8	24	AE	P-3, общ. отвал
400.	10093	Пантикапей	Ок. 275-250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, общ. отвал
401.	10094	Пантикапей	Ок. 275-250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, общ. отвал

402.	10097	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	10	AE	P-3, общ. отвал
403.	10100	Митридат III, асс	39/40–45/46 гг.	Анохин 1986, 330	20	AE	P-3, общ. отвал
404.	10103	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	14	AE	P-3, общ. отвал
405.	10105	Пантикапей как Кесария	Ок. 13–12 гг. до н.э.	Анохин 1986, 322	21	AE	P-3, общ. отвал
406.	10106	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, общ. отвал
407.	10108	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, общ. отвал
408.	10109	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, общ. отвал
409.	10111	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	17	AE	P-3, общ. отвал
410.	10114	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, общ. отвал
411.	10116	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	AE	P-3, общ. отвал
412.	10117	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	14	AE	P-3, общ. отвал
413.	10118	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	18	AE	P-3, общ. отвал
414.	10120	Фанагория	II в. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	AE	P-3, общ. отвал
415.	10122	Пантикапей	Ок. 300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	19	AE	P-3, общ. отвал
416.	10123	Пантикапей	Ок. 300–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 67	21	AE	P-3, общ. отвал
417.	10124	Савромаг I, сестерций	Ок. 108/109–115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 11	24	AE	P-3, общ. отвал
418.	10125	Пантикапей	Ок. 330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	20	AE	P-3, общ. отвал
419.	10125	Аспург, асс	37–37/38 гг.	Анохин 1986, 320?	21	AE	P-3, общ. отвал
420.	10132	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	13	AE	P-3, общ. отвал
421.	10133	Пантикапей	Ок. 300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	18	AE	P-3, общ. отвал
422.	10134	Пантикапей	Ок. 315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	AE	P-3, общ. отвал
423.	10136	Пантикапей	Ок. 120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 175	18	AE	P-3, общ. отвал
424.	10137	Херсонес, тетрассарий	Ок. 150–200 гг.	Фролова, Абрамзон 2014, 863–866	22	AE	P-3, общ. отвал
425.	10143	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	17	AE	P-3, общ. отвал
426.	10144	Пантикапей	Ок. 275–250 гг. до н.э.	Шелов 1956, 66	15	AE	P-3, общ. отвал

2. Клад (или копелек) из Раскопа 3 (кв. 145)

1.	7216	Рескупорид III, денарий, о.с. клеймо.	Ок. 218/219–223/224 гг.	Фролова 1997/2, XVIII, 18	23	AE	P–3, кв. 145, сл. 1
2.	7385	Рескупорид III, денарий, отруб литника	Ок. 218/219–223/224 гг.	Фролова 1997/2, XIX, 1	22	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
3.	7383	Рескупорид III, денарий, о.с. клеймо «женская голова влево».	Ок. 225/226–226/227 гг.	Фролова 1997/2, XX, 19?	22	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
4.	7384	Рескупорид III, денарий	Ок. 225/226–226/227 гг.	Фролова 1997/2, XX, 20?	22	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
5.	7386	Рескупорид III, денарий	Ок. 225/226–226/227 гг.	Фролова 1997/2, XIX, 7–8?	22	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
6.	7388	Рескупорид III, денарий	Ок. 225/226–226/227 гг.	Абрамзон 2011, табл. 65, 43	26	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
7.	7389	Рескупорид III, денарий, о.с. клеймо	Ок. 225/226–226/227 гг.	Абрамзон 2011, табл. 65, 42	25	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
8.	7390	Котис III, двойной денарий	227/228–233/234 гг.	Фролова 1997/2, XXVI, 5	23	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
9.	7391	Котис III, двойной денарий	227/228–233/234 гг.	Фролова 1997/2, XXVI, 17	21	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
10.	7374	Котис III, двойной денарий	227/228–233/234 гг.	Фролова 1997/2, XXVI, 15–16	24	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
11.	7378	Савромат III, денарий	229/230–231/232 гг.	Фролова 1997/2, XXIX, 5	21	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
12.	7218	Иинфимей, денарий	234/235–238/239	Фролова 1997/2, XXXVIII, 4	19	AE	P–3, кв. 145, сл. 1
13.	7373	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXIII, 16	20	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
14.	7375	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXV, 18	21	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
15.	7376	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.		20	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
16.	7377	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXIII, 5	23	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
17.	7379	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXIV, 11–12	20	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
18.	7380	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXVI, 8	20	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
19.	7382	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXVI, 17–18	21	AE	P–3, кв. 145, сл. 2
20.	7387	Иинфимей, двойной денарий	234/235–238/239 гг.	Фролова 1997/2, XXXIII, 7–8	20	AE	P–3, кв. 145, сл. 2

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2010: Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. – III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1, 477–521.
- Абрамзон, М.Г. 2011: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) (Боспорские исследования. Supplementum. 7).* Симферополь–Керчь.
- Абрамзон, М.Г., Молев, Е.А. 2016: Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.). *ВДИ* 2, 387–409.
- Абрамзон, М.Г., Федосеев, Н.Ф. 2015: Клад медных боспорских монет конца I – III в. н.э. из Пантикапея (2009 г.). В кн.: М.Д. Бухарин (ред.), *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 4.* М., 451–491.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.)* (БИ. Suppl. 2).
- Бонин, А.В. 2014: «Неукрепленные батарейки». *ДБ* 18, 73–87.
- Бонин, А.В. 2017: Охранно-спасательные работы 2015–2016 гг. на городище и поселении Ильичевка в Темрюкском районе Краснодарского края. В сб.: *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 года. Материалы спасательных археологических исследований.* (В печати).
- Бонин, А.В., Завойкина, Н.В. 2016: Новая надпись из раскопок Ильичевского городища. *ДБ* 20, 68–74.
- Бонин, А.В., Шаров, О.В. 2016: Н.И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям). В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследования и исследования. Керчь, 23–27 мая 2016 г. Тезисы докладов и сообщений* (БЧ XVII). Керчь, 57–62.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология).* М.
- Внуков, С.Ю. 2013: Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *ДБ* 17, 21–54.
- Гарбузов, Г.П., Сударев, Н.И. 2015: Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора. *ДБ* 19, 135–152.
- Голенко, К.В., Сокольский, Н.И. 1968: Клад 1962 г. из Кеп. *НЭ* VII, 72–126.
- Завойкин, А.А. 1996: *О раскопках на Ильичевском городище в 1996 г. Полевой отчет.* (Архив ИА РАН. Р-1. № 20186–20187).
- Завойкин, А.А. 1997: *О раскопках на Ильичевском городище в 1997 г. Полевой отчет.* (Архив ИА РАН. Р-1. № 20186).
- Завойкин, А.А. 1999: Проблема локализации Киммериды. В кн.: А.В. Подосинов (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения.* М., 220–236.
- Зеест, И.Б. 1960: Керамическая тара Боспора (МИА 83). М.
- Каменецкий, И.С. 1993: *Городища донских меот.* М.
- Кругликова, И.Т. 1958: Клад боспорских статеров III в. н.э. из дер. Семеновка. *СА* 3, 134–143.
- Молев, Е.А., Молева, Н.В. 1996: Денежное обращение в Китее. *ПИФК* III, 75–82.
- Николаева, Э.Я., Устаева, Э.Р. 1993: *Отчет о работах Ильичевского отряда ТИАЭ ИА РАН г. Москвы и Ильичевского отряда Таманского отдела Краснодарского музея-заповедника в 1993 г.* (Архив ИА РАН. Р-1, № 18018).
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I–II.* М.
- Фролова, Н.А., Абрамзон, М.Г. 2014: *Античные монеты и свинцовые тессеры Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея.* М.
- Фролова, Н.А., Николаева, Э.Я. 1978: Ильичевский клад монет 1975 г. *ВВ* 39, 173–179.

- Фролова, Н.А., Шургая, И.Ш. 1982: Илуратский клад монет Рискупорида V. *ВДИ* 1, 91–97.
- Шелов, Д.Б. 1951: Городище около хутора Ильичевка. *КСИИМК XXXVII*, 228–230.
- Шелов, Д.Б., 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Шелов, Д.Б., 1962: Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. *НЭ* III, 56–129.
- Шелов, Д.Б. 1978: Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. *КСИА* 156, 16–21.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Gorlov, Yu.V. 2001: Two Hoards of Bosporan Coins. *Revue Numismatique* 157, 287–303.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD* (BAR International Series 1102). Oxford.
- Hayes, J.W. 1985: Sigillate orientali. In: R.B. Bandinelli (ed.), *Atlante delle forme ceramiche: Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Atlanti sussidarii. II. Ceramica fine Romana nel bacino mediterraneo, (tardo ellenismo e primo impero)*. Roma.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2011: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet. T. II. Klady iz novykh postupleniy v Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik (2009–2010 gg.)*. [A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. II. Hoards from new arrivals in the Kerch Historical and Cultural Reserve (2009–2010)] (*Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Supplementum. 7*). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Fedoseev, N.F. 2015: Klad mednykh bosporskikh monet kontsa I – III v. n.e. iz Pantikapeya (2009 g.) [A hoard of the 3rd century AD copper Bosporan coins from Panticapaeum (2009)]. In: M.D. Bukharin (ред.), *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury*. T. 4 [M.D. Bukharin (ed.), *Scripta antiqua. Issues on ancient history, philology, art and material culture*]. Vol. 4. Moscow, 451–491.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet. T. I. (1834–2005 gg.)* [A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. I. (1834–2005)] (*Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 2*). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Gorlov, Yu.V. 2001: Two Hoards of Bosporan Coins. *Revue Numismatique* 157, 287–303.
- Abramzon, M.G., Molev, E.A. 2016: Klad pozdnebosporskikh staterov iz Kiteya (2012 g.) [A Hoard of Late Bosporan staters from Kytaiion (2012)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 387–409.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [The Coinage of the Bosporus]*. Kiev.
- Bonin, A.V. 2014: “Neukreplennye batareyki” [“Unfortified fortresses”]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 18, 73–87.
- Bonin, A.V. 2017: Okhranno-spasatel'nye raboty 2015–2016 gg. na gorodische i poselenii Il'ichyevka v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya [The 2015–2016 protective-salvage excavations at the Fortress and Settlement of Il'ichyevka (Temryuk District in the Krasnodar Territory)]. In: *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016 goda. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy [Towns, settlements, necropolises. 2016 Excavations. Materials of safeguarding archaeological studies]* (In print).
- Bonin, A.V., Sharov, O.V. 2016: N.I. Solol'skiy i ego batareyki (ot ukrepleniya k poseleniyam) [N.I. Solol'skiy and his *batareikas* (fortresses) (from fortresses to settlements)]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya. Kerch, 23–27 Maya 2016. Tezisy dokladov I soobscheniy [Cimmerian Bosporus during the Ancient and Medieval periods. Scholars and studies. Kerch, 23–27 May, 2016. Abstracts and papers]* (*Bosporskie Chteniya [Bosporan readings]* XVII). Kerch, 57–62.

- Bonin, A.V., Zavoykina, N.V. 2016: Novaya nadpis' iz raskopok Il'ichyevskogo gorodischa [A new inscription from excavations at the Il'ichyevka Fortress]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 68–74.
- Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2014: *Antichnye monety i svintsovyte tessery v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Ancient coins and lead tesserae of Tauric Chersonesus in the State Historical Museum]. Moscow.
- Frolova, N.A., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD* (BAR International Series 1102). Oxford.
- Frolova, N.A., Nikolaeva, E.Ya. 1978: Il'ichyevskiy klad monet 1975 g. [The 1975 Il'ichyevskiy hoard of coins] *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle] 39, 173–179.
- Frolova, N.A., Shurgaya, I.Sh. 1982: Iluratskiy klad monet Riskuporida V [A hoard of Rhescuporis V's coins from Iluraton]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 91–97.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)*. [The Bosporan coinage (from the mid-1st century BC to the mid-4th century AD)]. Pt. I–II. Moscow.
- Hayes, J.W. 1985: Sigillate orientali. In: R.B. Bandinelli (ed.), *Atlante delle forme ceramiche: Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Atlanti sussidarii*. II. *Ceramica fine Romana nel bacino mediterraneo, (tardo ellenismo e primo impero)*. Roma.
- Garbuzov, G.P., Sudarev, N.I. 2015: Nemetskie aerofotosnimki vremen VOV kak istochnik dannykh po arkheologii Aziatskogo Bospora [German aerial photographs from the Second World War time as a database on the archaeology of the Asian Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 19, 135–152.
- Golenko, K.V., Sokol'skiy, N.I. 1968: Klad 1962 g. iz Kep [The 1962 hoard from Kepoy]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] VII, 72–126.
- Kamenetskiy, I.S. 1993: *Gorodischa donskikh meotov* [Settlements of the Don Maeotians]. Moscow.
- Kruglikova, I.T. 1958: Klad bosporskikh staterov III v. n.e. iz der. Semyonovka [A hoard of the 3rd century AD staters found in the Village of Semyonovka]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 134–143.
- Molev, E.A., Moleva, N.V. 1996: Denezhnoe obraschenie v Kitee [Monetary circulation in Kytaion]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] III, 75–82.
- Nikolava, E.Ya., Ustaeva, E.R. 1993: *Otchet o rabotakh Il'ichyevskogo otryada TAE IA RAN g. Moskvyy i Il'ichyevskogo otryada Tamaskogo otdela Krasnodaeskogo muzeya-zapovednika v 1993 g.* [Report on works of the Il'ichyevska's team of the Taman Archaeological Mission of the Institute of Archaeology, RAS, and Il'ichyevska's team of the Taman Branch of Krasnodar Museum and Reserve] (Arkhiv IA RAN [IA RAS Archive]. R-1, № 18018).
- Shelov, D.B. 1951: Gorodische u khutora Il'ichyevka [A settlement near the village of Il'ichyevka]. *Kratkie Soobscheniya Instituta Istorii Material'noy Kul'tury* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture] XXXVII, 228–230.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [The Coinage of the Bosporus in the 6th – 2nd cc. BC]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1962: Nakhodki monet v Fanagorii v 1947–1957 gg. [Coin found in Phanagoria in 1947–1957]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] III, 56–129.
- Shelov, D.B. 1978: Uzkogorlye svetloglinyane amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i Chronologiya [Narrow-necked light-clay amphorae of the first centuries of our era. Classification and chronology]. *Kratkie Soobscheniya Instituta Arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 156, 16–21.
- Vnukov, S.Y. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (Morfologiya)* [Pontic amphorae from the 1st century BC to the 2nd century AD (morphology)]. Moscow.

- Vnukov, S.Y. 2013: Amfory rimskogo vremeni gorodisha Kara-Tobe [Amphorae of the Roman period from the Settlement of Kara-Tobe]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 17, 21–54.
- Zavoykin, A.A. 1996: *O rabotakh na Il'ichyevskom gorodische v 1996 g. Polevoy otchet* [*Works at the Settlement of Il'ichyevka in 1996. A field report*] (Arkhir IA RAN [IA RAS Archive]. R-1. № 20186–20187).
- Zavoykin, A.A. 1997: *O rabotakh na Il'ichyevskom gorodische v 1997 g. Polevoy otchet* [*Works at the Settlement of Il'ichyevka in 1996. A field report*] (Arkhir IA RAN [IA RAS Archive]. R-1. № 20186).
- Zavoykin, A.A. 1999: Problema lokalizatsii Kimmeridy [The problem of Cimmeris' localization]. In: A.V. Podosinov (ed.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1996–1997 gg. Severnoe Prichernomor'e v antichnosti. Voprosy istochnikovedeniya* [*Ancient States in the Eastern Europe. 1996–1997. The North Pontic Region during the Ancient Period. Issues of the Source Study*]. Moscow, 220–236.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [*Amphorae of the Bosporus*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies on the Archaeology of USSR] 83). Moscow.

EXCAVATION COINS FROM THE FORTIFIED SETTLEMENT IL'ICHEVKA (2015–2016 SEASONS)

Mikhail G. Abramson*, Aleksandr V. Bonin**

**Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
abramzon-m@mail.ru

***Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia,*
bonin_a80@mail.ru

Abstract. The article records the coins found during 2015–2016 excavations at the Fortified Settlement Il'ichevka, conducted by a team of the Department of the Archaeological Heritage Safeguarding, IA RAS, together with several other institutions and partners. Over 500 ancient coins have been recovered. The absolute majority of coins are the Bosporan types (440 pieces). More than half of all finds (255 specimens) belongs to the autonomous Panticapaeum's coinage from the last third of the 4th century BC to the late 1st century BC. 22 coins came from Phanagoria, 2 pieces – from Gorgippia. Apart from autonomic coinages, the collection includes 160 coins of the Bosporan rulers: Leucon II – 4 pieces, Asander – 1, an uncertain ruler $\overline{\text{BAE}}$ – 2, and the kings from Aspurgus to Rhescuporis VI – 150. A small group of foreign coins is composed of five copper coins from Amisus and Sinope by the Mithridatic epoch and a Chersonesian tetrachalkoy of the 2nd century AD.

The vast majority of the coins of the 4th c. – the first third of the 2nd century BC concentrated on the rather small spot in the Site 3 – in the ravine, which was used as a garbage during 2nd – 4th cc. AD. This fact allows us to interpret groups of coin of Hellenistic and Roman periods as the hoards destroyed because of sliding soil on the slope of the ravine. We have been able to suppose four such hoards concealed in this ravine.

Apart from isolated coin finds, an assemblage including 20 copper coins (a purse?) was uncovered in the Site 3, being possibly connected with a burial in the necropolis. The assemblage includes coins of Rhescuporis III – 7, Cotys III – 3, Sauromates III – 1, Ininthimeus – 9.

Key words: Bosporus, Il'ichyevka Fortress, ancient coins, currency

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 431–437
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 431–437
©Автор(ы) 2017

СВИНЦОВАЯ ТЕССЕРА ИЗ ФАНАГОРИИ

М.Г. Абрамзон*, О.Л. Гунчина**, С.Н. Остапенко***

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*
abramzon-m@mail.ru

** *Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»,
пос. Сенной, Темрюкский р-н, Краснодарский край, Россия*
gunchino@mail.ru

*** *Институт археологии РАН, Москва, Россия*
sao_nasledie@mail.ru

Аннотация. В 2017 г., во время работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на городище Фанагория (раскоп «Нижний город») была найдена свинцовая тессера типа «голова быка, украшенная гирляндами/венком из колосьев». Данная находка принадлежит к кругу так называемых таманских тессер. Топография их распространения связана с Таманским полуостровом, главным образом с окрестностями Фанагория и Гермонассы, изредка – Семибратним городищем. Символика изображений на публикуемой тессере, по-видимому, связана с праздником буфоний (Диполий), сопровождающимся жертвоприношением быка. Голова быка с гирляндами, свисающими с рогов, определяет его как жертвенное животное. Венком из колосьев также связан с ритуалом буфоний, во время которых на алтарь сыпали ячмень, смешанный с пшеницей, в качестве жертвенного хлеба для священного быка. Граффито ДПП на л.с. возможно является сокращением названия праздника Диполий (Διπόλις). Палеография позволяет сделать осторожное заключение о датировке тессеры временем с конца V до середины IV в. до н.э. Тессера имеет отверстие – знак погашения при ее использовании.

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, тессера, таманские свинцовые тессеры, поздне-классический период

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Гунчина Ольга Леонидовна – начальник отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», художник-реставратор высшей категории.

Остапенко Сергей Николаевич – заместитель директора Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», аспирант ИА РАН.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

©IA RAS, NMSTU, JHPhCS, 2017| DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-431–437

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДРУГИЕ НАХОДКИ ТЕССЕР НА ТАМАНИ

Летом 2017 г., в ходе работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на городище Фанагории (раскоп «Нижний город», кв. В6, шт. 17) была найдена свинцовая тессера, представляющая пластину круглой формы:

Л.с. Голова быка, украшенная гирляндами, свисающими с рогов. Вверху граффито – ΔΠ.

О.с. Венок из ячменных колосьев.

№ по описи Ф-17-1. Диаметр – 9 мм; толщина – 1 мм; вес – 0,87 г.

Сквозное отверстие (Рис. 1).

Раскоп «Нижний город» площадью 2000 м² был заложен в 2014 г. на нижнем плато городища Фанагории, у подножия холма, на котором находился акрополь Фанагории. Тессера найдена в средневековом слое, датируемом VIII – первой половиной X в. н.э., в котором помимо находок амфорной тары, кухонной посуды, грузил, монет и т.д. соответствующего времени, встречается много артефактов из более ранних слоев, перемещённых в процессе строительной и хозяйственной деятельности в позднее время. В частности, вместе с тессерой найдено множество пантикапейских монет и фрагментов импортной керамики IV–II вв. до н.э. Место находки тессеры связано с центром социально-экономической жизни города (см. ниже).

Данная находка принадлежит к кругу так называемых таманских тессер. Все они отличаются от херсонесских тессер меньшим размером (8–11 мм), большим разнообразием типов, которые редко повторяются. Многие тессеры имеют отверстия. Эти артефакты хорошо известны по частным коллекциям, но долго не встречались в археологических слоях поселений. В специальной литературе редкие исследования, посвященные таманским свинцовым тессерам, появились относительно недавно – после доклада А.С. Коршенко на XI Всероссийской нумизматической конференции в 2003 г., в котором была дана краткая характеристика этих нумизматических памятников (автору было известно около полутора сотен тессер), перечислены основные сюжеты изображений¹.

При раскопках городища Гермонассы в 2005 и 2006 гг. впервые *in situ* были найдены три тессеры, изданные затем С.И. Финогеновой, которая привлекла для изучения этой категории нумизматического материала экземпляры из частных собраний и ввела в научный оборот 20 тессер из находок в Гермонассе (8 экз.) и Фанагории (12 экз.). С.И. Финогенова детально рассмотрела вопрос о назначении таманских тессер и символике изображений на них. По ее мнению, сюжеты связаны с культовой стороной жизни, в первую очередь с земледельческой религией; кроме того, в Фанагории и Гермонассе особенно почиталась Афродита Апатура, Дионис, Аполлон. Тессеры могли не только играть роль входных билетов для посещения театральных и спортивных состязаний, но и служить марками, предназначенными для получения бесплатного мяса, вина, зерна, оливкового масла во

¹ Коршенко 2003, 21–22.

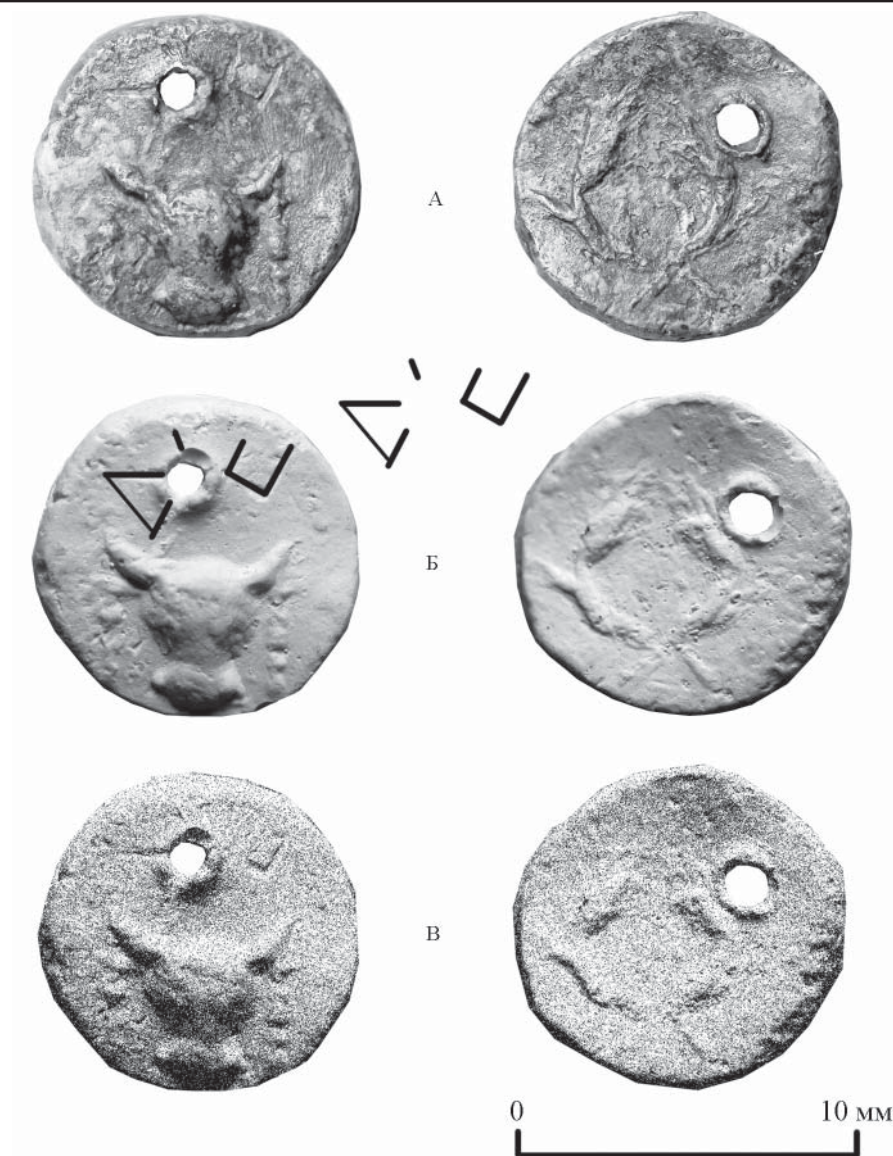

Рис. 1. А – тессера из Фанагории; Б – гипсовый слепок; В – прорисовка

время празднеств. Свинцовые марки с изображением конкретного божества возможно выдавались членам фиасов (которые зарегистрированы и в Фанагории) во время проведения религиозных празднеств с жертвоприношениями: фиасоты, по-видимому, получали их для участия в каких-то закрытых культовых действиях. Большинство тессер имеют небольшие сквозные отверстия, возможно знак погашения после их использования². Основным центром изготовления и распространения таманских тессер была Фанагория³.

² Финогонов 2007а, 467–468; 2007б, 159.

³ Финогонова 2007а, 465.

По данным В.Л. Строкина, известно уже более 200 тессер разных типов⁴, находки которых локализуются, главным образом, в окрестностях Фанагории и Гермонассы. Лишь несколько тессер найдено в районе Семибратнего городища⁵. Большая часть тессер происходит из Фанагории и поселений на ее хоре: находки их зарегистрированы, в частности, на поселениях Виноградный 4 и 7, Приморский 23. В.Л. Строкин ввел в научный оборот еще 34 тессеры, из которых 23 происходят из Фанагории и ее окрестностей, остальные – из Гермонассы и сельских поселений в ее округе. Основная масса их тоже имеет отверстия⁶. Позднее были опубликованы еще три тессеры со сквозными отверстиями из случайных нумизматических находок на поселении Голубицкая 2⁷.

2. СИМВОЛИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ТЕССЕРЕ ИЗ ФАНАГОРИИ

Тессера из Фанагории, возможно, относится к новому типу, хотя таманские тессеры с изображением букrania и головы быка, украшенной гирляндами, известны⁸. В Фанагории ранее была найдена тессера (без отверстия), на л.с. которой представлена трагическая маска в профиль, изображающая бородатого мужчину в венке; на обороте – букраний с гирляндами, свисающими с рогов⁹. Типологически несомненно имеется связь между изображениями на публикуемой тессере и другой упомянутой находке из Фанагории; при этом тип головы быка с гирляндами, свисающими с рогов, занимает то лицевую, то оборотную сторону тессер, а венок выступает либо в качестве основного типа, либо дополнительного атрибута.

О назначении обеих фанагорийских тессер свидетельствует символика изображений. Прежде всего, напрашивается явная аналогия с херсонесскими тессерами, на которых букраний, украшенный гирляндами, является самым распространенным типом аверса, а часто – реверса. По мнению С.А. Коваленко, использование в Херсонесе тессер с букранием, украшенным гирляндами, предполагает ассоциацию с жертвоприношением и религиозными празднествами. Бык считался наиболее ценной жертвой на греческих праздниках, а гирлянды с лентами символизировали, что животное предназначалось для жертвоприношения. В Херсонесе найдены изображения букраниев, а в Ольвии – небольшие свинцовые вотивные букраний, украшенные гирляндами¹⁰.

Отметим, что на обороте публикуемой тессеры изображен венок из ячменных и пшеничных (?) колосьев. Это позволяет считать, что сюжеты изображений на обеих сторонах определенно связаны с буфониями (Диполиями) – праздником жертвоприношения быка, посвященным Зевсу Полиею. Из пассажа Павсания (Paus. I. 24, 4) известно, что в Афинах буфонии разыгрывались следующим образом: на алтарь Зевса сыпали ячмень, смешанный с пшеницей, в качестве жертвенного хлеба. Быка держали наготове, и когда тот, подойдя к жертвеннику, поедая зерно, один из жрецов убивал его и, бросив топор, убегал, после чего орудие

⁴ Строкин 2010, 464.

⁵ Строкин 2009, 379.

⁶ Строкин 2009, 377, рис. 1; 379, рис. 2.

⁷ Строкин 2010, 462, рис. 3, 11–13; 464.

⁸ Коршенко 2003, 22.

⁹ Финогенова 2007а, 464; 472, рис. 2, 13.

¹⁰ Kovalenko 2002, 45.

убийства подвергалось суду. На буфониях бык являлся воплощением духа нивы. Венок из колосьев, соответственно, также посвящался Полиею.

На л.с. публикуемой тессеры процарапано граффито в виде букв ΔΠ (верхушка дельты и верхняя часть йот уничтожена отверстием) (рис. 1, Б). Можно предположить, что аббревиатура ΔΠ означает начальные буквы названия праздника Диполий (Διπόλιος). Палеография позволяет сделать осторожное заключение о датировке тессеры временем с конца V до середины IV в. до н.э.¹¹ Ранее считалось, что все таманские тессеры принадлежат эллинистическому периоду.

С.И. Финогенова, опубликовавшая упомянутую выше фанагорийскую тессеру с трагической маской и букранием, также полагает, что голова быка с гирляндами, свисающими с рогов, определяет его как жертвенное животное¹². В таком случае, можно предположить, что тип маски изображает бородатого Зевса Полиея в венке. Отсюда, оба типа фанагорийских тессер подтверждает идею С.И. Финогеновой о связи большинства символов на них с земледельческой религией¹³.

Обращает внимание местоположение раскопа «Нижний город», где найдена тессера. Своим северо-западным углом он примыкает к раскопу «Центральный», исследовавшегося эпизодически в период с 1959 по 1974 гг.¹⁴, на месте которого, по мнению М.М. Кобылиной, находилась агора с общественными зданиями и храмами. Следует отметить, что слои IV–II вв. до н.э. не сохранили значительных строительных остатков из-за интенсивной строительной деятельности в первых веках н.э., но комплексы эллинистического периода открыты на западной окраине нижнего плато городища¹⁵. Также в разное время на нижнем плато были найдены различные надписи общественного и культового содержания (КБН 971 и 972 эпохи Перисада I и др.).

Раскоп «Нижний город» находится непосредственно под акрополем, на месте пересечения важных городских магистралей: меридиальной улицы, соединяющей портовую часть города с южной его окраиной, и улицы, ведущей от восточных ворот в направлении центральной части нижнего плато городища¹⁶. Таким образом, место находки публикуемой тессеры связано с самым центром города, где находились культовые постройки – алтари и храмы и, по-видимому, проводились различные праздники, в том числе и буфонии.

3. ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА МЕТАЛЛА И РЕСТАВРАЦИЯ СВИНЦОВОЙ ТЕССЕРЫ ИЗ ФАНАГОРИИ

До чистки артефакт представлял округлый плоский металлический предмет диаметром 9 мм и толщиной 1 мм. Рельефные изображения на обеих сторонах не читались. Согласно программе исследования, на первой стадии проводился анализ химического состава металла методом рентгено-флуоресцентной спектро-

¹¹ Авторы выражают искреннюю благодарность за консультацию Н.В. Завойкиной и Н.А. Павличенко.

¹² Финогенова 2007а, 465.

¹³ Финогенова 2007а, 465–466.

¹⁴ Кузнецов 2015, 89.

¹⁵ Кобылина 1983, 51.

¹⁶ Кузнецов 2014, 102–103.

скопии; исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker). Результаты РФА: свинец – 99.46%, медь – 0.54%.

При поступлении в реставрацию тессера была покрыта почвенными наслоениями, смешанными с продуктами коррозии свинца. По визуальным наблюдениям это оксиды и соли свинца разного состава. На большей части поверхности присутствовал оксид свинца двухвалентного (PbO) – темно-серая пассивная пленка. Около 20 % поверхности предмета покрыты желтоватыми вздутиями, представляющими смесь оксида свинца четырехвалентного (PbO_2), основного карбоната свинца – $Pb(OH) - PbCO_3$ и сульфата свинца – $PbSO_4$. Рельефное изображение было частично скрыто продуктами коррозии. Почвенные загрязнения и рыхлые продукты коррозии были удалены промывкой в воде с помощью щетинной кисти. Плотные продукты коррозии частично удалялись 10% раствором трилона Б. После химической расчистки тессера промыта в горячей дистиллированной воде, просушена в этиловом спирте и покрыта микрокристаллическим воском в вакуумной камере.

ЛИТЕРАТУРА

- Кобылина, М.М. 1983: Страницы ранней истории Фанагории, *СА* 2, 51–61.
- Коршенко, А.Н. 2003: Свинцовые тессеры Тамани. В сб.: *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений*. СПб, 21–22.
- Кузнецов, В.Д. 2014: Отчёт о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2014 г. (Архив ИА РАН. № 45554).
- Кузнецов, В.Д. 2015: Отчёт о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2015 г. (Архив ИА РАН. № 47481).
- Строкин, В.Л. 2009: Свинцовая «terra incognita». В сб.: *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира*. СПб, 375–381.
- Строкин, В.Л. 2010: Монеты с поселения Голубицкая 2. *ДБ* 14, 451–467.
- Финогенова, С.И. 2007а: Новые находки тессер на Таманском полуострове. *ДБ* 11, 460–472.
- Финогенова, С.И. 2007б: Новые находки тессер на Таманском полуострове. В сб.: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. СПб, 157–360.
- Kovalenko, S.A. 2002: Struck lead pieces from Tauric Chersonesos: coins or tesserae. *NC* 162, 33–58.

REFERENCES

- Kobylyina, M.M. 1983: Srtanitsy ranney istorii Fanagorii [Pages from the early history of Phanagoria], *Soviet Archaeology* 2, 51–61.
- Korshenko, A.N. 2003: Svintsovyte tessery Tamany [Lead tesserae of the Taman]. In: *Odinnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Sankt-Peterburg, 14–18 aprelya 2003 g. Tezisy dokladov i soobscheniy* [The Eleventh All-Russian Numismatic Conference. Sankt-Petersburg, 14–18 April 2003. Abstracts and Papers]. Saint Petersburg, 21–22.
- Kuznetsov, V.D. 2014: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2014 g.* [Report on the 2014 works of the Phanagorian Mission of the Institute, Russian Academy of Sciences] (Achieves IA RAS. No. 45554).

- Kuznetsov, V.D. 2015: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2015 g.* [Report on the 2015 works of the Phanagorian Mission of the Institute, Russian Academy of Sciences] (Achieves IA RAS. No.47481).
- Strokin, V.L. 2009. Svintsovaya «terra incognita» [Lead «terra incognita»]. In: *Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon: Art on the Periphery of the Classical World]. Saint Petersburg, 375–381.
- Strokin, V.L. 2010: Monety s poseleniya Golubitskaya 2 [Coins from the Settlement of Golubitskaya 2]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 14, 451–467.
- Finogenova, S.I. 2007a: Novye nakhodki tesser na Tamanskom poluostrove [New finds of tesserae on the Taman peninsula]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 11, 460–472.
- Finogenova, S.I. 2007b: Novye nakhodki tesser na Tamanskom poluostrove [New finds of tesserae on the Taman peninsula]. In: *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon: Sacral Meaning of the Region, Sites, Finds. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, 157–360.
- Kovalenko, S.A. 2002: Struck lead pieces from Tauric Chersonesos: coins or tesserae. *NC* 162, 33–58.

LEAD TESSERA FROM PHANAGORIA

Mikhail G. Abramzon*, Olga L. Gunchina**, Sergey N. Ostapenko***

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

abramzon-m@mail.ru

** *State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Phanagoria”, Russia*

gunchino@mail.ru

*** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

sao_nasledie@mail.ru

Abstract. In 2017, a lead tessera with a bull's head, decorated with garlands/wreath of ears was found during the excavations conducted by a team of the Phanagorian Mission of IA RAS at the city-site of Phanagoria (“The Lower Town” Site). This find belongs to the number of the so-called Taman tesserae. Such tesserae were spread in the Taman Peninsula, mainly the area of Phanagoria and Hermonassa, at least with the Semibratnee Settlement. The symbolism of the images depicted on the Phanagorian tessera suggests association with sacrifice during the festival of Buphonia (Dipolia). The bucranium decorated with garlands hanging down from horns certifies the bull was the sacrificial animal. A wreath of ears links to Zeus and it is associated with the barley mixed with wheat to be a sacrificial food laying on the altar for the sacral bull. Graffito ΔΠΠ on the obverse allows us to suggest it is the abbreviation of name of the festival of Dipolia (Διπόλιος). The paleography allows us to carefully date the tesserae to the time gap from the late 5th century to the mid-4th century BC. The tessera is pierced which is to be a sign of maturity when using it.

Key words: Bosporus, Phanagoria, Taman lead tesserae, Late Classical period

О МОНЕТНОМ ИСКУССТВЕ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Е.Я. Туровский

*Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь,
turovs_1@mail.ru*

Аннотация. Монетное дело Херсонеса формировалось с самого начала независимо от метрополии. Некоторые серебряные херсонесские монеты первой серии имеют черты, характерные для греческих монет V в. до н.э. Монеты второй четверти IV в. до н.э. характеризуются постоянными сменами монетных типов. В целом художественный уровень монет этого времени стабильно хороший. Серебряные и медные монеты второй половины IV в. до н.э. в массе своей выполнены на очень высоком художественном уровне, иногда достигая высокого классического совершенства. Серебряная и медная чеканка III в. до н.э. продолжала лучшие традиции чеканки предыдущего столетия. В 60-е гг. III в. до н.э. в Херсонесе резчиком штемпелей работал выдающийся мастер, который выполнил штемпеля для серебряных монет тип: Дева в венке – Дева поражает копьем лань. Эти монеты явились высшим достижением херсонесской монетной гилитики. Во II в. до н.э. резко поменялся репертуар монетных типов и стилистика изображений на херсонесских монетах. Портреты и изображения на большинстве монет достаточно статичны и не имеют мелких деталей. В первой половине I в. до н.э. Херсонес фактически входил в состав Понтийского царства, его монеты стилистически имеют много общего с монетами других городов Понта и Боспора. После смерти Митридата VI в годы правления Фарнака II на херсонесских оболах появляется портрет этого царя. Это первое изображение исторического персонажа в монетном деле города. В первые века нашей эры основным типом лицевой стороны монет становится аллегорическое изображение римского императора без индивидуальных черт конкретного правителя. Основным типом оборотной стороны – стоящая в рост Дева с луком и копьем. Большая часть монет выполнена в местном достаточно примитивном стиле и только на последнем этапе чеканки в Херсонесе появляется мастер, штемпеля которого реалистично передают черты римских правителей и напоминают типичные квазиавтономные выпуски греческих городов, входящих в состав Римской империи.

Ключевые слова: монетное искусство, Херсонес, чеканка монет, монетное дело

Монетное искусство Херсонеса – явление не статичное и не изолированное. Рассматривать его, на наш взгляд, следует в нескольких контекстах: в общеэллинском, в региональном и в самобытном локальном. Безусловно, херсонесское искусство формировалось в рамках общегреческой художественной культуры,

Туровский Евгений Яковлевич – главный научный сотрудник Отдела «Городище и некрополь» Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

достаточно быстро реагируя на культурные инновации. В то же время на ее развитие, конечно, влияли такие факторы, как значительная удаленность от метрополии, наличие варварских соседей, природно-климатические условия.

Хочется в контексте заданной темы полностью согласиться с мнением П.О. Карышковского, решительно опровергнувшего, правда, в отношении Ольвии, суждения классика русской советской нумизматики А.Н. Зографа, согласно которым в Ольвии «прочной художественной культуры» не было и заказанные приезжим мастерам штемпеля-образцы «быстро подвергались огрубению» при воспроизведении их местными резчиками¹. П.О. Карышковский отмечал, что искусство ольвийских монетариев имело периоды подъема и упадка, но постоянной и неизменной художественной деградации монетных штемпелей проследить невозможно². Сказанное, на наш взгляд, целиком справедливо для характеристики искусства резчиков херсонесских монетных штемпелей.

Однако начнем по порядку. Херсонес, как известно, был колонией крупного южнопонтийского полиса Гераклеи Понтийской. Относительно даты выведения этой апойкии существуют разные точки зрения. Среди них, на наш взгляд, предпочтительней выглядит датировка, основанная на репрезентативном археологическом материале, найденном на Херсонесском городище, который указывает на время не ранее рубежа первой и второй четвертей V в. до н.э. Следует подчеркнуть следующий важный для дальнейших наших заключений момент: какую дату основания Херсонеса мы бы не приняли³, исключая традиционную – 422/421 гг. до н.э., предложенную И. Шнайдервиртом⁴ и поддержанную А.И. Тюменевым⁵ (в настоящее время ее практически никто из исследователей не поддерживает), можно констатировать, что Херсонес был основан задолго до начала собственной гераклеийской чеканки.

По нашим оценкам, чеканка в Гераклее Понтийской началась не намного ранее, чем в Херсонесе Таврическом, где-то в рамках последней четверти V в. до н.э. Если говорить о самом раннем этапе херсонесской чеканки, то можно уверенно судить о вполне автономном ее развитии, по крайней мере, в том, что касается монетных типов ранних монет, можно отметить отсутствие каких-то заимствований в Херсонесе с монетных типов метрополии.

Следует сказать, что для каждого из этапов монетного дела античного Херсонеса наблюдаются определенные тенденции в техническом и художественном исполнении монет. Ранний этап (особенно самый ранний) показывает черты, свойственные еще предыдущей эпохе. Херсонесская драхма ранней первой серии серебра дает изображение богини с еще явно архаичными чертами: форма прически, неестественно крупные, начинающиеся прямо из-под носа губы в сочетании с неправильной формой монетного кружка (рис. 1, 1).

В то же время в рамках первой серии, ее позднего этапа, можно наблюдать монеты совершенно правильной формы, с изображением богини вполне классического облика (рис. 1, 2). Можно сказать, что уже в рамках первой типологической

¹ Зограф 1951, 128.

² Карышковский 2003, 111.

³ Виноградов, Золотарев 1998, 36–46; Рогов 2005, 146–154; Буйских 2006, 263–277.

⁴ Schneiderwirth 1887, 5–15.

⁵ Тюменев 1938, 247–258.

серии херсонесских монет местные резчики штемпелей достигли хорошего профессионального уровня, который в целом выдерживался в Херсонесском полисе на протяжении ряда последующих столетий. Оговорим, что уровень технический и уровень художественный – суть разные понятия. Технический уровень определяется производственной базой, навыками персонала, которые постоянно передаются подмастерьям и ученикам. Художественный уровень определяется, прежде всего, индивидуальными способностями и талантами конкретного мастера. Наличие среди резчиков штемпелей нескольких хороших мастеров обеспечивало высокий средний уровень, выпускаемых монет от серии к серии. При этом в рамках одной серии могли быть экземпляры, выполненные на высочайшем уровне художественной монетной глиптики, и экземпляры достаточно среднего уровня исполнения.

Первая половина IV в. до н.э. – время, когда почти повсеместно в греческой нумизматике появляются изображения божеств, выполненных *in face* прямо или с поворотом в $\frac{3}{4}$ вправо или влево. Не обошло это новшество и херсонесских резчиков монетных штемпелей. Все три номинала второй серии серебра в Херсонесе имели на оборотной стороне голову Девы *in face* в $\frac{3}{4}$ влево. Опустим здесь такой вопрос: было ли изображение херсонесской богини оригинальным произведением херсонесских резчиков штемпелей или заимствовано с монет другого полиса, например, фессалийской Лариссы, как считал А.Л. Бертье-Делагард⁶.

В любом случае все известные на сегодняшний день штемпеля херсонесских монет второй серии серебра показывают высокую степень художественного и технического мастерства херсонесских резчиков.

Особенно хороши две монеты из частных коллекций, найденные сравнительно недавно. Первая найдена случайно в Варнутской долине, на землях исторических тавров. Монета выполнена иной штемпельной парой, чем монеты этого номинала, опубликованные ранее⁷. Портрет богини очень хорош: плавный овал лица, красиво смоделированные пряди волос прически, нос правильной формы, широко открытые глаза, выразительные губы. Общее впечатление от портрета – мастер передал образ уже не юной, но прекрасной женщины с выражением спокойной уверенности в себе и своих возможностях, при этом создается впечатление немного грустной меланхоличности. На наш взгляд, портрет – один из лучших образов верховной городской богини на херсонесских монетах. Отметим также мастерски показанного быка на оборотной стороне монеты: поза животного лишена какой-либо статичности, жива и естественна (рис. 1, 3а).

Другая монета (до сих пор уникальная) также имеет фасовое изображение богини на лицевой стороне. Монета выполнена в иной весовой системе, чем остальные монеты с фасовым изображением; поэтому, по-видимому, и поворот головы богини в другую сторону. Выражение лица богини также другое: то же спокойное, но с ощущением большой внутренней сосредоточенности (рис. 1, 3б).

Выделить среди херсонесских медных монет первой половины IV в. до н.э. художественные шедевры не удастся, хотя все они выполнены, безусловно, вполне профессионально. Интересную медную монету крупного номинала, тип: голова Девы – скальп льва к числу художественных достижений херсонесских резчи-

⁶ Бертье-Делагард 1906, 219–220.

⁷ Бертье-Делагард 1906, табл. I, 1–2.

ков причислять не будем, поскольку это полная калька с самосской серебряной монеты⁸. Зато, без сомнения, к достижениям можно отнести следующую серию крупной херсонесской меди, ее иногда называют «триумфальной». Несмотря на то, что монетные типы в основном заимствованы с монет других центров: колено-преклоненный воин (Кизик), диморфная голова (Тенедос), сцена терзания (монеты ряда малоазийских сатрапов), изображения на херсонесских монетах творчески переработаны местными резчиками.

Изображение квадриги известны на монетах многих греческих центров, но квадрига херсонесских резчиков штемпелей вполне своеобразна: скоростной порыв лошадей чувствуется вполне зримо, в поднятой руке богини не кнут, а факел (рис. 1, 4а). Колено-преклоненный воин очень похож на прототип на кизикском статере, но херсонесский резчик, чтобы избежать повисания война в пустоте, снабдил его ноги линиями-упорами (рис. 1, 4б). А.Л. Бертъе-Делагард отмечал: «резьба матриц этих монет – высота совершенства, их чекан правилен и чист»⁹. Типы младшего номинала дают заимствования только в сюжете, но ни в конкретных чертах их воплощения, штемпеля херсонесских резчиков самобытны и оригинальны (рис. 1, 4в, г).

Следующие за «триумфальной» серии дают примеры удачного преобразования существующего ранее сюжета в новый, оригинальный. По-видимому, изображение грифона на старшем номинале новой серии – оригинальное произведение местных резчиков. Шагающий грифон очень органично заполняет поле монеты (рис. 1, 5а). Квадрига перемещается на младший номинал новой серии, трансформируясь в бигу, что, очевидно, определялось просто небольшим полем монеты (рис. 1, 5б). Обратная сторона младшего номинала также приобрела заимствованный тип – бегущий лев с копьем в зубах (рис. 1, 5г). Этот тип заимствован с боспорской гемидрахмы, тип: Сатир – лев с копьем¹⁰. И последнее, колено-преклоненная Дева – это творческая трансформация местным резчиком сюжета колено-преклоненный воин с копьем и щитом. Меняется разворот фигуры с левого на правый, в одной руке лук, в другой – стрела (рис. 1, 5б).

Наверное, не будет преувеличением назвать самым изящным медным выпуском лучшие из монет завершающей серии крупной меди IV в. до н.э., тип: Дева поражает копьем лань – бодающий бык (рис. 1, б).

Если с быком все понятно – изображение восходит к гераклеюскому прототипу, то для сюжета лицевой стороны можно уверенно констатировать его местную оригинальную природу. Этот сюжет почти одновременно появляется на серии серебра и серии меди. Очевидно, что гипотеза о сюжете-кальке со статуарной группы в храме или у храма Девы в Херсонесе¹¹ кажется вполне вероятной. Лучшие штемпеля монет серии принадлежат к числу наиболее удачных и ярких произведений херсонесской монетной глиптики. В пользу херсонесского происхождения статуи и сюжета служит тот факт, что на крайне многочисленных изображениях Артемиды на монетах в различных частях античного мира никогда не встречается этот сюжет: богиня, убивающая свое тотемное животное.

⁸ Коваленко 2004, 57.

⁹ Бертъе-Делагард 1912, 41.

¹⁰ Анохин 1986, 140, №110.

¹¹ Зограф 1922, 337–397; Анохин 1977, 26.

Серебро персидского веса последней четверти IV в. до н.э. также дает пример творческой переработки сюжета иностранной монеты. Монетный тип старшего номинала (дидрахма) основан на монетном типе серебра Александра Македонского. На лицевой стороне изображен безбородый Геракл в львиной шкуре (чаще влево). В отличие от македонских монет херсонесские резчики не стремились придать образу героя черты великого македонского царя. Изображение на лицевой стороне македонского оригинала – сидящий на троне Зевс Олимпийский трансформируется в сидящую на высоком табурете богиню Деву в охотничьих сапогах и со стрелой в руке (рис. 1, 7).

Рис. 1

Относительно полновесного серебра последней четверти IV в. до н.э. (персидского веса) и монет первой четверти III в. до н.э. (родосского и легкого персидского весов) можно констатировать высокий, стабильный и профессиональный уровень резчиков штемпелей, в то же время выделить среди них художественные шедевры не удастся. Быть может, задачи массовой чеканки не предусматривали особенной эстетической доминанты. Здесь подчеркнем такой тонкий момент: пики художественных достижений не всегда синхронны пикам экономического и политического благополучия.

Наглядный тому пример – монеты второй четверти III в. до н.э. Это время, когда Херсонес ощущал на себе удары варваров и всячески боролся с преодолениями их последствий. В этот период и появилась очень яркая серия серебра, состоящая из монет двух номиналов. Старший, очевидно, драхма имел уже традиционный для Херсонеса монетный тип: л.с. голова Девы в венке вправо; о.с. Дева убивает копьем лань (рис. 1, 8).

Младший номинал имел тип: л.с. голова Девы в венке вправо; о.с. лук в колчане (рис. 1, 9). Так вот, если говорить о младшем номинале, то среди известных штемпелей шедевры не отмечены. Другое дело – старший номинал. Среди резчиков штемпелей монеты этого типа отмечен мастер, работы которого, на наш взгляд, можно отнести к числу наиболее значимых произведений херсонесской монетной гилитики¹². Изображение богини на лицевой стороне монеты имеет глубоко чувственное выражение какой-то загадочной задумчивости, грусти и мечтательности, очень изящно и декоративно оформлена прическа (рис. 1, 10).

В целом, возникает ощущение схожести с лучшими произведениями сицилийских резчиков монетных штемпелей классической эпохи, хотя херсонесские монеты, безусловно, самобытны и оригинальны. Разница между монетами названного херсонесского мастера и его коллег по резке штемпелей монет серии просто огромна. Думается, что дефиниции мастер – ремесленник отражают суть проблемы.

Период кризиса монетного дела в Херсонесе в третьей четверти III в. до н.э. не дал особенно удачных примеров художественно выполненных монет. Притом, что монетные типы часто меняются. Возвращение к художественности наблюдается лишь в последней четверти III в. до н.э. На первой посткризисной серии меди впервые в херсонесской нумизматике появляется образ богини Афины в коринфском шлеме. Младший номинал полностью повторяет монетный тип золота Александра Македонского – Афина на лицевой стороне и стоящая Ника с венком на оборотной. Старший номинал дает тот же заимствованный образ Афины и уже знакомый херсонесским резчикам штемпелей образ шагающего грифона. Лучшие экземпляры этого типа выполнены очень художественно (рис. 2, 1).

Посткризисная серия херсонесского серебра (последняя четверть III в. до н.э.) также хороша в художественном отношении. Старший номинал дает образ богини в башенной короне, что приравнивает ее к многочисленным Тихе – защитницам городов. Черты лица Девы тонкие и одухотворенные (рис. 2, 2).

Младший номинал серии менее изыскан, хотя портрет безбородого Геракла дан вполне художественно (рис. 2, 3). Во II в. до н.э. характер монетного дела Херсонеса значительно изменяется. В массе своей чеканятся монеты мелких номиналов. Значительно увеличивается репертуар монетных типов. Некоторые штемпеля вполне художественны (рис. 2, 4, 5), но это скорее отголосок былой традиции.

К последней четверти II в. до н.э. в Херсонесе проявляются черты, свойственные монетному делу греческих городов, входящих в состав Понтийского царства (рис. 2, 6, 7).

¹² Туровский, Горбатов 2013, №№155а, 159а.

Рис. 2

Основные видовые признаки стиля понтийских монет: упрощенность подачи образов и символов, крупные черты лица персонажей, упор на декоративность монетного типа. Наиболее ярко понтийские черты в монетном деле Херсонеса проявились в выпусках первой половины I в. до н.э., когда Херсонес входил в состав Понтийского царства Митридата VI Евпатора (рис. 2, 8, 9).

В период зависимости Херсонеса от царя Фарнака II в городе впервые чеканятся монеты с изображением не божественного персонажа, а конкретного человека. Крупная медь (обол) несет на лицевой стороне портрет этого боспорского царя (рис. 2, 10).

Во времена, наступившие после гибели Фарнака, Херсонес в своем монетном деле возвращается к монетным типам, которые были наиболее популярными в период независимости полиса. Это монеты периода так называемой «первой элевтерии», т.е. свободы, которую предоставил Херсонесу Цезарь¹³; а также монеты, которые чеканил, по-видимому, местный тиран по имени Аполлонид¹⁴. На протяжении означенного периода, определить протяженность которого точно не удастся, чеканилась крупная медь (обол) одного монетного типа (меняются они только местами – тип лицевой стороны переходит на оборотную и наоборот). Несмотря на то, что монетный тип целиком заимствован с монет Херсонеса конца IV в. до н.э., повтор виртуозного мастерства резчиков штемпелей раннеэллинистического времени уже не наблюдается, хотя технический уровень изготовления этих крупных монет достаточно высокий.

¹³ Ростовцев 1917, 1–3.

¹⁴ Туровский 2014, 311, 312.

Отход от классической традиции в последующих по времени выпусках наблюдается еще наглядней. Портрет бородатого мужчины, скорее всего Зевса, подан в неестественном ракурсе. Голова персонажа или неестественно закинута назад, или имеет гипертрофированно крупную челюсть. Обратную сторону монет представляет сюжет, впервые появившийся на оболах Фарнака – стоящая Дева с луком и копьем (рис. 3, 2, 3).

Следующий этап херсонесской нумизматики связан с появлением на лицевой стороне монет изображения императора династии Юлиев-Клавдиев (рис. 3, 4). При этом изображение императора не является как таковым портретом. Все попытки связать изображения на херсонесских монетах с конкретными императорами нельзя признать удачными. Из конкретных черт императоров названной династии можно отметить одну – гипертрофированную «лебединую» шею, которая фигурировала на всех имперских монетах этой династии. Создается впечатление, что херсонесские резчики не ставили такой задачи – передать черты конкретного персонажа, а изображали венценосного правителя как такового, без персонифицирования. Это обстоятельство отметил В.А. Сидоренко, указывая на отсутствие каких-либо попыток придания сходства с правящим императором и ориентацией портретов на херсонесских золотых на один консервативный стереотип¹⁵.

Что можно сказать о монетном искусстве резчиков штемпелей этого этапа выпуска херсонесской монеты? С одной стороны, высокие технические навыки не теряются: монетные кружки правильной формы, изображения покрывают поле монеты полностью, как правило, без смещения. С другой стороны, эстетические принципы, сформировавшиеся в эллинистическое время, меняются в сторону стилизации и примитивизма. Как и в случае со скульптурными изображениями в Херсонесе этого времени, в монетном деле формируется местный стиль¹⁶. Этот местный стиль становится преобладающим с начала I в. н.э. вплоть до временного прекращения херсонесской монетной чеканки в первой половине III в.

Какие основные характеристики этого местного стиля? На большинстве монет фигуры несоразмерны и статичны, то же можно констатировать и о большинстве портретных изображений. В целом, круг сюжетов для этого этапа херсонесской чеканки не очень велик и определялся монетный тип, как правило, номиналом монеты. Отдельно скажем об исключениях.

В 51 г. н.э. в Херсонесе выпускались медные монеты (дупондии), на которых изображен длинноволосый бородатый мужчина¹⁷. В.А. Анохин определил этого персонажа как скифа¹⁸. По нашему мнению, это ошибочная точка зрения. Портрет на монете явно индивидуальный и принадлежит конкретному человеку (рис. 3, 21). Он не мог принадлежать римскому императору, те не носили подобных причесок, а первый из императоров, отпустивший бороду, был Адриан. Иконографически портрет более всего напоминает боспорского царя. Но в 51 г. у власти на Боспоре был Котис I, который в это время бороды не носил. На его медных монетах встречаются двойные портреты Котиса и его отца Аспурга¹⁹.

¹⁵ Сидоренко 2001, 445.

¹⁶ Бибилов 1976, 8.

¹⁷ Туровский, Горбатов 2013, №253.

¹⁸ Анохин 1977, 148, №207.

¹⁹ Фролова 1997, табл. XXIV, 2,3.

Представляется очень вероятным, что на херсонесской монете портрет именно Аспурга. Сравнение произведения херсонесского мастера с изображениями царя на боспорских монетах показывает, что они весьма похожи. Опустим здесь вопрос о причинах появления образа боспорского царя на херсонесских монетах.

Рис. 3

Во второй половине I в. н.э. в Херсонесе осуществлялся выпуск крупной меди в римской монетной системе (тетрассарий). На первых выпусках монет этого сорта появляется монетный тип в целом не характерный для римской эпохи. На лицевой стороне изображение Девы с колчаном за спиной (рис. 4, 1). Это изображение очень напоминает образ богини на херсонесских тетрадрахмах начала III в. до н.э., образ Зевса на оборотной стороне передан также в стилистике эллинистического искусства.

Затем тетрассарии приобретают вполне устоявшийся тип: голова императора, лира – Дева с копьем и луком. Голова на высокой шее имеет на этих выпусках особенно аллегорический, безликий характер. Дева на оборотной стороне, напротив, часто показана живой и подвижной (рис. 4, 2), чего нельзя сказать о синхронных золотых выпусках (рис. 4, 3).

Отдельный этап в монетном деле Херсонеса составляют выпуски так называемой «второй элевтерии» (около 161 г. – первая половина II в.). Характер монетных типов на этом этапе чаще всего определяется номиналом монеты. Из новых оригинальных монетных типов следует отметить трессис-тип: Асклепий с жезлом, вокруг которого змея – Гиги́ейя с чашей и змеей (рис. 4, 6, 10). Большая часть херсонесских монет второй элевтерии выполнены в местном стиле, однако в конце этапа в Херсонесе появляется мастер, стиль и манера штемпелей которого резко выбиваются из общего ряда (рис. 4, 7–11). Вероятно, прав В.А. Анохин, полагающий, что высокохудожественные штемпеля – произведения

Рис. 4

приезжего мастера, значительно превосходящего в мастерстве своих херсонесских коллег²⁰.

Благодаря художественному реализму этого мастера удается персонифицировать портреты императоров: Геты (209–212 гг.); Каракаллы (198–217 гг.) (рис. 4, 8), Элагабала (218–222 гг.), Александра Севера (225–235 гг.). Это обстоятельство подтверждает, что в мужской голове на остальных выпусках второй элевтерии, выполненных в местном стиле, также следует усматривать портреты римских императоров. В общем русле названных монет и выпуск с портретом Юлии Домны – матери императоров (рис. 4, 9). На оборотной стороне монеты изображение «обороняющейся» Девы, характерное для выпусков предыдущего периода, дополнено изображением лани. Вряд ли это изменение следует объяснять появлением в городе новой статуи, скорее это следует отнести к творчеству резчиков, добавивших к изображению Девы характерный для нее атрибут.

Монетное искусство Херсонеса на протяжении всей его античной истории показывает стабильно высокий уровень мастерства резчиков монетных штемпелей, иногда приближаясь к лучшим образцам античной монетной гилитики. Изменение стилистики и изобразительной манеры шло в общем ключе эволюции эстетических пристрастий херсонеситов.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.)*. Киев.
 Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
 Бертъе-Делагард, А.Л. 1906: Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. *ЗООИД XXVI*, 215–276.

²⁰ Анохин 1977, 84.

- Бертье-Делагард, А.Л. 1912: Монетные новости древних городов Тавриды. *ЗООИД* XXX, 39–54.
- Бибиков, С.И. 1976: *Античная скульптура Херсонеса*. Киев.
- Буйских А. В. 2006: Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая. *Античный мир и археология* 12. Саратов, 263–277.
- Виноградов, Ю.Г., Золотарев, М.И. 1998: Год рождения Херсонеса Таврического. *Херсонесский сборник* IX, 36–46.
- Зограф А.Н. 1922: Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики. *ИРАИ* 2, 337–397.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. (МИА) 16. М.
- Коваленко, С.А. 2004: К хронологии двух групп монет Херсонеса Таврического. В сб.: *Монеты и медали* II, 56–69.
- Рогов, Е.Я. 2005: Проблема основания Херсонеса. *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. СПб., 146–148.
- Ростовцев, М.И. 1917: Цезарь и Херсонес. *Известия Императорской Археологической комиссии* 63, 1–12.
- Сидоренко, В.А. 2001: Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. *МАИЭТ* VIII, 436–453.
- Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. 2013: *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель*. Симферополь.
- Тюменев, А.И. 1938: Херсонесские этюды. I. *ВДИ* 2, 245–259.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора*. Ч. I. М.
- Schneiderwirth, J.H. 1882: Das Pontische Herakleia. *Bericht uber das Schuljahr 1881–1882 des Kather*. Heiligenstadt.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [*The Coinage of Chersonesus (4th century BC – 12th Century AD)*]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*Coinage of the Bosphorus*]. Kiev.
- Bert'e-Delagard, A.L. 1906: Neskol'ko novykh ili maloizvestnykh monet Khersonesa [Several New or Little-Known Coins of Chersonesus]. *Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] XXVI, 215–276.
- Bert'e-Delagard, A.L. 1912: Monetnye novosti drevnikh gorodov Tavridy [Monetary News of the Ancient Cities of Taurida]. *Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] XXX, 39–54.
- Bibikov, S.I. 1976: Antichnaya skul'ptura Khersonesa [*Antique Sculpture of Chersonesus*]. Kiev.
- Buiskikh, A.V. 2006: Khersones Tavricheskiy v VI v. do n.e.: real'nost' istoricheskaya ili arkheologicheskaya [Tauric Chersonesus in the 6th Century BC: Reality Historical or Archaeological]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Classical Antiquity and Archeology] 12, 263–277.
- Vinogradov, Yu.G., Zolotarev, M.I. 1998: God rozhdeniya Khersonesa Tavricheskogo [Year of Birth of Tauric Chersonesus]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] IX, 36–46.
- Zograf, A.N. 1922: Statuarnye izobrazheniya Devy v Khersonese po dannym numizmatiki. [Statuary Images of the Virgin in Chersonesus According to Numismatics]. *Izvestiya Rossiiskoy akademii istorii material'noy kul'tury* [News of the Russian Academy of History of Material Culture] 2, 337–397.
- Zograf, A.N. Antichnye monety [Ancient Coins]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. [Materials and Researches on Archeology of the USSR] 16. Moscow.
- Kovalenko, S.A. 2004: K khronologii dvukh grupp monet Khersonesa Tavricheskogo [To Chronology of Two Groups of Coins of Tauric Chersonesus]. In: *Monety i medali* [Coins and Medals] II, 56–69.

- Rogov, E.Ya. 2005: Problema osnovaniya Khersonesa [Problem of the Basis of Chersonesus]. *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu* [Greeks and barbarians of Northern Black Sea Coast during a Scythian era]. Saint-Petersburg, 146–148.
- Rostovcev, M.I. 1917: Cezar' i Khersones [Caesar and Chersonesus]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological commission] 63, 1–12.
- Sidorenko, V.A. 2001: Zolotaya monetnaya chekanka Khersonesa I–II vv. n.e. [Gold Monetary Stamping of Chersonesus of the 1st – 2nd centuries AD]. *Materialy po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Tavriya's Ethnography] VIII, 436–453.
- Turovskiy, E.Ya., Gorbato, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa/katalog-opredelitel'* [Coins of Antique and Medieval Chersonesus]. Simferopol.
- Tyumeney, A.I. 1938: Khersonesskie etyudy [Chersonesus Etudes]. I. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 245–259.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosporus]. Ch.I. Moscow.
- Schneiderwirth, J.H. 1882: Das Pontische Herakleia. *Bericht uber das Schuljahr 1881–1882 des Kather*. Heiligenstadt.

NUMISMATIC ART OF ANCIENT CHERSONESUS

Eugeny Ya. Turovsky

The State Museum Preserve "Tauric Chersonese", Russia,
turovs_1@mail.ru

Abstract. The coinage of Chersonesus was formed from the beginning, regardless of the metropolis. Some silver coins of Chersonesian first series have features characteristic of the brilliant Greek coins of the 5th century BC. Coins of the second quarter of the 4th century BC are characterized by constant changes in coin types. In general, the artistic brilliance of the coins of that time is obvious. Silver and copper coins of the second half of the 4th century BC overall were issued in the highest artistic level, sometimes reaching high classical perfection. Silver and copper coinage of the 3rd century BC continued the best traditions of the coinage of the previous century. In the 360s BC in Chersonesus there was a remarkable master, who engraved artistic dies for silver coin type with the wreathed Maid' head / the Maid spearing a deer. These coins were the highest achievement of the Chersonesian numismatic art. In the 2nd century BC the repertoire of Chersonesian coin types and style of images on the coins dramatically changed. Portraits and images on most coins are static and do not shows small details. In the first half of the 1st century BC Chersonesus actually was a part of the Pontic Kingdom. The coins have much in common stylistically with coins of other cities of the Pontus and the Bosporus. After the death of Mithridates VI, the Chersonesian obols bear the portrait of the king Pharnaces II. This is the first image of the historical character in the coinage of the city. In the 1st century AD, the common obverse type is an allegorical image of the Roman Emperor without a portrait likeness. The general type of the reverse is the Maid standing with the bow and spear. Most of the coins are made in the local quite primitive art style and only at the last stage of coinage in Chersonesus, there is a master whose dies realistically convey the features of the Roman rulers and resemble the typical quasi-autonomous editions of the Greek cities in the Roman Empire.

Key words: Chersonesus, coinage, numismatic art

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 450–467
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 450–467
© Автор(ы) 2017

О ЦАРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ САМА II, ЦАРЯ КОММАГЕНЫ (130–100 гг. до н.э.)

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
kornelitta@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена аспектам царской идеологии властителя античной Коммагены Сама II, правившего в 130–100 гг. до н.э. Основываясь на нумизматических источниках, автор рассматривает сущность идеологии царя Коммагены, характеризуя каждый ее аспект. Самом II чеканилось два типа бронзовых халков. На аверсе первого типа изображен царь в венце, украшенным солнечными лучами, а на реверсе прочеканена фигура стоящей крылатой богини царской славы и воинской удачи Ники с венком в правой руке и пальмовой ветвью в левой. Автор полагает, что аверс монеты первого типа копирует лицевую сторону серебряных тетрадрахм селевкидского царя Антиоха VI Неооса Диониса (144–142 гг. до н.э.), а фигура Ники является широко распространенным образом в официальном эллинистическом и постэллинистическом искусстве с эпохи Александра Великого (336–323 гг. до н.э.). В целом автор статьи думает, что на первом типе монет Сама II Коммагенского представлена сцена инвеституры, в которой Ника венчает царя веком славы и удачи. Кроме того, коммагенский царь, вероятно, отождествлялся с греческим богом солнца и справедливого порядка Гелиосом или, скорее, с его местным аналогом Аполлоном-Гелиосом, игравшим важную роль в царской идеологии правящего дома Коммагены примерно до 65–64 гг. до н.э., когда началось строительство святилища царского и династического культов на горе Нимрул-Даг. Титул Сама II «Справедливый» также связан с его попыткой предстать перед подданными в образе солнечного божества. На втором типе халков Сама II Коммагенского на аверсе прочеканен профиль этого царя в остроконечной иранской тиаре, которую носили многие иранские и полуиранские цари эллинистического Востока, а на реверсе – тирс греческого бога вина, виноделия и плодородия Диониса, очень популярного в период эллинизма на Востоке. Поэтому автор считает, что изображение тирса Диониса отражает еще один аспект царской идеологии Сама II Коммагенского, связанный с Дионисом, по которому царь является гарантом плодородия и материального процветания государства. Таким образом, автором выделяются два аспекта идеологии царя Коммагены Сама II: солярный и дионисийский, – связанных с представлениями о Золотом Веке. Однако автор полагает, что Сам II не был обожествлен, так как носил титул «Богобоязненный». В целом эпоха Сама II являлась начальным этапом развития царского культа в античной Коммагене.

Ключевые слова: Эллинизм, Коммагена, Сам II, Ника, Гелиос, Аполлон-Гелиос, Дионис, идеология

Обухов Сергей Владимирович – младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

© IA RAS, NMSTU, JHPhCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-3-450–467

Сам II – второй властитель независимого коммагенского царства, расположенного на юго-востоке Малой Азии, правивший в 130–100 гг. до н.э. Мы крайне мало знаем о его правлении, что же касается религиозно-политической идеологии этого царя, то о ней известно еще меньше. Лишь с помощью интерпретации изображений на его весьма немногочисленных монетах, в основном, мелких номиналов (халков) у нас появляется возможность прийти к выводам, имеющим важное значение для ее характеристики. Титулатура этого царя также известна только по его монетам. Особенно интересны бронзовые халки, на аверсе которых представлена голова царя в профиль, увенчанная венцом с солнечными лучами, а на реверсе – фигура крылатой богини Ники: в левой руке ее – пальмовая ветвь, в правой – венки. Фигура богини повернута влево. По обеим сторонам от фигуры прочеканено имя правящего царя и его титулатура снизу вверх: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΜΟΥ ΘΕΟΣΕΒΟΥΣ ΚΑΙ ΔΙΚΑΙΟΥ («царя Сама богобоязненного и справедливого»)¹.

Стилистический анализ аверса халка Сама II позволяет сделать вывод, что их тип был скопирован с серебряных тетрадрахм селевкидского царя Неоса Диониса (144–142 гг. до н.э.). На них селевкидский владыка изображен в профиль вправо, увенчанный тем же венцом из солнечных лучей². На вопрос, почему Сам II использовал именно тип тетрадрахм селевкидского царя, ответить несложно: Коммагена до 164–163 гг. до н.э. входила в состав царства Селевкидов, а после обретения независимости ее цари поддерживали довольно тесные связи династического и культурного характеров с последним. К примеру, Антиох I, сын Митридата I Каллиника, по материнской линии являлся отпрыском царского дома в Антиохии-на-Оронте (OGIS.I.384–398). Не менее важен вопрос: по какой причине Сам II скопировал лицевую сторону тетрадрахм названного Селевкида. На него мы дадим ответ позже – в связи с анализом титулатуры коммагенского царя.

Как уже указывалось, на реверсе указанной монеты представлена летящая богиня Ника с венком в протянутой правой руке и с пальмовой ветвью в полусогнутой левой. Подобный тип Ники – богини победы, прославляющей величие царя или вождя и победный характер его власти³, получил широчайшее распространение на эллинистическом и постэллинистическом Востоке, а также на других, в том числе и ираноязычных, территориях, подвергшихся эллинизации (см. ниже). Не меньшую популярность Ника приобрела и в римском мире⁴.

Образ летящей Ники появляется на монетах царей-Селевкидов, особенно позднего периода: Антиоха VII Сидета, Антиоха IX Филопатора (Кизикского), Селевка VI Эпифана⁵, а также на печатях селевкидского времени из Вавилона⁶.

¹ Babelon 1890, CCVIII–CCIX, 217, pl. XXX, fig. 1.

² Абакумов 2008, 126–127, рис. 051–053; Houghton, Lorber, Hoover 2002, 316, pl. 29. 2000 3e, 2008, 2009 2d.

³ Тахо-Годи 1992, 217.

⁴ Миронов 1911, 218–222. Из некрополя эллинистической Александрии в Египте происходит гидрия стиля Гадра (III–II вв. до н.э.) с изображением крылатой Ники с венком и пальмовой ветвью, стоящей перед алтарем (Καρέτσου 2000, 404). Иконографически Ника на александрийской гидрии имеет много общего с богиней Победы на монете Сама II Коммагенского. Ср. фреску из Помпей I в. н.э. с полуобнаженной Никой-Викторией: Bragantini, Sampaolo 2011, 148–149, fig. 32; похожие итальянские геммы I в. до н.э. – I в. н.э. (Неверов 1983, табл. VIII.5, X. 4) и фреску из сирийской Дура-Европос II–III вв. н.э. (Шлюмберже 1985, 96, рис. 59).

⁵ Абакумов 2008, 128, рис. 060, 132, рис. 087, 091.

⁶ Rostovtzeff 1932, 35–36, pl. VII.3.

Весьма вероятно, что Ника монет поздних Селевкидов послужила образцом для иконографии богини победы на халке Сама II Коммагенского. Этот же тип представлен и на монетах царя Пафлагонии Пилемена II, правившего в последней трети II в. до н.э.⁷, на монетах царя Софены Ксеркса конца III в. до н.э.⁸, на медных халках древнеармянских царей Артавазда II (55–34 гг. до н.э.)⁹ и Тиграна IV (8–5 гг. до н.э.)¹⁰, восходящих во многом к соответствующим монетам Александра Великого, для которых вообще был характерен образ Ники¹¹.

Образ летящей Ники с венком и ветвью встречается и многих монетах царей из парфянской династии Аршакидов, владычествующей в Иране в III в. до н.э. – III в. н.э. Пик распространения богини победы на парфянских монетах приходится на I в. до н.э. – I в. н.э.¹² В Старой Нисе, священной столице ранних Аршакидов, при раскопках была обнаружена серия печатей с аналогичными изображениями. Печати также датируются I в. до н.э. – I в. н.э.¹³ Несмотря на очевидное сходство между Никой у селевкидских монет и монет владык Парфянской державы, вряд ли можно думать, что на последних представлена греческая Ника. Скорее всего, перед нами синкретический образ Ники-Хварно-Хванинды – греко-иранской богини славы и царской удачи¹⁴. Это же относится и к плохо сохранившемуся изображению Ники (Хварно?) на стеклянной гемме первых веков нашей эры, происходящей из раскопок кургана 7 Кызылтепинского могильника, находившегося на территории античного Согда¹⁵. Маловероятно, что ираноязычные кочевники-саки (или сарматы?), оставившие это могильник, могли воспринять греческий образ богини, не сопоставив его со своим божественным эквивалентом Победы.

Уже в среде причерноморских скифов можно встретить похожее отождествление, как об этом свидетельствует находка золотых серег IV в. до н.э. в виде крылатой Ники, облаченной в длинные, ниспадающие до пят одежды (хитон?). Ее голова увенчана высоким калафом. В левой руке она сжимает ветвь, в правой – венок с лентами. Серьги были обнаружены при исследовании Павловского кургана в степном Крыму¹⁶.

В эллинистической и кушанской Бактрии роль Ники как богини царской удачи и победы могла играть и Тюхе, чей образ сливался с общеиранской Хварно-

⁷ SNG 1993, pl. LVII. 1550–1554.

⁸ Babelon 1890, 212, pl. XXIX, fig. 7; Аракелян 1976, 61, табл. XVIII.

⁹ Babelon 1890, 215, pl. XXIX, fig. 16.

¹⁰ Babelon 1890, 216, pl. XXIX, fig. 18.

¹¹ Зограф 1951, 71, табл. XL. 9, 11, 15–17. По-видимому, подражанием монетам Александра Великого является драхма, опубликованная в свое время П. Гарднером, которую он относил к чекану одного из раннеэллинистических владетелей Парса или Бактрии (?) (Gardner 1879, 5–10, pl. I. 3).

¹² Gardner 1877, pl. II. 14; Bartolomaei 1926, Taf. 10. 159, Taf. 11. 203–205, Taf. 13. 229, 231–232, 234, Taf. 14. 263, 270, Taf. 15. 288–289, Taf. 16. 316–317; Sellwood 1983, 279–298, pl. 1, 14, pl. 6, 1, 7–8, pl. 7, 5–9.

¹³ Массон, Пугаченкова 1954, 165–166, рис. 38–41.

¹⁴ Herzfeld 1941, 298, fig. 390.

¹⁵ Обельченко 1992, 205–206. На территории античного Тохаристана (совр. Северный Узбекистан) при раскопках городища Кара-Тепе в слоях первых веков нашей эры был найден фрагмент статуэтки, изображающий крылатую богиню Нику с венком и ветвью. До нашего времени дошла лишь верхняя часть терракоты. Эта находка говорит о том, что образ греческой богини победы проник и на окраину древней Средней Азии (Альбаум 1960, 21–22, рис. 9).

¹⁶ Артамонов 1966, 67, табл. 273. Крылатая Ника представлена и на золотой бляшке из Курджипского кургана (Прикубанье) IV вв. до н.э. (Галанина 1980, 92, рис. 49).

Хваниндой. Наиболее ранний пример такого синтеза двух культов – металлический медальон из Эрмитажа с рельефным изображением бюста крылатой богини Тюхе-Хванинды, исполненный в III–II вв. до н.э. греко-бактрийским мастером в смешанной греко-иранской манере¹⁷. Судя по монетам, Тюхе-Хванинда прочно входила в царский пантеон кушанских владык во время правления царя Хувишки (к. I в. н.э.)¹⁸.

Какой же символический смысл несла общая композиция на реверсе и аверсе монеты царя Коммагены Сама II? Для этого стоит вновь рассмотреть ее лицевую часть: как уже говорилось, на ней – изображение головы царя в лучистом венце в профиль. Связав изображения на лицевой и оборотной части монеты, мы можем прийти к выводу, что перед нами сцена инвеституры, в которой Саму II придавались черты удачливого владыки-героя (см. об этом ниже), и его венчает Слава в образе Ники. Эта богиня представлена уже в раннеэллинистическом искусстве – официальном (царском) искусстве, как это видно на примере статуи крылатой Ники, установленной на острове Самофракия диадохом Деметрием Полиоркетом в ознаменование его морской победы над флотом египетского сатрапа Птолемея Лага в гавани Саламина на о. Кипр в 306 г. до н.э. До нашего времени данная статуя дошла в весьма неплохом состоянии: у нее отбита лишь голова и руки¹⁹. По монете Деметрия Полиоркета видно, что статуя богини победы была оформлена опустившейся на нос быстро движущегося боевого корабля и трубившей в длинную трубу²⁰. В целом указанная статуя и ее изображения на монетах очень характерны для эллинистического времени, как пример монумента, воздвигнутого в честь одержанной победы.

Все же сомнительно, что в случае со сценой на монете царя Коммагены Сама II идет речь о каких-либо военных успехах властителя, по-видимому, как уже говорилось выше, это классическое изображение инвеституры. Близкие аналогии ей мы находим на драмах и тетрадрамах царей Парфии, по большей части I в. до н.э. На этих монетах прочеканена голова царя в профиль, которого венчает маленькая летящая Ника со всеми своими атрибутами: венком и пальмовой ветвью. Ника, как правило, изображается на них слева от головы царя²¹. На некоторых мо-

¹⁷ Пугаченкова, Ремпель 1982, 211–212.

¹⁸ Herzfeld 1941, 328, fig. 412; Rosenfield 1967, 91–92, pl. VIII, 151–154; Пугаченкова 1979, 154, рис. 172.

¹⁹ Блаватский 2008, 225–227; Вошинина 1962, 268–272, рис. 92. А.И. Вошинина, правда, допускает, что статуя Ники Самофракийской могла быть поставлена в честь победы флота царя Македонии Филиппа V при Ладе в 201 г. до н.э. над флотом антимакедонской коалиции (Вошинина 1962, 270–271), что, в сущности, ничего не меняет.

²⁰ Regling 1924, 108, 136, fig. 84.

²¹ Gardner 1877, 43, 45, pl. IV. 11, 25; Bartolomaei 1926, Taf. 10, 156, 178; Sellwood 1983, 290–291, pl. 4–5, 10, 8. Сцена инвеституры, в которой участвует крылатая Ника, получила наибольшее распространение в парфянском официальном искусстве в I в. до н.э. – I в. н.э. во многом по причине подражания парфянских царей Селевкидам и восприятию ими себя как их преемников на Ближнем Востоке (Варданян 1985, 16–17). Летящая Ника, прославляющая царя, изображена и на глиняном медальоне из дворца кушанского владетеля в Халчаяне (I–II вв. н.э.) (Пугаченкова 1962, 88, 91–92, рис. 1). При раскопках того же самого дворца был обнаружен скульптурный фрагмент статуи Ники, относящийся к сцене, дублирующей сцену на медальоне (Пугаченкова 1971, 43–45). Уже к сасанидскому времени в истории Ирана относится изображение Ники на скале Так-и-Бостан, на которой была вырезана огромная рельефная композиция венчания и прославления царя Ардашира IV (IV в. н.э.) (Луконин 1977, 178). Все это заставляет задуматься, по крайней мере, о некотором сходстве в

нетах две Ники с противоположных сторон прославляют властителя²². Эта схема встречается чаще всего на тетрадрахмах Фраатака и его матери Музы, правивших Парфянской державой в конце I в. до н.э. На них же присутствуют и астральные символы, указывающие на царский апофеоз²³. Несколько по иному инвестируа трактуется на драхме индо-парфянского царя Гондофара (I в. н.э.): богиня победы венчает восседающего на троне царя, стоя у него за спиной²⁴. В Понтийском царстве в Малой Азии Ника также воспринималась как богиня царской победы, удачи и величия. Кроме того, она была теснейшим образом связана с культом Афины Победоносной – покровительницы военных успехов царя²⁵. У Плутарха сохранилось ценнейшее свидетельство, касающееся прославления понтийского царя Митридата VI Евпатора во время его пика военных успехов в противостоянии с Римом в I Митридатову войну (89–85 гг. до н.э.). Греческий писатель сообщает, что «...пергамцы с помощью каких-то приспособлений опускали на него сверху изображение Победы с венцом в руках...» (Plut. Sulla. 11).

Таким образом, проведя стилистический и иконографический анализ реверса и отчасти аверса халка коммагенского царя Сама II, мы приходим к предварительному выводу, что в наибольшей степени тип его инвестируа восходит к изображениям на монетах ряда позднеселевкидских царей. Наша гипотеза подтверждается и тем, что Антиох VII Сидет и Антиох IX Филопатор были фактическими современниками Сама. Чуть позже указанный позднеселевкидский тип с отдельно стоящей Никой на реверсе будет заимствован и целым рядом царей Парфянской державы. Поэтому можно полагать, что обе династии – в Коммагене Оронтиды, а в Парфии Аршакиды – в какой-то мере ориентировались на селевкидское наследие, подчеркивая тем самым свою преемственность по отношению к нему, хотя и нельзя забывать, что, к примеру, в официальной идеологии царей Парфии иранская составляющая играла все же большую роль, усиливаясь с течением времени. Говоря же о Коммагене, о монете Сама II, мы ни в коем случае не можем говорить о каких-либо иранских чертах, проявляющихся в тех изображениях, которая она несет. Это же касается и сцены инвестируа.

Придя к выводу, что на халке Сама II Коммагенского изображена сцена прославления царя Никой, мы можем обратиться к образу самого властителя, запечатленного на аверсе разбираемой монеты. Как мы покажем далее, от решения этой проблемы будет зависеть прояснение ряда крайне важных вопросов, связанных с начальным этапом формирования культа царя в античной Коммагене. Уже было отмечено, что тип аверса монеты Сама был скопирован с лицевой части серебряной тетрадрахмы Антиоха VI Неоса Диониса-Селевкида, однако подобная кон-

религиозных представлениях, связанных с фигурой царя, в Парфии, у кушан и в Сасанидском Иране. О Коммагене мы скажем ниже.

²² Gardner 1877, 45–46, pl. IV, 11, 25; Bartolomaei 1926, Taf. 11, 188, 190–194. Подобная иконографическая схема прославления царя двумя Никами использована и во дворце царей Хорезма Топрак-Кала (III–IV вв. н.э.) (Толстов 1962, 213, рис. 126). Видимо, можно думать об определенном сходстве царской идеологии Парфянского царства и древнего Хорезма, опирающейся на общеиранское наследие, подретушированное эллинистическим влиянием.

²³ Ellerbrock 2013, 284, abb. 13. Никаких намеков на астральный апофеоз Сама II Коммагенского мы не видим (см. ниже).

²⁴ Марков 1892, 28–30, табл. IV, 26–27.

²⁵ Сапрыкин 2009, 210–212.

статация отнюдь не является ответом на вопрос, почему царь Коммагены взял за основу иконографии своих монет именно этот тип. Для этого стоит еще раз обратиться к образу Сама II на его халке. На нем царь представлен в профиль вправо, с чуть обрюзгшим лицом, с тонкими, крепко сжатыми губами и глубоко посаженными глазами, а на голове у него – венец, украшенный солнечными лучами.

Можно думать, что царь изображен с чертами греческого бога Солнца и солнечного света Гелиоса²⁶. Это божество также было связано с производящими силами природы²⁷. Греки и эллинизированные варвары верили, что Гелиос, являющийся, по их представлениям, одновременно Солнцем и солнечным светом, воплощал собой божественность, счастье бытия и справедливость. Отсюда происходило покровительство царской власти, в результате которого разные правители эпохи эллинизма стремились изображать себя в образе Гелиоса, внушая подданным, что их власть всячески способствует поддержанию справедливости и порядка²⁸. В образе Гелиоса изображали себя Александр Гелиос, сын римского триумвира Марка Антония и египетской царицы Клеопатры VII, император Нерон, Митридат VI Евпатор, боспорский царь Аспург (I в. н.э.)²⁹, колхидский династ Аристарх (64–48 гг. до н.э.)³⁰ и др. По-видимому, и поздние Селевкиды могли представлять в образе Гелиоса, как это видно по уже приведенной монете Антиоха VI Неола Диониса. Титул «Новый Дионис» также сочетается с образом царя-солнца, так как в эллинистическо-римской синкретической религии Дионис был одним из функциональных аспектов Гелиоса³¹. Как обоснованно полагает А.С. Анохин³², Гелиос-Дионис появился в официальном пантеоне и идеологии Селевкидов под птолемеевским влиянием во II в. до н.э.³³

До нашего времени дошли медальоны с портретом Нерона в образе Гелиоса, выполненные в Италии в I в. н.э.³⁴. Один из них был найден в местечке Лечхуми³⁵ на территории современной Абхазии – древней Колхиды. Близка иконографии образа

²⁶ Farnell 1909, 417–418; Jessen 1912, 58–93; Тахо-Годи 1991, 271; Зелинский 2010, 29.

²⁷ В гомеровском гимне (VIII–VI вв. до н.э.), обращенном к Гелиосу, о функциях божества говорится: «Свет с высоты посылает бессмертным богам он и людям...» (Hom. Hymn. XXXI. 8).

²⁸ Необходимо учитывать, что иконографический тип «голова (или лицо) Гелиоса в лучистом нимбе» появляется в Греции достаточно поздно – в IV в. до н.э. Видимо, он происходит из Месопотамии и Ахеменидского Ирана (и Малой Азии?). В эллинистический период этот тип получает широкое распространение. Согласно К. Шаенбергу, греческий тип иконографии Гелиоса – «Гелиос на колеснице или на троне» (Schauenberg 1955, 12–14).

²⁹ Кравчук 1973, 182–183; Егоров 2012, 199; Абрамзон 1995, 381–382; Сапрыкин 2009, 89; 1983, 68–78.

³⁰ Лордкипанидзе 1970, 116. По античной мифологической традиции царь Колхиды Аэт был сыном Гелиоса (Arg. II. 1204), что в какой-то мере могло быть связано с местными религиозными переживаниями, отразившимися и в идеологии Аристарха, хотя, без сомнения, в иконографии образа Гелиоса-Аристарха на драхме последнего чувствуется явное влияние портретов римского полководца и политика Гн. Помпея, патрона колхидского династа (Genkins 1959, 32, pl. VI, 13), что свидетельствует о его вассальном положении в отношении Рима. См. также: Голенко 1974, 105–110. Некоторые цари Древней Армении также отождествляли себя с Гелиосом, к примеру, Тиридат I (I в. н.э.), как об этом свидетельствует греческая надпись из Гарни (Саркисян 1966, 16–17).

³¹ Лосев 1957, 350.

³² Приносим благодарность А.С. Анохину за это замечание.

³³ Зограф 1951, 75, табл. XIV. 14, 16 (Птолемей III Эвергет (246–221 гг. до н.э.) и Птолемей IV Филопатор (217–204 гг. до н.э.)).

³⁴ Неверов 1980, 60, № 221 (а, б).

³⁵ Амиранашвили 1950, 81, табл. 25.

Сама Коммагенского на его халке к изображению Гелиоса в образе колесничего на двух серебряных чашах III-II вв. до н.э., обнаруженных в одном из курганов, расположенных на территории Боспорского царства³⁶. К указанным аналогиям можно добавить фигуру солнечного божества в фас на фрагменте серебряной пластины из эллинистического храма Окса в совр. Тахт-и-Сангине (древняя Бактрия)³⁷ и изображение Гелиоса на золотой бляшке из скифского кургана IV в. до н.э. Большая Близница в Северном Причерноморье³⁸.

Интересно отметить, что в названных выше иконографических воплощениях Гелиоса (особенно касается медальонов с портретом Нерона и серебряных чаш с Гелиосом-колесничим) заметно влияние образа царя Александра Македонского, который еще при жизни отождествлялся, в том числе, и с Гелиосом. В дальнейшем – в эллинистическую и римскую эпохи – мы имеем многочисленные примеры придания изображениям Гелиоса черт портретов Александра Великого или наоборот, так что весьма сложно сказать, что перед нами: Александр в образе Гелиоса или Гелиос с чертами Александра³⁹. Со всей уверенностью нельзя утверждать, что профилю Сама II на монете были приданы хотя бы отдельные черты портретов Александра, ввиду того, что его изображение на халке весьма скромное по размеру, а лицо властителя трактовано достаточно суммарно; в то же время подобное предположение полностью исключать невозможно.

На связь образа коммагенского царя Сама II с Гелиосом указывает и его официальный титул ΔΙΚΑΙΟΥΣ – «справедливый». Этот эпитет, впервые появившийся на монетах греко-бактрийского и греко-индийского царя Агафокла (II в. до н.э.), связан с особенностями политики этого владыки по отношению к завоеванному населению Северной Индии. Агафокл стремился показать, что он уважает местные традиции⁴⁰, хотя нельзя исключать и того, что на его царскую идеологию оказывали влияние местные концепции царской власти. Далее этот титул засвидетельствован на монетах последнего царя независимой Греко-Бактрии Гелиокла (сер. II в. до н.э.)⁴¹, что объясняется, по-видимому, его стремлением предстать в образе воплощенного Гелиоса перед своими подданными (на это указывает и его теофорное имя). Имеется эта эпиклеза и на «варварских (предкушанских?) подражаниях» тетрадрахмах этого царя⁴². Титул «Справедливый» значится и на целом ряде монет царей Парфии, в основном II в. до н.э. – I в. до н.э.: Митридата I, Пакора I, Фраата IV, Тиридата II, Фраатака, Орода II и Вонона⁴³. И селевкидские цари, получившие после раздела державы Александра Великого огромные

³⁶ Неверов 1981, 115–116.

³⁷ Литвинский 2000, 57–64 с рис.

³⁸ Артамонов 1966, 70, 74, рис. 150 (слева).

³⁹ E Orange 1947, 34–37, fig. 14–17; Вальдгауэр 1907, 13–25, рис. 5–6 табл. III–IV; Трофимова 2012, 195–204, илл. 105–114, 116.

⁴⁰ Кошеленко, Сердитых 1986, 5–6, 29.

⁴¹ Gardner 1886, 21–24, pl. VII.1–3, 5–6; Tarn 1951, 270–271; Попов 2008, 87–88, илл. 41–42. Может быть, в свидетельстве Юстина об убийстве греко-бактрийского царя Еврактида его сыном Гелиоклом содержится косвенный намек на желание последнего уподобиться солнечному божеству-очистителю от зла: «...Он [Гелиокл – С.О.] проехал на колеснице (!) по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения...» (Justin. Epit. XLI.5).

⁴² Пугаченкова 1966, 111–112.

⁴³ Gardner 1877, 30, 41–42, 44–46, pl. I.28, pl. IV.1, 3, 19, 22, pl. V. 1–2. Имеется эта эпиклеза и на монетах Митридата III (нач. I в. до н.э.) (Дибвойз 2008, 84–85).

территории с восточным населением, в своей монархической идеологии были вынуждены ориентироваться на восточные традиции царской власти, заключающиеся в представлениях о царе как о «справедливом властителе», от которого исходит право, и спасителя своих подданных. В том числе поэтому покровителем династии был выбран Аполлон, божество, поддерживающее мировой порядок и карающее за несправедливость⁴⁴. Гелиос и Аполлон, божества довольно близкие по своим функциям и сущности в греческой религии и мифологии, в эллинистический период практически слились в одно божество⁴⁵, поэтому селевкидские цари, принимая Аполлона в качестве божества-покровителя династии, возможно, подразумевали и Гелиоса.

Культ Аполлона-Гелиоса играл важную роль и в царской идеологии античной Коммагены. В частности, это божество, выступающее как «царское», упомянуто в ряде надписей Антиоха I Теоса (69–34 гг. до н.э.), внука Сама II – прежде всего, в царском манифесте о создании святилища культа живого властителя из современного Софраз-Кея на Евфрате. В Самосате-столице царства, а также в том же Софраз-Кее и Зевгме при раскопках были обнаружены 3 барельефа с изображениями этого божества, пожимающего руку коммагенскому царю Антиоху. И надписи, и барельефы датируются первыми годами правления внука Сама II, когда Антиох продолжал придерживаться того направления в царской идеологии, которое было задано его предками. В дальнейшем Антиох I откажется от культа Аполлона-Гелиоса и полностью заменит его почитанием Аполлона-Митры-Гелиоса-Гермеса, синкретического греко-иранского божества, с которым и будет отождествляться в официальном культе и идеологии⁴⁶. На указанных барельефах Аполлон-Гелиос представлен совершенно обнаженным; в левой руке он держит посох (вероятно, символ своей власти); в правой – пальмовую ветвь, олицетворяющую изобилие и материальное процветание⁴⁷; его голову украшает венец, от которого в разные стороны расходятся лучи; за спиной у божества развевается плащ⁴⁸. Нельзя не заметить иконографического сходства между головой Аполлона-Гелиоса в лучевой короне на барельефах и портретом Сама на его халке. Поэтому весьма вероятно, что образу Сама II на монете были приданы черты именно Аполлона-Гелиоса. Правда, сомнительно, что Сам возвел себя в божественный статус. Эти сомнения будут оправданы, если обратиться ко второму его титулу – ΘΕΟΣΕΒΕΣ – «богобоязненный, благочестивый», означающему, что царь все же не был равен богам, а был им подобен для населения Коммагены⁴⁹, видящего в нем благодетеля, подателя материальных благ, правителя, при котором наступает своего рода «Золотой Век»⁵⁰. Стремление Сама предстать перед своими подданными с чертами солнеч-

⁴⁴ Kreissig 1980, 124–127.

⁴⁵ Лосев 1957, 299.

⁴⁶ Обухов 2012, 108–115.

⁴⁷ Кагаров 1913, 129–131.

⁴⁸ Waldmann 1973, 24–27, Taf. 5; Wagner 1975, 55–58, abb. 77; Rose 2013, 220–231, fig. 1–2.

⁴⁹ Muccioli 2013, 315–316; правда, автор недостаточно убедительно связывает эту эпikleзу с восточными концепциями царской власти.

⁵⁰ Идея «Золотого Века», эры всеобщего изобилия, процветания, времени, при котором отсутствуют войны и социально-политические потрясения, вообще была чрезвычайно популярна в II–I вв. до н.э., в эпоху развала системы эллинистических государств и Гражданских войн в Римской республике (Taen 1932, 135–160; Чернышов 2013, 102–103. См. также: Машкин 1946, 441–460).

ного божества, очевидно, находило отклик в Коммагене, ведь культы Гелиоса и Аполлона-Гелиоса имели широкое распространение в Малой Азии, по большей части в ее восточных сельских районах⁵¹.

Кроме халков типа царь в лучевой короне–крылатая Ника с венком и ветвью, имеется и другая, также немногочисленная, серия бронзовых монет того же самого номинала. На аверсе этих монет (одна из них хранится в Вене) прочеканено изображение головы молодого безбородого царя в тиаре, чуть левее от нее видна небольшая пальмовая ветвь; на реверсе – тирс бога Диониса по центру, поодаль – слева и справа от него – царская титулатура, совпадающая с первым типом⁵² (рис. 1).

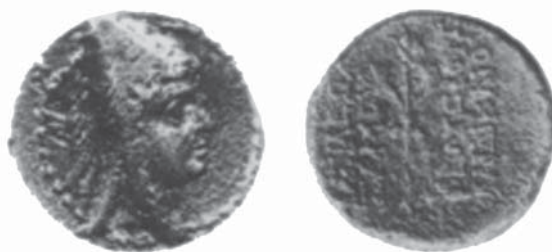

Рис. 1. Монета Сама II Коммагенского: Царь/тирс Диониса

Можно полагать, что царь на аверсе представлен в так называемой остроконечной или каппадокийской тиаре (по классификации Дж. Янга)⁵³. В точно такой же каппадокийской тиаре Сам II изображен на барельефе из Арсамен-на-Евфрате – одного из центров династического культа царей Коммагены⁵⁴. Барельеф был оформлен уже во время правления его внука, Антиоха I, однако ретроспективно отражает иконографию именно Сама. В остроконечной тиаре также изображались каппадокийские династы Тианы, Моримы и Анисы III в. до н.э.⁵⁵,

⁵¹ Голубцова 1977, 38–40, 54, 77–80, 116, 208–209. Из Херсонеса Таврического происходит надгробная плита первых веков нашей эры с рельефным изображением двух воздетых к небу рук, повернутых ладонями к зрителю, а под ними трехстрочная надпись на греческом языке, содержащая призыв к Гелиосу всячески охранять и поддерживать покойника. Как считает М.И. Максимова, данный обычай, связанный установкой подобных надгробий, был заимствован гражданами Херсонеса из греческих городов севера Малой Азии, где найдено 10 точно таких же надгробий. Известны они и в римской Сирии и Фракии (Максимова 1954, 221–230). В римской Сирии засвидетельствованы и теофорные имена, связанные с именем бога Солнца: «Гелиодор» и «Гелиодора» – Ἡλιοδωρ, Ἡλιοδώρα (IGLS. 2350, 2557, 2581, 2688). С острова Кос происходит надпись римского времени, посвященная медником Абаскантом Гелиосу, пророком которого он был. Еще одно посвящение Гелиосу было составлено возничим римского цирка; он также был пророком данного божества (видимо, здесь возничий сам уподоблялся Гелиосу, ведь этот бог традиционно изображался колесничим) (Saladino 1977, 145–148). Все приведенные примеры говорят о немалой популярности культа Гелиоса в Римской империи среди низших и отчасти средних слоев населения, для которых Гелиос олицетворял высшую справедливость (см. также: Штаерман 1987, 227–228). Вероятно, то же самое можно наблюдать и в эллинистической Коммагене.

⁵² Babelon 1890, CCVIII, fig. 45.

⁵³ Young 1964, 30, pl. 11, fig. 1.

⁵⁴ Humann, Puchstein 1890, 355–356, abb. 50.

⁵⁵ Regling 1935, 1–18, Taf. I. 1a–11.

ранние цари Парфии-Аршак I и Митридат I⁵⁶, а также царь Каппадокии Ариарамн (280–220 гг. до н.э.)⁵⁷. Видимо, факт ношения этими властителями остроконечных тиар указывает на обще-иранское культурное пространство названных царств⁵⁸.

Как уже указывалось, на реверсе обела Сама II представлено изображение тирса Диониса – греческого божества плодородия сил земли, виноградарства и виноделия и, соответственно, экстатического состояния⁵⁹. Культ Диониса получил широчайшее распространение на эллинистическом Востоке⁶⁰, при этом часто сливаясь с местными божествами плодородия. Наиболее близкой аналогией тирсу на монете коммагенского царя является изображение обозначенного атрибута Диониса на квазиавтономной меди понтийских городов, чеканенной в эпоху Митридата VI Евпатора, относящейся к началу I в. до н.э.⁶¹ Похожий тирс мы видим и в руках у вакханки на серебряной чаше цилиндрической формы со сценой дионисийского празднества, найденной в 1935 г. в станице Даховской близ Майкопа. Чаша являлась votivным даром аршакидскому царю Древней Армении Пакору II от римского императора (161–163 гг. н.э.)⁶².

Можно думать, что тирс на реверсе халка Сама II косвенно отражает еще один аспект царской идеологии этого коммагенского царя – дионисийский. Царь, уподобляясь божеству плодородия и буйного, безудержного веселья, благотворно влияет на природу, способствует ее весеннему возрождению, тем самым выступая гарантом материального процветания для своих подданных. Видимо, и изображение ветви пальмы на аверсе разбираемой монеты можно связать с этими представлениями. С Дионисом – божеством природного благоденствия – отождествлял себя греко-бактрийский царь Агафокл, правивший в первой половине II в. до н.э. На его тетрадрахмах чеканилась голова властителя с чертами царя в плющевом венке с двумя крупными цветками надо лбом, со свисающими на шею локонами и с тирсом, показанным за головой⁶³. Как осторожно предполагает К.В. Тревер, портрет Агафокла копируется и на бронзовом медальоне с погрудным полуфигурным изображением Диониса греко-бактрийской работы, найденном в окрестностях Душанбе в 1952 г.⁶⁴ В целом в этих практиках можно усмотреть определенный пережиток института царей-жрецов, которые, предварительного приняв облик божеств плодородия и вегетации, участвовали в культовых действиях, порой «прототеатрального» характера, обеспечивающих магическим путем счастливую жизнь подданных⁶⁵. Поэтому особое значение здесь играл оргиастический культ

⁵⁶ Sellwood 1983, 279–281, pl. I. 1–5.

⁵⁷ Head 1911, 749.

⁵⁸ В случае с Коммагеной нельзя исключать и ахеменидское наследие в ее государственно-правовых традициях, ведь, к примеру, Антиох I возводил свою родословную к царям ахеменидской Персии, начиная с Дария I Великого (OGIS.I. 384–398). Может быть, это касается и Каппадокии.

⁵⁹ Лосев 1991, 380–382.

⁶⁰ Brögelmann 1974 (repr. 1927), 24; Heinen 2003, 100.

⁶¹ SNG 1993, pl. XLIV.1199–1208, pl. XLVI.1257–1259.

⁶² Аракелян 1976, 84, табл. XCIX. 1–2.

⁶³ Тревер 1940, 131–132, табл. 37.5–6.

⁶⁴ Тревер 1961, 98–109, рис. 1–2.

⁶⁵ К примеру, на Крите минойского времени фиксируются культовые магические пляски «минотавров» – танцоров в масках быков, которые своими действиями должны были обеспечить разведение крупнорогатого скота (Дальский 1937, 127–151). В целом подобные обряды соседствуют с шаманскими практиками общения с духами и с другими сверхъестественными силами, в том

Диониса. В античный период схожие обряды фиксируются в Древнем Хорезме, как об этом свидетельствуют изображение царя в маске козла, с тирсом в одной руке и с трилистником в другой на дне серебряной чаши хорезмийской работы VII в. н.э. из Верхне-Березовского клада в Прикамье и некоторые росписи из священного дворца Топрак-Кала III–IV вв. н.э.⁶⁶

Все же за недостатком сведений мы не можем говорить о Саме II как о царе-жреце и о каких-либо обрядах с его участием, в которых царь воплощал Диониса, но в любом случае весьма вероятно, что в идеологии названного коммагенского властителя присутствовала и дионисийская составляющая, быть может, сочетающаяся с определенными иранскими влияниями, на которые указывает каппадокийская тиара царя.

Итак, можно выделить два аспекта царской идеологии Сама II Коммагенского: первый заключается в прокламировании связи царя с Солнцем, а точнее с божеством Аполлоном-Гелиосом. Таким образом, царь приобретал черты справедливого и милостивого владыки, под властью которого подданные жили в «Золотом веке» и не знали никаких бед. Второй аспект связан с предполагаемой дионисийской составляющей его идеологии, по которой царь уподоблялся божеству плодородия и материального процветания, выступая в качестве их гаранта. В целом нас не должен удивлять тот факт, что Сам II Коммагенский одновременно пропагандировал свою связь с Аполлоном-Гелиосом и Дионисом. В эллинистически-римской религии и культуре оба этих божества фактически слились в одно – синкретическое⁶⁷. Правда, из царской титулатуры никак не следует, что Сам Коммагенский был обожествлен. В лучшем случае можно констатировать лишь начальный этап сложения культа властителя, приобретшего лишь определенные «героические» черты.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов, В.В. 2008: *Серебряные монеты Селевкидов*. М.
 Абрамзон, М.Г. 1995: *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. М.
 Альбаум, Л.И. 1960: *Балалык-Тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана*. Ташкент.
 Амиранашвили Ш.Я. 1950: *История Грузинского искусства*. Т.1. М.
 Аракелян, Б.А. 1976: *Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.)*. Ереван.
 Артамонов, М.И. 1966: *Сокровища скифских курганов*. Прага–Л.
 Блаватский, В.Д. 2008: *Греческая скульптура*. М.
 Вальдгауэр, О.Ф. 1907: *Портреты Александра Великого*. М.
 Варданян, Р.Е. 1985: *Культура и идеология парфянского царства по нумизматическим данным (проблемы периодизации)*: автореф. дис.... канд. ист. наук. Л.
 Вошинина, А.И. 1962: *Античное искусство*. М.
 Галанина, Л.К. 1980: *Курджипский курган. Памятник культуры Прикубанья IV в. до н.э.* Л.

числе и небесными. Применительно к античности см.: Кагаров 1934, 388–401 (отд. оттиск); Элиаде 2014, 253–257.

⁶⁶ Даркевич 1976, 113–114, рис. 14.2; Рапопорт 1978, 275–284; Топрак-Кала 1984, 73–85.

⁶⁷ Лосев 1957, 326–327.

- Голенко, К.В. 1974: Аристарх Колхидский и его монеты. *ВДИ* 1, 105–110.
- Голубцова, Е.С. 1977: *Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв. н.э.* М.
- Дальский, А.Н. 1937: *Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах.* М.–Л.
- Даркевич, В.П. 1976: *Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения точной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья.* М.
- Дибвойз, Н.К. 2008: *Политическая история Парфии.* СПб.
- Егоров, А.Б. 2002: *Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций.* СПб.
- Зелинский, Ф.Ф. 2010: *История античных религий.* Ростов-на-Дону.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты. МИА* 16. М.–Л.
- Кагаров, Е.Г. 1913: *Культ фетишей, растений и животных в древней Греции.* СПб.
- Кагаров, Е.Г. 1934: *Шаманизм и явления экстаза в греческой и римских религиях.* М.–Л.
- Кошеленко, Г.А., Сердитых, З.В. 1986: Царский культ в Греко-Бактрии. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Идеология и культура в раннеклассовых формациях.* М., 3–30.
- Кравчук, А. 1973: *Закат Птолемея.* М.
- Литвинский, Б.А. 2000: Гелиос в храме Окса. *ВДИ* 1, 57–64 рис.
- Лордкипанидзе, Г.А. 1970: *К истории древней Колхиды.* Тбилиси.
- Лосев, А.Ф. 1957: *Античная мифология.* М.
- Лосев, А.Ф. 1991: Дионис. *Мифы народов мира* 1, 380–382.
- Луконин, В.Г. 1977: *Искусство древнего Ирана.* М.
- Максимова, М.И. 1954: Надгробие из Херсонеса. *СА* XIX, 221–230.
- Марков, А.К. 1892: *Неизданные арсакидские монеты.* СПб.
- Массон, М.Е., Пугаченкова, Г.А. 1954: Отгиски парфянских печатей из Нисы. *ВДИ* 4, 159–169, рис. 1–50.
- Машкин, Н.А. 1946: Эсхатология и мессианизм в последний период Римской Республики. *Изв. АН СССР. Сер. ист. и фил.* 5, 441–460.
- Миронов, А.М. 1911: *Изображения богини Победы в греческой пластике.* Казань.
- Неверов, О.Я. 1980: *Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки.* Л.
- Неверов, О.Я. 1981: *Культура и искусство античного мира.* Л.
- Неверов, О.Я. 1983: *Геммы античного мира.* М.
- Обельченко, О.В. 1992: *Культура античного мира.* М.
- Обухов, С.В. 2012: Антиох I Коммагенский и Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес (по материалам Немруд-Дага). В сб.: И.А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности: сб. науч. трудов XVII Сергеевских чтений* 2. М., 108–115.
- Попов, А.А. 2008: *Греко-Бактрийское царство.* СПб.
- Пугаченкова, Г.А. 1962: Образ Чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. *ВДИ* 2, 88–95.
- Пугаченкова, Г.А. 1966: *Халчаян.* Ташкент.
- Пугаченкова, Г.А. 1971: *Скульптура Халчаяна.* М.
- Пугаченкова, Г.А. 1979: *Искусство Бактрии эпохи кушан.* М.
- Пугаченкова, Г.А., Ремпель, Л.Н. 1982: *Очерки искусства Средней Азии.* М.
- Рапопорт, Ю.А. 1978: К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-Калы. В сб.: И.Р. Пичикян (ред.), *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока.* М., 275–284.
- Сапрыкин, С.Ю. 1983: Золотая пластина из Горгиппии. *ВДИ* 1, 68–78.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени.* М.–Тула.
- Саркисян, Г.Х. 1966: Обожествление и культ царей и царских предков в Древней Армении. *ВДИ* 2, 3–26.

- Тахо-Годи, А.А. 1991: Гелиос. *Мифы народов мира* 1, 271.
- Тахо-Годи, А.А. 1992: Ника. *Мифы народов мира* 2, 217.
- Толстов, С.П. 1962: *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.
- Раппопорт, Ю.А., Неразик, Е.Е. (ред.) 1984: *Топрак-Кала. Дворец*. М.
- Тревер, К.В. 1940: *Памятники Греко-Бактрийского искусства*. М.–Л.
- Тревер, К.В. 1961: Бактрийский фалар с изображением Диониса. *ТГЭ* 6, 98–109 рис.
- Трофимова, А.А. 2012: *Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма*. СПб.
- Чернышов, Ю.Г. 2013: *Древний Рим: мечта о Золотом Веке*. М.
- Шлюмберже, Д. 1985: *Эллинизированный Восток*. М.
- Штаерман, Е.М. 1987: *Социальные основы религии Древнего Рима*. М.
- Элиаде, М. 2014: *Шаманизм и архаические техники экстаза*. М.
- Babelon, E. 1890: *Les Rois de la Syrie, d'Arménie et de Commagène*. Paris.
- Bartolomaei, I.A. 1926: *Monnaies des Arsacides. Werscheinlich zur einer projectirten Monographie*. Berlin.
- Bragantini, I., Sampaolo, V. 2011: *La Pittura Pompeiana*. Napoli.
- Brögelmann, E. 1974 (1927): *Hellenistische Mysterienreligionen*. Osnabrück.
- Callatay, F. (eds.) 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum, Great Britain, IX, British Museum, Part I: The Black Sea*. London.
- Ellerbrock, U. 2013: Religiöse Ikonographie auf parthischen Münzen: Der Einfluss politisch-gesellschaftlicher Veränderungen auf das Bild der Göttin Tyche im parthischen Reich. *Iranica Antiqua* XLVIII, 253–311, abb. 1–18.
- Farnell, L.R. 1909: *The Cults of the Greek States*. Vol. V. Oxford.
- Gardner, P.M.A. 1877: *Parthian Coinage*. London.
- Gardner, P.M.A. 1879: *A new coins from Bactria*. London.
- Gardner, P.M.A. 1886: *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum*. London.
- Genkins, G.K. 1959: Recent acquisitions of greek coins by the British Museum. *Numismatic Chronicle* VI XIX, 30–37, pl. V–VI.
- Head, B.V. 1911: *Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatic*. Oxford.
- Heinen, H. 2003: *Die Geschichte des Hellenismus*. Berlin.
- Herzfeld, E. 1941: *Iran in the Ancient East*. London–New York.
- Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. 2002: *Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part II. Seleucus IV through Antiochus XIII*. Lankaster–London.
- Humann, K., Puchstein, O. 1890: *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin.
- Jessen, N. 1912: Helios. *RE* 8 1, 58–93.
- Καρέτσου, Α. (eds.) 2000: *Κρητη-Αιγυπτος. Πολιτισμικοί δεσμοί τριών χιλιετιών. Κατάλογος*. Ηράκλειο.
- Kreissig, H. 1980: Die Monarchische Ideologie in der Hellenistischen Epoche (Speziell im Seleukidenreich) und ihre Vorgeschichte. In: M.A. Levi (eds.), *Actes du colloque International sur L'Idéologie Monarchique dans L'antiquité. Cracovie-Mogilany du 23 au 26 octobre 1977*. Cracovie, 117–128.
- Øranger, H.P. 1947: *Apotheosis in ancient Portraiture*. Oslo.
- Muccioli, F. 2013: *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Bologna-Ravenna.
- Regling, K. 1924: *Die Antike Münze als Kunstwerk*. Berlin.
- Regling, K. 1932: Dynastennünzen von Tyana, Morima und Amisa in Kappadokien. *Zeitschrift für Numismatik* 42 1–2, 1–23, Taf. I.
- Rose, B.Ch. 2013: A new Relief Antiochus I of Commagene and other stone sculpture from Zeugma. In: W. Aylward. (eds.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. California, 220–231, fig. 1–2.

- Rosenfield, J.M. 1967: *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley-Los Angeles.
- Rostovtzeff, M.I. 1932: Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay. *Yale Classical Studies* III, 1–114, pl. I–XI.
- Saladino, V. 1977: Iscrizioni del territorio di Cosa. *Epigraphica* 39, 145–148.
- Schauenberg, K. 1955: *Helios. Archäologisch-mythologische Studien über den antiken Sonnengötter*. Berlin.
- Sellwood, D. 1983: Partian Coins. In: E. Yarshater, H. Kevorkian (eds.), *Cambridge History of Iran*. 3 (1). *The Seleucid, Parthian and Sassanid Periods*. Cambridge, 279–298, pl. 1–9.
- Tarn, W.W. 1932: Alexander Helios and Golden Age. *Journal of Hellenic Studies* XXII 2, 135–160.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königskult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 51–59, 75–86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Young, J.H. 1964: Commagenian Tiaras: Royal and Divine. *American Journal of Archaeology* 68 1, 29–34, pl. 11–13.

REFERENCES

- Abakumov, V.V. 2008: *Serebryanye monety Selevkidov* [The Silver Coins of Seleukids]. Moscow.
- Abramzon, M.G. 1995: *Monety kak sredstvo propagandy ofitsyal'noy politiki Rimskoy imperii* [The Coins as Means of the Propaganda of Official Policy of Roman Empire]. Moscow.
- Albaum, L.I. 1960: *Balalyk-Tepe. K istorii material'noy kul'tury i iskusstva Tokharistana* [Balalyk-Tepe. To the History of Material Culture and Art of the Tokharistan]. Tashkent.
- Amiranashvili, Sh.Ya. 1950: *Istoriya Gruzinskogo iskusstva*. V.1. [The History of Georgian Art]. Moscow.
- Arakelyan, B.A. 1976: *Ocherki po istorii iskusstva Drevney Armenii (VI v. do n.e. – III v. n.e.)* [The Essays of the History of Art of the Ancient Armenia (6th century B.C.-3rd century A.D.)]. Yerevan.
- Artamonov, M.I. 1966: *Sokrovishcha skifskikh kurganov* [The Treasures of Scythian Tumulus]. Praga–Leningrad.
- Babelon, E. 1890: *Les Rois de la Syrie, d'Arménie et de Commagène*. Paris.
- Bartolomaei, I.A. 1926: *Monnaies des Arsacides. Werscheinlich zur einer projectirten Monographie*. Berlin.
- Blavatskiy, V.D. 2008: *Grecheskaya skul'ptura* [The Greek Sculpture]. Moscow.
- Bragantini, I., Sampaolo, V. 2011: *La Pittura Pompeiana*. Napoli.
- Brögelmann, E. 1974 (1927): *Hellenistische Mysterienreligionen*. Osnabrück.
- Callatay, F. (eds.), 1993: *Sylloge Nummorum Graecorum, Great Britain, IX, British Museum, Part 1: The Black Sea*. London.
- Chernyshov, Yu.G. 2013: *Drevniy Rim: mechta o Zolotom Veke* [The Ancient Rome: the Dream about Golden Age]. Moscow.
- Dalskiy, A.N. 1937: *Teatral'no-Zrelischnyye deystvia na Krite i v Mikenakh* [Theatrical-Spectating Doings in Crete and Mycenae]. Moscow-Leningrad.
- Darkevich, V.P. 1976: *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoy toreutiki na territorii vostochnoy chasti SSSR i v Zaural'e* [The Art Metall of East VIII–XIIIth Centuries AD. The Artworks of East Toreutics on the Territory of East Part USSR and in Zauralye]. Moscow.
- Dibvoyz, N.K. 2008: *Politicheskaya istoriya Parfii* [The Political History of Parthya]. Saint-Petersburg.

- Egorov, A.B. 2002: *Antoniy i Kleopatra. Rim i Egipet: vstrecha tsivizatsiy* [The Anthony and Cleopatra. The Rome and Egypt: the Meet of Civilizations]. Saint-Petersburg.
- Eliade, M. 2014: *Shamanizm. Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [The Shamanism. The Archaic Techniques of the Ecstasy]. Moscow.
- Ellerbrock, U. 2013: Religiöse Ikonographie auf parthischen Münzen: Der Einfluss politisch-gesellschaftlicher Veränderungen auf das Bild der Göttin Tyche im parthischen Reich. *Iranica Antiqua* XLVIII, 253–311, abb. 1–18.
- Farnell, L.R. 1909: *The Cults of the Greek States*. Vol. V. Oxford.
- Galanina, L.K. 1980: *Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kul'tury Prikuban'ya IV v. do n.e.* [The Tumulus a Kurdzhip. The Monument of the Culture of Prikubany IVth Century BC.]. Leningrad.
- Gardner, P.M.A. 1877: *Parthian Coinage*. London.
- Gardner, P.M.A. 1879: *A new coins from Bactria*. London.
- Gardner, P.M.A. 1886: *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum*. London.
- Genkins, G.K. 1959: Recent acquisitions of greek coins by the British Museum. *Numismatic Chronicle* VI XIX, 30–37, pl. V–VI.
- Golenko, K.V. 1974: Aristarkh Kolkhidskiy i ego monety [Aristarch from Colchis and his Coins]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 105–110.
- Golubtsova, E.S. 1977: *Ideologiya i kul'tura sel'skogo naseleniya Maloy Azii I–III vv. n.e.* [The Ideology and Culture of Rural People of the Asia Minor 1st–3rd Centuries A.D.]. Moscow.
- Head, B.V. 1911: *Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatic*. Oxford.
- Heinen, H. 2003: *Die Geschichte des Hellenismus*. Berlin.
- Herzfeld, E. 1941: *Iran in the Ancient East*. London-New York.
- Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. 2002: *Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part II. Seleucus IV through Antiochus XIII*. Lankaster–London.
- Humann, K., Puchstein, O. 1890: *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin.
- Jessen, N. 1912: Elaios. *RE* 8 1, 58–93.
- Kagarov, E.G. 1913: *Kul't fetishey, rasteniy i zhivotnykh v Drevney Gretsii* [The Cult of the Fetishes, Plants and Animals in Ancient Greece]. Saint-Petersburg.
- Kagarov, E.G. 1934: *Shamanizm i yavleniya ekstaza v grecheskoy i rimskoy religiyakh* [The Shamanism and Facts of the Ecstasy in Greek and Roman Religions]. Moscow–Leningrad.
- Καρέτσου, Α. (eds.) 2000: *Κρητη-Αιγυπτος. Πολιτισμικοί δεσμοί τριών χιλιετιών. Κατάλογος*. Ηράκλειο.
- Koshelenko, G.A., Serditykh, Z.V. 1986: Tsarskiy kul't v Greko-Baktrii. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Ideologiya i kul'tura v ranneklassovykh formatsiyakh* [The Ideology and Culture in Early-classes Formations]. Moscow, 3–30.
- Kravchuk, A. 1973: *Zakat Ptolemeev* [The decline of the Ptolemaic]. Moscow.
- Kreissig, H. 1980: Die Monarchische Ideologie in der Hellenistischen Epoche (Speziell im Seleukidenreich) und ihre Vorgeschichte. In: M.A. Levi (eds.), *Actes du colloque International sur L'Idéologie Monarchique dans L'antiquité*. Cracovie-Mogilany du 23 au 26 octobre 1977. Cracovie, 117–128.
- Litvinskiy, B.A. 2000: Gelios v khrame Oksa [Helios in the Temple of Oaks]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 57–64 ris.
- Lordkipanidze, G.A. 1970: *K istorii drevney Kolkhidy* [To the History of Ancient Colchis]. Tbilisi.
- Losev, A.F. 1957: *Antichnaya mifologiya* [Antique Mythology]. Moscow.
- Losev, A.F. 1991: Dionis. *Mify narodov mira* [The Myths of the Nations of World] 1, 380–382.
- Lukonin, V.G. 1977: *Iskusstvo drevnego Irana* [The Art of Ancient Iran]. Moscow.
- L'Orange, H.P. 1947: *Apotheosis in ancient Portraiture*. Oslo.

- Maksimova, M.I. 1954: Nadgrobie iz Khersonesa [The Headstone from Chersonese]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] XIX, 221–230.
- Markov, A.K. 1892: *Neizdannye arsakidskie monety* [Unpublished Arsakid Coins]. Saint-Petersburg.
- Mashkin, N.A. 1946: Eskhatologiya i messianizm v posledniy period Rimskoy Respubliki [The eschatology and messianism in late period of Roman Republic]. *Izv. AN. SSSR. Ser. ist. i fil.* [News of the Academy of Sciences USSR. Ser. hist. and phil.] 5, 441–460.
- Masson, M.E., Pugachenkova, G.A. 1954: Ottiski parfyanskikh pechatey iz Nisy [The Stamps of Parthian Seals from Nisa]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 59–69, ris. 1–50.
- Mironov, A.A. 1911: *Izobrazheniya bogini pobedy v grecheskoy plastike* [The Figures of Goddess of Victory in Greek Calisthenics]. Kazan'.
- Muccioli, F. 2013: *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Bologna-Ravenna.
- Neverov, O.YA. 1980: *Khudozhestvennoe remeslo epokhi Rimskoy Imperii (I v. do n.e.–IV v. n.e.). Katalog vystavki* [Artistic Handicraft of the Epoch of Roman Empire (I B.C.–IV A.D.)]. Leningrad.
- Neverov, O.YA. 1981: *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira* [The Culture and Art of Antique World]. Leningrad.
- Neverov, O.YA. 1983: *Gemmy antichnogo mira* [The Gems of Antique World]. Moscow.
- Obel'chenko, O.V. 1992: *Kul'tura antichnogo Sogda* [The Culture of Ancient World]. Moscow.
- Obukhov, S.V. 2012: Antiokh I Kommagenskiy i Apollon-Mitra-Gelios-Germes (po materialam Nemrud-Daga). In: I.A. Ladynin (ed.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti: sb. nauch. trudov XVII Sergeevskikh chteniy* [East, Europe, America in Antiquity. The Miscellany of the scientific studies XVII Sergeevskikh Readings] 2. Moscow, 108–115.
- Popov, A.A. 2008: *Greko-Baktriyskoe tsarstvo* [The Greek-Bactrian Kingdom]. Saint-Petersburg.
- Pugachenkova, G.A. 1962: Obraz Chaganianskogo pravatelya na terrakotovom medal'one iz Khalchayana [The Figure of Chaganian Ruler on the Terracotta Medallion from Khalchayan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 88–95.
- Pugachenkova, G.A. 1966: *The Khalchayan* [Khalchayn]. Tashkent.
- Pugachenkova, G.A. 1971: *Skulptura Khalchayana* [The Sculpture of Khalchayan]. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1979: *Iskusstvo Baktrii epokhi kushan* [The Art of Bactria of the Kushan's Epoch]. Moscow.
- Pugachenkova, G.A., Rempel', L.N. 1982: *Ocherki iskusstva Sredney Azii* [The Essays of the Art of Central Asia]. Moscow.
- Rapoport, Yu.A. 1978: K voprosu o dionisiyskom kul'te v svyashchennom dvortse Toprak-Kaly. In: I.R. Pichikyan (ed.), *Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka* [The Antiquity and Antique Traditions in the Culture and Art of Nations of Soviet East]. Moscow, 275–284.
- Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E. (ed.) 1984: *Toprak-Kala. Dvorets* [Toprak-Kala. The Palace]. Moscow.
- Regling, K. 1924: *Die Antike Münze als Kunstwerk*. Berlin.
- Regling, K. 1932: Dynastenmünzen von Tyana, Morima und Amisa in Kappadokien. *ZfN* 42 1–2, 1–23, taf. I.
- Rose, B.Ch. 2013: A new Relief Antiochus I of Commagene and other stone sculpture from Zeugma. In: W. Aylwerd. (eds.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. California, 220–231, fig. 1–2.
- Rosenfield, J. M. 1967: *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley, Los Angeles.
- Rostovtzeff, M.I. 1932: Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay. *Yale Classical Studies* III, 1–114.
- Saladino, V. 1977: Iscrizioni del territorio di Cosa. *Epigraphica* 39, 145–148.

- Saprykin, S.Yu. 1983: Zolotaya plastinka iz Gorgippii [The Gold Plate from Gorgippiya]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 68–78.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [The Religion and Cults of Egypt of Hellenistic and Roman Time]. Moscow–Tula.
- Sarkisyan, G.Kh. 1966: Obozhestvlenie i kult tsarey i tsarskikh predkov v Drevney Armenii [The Deification and Cult of the Rulers and Royal Ancestors in Ancient Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 3–26.
- Schauenberg, K. 1955: *Helios. Archäologisch-mythologische Studien über den antiken Sonnengötter*. Berlin.
- Sellwood, D. 1983: Partian Coins. In: E. Yarshater, H. Kevorkian (eds.), Cambridge History of Iran. 3 (1). *The Seleucid, Parthian and Sassanid Periods*. Cambridge, 279–298, pl. 1–9.
- Shlyumberzhe, D. 1985: *Ellinizirovannyi Vostok* [The Hellenized East]. Moscow.
- Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nye osnovy religii Drevnego Rima* [The Social Bases of the Religion of Ancient Rome]. Moscow.
- Takho-Godi, A.A. 1991: *Gelios. Mify narodov mira* [The Myths of the Nations of World] 1, 271.
- Takho-Godi, A.A. 1992: *Nika. Mify narodov mira* [The Myths of the Nations of World] 2, 217.
- Tarn, W.W. 1932: Alexander Helios and Golden Age. *Journal Hellenic Studies* XXII 2, 135–160.
- Tolstov, S.P. 1962: *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [Upon Ancient Estuaries of Oks and Yaksart]. Moscow.
- Treuer, K.V. 1940: *Pamyatniki Greko-Baktriyskogo iskusstva* [The Monuments of Greek-Bactrian art]. Moscow–Leningrad.
- Treuer, K.V. 1961: Baktriyskiy bronzovyy falar s izobrazheniem Dionisa. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Transactions of State Hermitage] 6, 98–109 ris.
- Trofimova, A.A. 2012: *Imitatio Alexandri: Portrety Aleksandra Makedonskogo i mifologicheskie obrazy v iskusstve epokhi ellinizma* [Imitatio Alexandri: the Portraits of Alexander the Great and Mythological Images in art of Hellenistical Epoch]. Saint-Petersburg.
- Val'dgauer, O.F. 1907: *Portrety Aleksandra Velikogo* [The portraits of Alexander the Great]. Saint-Petersburg.
- Vardanyan, R.E. 1985: *Kul'tura i ideologia parfyanskogo tsarstva po numismaticheskim dannym (problemy periodizatsii)* [The Culture and Ideology of Parthian Kingdom by Numismatical Records]: avtoref.... kand. ist. nauk. Leningrad.
- Voshchinina, A.I. 1962: *Antichnoe iskusstvo* [The Antique Art]. Moscow.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königskult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 51–59, 75–86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Young, J.H. 1964: Commagenian Tiaras: Royal and Divine. *AJA* 68 1, 29–34, pl. 11–13.
- Zelinskiy, F.F. 2010: *Istoriya antichnykh religiy* [The History of Antique Religions]. Rostov-on-Don.
- Zograf, A.N. 1951: Antichnye monety [The Antique Coins]. *MIA* [Proceedings about history and archeology of USSR] 16. Moscow–Leningrad.

COINAGE OF SAM II, THE KING OF COMMAGENE (130–100 BC)

Sergey V. Obukhov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
kornelitta@rambler.ru*

Abstract. The paper is devoted to the aspects of the royal ideology of the King of Commagene Sam II who ruled in 130–100 BC. Based on the numismatic sources, the author examines the essence of ideology of this King, characterizing every aspect of it. Sam II minted two types of bronze chalkoi. On the obverse of first type, the king portrait has radiate crown; the figure of standing winged Nike, a goddess of royal glory and military success with wreath in right arm and a palm branch in left is depicted on the reverse. The author supposes that the obverse of the coin of the first type imitates the obverse of silver tetradrachms of the Seleucid king Antiochus VI Neos Dionysus (144–142 BC), and the figure of Nike is a wide-spread image in the official Hellenic and post-Hellenic art since the time of Alexander the Great. The author believes that the scene of investiture was represented on the first type of coins of Sam II, in which Nike crowns the king with the wreath of glory and success. Besides, the Commagene King probably was identified with Helios, the Greek god of the Sun or more likely with Apollo-Helios, his local analogue, played a significant part in royal ideology of the ruling house of Commagene in 65–64 BC, when the building of the sanctuary of the royal and dynastic cults on the mountain Nimrud Dagh began. The title «Fair» is associated with his attempt to appear before his subjects in the image of the solar deity. The king's head in the Iranian tiara, worn by many Iranian and semi-Iranian kings of Hellenistic East, occupies the obverse of the second type of chalkoi of Sam II. The reverse bears the type of the thyrsus of Dionysus, a Greek god of wine, the wine trade and fertility, very popular in the period of Hellenism in the East. Therefore, the author believes that picture of the thyrsus of Dionysus reflects also one aspect of royal ideology of Sam II, the Commagene King, associated with Dionysus, in which the king is the guarantor of fertility and material prosperity of the state. Thus, the author points out two aspects of the ideology of the Commagene King: solar and Dionysiac elements associated with the idea of the Golden Age. However, the author supposes that Sam II was not deified as he had the title «God-fearing». In whole, the epoch of Sam II was the initial stage of development of the royal cult in ancient Commagene.

Key words: Hellenism, Commagene, Sam II, Nike, Helios, Apollo-Helios, Dionysus, ideology

ИРАНСКИЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ XVI–XIX вв. : ОСОБЕННОСТИ ВЫПУСКА И ОБРАЩЕНИЯ

А.В. Акопян

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань,
alexakopyan@gmail.com*

Аннотация. В работе проанализированы особенности выпуска и обращения позднесредневековых иранских медных монет (известны под общим названием фулус). Специфической чертой иранской медной монетной регалии была передача ее от правителя государства региональному правителю, который выпускал монету на основании права хаг-е зарб (*jus cudendæ monetæ*, «право на битье»), а не на основании права сикке (*jus monetæ*, «право обладания именными штемпелями», как у шаха). Это приводило к анонимности монет, что наряду с выпуском их в неблагородном металле вызывало локальность их использования. Еще одной особенностью обращения фулусов была кратковременность – они обесценивались при выпуске монет следующего типа.

Специфические черты медных монет свидетельствуют о наличии в позднесредневековом Иране двух типов валютных зон – общегосударственной (с золотыми и серебряными монетами) и региональных (с золотыми, серебряными и медными монетами). Несмотря на кратковременность и территориальную ограниченность обращения фулусов, государство гарантировало их обмен на серебряные монеты, но только в пределах региона и времени их обращения (такая территориально-темпоральная характеристика передавалась персидскими терминами ‘адл «законная» или, позднее, райидж «ходячая»).

Ключевые слова: медные монеты, фулус, счетные единицы, монетный сеньор, валютная зона, право чеканки, Закавказье, Иран

В отличие от довольно подробно описанных в специальных каталогах серебряных и золотых монет Ирана XVI–XVIII вв.¹, данные о медных монетах иранских городов все еще разрознены по различным изданиям, что надолго затруднило их систематизацию и анализ. Пробелы в каталогизации этого материала связаны с огромным разнообразием типов медной монеты, менявшихся иногда каждый год на более чем пятидесяти монетных дворах Ирана. Практика таких частых и нерегулярных (не ежегодных) смен типа² ярко выделяет медные иранские выпу-

Акопян Александр Владимирович – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

¹ См., напр.: Farrakhabkhsh 1975 и Album 2013, а также по вековые монетные каталоги издательства «Краузе» (Bruce, Michael et al. 2006; Bruce, Michael et al. 2008; Cuhaj, Michael et al. 2010).

² Для иранских медных монет типобразующим является оформление лицевой стороны, несущее на себе некий изобразительный мотив в сочетании с названием монетного двора. Один и тот же тип мог чеканиться несколько лет, сопровождаясь лишь сменой даты на монете.

ски на фоне довольно однородных в своем внешнем оформлении серебряных и золотых монет. Помимо этого и другие характерные особенности медных монет затрудняют их накопление в музейных и частных собраниях – это присущий им кредитный характер и, следовательно, краткосрочность обращения, препятствовавшая как долговременной аккумуляции в руках населения, так и делавшая бессмысленной их тесаврацию.

Тем не менее, накопленный на сегодняшний день массив нумизматических данных по иранским медным монетам позволяет сделать определенные и, как нам кажется, важные выводы о природе, характере и особенностях медных иранских монет, а также проследить изменение их конституционных свойств в течение времени своего производства.

Исследований общего характера по медным персидским монетам немного. Первые разыскания в сфере установления нормативных весов и названий этих монет были проведены еще в начале XX века Р.Р. Фасмером³ и Е.А. Пахомовым⁴, а чуть позже и независимо от них Г.Л. Рабино ди Боргомале⁵. В ряду исследований, посвященных иранской медной монете, необходимо также отметить работу А.М. Раджабли⁶ и подробный анализ источников и предыдущих исследований в работах Т.С. Кутелия⁷. В конце XX в. С. Албумом⁸ был предложен первый опыт классификации медных иранских монет, а несколько позже ряд интересных сведений о бытовании медных монет был подобран в обзорной работе Р. Мэтти, В. Флора и П. Клоусона⁹. Даже это небольшое число исследований отражает несколько разных точек зрения на исследуемый предмет, сильнее всего расходящихся в вопросе названий номиналов медных монет и их взаимной стоимости.

Медные монеты в Иране в общем назывались по-персидски *فلوس* *фулус* (застывшая форма мн. ч. араб. *فلس* *фалс* «медная монета»). В живой речи бытовало наименование *پل* *пул* и производные от него (*кара-пул* или *пул-е сиях* «черный пул» и т. п.).

Иранским медным монетам присущ комплекс особенностей, обусловленных с одной стороны статусом их эмитентов, а с другой стороны их металлической природой – тем, что они чеканились из неблагородного металла, вес которого в монете лишь условно влиял на ее ценность. Отсутствие дошедших до нас нормативных актов об организации монетного дела в позднесредневековом Иране заставляет обратить внимание на обсуждаемые далее в статье важные особенности, которые были присущи выпускам сефевидских монет из меди, и входили в правовую основу сефевидского монетного дела в виде *правовых обычаев* (неписанных норм).

И. Специфической чертой, присущей выпуску медной монеты в Иране была передача права чеканки этих монет из ведения правителя государства в руки правителей областей, центральный город которых указывался на ней.

³ Фасмер 1926.

⁴ Пахомов 1928.

⁵ Rabino di Borgomale 1945.

⁶ Раджабли 1963.

⁷ Кутелия 1979; 1990.

⁸ Album 2013, 316–321.

⁹ Matthee, Floor, Clawson 2013.

Термин *сикке*¹⁰ (араб. السكة, перс. سکه) – многозначный. Первоначально он обозначал собственно металлический стержень с выгравированным негативным изображением монеты (т.е. штемпель). С началом выставления на мусульманских монетах имен местных правителей, *сикке* стало обозначать право законного обладания таким стержнем и право провозглашения имени правителя перед населением посредством его использования при чеканке именных монет (*jus monetæ*). Не исключено, что в ранне-арабский период получение региональными наместниками *сикке* (штемпелей) со своим именем носило все признаки инвеституры, а по прибытии в тот или иной регион сами *сикке* (штемпеля) служили символами легитимности назначения.

В позднесредневековых Иране и Турции (XVI–XIX вв.) слово *сикке* продолжало использоваться в значение «штемпель». Именно в смысле «штемпель» слово *سکه* *сикке* сохранилось и в позднесредневековых персидских и османских источниках. Так, оно зафиксировано в описях инструментов османских монетных дворов конца XVII в., (напр.: *altın sikkesi – 8 çift*, т.е. «штемпели для золота – 8 пар»)¹¹ и в «Историографии» армянского католика Абраама Кретаца (1734–1737): как *сикэ* (арм. սիգէ «штемпель»), *сиккэ* (арм. սիքքէ «штемпели»), *драми сикк* (арм. դրամի սիքք «штемпели монеты»)¹², а также: «նոր կարած ուկի նոր սիգէյով, Բ քիսով», т.е. «новоотчеканенные новыми штемпелями золотые в двух кисетах»¹³. В свете османских и армянских параллелей некорректным представляется перевод В. Минорским слова *سکه* в часто цитируемом нумизматами §22 сефевидского руководства «Тазкират ал-мулук», сплошь как «монета»¹⁴, в то время как в источнике имеются в виду именно штемпеля¹⁵, а общее понятие «монета» в персидском тексте передается терминами *зар* «золото» или *эшрефи* «золотая монета весом 3,55 г».

В Иране право *сикке* принадлежало шаху, который осуществлял его посредством чеканки золотой и серебряной монеты со своим именем. Право правителя (халифа) на *сикке* было неразрывно связано с правом *хутба* (араб. خطبة) – провозглашением его имени в ходе специальной молитвы (*хутбы*) во время пятничного намаза, обязательного для посещения всеми мусульманами. В позднесефевидском трактате *Тазкират ал-мулук* («Памятная записка царям», закончен ок. 1725 г.) прямо указывается, что «слава и действенность царских дел зависят от *хутбы* и *халифского сикке* (سکه خلافت)». При этом само право *сикке* приводится с прилагательным «халифское», т.е. – царское. Ясно, что общей целью суверенного правителя в осуществлении обоих указанных прав являлось распространение информации об его имени среди подданных посредством действий, наиболее полно охватывавших население. В свою очередь право *хаг-е зарб* (араб. حق الضرب, «право на битье [монеты]»), от араб. ضرب «битье») обозначало только техническое право выделки монеты (*jus cudendæ monetæ*) и никак не было связано с суверенными правами. Понятие *хаг-е зарб* все еще находится в тени гораздо более широко употребляющегося термина *сикке*, вследствие чего до сих пор ему не было посвящено ника-

¹⁰ Здесь и далее чтение арабографических терминов приводится в персидской традиции.

¹¹ Bölükbaşı 2013, 68–69.

¹² Абраам Кретаца 1973, 137, 143, 186.

¹³ Абраам Кретаца 1973, 186; перевод автора.

¹⁴ Tadhkirat al-Mulūk 1943, 58–61.

¹⁵ Такое же значение у слова *سکه* и в словаре персидского языка рубежа XIX–XX вв. (Гаффаров 1928, 468).

кой специальной работы ни на европейских, ни на восточных языках. Несмотря на такую некодифицированность, и сам термин, и его правовое наполнение все еще известны иранским нумизматам¹⁶, в чем опять-таки следует видеть отражение восточной традиции в первую очередь устного бытования неписанных норм монетного дела.

Следствием иного правового основания к производству медной монеты стала ее анонимность, поскольку в отличие от шаха, правитель региона не имел права выставлять на ней свое имя (т.е. осуществлять право *сикке*), а лишь имел право производства монеты (*хаг-е-зарб*). Как указывал Е.А. Пахомов, «еще со второй половины XIV в. иранская медь начинает постепенно терять династический характер и в XV в. полностью превращается в монету местную, городскую, выпускаемую совершенно независимо от династических смен, только от имени города»¹⁷, а точнее – города и его области. Однако, из этого правила есть исключение, относящееся к периоду с конца 970/1570-х годов по 1039/1629–1630 год¹⁸, в который, судя по монетным легендам, шахи распространили присущее им право *сикке* и на фулусы, выпускавшиеся в это время исключительно от их имени¹⁹. За исключением указанного периода и вне зависимости от того, рассматриваем ли мы время Сефевидской державы или более поздних иранских династий (Дуррани, Афшаридов, Зендов, Каджар), или же период самостоятельных закавказских ханств, выгодоприобретателем сеньоража (перс. *واجبی* *ваджеби*²⁰) от чеканки медных монет всегда был местный правитель – хаким города, вали, сердар или беглербек области, а в закавказских ханствах после смерти Надир-шаха в 1747 году – местный хан.

II. Особенностью медных монет являлась их локальность и непригодность для обращения по всему государству. За пределами зоны обращения медной монеты (а это регион города, указанного на монете) ее стоимость, выраженная через другие монеты, составляла менее половины от обычной²¹. Итальянский путешественник XVII века Пьетро делла Валле, говоря о городе Фирузкух на дороге между Тегераном и Мазендараном, указывает бесспорное свидетельство этому факту: «этот город – последний в провинции Ирак[-и А‘джам], вследствие чего медные монеты Испахана теряют [здесь] более половины своей стоимости. Это примечательная деталь для Персии – хотя серебряные монеты повсеместно находятся в обращении по одной цене, медная монета также может проходить в разные провинции, с тем чтобы [обращаться, но] при этом только за половину от цены, с которой она была выпущена, несмотря на то, больше она или тяжелее тех, что с печатью провинции, в которую она привнесена»²².

¹⁶ Благодарю за информацию тегеранских коллег Шагена Овсепяна, Эхсана Шавареби и Фарбода Мосанефа.

¹⁷ Пахомов 1928, 87.

¹⁸ Здесь и далее в статье через дробь приведены года по мусульманскому календарю (года лунной хиджры) и соответствующие им года (или год) нашей эры.

¹⁹ Акопян 2016; монеты такого типа см. напр. в: Akopyan, Mosanef 2010; 2013.

²⁰ Matthee, Floor, Clawson 2013, 5, 15.

²¹ Однако даже в этом случае цена монеты не могла быть ниже цены металла, заключающегося в ней (contra: Matthee, Floor, Clawson 2013, 27).

²² Della Valle 1843, 586. Перевод автора.

III. Другой особенностью обращения медной монеты было, как правило, обесценивание ее вполтину по истечении срока ее обращения. Это случалось в Новруз (иранский новый год, празднуемый 21 марта), когда выпускалась новая монета. Практика регулярного обесценивания местной медной монеты и ее обмена на новую (перс. *تغیّر دادن*) была широко распространена в Иране, тогда как противоположные случаи были чем-то экстраординарным – так, в строительной надписи на мечети правителя Астрабада (ум. в 939/1532–1533 г.) было особо отмечено, что он ни разу не изменил курс монеты в период своего правления²³. Сведения об этом обычае содержатся и у европейских путешественников, например, у Юдаша Тадеуша Крузинского²⁴ и Адама Олеария²⁵. Однако неизвестно, встречались ли они с таким обычаем регулярно, *каждый год* или только *единожды встретились* в ходе своего путешествия, поэтому было не совсем ясно, насколько последовательным было применение этого правила как географически (на всех монетных дворах), так и темпорально (строго каждый год). Известная неравномерность чеканки фулусов по годам может быть объяснена также иммобилизацией даты их выпуска, которая в таком случае указывала дату утверждения типа, на что указывал еще Е.А. Пахомов²⁶.

IV. Практика частой, иногда ежегодной смены типов медных иранских монет подпитывалась существенной переоценкой этих, по своей сути *гезельских денег*, имевших ограниченный период обращения и *de facto* отрицательную годовую ставку²⁷. В то время как в золотых и серебряных монетах доля стоимости металла в покупательной способности монеты всегда была велика, варьируясь в пределах 90–95%, у медной монеты она была значительно ниже, составляя по расчетным данным от 35% до 62,5%²⁸. Львиную часть стоимости медной монеты формировала переоценка, заложенная в нее правителем. Естественно, что при таком высоком уровне переоценки интенсивная эксплуатации медной монетной регалии приносила существенный доход региональному правителю. Гезельская природа медных иранских монет приводила к их высокой оборачиваемости – подавляющее число найденных медных монет отличается существенной стертой, и это при том, что твердость меди выше твердости серебра, монеты из которого никогда не находят стертыми до степени невозможности определения типа.

V. По всей видимости, локальность и темпоральная ограниченность обращения медных монет явились следствием установившейся к X веку нормы мусульманского права, согласно которому медная монета не являлась платежным

²³ Rabino di Borgomale 1945, 20.

²⁴ Krusinski 1733, 89.

²⁵ Adam Olearius 1669, 223.

²⁶ Пахомов 1928, 90.

²⁷ Гезельские деньги (нем. Freigeld) – региональные, дополнительные к основной валюте деньги, функционирующие лишь ограниченный период времени и подвергающиеся регулярному (напр. ежемесячному или ежегодному) обесцениванию. Названы в честь немецкого экономиста С. Гезелля (1862–1930), разработавшего теорию их обращения.

²⁸ Ср. расчеты И. К. Пагава (P'аgava 2012) для начала XVIII века, согласно которым цена меди в медной монете составляла 35–50%, а также данные Адама Олеария для начала XVII века, когда это значение было менее 62,5%: из меди ценой в 1 аббаси = 200 динаров чеканилось монет на 64 казбегі = 320 динаров (и еще какая-то величина сверх этого составляла плату за чекан).

средством, принимаемым при *любых* транзакциях²⁹, а, следовательно, могла обслуживать только круг заранее определенных платежей³⁰ («сфера медного обращения», как это дефинировала Е. А. Давидович)³¹. Круг такого рода налогов известен и для позднесредневекового Ирана – например, медными монетами собирались различные подушные налоги (с говорящим названием *баиш-пули* «пули с головы» в Нахичеване³² или налог в двадцать динар с армян в пользу Эчмиадзинского католикосата³³). В них же исчислялись откупные статьи, связанные с ежедневной розничной или мелкооптовой торговой деятельностью (например, за право ввоза арбы какого-то товара на рынок).

Несмотря на присущую медным монетам кратковременность и территориальную ограниченность обращения, государство гарантировало обмен фулусов на серебряные монеты, что осуществлялось в пределах региона и времени их обращения³⁴. Такая территориально-темпоральная совокупная характеристика монеты (из любого металла) передавалась персидскими терминами *عدل* 'адл «законная [монета]»³⁵ или, позднее, *رایج راییدج* «ходячая [монета]», sporadически встречающимися как в легендах монет, так и в виде надчеканов, валидирующих обращение старой монеты (*عدل, فلوس عدل, رایج*, иногда с добавлением названия монетного двора и т. д.)³⁶.

Нумизматические данные действительно свидетельствуют в пользу таких специфических свойств медных монет. Их клады исключительно редки, при этом подавляющая доля монет в таких кладах относится к продукции монетного двора региона находки, а погодное распределение монет внутри клада показывает их тяготение к годам, близким *tpq* клада³⁷. Поскольку, к сожалению, в Иране все еще отсутствует учет кладов и находок, то для изучения кладов медных иранских монет мы вынуждены ограничиться данными по Закавказью, в котором систематически собирались и продолжают собираться сведения такого рода.

Анализ топографии единичных находок подтверждает локальность обращения как городских фулусов, так и медных монет, выпускавшихся с интитуляцией шахов. Исходя из своей природы (т. е. неизменности своей стоимости), фулусы шахских типов, по всей видимости, должны были обращаться и позже даты своего выпуска, возможно даже в течение всего правления шаха-эмитента.

²⁹ Heidemann 2010, 650.

³⁰ См.: Кутелия 1990, 25; Matthee, Floor, Clawson 2013, 26–27.

³¹ Давидович 1972, 48.

³² Bournoutian 1992, 153.

³³ Дневник Закария Акулисского 1939, 75.

³⁴ Matthee, Floor, Clawson 2013, 8.

³⁵ В слове *عدل* 'адл на сефевидских монетах (как, например, в надписи *عدل تبریز* «законная [монета] Тебриза», ставящейся и на золотых, и на серебряных, и на медных монетах) никак нельзя видеть название номинала *عدلیه* 'адлия (contra: Кутелия 1990, 34), распространенного в Средней Азии и Восточном Иране с монгольского времени (Album 2013, 232, №2157A; 233, №2163A, №2166A; 234, №2176A; 259, №2390; 322, №3280 и др.) и до шестнадцатого столетия, т. е. вышедшего из употребления уже к началу сефевидского правления.

³⁶ То же, например, и в купчих: *رایج بلده نخجوان* «[монетами], обращающимися в округе Нахичевана» (купчая 1214/1799 г., опубликована в: Мэпп 1936, 81; в этом издании *بلده* переведено как «город»).

³⁷ Дата, раньше которой не мог быть сокрыт клад (лат. *terminus post quem*), определяется по году выпуска самой младшей монеты в кладе.

В Закавказье для XVI–XIX вв. известен один клад ранне-сефевидского времени с разнообразными монетами (возможно, перевезенная «казна») с *tpq* 993/1585 г. (клад из Гянджи³⁸), и пять или восемь поздне-сефевидских кладов, содержащих продукцию монетных дворов юго-восточного Закавказья с *tpq* 1130–1135/1717–1723 гг., чья тезаврация была связана с афганским нашествием (1721 г.) и Пятой турецко-персидской войной 1723–1727 гг. Это следующие, зачастую весьма крупные клад из Армении (?)³⁹, Гейгёля⁴⁰, Мегри⁴¹, Воскетапа⁴², Патара Атени⁴³, Эреды⁴⁴, НКР (I)⁴⁵ и НКР (II)⁴⁶. Этими же годами, скорее всего, должны датироваться клад из Идлети⁴⁷, а также экстраординарные по своему объему клад из Гориса⁴⁸, Ферика⁴⁹ и Айдынкышлага⁵⁰, о которых к сегодняшнему дню известны лишь общие сведения. Волна людских переселений, вызванная османским нашествием 1723 г., отразилась в двух кладах ереванских монет из НКР – НКР (I) и НКР (II), а также достигла Крыма, на южном берегу которого в 2015 г. был найден клад исключительно ереванских фулусов с *tpq* 1133 гг.х.⁵¹, без сомнения связанный с военными событиями в Армении.

Принимая за самый распространенный медный номинал 1130–1135 гг.х. *пул* в пять счетных динаров (это монеты весом в один иранский мискаль, равный 4,61 г)⁵², оказывается, что суммарные ценностные значения кладов, сокрытых в эти годы, группируются вокруг следующих значений:

от 50 до 150 счетных динаров или 1–3 шахи серебром (клад из Воскетапа – 8 монет, клад НКР (I) и НКР (II) – по 9 монет, клад из Мегри – 15 монет, клад из Идлети – 20 монет, клад из Крыма – 30 монет),

ок. 1000 счетных динаров или 5 аббаси серебром (клад из Айдынкышлага – 193 монеты и клад из Ферика – 203 монеты),

ок. 3000 счетных динаров или 15 аббаси серебром (клад из Гориса – 590 монет и клад из Армении (?) – 676 монет),

ок. 6000 счетных динаров или 30 аббаси серебром (клад из Гейгёля – ок. 1200 монет).

³⁸ Акопян 2015, 116; Акопян, Алексанян 2015.

³⁹ Точное место находки неизвестно, содержит 676 медных монет 1116–1133 гг.х. (Северова 1981; Mousheghian, Mousheghian, Bresc, et al. 2003, 113).

⁴⁰ Клад, содержащий 6 кг медных монет, в основном – фулусы Гянджи 1132 г.х. (Пахомов 1938, 60, №549).

⁴¹ Клад из 15 фулусов XVIII в. (Пахомов 1949а, 86, №1258).

⁴² Клад из 8 монет 1095–1133 гг.х. (Пахомов 1954, 67, №1655; Mousheghian, Mousheghian, Bresc, et al. 2002, 64–65).

⁴³ Кувшин, содержащий медные монеты. Осмотрены были только 4 экземпляра, оказавшиеся выпусками 1120–1130 гг.х. (Пахомов 1949б, 42, №1490).

⁴⁴ Большой клад медных монет, среди осмотренных 6 экземпляров выпуски «1011» (=1100-е) – 1130 гг.х. (Пахомов 1949б, 42–43, №1491).

⁴⁵ Клад из 9 медных монет 1133–1135 г. х., описание см. в Приложении, Клад I.

⁴⁶ Клад из 9 медных монет 1130–1133 гг.х. (Акопян 2015, 118, №17).

⁴⁷ Пахомов 1926, 70, №223.

⁴⁸ Клад из 590 иранских медных монет (Mousheghian, Mousheghian, Bresc, et al. 2003, 41).

⁴⁹ Клад из 203 монет XVII–XVIII вв. общим весом 959,64 г (Mousheghian, Mousheghian, Bresc, et al. 2002, 79).

⁵⁰ Клад из 193 медных монет Шемахи, Баку и Гянджи. Все монеты были обрезаны и приобрели прямоугольную форму (Сейфеддини 1984, 132).

⁵¹ Клад из 30 ереванских фулусов 1125–1133 гг. х., описание см. в Приложении, Клад II.

⁵² Акопян 2017.

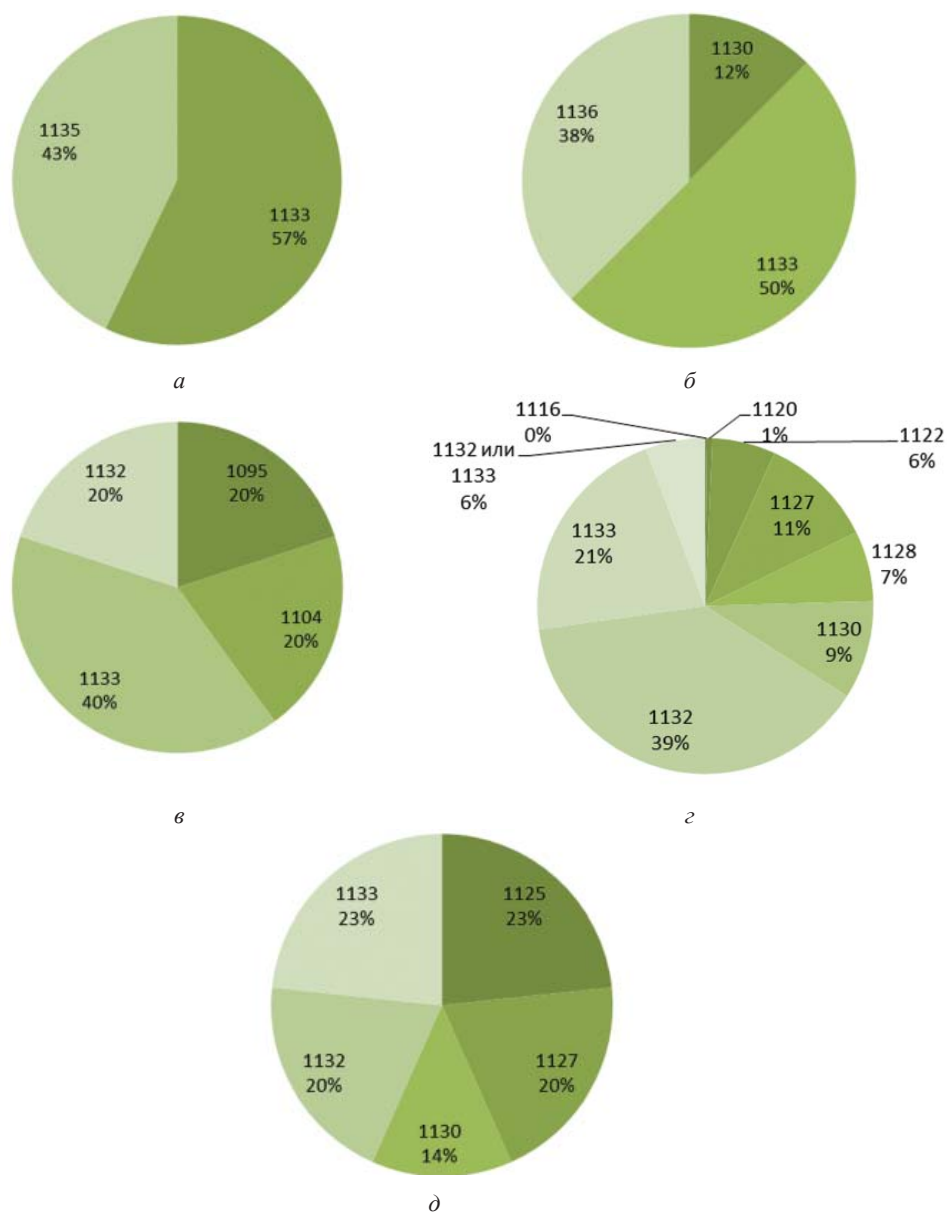

Рис.1. Погодовое распределение монет в кладах медных монет с *trq* 1130–1135/1717–1723 гг., обнаруженных на исследуемой территории (НКР (I) – а, НКР (II) – б, Воскетеп – в, Армения (?) – г, а также клада с монетами, выпущенными на исследуемой территории (Крым – д)

Указанные скрытые богатства возможно интерпретировать как сбережения малой семьи (8-30 медных монет) или большой семьи (193-203 медные монеты). Что же касается больших кладов, то их однозначная интерпретация затруднительна ввиду своей явной поливариантности.

Анализ опубликованных кладов указывает на то, что несмотря на довлеющее в них число монет последних лет перед *trq*, у хозяев даже самых малых сокровищ были на руках и более ранние монеты (см. рисунок 1). Этот факт красноречиво свидетельствует о хронологической протяженности процесса выбывания старой монеты из обращения после чеканки фулусов нового года, когда сокровища в старых монетах сохраняли свою валидность (*райидж*) и продолжали считаться деньгами. Помимо прочего это приводило и к их последующей совместной тезаврации с монетами, выпущенными в год *trq* клада.

Сведения, которые получены при анализе кладов и единичных находок медных монет с исследуемой территории указывают на их исключительно локальное обращение. Так, в опубликованном кладе из Армении (?) (676 монет, разобрано 667) 99,8% ереванских монет с примесью одного тифлисского и одного гянджинского медяков; в кладе из Воскетапа (8 монет, 7 разобрано) все монеты ереванские за исключением одного гянджинского медяка; в кладах НКР (I) (9 монет, 7 разобрано) и НКР (II) (9 монет, 8 разобрано) 100% разобранных монет ереванские. То же относится и к кладу из Крыма (30 монет), полностью состоящему из ереванских медяков и ко всем кладам из Грузии, состоящим сплошь из тифлисских медяков (с примесью русских монет при *trq* кладов после середины XIX в.). Поскольку эта закономерность проявляется вне зависимости от размера клада, можно с уверенностью считать, что локальность обращения в области выпуска, действительно является конституциональным свойством фулусов.

При этом, конечно же, известны проникновения медных монет из других регионов, однако в силу своей единичности такие памятники отражают не столько особенности денежного обращения региона, сколько межрегиональные контакты. Это особенно явно проступает при анализе кладов и единичных находок с западного побережья Каспийского моря, в которых доминируют фулусы южного Прикаспия (монетного двора Решт) с некоторой примесью ширванских и русских медных монет.

Выявленные и проанализированные особенности выпуска и обращения медных иранских монет XVI–XIX вв. позволяют очертить круг основных *правовых обычаев* (*неписанных норм*), по которым они выпускались. Проведенный анализ является необходимым этапом в целях воссоздания особенностей регионального монетного дела (т. е. совокупности монетной системы и регулирующих ее законов) в позднесредневековом Иране.

Приложение (неопубликованные ранее клады).

Клад I. В 2014 г. на территории НКР был найден клад из 9 медных монет – четыре из них ереванские 1133 г.х., три ереванские 1135 г.х. и еще две представляют собой квадратные обрубки, не поддающиеся точной идентификации.

Клад II. В 2015 г. на южном берегу Крыма был найден клад из 30 ереванских медных монет. Распределение монет по годам следующее: 1125 г. х. (лев с детенышем вправо) – 7 шт., 1127 г. х. (обезьянка вправо) – 6 шт., 1130 г. х. (солнцелик) – 4 шт., 1132 г. х. (слон влево) – 6 шт., 1133 г. х. (верблюд вправо) – 7 шт. Монеты несут на себе следы интенсивного обращения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абраам Кретацци, 1973: *Повествование*. Ереван.
- Акопян, А.В. 2015: Новые данные о монетных находках из Армении и прилегающих областей. *Нумизматика Золотой Орды* 5, 116–124.
- Акопян, А.В., Алексанян, Д.А. 2015: Гянджинский клад и медный чекан Кахетинского царства. В сб.: Наумкин В.В. (ред.), *Эпиграфика Востока*. Вып. XXXI. М., 147–170.
- Акопян, А.В. 2016: О классификации медных иранских монет XVI–XIX вв. В сб.: Е.Ю. Гончаров, В.В. Зайцев, Е.В. Захаров и др. (ред.), *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016. Москва, 22 и 23 ноября 2016 г. Материалы докладов и сообщений*. М., 109–113.
- Акопян, А.В. 2017: Весовые нормы и названия номиналов иранских медных монет XVI–XIX вв. В сб.: *Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 93–95.
- Гаффаров, М.А. 1928: *Персидско-русский словарь*. Т. II. М.
- Давидович, Е.А. 1972: *Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.)*. М.
- Дневник Закария Акулиского* 1939. Ереван.
- Кутелия, Т.С. 1979: *Грузия и Сефевидский Иран (по данным нумизматики)*. Тбилиси.
- Кутелия, Т.С. 1990: *Каталог иранских монет (по фондам Государственного музея Грузии)*. Тбилиси.
- Марр, Ю.Н. (ред.) 1936: *Передняя Азия в документах*. Кн. 1. *Нахичеванские рукописные документы XVII–XIX вв.* Тбилиси.
- Пахомов, Е.А. 1926: *Монетные клады Азербайджана*. Баку.
- Пахомов, Е.А. 1928: Вес и достоинство медной монеты Тифлиса XVII–XVIII вв. *Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета. Востоковедение* III, 87–109.
- Пахомов, Е.А. 1938: *Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа*. Вып. II. Баку.
- Пахомов, Е.А. 1949а: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. IV. Баку.
- Пахомов, Е.А. 1949б: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. V. Баку.
- Пахомов, Е.А. 1954: *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа*. Вып. VI. Баку.
- Раджабли, А. М. 1963: *Монетное дело в сефевидском государстве (XVI – начало XVIII в.)*: дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Баку.
- Северова, М.Б. 1981: Клад медных монет Еревана первой четверти XVIII в. В сб.: В.М. Потин (ред.), *Труды Государственного ордена Ленина Эрмитажа*. Т. XXI. *Нумизматика* 5. Л., 163–172.
- Сейфеддини, М.А. 1984: Монетные клады, найденные в Азербайджане в 1968–1971 гг. В сб.: Д.Б. Шелов (ред.), *Нумизматика и эпиграфика*. Т. XIV. М., 126–132.
- Фасмер, Р.Р. 1926: Персидские монеты с надчеканкой Петра I. В сб.: *Государственный Эрмитаж. Сборник*. Вып. III. Л., 119–132.
- Adam Olearius, 1669: *The Voyages and Travels of the Ambassadors Sent by Frederic Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia*. London.
- Akopyan, A.V., Mosanef, F. 2010: Safavid coinage of Aresh. *Journal of Oriental Numismatic Society* 202, 16–20.
- Akopyan, A.V., Mosanef, F. 2013: Four remarkable Iranian civic copper coins. *Journal of Oriental Numismatic Society* 214, 16–18.

- Album, St. 2013: *A Checklist of Islamic Coins*. 3rd ed. Santa Rosa (CA).
- Bölükbaşı, Ö.F. 2013: Osmanlı Taşra Darphaneleri (1697–1758). *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 29, 27–76.
- Bournoutian, G.A. 1992: *The Khanate of Erevan Under Qajar Rule. 1795–1828*. Costa Mesa (CA).
- Bruce, C.R., Michael, Th., et al. 2006: *Standart Catalog of World Coins, 1801–1900*. 5th ed. Iola (WI).
- Bruce, C.R., Michael, Th., et al. 2008: *Standart Catalog of World Coins, 1601–1700*. 4th ed. Iola (WI).
- Cuhaj, G., Michael, Th., et al. 2010: *Standart Catalog of World Coins, 1701–1800*. 5th ed. Iola (WI).
- Davidovich, E.A. 1972: *Denezhnoe khozyaystvo Sredney Azii posle mongol'skogo zavoevaniya i reforma Mas'ud-beka (XIII v.)*. Moscow.
- Della Valle, P. 1843: *Viaggi di Pietro della Valle il pellegrino*. Vol. I. Brighton.
- Farrakhabkhsh, H. 1975: *Iranian Hammered Coinage 1500–1879 AD / 900–1296 AH. Safavis – Afghans – Afshars – Zands – Ghajars*. Berlin.
- Heidemann, S. 2010: Numismatics. In: Robinson Ch. (ed.), *The New Cambridge History of Islam. Vol. I. The Formation of the Islamic World, Sixth to Eleventh Centuries*. Cambridge, 648–779.
- Krusinski, J.T. 1733: *The History of the Late Revolutions of Persia*. Vol. I. London.
- Matthee, T., Floor, W., Clawson, P. 2013: *The Monetary History of Iran. From Safavids to Qajars*. London – New York.
- Mousheghian, Kh., Mousheghian, A., Bresc, C., Depeyrot, G., Gurnet, F. 2002: *History and Coin Finds in Armenia. Inventory of Coins and Hoards (7 – 19th c.)*. Vol. I. Wetteren.
- Mousheghian, Kh., Mousheghian, A., Bresc, C., Depeyrot, G., Gurnet, F. 2003: *History and Coin Finds in Armenia. Inventory of Coins and Hoards (7 – 19th c.)*. Vol. II. Wetteren.
- Rabino di Borgomale, H. L. 1945: *Coins, Medals and Seals of the Shāhs of Irān, 1500–1941*. Hertford.
- Tadhkirat al-Mulūk, 1943: *Tadhkirat al-Mulūk. A Manual of Šafavid Administration*. Cambridge.
- P'ayava, I. 2012: Spilenzis yirebuleba K'art'l-Kaxet'is samep'oši XVIII saukunis mic'uruls istoriuli sabut'ebis mixedvit' (t'anadrouli spilenzis sap'asis t'vit'yirebulebis sakit'xist'vis), In: Z. Sxirtlaze, M. C'urc'umia, G. Žap'arize (eds.), *Saistorio krebuli. T. 2. T'bilisi*, 220–241.

REFERENCES

- Abraam Kretatsi, 1973: *Povestvovanie [The Chronicle]*. Yerevan.
- Adam Olearius, 1669: *The Voyages and Travels of the Ambassadors Sent by Frederic Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia*. London.
- Akopyan, A.V. 2015: Novye dannye o monetnykh nakhodkakh iz Armenii i prilgayushchikh oblastey [New data on the coin findings from Armenia and surrounding areas]. *Numizmatika Zolotoy Ordyy [Golden Horde Numismatics]* 5, 116–124.
- Akopyan, A.V. 2016: O klassifikatsii mednykh iranskikh monet XVI–XIX vv. [On the classification of the copper Iranian coins of 16th–19th cc.]. In: E.Yu. Goncharov, V.V. Zaytsev, E.V. Zaharov et al. (eds.), *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2016. Moskva, 22 i 23 noyabrya 2016 g. Materialy dokladov i soobshcheniy [The Numismatic Readings of the State Histosric Museum 2016. Moscow, 22–23 November, 2016. Matters of reports and notifications]*. Moscow, 109–113.
- Akopyan, A.V. 2017: Vesovye normy i nazvaniya nominalov iranskikh mednykh monet XVI–XIX vv. [Weight standarts and names of the copper Iranian coins of 16th–19th cc.]. In: *Devy-*

- atnadsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Velikiy Novgorod, 18–22 aprelya 2017 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy. [Nineteenth all-Russian Numismatic Conference. Velikiy Novgorod 18–22, April 2017. Proceedings of Reports and Notifications]. Moscow, 93–95.
- Akopyan, A.V., Aleksanyan, D.A. 2015: Gyandzhinskiy klad i mednyy chekan Kakhetinskogo tsarstva [The Ganja hoard and copper coins of the Kingdom of Kakhet'i]. In: Naumkin V. V. (ed.), *Epigrafika Vostoka [Epigraphy of Orient]*. Pt. XXXI. Moscow, 147–170.
- Akopyan, A.V., Mosanef, F. 2010: Safavid coinage of Aresh. *Journal of Oriental Numismatic Society* 202, 16–20.
- Akopyan, A.V., Mosanef, F. 2013: Four remarkable Iranian civic copper coins. *Journal of Oriental Numismatic Society* 214, 16–18.
- Album, St. 2013: *A Checklist of Islamic Coins*. 3rd ed. Santa Rosa (CA).
- Bölükbaşı, Ö.F. 2013: Osmanlı Taşra Darphaneleri (1697–1758). *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 29, 27–76.
- Bournoutian, G.A. 1992: *The Khanate of Erevan Under Qajar Rule. 1795–1828*. Costa Mesa (CA).
- Bruce, C.R., Michael, Th., et al. 2006: *Standart Catalog of World Coins, 1801–1900*. 5th ed. Iola (WI).
- Bruce, C.R., Michael, Th., et al. 2008: *Standart Catalog of World Coins, 1601–1700*. 4th ed. Iola (WI).
- Cuhaj, G., Michael, Th., et al. 2010: *Standart Catalog of World Coins, 1701–1800*. 5th ed. Iola (WI).
- Della Valle, P. 1843: *Viaggi di Pietro della Valle il pellegrino*. Vol. I. Brighton.
- Dnevnik Zakariya Akulisskogo [Journal of Zak'aria of Agulis]* 1939. Yerevan.
- Farrakhabakhsh, H. 1975: *Iranian Hammered Coinage 1500–1879 AD / 900–1296 AH. Safavis – Afghans – Afshars – Zands – Ghajars*. Berlin.
- Fasmer, R.R. 1926: Persidskie monety s nachekankoy Petra I [Persian coins with countermark of Peter the Great]. In: *Gosudarstvennyy Ermitazh. Sbornik [The State Hermitage. Miscellanea]*. Pt. III. Leningrad, 119–132.
- Gaffarov, M.A. 1928: *Persidsko-russkiy slovar'.* T. II. [Persian-Russian Dictionary]. Vol. II. Moscow.
- Heidemann, S. 2010: Numismatics. In: Ch. Robinson (ed.), *The New Cambridge History of Islam. Vol. 1. The Formation of the Islamic World, Sixth to Eleventh Centuries*. Cambridge, 648–779.
- Krusinski, J.T. 1733: *The History of the Late Revolutions of Persia*. Vol. I. London.
- Kuteliya, T.S. 1979: *Gruziya i Sefevidskiy Iran (po dannym numizmatiki) [Georgia and the Safavid Iran (by numismatic data)]*. Tbilisi.
- Kuteliya, T. S. 1990: *Katalog iranskikh monet (po fondam Gosudarstvennogo muzeya Gruzii) [The Catalogue of Iranian coins (from the State Museum of Georgia)]*. Tbilisi.
- Marr Yu.N. (ed.) 1936: *Perednyaya Aziya v dokumentakh. Kn. 1. Nahichevanskiye rukopisnye dokumenty XVII–XIX vv. [The Near East in documents. Book 1. Manuscripts of Nakhichevan dated by 17th–19th Centuries]*. Tbilisi.
- Matthee, T., Floor, W., Clawson, P. 2013: *The Monetary History of Iran. From Safavids to Qajars*. London – New York.
- Mousheghian, Kh., Mousheghian, A., Bresc, C., Depeyrot, G., Gurnet, F. 2002: *History and Coin Finds in Armenia. Inventory of Coins and Hoards (7 – 19th Century)*. Vol. I. Wetteren.
- Mousheghian, Kh., Mousheghian, A., Bresc, C., Depeyrot, G., Gurnet, F. 2003: *History and Coin Finds in Armenia. Inventory of Coins and Hoards (7 – 19th Century)*. Vol. II. Wetteren.
- Pakhomov, E.A. 1926: *Monetnye klady Azerbaydzhana [Coin Hoards of Azerbaijan]*. Baku.

- Pakhomov, E.A. 1928: Ves i dostoinstvo mednoy monety Tiflisa XVII–XVIII vv. [Weight and denomination of the Tiflis' copper coins of 17–18th Centuries]. *Izvestiya Vostochnogo fakul'teta Azerbaydzhanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie* [Bulletin of the Oriental department of the Azerbaijan State University. Oriental studies] III, 87–109.
- Pakhomov, E.A. 1938: *Klady Azerbaydzhana i drugikh respublik i kraev Kavkaza* [Hoard of Azerbaijan and other republics and territories of Caucasus]. Pt. II. Baku.
- Pakhomov, E.A. 1949a: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza*. [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of Caucasus]. Pt. IV. Baku.
- Pakhomov, E.A. 1949b: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza*. [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of Caucasus]. Pt. V. Baku.
- Pakhomov, E.A. 1954: *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza* [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of Caucasus]. Pt. VI. Baku.
- P'ayava, I. 2012: Spilenzis yirebuleba K'art'l-Kaxet'is samep'oši XVIII saukunis mic'uruls istoriuli sabut'ebis mixedvit' (t'anadrouli spilenzis sap'asis t'vit'yirebulebis sakit'xist'vis) [Copper price in the Kingdom of Kartl-Kakheti by the end of the 18th c. according to historical documents (On the issue of the self-cost of the contemporary copper currency)], In: Z. Sxirtlaze, M. C'urc'umia, G. Žap'arize (eds.), *Saistorio krebuli* [Historical collections]. T. 2. T'bilisi, 220–241.
- Rabino di Borgomale, H.L. 1945: *Coins, Medals and Seals of the Shāhs of Irān, 1500–1941*. Hertford.
- Radzhabli, A.M. 1963: *Monetnoe delo v sefevidskom gosudarstve (XVI – nachalo XVIII v.)* [Monetary practice in the Safavid state (16th – beginning of 18th cc.)]: PhD diss. Baku.
- Severova, M.B. 1981: Klad mednykh monet Erevana pervoy chetverti XVIII v. [The Hoard of Iranian Copper Coins of the First Quarter of 18th Century] In: V.M. Potin (ed.), *Trudy Gosudarstvennogo ordena Lenian Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum]. T. XXI. *Numizmatika* [Numismatics] 5. Leningrad, 163–172.
- Seyfeddini, M.A. 1984: Monetnye klady, naydennye v Azerbaydzhane v 1968–1971 gg. [Coin hoards from Azerbaijan, found in 1968–1971]. In: D.B. Shelov (ed.), *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy]. T. XIV. Moscow, 126–132.
- Tadhkirat al-Mulūk 1943: *Tadhkirat al-Mulūk. A Manual of Šafavid Administration*. Cambridge.

IRANIAN COPPER COINS OF THE 16th – 19th CENTURIES: FEATURES OF EMISSION AND CIRCULATION

Alexander V. Akopyan

Kazan Federal University, Russia,
alexakopyan@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the features of emission and circulation of pre-Modern Iranian copper coins, commonly known as *fulūs*. Such features were provided by the factors of the use of base metal in minting, as well as the status of their issuer.

A specific feature of the Iranian copper coins' right of coinage was the transfer of it from the ruler of the state to the regional ruler (*walī*, *beglerbeg* or *khān*), who issued it on the basis of the right of *haqq al-zarb* (*jus cudendae monetæ*, "right to struck"), and not on the basis of the right of *al-sikka* (*jus monetæ*, "the right to own signed dies," as Shah did). This led to the

anonymity of the coin, and also caused the locality of the zone of its circulation. Another feature of the circulation of *fulūs* was their short duration – they were usually discounted after issuing coins of the following type, which was traditionally made in the Iranian New Year (Nowruz).

Analysis of the topography of single finds confirms the locality of the circulation of the *fulūs*, and the analysis of the hoards indicates the simultaneous circulation of the coins of several years before the *tpq* of hoard. This fact indicates the chronological extension of the process of retiring the old coin from circulation after the coinage of the *fulūs* of the new year, when the old coins retained their validity (*rā'ij*) and continued to be considered as money.

The revealed features of copper coins indicate the presence in the pre-Modern Iran of two types of currency zones – national (with gold and silver coins) and regionals (with gold, silver and copper coins). The practice of frequently changing the types of copper coins was fueled by a significant revaluation of these *per se* “Freigeld,” which had a limited circulation period and a *de facto* negative annual rate. Despite the short-term and territorial limitations of *fulūs*’ circulation, the state guaranteed the exchange of *fulūs* for silver coins, but only within the region and the time of their circulation (such territorial-temporal characteristics were called in Perisa as ‘*adl*’ “legal” or, later, *ra'ij* “current”).

Key words: copper coins, fulus, accounting units, coin seigneur, Münzregal, currency zone, right of coinage, South Caucasus, Iran

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО В МЕДАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ XVIII ВЕКА

У.М. Волкова

*Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва,
uliana.volkova@arts-museum.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются персонификации государства на русских памятных медалях. Европейские медальеры, работавшие в России в начале XVIII века, применяли в своем творчестве те знания, которые они приобрели на родине. Это относится и к используемым ими символам и аллегориям, характерным для классической европейской медали. Отечественные инвенторы и резчики медальных штемпелей под влиянием западных традиций переняли различные варианты выражения понятий путем создания персонификаций (олицетворений) или аллегорий и включали их в композиции своих произведений. Впервые образ России появляется на оборотной стороне медали датского мастера А. Шульца 1725 года, посвященной кончине императора Петра I. Наиболее поздним примером включения олицетворения страны в композицию медали стала работа немецкого мастера К.А. Леберехта 1791 года в память кончины адмирала С.К. Грейга в 1788 году. В настоящей статье отмечается, что на протяжении XVII и XVIII веков персонификации европейских стран, городов и земель были достаточно похожими – это женская фигура в античном одеянии и градской или императорской короне в окружении различных атрибутов. Отличить одну аллегория от другой представлялось возможным, как правило, исключительно благодаря официальным гербам. В течение столетия зарубежными и отечественными мастерами было создано всего семнадцать памятных медалей с интересующими нас изображениями. В статье выявляются основные черты и атрибуты персонификаций Российской империи, а также темы произведений, на которых встречаются эти аллегии.

Ключевые слова: Россия, медальерное искусство, XVIII век, музейные собрания

Персонификации Российской империи начали появляться на русских медалях уже в XVIII веке. Аллегорические образы развивались в течение столетия и связаны с разной тематикой в медальерном искусстве. Подобные изображения на медалях практически не привлекали внимание исследователей. Исключением являются аллегии России в виде фантастических существ и животных, встречаемые на европейских медалях конца XVII – начала XVIII века¹.

Волкова Ульяна Михайловна – научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

¹ Чижевская 2007, 227–228.

Персонификация как один из способов представить различные понятия и неодушевленные предметы появляется уже на раннем этапе развития мировой художественной культуры. Примером для европейских медальеров Нового времени могли служить древние произведения глиптики и монеты, на которых подобные образы встречаются достаточно часто. Таковы некоторые греческие, римские и византийские монеты с изображением фигур, олицетворяющих собой города или государства².

На европейских медалях такой прием с персонифицированными изображениями используется достаточно часто на протяжении XVII и XVIII веков. Для произведений этого периода характерны аллегории с античными названиями – Галлия (Франция), Гельвеция (Швейцария) или Лютетия (Париж) – или более поздними, латинскими – Полония (Польша), Боруссия (Пруссия)³, Бранденбургия (Бранденбург), Норемберга (Нюрнберг), Дрезда (Дрезден). Обычно это были изображения женщин в античных одеяниях⁴. Однако на произведениях, чеканившихся в итальянских государствах, Священной Римской империи в XVII и XVIII веках и Австрийской империи XIX столетия аллегории государства появляются достаточно редко⁵, в отличие от женских образов, олицетворяющих собой города или области.

Европейские медальеры, работавшие в России в первой четверти XVIII века, применяли в своем творчестве те знания, умения и приемы, которые они сами приобрели в процессе обучения на родине. Это относится и к используемым ими символам и аллегориям, характерным для классической европейской медали. Русские инвенторы и резчики под влиянием западных традиций переняли такие способы выражения понятий путем создания персонификаций или аллегорий и включали их в композиции своих произведений.

Среди большого числа памятников, созданных в Российской империи в течение XVIII и XIX веков, медалей с изображением персонификаций государства – единицы. В XVIII столетии таких произведений всего семнадцать. На русских медалях чаще можно встретить аллегории городов и областей, чем всей страны.

Россия изображалась обычно в образе женщины в античном одеянии, дополненном горностаевой мантией, часто с орнаментом в виде двуглавых орлов, а ее голову украшала градская или императорская корона. В зависимости от темы медали, персонификацию сопровождают различные атрибуты: щит с гербом страны, военные трофеи или символы наук и искусств. Такие изображения впервые появляются на медалях, созданных европейскими мастерами лишь в конце петровского правления. Наиболее ранним примером является работа датского мастера Антона Шульца на кончину Петра I в 1725 году (рис. 1)⁶. На ее оборотной стороне изображена аллегория России, наблюдающая за тем, как «Вечность» уносит на небеса душу императора. Женщина, символизирующая собой страну, сидит на берегу моря, по которому плывут корабли. Такая композиция отображает успехи внешней политики, основание флота и завоевание новых земель. Легенда

² Например, Рома или другие городские божества: Гурулева и др. 2007, 97, 151, 174; Kluge, Alram 2010, № I 1.16, III 2.5.

³ Steguweit, Kluge 2008, № 30, 31, 64, 66, 109; Kluge, Alram 2010, № III 7.4.

⁴ Steguweit, Kluge 2008, № 75, 93; Kluge, Alram 2010, № III 5.8.

⁵ Winter 2009, № 75, 134.

⁶ Смирнова и др. 2009, № 89; Волкова 2015, № 46.

Рис. 1. Шульц А. Медаль на кончину Петра I, 1725. Бронза. Р-р 55 мм. Обратная сторона. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-196019

Рис. 2. Вехтер И.Г., Юдин С.Ю. Медаль на коронацию императрицы Елизаветы Петровны, 1741. Серебро. Р-р 55 мм. Вес 81,05 гр. Обратная сторона. Копия второй половины XVIII века. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-22808

«ВИЖДЬ КАКОВУ ОСТАВИХЪ ТЯ» может рассматриваться как обращение к стране и народу или к императрице. Женская фигура, традиционно представляющаяся в нумизматической литературе как персонификация страны, возможно, изображает саму Екатерину I⁷. Медаль Антона Шульца 1725 года стала своего рода примером для медальеров, работавших в последующие годы.

Другим произведением с подобным сюжетом стала медаль, отчеканенная в 1740 году немецким мастером Иоганном Леккенем, на кончину императрицы Анны Иоанновны⁸. На ее оборотной стороне изображена женщина, держащая младенца (будущего императора Иоанна Антоновича). Его коронует императрица Анна Иоанновна, вознесенная на небеса. На первый взгляд, композиция и сюжет этой медали кажется схожей с работой 1725 года, но смысл изображений иной. После кончины Петра I последовала череда дворцовых переворотов. Императрица Анна прямых наследников не имела, и посмертная медаль подчеркивает это. Вместо традиционного траурного сюжета на оборотной стороне изображена сцена передачи власти от монархини к избранному ею наследнику. Круговая легенда «ТАКО ПЕЧАЛЬ НАРОДУ УТОЛИЛА» комментирует композицию, посвященную теме престолонаследования, но не трагедии и скорби от утраты.

Уже через год, в 1741 году, императрицей становится Елизавета Петровна. В память о ее торжественной коронации была отчеканена медаль, автором которой предположительно был немецкий мастер Иоганн Георг Вехтер (рис. 2)⁹. На оборотной стороне изображена коленопреклоненная и облаченная в тунику и мантию Россия, отражающий геральдический

⁷ Щукина 2010, № 39; Сарычева 2015, 83–99.

⁸ СРМ 1840, № 121.

⁹ Щукина 2010, № 48.

щит с двуглавым орлом в центре. Женщина, олицетворяющая собой страну и народ, отдает свое пылающее сердце монархине, коронованной Провидением. Основной идеей этой композиции стало утверждение законной власти императрицы, занявшей престол путем дворцового переворота. Сюжет подчеркивает и круговая надпись: ПРОМЫСЛЬ БОЖІИ ЧРЕЗЪ ВѢРНЫХЪ ПОДЪДАННЫХЪ.

Двадцатилетнее правление Елизаветы Петровны (1741–1761) благоприятно отразилось на развитии русского медальерного искусства. Этот период отмечен интересом к различным историческим сериям и ретроспективным произведениям. Аллегорический образ России предстает на медалях, выполненных по проектам Якоба (Якова Яковлевича) Штелина в конце 1750-х годов, и посвященных событиям петровской эпохи. Первая такая работа – это медаль на рождение Петра I¹⁰ немецкого мастера Петра Пауля Вернера, который вырезал для нее штемпели, будучи в Нюрнберге. На лицевую сторону помещен парный портрет Алексея Михайловича и его супруги в стилизованном царском одеянии. На ее оборотной стороне – совершенно типичная для европейских произведений композиция: Гений вручает венценосного младенца преклонившей одно колено России. Изображение практически полностью повторяет оборотную сторону медали на кончину императрицы Анны Иоанновны, несмотря на диаметрально противоположный смысл этих сюжетов – рождение и смерть правителя.

Другими произведениями с олицетворением России стали еще две ретроспективные медали русского мастера Василия Климова (или Климентова): в память вступления на престол Петра I в 1682 году и на сооружение флота в 1696 году¹¹. Как и рождение Петра, эти события не были своевременно отмечены памятными медалями, однако они имели большое значение для истории государства, поэтому были включены в ретроспективную серию. Вступление на престол Петра Алексеевича представлено композицией как новый правитель в рассветный час ведет страну к храму Славы. Аллегория флота – это Нептун на колеснице, а рядом с богом морей – стоящая у руля и направляющая его Россия. Олицетворение России на оборотных сторонах медалей подчеркивает национальное значение этих событий.

Кроме ретроспективных памятников, та же аллегория России передана на медали в память заключения мира со Швецией в 1743 году¹², автором которой был немецкий мастер Андреас Вестнер. Образ России на этой медали несколько отличается от остальных, встречаемых на русских медалях XVIII века. На оборотной стороне изображены две женщины в античных одеяниях с рогами изобилия в руках, олицетворяющие собой государства. Рядом с ними стоят два щита с изображением гербов. Персонификации России и Швеции протягивают друг другу пальмовую и лавровую ветви. Медальер изобразил два равных государства, а не победившего и поверженного противников: аллегории представлены без атрибутов императорской и королевской власти, но с символами процветания и мира.

Персонификация России появляется на оборотных сторонах медалей, отчеканенных в память главных событий 1754 года: основания Московского Универси-

¹⁰ Алексеев 2006, 59–63; Смирнова и др. 2009.

¹¹ Дьяков 2004, № 3; Смирнова и др. 2009, № 6, 8.

¹² Смирнов 1908, № 232.

тета¹³ и рождения долгожданного наследника – великого князя Павла Петровича. Медаль на основание высшего учебного заведения была выполнена швейцарским мастером Жаком Антуаном Дасье. Общегосударственное значение этого события подчеркивается именно фигурой России в императорской короне, сидящей в окружении символов наук и искусств у постамента с вензелем императрицы Елизаветы. Вторая медаль – на рождение великого князя Павла Петровича¹⁴, относится к памятникам, посвященным династическим вопросам, легитимности и преемственности власти. Автором этой медали был немецкий мастер Иоганн Георг Вехтер. Как и в более ранних произведениях с подобными сюжетами, на оборотной стороне этой медали изображена Россия. Здесь она стоит на коленях перед жертвенником с курящимися на нем благовониями и молит Провидение послать ей наследника престола.

Следующим этапом в развитии русской медали стало время правления императрицы Екатерины II (1762–1796). За этот период отчеканены несколько медалей с интересующим нас изображением. Женская фигура, олицетворяющая страну, помещена на оборотных сторонах медалей в память коронации императрицы в 1762 году и на пятилетие этого события в 1767 году¹⁵. Авторами первой были медальеры Тимофей Иванович Иванов и Иоганн Георг Вехтер, а вторая была создана тоже Вехтером, но при участии самой императрицы Екатерины II. На оборотной стороне коронационной медали – Россия в тунике и мантии, с градской короной на голове, стоит перед алтарем с курящимися благовониями, а рядом с ней лежит щит с гербом Российской империи. По другую сторону от алтаря стоит аллегория Веры с крестом в руке. Женщины держат над алтарем щит с вензелем императрицы Екатерины II, обрамленный дубовым венком. Вверху в сиянии лучей – олицетворение Провидения в образе женщины. Она спускает с небес императорскую корону, которую возлагает на вензель новой монархини.

На оборотной стороне юбилейной медали изображена сама императрица, которой коленопреклоненная Россия, поддерживаемая Святым Георгием, преподносит символы императорской власти. Рядом с ними стоит Ангел и указывает на Провидение, представленное в образе женщины, парящей в облаках. Композиция этой медали отличается от других подобных произведений XVIII столетия: символический образ страны дополняет фигура одного из наиболее почитаемых святых: Георгий Победоносец, придерживающий Россию под руки, не только охраняет и поддерживает страну, но и благословляет новую правительницу.

В 1768 году началась вакцинация населения против оспы. На памятной медали, посвященной этому важному событию, тоже изображена персонификация России¹⁶. На оборотной стороне императрица с наследником престола выходят из храма и направляются навстречу России, которая ведет за собой детей. На заднем плане – поверженный дракон. Женщина, олицетворяющая собой государство, предстает на медали не случайно – этот образ подчеркивает важное значение го-

¹³ Eisler 2005, 355–375; Щукина 2010, № 51; Антонова и др. 2013, № 552.

¹⁴ Волкова 2015, № 49.

¹⁵ Щукина 2010, № 55, 56; Волкова 2016, № 234, 235. Изображение аллегии России встречается и на жетоне, отчеканенном на кончину императрицы. На лицевой стороне ее портрет в образе Минервы, а на оборотной у пирамиды безутешная Россия в тунике и с гербовым щитом. Слева – Хронос, а вверху – вензель Екатерины II в сиянии лучей.

¹⁶ Смирнов 1908, № 261. Подробнее об истории создания этой медали: Капков 2011, 63–73.

сударства в заботе о здоровье нации.

В правление императрицы Екатерины II была отчеканена и последняя русская медаль на тему наследования трона. В 1777 году появился на свет великий князь Александр Павлович, будущий император Александр I. Это событие общегосударственной важности было отмечено памятной медалью работы И.Б. Гасса¹⁷. Композиция оборотной стороны напоминает ретроспективную медаль П.П. Вернера и работу И. Лефкена 1740 года: аллегория России с ребенком на руках стоит у алтаря с курящимися благовониями, а сверху из облаков на нее нисходят лучи.

В 1779 году немецкий мастер Карл Александрович Леберхт создал медаль в честь монархини¹⁸. На лицевой стороне автор изобразил императрицу в стилизованном русском народном костюме и кокошнике¹⁹, а на оборотной в совершенно ином духе: Екатерина представлена в образе античной богини Минервы. Она сидит на фоне классической постройки, а у ног монархини лежат свиток, книга, меч и весы – атрибуты мудрого и справедливого правления. Перед императрицей стоит аллегория России в античном одеянии и придерживает свиток, на котором пишет императрица. Справа от них на балюстраде сидит сфинкс, символизирующий силу и являющийся хранителем мудрости. Сюжет на оборотной стороне медали раскрывает идею мудрого правления и предопределенности исторических событий, а Россия здесь предоставляет возможность императрице самой творить историю государства. Обращение к традиционным национальным мотивам, сочетание изображений на лицевой и оборотной сторонах этого произведения, а также ретроспективной медали П.П. Вернера на рождение Петра I, необычно для русского медальерного искусства XVIII века. Стилизованный народный костюм стал постоянным атрибутом олицетворений государства

Рис. 3. Леберхт К.А., Баранов В.С. Медаль на кончину адмирала С.К. Грейга, 1791. Бронза. Р-р 79 мм. Оборотная сторона. Копия XIX века. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-207377

¹⁷ Смирнова и др. 2014, № 1, 2.

¹⁸ СРМ 1841, № 184.

¹⁹ В «Летописи калужской» говорится, что императрица изображена в народном костюме этой губернии, а медаль была выполнена после посещения города Калуги в 1775 году (Ханыков 1878, 76–77).

только во второй четверти XIX века, а портреты императриц в таких одеяниях появились еще позже.

Аллегорические образы Российской империи можно встретить и на медалях, отчеканенных в честь ее выдающихся деятелей. На протяжении XVIII столетия было создано больше сорока подобных произведений, и всего три из них с олицетворением страны. К этим медалям относится работа Иоганна Георга Вехтера и Иоганна Балтазара Гасса на смерть графа А.П. Бестужева-Рюмина в 1766 году²⁰. Здесь на оборотной стороне рядом с саркофагом стоят аллегии Веры с крестом и России, возлагающей на гроб лавровый венок²¹. Композиция этой медали подчеркивает, какой значительной утратой стала кончина канцлера и как ценны были его заслуги перед Родиной.

Медаль в честь И.И. Бецкого и в память открытия Императорского Воспитательного дома была отчеканена в 1772 году²². Портрет для лицевой стороны выполнен немецким мастером Иоганном Каспаром Готлибом Егером, а композиция оборотной создана И.Б. Гассом²³. В поле оборотной стороны изображена пирамида, украшенная щитом с вензелем И.И. Бецкого и цветочной гирляндой. Слева от пирамиды сидит Россия в тунике, с покрывалом на голове. Рядом с ней стоят двое детей, а еще двое держат гербовый щит И.И. Бецкого. Композицию дополняют изображения аиста и слона – символы мудрости, целомудрия, благочестия и преданности. На заднем плане – основанный государственным деятелем первый в России Императорский Воспитательный дом. Сюжет медали раскрывает значение для родины заслуг и деяний И.И. Бецкого – благотворительность, забота о детях, нововведения в педагогике, открытие воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге.

Третья медаль была отчеканена в память кончины адмирала С.К. Грейга²⁴. Она создана тремя годами позднее этого события, в 1791 году (рис. 3). Дату изготовления штемпеля автор К.А. Леберехт указал в своей подписи на оборотной стороне. Подпись свидетельствует и о том, что медальер являлся одновременно и ее инвентором. Это произведение – памятник доблести и триумфа – возвеличивает военные успехи адмирала. Мастер изображает С.К. Грейга без парика, военной формы и наград, его бюст лишь драпирован полотнищем стяга. На оборотной стороне в окружении военных трофеев (знамена с турецким и шведским герба-

²⁰ СРМ 1846, № 16. Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) – известный государственный деятель, канцлер. Граф заказал эту медаль за два года до своей кончины, в 1764 году.

²¹ Эта композиция имеет определенное сходство с изображением на оборотной стороне медали на коронацию императрицы Екатерины II.

²² Иван Иванович Бецкой (1704–1795) – известный государственный деятель, действительный тайный советник, личный секретарь императрицы Екатерины II, долгое время возглавлял Императорскую Академию художеств. По инициативе И.И. Бецкова были построены Воспитательный дом для сирот в Москве и Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. Две стороны медали, отчеканенные отдельно, украшают надгробный памятник И.И. Бецкого в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге.

²³ СРМ 1846, № 26, 27; Капков 2011, 73–76. Существует и аналогичная медаль работы К.А. Леберехта.

²⁴ Самуил Карлович Грейг (1736–1788) – шотландский военный. В 1764 году поступил на русскую службу в чине капитана на Балтийский флот. С 1782 года – адмирал. Участник Русско-турецкой войны (1768–1774) и войны со Швецией (1788–1790).

ми) – пирамида²⁵ с надписью: ВЪ ПАМЯТЬ ТРУДОВЪ И СЛУЖБЫ. Венчает ее сложное навершие в виде фигуры орла, дополненной моделью корабля, кормилом, флагом и щитом с гербом С.К. Грейга. У пирамиды слева стоит женщина, олицетворяющая Россию, и украшает щит с гербом своего доблестного сына орденской цепью со знаком ордена Святого Андрея Первозванного. На заднем плане изображены военные суда.

Таким образом, мы можем определить точное время, когда в русском медальерном искусстве появилось аллегорическое изображение государства – это 1725 год, а первой такой работой стала медаль датского мастера Антона Шульца на кончину Петра I. На протяжении XVIII века большинство медалей с интересующим нас сюжетом были созданы иностранными мастерами. Только два ретроспективных произведения выполнены со штемпелей русского медальера, однако созданы они были по проекту немецкого инвентора Я. Штелина.

Образ страны был иконографически устойчив: можно сказать, что в это время персонификация России еще носит имя «Рутении»²⁶ и изображается как женщина в античном одеянии с градской или императорской короной на голове. Атрибутами, подчеркивающими статус этой аллегии именно как образа государства, были горностаевая мантия с орнаментом в виде двуглавых орлов и щит с гербом Российской империи. На некоторых медалях рядом с персонификацией страны можно встретить высшую награду государства – орден Святого апостола Андрея Первозванного (медаль 1791 года на кончину С.К. Грейга) и одного из самых почитаемых святых, покровителя древней столицы, Святого Георгия Победоносца (медаль 1767 года на пятилетие коронации Екатерины II).

Тематика произведений, на которых можно увидеть такие образы, весьма ограничена. Персонификация России на медали подчеркивала общегосударственную значимость того или иного события или заслуги политиков и военных. Олицетворения страны появляются в первую очередь на медалях, отмечающих важные события в жизни членов правящей династии, – рождение и кончину императоров, коронацию и их славные деяния. Гораздо реже Россия изображалась на медалях, отчеканенных в честь видных государственных деятелей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А.Н. 2006: «Медальерная история» Петра Великого в проектах Я. Штелина. *Материалы и исследования Отдела нумизматики. Труды Государственного Эрмитажа*. Т. XXXI. СПб., 59–63.
- Антонова И.А. и др. 2013: *Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*. Альбом. Коллектив авторов. М.
- Волкова, У.М. 2015: *Музей русской истории за границей (1897-1914) при Свято-Князь-Владимирском братстве*. Каталог коллекции из собрания Отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.

²⁵ Щукина 2000, 91. Автор пишет, что пирамида на оборотной стороне – это изображение надгробия адмирала, что не соответствует действительности. С.К. Грейг похоронен в Домском соборе в Таллине (Эстония). Автором проекта мраморного саркофага был известный архитектор Джакомо Кваренги.

²⁶ Ruthenia – латинское название России.

- Волкова, У.М. 2016: Русские медали. В кн.: *Пиранези. До и после. Италия – Россия. XVIII–XXI века*. Каталог выставки. М., 250–251.
- Гурулева, В.В. и др. 2007: *Боги на монетах. Древняя Греция, Рим, Византия*. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.
- Дьяков, М.Е. 2004: *Медали Российской империи*: в 8-ми т. Т. 1. М.
- Капков, К.Г. 2011: *Загадочная медаль: история медали Императорского Воспитательного дома и список награжденных*. М.–Белгород.
- Сарычева, М.А. 2015: Медаль на смерть Петра Великого и традиция посмертного апофеоза императора в европейской нумизматике. *Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования* 23, 83–99.
- Смирнов, В.П. 1908: *Описание русских медалей*. СПб.
- Смирнова, Н.М. и др. 2009: *Великие русские победы в медали и гравюре. К 300-летию юбилею Полтавской битвы 27 июня 1709 года в Северной войне 1700–1721 годов*. Каталог медалей и гравюр из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.
- Смирнова, Н.М. и др. 2014: *Великие русские победы в медали и гравюре. К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года*. Каталог медалей и гравюр из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.
- СРМ 1840: *Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией*. Вып. 2. СПб.
- СРМ 1841: *Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией*. Вып. 3. СПб.
- СРМ 1846: *Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией*. Вып. 5. СПб.
- Ханыков, В.В. (ред.) 1878: *Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года*. М.
- Чижевская, О.В. 2007: Аллегорический образ Российского государства на западноевропейских медалях начала Северной войны. *XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. СПб., 277–278.
- Щукина, Е.С. 2000: *Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1700–1917 гг.* М.
- Щукина, Е.С. 2010: *Коллекция русских медалей XVIII века барона Томаса Димсдейла. Возвращение в Россию*. М.
- Eisler, W. 2005: The Dassiers of Geneva: 18th century European medallists. Vol. II. Dassier and sons: an artistic enterprise in Geneva, Switzerland and Europe, 1733–1759. Lausanne.
- Kluge, B., Alram, M. 2010: *Gold Giganten. Das große Gold in der Münze und Medalie*. Berlin.
- Steguweit, W., Kluge, B. 2008: *Suum cuique. Medaillenkunst und Münzprägung in Brandenburg-Preußen*. Berlin.
- Winter, H. 2009: *Glanz des Hauses Habsburg: die Habsburgische Medaille im Münzkabinett des Kunsthistorischen Museums*. Wien.

REFERENCES

- Alekseev, A.N. 2006: «Medal'ernaya istoriya» Petra Velikogo v proektakh Ya. Shtelina [“Medallic history” of Peter the Great in the projects by J. Staehlin]. *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Materials and researches of the Numismatic department. Transactions of the State Hermitage Museum]. Vol. XXXI. Saint-Petersburg, 59–63.
- Antonova, I.A. et al. 2013: *Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Al'bom* [Pushkin State Museum of Fine Arts. Album]. Moscow.
- Chizhevskaya, O.V. 2007: Аллегорический образ Российского государства на западноевропейских медалях начала Северной войны [Allegorical visualization of the Russian State in

- the West European Medallist art of the beginning of the Northern war]. *XIV Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy докладов i soobshenij* [XIV All-Russian numismatic conference. Thesis of papers and reports]. Saint-Petersburg, 277–278.
- Dyakov, M.E. 2004: *Medali Rossiyskoy imperii* [Medals of the Russian Empire]. Vol. 1. Moscow.
- Eisler, W. 2005: The Dassiars of Geneva: 18th century European medallists. Vol. II. Dassiars and sons: an artistic enterprise in Geneva, Switzerland and Europe, 1733–1759. Lausanne.
- Guruleva, V.V. et al. 2007: *Bogi na monetakh. Drevnyaya Gretsia, Rim, Vizantiya. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh*. [Gods on coins. Ancient Greece, Rome, Byzantine. Catalogue of the exhibition. State Hermitage] Saint-Petersburg.
- Kapkov, K.G. 2011: *Zagadochnaya medal': istoriya medali Imperatorskogo Vospitatel'nogo doma i spisok nagrazhdyennykh* [Obscured medal of the Imperial Moscow Orphanage and prize list]. Moscow–Belgorod.
- Khanykov, V.V. (red.) 1878: *Letopis' kaluzhskaya ot otdalyennykh vremen do 1841 goda* [Chronicle of Kaluga from the ancient time till 1841]. Moscow.
- Kluge, B., Alram, M. 2010: *Gold Giganten. Das große Gold in der Münze und Medalie*. Berlin.
- Sarycheva, M.A. 2015: Medal' na smert' Petra Velikogo i traditsiya posmertnogo apofeoza imperatora v evropejskoj numizmatike [Medal dedicated to the death of Peter the Great and tradition of the posthumous apotheosis in the European numismatics]. *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [Moscow Kremlin Museums. Materials and researches]. Vol. 23. Moscow, 83–99.
- Shchukina, E.S. 2000: *Dva veka russkoy medali. Medal'ernoie iskusstvo v Rossii 1700–1917 gg.* [Two centuries of the Russian medals. Medallist art in Russia 1700–1917]. Moscow.
- Shchukina, E.S. 2010: *Kollektsiya russkikh medaley XVIII veka barona Tomasa Dimsdeila. Vozvrashchenie v Rossiyu*. [Collection of Russian medals of the 18th century of the baron Thomas Dimsdale] Moscow.
- Smirnov, V.P. 1908: *Opisanie russkikh medaley* [Description of Russian medals]. Saint-Petersburg.
- Smirnova, N.M. et al. 2009: *Velikie russkie pobedy v medali i gravyure. K 300-letnemu yubileyu Poltavskoy bitvy 27 iyunya 1709 goda v Severnoy voyne 1700–1721 godov. Katalog medaley i gravyur iz sobraniya GMI im. A.S. Pushkina*. [Great Russian victories perceived through medals and engravings. The 300th anniversary of the battle of Poltava in the Great Northern war. Catalogue of medals and engravings from the collection of the Pushkin museum]. Moscow.
- Smirnova, N.M. et al. 2014: *Velikie russkie pobedy v medali i gravyure. K 200-letiyu pobedy v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Katalog medaley i gravyur iz sobraniya GMI im. A.S. Pushkina*. [Great Russian victories perceived through medals and engravings. The bicentennial of victory at the Patriotic war of 1812. Catalogue of medals and engravings from the collection of the Pushkin museum]. Moscow.
- SRM, vol. 2 1840: *Sobranie russkikh medaley, izdannoe po Vysochaishemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissii* [Collection of Russian medals published by the Royal decree by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
- SRM, vol. 3 1841: *Sobranie russkikh medaley, izdannoe po Vysochaishemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissii* [Collection of Russian medals published by the Royal decree by the Archaeographic Commission]. Vol. 3. Saint-Petersburg.
- SRM, vol. 5 1846: *Sobranie russkikh medaley, izdannoe po Vysochaishemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissii* [Collection of Russian medals published by the Royal decree by the Archaeographic Commission]. Vol. 5. Saint-Petersburg.
- Stegewitz, W., Kluge, B. 2008: *Suum cuique. Medaillenkunst und Münzprägung in Brandenburg-Preußen*. Berlin.

- Volkova, U.M. 2015: Museum of Russian history abroad (1897–1914). Brotherhood of St. Vladimir. *Catalogue of the collection from the Coins and Medals Department of the Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow.
- Volkova, U.M. 2016: Russkie medali [Russian medals]. *Piranezi. Do i posle. Italiya – Rossiya. XVIII–XXI veka*. In: *Katalog vystavki [Piranesi. Before and after. Italy – Russia. 18th – 21st centuries. Catalogue of the exhibition]*. Moscow.
- Winter, H. 2009: *Glanz des Hauses Habsburg: die Habsburgische Medaille im Münzkabinett des Kunsthistorischen Museums*. Wien.

PERSONIFICATION OF THE RUSSIAN STATE IN THE MEDALLIC ART OF THE 18th CENTURY

Uliana M. Volkova

Pushkin State Museum, Russia,
uliana.volkova@arts-museum.ru

Abstract. The article deals with the history and evolution of the personification of the Russian state in the Russian medallic art of the 18th century. Russian medals of the 18th century were struck by European medallists and according to the European tradition. European medallists, which worked in Russia in the first quarter of the 18 century, used classical European symbols and allegories for invention of the medals and Russian inventors studied this symbolical language in the process of their work. First personification of the Russian Empire was shown on the medal dedicated to death of Peter the Great in 1725. Anton Schulz (Danish medallist) was the author of this piece. Medal dedicated to death of the admiral Samuel Greig in 1788 was the last medal with the personification in the 18th century. Karl Leberecht (German artist) was the inventor of this medal. All of European and Russian allegories of State in the 18th century were similar: a woman wearing ancient robe, with mural or imperial crown and various attributes. State coats of arms were the main difference of these personifications. Seventeen medals with personifications of the Russian state were struck during the 18th century in Russian Empire.

Key words: Russian Medallic art, the 18th century, museum collections

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО В МЕДАЛЬЕРНОМ ИСКУССТВЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

У.М. Волкова

*Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва,
uliana.volkova@arts-museum.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются персонификации государства на русских памятных медалях XIX – начала XX в. В течение указанного периода сложилось два типа аллегории страны: она изображалась либо в образе царицы допетровской Руси, либо девы-воительницы в стилизованном древнерусском воинском облачении. Атрибутами таких персонификаций были государственные символы: гербовый щит, меч и крест, скипетр и держава, жезл, увенчанный двуглавым орлом.

Первыми медалями с аллегорическим изображением страны в образе царицы стали произведения «Народное ополчение» и «Мир Европе» из серии Ф.П. Толстого, отчеканенные в 1834 и 1837 гг. Аллегии России на этих медалях отличаются от тех, которые создавались в XVIII столетии, они одеты по моде начала столетия в стилизованные сарафаны с высокой талией и кокошники. Начиная с медали 1881 г. на кончину императора Александра II, персонификации России изображаются в этнографически верных костюмах и головных уборах русских цариц XVII в. К наиболее ранним памятникам, на которых можно увидеть страну в образе девы-воительницы, относится медаль австрийского мастера А. Шарффа, отчеканенная на Санкт-Петербургском монетном дворе в память восстановления Черноморского флота в 1886 г.

Аллегория России изображалась на медалях, посвященных важным вехами истории – это события в жизни членов правящей династии, успехи в развитии промышленности, экономики и сельского хозяйства, юбилеи событий общегосударственного значения.

Ключевые слова: Россия, медальерное искусство, XIX–XX вв., музейные собрания

В 1780–1840 гг. в Европе получили широкое распространение различные движения, ставившие своей целью возрождение народной культуры и языка¹. Тогда же появляются новые государственные символы и эмблемы: гимны, флаги, а также «различные персонификации “нации” в символе или изображении, либо официально принятые, как французская Марианна и дева Германия, либо неофициальные, как карикатурные стереотипы Джона Буля, тощего янки Дяди

Волкова Ульяна Михайловна – научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

¹ Хобсбаум 1998, 167.

Сэма и “немца Михеля”»². Это был один из инструментов, помогавших превратить европейские народы в нации. Интерес к национальной истории и традициям, их поиск и изучение нашли отражение и в медальерном искусстве XIX – начала XX в. Аллегория государства стала одним из тех образов, которые подверглись изменениям согласно новым идеям.

На протяжении XVII и XVIII вв. персонификации европейских стран, земель и городов были достаточно схожими – это женщины в античных одеяниях. Отождествить их с отдельными странами позволяли гербовые щиты и различные атрибуты: животные-символы (английский леопард или прусский орел) или детали облачения (например, характерный шлем Галлии или башенные короны городских персонификаций). В конце XVIII – начале XIX в. на медалях появились персонификации, образ которых основывался на национальных особенностях европейских государств: инвенторы отдавали предпочтение стилизованным народным костюмам, головным уборам, национальным символам. Надо отметить, что эти процессы не отразились, скажем, на персонификации Британии. Она оставалась крупной морской державой на протяжении XVII – начала XX в. и изображалась практически одинаково: женщина в античном одеянии, с эгидой, в шлеме, щитом с гербом страны, часто в сопровождении льва, а также с характерными именно для нее символом морской державы – трезубцем³.

Иначе обстояли дела с аллегорией девы-Германии: на медалях она стала часто изображаться во второй четверти XIX в. Аллегория страны после ее объединения в 1871 г. в крупную европейскую империю предстала в образе девы-воительницы, сочетающей в себе черты, восходящие к германскому эпосу – валькириям или Брунгильде⁴.

Своеобразное явление в этом ряду – Марианна, символизирующая собою новое государство – Французскую республику. Этот образ был создан в период Великой Французской революции (1792–1799)⁵. Женщина, олицетворяющая свободную республику, изображалась в тунике и фригийском колпаке – древнем символе освобождения, иногда с символом республики – фасциями или Галлии – петухом⁶. На медалях времен реставрации монархии аллегория Франции либо не изображалась вовсе, либо ее облик тяготел к классическим образцам, характерным для произведений дореволюционного периода⁷.

Рассмотрим, каким образом происходит трансформация аллегии страны в русском медальерном искусстве. Первые произведения появляются в 1830-х гг. – это две медали графа Федора Петровича Толстого «Народное ополчение» и «Мир

² Хобсбаум 2000, 54.

³ Eimer 2010, № 927, 1094, 1815, 1869.

⁴ В начале XIX в., в результате Освободительной войны 1813–1814 гг., появляется образ девы, отстаивающей с помощью меча свободу и единство германских земель. Такая аллегория была популярна во время немецкой революции 1848–1849 гг. и франко-прусской войны 1870–1871 гг. См., например: Gall 1993, 3–54.

⁵ Основные работы о Марианне – это труды Мориса Агулона. Например: Agulhon, Bonte 1992 и др.

⁶ Аллегория Франции: Weil et al. 2012, № 111, 135. Аллегория Галлии: Au creux de la Main 201 Weil et al. 2012, № 177.

⁷ Например, Франция, представленная аллегорией Галлии в античном одеянии, на медали в память реставрации династии Бурбонов: Великие русские победы 2014, № 235.

Европе»⁸ из серии, посвященной Отечественной войне 1812 г. Проект медальона «Народное ополчение» был создан мастером еще в 1816 г., а медаль отчеканена только в 1834 г. на Санкт-Петербургском монетном дворе. На оборотной стороне изображена Россия, сидящая на возвышении, украшенном горельефами. Левой рукой она опирается на щит с государственным гербом, правой передает мечи трем мужам, символизирующим народное ополчение. Аллегория страны облачена в стилизованный русский сарафан, но ее головной убор, состоящий из градской короны и покрывала, является традиционным атрибутом персонификаций.

В 1837 г. Ф.П. Толстой создал эскиз новой медали «Мир Европе», завершающей серию и отличающейся обилием государственной символики (рис. 1.). На оборотной стороне изображена Россия в платье, напоминающем наряд той же аллегории с предыдущей медали графа, в горностаевой мантии с изображением двуглавых орлов. Ее стилизованный национальный головной убор, состоящий из соединенных кокошника и градской короны, напоминает те кокошники, что носили женщины в 1820–1830 гг., подчиняясь послевоенной моде на русский костюм. В начале XIX в. среди аристократии и придворных вошли в моду народные костюмы. Женщины при дворе стали носить стилизованные «офранцузенные» сарафаны с высокой талией и головные уборы⁹. В левой руке персонификация держит жезл, увенчанный двуглавым орлом, правую простирает над крылатым Гением, олицетворяющим Европу. Рядом на земле двуглавый орел, увенчанный императорской короной; на груди у него щит с вензелем императора Александра I. В лапах орла – захваченное у противника знамя с лучезарной литерой «N».

В течение XVIII в. на русских медалях персонификация государства находилась в рамках классической традиции и представлялась как латинизированная Рутения¹⁰, благодаря чему Россия должна была восприниматься как равная другим европейская страна. Однако на медалях Ф.П. Толстого 1830-х гг. эти аллегии выглядят иначе, они были созданы под влиянием новой моды и нового этапа в развитии культуры государства. Появление персонификаций в стилизованном русском народном костюме связано с интересом к национальному наследию, хотя еще Екатерина II первой среди монархов XVIII в. надела стилизованный русский костюм.

Рис. 1. Толстой Ф.П. Медаль «Мир Европе», 1837. Бронза. Р-р 65 мм. Обратная сторона. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-207442

⁸ Смирнова и др. 2014, № 178, 234.

⁹ Например: Кирсанова 1997, 33–37.

¹⁰ Ruthenia – латинское название России.

Появление на медалях персонификаций в русском народном костюме связано с зарождавшимся в начале XIX в. интересом власти и аристократии к истории и культуре допетровской России, временем идеализации прошлого и поиска национальных особенностей. Поражения и успехи армии в течение Наполеоновских войн и особенно Отечественная война 1812 г. породили патриотические настроения в обществе. «В центр общественного внимания выдвинулись проблемы национальной задачи и национальной самоидентичности, ставшие впоследствии основой для выработки так называемой “русской идеи”». Европейское в своей основе самосознание общества начала XIX в. постепенно насыщалось националистическими идеями и настроениями, чтобы уже к середине 1810-х гг. начать противопоставлять “русский путь” европейскому»¹¹. Со временем эти тенденции были оформлены в официальном докладе графа С.С. Уварова императору Николаю I при назначении на должность министра Народного Просвещения в 1833 г. Он сформулировал идею, согласно которой существование страны виделось лишь в гармоничном единении православия, самодержавия и народности. В 1830–1840-е гг. интерес к прошлому, а через это и к будущему, охватил уже все слои населения. К этому времени относится возникновение славянофильства и западничества.

Основные течения русской культуры начала XIX в. нашли свое отражение в женской моде рассматриваемого периода. Аристократия старалась в свою повседневную жизнь, устроенную по-европейски, впустить давно вытесненные из нее элементы русской традиционной культуры и быта, воспринимавшиеся со времен петровских реформ как устаревшие и чужие. Уже в александровское время многие придворные дамы стали носить стилизованные русские сарафаны¹². Моду двора на национальный костюм перенимали не только столичные дворянки, она распространилась на всей территории империи: «всю осень, по крайней мере, у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Многие из них почти все оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки; поглядевшись в зеркало, нашли, что наряд сей к ним очень пристал, и несомненно с ним расстались»¹³. В 1834 г. император Николай I узаконил обязательное ношение женщинами национального костюма и головных уборов при дворе: «...всем вообще Дамам, как Придворным, так и приезжающим ко Двору, иметь повойник¹⁴ или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а Девицам повязку, равным образом произвольного цвета и также с вуалем»¹⁵. Ношение стилизованных народных костюмов императрицами и придворными дамами было обязательным вплоть до революции 1917 г.

Несмотря на реформы императора Петра I крестьяне и представители некоторых городских сословий продолжали носить национальные костюмы и головные уборы вплоть до XX в. Эти наряды сохраняли сложившиеся за века их существо-

¹¹ Бокова 2003, 146.

¹² Стилизация XIX в. заключалась в изменении силуэта. Изначально сарафаны и другие народные женские одеяния были прямого кроя и не подчеркивали фигуру.

¹³ Воспоминания о событиях осени 1812 г.: Вигель 1928, 20–21.

¹⁴ В отличие от кокошника, который является элементом праздничного наряда, повойник представляет собой головной убор для повседневной носки.

¹⁵ ПСЗРИ, собрание второе 1825–1881. Т. IX. Ч. 1. Высочайше утвержденное описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору. № 6861 от 27 февраля 1834 года, 182.

Рис. 2. Алексеев В.В., Грилихес А.А., Верещагин В.П. Медаль На кончину императора Александра II, 1881. Бронза. Р-р 72 мм. Обратная сторона. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-9668

вания местные отличия. Интересно, что в начале XIX в., перенимая моды аристократии на французские силуэты с высокой талией, девушки подпоясывали сарафаны под грудью¹⁶.

Таким образом, аллегория России на медалях Ф.П. Толстого, одетая по моде начала столетия, не только иллюстрирует новое течение общественной жизни, но и символизирует гордость за страну, сплоченность нации в борьбе с врагом, общегосударственное и общеевропейское значение победы в Отечественной войне 1812 г., а также успехи русской военной кампании 1813–1815 гг.

К толстовской серии близка медаль, отчеканенная в 1838 г. Александром Петровичем Лялиным в память открытия Санкт-

Петербургского университета в здании Двенадцати коллегий. Как и предыдущие медали, она была создана по рисунку графа Ф.П. Толстого¹⁷. Значение этого события и статус учебного заведения подчеркнуты изображением на оборотной стороне персонификации России. Женская фигура практически полностью повторяет образ, созданный графом для медали «Мир Европе».

Прошло более 40 лет, прежде чем аллегория России вновь появилась на произведениях русского медальерного искусства. В 1881 г. в результате террористического акта погиб император Александр II, и в память об этом событии была отчеканена медаль по проекту художника Василия Петровича Верещагина (рис. 2.)¹⁸. Автором лицевой стороны был медальер Василий Владимирович Алексеев, а обратной – Авраам Авенирович Грилихес. На оборотной стороне коленопреклоненная Россия венчает лавровым венком саркофаг с вензелем императора Александра II. Слева от нее скорбящий ангел, опирающийся на щит с государственным гербом. Этот образ отличается от более ранних медалей Ф.П. Толстого тем, что персонификация страны приобрела явные национальные черты. Женщина изображена как русская царица: в шубке (платне)¹⁹ с зарукавьями, покрывале и

¹⁶ Киреева 1970, 131.

¹⁷ СРМ 1841, № 184.

¹⁸ Щукина 2000, 192.

¹⁹ Россия одета в царское платье, которое называлось «шубкой»: «Это платье, быть может, потому называлось шубкою, что на него употреблялись ткани плотные и тяжелые, шелковые, и большею частью золотные бархаты, атласы, алтабасы, зарбафы, объяри, камки (по преимуществу камка кизылбашская и бурская как самая дорогая и тяжелая) <...> покрой шубки и дорогие тяжелые ткани, из которых она шилась, способствовали тому, что у царицы, как и у больших царевен, она, особо

головном уборе, напоминающем венцы правителей XVII в. При создании такого образа Ф.П. Толстой скорее всего опирался на рисунки Федора Григорьевича Солнцева²⁰.

Возвращение аллегии России, к тому же в образе царицы допетровской Руси, связано с теми историческими событиями, которые предшествовали началу правления императора Александра III. «Убийство Александра II разрушило веру в то, что монархия, основанная на западной культуре и петровской государственной машине, способна сохранить самодержавную форму власти. В царствование Александра III был создан миф о царе – олицетворении русской натуры; теперь монарх изображался истинно русским человеком, квинтэссенцией национального духа. Этот миф был представлен в манифесте 29 апреля 1881 г.²¹, написанном Победоносцевым, который предлагал образ обновленного самодержавия и опирался на особую концепцию исторического пути России, принципиально отличавшуюся от петровского мифа, и создавал совершенно иное представление о стране и народе»²². Здесь провозглашалось, что самодержавная власть монарха опирается на Бога и нацию.

После окончания Отечественной войны 1812 г. патриотические настроения постепенно угасали. Интерес к прошлому, который они породили, подкреплялся проводимой императорами Николаем I и Александром II политикой. Чем больше население страны жаждало реформ, тем чаще власть апеллировала к прошлому страны, традициям и сложившимся за несколько столетий взаимоотношениям сословий. Образ страны до петровских реформ стал идеализироваться, а особенный интерес потомков вызывало XVII столетие.

Медальерное искусство как искусство официальное не могло не откликнуться на сложившиеся тенденции и сделало это в кратчайшие сроки. Образы государства, имеющие европейское происхождение, стали дополняться символами и атрибутами, относящимися к традиционной русской культуре. «Восхваление XVII столетия умаляло значение XVIII и XIX веков; тем самым, с одной стороны, делигитимизировались правовая бюрократия и интеллигенция, с другой – отрицалась вся динамика реформ, достигших своей кульминации в предшествующее царствование. Эта модель была ориентирована на вечное наследие, не тронутое историческими изменениями. Русский император мог жить в европейских дворцах, вступать в брак с европейскими принцессами и управлять государственными учреждениями, носившими европейские названия. Но под этим поверхностным слоем скрывался национальный субстрат, устои, которые можно было обрести, вернувшись к древним формам политической и духовной жизни»²³. Медаль 1881 г. стала первым произведением, приобретала значение царского платна, порфиры, или вообще одежды царственной. Тогда она делалась распашною, с рукавами длиною только по кисть и шириною в запястье вершков в 7 или 8, и роскошно украшалась широким кружевом по запястью рукавов, по полам и по подолу» (Забелин 2014, 635–636).

²⁰ Снегирев 1851, № 10, 32.

²¹ ПСЗРИ, собрание третье 1881–1913. Т. I. Манифест о призыве всех верных подданных к служению верой и правдой Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, добродетели, воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России. №118 от 29 апреля 1881 г.

²² Уортман 1999, 238.

²³ Уортман 1999, 239.

ведением, композиция которого построена в духе новой доктрины, и фигура России на ее оборотной стороне является своего рода иллюстрацией и ярким примером влияния на медальерное искусство новой национальной идеи.

В середине XIX в. были опубликованы многотомные, богато иллюстрированные издания, посвященные русским древностям²⁴. Эти труды собирались авторами на протяжении долгих лет. Выход в свет подобных исследований вызывал интерес среди населения страны. Если на ранних медалях персонификации изображались согласно современной моде, то, начиная с медали А.А. Грилихеса 1881 г., одеяния России стали этнографически верными. Такие изменения могут объясняться тем, что медальеры опирались на подобные публикации и другие научные труды при создании своих произведений.

Второй медалью с траурным сюжетом стало произведение 1894 г., посвященное кончине императора Александра III²⁵. Медальер Петр Григорьевич Стадницкий создал композицию, напоминающую работу А.А. Грилихеса, но с некоторыми изменениями: безутешная Россия склонилась к саркофагу, на котором возлежит императорская корона. Слева стоит ангел, левой рукой указывающий на аллегория страны. В отличие от предыдущей медали, Россия изображена с распущенными длинными волосами, которыми она закрывает свое лицо, – такая деталь²⁶ здесь подчеркивает горечь от потери правителя. Вместо мантии, характерной для европейских медалей и русских произведений предыдущего столетия, аллегория облачена в царскую порфиру²⁷. Образ страны благодаря таким деталям становится еще более отличным от классического и приобретает отчетливые национальные черты.

К медалям, отчеканенным на события, связанные с династией Романовых, относится работа 1888 г. в память о чудесном спасении семьи императора Александра III²⁸, автор – А.А. Грилихес. На лицевой стороне стоит Ангел, благословляющий стоящую перед ним на коленях Россию в порфире, стилизованном царском венце и с заплетенными в две косы волосами. Справа от персонификации страны – символы императорской власти: корона, держава и скипетр. Военный шлем на голове женщины служит символом ее силы и справедливости. Символика медали раскрывает ее тему: спасение семьи императора Александра III в железнодорожной катастрофе у станции Борки как чудо, дарованное свыше. Об этом говорилось и в манифесте: «Неисповедимыми путями Промысла совершилось над Нами чудо милости Божией <...> В трепетном благоговении пред дивными судьбами Всевышнего Мы веруем, что явленная Нам и народу Нашему милость Божия отвечает горячим молитвам, которые ежедневно возносят о Нас тысячи тысяч верных сынов России всюду, где стоит Святая церковь и славится Имя Христово...»²⁹, своеобразной иллюстрацией которому и стала медаль.

²⁴ Висковатов 1841–1862; Снегирев 1851; Жабрева 2016, 9–78, 254–386.

²⁵ Смирнов 1908, № 1061.

²⁶ Распущенные волосы чаще всего имели негативное значение в русской культуре, но девушка могла распускать волосы во время важных обрядов (например, венчания, причастия либо похорон родителей).

²⁷ Порфира – царская мантия, торжественная верхняя одежда. Является знаком верховной власти.

²⁸ Волкова 2015, № 88.

²⁹ ПСЗРИ, собрание третье 1881–1913. Т. VIII. Манифест о чудесном сохранении жизни Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всем детям Их Императорских

Рис. 3. Штейнман Л.Х., Грилихес А.А. Медаль на проведение Всероссийской выставки в Москве, 1882. Серебро. Р-р 53 мм. Вес 111,72 гр. Обратная сторона. Из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № Н-39874

Россия в образе царицы предстает на трех произведениях, посвященных проведению крупных выставок³⁰. Первой из них была Всероссийская выставка в Москве 1882 г. (рис. 3.)³¹. Автором лицевой стороны медали был Леопольд Христианович Штейнман. Обратная известна в двух вариантах, авторами которых были В.В. Алексеев и А.А. Грилихес³². Женщина, олицетворяющая страну, сидит в окружении символов искусств, промышленности, торговли и сельского хозяйства. Она одета в царские одежды XVII в., а на ее голове – венец с рясами. Россия держит в правой руке державу, левой опирается на щит с государственным гербом, а вместо скипетра держит лавровую ветвь. Персонификация страны практически полностью повторяет изображение царицы Евдокии Лукьяновны (супруги царя Михаила Федоровича и матери Алексея Михайловича) с рисунка Ф.Г. Солнцева, на котором она пред-

ставлена: «...в Царском одеянии, в короне с городами, с ширинкою в руках <...> сверх Царского кафтана на ней аксамитная шуба на горностаевом меху, застегнутая на груди запоною»³³. Образ страны, созданный медальером, является самым ярким среди прочих аллегорий Российской империи, а также знаменует собой масштаб выставки и ее важное общегосударственное значение. В 1887 г. в Екатеринбурге проходила Сибирско-уральская научно-промышленная выставка, и Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) заказало к этому событию памятную медаль, автором которой стал П.Г. Стадницкий³⁴. На оборотной стороне изображена аллегория России в повойнике с поднизью (вязаная сетка) и покрывале, платне и порфире. Женщина сидит на троне и опирается на щит с гербом империи, в правой руке держит лавровый венок. Рядом стоит мальчик, раскрывший у нее на коленях книгу, а Россия обнимает ребенка за плечи.

Величеств. № 5502 от 23 октября 1888 г.

³⁰ Среди этих произведений выделяется плакет, отчеканенная в 1895 г. Феликсом Разумным. Она посвящена выставке французских и русских художников в Москве. Вероятнее всего, эта плакета была выполнена в Париже. На лицевой стороне – парное изображение персонификации России и Марианны. Россия представлена в образе девушки. На ее голове характерный для юных дев венец, а волосы заплетены в одну косу. Одеты Россия в сарафан и рубаху, на груди – четыре нитки бус (Дьяков 2007, № 1168.1). Изображение России на плакете схоже с теми, которые создавали французские мастера рубежа XIX–XX вв.

³¹ В 1883 г. аллегория России с оборотной стороны этой медали была скопирована немецкими медальерами Эмилем Вайгандом и неизвестным мастером с инициалами «Н.Р.» для медали в память коронации императора Александра III. Позднее, в 1896 г., уже эта работа легла в основу немецкого произведения на коронацию императора Николая II (Дьяков 2006, № 931.4; Дьяков 2007, № 1206.4.).

³² Щукина 2000, 170.

³³ Снегирев 1851, № 10. Корона «с городами» – царский венец с зубцами. Ширинка – платочек. Запона – украшение или застежка, в дальнейшем стала называться «запонка». Аksamитная шуба – шубка-платно из драгоценной ткани с вышивками (для парадных облачений).

³⁴ Дьяков 2006, № 995.2.

чи. Это первое из двух произведений медальера, где присутствует интересующее нас изображение, но в отличие от медали на кончину императора Александра III П.Г. Стадницкий создал на оборотной стороне этого произведения камерную композицию. Персонализация страны здесь представлена в образе любящей матери, направляющей своего ребенка, поддерживающей его тягу к учению.

В 1883 г. была отчеканена медаль в память 50-летия общества русских врачей Санкт-Петербурга, автором которой стал А.А. Грилихес³⁵. Россия в диадеме и покрывале, платне и горностаевой мантии обнимает за плечи и ведет к алтарю Асклепия, изображенного в тоге и с посохом, обвитым змеей. Рядом с аллегорией стоит щит с двуглавым орлом, а рядом с античным богом – сова. Персонализация страны простирает над алтарем, составленным из книг, правую руку, которой держит лавровый венок. На алтаре – чаша, обвитая змеей, за ним – лучи восходящего солнца. Композиция медали иллюстрирует покровительство государства над наукой и те блага, которые процветание медицины приносит народу.

В 1900 г. отмечалось 200-летие Горного ведомства³⁶. В память об этом событии А.А. Грилихес вырезал штемпель медали, проект которой составил начальник монетного двора Николай Павлович Фоллендорф. На оборотной стороне медальер изобразил Россию, сидящую на троне, с жезлом, увенчанном двуглавым орлом. Она одета в стилизованный приталенный летник³⁷ с длинными откидными рукавами с прорезами у пройм, а голову ее венчает диадема с покрывалом. Рядом с тронем стоит щит с гербом империи. Сама персонализация и обилие государственной символики наполняют композицию особым смыслом, обозначают общегосударственное значение деятельности ведомства в жизни и процветании страны. Обращает на себя внимание сочетание классической европейской и русской национальной традиций в композициях двух медалей А.А. Грилихеса 1883 и 1900 гг. На первой изображены античный бог Асклепий и Россия в образе русской царицы, а на второй та же аллегория и юноша, олицетворяющий Гения горного дела с рогом изобилия в руках. Возможно для гармонизации таких композиций образ страны, созданный мастером, тяготеет к ранним типам аллегорий, представленным в работах графа Ф.П. Толстого.

Аллегория России в образе царицы изображена и на медали 1903 г., отчеканенной в память 200-летия со дня основания Санкт-Петербурга³⁸. Произведение выполнено медальером Антоном Федоровичем Васютинским³⁹, но оборотная сторона создана им по проекту художника Федора Федоровича Бухгольца и скульптора Марии Львовны Диллон. Центр композиции занимает парящая в облаках над городом женщина, олицетворяющая страну. Она изображена в бармах, стилизо-

³⁵ Смирнов 1908, № 896.

³⁶ Дьяков 2007, № 1317.1

³⁷ Летник – легкая женская одежда с длинными широкими рукавами.

³⁸ Смирнова и др. 2014, № 498.

³⁹ При создании медали в память 100-летия Императорского женского патриотического общества (1912 год) А.Ф. Васютинский опять обращается к подобным аллегориям. На оборотной стороне женщина, олицетворяющая собой императрицу Елизавету Алексеевну или персонализацию милосердия, изображена в сарафане и царском венце (Смирнова и др. 2014, № 284). Вторым примером является медаль на 200-летие присоединения Эстляндии в 1910 г., которая во многом повторяет работу, посвященную 200-летию Санкт-Петербурга. На оборотной стороне изображена персонализация Эстляндии. Позы обеих фигур одинаковы, а различия заметны лишь в их одеянии: здесь женщина в воинском облачении: в шишаке, кольчуге и зеркале, в ее руках щит с гербами России и Эстонии.

ванной порфире, украшенной орнаментом в виде двуглавых орлов, и в царском венце. В левой руке Россия держит лавровый венок, в правой – скипетр, увенчанный гербовым орлом, правой рукой она придерживает щит с гербом столицы. У ее ног стоит двуглавый орел. Композиция, насыщенная государственной символикой, подчеркивает высокий статус города как столицы империи.

Персонификация страны изображалась не только на официальных произведениях, но и на работах частных мастерских⁴⁰. Медаль «За труды и знания» в память проведения Кавказской юбилейной выставки сельского хозяйства и промышленности в Тифлисе в 1901 г. была отчеканена неизвестной мастерской. Мероприятие было приурочено сразу к двум юбилеям – 100-летию вхождения Грузии в состав Российской империи и 50-летию основания Императорского Кавказского общества сельского хозяйства. Россия в образе царицы XVII в., держащая правой рукой на коленях небольшой щит с гербом страны, сидит на возвышении на фоне кавказского ковра. У подножия в окружении символов наук, промышленности, сельского хозяйства и торговли сидит персонификация Грузии – женщина в национальном грузинском одеянии, которую Россия обнимает за плечи. Композиция оборотной стороны раскрывает тему произведения: дружественные отношения между странами, их плодотворный творческий союз, а также процветание империи благодаря развитию промышленности и сельского хозяйства.

В 1913 г. была проведена четвертая автомобильная выставка, плакета в память которой создана в московском ателье Августа Франца Жаккара медальером Сергеем Александровичем Мартыновым⁴¹. Россия изображена в образе русской царицы, с лавровой ветвью и щитом с изображением государственного герба и аббревиатуры Российского Императорского автомобильного общества (РИАО). Фигура страны символизирует императорское покровительство выставке, подчеркивает значение научных открытий и достижений промышленности.

Россия изображалась на произведениях не только в образе царицы, но и в образе девы-воительницы⁴². Наиболее ранним примером такого рода была медаль австрийского мастера Антона Шарффа, отчеканенная на Санкт-Петербургском монетном дворе в память восстановления Черноморского флота в 1886 г.⁴³. Женщина одета в тунику, мантию и кольчугу, на ее груди крест, на голове – стилизованная царская шапка, а волосы заплетены в две косы. В руках Россия держит меч и православный крест, которым благословляет плывущие по морю суда. Рядом с аллегорией стоит двуглавый орел и держит в лапах щит с гербом Херсонской губернии. А. Шарфф изобразил Россию не просто как сильную державу, но и за-

⁴⁰ В качестве примера можно привести медаль, отчеканенную миланской мастерской Стефано Джонсона в 1911 г. на открытие памятника императору Александру II в Киеве. На оборотной стороне скопирован фрагмент пьедестала, изображающий персонификацию России в образе русской царицы и стоящих вокруг нее верных подданных. Монумент был построен итальянским скульптором Э. Ксименесом и архитектором И.В. Николаевым. Мастера, скорее всего, были знакомы с подобными скульптурными и медальными изображениями и создали аллегорию России в духе уже существующей традиции (Дьяков 2007, № 1517.1.).

⁴¹ Шукина 2000, 230; Дьяков 2007, № 1557.3.

⁴² Образ девы-воительницы напоминает немецкие медали XIX в., на которых в таком виде представлена персонификация Германии. Эти образы восходят к античной (богиня Афина (или Минерва) и амазонки), скандинавской (валькирии) и славянской (дочери Микулы Селяниновича, Марья Моревна) мифологии.

⁴³ Смирнов 1908, № 1031.

щитницу православия. Этот популярный в европейских странах образ восходит и к уваровской триаде и манифесту о незыблемости самодержавия, которые точно описал Э. Хобсбаум: «Святая Русская земля определяется через святые иконы, веру, царя, государство»⁴⁴, что удачно подчеркнуто австрийским медальером. Кроме того, Россия в образе девы-воительницы (как один из образов славянских былин и других литературных памятников допетровской Руси) могла появиться в медальерном искусстве и благодаря продолжавшемуся в течение XIX в. накоплению и публикациям фольклора и различных источников, а также их популярности среди населения империи.

Россия в образе девы-воительницы изображена и на медали в память проведения Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г.⁴⁵ Автором эскиза был художник Николай Семенович Самокиш, а медальером А.А. Грилихес. Женщина в стилизованном платне с передником и поясом, напоминающем зеркало, порфире с орнаментом в виде двуглавых орлов, в венце стоит у царского трона⁴⁶. Ее условное и сильно стилизованное облачение напоминает военный костюм допетровской Руси. У левой руки России – меч, в правой руке она держит пальмовую ветвь, а левой рукой венчает лавровым венком Промышленность и Искусство – кузнеца, опирающегося на наковальню, и женщину с палитрой и кистями в руках. Фигура России на этой медали подчеркивает масштаб проводимой выставки и те блага, которые развитие экономики приносит стране, а наличие военных атрибутов может служить символом покровительства и защиты экономики со стороны государства.

В 1903 г. была отчеканена медаль, посвященная постройке первого тоннеля через Большой Хинган в Манчжурии⁴⁷, позволившего открыть прямое железнодорожное сообщение между Москвой и Дальним Востоком. Автором медали тоже стал А.А. Грилихес. Аллегория страны предстает в образе, схожем с предыдущей медалью мастера. Женщина придерживает щит с гербом страны и карту местности с отмеченным на ней тоннелем. Персонификация государства здесь является воплощением мощной державы, защитницей истинной веры, а также покровительницей промышленности и экономики.

Таким образом, в XIX – начале XX в. в русском медальерном искусстве персонификация страны появляется довольно редко. Первыми из них стали произведения «Народное ополчение» и «Мир Европе» из серии Ф.П. Толстого, отчеканенные в 1834 и 1837 гг. Аллегии России на этих медалях отличаются от тех, которые создавались в XVIII столетии. Для медальных образов этого периода характерно обращение к русской народной культуре, а не к античной или европей-

⁴⁴ Хобсбаум 1998, 81.

⁴⁵ Смирнов 1908, № 1128; Волкова 2015, № 96. К выставке частными мастерскими были отчеканены медали и жетоны. На них изображена точно такая же аллегория России, как на медали в память Всероссийской выставки в Москве в 1882 г.

⁴⁶ В том же 1896 г. в Париже состоялась торжественная закладка моста Александра III. В память об этом событии французским медальером Ж.Б. Даниэлем Дюпюи была отчеканена медаль, образ России на которой напоминает работу А.А. Грилихеса, но элементы одеяния и государственные символы здесь теряют свой смысл и становятся лишь декором. Россия достаточно часто встречается на французских медалях рубежа XIX–XX вв., посвященных различным совместным мероприятиям. Большинство, как и на приведенном примере, представляют национальный костюм лишь как необычный декор.

⁴⁷ Смирнов 1908, № 1312.

ской. Медаль развивалась под влиянием исторических событий и новых течений в культуре страны. Начиная с медали 1881 г. на кончину императора Александра II, персонификации России изображаются в этнографически верных костюмах, что может свидетельствовать о серьезном научном подходе при создании подобных официальных памятников, а также значению таких изображений для правящей династии.

В течение указанного периода сложилось два типа аллегии страны: она изображалась либо в образе царицы допетровской Руси, либо девы-воительницы в стилизованном древнерусском воинском облачении. Атрибутами таких персонификаций были государственные символы: гербовый щит, меч и крест, скипетр и держава, жезл, увенчанный двуглавым орлом. Аллегория России изображалась на медалях, посвященных важным вехам истории, – это события в жизни членов правящей династии, успехи в развитии промышленности, экономики и сельского хозяйства, юбилеи событий общегосударственного значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокова, В.М. 2003: Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. В кн.: *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 4. М., 17–146.
- Вигель, Ф.Ф. 1928: *Записки*: в 2 т. Т. 2. М.
- Висковатов, А.В. 1841–1862: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*: в 30 ч. СПб.
- Волкова, У.М. 2015: *Музей русской истории за границей (1897–1914) при Свято-Князь-Владимирском братстве*. Каталог коллекции из собрания Отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.
- Дьяков, М.Е. 2006: *Медали Российской империи*: в 8 т. Т. 6. М.
- Дьяков, М.Е. 2007: *Медали Российской империи*: в 8 т. Т. 7. М.
- Жабрева, А.Э. 2016: Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. СПб.
- Забелин, И.Е. 2014: *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*. М.
- Киреева, Е.В. 1970: *История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века*. М.
- Кирсанова, Р. 1997: Офрануженный сарафан. *Родина* 7, 33–37.
- ПСЗРИ 1825–1881: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.
- ПСЗРИ 1881–1913: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.
- Смирнов, В.П. 1908: *Описание русских медалей*. СПб.
- Смирнова, Н.М. и др. 2014: *Великие русские победы в медали и гравюре. К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года*. Каталог медалей и гравюр из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.
- Снегирев, И.М. 1851: Древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты. *Древности российского государства*. Отд. IV. В VI отд. М.
- СРМ 1841: *Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археологической комиссией*. Вып. 3. СПб.
- Уортман, Р. 1999: «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века. *Россия*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, начало XVIII – начало XX века. М., 233–244.
- Хобсбаум, Э. 1998: *Нации и национализм после 1780 года*. СПб.
- Хобсбаум, Э. 2000: Изобретение традиций. *Вестник Евразии* 1, 47–62.

- Щукина, Е.С. 2000: *Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1700–1917 гг.* М.
- Agulhon, M., Bonte, P. 1992: *Marianne: les visages de la République*. Paris.
- Eimer, Ch. 2010: *British commemorative medals and their values*. London.
- Gall, L. 1993: Die Germania als Symbol nationaler Identität im 19. und 20. Jahrhundert. In: *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften Göttingen* 2, 3–54.
- Weil, A. et al. 2012: *Au creux de la Main. La médaille en France aux XIXe & XXe siècles*. Paris.

REFERENCES

- Agulhon, M., Bonte, P. 1992: *Marianne: les visages de la République*. Paris.
- Bokova, V.M. 2003: *Bespokoynyy dukh vremeni. Obshchestvennaya mysl' pervoy treti XIX veka* [The Unquiet Spirit of Time. Social thought of the First Tertial of the 19th Century]. In: *Ocherki russkoy kul'tury XIX veka* [Essays on Russian Culture of the 19th Century]. Vol. 4. Moscow, 17–146.
- Dyakov, M.E. 2006: *Medali Rossiyskoy imperii* [Medals of the Russian Empire]. Vol. 6. Moscow.
- Dyakov, M.E. 2007: *Medali Rossiyskoy imperii* [Medals of the Russian Empire]. Vol. 7. Moscow.
- Eimer, Ch. 2010: *British commemorative medals and their values*. London.
- Gall, L. 1993: Die Germania als Symbol nationaler Identität im 19. und 20. Jahrhundert. In: *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften Göttingen* 2, 3–54.
- Hobsbawm, E. 1998: *Nations and Nationalism*. Saint-Petersburg.
- Hobsbawm, E. 2000: The Invention of Tradition. *Acta Eurasica* 1. M., 47–62.
- Kireeva, E.V. 1970: *Istoriya kostyuma. Evropeyskie kostyummy ot antichnosti do 20 veka* [The History of the Costume. European Costumes from Antiquity to the 20th Century]. Moscow.
- Kirsanova, R. 1997: *Ofrantsuzhenny sarafan* [Frenchised sarafan]. *Rodina* [Homeland] 7, 33–37.
- PSZRI 1825–1881: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg.
- PSZRI 1881–1913: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg.
- Shchukina, E.S. 2000: *Dva veka russkoy medali. Medal'ernoye iskusstvo v Rossii 1700–1917 gg.* [Two Centuries of the Russian Medals. Medallist art in Russia 1700–1917]. Moscow.
- Smirnov, V.P. 1908: *Opisanie russkikh medaley* [Description of Russian Medals]. Saint-Petersburg.
- Smirnova, N.M. et al. 2014: *Velikie russkie pobedy v medali i gravyure. K 200-letiyu pobedy v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Katalog medaley i gravyur iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina*. [Great Russian Victories Perceived through Medals and Engravings. The Bicentennial of Victory at the Patriotic war of 1812. Catalogue of medals and engravings from the collection of the Pushkin museum]. Moscow.
- Snegirev, I.M. 1851: *Drevnie velikoknyazheskie, tsarskie, boyarskie i narodnye odezhdy, izobrazheniya i portrety* [Ancient Grand Prince, Tsar, Boyar and Folk Clothes, Images and Portraits]. *Drevnosti rossiyskogo gosudarstva* [Antiquities of the Russian State]. Vol. IV. In the VI vol. Moscow.
- SRM, vol. 3 1841: *Sobranie russkikh medaley, izdannoe po Vysochaishemu povelению Arkheograficheskoy komissii* [Collection of Russian Medals Publish by the Royal Decree by the Archaeographic Commission]. Vol. 3. Saint-Petersburg.
- Vigel, F.F. 1928: *Zapiski* [Notes]. Vol. 2. In 2 vol. Moscow.
- Viskovatov, A.V. 1841–1862: *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk* [Historical description of Clothing and Arms of Russian Troops]. In 30 vol. Saint-Petersburg.

- Volkova, U.M. 2015: *Museum of Russian history abroad (1897-1914). Brotherhood of St. Vladimir*. Catalogue of the collection from the Coins and Medals Department of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Moscow.
- Weil, A. et al. 2012: *Au creux de la Main. La medaille en France aux XIXe & XXe siècles*. Paris.
- Wortman, R. 1999: «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyy mif rossiyskoy monarkhii 19 veka [“Official Nationality” and the National Myth of the Russian Monarchy of the XIX Century]. *Russia* 3 (11), 233–244.
- Zabelin, I.E. 2014: *Domashniy byt russkikh tsarits XVI i XVII stoletiyakh* [Domestic life of Russian tsarinas in the 16th and 17th centuries]. Moscow.
- Zhabreva, A.E. 2016: *Pis'mennye i izobrazitel'nye istochniki po istorii russkogo kostyuma XI–XVII vekov* [Written and Descriptive Sources on the History of Russian Costume 11–17 Centuries]. Saint-Petersburg.

PERSONIFICATION OF THE RUSSIAN STATE IN THE MEDALLIC ART OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Uliana M. Volkova

Pushkin State Museum, Russia,
uliana.volkova@arts-museum.ru

Abstract. The article deals with the history and evolution of the personification of the Russian state in the Russian medallic art of the 19th – beginning of the 20th century. During this period, there were two types of allegory of the country: it was depicted either in the image of the tsarina of pre-Petrine Russia, or a maiden warrior in stylized ancient Russian military armors. The attributes of such personifications were national symbols: a coat of arms, a sword and cross, an emperor's insignia, a rod with Imperial eagle.

The first personification of the Russian Empire as tsarina of pre-Petrine Russia was shown on two medals dedicated to the Patriotic war of 1812 – “People's militia” and “Peace for Europe” from the series of F.P. Tolstoy, minted in 1834 and 1837. Allegories are dressed according to the fashion of the beginning of the 19th century in stylized *sarafan* (Russian folk costume) and *kokoshnik* (traditional Russian headdress). Since 1881, onwards with the medal dedicated to the death of Emperor Alexander II, the personification of Russia was depicted in ethnographically correct costumes and headdresses of Russian tsarinas of the 17th century.

First allegory of Russia as warrior maiden was depicted on the medal by Austrian medallist A. Scharff, minted at the St. Petersburg Mint, dedicated to the revival of the Black Sea Fleet in 1886.

Key words: Russian Medallic art, the 19th – 20th centuries, museum collections

К АТРИБУЦИИ ПЕЧАТЕЙ С ГЕРБОМ РОДА ГАЛАГАНОВ ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА

А.А. Педько

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
anrova@ya.ru*

Аннотация. Три личные печати из коллекции Ю.Ф. Шульца хранятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Эти печати-матрицы с гербами, принадлежавшими малороссийскому роду Галаганов, безусловно интересны с исторической и художественной точек зрения. В статье приводятся этапы атрибуции группы печатей этого рода, который возник в середине XVIII в., а уже в XIX в. угас. Приводятся сведения о родоначальнике – Игнатии Галагане, полковнике в армии Петра I, о его военных победах и гербе, пожалованном ему за заслуги. Первая рассматриваемая печать принадлежала Ивану Григорьевичу Галагану, управляющему делами Прилуцкого полка (Украина), затем получившему должность надворного советника и судьи. Иван Галаган был представителем образованной казачьей элиты Левобережной Украины, служил в казацком войске, имел почетный титул бунчукового товарища. Сохранился его дневник, считающийся ныне памятником староукраинского языка, в который он записывал свои впечатления от путешествий по Европе. Совокупность элементов, выгравированных на печати, указывает на то, что печать принадлежала военному – изображены военные атрибуты.

Две другие рассматриваемые печати изготовлены из сердолика и, предположительно, принадлежали братьям Петру и Павлу Галаганам (середина XIX в.), сенатским регистраторам. Петр Галаган служил в Министерстве Юстиции, а затем в Министерстве внутренних дел занимал должность титулярного советника и чиновника особых поручений. Павел Галаган занимал должность почетного смотрителя Козелецкого уездного училища. Можно с достоверностью утверждать, что печати изготовлены разными мастерами – на это указывает стилистика резьбы. Качество резьбы сильно отличается – от тонкой работы до достаточно примитивной. Имена резчиков печатей, к сожалению, установить не представляется возможным.

Ключевые слова. Галаган, музейная коллекция, сфрагистика, личная печать, гравировка, кентавр, Малороссия

Педько Анастасия Андреевна – сотрудник Отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова.

Публикация статьи осуществлена в рамках проекта: РФФИ (№17-01-14026).

* Выражаю искреннюю признательность Н.М. Смирновой и С.А. Коваленко (ГМИИ им. А.С. Пушкина) за уникальную возможность работать в собрании Отдела нумизматики и за разрешение публиковать хранящиеся там печати; также выражаю благодарность А.П. Черных и Ю.Е. Краснобаевой за важные замечания в ходе написания этой статьи.

Рис. 1. Герб рода Галаганов из Общего гербовника

В Отделе нумизматики хранится коллекция печатей из собрания Юрия Францевича Шульца (1923–2005), известного библиофила, филолога-классика и переводчика, которая поступила в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 2011 г. Это собрание весьма обширно и разнообразно: в него входят около 500 печатей, в том числе членов императорской фамилии, государственных служащих, духовных лиц, а также масонские, купеческие и почтовые. Работая над коллекцией, Шульц составил рукописный каталог с описанием и прорисовками всех печатей с указанием их примерной датировки и персональной атрибуции, если была такая возможность.

Большой интерес вызывает исследование групп печатей, принадлежавших одному роду, анализ элементов гербов и выявление различий. В коллекции есть три печати, несомненно принадлежавшие роду Галаганов, но необходима также их персональная атрибуция с уточнением времени создания.

В центральной России и Украине среди крестьянства фамилии до XIX в. были относительно редки, поэтому можно полагать, что фамилия Галаган относится к знатному роду. Эта фамилия восходит к аналогичному прозвищу, в основе которого лежит украинское слово «галган»¹, которое переводится как «индюк». В некоторых диалектах это прозвище также имело значение «бештаный бедняк». В таком случае Галаганом могли прозвать и напыщенного гордеца, и бедняка. Кроме того, существовал глагол «галанить», означавший в украинских и курском диалектах «горланить, кричать, шуметь; спорить, шумно пустословить, вздорить»², стало быть, прозванием Галаган могли наградить и горлана, и спорщика.

В краткой статье «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» сообщается: «Галаганы – русский дворянский род, записанный в I часть родословной книги Черниговской губернии, ныне угасший. Родоначальник их, Игнатий Иванович Г. (умер в 1748), был полковником чигиринским и прилукским»³.

Игнатий Иванович Галаган был сыном бедного казака из местечка Омельника Кременчугского уезда. Свою молодость он провел в Запорожье, где, несмотря на свою неграмотность, выдвинулся в ряды старшины. Его имя впервые встречается в документах в 1706 г., когда запорожцы, взволнованные суровой карой, постигшей их товарищей за самовольный уход из похода с великорусскими войсками, отправили его во главе посольства к Петру I в Киев – в это время Галагана уже называли атаманом. Его посольство, однако, не принесло результата, так как он не застал в Киеве императора. В том же году Галаган, будучи уже запорожским пол-

¹ Унбегаун 1995, 225.

² Даль 1993, 839–840.

³ Брокгауз и Ефрон 1892, 7А, 886.

ковником, командовал отрядом запорожцев, высланных Сечью на помощь царю Петру против шведов. Во время службы Галаган проявил себя, и его заметил Мазепа, который в это время привлекал на свою сторону выдающихся людей из старшины. Вскоре гетман назначил Галагана полковником одного из охочекомонных⁴ полков, являвшихся тогда главным оплотом гетманской власти. По всей вероятности, Мазепа, назначая Галагана на эту должность, рассчитывал на его поддержку при выполнении своего замысла. Также есть основания считать, что Галаган первоначально сочувственно относился к планам гетмана. По крайней мере, когда Мазепа перешел на сторону шведов, последовал за ним и Галаган, однако вскоре вернулся обратно. В источниках существует два противоречивых свидетельства о действиях Галагана: по одному – он покинул шведов, получив от самого Мазепы поручение передать царю условия примирения между ними⁵, по другому свидетельству⁶ – Галаган был обманным путем и даже насильно склонен Мазепой на свою сторону. Позже, однако, он самостоятельно убедился в тщетности его замыслов. Известный российский историк XIX в. Н.И. Костомаров достаточно ярко описал встречу Галагана с Петром I: «Он был представлен лично Петру в Лебедине, куда перенесена была главная квартира. «Как, и ты с Мазепою изменил мне и убежал?» – спросил его Петр. “Я бы не бежал, – ответил Галаган, – но виноват тем, что допустил Мазепу обмануть себя. Я по приказанию шел со своим полком, думая, что веду его против неприятеля, и уже в виду неприятельского войска узнал, куда меня ведут. Меня принудили присягнуть на верную службу шведскому королю, но присяга невольная, только на словах: как только неприятель перестал наблюдать над нами, так я и убежал служить своему государю! Твоя воля, прости и дозвожь умереть на твоей службе”. “Прощаю, – сказал Петр, – смотри, не сделай со мною такой шутки, как с Карлом”»⁷. Являясь к императору с повинной, Галаган в доказательство своей искренности привел к нему шестьдесят взятых им в плен шведов⁸. Действительно, с этого момента Галаган является верным приверженцем царя и врагом не только шведов и Мазепы, но и своей Сечи⁹. Петр I простил Галагана, а вскоре, благодаря его удачным партизанским действиям над шведами, восстановилось к нему и полное доверие со стороны императора. Галаган оправдал это доверие: со своими компанейцами он перехватывал шведских посыльных, разбивал неприятельские обозы, ликвидировал сообщение с непри-

⁴ Охочекомонные полки – это конные полки, составленные из охотников (до революции в России называли добровольцев). Формировалось в военное время из числа населения, которое в межвоенное время вело жизнь мирных поселян и промышленников и имело лошадей. Они содержались на жалование и имели зеленые казацкие мундиры. Впоследствии из охочекомонных составили полки, названные компанейскими.

⁵ Ригельман 1847, 534.

⁶ Ригельман 1847, 535.

⁷ Костомаров 1993, 547.

⁸ Ригельман 1847, 527.

⁹ Тарас Шевченко называет Игнатия Галагана «поганим» за то, что он помог царским войскам разрушить Запорожскую Сечь и расправиться с ее жителями. Позже, однако, в повести «Музыкант» Шевченко вспомнил Галагана, который «первый отложился [т.е. отрекся – А.П.] от Мазепы и передался царю Петру, за что и был, по смерти полковника Носа, возведен в звание прилуцкого полковника и одарен великими маестностями [т.е. имением, вотчиной – А.П.] в том же полку». Шевченко 2003, 44–46; 577–580.

ятелем, захватил несколько шведских пушек, «пернач, бунчук, знамя, литавры»¹⁰ и значительную казну, которой Петр I его затем наградил за его удачные «поиски над шведами»¹¹.

В марте 1709 г., то есть в самое напряженное время, Галаган стал Чигиринским полковником. Назначение это состоялось, несомненно, по указанию Петра I, который в это время пристально следил за всеми делами, происходившими в Малороссии, в том числе и за замещением полковничьих и других высоких должностей. В универсале¹² нового гетмана Скоропадского по этому поводу сказано, что Галаган избран Чигиринским полковником по просьбе Чигиринского сотника Григория, а также общества, ходатайствовавшего, чтобы в это смутное и тяжелое время им назначили полковника «якаго подуфалого (т.е. отважного) и в войсковых делах искусного товарища»¹³. Из этого универсала видно, что Галаган был хорошо известен как храбрый и умелый казак.

«Бывший сечевик Галаган, отступившийся от Мазепы и изо всех сил выслужившийся теперь перед царем»¹⁴, был назначен Чигиринским полковником, принимал участие в освобождении Малороссии от шведов, но особенно отличился 14 мая 1709 г. при взятии Сечи. Она безуспешно осаждалась полковником Яковлевым, и только прибытие Галагана с московским войском решило ее участь: Сечь, расположение которой было отлично известно Галагану – «он знал все запорожские тропинки и дорожки»¹⁵ – и которая на тот момент была почти безоружна, была сожжена и разрушена. На сечи находились только старые казаки, атаманы и полковники, которые свое уже отвоевали. Сечевой атаман Яким Богуш, несмотря ни на что, решил дать бой¹⁶. По другой версии – «запорожцы сдались на уверения Галагана и московских офицеров, но данное им обещание не было сдержано, и их жестоко наказали за восстание»¹⁷. Тем не менее почти все запорожцы погибли, а тех, которых удалось взять в плен, по приказу Галагана казнили с ужасной свирепостью: посадили на кол и на плотах пустили вниз по Днепру в устрашение тем казакам, которые скрывались в пойме реки. По случаю этого события Петр I издал Грамоту к Гетману Скоропадскому и ко всему Малороссийскому народу об измене Запорожских Козаков: «И тако те злые Богомерские изменники и бунтовщики и разрушители покою в Малороссийском краю, давно заслуженную за свои злые дела, от Бога казнь и смерть праведно восприяли, и той своей погибели сами суть виновны»¹⁸. Петр издал указ: «Ежели из тех изменников Запорожцов, которые пошли к изменнику Мазепе, или из утекших при Сечи и иных мест будут где в Малороссии укрываться, сыскивать, ловить и приводить к Полковнику, Сотнику, а им присылать к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, кроме

¹⁰ Маркевич 1840, LXI.

¹¹ Бантыш-Каменский 1830а, 179.

¹² Универсал (польск. *uniwersal* – королевская грамота) – письменный манифест, законодательный, распорядительный акт административно-политического содержания в Речи Посполитой (в XV–XVIII веках) и Гетманщине (в XVII–XVIII веках).

¹³ Ригельман 1847, 538.

¹⁴ Грушевский 1913, 381.

¹⁵ Грушевский 1913, 381.

¹⁶ Грушевский 1830, 55.

¹⁷ Грушевский 1913, 381.

¹⁸ Грушевский 1840, LXI.

тех, которые из тех же Запорожцов будут сами приходить и вины свои приносить, и оных тебе, подданному Нашему, Гетману принимать и приводить к присяге, и вины их им отдавать и сю Нашу, Великого Государя, Грамоту в войске Нашем Запорожском и по всей Малой России в городах, в местечках, и в селех прочитывать, а у церквей, для объявления всем, прибывать указами, дабы о том всем было ведомо»¹⁹.

Петр I придал огромное значение этому событию и отпраздновал со стрельбой уничтожение этого «проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю было»²⁰, а в письме к царевичу Алексею поздравил его со взятием штурмом «изменничьего гнезда, Запорожской Сечи», а также за то, что «онных проклятых воров всех посек и тако весь корень отца их, Мазепы, искоренен»²¹. По царскому указу в 1709 г. за свою службу Галаган получил четыре села в Чигиринском уезде – князь Д.М. Голицын выдал Галагану на эти села уряд, а затем они были за ним утверждены Универсалом гетмана Скоропадского, который в 1710 г. добавил к ним еще одно село. Однако, по Прутскому мирному договору²², западная сторона Днепра выходила из-под контроля России и отдавалась Польше. Это обстоятельство заставило Галагана отказаться от своих имений. Взамен им гетман дал ему в июне 1711 г. местечко Веремеевку в Лубенском полку. Вместо уряда Чигиринского полковничества, который по тому же договору также упразднился, Галаган в конце марта 1714 г. получил в свое ведение полк Прилуцкий. Незадолго до этого события, в марте 1714 г., он получил новую «царскую милость» – грамоту на имения. По всей вероятности, и на этот раз назначение Галагана состоялось по указанию самого царя, который ценил в Галагане его преданность и воинские заслуги. Известие о назначении Галагана Прилуцким полковником взволновало всех полчан, так как во всей Малороссии крутой нрав Галагана обрел широкую славу. Галаган, ввиду того, что он был чужаком для прилучан, не мог быть избранным ими полковником. Поэтому прилучане тотчас же обратились к гетману и стольнику Протасьеву с просьбой, чтобы Галаган, как «не их полку родимец и никаких там грунтов не имеет, обид и налогов им, полчанам, не чинил»²³. Эта просьба была признана гетманом уважительной, и он вручил Галагану вместе с полковничьими клейнодами (т.е. знаками полковничьей власти) и особые, единственные в своем роде и любопытные, «пункты» для руководства в управлении полком, которые в первую очередь могли ограничить его произвол. К сожалению, эти пункты, в виду слабости тогдашней гетманской власти, оказались бессильными сдержать Галагана, который самовластно, почти без участия полковой старшины, управлял полком и менял своих помощников по своему усмотрению и без ведома гетмана. На Галагана полчане жаловались гетману, но он был почти бессилен ему противодействовать. Тем не менее за доблестную службу Российской империи, личную преданность Петру I, за то, что лично командовал русскими войсками при уничтожении Запорожской Сечи, полковнику Игнатию (Гнату) Галагану в ноябре 1716 г. были дарованы графский титул и земли села Сокиренцы. Петр I сде-

¹⁹ Грушевский 1840, LXI.

²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого к А.Д. Меншикову 1950, 191–192, № 3203.

²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого к А.Д. Меншикову 1950, 192, № 3204. К царевичу Алексею Петровичу.

²² Вышинский, Лозовский 1948. Прутский мирный договор 1711.

²³ Половцов 1896–1918, 121–123.

лал Галагана одним из самых богатых помещиков Левобережной Украины. Кроме этого, ему принадлежало несколько сел, которыми он владел «на уряд», т.е. в чине полковника, пользуясь своей властью. Всего в его ведении было около 800 дворов. За двадцатипятилетнее управление Прилуцким полком Галаган нажил большое состояние, а село Сокиренцы стали резиденцией семейства Галаганов более чем на три века.

Рис. 2. Двусторонняя печать-гемма с гербом рода Галаганов. Лицевая сторона. ГМИИ, Инв. Н-267441. Овал 27,5x25 мм, высота геммы 7 мм

Рис. 3. Обратная сторона печати-геммы с инициалами владельца

Герб Галаганов внесен в Общий гербовник дворянских родов: «В щите, имеющем голубое поле, изображены две серебряные шестиугольные звезды, а под ними находится ипокентавр²⁴ (то есть конь, у которого вместо головы видна половина обнаженного человека), пускающий из лука стрелу в челюсти змия, означенного на месте конского хвоста. Щит увенчан дворянским шлемом и короною со страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный серебром»²⁵. В «Малороссийском гербовнике»²⁶ Модзалевского также есть информация об этом роде.

Большой интерес вызывает атрибуция печати-геммы с родовым гербом Галаганов. С двух сторон печати имеются два углубления для подвижной дужки, ныне утраченной. Печать вырезана из светлого сердолика, детали самым тщательным образом проработаны. На первой, гербовой, стороне печати в фигурном щите того вида, который в геральдике называется немецким или польским, изображен герб рода Галаганов (рис. 2). В центре герба не гипоцентавр, а кентавр – у коня обыкновенный хвост, а не змея, как в гербовниках, и в кого он целится – непонятно (это уже изображение стрельца, целящегося в невидимое). На его голове изображен головной убор с двумя поднятыми по бокам полями, которого тоже нет в установленном изображении на гербе. Герб окружают военные атрибуты: штандарты, пушки, ядра, барабан.

На второй стороне в овальном щите (рис. 3.), окруженном барочными картушами и цветочными ветвями, латинские литеры «JG». Изображение венчает стоящий лебедь. Ю.Ф. Шульц в своем каталоге²⁷ гипотетически определил принадлежность печати Ивану Григорьевичу Галагану.

²⁴ Гипоцентавр, Китоврас – гласный герб, используемый многими шляхетскими родами в Польше и Великом княжестве Литовском. Представляет собой изображение кентавра – геральдическая фигура, у которой голова, грудь и руки от человека, а остальные части туловища происходят от лошади. В общепринятой форме герба, известной с XVI в., у кентавра вместо хвоста – змея, в голову которой он целится из лука.

²⁵ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи 1798–1836. Ч.5, 120.

²⁶ Лукомский, Модзалевский 1914, 29.

²⁷ Рукопись Ю.Ф. Шульца, ОН ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Мною была предпринята попытка систематизировать членов этого рода, но, кроме имен и занимаемых должностей, информации о них очень мало. Исходя из того, что изображено на печати, владельца надо искать среди тех членов рода, которые гордились своими успехами на военном поприще. Просмотрев множество документов, гербовников и родословных семьи Галаганов, мы можем уже подтвердить вывод Шульца о том, что эта печать действительно принадлежала Ивану Григорьевичу. Начнем с того, что литеры «J» означают Johann или Johannes (в России – Иван), а «G» – Galagan. В «Малороссийском родословнике» Модзалевского есть только один человек, которому подошли бы инициалы, вырезанные на печати. В этом источнике об Иване Григорьевиче есть такие сведения: «с 1763 года бунчуковый товарищ²⁸, а с 1763–1767 гг. году ему было поручено управлять делами Прилуцкого полка до окончательного увольнения отца, Григория Игнатьевича (1716–1777)»²⁹. Далее известно, что с 1771 г. он занимал должность коллежского асессора при отставке, затем в 1784 г. стал судьей Прилуцкого уездного суда и надворным советником. Также есть сведения о вкладе И.Г. Галагана в развитие староукраинского языка, которые отражены в статье лингвиста-исследователя Т.Л. Видайчук³⁰. Галаган был представителем образованной казачьей элиты Левобережной Украины, служил в казацком войске, имел почетный титул бунчукового товарища. Как свидетельствуют обнаруженные загранпаспорта И.Г. Галагана, он действительно находился в течение 1781 и затем с 1785–1786 в путешествиях по Европе в связи с обучением сына в Лейпциге³¹. О «трехкратной поездке» автор Галаган упоминает в «Пунктах духовных». «Обучая своих детей за рубежом, украинское дворянство посещает театры, картинные галереи, выставки, благотворительные мероприятия гуманистов, изучает преимущества в архитектуре, парковой культуре, транспорте, оздоровлении, досуге и т.д.»³² – все это отражено в «Записках повседневности» И.Г. Галагана³³. «Автор находился в близких отношениях с президентом второй Малороссийской коллегии, фельдмаршалом П. Румянцевым-Задунайским, советником коллегии иностранных дел и членом посольства Украины. Заезжал в столицы многих европейских государств, оставил в своем дневнике интересные обобщения и искренние признания. В дискурсе украинской исторической лингвистики уже звучала мысль о том, что памятник стоит печати и внимания лингвистов»³⁴.

²⁸ Бунчуковый товарищ – звание, которым малороссийские гетманы сначала награждали сыновей генералов и полковников, затем их потомкам даровалось право на русское потомственное дворянство. Обязанность б.т. заключалась в том, что он сопровождал гетманов в походах, находясь «под бунчуком» (бунчук – знак гетманской власти, достоинства гетманов). Состоявшие в этом звании освобождались от местного суда и подчинялись непосредственно суду гетмана. Они не имели определенной должности, за свою службу жалования не получали и находились на собственном содержании.

²⁹ Модзалевский 1908, 228.

³⁰ Видайчук 2013, 100–105.

³¹ Горобец 2002, №. 6, 35.

³² Видайчук 2013, 100–105. Ссылается на Особый архивный фонд. Материалы И.Г. Галагана. Рукопись НБУ им. В.И. Вернадского, шифр Ф. II, № 265.

³³ Оригинал рукописи хранится в фондах Института рукописи НБУ им. В.И. Вернадского и состоит из двух частей: Книга I – путевые записи в течение 1781 из Лейпцига и столиц соседних государств. Книга II – записи путешествий между городами Париж – Мюнхен – Краков – Киев в течение 1785–1786 гг.

³⁴ Видайчук 2013, 101.

Рис. 4. Печать-гемма с гербом рода Галаган. ГМИИ, Инв. Н-267440. Овал 24,5х30 мм, высота геммы 5 мм.

Рис. 5. Печать-гемма с гербом рода Галаган. ГМИИ, Инв. Н-267439. Овал 25х32,5 мм, высота геммы 4,5 мм.

Вторая печать-гемма (рис. 4) с гербом рода Галаганов выполнена из сердолика. Оправа отсутствует, возможно, утрачена. Поле геммы гладкое, на матрице отсутствует какая бы то ни было информация о владельце – есть только изображение герба Галаганов в треугольном, суживающемся книзу щите.

Следующая печать (рис. 5), вырезанная из сердолика, также не дает возможности провести персональную атрибуцию. Поле матрицы также гладкое, только здесь герб Галаганов окружен цепочкой из кружков. Форма щита иная, чем на предыдущей печати, хотя некоторая схожесть все же есть³⁵. Такая форма щита называется «английской» и свое развитие получила в XVIII в.

Что касается стилистики гравировки, то видно, что эти печати изготавливались совершенно разными мастерами. На печати (рис. 4) резьба искусная, детали тщательным образом проработаны, геральдический голубой цвет поля щита обозначен тонкими и ровными горизонтальными линиями. Окантовка щита также вырезана очень четко, по всему периметру видны мельчайшие заклепки-гвоздики, а две шестиконечные звезды, включенные в герб, поражают своей филигранностью. Удивительное впечатление производит фигура гипопонтавра: размер торса пропорционален щиту, и он идеально «вписан» в него. При увеличении изображения прекрасно видны тонкие черты лица и мускулатура лошади, что также доказывает мастерство резчика. На голове кентавра виден головной убор с козырьком.

В отличие от предыдущей печати, вторая (рис. 5) при беглом рассмотрении кажется более «богатой» и нарядной из-за такого декоративного элемента, как цепочка, которая, обрамляя печать, не несет никакой смысловой нагрузки. Красный сердолик, из которого сделана печать, неоднородный, с коричневыми вкраплениями, которые еще больше украшают эту вещь.

При внимательном рассмотрении печати мы видим, что продольные линии, означающие голубой цвет поля щита, вырезаны неровно, местами руку резчика «уводит» совершенно в другую сторону, а две шестиконечные звезды далеки от идеала. Голова гипопонтавра обозначена схематически и неясно, какой тип головного убора изображен, а фигура «заваливается» вперед и упирается передними ногами в край щита. Резчику пришлось даже согнуть их, чтобы хоть как-то вписать в щит. Как мы видим, нет сомнений в том, что печати вырезаны разными мастерами.

³⁵ Примечательно, что на всех трех печатях в нашлемнике, над короной, изображены 5 страусовых перьев, а не 3, как в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи и в Малороссийском гербовнике. Видачук 1914, 29.

На данных печатях, как это нередко случается, нет ни инициалов владельца, по которым можно определить принадлежность конкретному лицу, ни даты, по которой можно определить время создания вещи. Ввиду отсутствия опознавательных знаков и достаточно большого количества представителей рода, точно определить заказчиков и владельцев этих печатей очень сложно.

Род Галаганов не очень большой, возникнув в начале XVIII в., во второй половине XIX в. угас совсем. Мужских представителей рода было известно не очень много, всего 11 человек, и если посмотреть «Родословник»³⁶, то мы видим, что многие из них до первой четверти XIX в. были безграмотны, и, соответственно, иметь личную печать для заверения писем и документов им было не нужно. Среди представителей рода также есть военные – от низших до самых высоких должностей казачьего военного сословия, но, насколько можно предположить, эти печати из коллекции Шульца не имеют к ним отношения. Если бы эти печати принадлежали военным, а в роду их было 7 человек, то они бы наверняка отразили в них характер своей деятельности, то есть включили бы в поле матрицы печати военные атрибуты, но на печатях этого нет. О многих личностях, указанных в «Родословнике», не только не осталось никаких личных документов, но нет о них и свидетельств современников, которые хоть как-то могли бы упомянуть их в своих мемуарах. Вряд ли кто-то будет заказывать резную гербовую печать только по статусным соображениям, не предполагая ее практического использования.

Можно предположить, что эти две печати принадлежали двум братьям Галаганам – Петру Григорьевичу (1792–1855) и Павлу Григорьевичу (1793–1834) родом из села Сокиренцы. Нам кажется, что эти две кандидатуры были самыми подходящими из всех, описанных в документах и родословных.

Петр Григорьевич в 1810 г. окончил Горный Кадетский Корпус³⁷, через год стал сенатским регистратором³⁸. С 1813–1817 гг. служил в Коллегии Иностранных дел, затем по 1820 г. – в Канцелярии Малороссийского генерал-губернатора, князя Н.Г. Репнина-Волконского (1778–1845). Работал в Министерстве Юстиции, а затем в Министерстве внутренних дел занимал должность титулярного советника и чиновника особых поручений.

Фактически нет документов, которые дали бы более полную информацию о его брате, Павле Григорьевиче. Известно только, что он был сенатским регистратором с 1811 г.³⁹, затем с 1830 г. около четырех лет был коллежским ассессором, затем занимал должность почетного смотрителя Козелецкого уездного училища⁴⁰.

Можно также предложить альтернативную версию истории создания печатей: вероятно, кто-то из членов рода заказал печать (рис. 5), но из-за некачественной гравировки ему пришлось заказать у другого мастера новую (рис. 4), которая удовлетворяла бы его вкусам и потребностям.

Таким образом, в отсутствие веских доказательств можно лишь предполагать, кому именно могли принадлежать эти две печати из красного сердолика.

³⁶ Модзалевский 1908, 221–225.

³⁷ РГИА. Ф. 1400. Оп. 2, Д. № 47.

³⁸ Модзалевский 1908, 224.

³⁹ РГИА. Ф. 1343, О. 51, Д. № 442. Галаган П.Г.

⁴⁰ Модзалевский 1908, 224.

- Брокгауз Ф.А., Ефрона И.А. 1892: *Энциклопедический словарь* Т. 7А. СПб.
- Бантыш-Каменский, Д.Н. 1830а: *История Малой России*. Ч. 3. М.
- Бантыш-Каменский, Д.Н. 1830б: *История Малороссии*. Т.1. М.
- Вышинский, А.Я., Лозовский, С.А. 1948: *Дипломатический словарь. Прутский мирный договор 1711*. М.
- Грушевский, М.С. 1913: *Иллюстрированная история Украины*. СПб.
- Даль, В.И. 1993: *Толковый словарь живого великорусского языка*: Т.1. М.
- Костомаров, Н.И. 1993: *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. М.
- Лукомский, В.К., Модзалевский, В.Л. 1914: *Малороссийский гербовник*. СПб.
- Маркевич, Н.А. 1840: *История Малороссии. LXI. Грамота Государя Петра I к Гетману Скоропадскому и ко всему Малороссийскому народу об измене Запорожских Козаков*. Т. 2. СПб.
- Модзалевский, В.Л. 1908: *Малороссийский родословник*. Т.1. Киев.
- Модзалевский, В.Л. 1914: *Малороссийский гербовник*. Т. 3. СПб.
- Половцов, А.А. 1896–1918: *Русский биографический словарь*. Т. 4. СПб.
- Ригельман, А.И. 1847: *Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще*. Ч. 3. М.
- Унбегаун, Б.О. 1995: *Русские фамилии*. М.
- Видайчук, Т.Л. 2013: “Записки” І.Г. Галагана—малодосліджена пам’ятка мови XVIII ст. В сб.: *Слово і речення: синтактика, семантика, прагматика: Матеріали міжнародної наукової конференції*. Киев, 100–105.
- Горобець, В.Й. 2002: *Недосліджена пам’ятка мови і культури XVIII ст. Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика* 6. Киев.
- Шевченко, Т. 2003: *Зібрання творів: у 6 т. Т. 2: Поезія 1847–1861*. Киев.

REFERENCES

- Bantysh-Kamenskiy, D.N. 1830: *Istoriya Malorossii [History of Little Russia]*. T.1. Moscow.
- Bantysh-Kamenskiy, D.N. 1830: *Istoriya Maloy Rossii [History of Little Russia]*. Pt. 3. Moscow.
- Dal', V.I. 1993: *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language]* Vol.1. Moscow.
- Brokgauz, F.A., Efron, I.A. 1892: *Entsiklopedicheskiy slovar' [Collegiate Dictionary F.A Brockhaus and I.A Efron]*. Vol. 7A. Saint-Petersburg.
- Gorobec', V.Y. 2002: *Nedoslidzhena pam'jatka movi i kultury XVIII st. Aktual'ny problemy ukrai'nskoi' lingvistiki: teorija i praktika [Memo Scouted Language and Culture of the 18th Century. Actual Problems of Ukrainian Linguistics: Theory and Practice]* 6. Kiev.
- Grushevskiy, M.S. 1913: *Ilyustrirovannaya istoriya Ukrainy [An illustrated history of Ukraine]*. Saint-Petersburg.
- Kostomarov, N.I. 1993: *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah eye glavneyshih deyateley [The Russian History in the Lives of its Principal Figures]*. Moscow.
- Lukomskiy, V.K., Modzalevskiy, V.L. 1914: *Malorossiyskiy gerbovník [Little Russian Armorial]*. Saint-Petersburg.
- Markevich, N.A. 1840: *Istoriya Malorossii. LXI. Gramota Gosudarya Petra I k Getmanu Skoropadskomu i ko vsemu Malorossiyskomu narodu ob izmene Zaporozhskih Kozakov [History of Little Russia. LXI. Diploma of Emperor Peter I to the Hetman Skoropadsky, and to all the Little Russian People about the betrayal of Zaporozhye Cossacks]*. Vol. 2. Saint-Petersburg.
- Modzalevskiy, V.L. 1908: *Malorossiyskiy rodoslovník [Little Russian genealogy]*. Vol. 1. Kiev.

- Modzalevskiy, V.L. 1914: *Malorossiyskiy gerbovník* [*Little Russian armorial*]. Vol. 3. Saint-Petersburg.
- Polovtsov, A.A. 1896–1918: *Russkiy biograficheskiy slovar'* [*Russian Biographical Dictionary*]. Vol. 4. Saint-Petersburg.
- Rigelman, A.I. 1847: *Letopisnoe povestvovanie o Maloi Rossii i eye narode i kazakakh voobshche* [*Chronicles of Little Russia and its People and the Cossacks*]. Pt. 3. Moscow.
- Shevchenko, T. 2003: *Zibrannja tvoriv* [*Collected Works*]: In 6 pt. Pt. 2: *Poesiya* [*Poems*]. Kiev.
- Unbegaun, B.O. 1995: *Russkiye familii* [*The Russian surname*]. Moscow.
- Vidaychuk, T.L. 2013: "Zapiski" I.G. Galagana–maloslidzhena pam'jatka movi XVIII st. V *Slovo i rechennya: sintaktika, semantika, pragmatika: Materiali mizhdunarodnoy naukovoï konferencii* ["Notes" I.G. Galagan- the Language Unexplored Monument of XVIII Century. *The Word and the Sentence: Syntactics, Semantics, Pragmatics: Proceedings of the International Conference*]. Kiev, 100–105.
- Vyshinskiy, A.Ya., Lozovskiy, S.A. 1948: *Diplomatičeskij slovar'. Prutskij mirnyj dogovor 1711* [*Diplomatic Dictionary. Treaty of the Pruth 1711*]. Moscow.

THE ATTRIBUTION OF THE SEAL WITH COAT OF ARMS OF THE GALAGAN FAMILY FROM THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Anastasia A. Pedko

Lomonosov Moscow State University, Russia,
anpova@ya.ru

Abstract. The article is dedicated to three private seals from the collection of Pushkin state museum of fine arts. The engravings on the matrix show the coats of arms of the Galagan family – originated from the Little Russia at the beginning of the 17th century. These seals are certainly interesting with a historical and artistic point of view. The main purpose of the article is attribution and determination of the date. The first part of article gives the information about the ancestor – Ignatius Galagan. He was a colonel in the army of Peter the Great, and for his military victories and his service the emperor granted him the coat of arms. The elements, engraved on the first side of seal, indicate its belonging to the service man: the kettle-drums, banners, sword – are typical military attributes. The engraving on the coat of arms – centaur. On the other side engraved a monogram "JG", which indicates the belonging to Ivan Galagan, according to the documents. Ivan Grigorievich Galagan was the ruler of Prilutsky Regiment (Ukraine), than he was promoted as the counselor and judges of the court. He was also among the educated elite of the Cossack Left-Bank Ukraine, he served in the Cossack army, had the honorary title. He also travelled in the Europe and left the diary, which is an artifact of old Ukrainian language.

The next two seals are made of carnelian and probably belonged to brothers Peter and Paul Galagan (mid 19th century), the Senate registrars. Peter Galagan served in the Ministry of Justice, and then in the Ministry of Internal Affairs was the titular counselor and officer on special assignments. Pavel Galagan served as honorary ranger of Kozelets district school. We can certainly say, that these seals are made by different masters – the style of carving indicates that. The quality of carving is strongly different – from elegant to quite primitive. Unfortunately, it is not possible to establish the names of masters, who created these two seals.

Key words: Galagan, Museum Collections, sphragistics, private seal, engraving, centaur, Little Russia

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 518–523
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 518–523
©Автор(ы) 2017

Рецензия на сборник: Клейн Л.С. Первый век: сокровища сарматских курганов. – СПб: Евразия, 2016. – 224 с., цв. илл.

Каждой книге – свое время. В этом смысле появление книги «Первый век: сокровища сарматских курганов» Л.С. Клейна¹, видимо, неслучайно. Сравнительно недавно перед этим вышла из печати книга И.П. Засецкой «Сокровища кургана Хохлач»², которая является первой подробной научной публикацией этого знакового для сарматской археологии комплекса. Садовый курган, раскопанный Л.С. Клейном при весьма специфических и даже трагических обстоятельствах и содержащий высокохудожественные предметы античного искусства, несомненно, заслуживает подобного издания. Но предметы из раскопок хранятся не в «главном музее страны» – Государственном Эрмитаже, а в провинциальном Ростовском краеведческом музее с ограниченными финансовыми возможностями. Поэтому подготовка публикации Садового кургана на достойном уровне, с проведением химических и металлографических анализов, подробной графической и фото-документацией пока трудно реализуема, о чем автор с болью пишет на последних страницах книги³. Возможно, этим обстоятельством обусловлено и отсутствие авторского введения, где были бы сформулированы цели и задачи данной работы, и выбранный автором научно-популярный жанр изложения. Впрочем, как может понять внимательный читатель, не очень-то он «научно-популярный». Цели же и задачи автора имплицитно отражены в названии, структуре и содержании текста.

В самом делении книги на две сравнительно равноценные части «1. Лось и Купидон: загадки Новочеркасского клада» и «2. Терзание Таранда: страсти и коллизии Садового кургана» заложена идея сопоставления двух археологических комплексов, дополняющих друг друга, что увеличивает их ценность для науки. В археологической литературе эти два донских кургана с собственными именами давно уже фигурируют вместе. Их судьбы, изложенные Л.С. Клейном, во многом перекликаются. Они иллюстрируют, как особенности археологизации памятника, уровень профессиональной подготовки полевого археолога, конкретные социально-политические обстоятельства, а также морально-этические качества отдельных людей, вовлеченных в процесс обнаружения, консервации и хранения находок определяют возможности дальнейшего изучения и интерпретации археологического материала. Отсутствие полной информации об археологическом контексте сказывается на степени надежности и частных выводов, и исторических обобщений, поскольку в приводящих к ним логических цепочках приходится использовать большое число допущений.

На материале курганов Садовый и Хохлач Л.С. Клейн показывает, как некоторые казавшиеся когда-то вполне доказанными положения со временем подверглись сомнению в результате расширения источниковой базы и появления новых подходов и принципов исследования. Многие истории, рассказанные автором, могут быть продолжены и дополнены. Так, один из сюжетов, связанных с

¹ Kleyn 2016.

² Zasetskaya 2011.

³ Kleyn 2016, 203–204.

курганом Хохлач, посвящен «загадочным горлам от серебряных сосудов, заткнутым деревянными пробками», которые были найдены там же, где «одежды с бляшками»⁴. Спустя сто лет со времени находки, К.М. Скалон определила их как серебряные ножки стула или кресла, сопоставив со складным стулом из погребального комплекса гуннского времени у с. Концешты, Молдавия⁵. Эта информация послужила важным дополнением к характеристике социального положения женщины, предположительно погребенной в кургане Хохлач. Из сочетания в одном погребальном комплексе парадного трона и золотой диадемы последовал вывод о вероятном обожеествлении «царицы» из Хохлача, посмертном или прижизненном. Изображение этой «дамы в кресле» с многочисленными параллелями в памятниках искусства Боспорского царства, Прикубанья и Алтая⁶ опубликовано во многих научных и научно-популярных изданиях. Однако мне представляется, что наличие в комплексе кургана Хохлач трона – это не факт, зафиксированный в ходе археологических раскопок, а лишь допущение, основанное, в том числе, на представлении об особом историческом значении данного памятника. Совершенно верно определенные как относящиеся к мебели, ножки из Хохлача вполне могли быть остатками ложа, а не стула. Некоторые составные части лежанок и стульев схожи по своей конструкции⁷. Известны случаи, когда находки частей лежанок вначале ошибочно собирались в виде стула, а настоящий облик этих предметов восстанавливали лишь в результате новых исследований⁸. Бронзовые детали клине обнаружены в III гробнице Артюховского кургана⁹. В близком Хохлачу по социальному статусу женском погребении Ногайчинского кургана по углам деревянного саркофага обнаружены деревянные столбики, обернутые серебряным листом¹⁰, которые, возможно, являлись имитациями ножек ложа. Гроб при этом был накрыт покровом с золотыми бляшками, что зафиксировано во время раскопок. Так что совместная находка «серебряных ножек» с нашивными бляшками необязательно означает наличие в погребении парадного кресла. Вариантов интерпретации функционального назначения некоторых предметов из кургана Хохлач в отсутствие документированного погребального контекста и в силу неполной сохранности может быть гораздо больше (например, отмеченный Л.С. Клейном казус с металлическими частями вееров, определенными изначально как «коробочки»¹¹), и каждый из них имеет право на существование.

Множественность интерпретаций допускают не только частные выводы исследователей о назначении предметов, смысле изображенных сюжетов и мотивов, но и общие реконструкции культурно-исторических процессов. Л.С. Клейн последовательно разбирает возможные варианты путей трансфера римских импортов в степи Восточной Европы: как товар, военная добыча, дипломатические дары¹². Оценивая «за» и «против» для каждого варианта, он отдает предпочтение последнему. Далее автор ставит вопрос: кого и зачем нужно было дарить на Дону и Кубани в I–II вв. н.э.? И отвечает на него согласно сложившейся в отечественной научной литературе традиции интерпретировать особенности погребений элиты I в. н.э. как отражение этнических процессов. В соответствии с этой концепцией римские и провинциально-римские импорты распространились в степях Восточной Европы с появлением нового кочевого этноса, который был недружественен Риму. Причем контакты этого этноса с римской властью были прямыми, поскольку «на Боспоре и других понтийских городах, которые играли роль посредников в торговле с варварами, не найдено дорогой серебряной и бронзовой посуды»¹³, что представляется довольно слабой аргументацией. Мнения о том, какому именно «племени-гегемону» принадлежали эти памятники – аорсам или аланам, расходятся¹⁴. Л.С. Клейн считает эти памятники принадлежащими аорсам и предлагает обозначить феномен появле-

⁴ Kleyn 2016, 43–44.

⁵ Skalon 1966; Kazanskiy 2014, 308.

⁶ Kleyn 2016, 49–54, рис. 37.

⁷ Faust 1989, Taf. 14; Andrianou 2006; Khachatryan 2009, табл. III.

⁸ Martins, Schwahn 2014.

⁹ Maksimova 1979, 93–98.

¹⁰ Zaytsev, Mordvintseva 2003, 65–66, рис. 3.

¹¹ Kleyn 2016, 65.

¹² Klein 2016, 175–182.

¹³ Raev 1986, 63.

¹⁴ Kleyn 1976; Raev 1986; Skripkin 1990, 206–209; 1997, 23–24; Maksimenko 1998; Simonenko 2008, 11, 50; Marčenko, Limberis 2008, 324–326.

ния группы богатых курганов с римскими импортами в рамках сарматской культуры как отдельную «садовскую культуру»¹⁵.

Но данные рассуждения не учитывают контекст (погребальный) находки этих предметов. Хорошо известно, что за пределами Римской империи произведенных в ней бронзовых сосудов обнаружено больше, чем внутри метрополии. Это обусловлено тем, что в погребальных обычаях римлян не было принято класть такие предметы в могилы. Могила – это не подвал дома, погибшего при извержении Везувия. В то же время большое значение имеет то, что в наборе погребальных приношений не может быть случайно попавших туда предметов. Любое захоронение, особенно представителя социальной элиты, было общественным шоу, частью процесса легитимации прав наследника, поводом для подкрепления им системы сетевых связей с союзниками и вассалами через общее застолье (погребальный пир), раздачу и прием даров. Отчуждение сокровищ и редкостей в могилу было демонстративным актом, подтверждающим могущество и богатство самого преемника. Не случайно появление особенно богатых погребений (нем. *Prunkgrab*, англ. *ostentatious burial*) связывают с процессом централизации элит и связанной с этим междоусобной борьбой, в том числе за ресурсы и источники обогащения. Централизация власти происходила особенно интенсивно в тех обществах, где существовали контакты с культурами, более выдающимися в техническом и организационном отношении¹⁶. Из таких «высоких» культур исходили не только экономические и социальные импульсы, но перенимались и новые военные стратегии, что приводило к усилению варварских центров сосредоточения власти¹⁷. И Хохлач, и Садовый, и вся «система курганов» в низовьях Дона, связи между которыми исследовал Л.С. Клейн, безусловно, относятся к числу таких *Prunkgräber*. Это значит, что в I – начале II в. н.э. в этом регионе происходил процесс централизации элит, и их борьба за власть выразилась, в частности, в прокламации их претензий на наследование социального статуса во время погребальных церемоний, что повлекло за собой появление целого ряда очень схожих погребальных комплексов. Произошло так, видимо, потому, что Северное Причерноморье оказалось в это время регионом, расположенным на стыке интересов «мировых империй» – Рима и Парфии, борьбу которых ярко описывает Л.С. Клейн¹⁸. «Яблоком раздора» этих двух держав было лежавшее на границе между ними Закавказье, к которому с севера примыкали территории, населенные теми самыми «варварскими» племенами, в могилах вождей которых обнаружены римские импорты. Но не только римские. Предметы звериного стиля, которым посвящены многие страницы книги, находят в тех же курганах. Правда, Л.С. Клейн называет их, в отличие от римской посуды, «своими, если не местного изготовления, то местного спроса»¹⁹. Но те из них, которые были, видимо, изготовлены в Парфии и Бактрии²⁰, так же, как и римские импорты, были, скорее всего, дипломатическими подарками парфянских владык представителям сарматской элиты. Только в этом смысле можно интерпретировать, например, меч в парадных ножнах из кургана Дачи, форма которого соответствует парадному мечу, изображенному на рельефе Нимруд-Дага, изображающего инвеституру парфянского царя²¹, и аналогичного кинжалу из царского погребения в Тилля-тепе²². Видимо, «сарматские цари» принимали дипломатические подарки от обеих заинтересованных сторон. Возможно, они именовали себя при этом аланами или аорсами, или их называли так внешние по отношению к ним источники. Важно то, что сходство богатых донских курганов объясняется, скорее всего, политическими причинами, что принципиально не противоречит концепции миграции кочевников из глубин Азии в степи Восточной Европы. Как вариант, Л.С. Клейн предлагает, со ссылкой на М.Б. Щукина, трактовать аланов как верхний социальный слой сарматского этноса²³.

¹⁵ Kleyn 2016, 197.

¹⁶ Kossack 1998, 31–32.

¹⁷ Egg 2009, 48.

¹⁸ Kleyn 2016, 57–60, рис. 38.

¹⁹ Kleyn 2016, 178.

²⁰ Mordvintseva 2010; 2015.

²¹ Ghirshman 1962, 66–67, pl. 79, pl. 80; Brentjes 1993, Abb. 39, Abb. 41.

²² Sarianidi 1989, 144.

²³ Kleyn 2016, 184; Shchukin 2005, 356–359; 2006, 174.

Из приведенных примеров становится очевидным, что больший шанс на успешную проверку временем имеют выводы, сделанные независимо друг от друга несколькими учеными, исследующими не единичные предметы, но репрезентативные выборки контекстных находок. Это обусловлено особенностями получения исторической информации из вещественных источников. Перефразируя Л.С. Клейна, заключения археолога (в отличие от историка) – это мысли, тексты, созданные на основе осмысления предметов и явлений материальной культуры в увязке со сторонней, в самих этих предметах и явлениях не содержащейся информацией²⁴. При изучении одного предмета количество привлекаемой «сторонней информации» значительно выше, выбор ее субъективен, и практически полностью зависит от личности исследователя (принадлежность к определенной образовательной, культурной, этнической, социальной, политической и др. группе). При изучении группы предметов и явлений «увязка со сторонней информацией» происходит после применения к исходному материалу общенаучных сравнительных методов²⁵, в том числе системного анализа. Результат системного изучения репрезентативной выборки сам по себе уже является научным фактом, на этом этапе субъективный фактор в исследовании археологического материала минимизируется. Призраки же «сторонней информации» появляются теперь на этапе культурно-исторической интерпретации этого результата. Чем системнее анализ материальной базы исследования, тем объективнее и набор фактов. Но привлечение «сторонней информации» на последнем этапе исследования неизбежно. В этом смысле история, написание которой происходит на археологическом материале (а, может, и не только на археологическом), напоминает сад расходящихся тропок Х. Борхеса, где перед героем встает проблема выбора одной из них. Л.С. Клейн в своей книге признает вероятность одновременного существования всех тропок и оставляет за читателем право выбора пути, что выгодно отличает данный труд от работ большинства представителей советской археологической школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ* 3, 61–99.
- Казанский, М.М. 2014: Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция. *Stratum plus* 4, 299–336.
- Клейн, Л.С. 1976: Сарматский тарандр и проблема происхождения сарматов. В сб.: *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. М., 228–234.
- Клейн, Л.С. 2016: *Первый век: сокровища сарматских курганов*. СПб.
- Ковальченко, И.Д. 2003: *Методы исторического исследования*. М.
- Максименко, В.Е. 1998: *Сарматы на Дону. Археология и проблемы этнической истории*. Азов.
- Макимова, М.И. 1979: *Артюховский курган*. Л.
- Сарианиди, В.И. 1989: Храм и некрополь Тилля-тепе. М.
- Скалон, К.М. 1966: Складной стул из погребения в с. Концешты в Молдавии. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 27, 55–58.
- Скрипкин, А.С. 1990: *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Скрипкин, А.С. 1997: *Этюды по истории и культуре сарматов*. Волгоград.
- Щукин, М.Б. 2005: *Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура*. СПб.
- Щукин, М.Б. 2006: Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал. В сб.: *Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева*. Краснодар–Ростов-на-Дону, 173–181.
- Andrianou, D. 2006: Chairs, beds, and tables. Evidence for furnished interiors in Hellenistic Greece. *Hesperia* 75, 219–266.
- Brentjes, B. 1993: Waffen der Steppenvölker. I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit. *Archäologischen Mitteilungen aus Iran* 26, 5–46.

²⁴ Kleyn 2016, 184.

²⁵ Koval'chenko 2003, 154 сл.

- Egg, M. 2009: Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein (Bez. Leibnitz, Weststeiermark). Eine Zwischenbilanz. In: M. Egg, D. Quast (hrsg.), *Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 82). Mainz, 31–58.
- Faust, S. 1989: *Figürlicher und ornamentaler Schmuck an antiken Betten*. Mainz.
- Ghirshman, R. 1962: *Iran. Parthians and Sassanians*. London.
- Khachatryan, Zh. 2009: *The Tomb of Sisian (second half of the 1st century)*. Yerevan.
- Kossack, G. 1998: Ostentatious graves. Remarks about their nature and interpretative value. In: *Georg Kossack. Selected Studies in Archaeology*. Rahden/Westf., 13–38.
- Marčenko, I., Limberis, N. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: H. Parzinger (Hrsg.): *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 265–626.
- Martins, S., Schwahn, B. 2014: Das Bisellium, das eine Kline war – Rekonstruktion, Restaurierung und technologische Untersuchung römischer Klingenfragmente. *Restaurierung und Archäologie* 7, 27–51.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-tepe gold jewellery and its relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2015: Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC – mid–3rd c. AD). *Anabasis* 6, 174–216.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern.ser. 278). Oxford.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: H. Parzinger (Hrsg.): *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.

REFERENCES

- Andrianou, D. 2006: Chairs, beds, and tables. Evidence for furnished interiors in Hellenistic Greece. *Hesperia* 75, 219–266.
- Brentjes, B. 1993: Waffen der Steppenvölker. I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit. *Archäologischen Mitteilungen aus Iran* 26, 5–46.
- Egg, M. 2009: Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein (Bez. Leibnitz, Weststeiermark). Eine Zwischenbilanz. In: M. Egg, D. Quast (hrsg.), *Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 82). Mainz, 31–58.
- Faust, S. 1989: *Figürlicher und ornamentaler Schmuck an antiken Betten*. Mainz.
- Ghirshman, R. 1962: *Iran. Parthians and Sassanians*. London.
- Kazanskiy, M.M. 2014: Pogrebenie epokhi pereseleniya narodov v Kontseshtakh: inventar', datirovka, pogrebal'nye obryad, social'ny status i etnokul'turnaya atributsia [A Burial of the Migration Period in Concești: Inventory, Dating, Funeral Rites, Social Status and Ethno-Cultural Attribution]. *Stratum plus* 4, 299–336.
- Khachatryan, Zh. 2009: *The Tomb of Sisian (second half of the 1st century)*. Yerevan.
- Kleyn, L.S. 1976: Sarmatskiy tarandr i problema proiskhozhdeniya sarmatov [Sarmatian tarandr and the problem of origin of the Sarmatians]. In: *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii*. Moscow, 228–234.
- Kleyn, L.S. 2016: *Pervyy vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov* [The First Century: Treasures of the Sarmatian Barrows]. Saint-Petersburg.
- Kossack, G. 1998: Ostentatious graves. Remarks about their nature and interpretative value. In: *Georg Kossack. Selected Studies in Archaeology*. Rahden/Westf., 13–38.
- Kovalchenko, I.D. 2003: *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow.
- Maksimenko, V.E. 1998: *Sarmaty na Donu. Arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii* [Sarmatians on the Don. Archaeology and Problems of Ethnic History]. Azov.

- Maksimova, M.I. 1979: *Artyukhovskiy kurgan* [Artyukhov Barrow]. Leningrad.
- Marčenko, I., Limberis, N. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: H. Parzinger (hrsg.): *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 265–626.
- Martins, S., Schwahn, B. 2014: Das Bisellium, das eine Kline war – Rekonstruktion, Restaurierung und technologische Untersuchung römischer Klingenfragmente. *Restaurierung und Archäologie* 7, 27–51.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-tepe gold jewellery and its relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2015: Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC – mid–3rd c. AD). *Anabasis* 6, 174–216.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern.ser. 278). Oxford.
- Sarianidi, V.I. 1989: *Khram i nekropol' Tillya-tepe* [The Temple and Necropolis of Tillya-tepe]. Moscow.
- Shchukin, M.B. 2005: *Gotskiy put'. Goty, Rim i Chernyakhovskaya kul'tura* [The Gothic way. The Goths, Rome, and Chernyakhov Culture]. Saint-Petersburg.
- Shchukin, M.B. 2006: [Zubov-Vozdvizhenskaya group, king Farzoy and Thor Heyerdahl]. In: *Liber archaeologicae. Sbornik statey, posvyashchenny 60-letiyu B.A. Raeva* [Liber Archaeologicae. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of B.A. Raev]. Krasnodar – Rostov-on-Don, 173–181.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: H. Parzinger (Hrsg.), *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Skalon, K.M. 1966: [A folding chair from the burial near village of Concești in Moldova]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage] 27, 55–58.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov.
- Skripkin, A.S. 1997: *Etyudy po istorii i kul'ture sarmatov* [Essays on the history and culture of Sarmatians]. Volgograd.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach, Novochoerkasskiy klad* [Treasures of Khokhlach Barrow. Novochoerkassk Hoard]. Saint-Petersburg.
- Zaytsev, Yu., Mordvintseva, V. 2003: [“Nogaychik Barrow” in the Steppe Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 61–99.

Мордвинцева Валентина Ивановна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН,
v_mordvintseva@mail.ru

Valentina I. Mordvintseva,
PhD, Senior research
Crimean Institute of Archaeology RAS
v_mordvintseva@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	–	Археологічні дослідження в Україні. Киев.
АКАК VI-I	–	Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1874.
АКАК VIII	–	Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881.
АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
АО	–	Археологические открытия
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
БС	–	Боспорский сборник. Москва
ВВ	–	Византийский временник. Москва
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
Вестник ЕГУ	–	Вестник Ереванского Государственного Университета. Ереван
ГИАМЗ «Херсонес Таврический»	–	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ЕКМ	–	Евпаторийский краеведческий музей.
ИАНО	–	Известия Абхазского научного общества
ИАК	–	Императорская Археологическая Комиссия
ИТУАК	–	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МАИЭТ	–	Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НА УНЦ РАН	–	Научный архив Уфимского научного центра РАН. Уфа
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА	–	Российская археология, Москва
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва
СГАИМК	–	Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
СГМИИ	–	Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
СХМ	–	Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТОНГЭ	–	Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград
Труды ГИМ	–	Труды Государственного исторического музея. Москва
УАВ	–	Уфимский археологический вестник. Уфа
АЕ	–	L'Année épigraphique.
AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
BAR	–	British Archaeological Reports. Oxford
BMC 18	–	Head B. Catalogue of the Greek Coins of Caria, Cos, Rhodes, etc. (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 18). London, 1897
СНІ	–	Cambridge History of Iran. Vol. 3(1) Seleucid, Parthian and Sassanid Periods. Cambridge, 1983

CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum
DOC III/2	–	Bellinger, A.R., Grierson, Ph. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Part II: Basil I to Nicephorus III (867–1081). Washington, 1993
FrHG	–	Fragmenta historicorum graecorum
Gentili–Prato	–	Poetarum Elegiacorum Testimonia et Fragmenta / B. Gentili et C. Prato (ed.). Pars 1. Leipzig, 1988
HSClPh	–	Harvard Studies in Classical Philology
IA	–	Iranica Antiqua. Leiden
IGCH	–	Thomson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973
IGLS	–	Les inscriptions grecques et latines de la Syrie / W.H. Waddington (ed.) Paris, 1870
JHS	–	Journal of Hellenic Studies.
LIMC	–	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich–München–Düsseldorf
NC	–	The Numismatic Chronicle. London
PLRE	–	Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge
REArm	–	Revue des études Armeniennes
RE	–	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RIB	–	Roman Inscriptions of Britain
RIC IX	–	Mattingly, H., Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G. The Roman Imperial Coinage. Vol. IX: Valentinian I to Theodosius I. London, 1951
RMD	–	Roman military diploma
RPC I	–	A. Burnet, M. Amandry, P.-P. Ripolles. Roman Provincial Coinage. Vol. I. London–Paris, 1992
SNG BM I	–	Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993
SNG Copenhagen	–	Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Copenhagen, 1942
SNG Keckman	–	Sylloge Nummorum Graecorum Finland. The Erkki Keckman Collection in the Skopbank, Helsinki. Pt I. Westermark U., Ashton R. Karia. Helsinki, 1994
SNG Stancomb	–	Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000
YCS	–	Yale Classical Studies. New Haven
ZfN	–	Zeitschrift für Numismatik. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Прозвища у греков архаической и классической эпох. II. У истоков феномена	5
<i>Кондратьев В.С.</i> (Тобольск) – Взаимоотношения ионийцев и карийцев в XI–VI вв. до н.э. в свете античной нарративной традиции	27
<i>Лантева М.Ю.</i> (Тобольск) – Смирна от Гомера до Александра: археология и проблемы исторической реконструкции	39
<i>Шмелева Л.М.</i> (Казань) – Lucus Ferentinae как место культа и собраний латинского союза	54
<i>Чернышов Л.В.</i> (Калуга) – «Кровью провинций завоевываются провинции»: батавские вспомогательные отряды в военных кампаниях Рима	68
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль) – Securitas в «Panegyrici Latini»	81
<i>Миролюбов И.А.</i> (Москва) – Анастасия, сестра Константина Великого, в контексте его династической политики	90

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Антонов Е.Е.</i> (Москва) – Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму	99
<i>Застрожнова Е.Г.</i> (Москва) – Археологическое изучение Фанагории в 1947–1958 гг. ..	124
<i>Шорунова Ю.Н.</i> (Москва) – История археологического изучения сакральных комплексов Фанагории	136
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова)	147

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

<i>Хондзия З.Г.</i> (Сухум), <i>Требелева Г.В.</i> (Москва) – Памятники Цебельдинской культуры в селе Куланыхуа	164
<i>Требелева Г.В.</i> (Москва), <i>Хондзия З.Г.</i> (Сухум), <i>Юрков Г.Ю.</i> (Москва) – Результаты исследования Великой абхазской (Келасурской) стены (2013 – 2015 гг.) и вопросы границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии	174
<i>Арутюнян А.Ж.</i> (Ереван) – Вопрос трех Армений в историко-географической концепции Страбона	186

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Пахунов А.С.</i> (Москва) – Первые результаты сплошной документации стен Каповой пещеры с последующей фотограмметрической обработкой	200
<i>Днепроvский К.А.</i> , <i>Дэвлет Е.Г.</i> (Москва) – К вопросу о конструктивных особенностях жилищ древних эскимосов по материалам археологии, этнографии и изобразительным источникам	210

<i>Федоров В.К., Рафикова Я.В.</i> (Уфа) – Новые памятники ранних кочевников в Абзелиловском районе Республики Башкортостан	252

МЕЗОАМЕРИКА

<i>Леванова Е.С.</i> (Москва) – Основные тенденции развития земледельческих культур севера Южной Америки в формативный период (IV–I тыс. до н.э.).....	273
<i>Хохрякова С.А., Фахри А.И.</i> (Москва) – Об элементах ольмекской иконографии в монументальных памятниках Мексики и Гватемалы.....	283
<i>Демичева И.Ю.</i> (Нижний Новгород) – Технологические особенности производства терракотовых статуэток майя I тыс. н.э.....	298

*Материалы семинара по проблемам античной нумизматики,
посвященного памяти Нины Андреевны Фроловой
(Магнитогорск, МГТУ им. Г.И. Носова, 20 октября 2017 г.)*

<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Монеты Томи с надчеканкой Истрии	319
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – О новом монетном типе и пантикапейской чеканке второй половины V в. до н.э.	334
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Сударев Н.И.</i> (Москва) – Монеты из раскопок поселения Тамань-16 в 2016 г.	353
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Сударев Н.И.</i> (Москва) – Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.)	371
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Бонин А.В.</i> (Москва) – Монеты из раскопок городища и поселения Ильичевка в 2015–2016 гг.	392
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Гунчина О.Л.</i> (п. Сенной), <i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Свинцовая тессера из Фанагории	431
<i>Туровский Е.Я.</i> (Севастополь) – О монетном искусстве античного Херсонеса	438
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Монеты царя Коммагены Сама II (130–100 г. до н.э.).....	450
<i>Акопян А.В.</i> (Казань) – Иранские медные монеты XVI–XIX вв.: особенности выпуска и обращения.....	468
<i>Волкова У.М.</i> (Москва) – Образ государства Российского в медальерном искусстве XVIII века.....	482
<i>Волкова У.М.</i> (Москва) – Образ государства Российского в медальерном искусстве XIX – начала XX века	493
<i>Педько А.А.</i> (Москва) – К атрибуции печатей с гербом рода Галаганов из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина	507

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мордвинцева В.И.</i> (Симферополь) – Рец.: Клейн Л.С. Первый век: сокровища сарматских курганов. – СПб: Евразия, 2016. – 224 с., цв. илл.	518

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

ANCIENT GREECE AND ROME

<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Nicknames Among Greeks the Archaic and Classical Periods: II. The Origins of the Phenomenon	5
<i>V.S. Kondratyev</i> (Tobolsk) – The Relationship between Ionians and Carians in the 11 th – 6 th Centuries BC Through the Antique Narrative Tradition	27
<i>M.Yu. Lapteva</i> (Tobolsk) – Smyrna from Homer to Alexander: Archaeology and the Problems of the Historical Reconstruction.....	39
<i>L.M. Shmeleva</i> (Kazan) – Lucus Ferentinae as the Cult and Meeting Point of the Latin League	54
<i>L.V. Chernyshov</i> (Kaluga) – “Provinces are Conquered with Blood of Provinces”: History of the Batavian Auxiliary Cohorts.....	68
<i>E.S. Danilov</i> (Yaroslavl') – Securitas in Panegyrici Latini	81
<i>I.A. Mirolyubov</i> (Moscow) – Constantine's the Great Sister Anastasia in the Context of His Dynastic Policy	90

THE NORTH BLACK SEA REGION

<i>E. E. Antonov</i> (Moscow) – The Early Late Scythian Settlements in the North Western Crimea	99
<i>E.G. Zastrozhnova</i> (Saint-Petersburg) – Archaeological Study of Phanagoria in 1947– 1958.....	124
<i>Y.N. Shorunova</i> (Moscow) – The History of Archaeological Study of Phanagorian Sacral Complexes	136
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – “Kuban Bosporus” – the Island of Hermonassa (Notes on the Historical Geography of the Taman Peninsula)	147

THE CAUCASUS AND TRANSCAUCASIA

<i>Z.G. Khonziya</i> (Sukhumi), <i>G.V. Trebeleva</i> (Moscow) – The Sites of the Tsebelda Culture in the Village of Kulanyrkhua	164
<i>G.V. Trebeleva</i> (Moscow), <i>Z.G. Khonziya</i> (Sukhumi), <i>G.Yu. Yurkov</i> (Moscow) – Results of Study of the Great Abkhazian (Kelasury) Wall (2013–2015) and Issues of Boundaries of Early Medieval State Formations on the Territory of Abkhazia	174
<i>A.Zh. Arutyunyan</i> (Yerevan) – Strabo's Historical-Geographical Concept; the Issue on Three Armenians	186

PREHISTORY

<i>A.S. Pakhunov</i> (Moscow) – The First Results of Total Photogrammetric Documentation of the Walls of Kapova Cave	200
<i>K.A. Dneprovsky</i> , <i>E.G. Devlet</i> (Moscow) – On the Subject of Structural Features of Dwellings of the Ancient Escimo in Consideration with Archaeological Materials, Ethnography and Artistic Sources	210
<i>V.K. Fedorov</i> , <i>Ya. V. Rafikova</i> (Ufa) – New Monuments of Early Nomads in the Abzelilovskiy District of Bashkortostan	252

MESOAMERICA

<i>E.S. Levanova</i> (Moscow) – Basic Tendencies of Arable Farming Development in the North of South America During the Formative Period (4 th – 1 st Millennium BC)	273
<i>S.A. Khokhryakova, A.I. Fakhri</i> (Moscow) – On Elements of Olmec Iconography in Rock art Sites in Mexico and Guatemala	283
<i>I.J. Demicheva</i> (Nizhniy Novgorod) – The Technological Features of the Production of the Maya Terracotta Figurines During the 1 st Millennium AD	298

*Materials of the Seminar on Problems of Ancient Numismatics
in Memory of Dr. Nina Andreevna Frolova*

(Nosov Magnitogorsk State Technical University, 20 October 2017)

<i>S.Yu. Saprykin</i> (Moscow) – Coins of Tomi with Istrus' Countermark	319
<i>A.E. Tereshchenko</i> (Saint-Petersburg) – a New Bosporan Coin Type and Panticapaeum Coinage in the Mid 6 th – and Late 5 th Century BC	334
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>N.I. Sudarev</i> (Moscow) – Excavation Coins from the Taman-16 Settlement	353
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>N.I. Sudarev</i> (Moscow) – Coins from the 2016 Excavations at the Site of Vinogradny 7 (Taman Peninsula)	372
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>A.V. Bonin</i> (Moscow) – Excavation Coins from the Fortified Settlement Il'ichevka (2015–2016 Seasons)	392
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>O.L. Gunchina</i> (Sennoy), <i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Lead Tessera from Phanagoria	431
<i>E.Ya. Turovsky</i> (Sevastopol) – Numismatic Art of Ancient Chersonesus	438
<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Coinage of Sam II, the King of Commagene (130–100 BC)	450
<i>A.V. Akopyan</i> (Kazan) – Iranian Copper Coins of the 16 th – 19 th Centuries: Features of Emission and Circulation	468
<i>U.M. Volkova</i> (Moscow) – Personification of the Russian State in the Medallic Art of the 18 th Century	482
<i>U.M. Volkova</i> (Moscow) – Personification of the Russian State in the Medallic Art of the 19 th – Beginning of the 20 th Century	493
<i>A.A. Pedko</i> (Moscow) – The Attribution of the Seal with Coat of Arms of the Galagan Family from the Pushkin State Museum of Fine Arts	507

REVIEWS

<i>V.I. Mordvintseva</i> (Simferopol) – Klein L.S. [Pervyy vek: Sokrovisha Sarmatskikh Kurganov] Treasures of the Sarmatian Burial Mounds. – St. Petersburg: Eurasia, 2016. – 224 p., col. fig.	518

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 53б, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'е* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2017

Сдано в набор 8.09.2017. Подписано в печать 18.09.2017.

Дата выхода 30.09. 2017.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.